АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ МУСИН

ЦЕРКОВНАЯ СТАРИНА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Издательство
«Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург
2010

ББК 63,3(2)

***Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы* «Культура России»**

Мусин А. Е. Церковная старина в современной России. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2010. — 456 с. + 1 л. илл.

Книга «Церковная старина в современной России» посвящена сложному и неоднозначному процессу возвращения Русской Православной Церкви ее культурных ценностей и святынь.

В книге анализируются причины возникающих конфликтных ситуаций, судьбы музеев, выселенных из древних храмов, реальные угрозы святыням и памятникам, находящимся в пользовании у религиозных организаций, нездоровые тенденции церковной и общественной жизни, бросающие вызов стабильному развитию культуры и общества.

Особое внимание уделяется положительному опыту взаимоотношения общества, Государства и Церкви в деле сохранения и использования памятников религиозной культуры, в том числе церковно-археологическому движению XIX—начала XX вв., а также роли Императорской Археологической Комиссии.

Книга адресована общественным и государственным деятелям, искусствоведам и археологам, специалистам в области музейного дела и охраны памятников, а также всем, кто искренне заинтересован в настоящем, не показном сохранении культурного наследия Российского Православия и всей русской культуры в целом.

Редактор — *М. И. Тизенгаузен.* Корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Подписано в печать 25.10.2009
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Объем 28,5 печ. л.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3961

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-85803-394-3

© А. Е. Мусин, 2010

© Петербургское Востоковедение, 2010

ВВЕДЕНИЕ

«Эта история начиналась как благородный порыв, разворачивалась как классический детектив, оборачивалась пошлым фарсом и грозит завершиться национальной драмой, потому что это история о том, что общество, Церковь и государство способны сделать с российской культурой в угоду политической конъюнктуре, личным амбициям и ложно понятому религиозному возрождению. Сегодня живые свидетели происходящего готовы умолкнуть под тяжестью «административного ресурса», почитая «худой мир» паче «доброй ссоры». Настало время прислушаться к голосу камня...».

Такими словами начиналась книга «Вопиющие камни», увидевшая свет в 2006 г.[1] Эпиграфом к ней были взяты Евангельские слова: «И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: «Учитель! Запрети ученикам Твоим», но Он сказал им в ответ: «Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют» (Лк. 19: 39—40). Со времени появления той книги прошло несколько лет. Некоторые политические деятели успели выказать свое отношение к лицам, «шакалящим» у «западных посольств» в надежде на «иностранные гранты». Это обстоятельство дает мне дополнительные основания вновь поблагодарить Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров за поддержку исследования, которое легло в основу первой книги, и за ее издание.

Как и в большинстве случаев со всеми прочими «иностранными грантами», полученными моими соотечественниками, вложенные в работу средства и ее результаты остались в России, так или иначе обогатив общественную жизнь и экономику моей страны. Изменили ли они что-либо к лучшему — не знаю. В Отечестве сменился Президент, а в Церкви — патриарх. Однако встающая с колен страна по-прежнему не обращает внимания на мелочи вроде памятников культуры, что хрустят под этими самыми коленями. Болезнь российского общества, описанная в книге «Вопиющие камни», приобрела хронический рецидивирующий характер. Более того, в обществе притупилась острота

---

[1] Хорошев А.С. *Рец. на*: Мусин А.Е. Вопиющие камни. Русская Церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб: Петербургское востоковедение. 2006 // Российская археология. № 1. С. 170–172.

восприятия существующей ситуации как конфликтной: то, что раньше ощущалось как скандал, ныне становится нормой. «Приватизация» святынь и памятников, их «передача», превращаются в «сдачу» как остаток внутренней политики. Сегодня это вызывает протесты лишь единиц — даже среди тех, кто должен считаться культурной и интеллектуальной элитой России. Впрочем, и эти протесты начисто лишаются гражданского пафоса и приобретают форму корпоративной жалобы, рассчитанной на то, что распоряжающаяся культурой власть не забудет жалобщиков и учтет их интересы при дележке памятников. Коррупция в деле охраны культурного и археологического наследия охватывает все более широкие слои населения, не исключая и академические учреждения. Если в общественную жизнь возвратилась «эпоха застоя», то культурная апатия в обществе должна быть охарактеризована словами из православного молитвослова как «*окамененное нечувствие*». Камни по-прежнему вопиют, что и стало причиной повторного обращения к теме взаимоотношений общества, Государства и Церкви в деле сохранения и использования памятников религиозной культуры, а также предметом честного анализа, который, естественным образом дополняя и уточняя описанное ранее, составляет — с упором на современность — нерв настоящей книги.

Написав о наступившей эпохе «окамененного нечувствия», я к радости своей осознаю, что это вполне так. Вышла книга философа и богослова Владимира Мартынова «Пестрые прутья Иакова: Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни» (Москва, 2008), где с болью говорится о разрушаемой старой Москве, в том числе Москве церковной. На местах формируются инициативные группы людей, которым не безразлично, в какой стране они живут и что за история была у этой страны. 1 ноября 2006 г. было создано общественное движение за сохранение культурного наследия Санкт-Петербурга «Живой город». Хорошо известны его акции против уничтожения исторической застройки центра Северной столицы и попыток строительства пресловутого «Охта-центр», уничтожающего не только «небесную линию» города, но и «подземный Петербург» — его археологические памятники, поскольку городские власти и федеральные органы охраны объектов культурного наследия разрешили возвести «газоскреб» на месте хорошо сохранившихся средневековых крепостей. 7 февраля 2009 г. в Москве на основе ряда общественных организаций сформировалось движение «Архнадзор». Целью движения является объединение людей доброй воли, направление их усилий на выявление исторических памятников и содействие постановке выявленных объектов под охрану государства, на борьбу против уничтожения памятников и

историко-архитектурных ландшафтов Москвы, на общественный мониторинг охраны и использования памятников и популяризацию ценностей культурного наследия столицы. В Интернете и на бумаге публикуются мартирологи уничтоженных памятников и аналитические записки, где дается оценка происходящему и предлагаются пути преодоления негативных тенденций. MAPS уже дважды выпустило международный отчет «Московское архитектурное наследие: точка невозврата»: в 2007 и в 2009 г.[2], причем второй выпуск включает также разрушенные памятники Петербурга и специальный, пусть и небольшой раздел, посвященный церковной архитектуре.

Впрочем, в поле зрения этих движений, которые ставят перед собой достаточно широкие задачи (в первую очередь — сохранение уникального архитектурного облика исторических городов России), памятники церковной архитектуры попадают достаточно редко. В этой специфической области продолжают действовать Общественный комитет в защиту историко-архитектурного музея-заповедника «Рязанский кремль» и возникший 18 апреля 2007 г. Общественный комитет спасения Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Как бы то ни было, жизнь жительствует…

Называя свою первую книгу «Вопиющие камни», я писал, что образ камня в Библии многозначен. Действительно, он может быть прочным основанием, местом пророческого видения, орудием казни, лже-алтарем, на котором приносится «бесовская жертва». Камни могут кричать. Если раньше наиболее убедительным мне казался образ мученичества памятников, их страдания и свидетельства одновременно, то сегодня камни мало-помалу превращаются в место, где церковная старина в современной России приносится в жертву ложно понятым национальным интересам.

Предыстория спора о памятниках церковной старины, а, по сути дела, о российской памяти, связанная с трагическим опытом российской истории в XX столетии, казалось бы, не оставляет сомнений в единственно возможном решении этой проблемы. Необходимо вернуть святыни и собственность тем, у кого все это было отнято властью, открыто провозгласившей своей целью уничтожение религии и религиозного. Но кто сегодня эти «те»? Общинная и приходская жизнь, выросшая из многовековой русской традиции, ныне разрушена. Сегодня

---

[2] *Бини М., Белери Ф., Сесил К., Фол А., Харрис Э., Лот К., Вилкильсон А., Агеев С., Рахматуллин А.* Московское архитектурное наследие: точка невозврата. [Вып.1]. М., 2007; *Харрис Э., Сессил К., Броновицкая А. и др.* Московское архитектурное наследие: точка невозврата. Вып. 2. М., 2009.

на место общин пришло руководство патриархии, епархиальная бюрократия, приходские и монастырские настоятели и их ближайшее окружение — «трудовые коллективы» религиозных организаций. На долю прихожан осталось лишь «удовлетворение религиозных потребностей». Ответственности за переданную им материальную и культурную ценность граждане России не несут. Они исключены из этой сферы теми, кому государство передает в пользование или в собственность культурные ценности — под видом имущества. Феномен отчуждения большинства населения от политической жизни, характерный для современной России, в полной мере находит свое отражение, а быть может оправдание и причину, в церковной жизни РПЦ.

Действительно, вопросы культурного правопреемства оказываются более запутанными, чем кажется на первый взгляд. Основной спор о наследстве идет не между «официальным» и «альтернативным Православием», не между конкретными религиозными организациями: приходами и монастырями, чья собственность на богослужебное имущество не подвергалась сомнению в Российской империи. Внешне спор идет в основном между отделенной от государства Русской Православной Церковью, чьи интересы зачастую поддерживаются государством, и государственными учреждениями культуры, судьба которых тому же государству подчас демонстративно безразлична. Правильному пониманию ситуации способствует осознание той роли, которую российская власть отводит Церкви и культуре, духовенству и интеллигенции в формировании «национальной идеи» и построении «суверенной демократии».

Первые лица московской патриархии и Российского государства постоянно повторяют, что в обществе нет конфликта между Церковью и культурой, а есть противостояние конкретных личностей справедливым требованиям Церкви. Обе стороны, вовлеченные в это противостояние, подробно описаны в соответствующих СМИ. Эти портреты, иногда верные, иногда карикатурные, прочно вошли в массовое сознание. Столь же неизменны и аргументы, привычно используемые противоборствующими сторонами в доказательство своей правоты, что порождает сомнения не только в правильности самих аргументов, но и в правильности определения конфликтующих сторон.

Традиционно считается, что одна сторона — это «церковники», преимущественно епископат и активисты московской патриархии, действующие именем Церкви и от имени «православных верующих» России. Последние, по мнению патриарха, составляют 80 % населения страны. Они требуют полномасштабной реституции некогда утраченных имущественных прав Русской Православной Церкви по состоянию на 1917 г. В этой ситуации памятники культуры играют «служебную

роль». Они становятся наиболее востребованной частью церковной недвижимости или средством психологического давления на общество, поскольку пребывание икон и реликвий в музейных собраниях, а не в литургическом быту, именуется «оскорблением чувств верующих».

Одним из серьезных аргументов в пользу передачи культурных ценностей патриархии становится утверждение, что государство в лице учреждений культуры не может (в силу финансовых и организационных причин) достойно содержать памятники церковной старины. К тому же музейная практика, пропитанная антирелигиозными предрассудками, доставшимися ей в наследство от советского прошлого, не способна правильно показать и объяснить церковную культуру. Общественности также предлагается принять во внимание волю создателей и дарителей произведений христианского искусства, полагавших некогда, что их творения и собственность будут находиться в пользовании Церкви до скончания веков. На стороне требовательной иерархии — значительная часть прихожан, государственные чиновники различных уровней и ветвей власти, общественные деятели и бизнес-элита, спекулирующие на религиозной теме, и одновременно — почти полное равнодушие к проблеме со стороны российского общества.

По другую сторону баррикад — «музейщики» и представители творческой интеллигенции, связанные преимущественно со сферой культуры: искусствоведы, реставраторы, историки, краеведы, журналисты. Они поражены жесткостью выдвигаемых «церковниками» требований и жестокостью их исполнения. Эта группа выступает в интересах самих памятников истории и культуры, действуя на основе «цеховой солидарности», от имени общественности и со ссылками на современное законодательство. При этом считается, что восстановление справедливости по отношению к одним не должно сопровождаться нарушением ее по отношению к другим.

Противники передачи религиозным организациям культурных ценностей утверждают, что Церковь сегодня претендует на то, что позавчера ей не принадлежало. Православная Греко-российская Кафолическая Церковь как «ведомство православного исповедания» рассматривается ими в качестве государственной структуры. В этих условиях на место «церковной собственности», которую нужно возвращать, приходит «государственная собственность», которой учреждения культуры сегодня распоряжаются как общенародным достоянием. Опять же: московская патриархия не может рассматриваться как единственный правопреемник Синодальной Церкви. На ту же самую роль могут претендовать не только другие религиозные организации, именующие себя православными, но и «неверующая» часть современного общества. Эти люди, как законные наследники своих православных предков, обладают опреде-

ленными правами на использование и восприятие памятников культуры в соответствии со своими светскими убеждениями. Все сказанное не предполагает обязательного возвращения религиозным организациям предметов культа, «переросших» свое литургическое значение и превратившихся в произведения искусства.

Деятели культуры указывают на отсутствие у патриархии должного опыта и средств для консервации и реставрации памятников, а также на низкий культурный и нравственный уровень духовенства, в руки которого попадают святыни. Передача памятников религиозным организациям не только несет в себе угрозу их сохранности и свертывает возможность ознакомления с ними широких слоев населения, но также препятствует их исследованию и изучению специалистами. Такое «хозяйствование» приводит к существенному искажению и даже разрушению объектов культурного наследия, переданных монастырям и приходам. Передача памятников Церкви зачастую происходит за счет расформирования и реорганизации музейных структур и коллекций, что ведет к утрате культурного потенциала России и разрушению системы охраны памятников, к личным и коллективным драмам сотрудников музеев. На стороне «музейщиков» — постоянно нарушаемое законодательство страны, действительные финансовые и организационные проблемы, связанные с содержанием памятников религиозными организациями, «группа поддержки» из числа чиновников Министерства культуры, определенные круги гуманитарной и технической интеллигенции, зачастую настроенные антирелигиозно или антиклерикально, и редкие выступления местных жителей, малочисленных общественных организаций и политических движений.

При этом и «музейщики» и «церковники» упрекают друг друга в корыстных интересах, проистекающих из бесконтрольного обладания памятниками и музейными коллекциями. Здесь и использование «денежных потоков» от туризма и экскурсий, и возможность получения бюджетного финансирования, и злоупотребление экспонатами из «желтого» и «белого» металлов, и самые банальные морально-материальные дивиденды, получаемые от эксплуатации «имиджевых» памятников, ассоциируемых с национальной историей России.

Такой подход к разворачивающемуся конфликту сводит все к противостоянию двух профессиональных групп, рассчитывающих каждая на свой лад эксплуатировать памятники культуры, и их «целевых аудиторий» — мирян и общественности. Высокие слова о сохранении культурных ценностей в этих условиях превращаются в дополнительные аргументы, направленные на защиту клановых интересов. Общество продолжает воспринимать происходящее как склоку между «церковниками» и «музейщиками», ведя статистику уже случившимся

конфликтам и прогнозируя новые проблемы. Летом 2004 г. в газете «Коммерсантъ» был опубликован список 19 музеев-заповедников России, где противостояние существует, назревает или уже улажено различными способами. В декабре того же года «Газета.Ru» подсчитала, что в стране имеют место 144 конфликтные ситуации между религиозными организациями и пользователями церковной недвижимости.

Угроза потенциальных конфликтов напрямую связана с динамикой передачи религиозным организациям памятников старины, обусловленной религиозно-культурной политикой государства. Только за период 1988—1990 гг. приходам Русской церкви на всей территории бывшего Союза было передано почти 5000 храмов, причем за первые 9 месяцев 1990 г. — 1830, и 1179 из них нуждались в немедленной реставрации. К началу 2006 г. в пользовании у Русской церкви, согласно данным Росохранкультуры, находилось 5692 памятника. По данным премьер-министра РФ Владимира Путина, в 2005—2009 гг. РПЦ было передано дополнительно еще около 100 храмов и монастырей. Однако эта статистика касается лишь храмовых и монастырских зданий и не учитывает богослужебной утвари и икон, перемещаемых из музейных запасников в приходские ризницы.

Разница между количеством учтенных проблем и общим числом переданных памятников церковной старины не должна внушать неоправданного оптимизма. Ситуация в целом характеризуется как «отложенный конфликт», который еще не везде вышел наружу. К тому же статистика, ставшая известной широкой общественности, касается преимущественно самого процесса и эксцесса возвращения: именно этот этап всегда воспринимается наиболее болезненно и предполагает включение фактора общественного мнения, провоцируемого информационной войной. Судьба памятников, уже переданных патриархии, интересует общественность гораздо меньше.

В конечном итоге, степень информированности общества о конфликтных ситуациях зависит от организационных возможностей спорящих сторон и культурной значимости предмета спора. Конфликты вокруг рублевской «Троицы», Владимирской иконы Божией Матери, церкви Покрова Богородицы в Филях, Троице-Сергиевой Лавры, Рязанского кремля и Ипатьевского монастыря стали символами эпохи в силу международной известности этих памятников. Обществу остались неизвестны или безразличны драматические истории провинциальных музеев и судьбы сельских церквей, как это произошло с храмом св. архангела Михаила в с. Сижно Сланцевского района Ленинградской области, где в середине 1990-х гг. настоятель снес «ненужную» ему апсиду XVI в.

Конфликты за право владения исторической памятью заслонили гораздо более существенные проблемы, связанные с обликом и состоянием самих памятников. В итоге даже государство было вынуждено признать, что ситуация с охраной и реставрацией памятников старины, переданных государством религиозным организациям, оказывается неудовлетворительной. 21 февраля 2006 г., т. е. через 15 лет после начала массового возвращения памятников старины Русской церкви, на заседании Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации первым пунктом повестки дня был поднят вопрос «О проблемах сохранения объектов культурного наследия религиозного назначения». Именно сохранение исторического облика памятников культуры, возвращаемых архиереям и церковным общинам, или же, говоря языком закона, сбережение «исторических черт, подлежащих охране», оказалось в определенный момент главной головной болью Церкви. К числу проблем здесь относятся не случайные изменения, вызванные небрежением, отсутствием знаний и средств или реставрационной ошибкой, а сознательные искажения и разрушения, вызванные преднамеренным вторжением в памятник и целенаправленным изменением его облика.

Главной — но не единственной. Речь идет не только о сохранности, но и о доступности памятников старины для осмотра и изучения, которые теперь стали зависеть от недоброжелательного «фейс-контроля», или, попросту говоря, от «отношения к религии» в правовом и бытовом смысле этого термина. Стоящие на монастырских воротах и при храмовых дверях охранники и послушники сами решают (в состоянии вседозволенности и «административного восторга»!), кто достоин созерцать «красоту церковную», а кто — нет. Дарованное Христом Церкви право «вязать и решить» на этом примитивном уровне превращается в право «пущать и не пущать». Реставратор Алексей Клименко рассказал, как в январе 2009 г. хамоватый охранник не пустил его в Пафнутьево-Боровский монастырь в Калужской области, потребовав предварительно получить благословение настоятеля. 10 ноября 2008 г. председатель правительства РФ Владимир Путин безвозмездно передал этот монастырь, как и другие 5 объектов религиозного назначения в Калужской области, в собственность местной епархии…

Трудности ждут человека, пожелавшего посетить некрополь Донского монастыря в Москве. После пересечения врат церковных неподготовленного посетителя повсеместно ждут постоянные одергивания и поучения, навязывание собственного, зачастую примитивного и обскурантистского мнения, а иногда и просто откровенная недоброжелательность. При посещении вполне культурной общины храма Нерукотворного образа на Конюшенной площади в Санкт-Петербурге, кото-

рую возглавляет интеллигентный протоиерей Константин Смирнов, приходящего встречает объявление, извещающее его, что храм — это дом молитвы, а «не место проведения светских экскурсий». Очевидно, предполагается, что человеку, не умеющему молиться, посетить храм, где отпевали А. С. Пушкина, уже непозволительно.

Вся эта «культура по благословению» не имеет ничего общего с надлежащей открытостью Церкви окружающему миру, с нашим правом на приобщение к нашему же прошлому. Многословные «Правила поведения» («туда нельзя!», «сюда нельзя!»), висящие на воротах некоторых храмов и монастырей, также не имеют ничего общего с традициями христианского гостеприимства, элементарной этикой или же предусмотренным законом соглашением о режиме посещения памятника культуры между пользователем и органами охраны объектов культурного наследия. Подобные инструкции — из репертуара ГУЛАГа, они направлены на создание комфортных условий для местного «трудового коллектива» (современной ВОХРы) и на унижение приходящей в храм личности, которую превращают таким образом в ЗК.

Из других «домов молитвы» неугодных персонажей просто выгоняют вон. В начале 2009 г. обществу стало известно, что из Оптиной пустыни толпа прихожанок выгнала паломника-африканца; до того аналогичной участи подверглись делегации из православных Греции и Сербии. Ну а если не выгонят, то попытаются получить мзду. Летом 2009 г. я получил откровение: за вход в Александро-Невскую лавру в Петербурге с иностранцев взимают деньги! Естественно, ни ценника, ни билетов не существует. Наметанный глаз охранника выхватывает из толпы очевидных чужеземцев, которым тут же сообщается: «У нас вход для иностранцев платный». На вопрос: «Что же вы делаете?», люди спокойно отвечают: «Исполняем благословение наместника лавры епископа Назария». По информации от петербургских экскурсоводов, подобная «традиция» существует в Никольском и Преображенском соборах, а также в других местах. Такого позора в Петербурге с его традиционным гостеприимством еще не бывало… Похоже, что доступ к культурным ценностям начинает зависеть не только от отношения к религии, но и от гражданства, что тянет уже на нарушение Конституции РФ. Впрочем, у лавры есть пример для подражания: существенная разница в ценах на билеты — для граждан РФ и иностранцев, введенная многими российскими музеями.

Сегодня уже очевидно, что сторонами конфликта являются властная элита в России (равно и церковная и государственная) и российское общество. Попытка свести этот конфликт к противоречиям между современной культурой, присущей российскому обществу, и традиционными ценностями, носителем которых якобы является РПЦ,

поддерживаемая государством, оказывается бесперспективной. Подобный союз иерархии и бюрократии в противостоянии обществу имеет функциональную основу. Высшее духовенство по отношению к мирянам и верховная власть по отношению к обществу действуют совершенно одинаково: прихожане и граждане исключаются из активной церковной и политической жизни, превращаясь в объект управления, их мнение не учитывается при принятии решений. Уничтожение общинной и общественной жизни должно быть «поставлено в заслугу» современной российской гражданской и церковной истории. Попытки РПЦ организовать «внутреннюю миссию» в России с целью евангелизации общества обречены на провал, поскольку исходят из ложной посылки, что большинство населения является православным («по культуре» или «по крещению») и в силу этого автоматически принадлежит к Церкви, а значит — к нему применимы методы, характерные для внутренних отношений в религиозной общине. При этом общество и составляющие его люди рассматриваются исключительно как объект миссионерского воздействия, но отнюдь не как равноправные собеседники в честном диалоге, исключительно в рамках которого сегодня и возможен разговор о Евангелии и религиозных ценностях. Если общество потенциально (в интересах будущего России) заинтересовано в развитии своей гражданственности и налаживании диалога как с РПЦ, так и с чиновной бюрократией, то бюрократии и московской патриархии такой диалог не нужен вовсе, поскольку его результатом неминуемо станет подчинение государства гражданскому обществу и установление контроля общины за деятельностью духовенства всех уровней. К тому же руководство патриархии привыкло получать все необходимое — в виде имущества и привилегий непосредственно из рук власти, а не на основе общественного договора, ценность которого отрицается и в теории и на практике.

Происходит то, что справедливо было названо вариантом «олигархической приватизации». Характерно, что даже в официальных документах речь идет не о реституции, но о целевой приватизации памятников культуры религиозного назначения религиозными организациями. В результате государственная собственность оказывается в корпоративном, а по сути — в частном владении руководителей этих корпораций. Характерно, что сами они, не производя никаких материальных расходов на подобное приобретение, обязаны щедротам верховной власти лишь подчеркнутой лояльностью. В результате происходящей приватизации памятников культуры общество лишается возможности узнать о собственном прошлом, поскольку теряет право использования памятников прошлого и возможность их самостоятельной интерпретации.

В цивилизованном обществе смена собственника или пользователя памятника культуры никак не должна повлиять ни на его судьбу, ни на его место в общественной жизни: это вопрос технический. Однако особенности современного существования РПЦ в России и менталитет, присущий подавляющему большинству ее клира и мирян, заставляют решать в первую очередь именно этот технический вопрос.

В условиях отсутствия диалога между Церковью и обществом, пренебрежения общественным мнением, правовыми и научными нормами в обращении с памятниками культуры со стороны большей части приходских и монастырских настоятелей и епархиальных архиереев и неспособности и нежелании государства наладить эффективный контроль над деятельностью собственника или пользователя памятника, что в свою очередь порождает вседозволенность, ситуация с культурным наследием начинает приобретать драматический характер.

Вопросы собственности или пользования ею оказываются лишь служебным инструментом для решения стоящей перед обществом задачи сбережения исторической памяти. На деле за проблемой памятников стоит проблема культурной и церковной традиции, проблема восприятия исторического прошлого в соответствии с теми его следами и останками, что сохранились до нашего времени. По сути позиция, оправдывающая разрушение и изменение церковной старины тем, что у современной Церкви сегодня другие вкусы и потребности, ничем не лучше агрессивного подхода бизнес-элиты и местных властей, обосновывающих разрушение исторических городов тем, что этим городам «надо развиваться». А ведь именно останки старины, называемые значимым для Церкви словом «реликвии», гарантируют нам правильность понимания истории, тогда как стремление осовременить памятник, приспособить к низменным вкусам и потребностям сегодняшнего дня, как и желание контролировать доступ к памятнику и свободу его понимания, закрывает для нас эту возможность. История начинает восприниматься по аналогии с современностью. Человек не чувствует разницы между настоящим и прошедшим, теряет ощущение особенностей исторического христианства по сравнению с синодально-советским периодом в истории Церкви.

Это не надуманная проблема, свойственная лишь тонким ценителям старины и интеллектуальной элите. Это проблема массового восприятия и, если угодно, вопрос церковной традиции и Священного Предания. В контексте известной антиномии Писания и Предания здесь уместно вспомнить Евангельскую историю о «Слове Божием» и «предании человеческом». В ней Христос предупреждает христиан об относительности всех исторических наслоений в Церкви по отношению к изначальному Евангельскому учению (Мф. 15:6; 7:8—13). Для этого

в Церкви и остается Священное Писание, с помощью которого всегда можно установить, насколько современные предания отклонились от «единожды переданной» веры. В отношении памятников культуры происходит своеобразный сдвиг: сохранившееся в материальных останках Предание и становится тем «мерилом праведным», которое позволяет нам оценить содержание и значение современных церковных практик с точки зрения истории Церкви. Культурное наследие здесь становится «писанием» камней и красок, позволяющим по достоинству оценить предания современных «человеков». Попытка подчинить старину современности сродни стремлению лишить Церковь важного навигационного инструмента в ее плавании по житейскому морю. Профессиональный термин «приспособление», относящийся к объектам культурного наследия, приобретает в жизни современной Церкви зловещее звучание, отражая приспособление Предания к прихотям и похотям века сего.

Однако назвать и описать проблемы — еще не значит объяснить их. Важно понять, почему Русская Церковь, некогда в лице своих мирян и духовенства создавшая памятники и святыни, сегодня оказывается не заинтересованной в том, чтобы их сохранить. Материал для этой книги я стал собирать с самого начала 1990-х гг. За это время подверглись трансформации не только частные оценки, но и видение ситуации в целом. Впрочем, менялись не только мои взгляды. Менялись российское общество и сама Русская Церковь. В начале XXI в. стало особенно ощутимо, что церковная атмосфера преобразилась почти до неузнаваемости. От вполне партнерских и равноправных отношений с общественностью, от уважительного отношения к человеку в Церкви руководство московской патриархии при очевидной поддержке государственной власти перешло к политике прямого давления на общество. Образно говоря, вместо того чтобы занять собственное и достойное место в обществе, патриархия сама попыталась расставить все по своим местам и всех поставить на место.

При всей текучести бытия один приоритет оставался неизменяемым в моем видении ситуации: главным действующим лицом этой истории были и остаются не люди, но памятники, делающие людей людьми. Показная забота о человеке и пренебрежение судьбой камней приводят к тому, что вслед за камнями начинают пренебрегать людьми. В этом смысле у камней и у книг похожая судьба: их уничтожение предшествует геноциду. Судьба памятников, формирующих человеческую память, волновала меня именно потому, что они поверяют нас на человечность.

В настоящей книге, основываясь на хронологическом и региональном подходах к материалу, с помощью системного и комплексно-

го анализа проблемы я попытался дать объективный анализ происходящему в сфере русского культурного наследия, связанного с православной традицией, за последние 20 лет.

Исследование предполагало:

- выявление позитивных и негативных тенденций в области взаимоотношений общества, государства и учреждений культуры с религиозными организациями;
- определение конкретных причин вариантов развития, систематизацию типовых конфликтных ситуаций, возникающих в сфере использования культурного наследия между общественностью и учреждениями культуры, с одной стороны, и религиозными организациями — с другой;
- роль фактора личных отношений в этих конфликтах;
- поиск механизма разрешения возникающих конфликтов и средств его реализации.

Одним из приоритетов исследования было обобщение опыта совместной работы Императорской археологической комиссии, археологических обществ и церковно-археологических учреждений в деле охраны памятников церковной старины в период 1840—1917 гг. с целью его адаптации к современным условиям. В рамках исследования было важно выявить ту роль, которую общественность и общественные организации играли и играют в сбережении памятников церковной старины вчера и сегодня. Однако главной целью оставался не просто анализ причин локальных конфликтов и проблем. За этими частностями надлежало увидеть более глобальные процессы, связанные с политическим, общественным, культурным и религиозным развитием России и Российской Церкви. Именно преломление этих процессов в сфере культурной и исторической памяти Российского Православия и являются настоящими причинами происходящей драмы. Исследование разворачивается на двух уровнях — макроисторическом и микроисторическом. Описание и анализ событий общероссийского уровня здесь предшествуют изучению и оценке ситуации в конкретной «болевой точке» взаимоотношений Церкви и культуры.

Я надеюсь, что непредвзятое прочтение этой книги будет, в конечном счете, способствовать стабилизации общественных отношений, укреплению гражданского мира, созданию безопасных условий для культурного развития общества и формированию согласованного подхода различных социальных, профессиональных и религиозных групп к проблеме сохранения культурного наследия. Говоря об объективности результатов проделанной работы, я не отрицаю, что некоторые оценки в ней будут носить личный характер. Но, вслед за доктором церковной истории профессором Василием Васильевичем Болотовым (1854—

1900), я не считаю, что субъективность в исторической науке — это плохо. Более того, я считаю, что один из парадоксов исторической науки заключается в том, что объективность понимания истории обуславливается субъективностью историка. Попытка лишить историю личных оценок всегда приводила лишь к ее обезличиванию.

Главной сложностью при написании книги стало не столько отсутствие предшествующей историографии, сколько практическая недоступность официальной информации текущих федеральных архивов и отсутствие государственной статистики утрат и конфликтов. Состояние делопроизводства в этой области оставляет желать лучшего. Известно, что во время «административной реформы» 2004 г. материалы Государственного реестра объектов культурного наследия РФ оказались попросту забыты в старом сейфе и не были своевременно перевезены в новое помещение Роскультуры.

В результате основными источниками для написания этой книги послужили:

- публикации официальных государственных, ведомственных и церковных документов, касающихся сохранения культурного наследия и взаимоотношений государства и общества с религиозными организациями в сфере охраны памятников культуры;
- материалы центральных и областных архивов, текущих архивов органов охраны памятников, учреждений науки и культуры, Федерального научно-методического совета и религиозных организаций;
- публикации в печатных средствах массовой информации и Интернете, раскрывающие хронику конфликтов и взаимоотношений, позиции и аргументацию сторон;
- архивы и издания дореволюционных археологических организаций и церковно-археологических учреждений;
- личный архив автора 1990—2009 гг., где представлены копии труднодоступных документов и записи бесед автора с представителями духовенства, приходскими активистами, чиновниками и специалистами в области реставрации и охраны памятников, музейщиками, непосредственными участниками описываемых событий.

Очень часто от музейного «генералитета» и связанной с патриархией интеллигенции можно услышать мнение, что все описанные проблемы есть не что иное, как «болезнь роста». Не надо требовать от религиозных организаций соблюдения научного подхода к реставрации и уважения к памятникам, не стоит публично обсуждать конфликтные ситуации, и через несколько лет все придет в норму само собой. Им

вторят чиновники: не стоит драматизировать ситуацию, во всем виновата пресса. За обрисованной позицией скрывается убогая философия, порожденная равнодушием и беспомощностью, и рассчитанная на бесконфликтное существование. Мне не известны в российской истории серьезные проблемы, которые решались бы самостоятельно. Молчание обычно воспринимается как слабость и провоцирует новые требования и новую вседозволенность. Пока все будет «приходить в норму», само понятие нормы может раствориться в новоделах и исчезнуть в руинах.

Говоря о тех проблемах сбережения культурного наследия, которые порождает возвращение Русской Церкви ее памятников и святынь, мы всегда рискуем впасть в крайность. На их фоне ежедневный подвиг честных, добрых и умных священников и их паствы кажется незаметным. Есть в России приходы, где прихожане и настоятель искренне заботятся о своем храме как о воплощенном Священном Предании, устанавливают неконфликтные отношения и с органами охраны памятников, и с местными музейщиками. Существуют и духовные школы, где специалисты-реставраторы учат церковную молодежь такому обращению с памятниками старины, которое сочетает в себе канонические нормы и научные требования. Но мы сейчас говорим о Русской Церкви в целом, где ситуация определяется и простым большинством ее членов, и официальной политикой церковного руководства. Все достижения растворяются в таком явлении как «система». Считаю одинаково непозволительным для историка говорить как об отдельных недостатках церковной жизни на фоне благодушной лубочной картинки. Поэтому все будет рассказываться и осмысляться своим чередом.

Еще во время работы над первой книгой меня поразила одна вещь. Люди, с которыми мне пришлось беседовать, просили не упоминать их имен, не публиковать подробностей. Но пока мы не научимся говорить о своих проблемах открыто, проблемы будут сильнее нас. Увиденная мною атмосфера страха перед правдой и перед Церковью стала еще одним поводом для написания работы. Я не могу назвать всех, кто помог мне в работе над этой книгой, поэтому просто благодарю всех, кто это делал…

* * *

В массовом сознании спор между церковью и культурой разворачивается в таких понятиях, как владение, пользование и распоряжение. Современная полемика о церковной собственности демонстрирует один очевидный парадокс. Утверждение, что у ведомства православного

исповедания не могло быть «своей» собственности, исходит из той же интеллектуальной среды, которая еще недавно убедительно доказывала, что Православная Церковь в истории России была крупнейшим коллективным феодалом и капиталистом. Этот парадокс продиктован психологической подменой понятий: отрицается не столько наличие собственности у института Церкви, сколько сегодняшние права на эту собственность. Поклонение «идолу происхождения» совершенно не гарантирует понимание сущности современного явления. Но все же стоит обратиться к истории церковной собственности...

Глава I

АНАМНЕЗИС: ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

В истории церковной собственности существует ряд тонкостей, недооцененных как сторонниками, так и противниками передачи Церкви ее бывшего имущества. Проблемы имущественного права не были в истории Российской Греко-Кафолической Церкви и Российского государства столь злободневны, чтобы получить четкое каноническое решение. Необходимо учесть и то, что церковное право слагалось в отсутствие такого фундаментального понятия современной общественной и юридической жизни, как «памятник культуры». Византийская Церковь так и не создала, в отличие от западного христианства, систематического свода канонического права с тематическими разделами и согласованием противоречивых норм, возникших в разное время в разных условиях. Особенности многочисленных переводов с греческого на славянский и появление новых канонов в меняющейся культурно-исторической среде делали необходимым их толкование применительно к изменившимся условиям. Этим активно занимались византийские церковные юристы XI—XIV вв., но совсем не интересовались древнерусские. В результате уже с эпохи Нового времени многие правила стали пониматься в разительном противоречии с их изначальным смыслом.

За это время принципиально изменились как представление общества о Церкви, так и сам церковный строй, за которым скрывается представление Церкви о себе самой. Под Церковью стали понимать «профессиональных верующих» — архиереев, духовенство, монашество, церковную бюрократию, тогда как Церковь всегда была общиной, зачастую совпадающей с обществом. Эта общинность, основанная на балансе интересов епископата, клира и мирян, и была единственно возможным выразителем мнения всей Церкви в том, что касалось вопросов пользования и распоряжения церковной собственностью. Баланс церковных интересов в истории достигался сложной системой «сдержек и

противовесов». Они не гарантировали избавление от внутрицерковных проблем, но предполагали их скорое и правое решение. Подчиненность общины епископу не превращалась в жесткое администрирование сверху, поскольку подотчетность епископа общине исключала возможность самоуправства, противопоставляя ему ответственное самоуправление.

В истории древней Церкви связь между самой общиной и епископатом была более тесной и непосредственной, чем в начале III тысячелетия, что превращало Церковь в «интерактивную систему». Архиерейские соборы, которыми и были все Вселенские и Поместные соборы древности, становились выразителями мнения всей Церкви, прежде всего в силу выборности епископата и органичности связи его представителей с общинами. В XX в. участие духовенства и мирян в Соборе стало необходимым для полноты такого выражения в условиях создания «командно-административной системы» управления Поместной Церковью и всевластия синодальной бюрократии.

Немного истории. В 286 г. император Диоклетиан проводит административную реформу Империи, разделяя ее на четко определенные провинции, диоцезы и префектуры. Епископский округ, парикия, простиравшийся на территорию полиса и его округи — хоры и состоявший из многих общин, являлся епархией в современном значении этого термина. Парикии на территории гражданской провинции входили в митрополию, епископ главного города которой именовался митрополитом. Более высокой формой церковного объединения были патриархаты, соответствующие в гражданском отношении диоцезам и префектурам и включавшие в себя несколько митрополий. Все это обуславливает появление к началу IV в. особой формы церковной жизни, содержанием которой был соборный строй в границах митрополии. Его основой было избрание епископа конкретного города клиром и мирянами и проверка обоснованности этого избрания епископами соседних городов. Главной задачей присутствия соседних епископов при избрании было определение достоинств кандидата. Василий Болотов писал по этому поводу: «Если собор узнавал, что обойден достойнейший, то допрашивал, почему так. Приходилось указывать не свои пожелания, а действительные причины. Выборы находились под строгим контролем: этот контроль должен был сдерживать дрянненькие инстинкты человеческой натуры». По сути, избрание архиерея в древней Церкви происходило по принципу двухпалатного парламента. Нижняя палата, представленная народом и клиром, выдвигала кандидатуру, а собор областных епископов мог либо принять ее, либо наложить вето.

Начиная с V в. права церковного народа в этом избрании постепенно ограничивались. При императоре Юстиниане (527—565) право народа в области избрания епископата было ликвидировано. Новелла 123 этого императора предоставляет клиру и почетным гражданам право предлагать митрополиту области на выбор трех кандидатов в епископы. Впоследствии VII Вселенский собор (787) 3-м правилом устранил из порядка избрания архиерея как представителей власти, так и церковный народ: избрание епископов — дело самих епископов. Этот акт, направленный против злоупотреблений при избрании архиерея, вместе с тем закрепил практику отчуждения епископа от жизни общины. Церковная община получала пастыря, о котором не знала ровным счетом ничего. Кризис отношений епископа и общины совпал с кризисом соборного строя в целом. Известно, что митрополит избирался на соборе епископами всей митрополии. Он играл роль апелляционного судьи, и ему можно было подать жалобу на действия своего епископа. При этом входящие в митрополию епископы не являлись викариями митрополита, то есть подчиненными ему помощниками, а были самостоятельными архиереями, подотчетными митрополиту и собору лишь в ограниченном ряде вопросов. Этот провинциальный собор, по сути, контролировал митрополита, и поэтому глава митрополии не был заинтересован в его регулярном созыве. Епископы тоже чувствовали ограничение собственной власти соборным строем, поскольку обязаны были согласовывать свои действия с собратьями по епископату. Они начинали более тяготеть к патриарху, чем к своему митрополиту, и по чисто финансовым причинам: лучше платить «десятину» и делать приношения одному, чем двоим или троим.

Концентрация власти в руках епископата и отстранение клира и мирян от участия в его формировании не могли не сказаться на внутренней жизни Церкви: духовная жизнь клира во многом свелась к требоисправлению, а участью мирян стала благочестивая личная жизнь. Потерялось ощущение персональной ответственности за судьбы Церкви, и это не могло не сказаться на положении Церкви в обществе и на отношении к ней общества в целом. Наступила эпоха апатии и отчуждения, когда люди Церкви стали «ленивы и нелюбопытны». Именно с изменившимся пониманием Церкви и связано то непонимание содержания церковной собственности, которое присуще современному обществу. Сегодня сторонники реституции церковного имущества предлагают видеть в нем исключительно жертву, возникшую в результате добровольного отчуждения частной собственности в пользу Церкви ра-

ди получения нематериальных благ [3]. В этом качестве собственность Церкви находится вне привычных экономических и социальных отношений как принадлежащая Богу (теория «наивного богохульства») и бедным (теория «неприкрытого ханжества»). При этом предполагается, что собственность принадлежит всей Церкви вообще в лице Русской Православной церкви, а непосредственным распорядителем этого имущества является ее руководство — московская патриархия или епархиальное управление.

Характерно, что на протяжении 1988—2009 г. эволюция нормотворчества в московской патриархии совершалась именно в этом направлении. 10 октября 2009 г. выработанная за 20 лет идеология собственности получила окончательную кодификацию в новой редакции типового устава прихода РПЦ, один из пунктов которого окончательно лишает приходскую общину права распоряжения своим имуществом при сохранении номинальной ответственности за него.

Единственное, что позволяется приходу, — совершение имущественных сделок в пользу «религиозной организации «Русская Православная Церковь» или «религиозной организации «Московская Патриархия Русской Православной Церкви», да и то лишь на основании указа епархиального архиерея или распоряжения Священного Синода. Новый устав не только ставит общину в полную зависимость от местного епископа, поскольку полнота властных полномочий в сфере управления приходом теперь принадлежит правящему архиерею (а не приходскому собранию), но и лишает смысла сам процесс возвращения имущества и культурных ценностей религиозным организациям, поскольку, как мы увидим ниже, в церковном праве существование собственности вне общины немыслимо. Создаваемая веками в Православной Церкви «система сдержек и противовесов», направленных на обуздание «человеческого фактора», о котором так любит упоминать патриарх Кирилл (Гундяев), ныне полностью разрушена во имя торжества этого фактора в лице епископской вседозволенности. Подобное разрушение не может быть оправдано страхом патриархии перед «мутной стихией народного православия» с его антисоциальными стереотипами, суевериями и внутренней агрессивностью. Иерархия на то и существует, дабы сдерживать «дионисийское начало».

Нельзя не заметить, что существующая в отношении церковной собственности теория пожертвования стремится объяснить лишь правомочность претензий современных религиозных институтов на экс-

[3] *Шведов О.* Возвращение религиозным объединениям конфискованных земель (в свете советского и российского законодательства о свободе совести и вероисповедания) // Вопросы экономики. 1994. № 4.

проприированное после октябрьского переворота церковное имущество. Она не учитывает ни сложности качественного состава церковной собственности, ни ее многоцелевого характера, ни фактора непосредственного правопреемства, ни роли и ответственности конкретных христиан, общин и институтов, связанных с пользованием и распоряжением этой собственностью. С одной стороны, такое мнение представляется удивительной примитивизацией идеи новозаветной жертвы по ветхозаветному образцу, где пожертвованное попадало в полное распоряжение храмового священства. С другой стороны, присущие этой теории представления о церковном имуществе как об «общецерковной собственности» переносят нас из области восточно-христианской традиции в сферу права Римско-католической церкви эпохи Средневековья.

Традиционно в христианском богословии жертва рассматривалась не как отчуждение, а как посвящение собственности Богу, что предполагало личную и корпоративную ответственность за ее правильное и целесообразное использование. На этой ответственности в Византии и на Руси было построено пусть не до конца сформулированное, но все же вполне определенное ктиторское право со всеми особенностями его наследования [4]. Это право представляло собой скорее ряд обязательств, предусматривающих выход ктитории из состояния абсолютного права частной собственности [5]. Естественно, что права жертвователей и общины многократно оспаривались клиром в истории. Однако смысл и судьба церковной собственности могут быть поняты исключительно на основе соединения учения о целевом характере церковного имущества и его общинной принадлежности.

В наиболее полном виде представление о церковной собственности как о целевом имуществе было сформулировано епископом Никодимом (Милошем). Это имущество всегда было связано с осуществлением разнообразных и широко понимаемых интересов Церкви [6]. Такое понимание требует коллегиально-соборного решения при распоряжении имуществом, обременяет его определенными ограничениями-сервитутами, допускает отчуждение вещных прав и не предполагает абсолютизации права собственности, связанного с «властью исключитель-

---

[4] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1, ч. 1. М., 1997. С. 489—494.

[5] *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках. М., 2002; *Морозов М. А.* Крупная провинциальная собственность в Византии в XI—XIII вв. (По материалам частных актов византийских монастырей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

[6] *Никодим* (*Милош*), *епископ*. Православное церковное право. СПб., 1897. С. 519—520.

но и независимо от посторонних лиц владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно». Следовательно, мы вправе заключить, что характер надлежащего распоряжения церковным имуществом определяется и контролируется самим церковным народом в соответствии с исторически понимаемой пользой Церкви. Вследствие этого нельзя настаивать на единообразном и неизменном характере употребления церковного имущества, в том числе и предметов литургического характера, во все времена существования христианства. Каждая эпоха ставит перед Церковью новые задачи, а Церковь предлагает новые формы имущественного служения...

В подтверждение наших положений обратимся к истории формирования церковной собственности в Византии и на Руси, отметив при этом как факт изначальности существования церковного имущества, так и особенности его формирования [7]. Очевидно, возникновение христианских общин в Империи в ряде случаев должно было приводить к образованию общего, «кафолического», собственно церковного имущества. Владение общинным имуществом слагалось на основе коллегиального права и представляло собой корпоративную собственность, разновидностью которой была собственность епархиальная.

Поскольку евхаристический культ ранней Церкви имел семейно-париархальный характер, формирование имущества происходило прежде всего на основе domus ecclesiae. Из них и возник такой феномен христианской жизни, как известная по источникам «kafoliki ekklesia» — «соборная церковь», или общинный храм, окончательно легализовавшийся после 313 г. Однако это не означало совершенного исчезновения домашних церквей с присущей им спецификой. Знатные патрицианские фамилии, принимавшие христианство, становились патронами общин, которые первоначально формировались за счет их социального окружения, и фактическими распорядителями общинного имущества с учетом его целевого посвящения. Рядом с кафолическими церквами в Империи возникали propriae ecclesiae. Расцвет этого феномена в целом приходился на Средние века, когда вследствие «варваризации» церковного права «церковь в частном владении» стала одним из значимых явлений христианской жизни. Исторические данные позволяют предполагать, что появление частных церквей было продиктовано отнюдь не соображениями престижа и тщеславия, как можно было бы подумать по аналогии с усадебными, ведомственными и дворцовыми храмами в России синодальной эпохи. В ряде случаев это была единственно возможная форма организации и существования Церкви в эпоху

[7] *Соколов П.* Церковно-имущественное право в Греко-римской империи. Новгород, 1896.

поздней античности и Средних веков в условиях христианизации традиционных обществ.

В дальнейшем судьба церковной собственности во многом зависела от соотношения в истории трех вышеперечисленных факторов — частного, общинного и епископского права в сфере церковного имущества. Преемниками в области ктиторского права могли быть не только органы епархиального управления, но и конкретные общины и гражданские институты. Это хорошо видно на примере развития катакомб в Риме — кладбищ раннехристианской общины I—V вв. В ряде случаев они складывались вокруг родовых кладбищ патрицианских родов. На протяжении II—III вв. эта изначальная связь распалась. «Бремя содержания» общинных кладбищ начало постепенно переходить к городскому епископу, что закончилось реформой папы Зеферина (197—217) и созданием коллегии фоссоров.

И общинное и институциональное имущество формировалось путем покупки, дарения (donatio) или по завещанию. Однако право получения наследства для христианской общины было подтверждено лишь в 321 г.: римское право не предполагало абстрактных наследников в виде «всей Церкви». Характерно, что имущество, полученное Церковью, могло быть возвращено владельцу или его наследникам, если таковые объявлялись, как поступали епископы Аврелий Карфагенский и Августин Иппонский. К тому же имущество, обращаемое в церковную собственность по дарению или завещанию, не освобождалось от куриальных обязательств перед городом и государством, которые нес его бывший владелец. Это заставило блаженного Августина отказаться от завещания некоего гражданина, обязанного поставлять хлеб из Африки в Рим: возложение на местную епархию такой обязанности было бы для нее непосильно. К тому же церковные имущества не были свободны как от исключительных поборов — muners extraordinaria и исполнения «почетных гражданских обязанностей», связанных с постройками общественных зданий и прокладкой дорог, так и от земельного налога — tributum. Итак, церковное право собственности не было абсолютным, оно было служебным и ограниченным, тесно зависящим от воли общины, интересов государственной власти и потребностей общественной жизни. Общество сохраняло способы контроля над своими пожертвованиями, которые отнюдь не поступали в безраздельное распоряжение клира.

Нормы канонического права, касающиеся церковного имущества и зафиксированные в деяниях Вселенских и местных соборов, также заслуживают бережного к себе отношения и не предусматривают буквального понимания. При их анализе становится очевидно, что они касаются прежде всего собственности «епархиальных управлений», которой непосредственно и управлял епископ, а не общинных кафоли-

конов и домашних церквей. Халкидонский собор (451) своим 26-м правилом запрещает епископу единоличное распоряжение имуществом и требует назначения эконома, «дабы домостроительство церковное не без свидетелей было, а имущество бы не расточалось». Этим, естественно, опровергаются расхожие толкования 38-го и 41-го апостольских правил (середина IV в.), настаивающие на исключительном и безотчетном распоряжении епископа «церковными вещами». Более того, 11-е правило VII Вселенского собора предполагает введение «внешнего управления» в епархиальной экономике, если местный епископ отказывается назначить сюда независимого эконома. 24-е правило Антиохийского собора (341) также предполагает соборное заведование епархиальным имуществом, которое было бы прозрачно для клира.

2-е правило свт. Кирилла Александрийского († 444), которое якобы утверждает, что от епископа «нельзя требовать отчета в расходе церковных доходов и приношений», оказывается приложимым лишь к личным епископским доходам. При этом 41-е апостольское правило касается лишь права епископа распоряжаться приношениями мирян на содержание духовенства, которые должны быть честно распределены между клириками. Речь не идет о распоряжении имуществами общин.

Отчуждение церковной собственности допускается не только 38-м апостольским правилом, которое запрещает лишь имущественные злоупотребления, но и рядом других канонов. 12-е правило VII Вселенского собора, включая в себя 26-е правило Карфагенского собора (419), не столько запрещает отчуждение епархиальных и монастырских земель, объявляя такие сделки юридически ничтожными, сколько предполагает сохранение за Церковью права владения ими при передаче третьим лицам прав пользования и распоряжения. Такая передача может быть осуществлена в случае неэффективности собственно церковного хозяйствования на этих землях. 26-е и 33-е правила Карфагенского собора предписывают производить отчуждение собственности после обсуждения этого вопроса на окружном соборе или экстраординарном совещании клириков. Именно об этом говорит 15-е правило Анкирского собора (314), объявляющее недействительными все сделки с церковным имуществом, сделанные пресвитером в отсутствие своего епископа. Речь, естественно, идет о кафедральном храме — kiriakon.

24-е правило IV Вселенского собора и 49-й канон V—VI, или Трулльского, собора (692) запрещают отчуждение монастырского недвижимого имущества и превращение его в «мирские жилища». Но этот запрет носит условный характер. Сохраняя право владения, Церковь может найти этому имуществу иного пользователя в соответствии со своими интересами. Толкования на эти правила допускают, что существование в монастырском ансамбле музея-заповедника, как это сло-

жилось в современной России, при соблюдении ряда условий, может восприниматься церковным сознанием как абсолютно нормальное [8].

Монастырское имущество становится предметом определения 1-го и 7-го правил «Двукратного» собора в Константинополе (861), при этом особенно оговаривается сфера действенности ктиторского права. Создание таких частных монастырей, как и отчуждение принадлежавшего им имущества, допускается лишь с воли епископа. Само имущество, движимое и недвижимое, должно вноситься в книгу (brebio enkatanrafeste), которой надлежит храниться в епархиальном архиве. Канон не уничтожает совершенно воли ктитора в распоряжении церковным имуществом, что подтверждается и толкованием этого правила Феодором Вальсомоном (XII в.), но предупреждает ктиторское своеволие епископским авторитетом. В этих правилах прослеживаются начатки системы контроля над церковным имуществам путем его фиксации в инвентарной описи.

Нельзя не заметить, что большинство норм относится к вопросам церковной недвижимости, однако богослужебное имущество Церкви подчиняется тем же правилам. 73-е апостольское правило, воскрешая в памяти Валтасаров пир, запрещает частное употребление в быту освященных сосудов, однако не исключает отчуждение их в церковных благотворительных целях. Развитие этой нормы в 10-м правиле «Двукратного» собора также запрещает лишь использование литургических предметов в домашнем быту (eis oikeian xrisin), а не возможное употребление их к пользе Церкви, «освященное» общественными, но не обязательно богослужебными целями. Точно так же запрещение иподиаконам касаться литургических сосудов, произнесенное 21-м правилом Лаодикийского собора, касается лишь времени совершения евхаристии и предшествующих священнодействий, а не является запретом абсолютного характера. В этом же ключе должно пониматься и запрещение мирянам входить в алтарь — исторически оно распространялось лишь на принесение даров протесиса-проскомидии непосредственно к алтарю, но со временем в общественном сознании получило абсолютное значение.

Итак, единственное условие при распоряжении церковным имуществом — это его общественное служение, одобренное волей церковной общины, исходящей из осознания интересов христианской миссии, и авторизованное епископом. Естественно, что составленные в эпоху поздней античности и раннего Средневековья правила не предполагали существования в составе церковного имущества «объектов культурного наследия». Однако святоотеческое приложение кано-

[8] *Никодим* (*Милош*), *епископ*. Правила Православной церкви с толкованиями. Т. I. СПб., 1911. С. 385—386.

нических норм к современной ситуации в полной мере допускает возможность того, что общинные права пользования и распоряжения памятниками культуры, в том числе и богослужебного характера, могут быть ограничены. При этом может претерпеть эволюцию и функциональное использование богослужебных предметов — они могут быть изъяты из литургической практики в связи с общественной потребностью, «освящающей» их новое употребление уже в качестве музейного экспоната. В конце концов, сохранение культурного наследия служит к пользе Церкви. В то же время каждодневная и суетная эксплуатация реликвии под предлогом «удовлетворения религиозных потребностей» в целях обеспечения рентабельности «приходской экономики», ведущая к искажению и разрушению материального тела святыни, служит Церкви лишь во вред.

Хранение и экспонирование памятников церковной старины в государственных музеях оказывается формой христианского свидетельства, проповеди и популяризации церковной культуры. Единственно, что для этого нужно, — осознанный церковный выбор и партнерские отношения с обществом и государством, связанные с отсутствием принуждения по отношению к Церкви. В этих условиях формируется новое восприятие секуляризации, согласно которому она не приносит вреда церковной миссии, если ее последствия, пусть и вторичные по своему характеру, позитивны в широком смысле [9].

Такой подход сродни разделению «гробокопательства» на «простительное» и «непростительное», которое содержится в 7-м правиле свт. Григория Нисского и, по сути, в 10-м правиле свт. Василия Великого и в 43-м правиле патриарха Иоанна Постника. Раскапывающие могилы «для хищения», т. е. с целью личного обогащения, однозначно подпадают под осуждение. Однако тот, кто использует могильные камни «на нечто лучшее и общеполезнейшее», прощается. Как и в истории с «объектами культурного наследия», эти каноны не предполагают существования такой академической науки, как археология. Но их современное толкование однозначно оправдывает археолога, занимающегося изучением погребального обряда для «лучшего» понимания истории в «общеполезнейших» целях, и осуждает «черных археологов», работающих на рынок. Главное — цель и разборчивость в средствах ее достижения.

[9] *Никодим* (*Милош*), *епископ*. Правила Православной церкви. Т. I. С. 386.

* * *

Ситуация, подобная той, что мы только что наблюдали в Византии, была характерна и для Древней Руси. Соборный строй здесь не прижился с самого начала. Однако это не исключало, а как раз предполагало активную роль как общинного, так и вотчинного права в церковной жизни, избрании духовенства и распоряжении церковным имуществом в X—XVIII вв. Существование вотчинных церквей хорошо прослеживается и на Руси. Летописи и акты X—XIV вв. упоминают представителей духовенства, более связанного с сильными мира сего — древнерусским княжьем и боярством, чем со своим епископом. Пресвитер упоминается при княгине Ольге в 957 г., «свой презвутер» был у князя Бориса в 1015 г., в белозерском походе Яна Вышатича в 1071 г. сопровождает «попин Янев», убитый волхвами. Совершенно уникально сообщение Новгородской летописи под 1136 г. о венчании князя Святослава Ольговича в Новгороде «своими попы», поскольку архиепископ Нифонт запретил городскому духовенству венчать князя.

Немаловажно, что «Русская правда», древнейший правовой памятник эпохи христианской Руси 1015—1030 гг., не знает ни духовенства, ни монашества как отдельных независимых групп населения. На них распространялись те же юридические нормы, которыми характеризовалась деятельность древнерусских «мужей», если, конечно, они не принадлежали к социально зависимым категориям населения. Лишь со временем, в XII в., в результате усилий церковной иерархии и княжеской власти, появилось «Правило о церковных людях», выводившее древнерусский клир за рамки существующей схемы социальных отношений [10].

В связи с этими социально-политическими особенностями структуры древнерусского общества строилась и внутренняя структура Церкви на Руси. Это не была приходская система в современном смысле этого слова. Впервые термин «приход» был упомянут в письменных источниках лишь в 1485 г. [11] Тогда рязанский князь Иван Васильевич создал в Переславле новый храм в честь свт. Иоанна Златоуста и «назначил» к нему прихожан по профессионально-территориальному признаку: это были слободы «сребреников» и «пищальников», которые и составили новообразованную церковную единицу, названную «при-

[10] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и Церковь в Древней Руси. XI—XIV вв. М., 1972. С. 37—38, 118—121.

[11] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1964. Т. 3. С. 369.

ход». Источники XVI в., в том числе писцовые книги по Новгороду Великому, хорошо демонстрируют, как планомерно и сознательно создавалась приходская система в городах Московской Руси взамен исторически сложившихся церковно-общественных отношений.

Здесь действовал хорошо отработанный имперский принцип «разделяй и властвуй»: к старинным церквам назначались новые прихожане, а духовенство, ранее проживавшее бок о бок со своими пасомыми, целенаправленно сселялось на городские дворы возле храмов; так создавались ставшие впоследствии привычными прицерковные слободки. Клир окончательно оформлялся в одно из сословий царства Московского, параллельно тому, как его граждане превращались в подданных. Однако окончательное становление приходской системы как явления социального конформизма может быть отнесено только к XVII в.

Рядовой же церковный союз в древнерусскую эпоху совпадал с существующими подразделениями социально-политической организации общества. Прежде всего они были представлены княжеским двором и его дружиной, городской сотней, боярской вотчиной и сельской общиной. В источниках сохранились названия изначальных форм низовой церковной организации в Древней Руси. Так, в Уставе князя Ярослава Мудрого о митрополичьих судах XII—XIV вв. говорится, что каждый иерей должен выполнять свою миссию в рамках округа, называемого в разных редакциях «предел — переезд — уезд» [12]. Однако это название — перевод-калька с греческого языка, аналог византийской практики, уже предусматривающей строгое деление на церковные округа по территориальному, а не по социальному признаку. Одновременно с церковным «уездом» памятники Средневековья упоминают и «покаяльную семью» XII—XV вв., сформировавшуюся вокруг священника и не зависящую от территориальных границ [13]. Одна из бед сегодняшней церковной общины — это отсутствие историзма в восприятии христианской жизни, попытка не только навязать христианам прошлого собственные представления, комплексы и суеверия, но и возродить на этой зыбкой и субъективной основе, выдаваемой за Священное Предание, церковную традицию.

На основе вотчинного и общинного права в Древней Руси формировалась и церковная собственность [14]. Исследования П. В. Знаменско-

[12] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 89, 98, 106; Памятники древнерусского канонического права. Ч. I: Памятники XI—XV вв. СПб., 1908. Ст. 108.

[13] *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник. М., 1913. С. 45, 176—177.

[14] Церковные земли в Ростовском уезде XVII в. (по писцовым книгам 1629—1631 гг.) / Ред. А. А. Титов. М., 1896; *Будилович А. С.* Порядок образования не-

го, М. М. Богословского, А. А. Папкова и других показали, что христианская и сельская община являлись тождественными организациями, а духовенство рассматривалось крестьянами как «земские выборные люди» [15]. Соотношение прав епископа, клира и общины выражалось в договорной форме. Община в лице старосты заключала «порядную запись» со священником на совершение богослужений и пастырское окормление, а такие вещи, как строительство новой церкви в XVII в., происходили по челобитью общины на имя архиерея на основе епископской благословенной грамоты. Особой формой землевладения было землевладение монастырское как общинная собственность, возникшая преимущественно на основе дарений [16]. Формулы дарения предполагали, что вклад XV в. делался в собственность конкретной корпорации — «дома-ойкоса» — «в дом святого Спаса, в дом святой Богородицы, в дом святого Николы». При этом особо оговаривался состав этого дома: «игумену и всей братии, и хто по нем будет игуменом». Иногда подчеркивалось, что земля дается в «общину» или «общежительство». Собственность передавалась «во веки» или «в одерень» — термин, связанный с клятвой на дерне и также предполагавший вечное владение. Позднее понятие «дома» перемещается в конец формулы: «святому Спасу, игумену и чернецам в дом», что создавало неверное впечатление передачи собственности непосредственно Богу.

Сохранившиеся акты касаются не только земельных угодий. Уникальна грамота архиепископа Новгородского Феофила 1473 г., доказывающая, что на храмы в Древней Руси распространялись те же правовые нормы, как и на любую другую недвижимость. Судя по всему, владыка «вложил» в Никольский Вяжищский монастырь церковь свт. Николая в Шуньге, предварительно выкупив храм у одного из новгородских бояр. Важно отметить, что секуляризация, т. е. отчуждение церковного имущества в общественно полезных целях, была известна и в Древней Руси. Так, в 1391 г. новгородцы взяли 5000 серебра «с полатей святой Софии, скопления владычня Алексеева», и на эти деньги построили «костры» — оборонительные башни Окольного

движимой церковной собственности в Западной России. Вып. 1: Историческое исследование о религиозных побуждениях к имущественным на Церковь пожертвованиям. Варшава, 1882.

[15] *Знаменский П. В.* Приходское духовенство на Руси // Православное обозрение. 1866. Т. 21. С. 17, 34; *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере. М., 1909—1910. Т. 1, 2; *Папков А. А.* Древнерусский приход // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1897. Ч. 1. С. 253—276.

[16] *Суворов Н. С.* Монастыри и церкви как юридические лица // Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. Кн. 6. 1906.

земляного города [17]. Таким образом, все недвижимое, движимое и богослужебное имущество Церкви передавалось в собственность общине или институции, а право пользования и распоряжения — конкретным лицам, представляющим эту общину «здесь и сейчас».

В XVII в. параллельно с централизацией государственного управления происходит и централизация управления церковной собственностью, замыкающаяся на личность царя и великого князя. Это было связано как с неоправданно значимой ролью, каковой русский православный менталитет наградил личность монарха в жизни Церкви, так и с унаследованием царем ктиторских прав многочисленных Рюриковичей и репрессированных бояр. В особенной степени это касалось иконного убранства и литургических предметов, дефицит которых в разоренных Смутным временем храмах ощущался особенно остро. Из «стоящих без пения», «запустелых» и «бесприходных» церквей целые ризницы и иконостасы в 1620-е гг. передавались более счастливым соседям во «временное хранение». В 1625 г. в Александро-Свирский монастырь по царскому указу игуменом Феодоритом были перевезены 38 икон из пустующих храмов Новгорода, в частности образа из кремлевской церкви свв. Иоакима и Анны, хранившиеся в Софийском соборе. Особенно подчеркивался временный и ответственный характер их выдачи: «а как тех образов государь спросит и... игумену Феодориту с братией или хто в монастыре иный игумен и братья будут... те образы отдать, где им государь велит» [18]. В 1643 г. царская грамота требует «сыскать» все богослужебное имущество, розданное из Иверского монастыря по другим обителям. В 1697 г. по указу митрополита Новгородского Евфимия иконостас из Никольской церкви в Неревском конце Новгорода был передан в храм св. Ильи Пророка на Славне «с роспиской».

Точно так же решалась судьба не только богослужебного имущества общины, но и всей недвижимости в целом. Спасский монастырь в Старой Руссе царской грамотой от 3 декабря 1655 г. был приписан к Иверскому монастырю «со всяким строением, с вотчинами и с всякими угодьями». Судя по всему, такое вынужденное объединение монашеских общин предполагало не столько изменение права собственности, сколько передачу этой собственности в «оперативное управление». Иверскому игумену было велено, дабы он «сыскал прежние отписные книги, что к тому монастырю изстари по нашим жалованным грамотам и писцовым книгам было». Имущество одного мона-

[17] Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV, ч. I. М., 2000. С. 370.

[18] *Соловьева И. Д.* К истории иконописного собрания Александро-Свирского монастыря // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XLVIII. СПб., 1993.

стыря не растворялось в собственности другого. Совершенно очевидно, что факт пожертвования этих предметов на церковные нужды не должен отодвигать на второй план вопрос о праве собственности на них. Это допускало возможность отчуждения, трансформации и даже уничтожения церковной недвижимости, что доказывается практикой, предполагавшей снос обветшалых церквей и переплавку литургического имущества на государственные нужды.

Вынужденный снос и разборку храмов предполагало еще право эпохи императора Юстиниана Великого, хотя первый казус такого рода связывается агиографической письменностью с патриархом Каллиником († 705), от которого император Юстиниан II (685—695) потребовал благословить разборку Влахернского храма в Константинополе, мешавшего строительству нового дворца. Изначально патриарх отказывался, однако, в конце концов воскликнул: «Слава Тебе, Христе, терпящему всяческая!». Согласно тексту, стены храма пали сами собой. В России стены как падали от ветхости, так и разрушались сознательно. Окраины Смоленска уже в XIII в. украшали руины княжеских храмов, построенных менее чем за 100 лет до этого.

Опричнина и Смутное время также оставили следы храмовых запустений и разрушений. В 1698 г. опись Новгородского Вяжищского монастыря упоминает находившуюся в монастырском ведении каменную церковь свт. Николая на Яковлеве улице в Новгороде, стоящую без пения, у которой крыльцо и паперть за ветхостью «порассыпались», а кровля «огнила» [19]. Ветхость церкви с деревянной главой и каменной «шеей» заставила владельцев снять и то и другое, «чтоб сводов верхних и нижних не обрушило». Если ризница была передана в другой храм, то церковный архив оставался в церкви положенным в сундуке и «сомкнутым замком вислым немецким смычным». Ветхие иконы продолжали пребывать в церкви.

Начало новой волне обветшания храмов положила секуляризация 1764 г. Их снос происходил уже в XIX в. [20] Традиционно материал, полученный при разборке, чаще всего употреблялся для нового церковного строительства, хотя известны случаи растаскивания его «православным народом» для своих нужд. Судя по всему, особого чина на снос и разборку храма так и не было создано, однако выработался определенный ритуал. 25 февраля 1900 г. Синод разрешил разобрать и перенести в Петербург «Суворовскую» церковь (1789) из с. Кончанское Новгородской губернии. 15 марта, после последней литургии, антиминс

[19] Государственный исторический архив Новгородской области, ф. 513, оп. 1, д. 913, л. 125 об.—131.

[20] *Гусев П. Л.* Три новгородские уничтоженные церкви. СПб., 1914.

этого храма с крестным ходом был перенесен в ближайшую церковь, после чего был зачитан указ о перемещении храма. Разборка, начиная с креста на маковке, проходила под пение «Тебе, Бога, хвалим» и «Спаси, Господи, люди Твоя».

Итак, церковная собственность на Руси существовала, и ее существование не подвергалось сомнению Российском государством, о чем свидетельствуют все секуляризационные попытки 1503—1764 гг. Однако этими мероприятиями лишь непоследовательно ограничивались рост земельной собственности церкви и право распоряжения соответствующими доходами [21]. Естественно, это вызывало сопротивление клира, достаточно вспомнить возникшее на Руси апокрифическое «Правило святых отец 165 на обидящих Божиа церкви» XVI в., но в целом не рассматривалось обществом как «гонение на Церковь». Отметим, что реформа 1764 г. представляла собой выкуп церковных земель со стороны государства. Епархии, монастыри и храмы, лишившиеся земли, были переведены на штатное денежное содержание от казны. Точно так же были осуществлены меры Петровского времени по секуляризации богослужебного имущества «для нужд обороны страны» в Северной войне и ликвидации ее последствий. 20 апреля 1722 г. вышел указ о привозе в Синод привесов и приношений с икон. При этом было указано «за курьезные вещи деньги дать достойно цены без удержания» [22]. Стоит сравнить мероприятия XVIII в. с событиями диссолюции в Англии в 1535—1541 гг., ставшими ключевым мероприятием церковной реформы короля Генриха VIII. Острие компании было направлено на отчуждение храмовых ризниц как тезаврированного капитала, а также на изъятие свинцовых кровель и оконных переплетов, которые должны были быть обращены на пользу общества и государства, понятых как пользу Церкви.

Отметим, что ведомственная принадлежность храмов и их богослужебного имущества как следствие прав церковного владения, свято уважалась Империей. Так, 7 апреля 1883 г. Петропавловский собор в Санкт-Петербурге был переведен из епархиального ведомства в придворное, а 13 января 1894 г. то же самое было предпринято в отноше-

---

[21] *Павлов А. С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Т. 1—2. Одесса, 1871—1872; *Верховский П. В.* Населенные недвижимые имения Св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. Коллегия экономии и канцелярия синодального экономического правления (15 июля 1726—12 мая 1763). Исследование в области истории русского церковного права. М., 1909.

[22] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 2 (1722), № 552.

нии Архангельского собора в Московском Кремле. Такого рода передачи храмов в новое «оперативное управление» сопровождались передачей штатов, имуществ и капиталов, а из сметы Синода в смету придворного ведомства переносились все казенные суммы на содержание храма и жалование клира. Аналогичным образом храм Воскресения Христова в Петербурге был 9 марта 1908 г. передан из ведения Министерства Императорского двора в ведомство православного исповедания. Через два года предусматривался отчет представителей епархии в Государственной Думе. Также и Спасский Староярмарочный собор в Нижнем Новгороде, построенный в первой половине XIX в. за счет казны, управлялся губернатором и ярмарочной конторою, директор которой был одновременно и старостой, и выборным от купечества. Только 10 мая 1852 г. храм был переведен из губернского ведения в епархиальное подчинение.

Вопрос о церковной собственности достаточно остро встал в начале XX в. в связи с участившимися случаями расхищения и распродаж предметов церковной старины. В связи с этим 8 апреля 1908 г. председатель Императорского Московского археологического общества графиня Прасковья Уварова (1840—1924) предложила императору Николаю II объявить всю церковную древность государственной собственностью. На письме император начертал: «Заслуживает всякого внимания». Однако 24 июля Совет Министров отклонил это предложение. Документ не совсем точно цитирует возражения, представленные министром юстиции Иваном Щегловитовым и обер-прокурором Синода Петром Извольским. Из ответа следовало, что «отобрание у Церкви издревле и на законном основании приобретенного ею имущества… явилось бы нарушением коренного начала действующего законодательства, строго охраняющего неприкосновенность частной собственности». Однако в этом случае документ цитирует записку министра юстиции от 27 мая, где слова «частная» нет. Щегловитов просто указывает, что такое отчуждение повлечет за собой нарушение правовых начал, в частности ст. 77 Свода законов Российской империи (Т. 1, ч. 1. Изд. 1906 г.), где указано, что «собственность неприкосновенна» [23]. При этом министр допускал, что право собственности не будет нарушено, если ограничить возможность «церковных установлений» распоряжаться памятниками старины. Министр и обер-прокурор лишь считали, что такое ограничение «вряд ли целесообразно». И тот и другой прекрасно представляли себе «загадочную русскую душу» и ее отношение к пра-

[23] Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук (РО НА ИИМК РАН), ф. 1, 1903 г., № 50, л. 226 об.—228 об.

вам собственности: памятники ждала угроза при любой ее форме, особенно при попадании в руки бюрократии. Лишь идеалистка Уварова верила в закон и порядок. Таким образом, на момент октябрьского переворота Православная Церковь в России, в лице своих общин и учреждений обладала вполне заметной собственностью, существенной частью которой были памятники культуры[24].

В 1917 г. «мечта» ревнителей старины, считавших необходимым объявление памятников церковной культуры государственной собственностью, казалось бы, свершилась. Лучше, как и предполагали Извольский со Щегловитовым, не стало. Стало хуже. Принудительный атеизм, отменив принудительное православие, вскрыл настоящее отношение российского общества к этому православию. Взорванные соборы, заброшенные приходские храмы и костры из икон — все это было сделано руками некогда православных людей, любящих теперь прикидываться жертвами «мировой закулисы». Из «своего» церковное имущество вдруг стало «чужим». Своим оно осталось лишь для приходских подвижниц и российской интеллигенции, пытавшихся спасти хоть что-то из христианской старины, бросаемой в пасть революционному молоху.

Октябрьский переворот подменил взаимовыгодную секуляризацию принудительной национализацией. Репрессивные меры в области имущественного права имели не просто экономический характер, но ясно выраженный атеизирующий смысл. Декрет Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 23 января 1918 г. лишил церковные общины прав юридического лица и собственности (ст. 12). Церковное имущество объявлялось народным достоянием, богослужебная часть которого могла передаваться прихожанам «в бесплатное пользование».

Реформы новой власти потребовали выразить существовавшие в Церкви отношения собственности в четких юридических понятиях. Они оказались достаточно противоречивы. Определение Поместного собора «О епархиальном управлении» (февраль 1918 г.) еще не знает четко сформулированного положения о составе епархиальной собственности [25]. Определение «О правовом положении Православной Российской Церкви» от 2 декабря 1917 г. также не знает общецерковной собственности, а знает «имущества установлений Православной церкви»,

---

[24] Эти наблюдения стоит сравнить с категорическим утверждением реставратора В. Д. Сарабьянова, напечатанным в его интервью с С. Ширяевой в газете «Псковская губерния» за № 27 (396) от 9—15 июля 2008 г.: «Должен всех удивить. В 1917 году ничего церкви не принадлежало. Все принадлежало государству».

[25] Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. Вып. 1—4. М., 1994. С. 21—24, пагинация I.

которые пользуются правами его распоряжения [26]. Таким образом, имущество Православной Российской Церкви есть сумма имуществ ее «установлений», а «общецерковное имущество», упоминаемое Определением о круге дел Высшего Церковного Совета есть имущество органов Высшего Церковного Управления. Очевидно, что «Православная Российская Церковь» как «часть единой Вселенской Церкви Христовой» мыслилась не как отдельное юридическое лицо, а как совокупность юридических лиц, обладающих таковыми правами в силу принадлежности к Церкви. Пункт 6 Определения «О Православном приходе» от 20 апреля 1918 г. постановляет, что «в случае прекращения существования прихода вследствие перехода прихожан в другое исповедание или по каким-либо иным причинам, находящееся в приходе... имущество передается распоряжением епархиальной власти другому... приходу» [27]. Таким образом, оно не становится епархиальной собственностью, а продолжает оставаться общинной.

«Общецерковное достояние» Определения «О церковном имуществе и хозяйстве» от 6 сентября 1918 г. [28], нельзя рассматривать как «общецерковную собственность», хотя еще Предсоборное Присутствие в 1908 г. полагало, что «Православная Российская Церковь является собственником всего церковного, причтового и приходского имущества» [29]. Помимо нарастания соборного внимания к вопросам общецерковного достояния, в деяниях явно ощущаются и следы концепции «Божьей собственности», особенно в постановлении от 12 сентября 1918 г. «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания». Представляется, что излишняя эмоциональность этого постановления и его оторванность от существующих реалий во многом способствовали трагическим событиям во время изъятия церковных ценностей.

Своим первым пунктом постановление недвусмысленно заявляло: «Святые храмы и часовни со всеми священными предметами, в них находящимися, суть достояние Божие, состоящее в исключительном обладании Святой Божией Церкви в лице всех православно верующих чад ее, возглавляемых Богоучрежденною иерархией. Всякое отторжение сего достояния от Церкви есть кощунственный захват и насилие». Христианин и приходские собрания не могут участвовать в изъятии

[26] Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. С. 14, пагинация I; с. 6—8, пагинация II.

[27] Там же. С. 32—38, пагинация III.

[28] Там же. С. 49, пагинация IV.

[29] *Заозерский Н.* Что есть православный приход и чем он должен быть. Сергиев Посад, 1912. С. 2.

святынь и передавать церковное имущество из обладания Церкви. Принятие церковных святынь на хранение от государственной власти может осуществляться лишь церковными организациями с разрешения епархиального архиерея: это была явная отсылка к новому закону, предусматривавшему «безвозмездное пользование» приходов своим имуществом, в одночасье ставшим общенародным. В случае перехода церковных святынь в «фактическое обладание чуждых и враждебных Православной Церкви лиц, соединенное с прикосновением их к священным предметам», рассматриваемого как кощунство, их новое литургическое употребление возможно только после освящения [30]. Категоричность данного определения необходимо рассматривать исключительно в контексте проведения в жизнь враждебных Церкви положений декрета об отделении церкви от государства[31]. Как мы видели выше, отчуждение церковной собственности в полной мере допускалось каноническим правом.

С таким представлением о своих правах в условиях узаконенного бесправия Церковь подошла к решению главного вопроса — о повседневном пользовании богослужебным имуществом в атеистическом государстве и оказалась к этому совершенно не готовой.

Об этом красноречиво свидетельствует рассказ Пантелеймона Романова «Верующие» (1923) о сельчанах, так и не нашедших в себе смелости подписаться под коллективным договором с местным советом и лишившихся храма «за отсутствием верующих». Это доказывается и прозвучавшими колебаниями духовенства и епископата на Соборе в сентябре 1918 г. в отношении, как им казалось, чрезмерных прав «простецов» на пользование церковным имуществом. Опубликованная 30 августа 1918 г. инструкция Народного комиссариата юстиции от 24 августа по отделению Церкви от государства объявляла правомочной на заключение договоров и получение имущества лишь общину, состоящую из «двадцатки» мирян. Митрополиту Сергию (Страгородскому) приходилось убеждать епископат оставить словопрения и отправиться в епархии для выработки новых церковных инструкций по применению новых советских законов. Прихожан он призывал не медля подавать заявления и брать храмы под свою ответственность [32]. Эта инструкция включала в себя и типовой договор как основу отно-

[30] Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. С. 28—30, пагинация IV.

[31] Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. С. 59, пагинация III.

[32] Соборные деяния от 31 августа, 6 сентября и 9 сентября 1918 г. Цитируется по: *Поспеловский Д. В*. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 59.

шений между новой властью и религиозными организациями. Общины, в чьем фактическом обладании находились храмы и богослужебное имущество, должны были представить в местные советы описи в 3 экземплярах. Совет тут же передавал общине указанное в описи имущество в пользование исключительно для религиозных потребностей с ответственностью «по круговой поруке». Пункт 9 указывал, что храмы, имеющие историческое, художественное и археологическое значение, передаются с соблюдением особой инструкции. Описи имущества и заключение договоров были завершены в основном к концу 1919 г., и в большинстве случаев духовенство и прихожане даже не ощутили происшедшего изменения форм собственности.

Это ощущение пришло позднее. Декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», принятый 16 февраля и опубликованный 23 февраля 1922 г., предписывал местным Советам в месячный срок изъять из церковных имуществ, на основании описей, все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, отчуждение которых не может существенно затронуть интересы самого культа. Осуществление этого предписания привело к уничтожению уникальных храмовых ризниц. В массовом православном сознании тот факт, что государство владеет церковным имуществом и культурным наследием Церкви оказался запятнан официальным насилием и кровью новомучеников. Впрочем, объективная история разрушения культурного наследия Церкви, как и история изъятия церковных ценностей, еще не написана [33]. Достоверно известно, что к 1 ноября 1922 г. было изъято золота, серебра и драгоценных камней на сумму 4 650 810 рублей 67 копеек.

8 апреля 1929 г. ВЦИК и Совнарком принимают постановление «О религиозных объединениях». Основываясь на декрете 1918 г., оно подтвердило, что религиозные общества могут получать от райисполкома в бесплатное пользование специальные молитвенные здания и предметы [34]. Избираемые общинами центральные органы вообще не имели права получать имущество по договору. Пункт 10 запрещал обществу использовать имущество для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей. Иногда кажется, что требования некоторых современных церковных активистов и иерархии, в части исклю-

[33] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922—1925 гг. Кн. 1. М., 1997; Кн. 2. М., 1998.

[34] Русская Православная церковь в советское время (1917—1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. Кн. 1. М., 1995. С. 307—310.

чительно богослужебного использования произведений религиозной культуры, просто списаны с большевистского антирелигиозного законодательства, стремящегося изолировать Церковь от общества. Лишь 22 августа 1945 г. имущественное положение Церкви несколько изменилось. В этот день по представлению Совета по делам Русской Православной церкви Совнарком предоставил патриархии, епархии, приходам и монастырям юридические права на приобретение транспорта и недвижимости в собственность [35]. Этим же распоряжением республиканским совнаркомам и областным исполкомам предписывалось снабжать приходы строительными материалами для ремонта церковных зданий «в пределах возможного».

Сталинское законодательство о культах в брежневской редакции 1975 г. просуществовало до 1990 г. К началу перестройки разные церковные группы научились если не решать имущественные вопросы, то улаживать их. Однако в истории Церкви существовала не только собственность, но и культура. Отношение Церкви к своему культурному наследию составляет другую сторону проблемы возвращения памятников церковной старины религиозным организациям.

[35] Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн.1. С. 364—365.

Глава II

ЦЕРКОВЬ И ДРЕВНОСТЬ: ДВА ОКНА

В марте 1869 г. в Москве состоялся I Археологический съезд — уникальный смотр интеллектуальных сил России, озабоченных изучением и сбережением ее культуры. Михаил Погодин (1800—1875) на одном из заседаний с горечью сетовал, что для большинства соотечественников слово «памятник» ассоциируется исключительно с тем, что они сами воздвигли в напоминание о прошлом или о покойном: с плитой на могиле или с монументом на площади. Свою скорбь он проиллюстрировал примером из жизни: приходской староста представляет архиерею предложение о необходимости расширить окно, а архиерей никак не хочет понять, что это окно тоже есть памятник [1]. Известны и другие случаи. Патриарх Алексий (Симанский) вспоминал, как в 1902 г., в бытность студентом Духовной академии, его сурово отругал ректор, впоследствии митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий), всего лишь за то, что он разрушил в одной из лаврских келий подоконник, чтобы поставить туда свой письменный стол. Трудно сказать, чего было больше в преосвященном недовольстве — подлинного уважения к древности или заботы о сохранности казенного имущества. Но архиерей за окно вступился.

Кто их двух епископов более типичен для русской жизни и каково было отношение Русской церкви, ее клира и мирян к памятникам церковной старины? В современном сознании уже успел сложиться позитивный образ церковно-археологического общества в дореволюционной России. Одновременно раздаются и голоса о неудаче церковно-археологического опыта в целом как ведомственного и безграмотного «складирования древностей», не имевшего ни практического значе-

[1] Протоколы заседаний // Труды I Археологического съезда. М., 1871. Т. 1. С. XIV.

ния, ни общественного резонанса [2]. И тот и другой взгляды представляются неисторичными. Отношение Православной Церкви к культуре и древности на всем протяжении ее существования обладало собственной спецификой и постоянно находилось в развитии.

Если Священное Предание является стержнем церковной жизни, то церковная реликвия — стержнем христианской культуры. Естественно, древность сама по себе никогда не являлась свидетельством религиозной истины. Согласно свт. Киприану Карфагенскому († 256), «обычай без истины — всего лишь древнее заблуждение». Однако древности определенных эпох позволяли осознать содержание евангельской керигмы как того, во что верили все, повсюду, всегда. Лишь те периоды церковной истории, лидеры которых сознательно рассчитывали порвать с традицией, разрушали христианскую старину.

«Реликварность» христианской культуры не ограничивалась исключительно литургией. Мемориальные вещи — материальные останки прошлого — включались в сакрально-богослужебное пространство как в реликварий, который, вмещая в себя историческую и культурную память, и был памятником в современном значении этого термина. Можно говорить о сложении в христианской культуре преконцептуальных схем культурного наследия, домузейных форм хранения памятников, протоархеологического сознания как способа восприятия древности. Императорские венцы в храме Святой Софии Константинопольской, описанные императором Константином Багрянородным, порты блаженных первых князей в Софийском соборе Киева, захваченные половцами в 1203 г. [3], «агриков меч-кладенец» из-под «керамиды» Крестовоздвиженского храма в Муроме, которым князь поражает змия в «Повести о Петре и Февронии», псковичи, откопавшие в 1420 г. древний престол церкви св. Власия, Георгиевский собор 1234 г. в Юрьеве-Польском, «собранный изнова» Василием Ермолиным в 1471 г., — это явления, свидетельствующие о гармоничном развитии восточно-христианского общества в его отношении к древности.

На Руси уже в XI в. митрополит Иоанн (1077—1089) в канонических ответах черноризцу Иакову касался образа обращения с предметами церковной древности. Ветхий деревянный престол, крест и икона подлежали поновлению. В случае, если бы образ стерся совсем, его необходимо было погрести в «неоскверняемом месте», однако хранение и обновление оказывались предпочтительнее. В древнерусских храмах

---

[2] *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX в. М., 1986. С. 186.

[3] *Толочко А. П.* «Порты блаженных первых князей»: К вопросу о византийских политических теориях на Руси // Южная Русь и Византия. Киев, 1991. С. 34—42.

известны археологические свидетельства таких мест — стенные ниши, куда замуровывалась ветхая богослужебная утварь. В случае перенесения храма на новое место пространство прежнего алтаря подлежало ограждению, а на месте бывшего престола водружался деревянный крест [4].

Некоторые архитектурные приемы также были рассчитаны на сбережение древности как реликвии. Замена шлемовидной формы глав на луковичную, устройство «глухих» барабанов, не сообщающихся с основным объемом храма, были отчасти обусловлены климатическими условиями Руси и являлись мерами по улучшению режима содержания церквей. В XVII в. «Иконописный подлинник» Никодима Сийского указывал режимы проветривания храма в зимний и весенне-летний периоды. Существовал и «дедовский» способ определения возможности проветривания неотапливаемых церквей с помощью большой стеклянной бутыли с водой, которую периодически выносили на улицу. Если стекло запотевало, это означало, что наружный воздух, попадая внутрь храма, будет вызывать выпадение конденсата, и свидетельствовало о недопустимости проветривания [5]. Следует вспомнить и «щадящую» храмы литургическую практику древнерусского времени, когда церкви не были рассчитаны на ежедневное богослужение и предназначались лишь для сезонных праздничных служб. Так, в Великом Новгороде во второй половине XV в. на 163 престола приходились 44 ежедневно совершаемые службы суточного круга [6].

В свое время было высказано немало упреков относительно «губительности» поновления иконописных шедевров и перестроек храмов в эпоху Средневековья [7]. Такой взгляд оказывается в своем существе неверным. В контексте историчности сознания и истории жизни реликвии поновления и пристройки были не губительны, а спасительны для памятника, сохраняя его от растворения в потоке времени. Процесс старения святыни — ее археологизация — закономерен, и каждая эпоха находит свои способы противодействия ему. Подлинный интерес представляет не искусственно сконструированная композиция и стилистика памятника, а весь памятник во всей эклектической слож-

[4] Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. (XI—XIV вв.) // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. С. 5—6.

[5] *Покрышкин П. П.* Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства. Псков, 1915; *Сизов Б. Т.* Теплофизические аспекты сохранения памятников архитектуры // АВОК. 2002. № 1.

[6] *Янин В. Л.* Семисоборная роспись Великого Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976.

[7] *Лазарев В. Н.* Византийская икона комниновской эпохи // Византийское и древнерусское искусство. М., 1978. С. 9—10.

ности разновременных и разнокультурных напластований, позволяющих увидеть историческую реликвию и её место в контексте истории и представлений людей прошлого.

Церковь была готова к культурному вызову Нового времени. Своеобразными протоколлекциями были соборные и монастырские ризницы и арсеналы [8]. И. Иванчин-Писарев, находясь на Маковце, мысленно представлял себе в 1840 г. «полуротонду», в которой разместился бы музей лавры [9]. Однако в то же время одной из крайностей реакции церковного сознания на секуляризацию и распространение европейской цивилизации стало отрицание значимости музейных форм культуры. Сам археологический музей иногда сравнивался с кладбищем и противопоставлялся «живому» организму храма как вместилище «мертвых вещей». Такое противопоставление было изначально присуще сторонникам преображения христианской жизни в России, в частности св. протоиерею Иоанну Сергиеву, св. архиепископу Иллариону (Троицкому), протоиерею Сергию Булгакову и др. Но в их устах это было не осуждение музеев как таковых, но призыв к деятельному использованию опыта Православия, плоды которого в эпоху «синодального паралича» оказались помещенными в витрину «официальной церкви». Музей в данном случае использовался как образ, но не как «образ врага». Современное осуждение музейной культуры через противопоставление ее Церкви есть недостойное искажение святоотеческого наследия, используемое для решения сиюминутных задач.

Естественность поновлений сменилась смешением форм, когда старину стали приспосабливать к современным вкусам. В самих художественно-архитектурных новшествах синодальной эпохи, связанных со стилистикой классицизма или барокко, не было ничего неканонического или неправославного [10]. Это была та же «псевдоморфоза Православия», которая столетием раньше позволила ему выразить богатство восточно-христианской мысли языком латинской схоластики. В этом контексте культурную угрозу создавал скорее модный в Европе «византийский стиль», являвшийся не реконструкцией, а конструированием прошлого. Однако внедрение в церковную жизнь европейской эстетики не сопровождалось формированием соответствующего от-

[8] *Павлова Н. Н.* Монастыри и музеи. Исторический экскурс в поисках моделей освоения культурно-исторического наследия // На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. М., 1991.

[9] *Иванчин-Писарев И.* Один день в Троицкой лавре. М., 1840.

[10] *Мусин А. Е.* Богословие образа и эволюция стиля. К вопросу о догматической и канонической оценке церковного искусства XVIII—XIX вв. // Искусствознание. М., 2002. № 2. С. 279—302.

ношения к древности как к неприкосновенному и неизменяемому элементу современной культуры, ценность которого воспринималась тем отчетливее, чем скорее менялась церковная мода. Естественно, нелепо предъявлять претензии обществу в «варварском обращении» с памятниками истории и культуры в ту эпоху, когда не существовало самого понятия «памятник». Однако как только общество формулировало идею «исторического памятника», оно тут же оказывалось «под клятвой» за разрушение старины, даже если это разрушение мотивировалось необходимостью «церковного благолепия».

В 1433 г. новгородский архиепископ Евфимий II в Грановитой палате Кремля устраивает мемориальную кельо архиепископа Ильи-Иоанна (1163—1186). Главным «экспонатом» кельи становится помещенная в нишу копия рукомойника, в котором святитель «заключил» беса для поездки в Иерусалим. Эта чуткость к древности находится в разительном противоречии с практиками XIX в. Вместо средневекового мемория синодальное благочестие потребовало строительства нового храма во имя свт. Иоанна, который и был построен в 1824 г. Классический иконостас «по живому» разрезал готические своды, дополнительно выкрашенные масляной краской. И тогда передовое церковное сознание увидело спасение в церковной археологии. Как писал в то же время Николай Помяловский, в общество проникло сознание не столько пользы науки, сколько неизбежности ее.

Истоки церковной археологии на Православном Востоке лежат в символическом толковании литургического обряда и его истории, с одной стороны, и в развитии богословия образа — с другой. Это богословие окончательно сложилось в VIII—IX вв. во время иконоборческих споров. Однако для настоящей постановки вопроса о роли древности в церковной культуре необходим был кризис литургического сознания, связанный с появлением временно́й дистанции между стариной и современностью. Этот кризис пришелся в Европе на эпоху Реформации и Контрреформации, а в России — на Великий Раскол XVII в. [11] В это время в России появляется первое «церковно-археологическое сочинение»: патриарх Никон в 1656 г. издает книгу под названием «Скрижаль», которая ставила перед собой задачу разъяснить символическое значение богослужебных предметов и храмовых принадлежностей. Новые своды толкований, включая знаменитую «Новую Скрижаль» архиепископа Вениамина (Краснопевкова), выходили в 1792 и 1803 гг., по-

[11] *Мусин А. Е.* Церковная археология в России второй половины XIX—начала XX в. и ее место в системе отечественной археологии и охраны культурного наследия: Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб., 2004.

ка, наконец, в Уставе Духовных семинарий 1839 г. рядом с литургикой окончательно не закрепилась и церковная археология. Целью науки было «изъяснение состава и чина Богослужения Православно-кафолической церкви и принадлежностей оного» с раскрытием их истории и «духовных знаменований» [12].

Но еще в эпоху петровских реформ на смену обиходной культуре приходит предпочтение культуры событийной, культуры курьезов и сенсаций. Этот процесс в петровской России хорошо проявляется в Указе от 13 февраля 1718 г. о доставлении в Кунсткамеру предметов «необыкновенных», «не таких, какие у нас есть», и в расформировании уникального церковно-археологического собрания — Образной палаты Московского Кремля, известной нам по описи 1669 г. [13] Собрание памятников церковной культуры, отражавшее повседневность, более не представляло интереса для общества и двора и было роздано в различные церкви и монастыри.

Церковное сознание, культурно неоднородное, постоянно колебалось в своем отношении к старине и новшеству. Полемика со старообрядцами предполагала особую постановку вопроса о церковной древности. Однако скептическое отношение синодальной бюрократии к историко-археологическому значению памятников проявилось уже в отзыве Синода об издании хронографов, задуманном в Императорской Академии наук в 1734 г.: «В Академии затевают истории печатать, в чем бумагу и прочий кошт терять будут напрасно, понеже в оных писаны лжи явственные. Того ради не безопасно, дабы не принеслось казенному капиталу какого убытка» [14]. Если Синод в XVIII в. и принимал меры по обеспечению сохранности святыни, то они страховали Церковь от главных напастей деревянной Руси — пожаров и воровства [15].

В Средневековье имущественные описи, предусмотренные нормами церковного права, были чаще всего уделом монастырской жизни и явлением отнюдь не повсеместным. Исправлению ситуации служили мероприятия по составлению описей Московских соборов 1725—1730 гг., их проверка в 1771 г. в связи с выявленными фактами хищений и да-

---

[12] Церковная археология в вопросах и оглавлениях по книге, именуемой «Новая Скрижаль», для употребления в Духовных семинариях. СПб., 1839. С. 1; *Макарий* (*Булгаков*), *архимандрит*. Введение в Православное Богословие. СПб., 1847. С. 626.

[13] *Успенский А. И.* Церковно-археологическое хранилище при Московском дворце в XVII веке. М., 1902.

[14] Цит. по: *Карташев А. В*. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1993. Т. 1. С. 12—13.

[15] *Титов А. А*. Митрополит Ростовский Арсений Мацеевич (1742—1763 гг.) и его указ по поводу пожара в Ярославском Успенском соборе в 1744 г. М., 1903.

тированный тем же годом указ об обязательности описей имущества в ставропигиальных и епархиальных монастырях. Передача утвари московских ружных церквей в Оружейную контору в 1777 г. опять преследовала уже известную цель: сохранить ризницы от разворовывания. Вторично попытка всеобщей инвентаризации церковного имущества состоялась лишь в 1853 г. Ее инициатором был государь Николай Павлович, который указал обер-прокурору графу Протасову на необходимость ведения описей в московских церквах. Толчком к этому должно было послужить издание Императорским Русским археологическом обществом в 1851 г. «Записки для обозрения русских древностей», представлявшей собой архетип для церковных описей. В марте 1853 г. св. митрополит Филарет (Дроздов) предложил новые правила для описания, которые должны были учитывать историческую информацию о литургических предметах. 31 мая 1853 г. последовал указ Синода о порядке хранения храмового имущества и составления описей.

Позднее возникла необходимость в самостоятельных епархиальных описях с индивидуальными формами вопросов. Так, в 1884 г. епископ Псковский Нафанаил (Соборов) составил и разослал «Программу для обозрения церковных и монастырских древностей в пределах Псковской епархии». Стоит отметить, что в «филаретовскую» опись не вносились неиспользуемые богослужебные предметы, собственно древность, которая продолжала распродаваться. В 1882 г. обер-прокуратура потребовала от епархиального начальства составления описей церковных и монастырских вещей, имеющих значение для церковной археологии, но не используемых при богослужении, и постановила провести ревизию описей 1853 г.

До конца система инвентаризации так и не заработала. Летом 1905 г. настоятель Муромского Богородицкого собора протоиерей Георгий Карпинский продал водосвятную чашу, облачения и воздухи, среди которых были вещи времен царя Михаила Федоровича [16]. По сообщениям корреспондентов, «весь Муром на ногах, негодует на протоиерея и относится к вопросу как к личной обиде, нанесенной городу, его достоинству и истории». Только непосредственное обращение председателя Московского археологического общества графини Уваровой к епископу Владимирскому Никону (Софийскому) способствовало праведному решению вопроса. Будучи вызванным на «преосвященный ковер», протоиерей должен был выкупить чашу за 275 рублей, хотя продал ее за 50. Все это наглядно показывает, что инициатива уважения к древности в XIX—начале XX в. исходила не от синодальной бюрократии, а

[16] Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества. Т. 1. М., 1907. С. 46.

от мирян, вне зависимости от их социального и государственного статуса.

Еще одной печалью иерархии в XVIII в. была забота об уровне церковной эстетики в наиболее престижных храмах. Подобные мероприятия формировали основы прогрессивной для своего времени «церковно-археологической реставрации» [17]. 10 августа 1742 г. Синод предписал возобновить Федоровский образ Матери Божией в Костроме «пристойным образом» «во всем противу прежнего письма без отмены» и ограничил многочисленные крестные ходы с иконой двумя днями — 1 января и 14 августа, «чтоб за ветхостью оной святой чудотворной иконе от частых хождений не учинилось бы какого-либо наивящего повреждения». В 1770 г. последовал указ императрицы Екатерины II об исправлении икон и фресок в Кремлевских соборах Москвы — «возобновлении починкою», с условием, чтобы «живописство писано было таким же искусством, как древнее, без отличия». Предполагалось, что «где было золото на стенах, тут и теперь употребить, а не краску желтую», хотя 22 июля 1770 г. архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский) писал советнику императрицы Г. Н. Теплову о теоретических сложностях и эстетических проблемах такой реставрации. Древнюю позолоту невозможно вызолотить вновь, так как яркость «новодела» была бы слишком очевидна. Архиепископ предполагал подобрать специальную краску. Впрочем, императорский указ преследовал, скорее всего, цель предотвращения хищений золота под видом реставрации.

30 июня 1753 г. императрица Елизавета объявила Синоду именной указ о «поправлении» богослужебных предметов и облачений Патриаршей ризницы, потребовав расположить их в «удобных палатах», «где б и воздух мог проходить спокойно» при «соблюдении от пожарного случая». Делалось это для удобства осмотра древностей иностранными министрами и прочими знатными лицами. По сути, речь шла о создании музея современного типа с противопожарной охраной, соблюдением температурно-влажностного режима, кондиционированием помещений и предэкспозиционной подготовкой вещей. Свое упорядочение нашел и вопрос о ремонте-реставрации храмов. 5 мая 1774 г. Синод разрешил духовенству самостоятельно ремонтировать церкви за исключением алтарных пространств. Судя по контексту, речь шла не столько о контроле над каноническим содержанием работ, сколько о епархиальной «вертикали власти». Несмотря на наивность и ограниченность синодальных мер XVIII в., направленных на ограждение цер-

[17] *Бобров Ю. Г.* История реставрации древнерусской живописи. Л., 1987.

ковной старины от злого умысла, физического уничтожения и естественного старения, необходимо признать, что мы имеем дело с началом формирования современного цивилизованного подхода к охране культурного наследия [18].

В первой половине XIX в. под лоском европейской культуры стала просматриваться национальная идея. Положение Комитета министров «О правилах устроения церквей», высочайше утвержденное 9 марта 1826 г., предписывало постройку, ремонт и реставрацию храмов организовывать через Министерство внутренних дел и его строительный комитет. Под это правило подпадали казенные и приходские церкви, тогда как епархиальные архиереи могли производить ремонт и строительство без проекта и рабочей документации, но с разрешения Синода. Причиной такого распоряжения было стремление российской элиты к сохранению традиционной эстетики храмовых зданий, однако оно сразу же вызвало ревнивую отповедь свт. Филарета (Дроздова). 11 февраля 1828 г. он предоставил в Синод доклад о проблемах, вызванных необходимостью согласования каждого нового строительства в Министерстве. Задержки и проволочки вызывают «охлаждение ревности» прихожан к возобновлению храмов. Он предлагал, чтобы контроль над строительством и ремонтом взяли на себя губернские архитекторы, строительный комитет в Петербурге или строительная комиссия Москвы. Однако в конце концов надзор в губернских и уездных городах остался за Министерством.

Устав Духовных консисторий 1841 г. закрепил сложившуюся практику. Он предписывал епархиальным властям представлять проекты расширения и ремонта церквей на рассмотрение Синода (параграф 46), тогда как поновление иконостасов проводилось без предварительных проектов (параграф 52). Однако в 1865 г. Синод добился ослабления государственного контроля за церковным строительством. Если храмы в столицах, а также древние и знаменитые церкви ремонтировались на основе синодального разрешения, то остальные храмы могли реставрироваться по благословению епархиального архиерея без доклада Синоду. 17 декабря 1865 г. Синод разрешил причту, старостам и монастырям производить «мелкие починки» из кошельковых сумм, даже не испрашивая разрешения епархиального начальства. В новом Уставе Духовных консисторий 1883 г. ремонт, перестройка и расширение церквей, построенных до 1700 г. или позднее, но замечательных в истори-

[18] *Гаврилов А.* Постановления и распоряжения Святейшего Синода о сохранении и изучении памятников древности (1855—1880) // Вестник археологии и истории. Т. VI. СПб., 1881.

ческом или художественном отношении, могли совершаться лишь с санкции императора или Синода (параграф 47). Исправление древней живописи допускалось лишь с разрешения Синода, которое предварялось согласованием проекта с местным археологическим или историческим обществом. К этому времени был принят и новый Строительный устав 1857 г., который статьей 207 выводил подобные ограничения на «поновление» храмов. Уложение об уголовных наказаниях 1852 г. определяло штраф от 20 до 100 рублей за самовольные перестройки или починки церкви «за исключением случаев крайней необходимости» (статья 1352).

Все эти требования, попавшие в консисторский Устав 1883 г., были вызваны драматическими событиями в Киеве и во Владимире. 12 ноября 1842 г. Синод издал указ, сообщающий о Высочайшем повелении, запрещающем замену древней живописи в храмах. 31 декабря был издан уточняющий указ, запрещавший приступать к обновлениям подобных памятников вплоть до Высочайшего разрешения. Поводом для повеления и указа были неудовлетворительные реставрационные работы в Успенской церкви Киево-Печерской лавры 1841—1842 гг., вызвавшие гнев императора Николая I.

В 1879 г. вновь последовало Определение Святейшего Синода № 2236 от 9 января о недопустимости самовольных переделок в древних храмах без Высочайшего разрешения и доклада Синоду. Тем же Определением епископату в случае необходимости ремонта и реставрации памятников старины было предписано обращаться за научным обеспечением к существующим археологическим обществам: Церковно-археологическому обществу при Киевской Духовной академии, Императорскому Русскому археологическому обществу в Петербурге, Императорскому Московскому археологическому обществу и Одесскому обществу истории и древностей. Указу 1879 г. предшествовал ремонт, произведенный архиепископом Владимирским Антонием (Павлинским) в 1877 г. в Покровской церкви на Нерли, в результате чего остатки фресок были закрашены масляной краской, а некоторые фрагменты каменной резьбы уничтожены. Российская общественность была возмущена свершившимся, а председатель Московского археологического общества граф Алексей Уваров (1825—1884) вошел в Синод с ходатайством о возобновлении распоряжения 31 декабря 1842 г. и участии в обсуждении проектов реставрации археологических обществ, что и было сделано.

Дальнейший анализ исторического отношения Русской Церкви к своему культурному наследию требует рассказа об археологических и церковно-археологических обществах в России. Общественный подъ-

ем и ощущение общей ответственности за судьбы страны в эпоху Александра Освободителя (1855—1881) способствовали пробуждению интереса к памятникам истории и культуры и возникновению архивных и археологических организаций в столицах и губерниях [19]. Однако этот подъем стал бы невозможен без того интереса к древности и старине, который возник в обществе еще в царствование императора Николая I (1825—1855). В 1839 г. было создано Одесское общество истории и древностей. В 1846 г. в Петербурге возникло Археолого-нумизматическое общество, с 1851 г. получившее имя Императорского Русского археологического общества. В 1864 г. в Москве графом Алексеем Уваровым было создано Императорское Московское археологическое общество. С 1884 г. в губерниях повсеместно стали возникать ученые архивные комиссии, находившиеся в ведении Министерства народного просвещения. Изучение русской церковной старины занимало в деятельности обществ и комиссий одно из главных мест, что вызывало одобрение церковной общественности. «Церковный вестник» писал, что всякий, честно и искренно относящийся к интересам церковной археологии, должен только радоваться, что археологические общества заботятся об изучении и сохранении церковных древностей в отсутствие «ведомственных» специалистов. Особенно отмечалась коллегиальность, по сути дела, соборность в деятельности подобных обществ [20].

Однако почти одновременно начало складываться и церковно-археологическое движение, причем на первом этапе — исключительно по инициативе снизу. Цели этого движения, достаточно быстро оформившегося в виде региональных обществ, первоначально были связаны с церковным просвещением. В 1863 г. в Москве по инициативе архимандрита Иакова (Кроткова), впоследствии епископа Муромского, образовалось Общество любителей духовного просвещения. Уже в 1870 г. при Обществе был создан музей, а годом раньше — два отдела: иконоведения и историко-археологический, преобразованные в 1900 г. в церковно-археологический отдел. Окончательно приоритеты изучения церковных древностей были закреплены в уставе Общества 1906 г.

Охрана памятников церковной старины требовала музеефикации литургических памятников, материальное состояние которых более не позволяло использовать их в повседневном богослужении. На организации церковных музеев настаивал еще Ф. Буслаев во время I Археологического съезда в Москве в 1869 г., в чем его поддержали

[19] *Формозов А. А*. Страницы истории русской археологии. М., 1986; *Лебедев Г. С*. История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб., 1992.

[20] Церковный вестник. 1885. № 30.

Д. Струков, П. Казанский и Н. Лошкарев [21]. На II Археологическом съезде в Петербурге (1871) уже были предложены конкретные проекты образования церковно-археологических музеев при Духовных академиях (Н. Лошкарев) и при епархиальных управлениях (П. Савваитов) [22]. Насущная необходимость создания церковно-археологических обществ и музеев была поддержана профессором Московской Духовной академии И. Мансветовым в 1872 г. [23] Наконец были созданы музеи при Духовных академиях — Киевской (1872 г., преобразован в 1881 г.), Петербургской (1878) и Московской (1880) [24]. Вместе с тем развитие церковно-археологической сферы несколько отставало от общественных потребностей: VIII Археологический съезд в Москве (1890) вновь ходатайствовал перед Синодом о преподавании археологии в Духовных семинариях и о создании епархиальных музеев [25].

Лишь к концу XIX в. началось массовое возникновение церковных учреждений в виде обществ, епархиальных комитетов и древлехранилищ и повышение их научного потенциала. В это время инициатива их создания начала переходить от мирян и академической профессуры к епископату. Успех или неуспех церковно-археологических начинаний в епархии стал зависеть от внимания или равнодушия архиерея к этому начинанию. В 1880-е гг. возникают 8 церковно-археологических учреждений, в 1890-е — 9, с 1900 г. по 1911 г. — 16, а с 1911 г. по 1914 г. — 23 [26]. Одним из первых возник Подольский епархиальный

[21] Труды I Археологического съезда в Москве в 1869 году. Т. I. М., 1871. С. I, XI, 75—82.

[22] Труды II Археологического съезда в Санкт-Петербурге в 1871 г. Вып. II. СПб., 1881. С. 60.

[23] *Мансветов И. Д.* Об устройстве церковно-археологических музеев // Православное обозрение. 1872. Февраль. С. 259—282.

[24] *Петров М. І.* Воспоминания старого археолога // Просемінарій. Медіевістика. Історія церкви, науки і культури. Вип. І. Київ, 1997; *Покровский Н. В.* Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной академии. СПб., 1909; *Голубцов А. П.* Церковно-археологический музей при Московской Духовной академии. Сергиев Посад, 1895.

[25] *Георгиевский В. Т.* О преподавании археологии в Духовных семинариях и об устройстве епархиальных археологических музеев // Труды VIII Археологического съезда в Москве в 1890 г. Т. III. М., 1897. С. 81.

[26] *Здравомыслов К. Я.* Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях с проектом «Правил высочайше утвержденной архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде» и «Положения о церковно-археологических комитетах». СПб.,1908; *Заднепровская Т. Н.* Церковно-археологические комитеты и их роль в деле охраны и изучения памятников церковной старины // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб., 1995. С. 46—55; *Заднепровская Т. Н.* Церковно-археологиче-

историко-статистический комитет в 1863 г. и Нижегородская церковно-археологическая комиссия в 1887 г. Основной целью этих учреждений было собирание местных исторических памятников и развитие в среде духовенства археологического интереса и знаний. В таких сокровищницах православной культуры, как Псков и Новгород, церковно-археологические учреждения были созданы архиепископом Арсением (Стадницким) в 1908 и 1912/1913 гг., соответственно [27]. В 1912 г. в Москве состоялся Предварительный съезд по устройству I Всероссийского съезда деятелей музеев, на котором был учрежден особый церковно-археологический отдел [28]. Тогда главной проблемой церковно-археологического дела в России было объявлено даже не отсутствие средств, а отсутствие правового статуса этого начинания, зависящего от благосклонности епархиальных преосвященных и держащегося исключительно на энтузиазме рядовых членов движения [29].

ские учреждения и их роль в охране и изучении памятников церковной старины России // Церковная археология. Вып. 3. Памятники церковной археологии России. Материалы I Всероссийской конференции. Псков, 20—24 ноября 1995 года. СПб.; Псков, 1995. С. 37—40; *Комарова И. И.* Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX—начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1990 г. М., 1992. С. 83—102; *Гусалова М. З.* Из истории церковно-археологических музеев. К проблеме развития отношений музеев с церковью // На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. М., 1991. С. 212—228; *Алексеев Л. В.* Археология и краеведение Беларуси. XVI—30-е годы XX в. Минск, 1996; *Безродин А.* Организация церковно-археологических музеев в России // Вестник молодых ученых. Исторические науки. Специальный выпуск: Археология. 2001. № 1. С. 89—94; Сведения о существующих в епархиях церковно-археологических учреждениях и консисторских архивах // Сборник материалов, относящихся до архивной части России. Пг., 1917. Т. 2. *Маржецкий А.* Первый домовый храм-музей России // Православная Москва. 1998. № 7; *Денисова Е. В.* Основание и развитие церковно-археологических музеев в России // Музей — хранитель памятников сакральной культуры. Религия и культурная память человечества. Материалы V Санкт-Петербургских религиоведческих чтений. СПб., 1997; *Резухин Н.* Церковно-археологический кабинет // Православная беседа. 1994. № 6; *Тарасова И. В.*, *Ченская Г. А.* Из истории музейного дела в России... Музей церковно-археологический и антирелигиозный // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 2. СПб., 2002.

[27] *Моисеев С. В.* Новгородский церковно-археологический музей (Епархиальное древлехранилище — Музей древнего искусства). 1913—1924. К 90-летию основания. Великий Новгород, 2003.

[28] *Протасов Н. Д.* Церковно-археологические музеи на предварительном съезде деятелей музеев в Москве в 1912 г. // Богословский вестник. 1913. Февраль. С. 348—361.

[29] *Бочков Д.* О централизации церковных историко-археологических учреждений // Вера и жизнь. 1916. № 11/12. С. 36—52; № 13/14. С. 31—44.

Роль этих учреждений в изучении и сохранении памятников церковной старины возрастала. Однако росли и присущие их деятельности противоречия. К тому же не только на губернском, но даже и на столичном уровне отнюдь не везде существовало понимание их необходимости. Характерный случай произошел на I Областном археологическом съезде в Ярославле в 1901 г., где с докладом «О мерах к сохранению церковных памятников» выступил протоиерей Сильвестр Соколов. Основной мыслью выступления была необходимость создания епархиальных церковно-археологических комитетов как гарантов сохранности памятников и документов, находящихся в ведении монастырей и духовных консисторий. Однако доклад вызвал критику присутствующих на заседании членов Архивных комиссий. В ней указывалось на приходскую занятость малообразованного духовенства, а также на то, что охрана памятников губернской старины возложена «Положением Комитета Министров о губернских исторических архивах и губернских ученых архивных комиссиях» от 13 апреля 1884 г. на эти самые комиссии.

Точку в дискуссии поставил авторитет профессора Санкт-Петербургской Духовной академии и директора Археологического института Николая Покровского (1848—1917), «отца церковной археологии» в России. Указав на «нежизнеспособность» епархиальных обществ, он посчитал, что параллельное существование комиссий и комитетов в губерниях не обеспечено достаточным количеством образованных сотрудников. Существование епархиальных учреждений, по его мнению, оправдано лишь там, где еще нет Архивных комиссий [30].

Однако позже Н. Покровский принципиально изменил свою позицию. В середине 1900-х гг. он видел «наиболее целесообразный путь к охране церковной старины» в учреждении центрального церковно-археологического органа при Синоде и епархиальных комитетов на местах. Привлечение к этой деятельности Архивных комиссий возможно, если при них будет создан специальный отдел церковных древностей [31]. Подобный переворот во взглядах был вызван знакомством Н. Покровского с конкретной работой епархиальных учреждений на местах, в частности Тверского епархиального историко-археологического комитета, устав которого был утвержден Синодом 5 июня 1902 г. [32] Здесь

[30] Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). М., 1902. С. XL—XLI.

[31] *Покровский Н. В.* О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. № 1. СПб., 1906.

[32] *Некрасов В. И., свящ.* Заметка по поводу участия Тверского епархиального историко-археологического комитета в трудах II Областного археологического

велась активная работа по каталогизации памятников церковной старины, и дважды, 29 мая—8 июня 1904 г. и 28 мая—8 июня 1912 г. проходили церковно-археологические курсы при участии крупнейших российских историков и археологов. Тверской комитет, насчитывавший в своих рядах до 200 членов, был одним из самых многочисленных в России. Во второй половине 1900-х гг. активность комитета несколько снизилась: из 53 заседаний Совета в 1902—1910 гг. половина пришлась на период 1902—1904 гг. Это было связано с переводом на Казанскую кафедру в 1905 г. основателя комитета архиепископа Дмитрия (Самбикина).

«Мелочи архиерейской жизни» создавали сложности и в деятельности других церковно-археологических обществ и древлехранилищ. Так, основатель епархиального древлехранилища в Туле (1884) Николай Троицкий (1851—1920) в 1894—1896 гг. был отстранен от работы, а музей практически прекратил свое существование по воле местного епископа Иринея (Орды) [33]. Однако наиболее вопиющий случай связан со Смоленским древлехранилищем и церковно-археологическим комитетом. Музей был основан епископом Никанором (Каменским) в 1896 г. в Тимофеевских покоях архиерейского дома. Однако его преемник Петр (Другов) в ноябре 1904 г. неожиданно ходатайствовал о закрытии музея. 8 декабря 1904 г. Синод запретил эту прихоть, однако в том же году музейные помещения были освобождены под жилье близких к епископу монахов. Экспонаты были частично отданы в семинарию и розданы по церквам, а в 1907 г. комитет исключается из списка епархиальных учреждений [34]. В обществе появились слухи о продаже христианских древностей разным лицам, в том числе княгине Марии Тенишевой.

Считается, что именно эти слухи и письмо графини Уваровой императору стали причиной отправки в Смоленск синодальной комиссии в сентябре 1907 г. Однако письмо было написано 8 апреля 1908 г., когда комиссия уже завершила свою работу, а преосвященный Петр был

съезда // Тверские епархиальные ведомости. 1903. № 22. Часть неофициальная. С. 593—600.

[33] *Ковшарь И. Г.* Н. И. Троицкий — историк, археолог, краевед, основатель Тульской епархиальной палаты древностей // Церковная археология. Вып. 4. Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848—1917). Санкт-Петербург, 1—3 ноября 1998 г. СПб., 1998.

[34] *Жиркевич А.* Еще один археологический покойник // Исторический вестник. 1907. № 6. С. 959—964. Более спокойный, хотя и несколько ангажированный взгляд на происшедшее: Древлехранилище Смоленского церковно-археологического комитета // Смоленские епархиальные ведомости. 1996. № 2 (11). С. 20—26.

отправлен на покой. Очевидно, у Синода были свои резоны в этом расследовании. Комиссию, вместе с обер-секретарем Синода П. Мудровым, возглавил епископ Могилевский Стефан (Архангельский), сменивший в свое время Петра на кафедре епископов Сумских, викариев Харьковской епархии. Ему были хорошо известны «художества» своего предшественника. Самым драматическим моментом работы комиссии стал пожар в древлехранилище в ночь со 2 на 3 октября 1907 г., уничтоживший 150 экспонатов. Уже 15 февраля 1908 г. Петр был отправлен на покой и до своей кончины в 1918 г. так и не назначался на кафедру. Описывая состояние Смоленского древлехранилища, К. Здравомыслов прямо указывает: музей «сгорел и расхищен», а обер-прокурор П. Извольский на заседании Совета Министров 24 июля 1908 г., защищая действенность синодальных мер по охране церковной старины, признал, что епископ Петр похитил и продал несколько предметов, за что был «немедленно уволен». Указом Синода 7 июля 1908 г. остатки музейных экспонатов были переданы на хранение в ризницу Успенского собора. Новый период в жизни музея и комитета начинается лишь в 1911 г. при епископе Феодосии (Феодосиеве) по инициативе А. Соболевского. Но и этого архиерея мало волновала церковная старина. Затеянный им ремонт помещения, предназначенного для музея, так и не был закончен, и экспонаты не покинули ризницы.

Однако особая роль в охране памятников православной старины в России принадлежит Императорской Археологической комиссии (ИАК), созданной 15 февраля 1859 г[35]. Ее первым председателем был граф Сергей Строганов (1794—1882). Время председательства директора Эрмитажа Александра Васильчикова (1832—1890) в 1882—1886 гг. было переходным периодом. Однако этот человек во многом подготовил последующую славу этого государственного учреждения как органа охраны памятников. Как минимум трижды, 20 октября 1882 г., 22 декабря 1882 г. и 26 ноября 1883 г., он обращался к министру Двора с проектом реорганизации Комиссии в настоящий надзорный орган. Характерен разительный аргумент в пользу организации в России службы охраны памятников: «Даже в Турции есть нечто подобное».

Новая жизнь Комиссии начинается в 1886 г. с приходом на должность председателя графа Алексея Бобринского (1852—1927). «Высочайшим повелением» 11 марта 1889 г. ИАК была дарована функция согласования проектов реставрации памятников («реставрация мону-

[35] Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Ред. А.Е. Мусин, Е.Н. Носов. СПб., 2009.

ментальных памятников древности производится по предварительному соглашению с ИАК и по сношению ее с Императорской Академией художеств»). Положение об ИАК было внесено в Свод законов Российской Империи (Т. 1, ч. 2, ст. 914, разд. XII), а повеление 11 марта было доложено Правительствующему сенату министром юстиции и включено в Собрание узаконений и распоряжений Правительства за № 359.

Для графа Алексея Бобринского охрана памятников церковной старины и взаимоотношения с «ведомством православного исповедания» с самого начала стали приоритетом в его деятельности по спасению российской культуры. Впоследствии один из его сыновей вспоминал: «Часто отец ездил в другие места России, где были старинные храмы и монастыри. Приходилось иметь дело с духовенством, разные епископы и архиереи иногда не допускали археологов в ризницы своих церквей и противились реставрации икон и самих зданий, в каком бы плохом виде ни находились эти здания. Мой отец нашел выход из затруднений этого порядка, испрашивая благословения епископа на создание при его епархии „Архивных комиссий“, причем сам епископ становился покровителем и почетным председателем. Таких „ученых архивных комиссий“ мой отец создавал много в разных городах. Ученой архивной комиссии было трудно отказать в просмотре старинных Евангелий и других древностей, находившихся в ведении данного епископа...» [36] Воспоминания, написанные не ранее конца 1950-х гг., явно смешивают архивные комиссии и церковно-археологические общества. Однако строки воспоминаний хорошо описывают непростую ситуацию взаимоотношений Церкви и культуры в конце XIX в., которая мало чем отличается от ситуации начала XXI в.

31 октября 1890 г. Министерством Двора были учреждены особые правила рассмотрения Археологической комиссией и Академией художеств поступающих от различных ведомств ходатайств о восстановлении или ремонте монументальных памятников. Ходатайства должны были сопровождаться тщательным проектом реставрации с чертежами и обоснованием, которые впоследствии оставались в архиве комиссии. Реставрационные заседания ИАК должны были проходить в присутствии представителей Академии, заинтересованного ведомства и других компетентных лиц. Так, в начале XX в. постоянными представителями от Синода в ИАК были А. Померанцев, Г. Котов и М. Преображенский. Явным недостатком правил было то, что надзор за рабо-

[36] *Бобринский А. А.* Граф Алексей Александрович Бобринский. 1852—1927. Сын об отце / Подгот. к публикации, предисл. и примеч. И. Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. Вып. IV. СПб., 2003. С. 491.

тами осуществляло само ведомство, а не Археологическая комиссия, которая лишь «принимала» выполненные работы, хотя и могла отправлять своих представителей для проведения инспекций.

Отношения Археологической комиссии, епархиальных архиереев и Святейшего Синода складывались непросто. Существует два подхода к описанию истории охраны памятников культуры. Можно многозначительно перечислять принятые меры и сделанные распоряжения, подчеркивая этим заботу ведомства о сбережении культурного наследия. Можно посмотреть, как эти меры и распоряжения выполнялись на местах. Историческая правда находит свое выражение не только в реальном состоянии охраняемых предметов, но и в регулярности принимаемых мер и в периодичности настойчивых требований исполнить изданные ранее распоряжения. Регулярность, с которой Святейший Синод издавал распоряжения о необходимости сотрудничества епархий с Археологической комиссией и охраны церковной старины, свидетельствует не об их эффективности, а о печальном положении дел в этой области.

Определение Синода 10 октября—16 ноября 1890 г. подтверждало Указ 1879 г. о необходимости санкции Синода и согласия одного из археологических обществ на реставрацию памятников старины. Этим же Определением от духовенства требовалось ведение описей богослужебного имущества и стимулировалось развитие епархиальных древлехранилищ, куда не используемые за богослужением вещи могли передаваться с согласия духовенства, братии и прихожан. Интересно, что прошло более года со времени Указа 11 марта 1889 г., но он ни словом не упоминается в настоящем Определении. 4 ноября 1893 г. граф А. Бобринской был вынужден писать в Синод, дабы тот издал распоряжение по духовному ведомству об исполнении этого Указа и об обязательном обращении в ИАК. Синод оправдывал свою медлительность тем, что ему, в отличие от Сената, это повеление так и не было доложено. Начиная с 1894 г. в Археологической комиссии на специальных заседаниях все же началось «рассмотрение ходатайств о восстановлении, ремонте, сохранении и упразднении древних церквей». В этом году сюда поступило 12 проектов [37]. Первым, кто в 1889 г. обратился в ИАК с просьбой согласовать реставрацию храма, был причт Преображенского собора в Переславле, а также епископ Черниговский Вениамин (Быковский), задумавший ремонт своей домовой церкви [38].

---

[37] Отчет Императорской Археологической комиссии (далее: Отчет ИАК) за 1894 г. СПб., 1896. С. 51—76.

[38] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1889, д. 68.

В 1895 г. таких проектов было подано в ИАК уже 15, в 1896 г. — 17 [39], в 1897 г. было 24 ходатайства [40]. С этого времени их число стабилизировалось, но в 1903 г. резко подскочило до 39 [41]. В 1905 г. ИАК рассматривала уже 48 проектов [42]. В 1914 г. к рассмотрению в ИАК было принято 217 дел, связанных с ремонтом и реставрацией древних зданий. В 1915 г. в Комиссию поступило 122 дела, в 1916 г. — 81, в 1917 г. — 25; всего за 1907—1917 гг. — 1498 дел (причем больше всего их пришлось на период 1912—1914 гг. — каждый год в Комиссию поступало более двухсот дел). Если в 1898 г. дела ИАК, связанные с вопросами церковной старины, занимали чуть более 4 %, то в 1916 г. это количество поднялось до 30 %. Основные категории дел, приходящих в ИАК, касались создания нового иконостаса, разборки ветхого храма, присылки архитекторов для составления сметы и проекта на ремонт церкви. Корреспонденция приходила в основном на бланках духовных консисторий, в редких случаях в Комиссию обращался церковный причт, еще реже — при необходимости ускорить дело — сам епархиальный архиерей. Кроме проблем церковной реставрации, Комиссия давала оценку уставам церковно-археологических учреждений, которые окончательно утверждались Синодом. В 1900 г. в ИАК были присланы уставы Воронежского церковного историко-археологического комитета и Калужского общества, в 1902 г. — Бессарабского общества и т. д.

В 1897 г. Синод должен был вновь напомнить духовному ведомству распоряжение обер-прокурора о представлении в ИАК проектов реставрации храмов, что надлежало делать до конца января наступавшего года. Но уже 20 января 1898 г. А. Бобринской пишет в Министерство двора рапорт о постоянном нарушении императорского указа от 11 марта 1889 г. духовным ведомством, особенно в Москве. При этом граф упоминает имевшее место изъятие из ведения Императорской комиссии проектов по реставрации Мирожского монастыря во Пскове и Софийского собора в Новгороде самим обер-прокурором К. Победоносцевым в 1895 г. [43]

Начинается бюрократическая чехарда и юридическая неразбериха. Принятый в 1900 г. Строительный устав оказывается исполненным внутренних противоречий. Если статья 78 предписывала проводить реставрацию «монументальных памятников древности» по предваритель-

[39] Отчет ИАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 144—145.
[40] Отчет ИАК за 1897 г. СПб., 1900. С. 85—86.
[41] Отчет ИАК за 1903 г. СПб., 1906. С. 181—183.
[42] Отчет ИАК за 1905 г. СПб., 1908.
[43] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1882 г., д. 31, л. 233.

ному соглашению с ИАК и Академией художеств в полном соответствии с указом 11 марта 1889 г., то статья 95, касающаяся поновления древних памятников, основывалась на синодальном распоряжении 1879 г. и предполагала участие археологических обществ. 2 декабря 1901 г. издается новое распоряжение обер-прокурора о точном исполнении повеления 11 марта 1889 г. и Определения Синода 21 сентября—16 ноября 1894 г. При этом отмечается, что некоторые консистории, вопреки распоряжению, продолжают согласовывать свои действия с археологическими обществами, что, как это ни парадоксально, соответствовало новому строительному уставу.

Дополнительная сложность в построении внятных правовых норм церковной реставрации была связана с деятельностью Московского археологического общества. На основании статьи 4 своего Высочайше утвержденного Устава 1864 г. общество имело право профессионального осмотра церквей, что дополнительно подтверждалось синодальным указом 1879 г. [44] Оспаривая полномочия ИАК, МАО 3 мая 1894 г. ходатайствовало перед Синодом о подтверждении прежнего порядка ремонта древних храмов. Еще в 1879 г. в рамках общества была создана «Комиссия для осмотра древних церквей». В 1882—1883 гг. она стала именоваться «Комиссией по сохранению древних памятников», в нее входили К. Быковский, И. Забелин, А. Мартынов, Н. Никитин, А. Попов, В. Румянцев и др. 23 апреля 1890 г. для этой Комиссии были утверждены специальные правила. Уже их первый пункт грубо вторгался в полномочия ИАК, нарушая императорский указ и присваивая МАО право рассматривать проекты о пристройках, перестройках, возобновлении и разборке памятников архитектуры на предмет предупреждения возможного ущерба произведениям, имеющим археологическое значение.

С 1891 г. протоколы Комиссии стали публиковаться в виде отдельного тома «Древностей» — официального издания МАО. Комиссия действительно вела работу огромного масштаба, о которой ИАК со своим ограниченным штатом и финансовыми возможностями не приходилось и мечтать. В 1909 г. на Комиссии рассматривалось 323 дела, посвященных вопросам архитектурных работ, в 1911 г. — 331, в 1912 г. — 477, в 1913 г. — 325, в 1914 г. — 360 г. Впрочем, отношения МАО и графини Уваровой складывались сложно не только с ИАК. Московский митрополит свщмч. Владимир (Богоявленский) в 1912 г. отказал членам общества в праве войти в комиссию по реставрации Успенского собора Троицкой Лавры, а еще ранее, 12 сентября 1902 г., была создана Комиссия по осмотру и изучению памятников церковной стари-

[44] РО НА ИИМК РАН, ф. 4, д. 110, л. 182 об.

ны Москвы и Московской епархии при Обществе любителей духовного просвещения под председательством А. Успенского, очевидно, как некая альтернатива Комиссии МАО.

На укрепление позиций ИАК графиня Уварова вновь отреагировала письмом к императору (14 декабря 1901 г.), содержащим просьбу даровать МАО особые полномочия по реставрации памятников церковной старины, «по крайней мере», в районе Московского учебного округа, поскольку эти вопросы требуют «ближайшего надзора и быстрого рассмотрения дел». 4 января 1902 г. Государь ответил обществу через Синод. Суть ответа сводилась к тому, что повеление 11 марта остается в силе, но не служит к ограничению деятельности Общества, так как на местах консистории могут запрашивать мнение и отзывы МАО, а в исключительных случаях на заседания ИАК приглашаются и члены Общества. Графиня Уварова поняла ответ Государя по-своему и вновь написала в Синод письмо с просьбой разослать циркуляр о том, что синодальное распоряжение от 2 декабря 1901 г. о правах ИАК не служит к уничтожению силы Указа 1879 г. о правах МАО [45]. Вообще же царь-мученик обладал удивительно трепетным отношением к древности и постоянно подчеркивал, что Церковь обязана в своей реставрационной деятельности следовать указаниям Императорской археологической комиссии.

В феврале 1905 г. последовало очередное распоряжение обер-прокурора о соблюдении Указа 11 марта, причиной чему стали безграмотные ремонты в Кирилло-Белозерском монастыре и в церкви свв. Козмы и Дамиана во Пскове. Однако 30 октября 1908 г. Московская консистория вновь предписала благочинным производить ремонт древних храмов только с согласия МАО. Борьба московской общественности с петербургской государственностью была неравной.

24 июня 1908 г. МАО обратилось в ИАК с предложением содействия в решении вопросов о ремонте и реставрации. Граф А. Бобринской ответил 2 декабря в достаточно уклончивой манере. Комиссия «не преминет просить предварительного заключения» МАО в тех случаях, когда сочтет специалистов Общества более компетентными.

24 января 1908 г. ИАК разослала в епархии новый циркуляр по вопросам реставрации памятников старины. Новый циркуляр был связан, как следует полагать, с инициированным Синодом обсуждением проекта преобразования Комиссии по разбору и описанию синодального архива в Архивно-археологическую комиссию, состоявшимся 6 марта 1908 г. Проект предполагал, что сама Комиссия и церковно-археологические общества на местах, подконтрольные епископату, будут са-

[45] Древности. Труды ИМАО. 1904. Т. 2, вып. 1. С. 174.

моуправно решать вопросы «охранения, описания и реставрирования памятников старины, находящихся в ведении св. Синода, в чем бы эти памятники ни заключались» (пункт 2.1), вне контроля со стороны ИАК и археологических обществ. Это обеспокоило МАО, и Прасковья Уварова в апреле 1908 г. написала озабоченное письмо в ИАК. В ответном письме 13 апреля А. Бобринской успокоил графиню тем, что право ведомственного надзора за реставрацией из проекта Устава уже изъято. Действительно, в правилах Комиссии, утвержденных Синодом в мае 1909 г., ее археологический отдел (пункты 9 и 12) решал частные вопросы, связанные с «охранением, описанием и поддержанием» предметов старины, находящихся в духовном ведомстве, а также должен был способствовать изысканию мер и средств к распространению интереса к старине.

На этом документе следует остановиться более подробно. Правила Архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде и Положение о Церковно-археологических комитетах на местах, утвержденные 25 апреля—5 мая 1909 г., предполагали, что почетным председателем комитета должен быть епархиальный преосвященный, хотя музеи, древлехранилища и архивы из непосредственного ведения владыки переходили в подчинение комитетам. Постановления синодальной комиссии становились обязательными для комитетов, а уже учрежденные церковно-археологические общества были поставлены перед выбором: становиться комитетами или оставаться обществами. При этом архиерей был обязан финансировать деятельность комитетов. В результате правила так и не были посланы на утверждение в Совет министров, и в период 1911—1916 гг. Синод занимал выжидательную позицию и более к этому проекту не возвращался, предпочитая обходить закон иными средствами [46].

Попытка создания ведомственной комиссии была связана с инцидентом 1907—1908 гг., в результате которого был издан синодальный Указ 30 ноября 1909 г. по Определению Синода от 28 сентября—2 ноября 1909 г. за № 7788, вновь запрещающий перестраивать и реставрировать древние церкви без согласования с Археологической комиссией [47]. Поводом для него послужил запрос «одного из епархиальных архиереев» о предоставлении ему права самостоятельно решать вопросы перестройки и ремонта без сношений с Синодом. Речь шла о конфликте вокруг некоего храма 1670 г., когда ИАК обвинила архие-

[46] Российский государственный исторический архив, ф. 796, оп. 190, отд. 2, стол 2, д. 87, л. 167.

[47] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1903 г., д. 50, л. 347—347 об.

рея в его самовольном переустройстве и разрушении. Синод постановил, что вопрос о перестройке древних храмов не может входить в компетенцию местных консисторий, и вновь подтвердил Указ 11 марта.

Нам удалось установить, что указанный конфликт связан с свщмч. митрополитом Московским Владимиром и Богоявленским монастырем в Москве. В свое время монастырская братия во главе с епископом Дмитровским Трифоном (Туркестановым) начала сносить древний надвратный храм в честь свт. Николая ради постройки четырехэтажного доходного дома. Работы были остановлены МАО, и 17 августа 1907 г. монастырское руководство сняло с себя всякую ответственность за сохранность полуразобранной церкви на Никольской улице. В то же время свщмч. Владимир 15 августа пишет, что ворота не были разобраны, а была сломана лишь их западная стена. Однако еще 3 августа осмотр установил, что митрополит был кем-то введен в заблуждение: к этому дню были снесены уже три стены и крыша храма. История 1907 г. закончилась тем, что МАО обратилось к митрополиту с запросом, не сочтет ли тот возможным предотвратить повторение подобного [48]. Однако уже на будущий год преосвященный Трифон задумал устроить Никольский придел в галерее Богоявленского собора, используя для этого престол только что разрушенного храма. Поскольку это предусматривало серьезное переустройство галереи, МАО, а затем и ИАК ответили отказом. Св. митрополит Владимир обратился в Синод, что и вызвало постановление 12 января 1909 г. об обязательности согласования вопросов ремонта и реставрации в ИАК.

Это постановление было тут же опротестовано МАО как якобы не соответствующее закону. Графиня Уварова, используя расплывчатость юридических формулировок, выдвинула свое толкование статьи 78 Строительного устава, которая предписывала согласовывать с ИАК лишь реставрацию монументальных памятников, тогда как статьи 91 и 95, охватывающие, по ее мнению, все остальные случаи реставрационных работ, предписывают духовному ведомству контакты с МАО [49]. Она и не подозревала, что через 5 лет именно это толкование позволит Синоду фактически избавиться от контроля государства над реставрацией памятников церковной культуры.

Отношения ведомства православного исповедания и ИАК продолжали поступательно развиваться. До начала 1915 г. ничто внешне не предвещало нового кризиса. 23 декабря 1914 г. Московская Духовная

[48] Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества. Т. 1. М., 1907. С. 40.

[49] Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества. Т. 4. М., 1912. С. 154—160.

консистория сообщала в Комиссию, что ею вновь разосланы особые циркуляры об обязательности разрешения епархиального начальства на любые работы на памятниках после необходимого сношения с ИАК. 1 декабря 1915 г. Комиссия разослала консисториям статью архитектора Петра Покрышкина «Краткие сведения по вопросам ремонта памятников старины и искусства», которые епархиальные издания с удовольствием напечатали. Впрочем, случались и проблемные ситуации. 5 августа 1914 г. А. Бобринской с сожалением писал в Тульскую Духовную консисторию о ее нежелании представлять в ИАК нужные сведения, что делает ее «печальным исключением из других епархий» [50]. Главой епархии в это время был архиепископ Парфений (Левицкий).

Однако 20 июля 1915 г. был издан новый синодальный Указ о порядке разрешения споров между консисториями и Археологической комиссией [51]. В основу Указа лег доклад Комиссии по вопросу «об устранении затруднений при перестройках и ремонтах церквей, имеющих археологическое значение», созданной Определением Синода от 28—29 января 1915 г. за № 702 и возглавляемой архиепископом Новгородским Арсением (Стадницким). Доклад был датирован 6 марта 1915 г. В нем отмечалось, что ИАК вступает в пререкания с духовным ведомством при разрешении вопросов «удовлетворения духовных потребностей православных прихожан», под которыми имелись в виду поновления и перестройки древних храмов. Археология настаивала на сохранении памятника в неприкосновенном виде, тогда как «духовные потребности» — на приспособлении храма для удобств паствы. Таким образом, ИАК лишала архипастырей возможности исполнять свой пастырский долг. В тексте доклада содержался прямой шантаж и передергивание фактов: церкви остаются без ремонта из-за запретов ИАК. Определение предполагало, что Синод должен иметь большее значение в подобных вопросах, чем ИАК, а «археологические потребности», в отличие от духовных, могут быть удовлетворены через фотографирование останков старины. В результате было определено, что епархиальные преосвященные в спорных случаях должны представлять дело в Синод, где председатель Строительного комитета сам решает этот вопрос со своим археологом, назначенным обер-прокурором.

Такая практика, по мнению Синода, соответствовала статье 91 Строительного устава 1900 г. и статье 47 Устава Духовных консисторий 1883 г. Эта была явная натяжка, поскольку в случае с древними памятниками, имеющими археологическое значение, должна была

[50] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1903 г., д. 50. л. 298—299.
[51] РГИА, ф. 797, оп. 86, д. 98, л. 7.

действовать статья 50 Консисторского устава, упоминающая археологические общества и статья 95 Устава строительного.

Синод пытался использовать лазейки в законодательстве, его несовершенство и несогласованность.

Граф А. Бобринской узнал о новом указе даже не из столичных, а из волынских газет. Председатель ИАК дважды, 30 сентября 1915 г. и 28 января 1916 г., писал в канцелярию Синода, прося подтвердить факт такого указа и прислать его полный текст. Очевидно, чувствуя юридические проблемы своего решения, Синод всячески затягивал с ответом. Лишь 12 февраля 1916 г. циркулярный указ № 20, разосланный во исполнение Определения Синода 24 апреля—19 июня 1915 г., был препровожден в ИАК [52]. В ответ на это председатель Комиссии написал в Синод в марте 1916 г., возражая против принятого решения и ссылаясь на Закон 11 марта 1889 г. Ответом на это явилось письмо из синодальной канцелярии от 16 августа 1916 г. [53]

Письмо отличается запутанным стилем и логикой бюрократической отписки. Оно начинается с упоминания о том, что уже в 1909 г. в Синоде рассматривался вопрос об отмене статей 78 и 95 Строительного устава и статьи 50 Устава консисторий. Напомним, что статья 78 предписывала производить реставрацию монументальных памятников древности по предварительному соглашению с ИАК и Академией художеств, статья 91, дублирующая статью 47 Устава Духовных консисторий, определяла, что постройка, перестройка и распространение храмов могут производиться с разрешения епархиального начальства, тогда как для столичных и древних церквей требуется разрешение Синода или Высочайшее соизволение, а статья 95 Строительного устава, аналогичная статье 50 Устава консисторий, напоминала, что обновления в древних церквах без Высочайшего соизволения запрещены. Согласно двум последним статьям, на исправление, возобновление и изменение живописи и других предметов древнего времени требовалось разрешение Синода после предварительного сношения с археологическими обществами.

Далее перечислялся целый ряд синодальных указов и определений (1894; 1908; 1909), где духовному ведомству предписывалось обязательное сношение с ИАК при осуществлении ремонта и реставрации. Рассказывалось о деятельности Комиссии 1915 г., передавалось содержание Указа от 20 июля 1915 г., и вновь подтверждалось, что все спорные дела должны поступать в Синод для решения их в последней

[52] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1903 г., д. 50. л. 346—346 об., 351, 352, 353.

[53] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1903 г., д. 50. л. 354—356 об.; РГИА, ф. 797, оп. 86, отд. 1. д. 98, л. 14—18.

инстанции, что якобы как раз и соответствует статьям 91 и 47. Однако, по сравнению с текстом Указа 1915 г., письмо содержит дополнительную информацию о работе Комиссии. К числу ее рекомендаций относилось пожелание, чтобы в состав ИАК входил один из епископов по назначению Синода. Однако, поскольку вхождение архиерея в Комиссию затруднено из-за штатного расписания, это было признано невозможным.

Существующее противоречие Синод полагал разрешить на более высоком уровне. Министр Двора должен был дать ИАК особое разрешение на непосредственный контакт с обер-прокурором с целью окончательного решения спорных дел. Одновременно Синод подтверждал, что Указ 1909 г., предписывающий духовному ведомству входить в сношение с ИАК, остается в силе и что новый циркуляр не предполагает ослабить закон, но лишь устанавливает контроль за деятельностью епархиального начальства со стороны Синода в случае споров между консисторией и Комиссией. Поскольку в этом случае соглашение достигается между центральными учреждениями — Синодом и ИАК, нет никакой нужды в особом циркуляре с соответствующими разъяснениями. В письме дело подается так, будто бы Синод берет на себя роль посредника в спорных делах и будет сам улаживать вопрос с археологами, тогда как по смыслу Определения 1915 г. ясно, что вопрос будет решаться без участия ИАК в Техническо-строительном комитете. Нельзя сказать, что в 1915—1916 гг. Русская Церковь вышла из общей системы государственного надзора за охраной памятников. Однако синодальная бюрократия воспользовалась тяготами страны и ослаблением государственной власти в условиях военного времени для создания себе привилегированного положения.

Подводя итого взаимоотношениям ИАК с духовным ведомством, необходимо отметить, что высокий авторитет Комиссии был обеспечен не только ее формальным статусом как «Императорской», но и возможностью непосредственно доклада министру Императорского Двора и через это — самому Императору. В целом необходимо признать, что, несмотря на традиционное равнодушие российского общества к памятникам своей истории и культуры, имперское чиновничество обладало более высокой исполнительной дисциплиной, чем современная бюрократия, что в конечном итоге и обеспечивало сохранность многих памятников культуры в Российской Империи.

Отчасти именно этим и стоит объяснить относительный успех в отношениях Комиссии с Синодом, епархиальными архиереями и духовными консисториями. Дилемма «сохранения старины» и «удовлетворения духовных нужд» прихожан, «археологической реставрации» и «сохранения памятника» зачастую решалась не столько за счет на-

лаживания контактов с местным церковным начальством и воспитанием ответственной церковной интеллигенции из числа духовенства и членов церковно-археологических обществ, сколько за счет непосредственного обращения председателя ИАК к Обер-прокурору Синода. Распоряжения последнего становились обязательными для епархиального начальства и приходского духовенства. Парадоксально, но именно существование синодально-консисторской бюрократии оказалось в дореволюционной России фактором, обеспечивающим сохранение памятников церковной старины. К тому же стоит отметить и достаточно высокий культурный уровень дореволюционного клира, который позволял ИАК надеяться на сотрудничество и взаимопонимание в деле сохранения христианской древности. Десятилетия подобной практики создали более менее надежный механизм взаимодействия между ИАК и провинциальным духовенством и епископатом. Этот механизм оказался разрушен в 1915—1918 гг. даже не столько изменением общественной ситуации в стране, сколько амбициями высшей церковной иерархии, тяготившейся своей зависимостью от канцелярии Обер-прокурора и необходимостью согласовывать свои действия со специалистами-архитекторами из числа мирян.

Следующий этап развития церковно-археологического движения был связан с Поместным собором 1917—1918 гг. В условиях всероссийского общественно-политического кризиса Собор должен был высказаться по проблеме культурного наследия и церковного искусства, так же как он сделал это по вопросам собственности. Соборные деяния закрепили ту практику церковной археологии, которая сложилась к этому времени. Определение Собора от 8 декабря 1917 г. «О круге дел, подлежащих ведению органов Высшего Церковного управления» к вопросам Высшего Церковного Совета относило «учреждение церковно-археологических обществ, комитетов, древлехранилищ и утверждение их уставов, попечение об охране памятников церковной старины и развитии церковного искусства» [54]. К совместному ведению соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного совета относилось «наблюдение за строго православным и художественным направлением церковного искусства, зодчества, иконописи, пения и прикладных искусств» [55].

Предполагалось создание Патриаршей палаты церковного искусства и древностей. Впрочем, эта идея принадлежала не соборянам, а думцам. Еще 13 марта 1914 г. бюджетная комиссия Госдумы, выделив день-

[54] Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской церкви 1917—1918 гг. Вып. 1—4. М., 1994. С. 14, пагинация I.

[55] Там же. С. 16, пагинация I.

ги для строительства здания Патриаршей библиотеки в Москве, высказала пожелание о создании при ней общерусского церковного древлехранилища и даже предполагала найти сметные суммы для ее создания в 1915 г. На Соборе решению о создании палаты предшествовал концептуальный доклад В. М. Васнецова «О русской иконописи» [56]. В частности, он призвал беречь в церквах образцы европейского искусства как искусства «искреннего» и являющегося «памятником времени».

В докладе сохранился сравнительный анализ духовного и светского участия в охране памятников церковной старины. Главную причину разрушения памятников В. Васнецов видит в отсутствии научной и культурной просвещенности, низкой исполнительной дисциплине и халатности чиновников, а так же в искусственности реставрационных и исторических концепций, довлеющих над архитекторами. Ответственность за это несет как церковная, так и светская сторона, поэтому взаимные упреки и недоверие не могут привести к счастливому для памятников исходу: «До сих пор мы слышали упреки церковному управлению в небрежении о сохранении памятников церковного искусства... большей частью справедливые... Главные причины этого небрежения — отсутствие необходимых сведений... и нерадение. Само просвещенное общество, так ретиво обличавшее и обличающее наше духовенство, только в сравнительно недавнее время обратило серьезное внимание на эту область: пока у него самого... не все обстоит благополучно...». Он утверждал, что право Церкви на ее художественное достояние неотъемлемо и непререкаемо, а государство обязано помогать Церкви оберегать ее художественные сокровища. «Патриаршая палата церковного искусства и древностей» также должна принять меры к сбережению национальных сокровищ. Особую роль епархиальных древлехранилищ художник видел в том, чтобы предоставлять мастерам образцы росписей, соответствующие канонам и высокой церковной эстетике. Интересно, что художник считал эстетической проблемой использование электричества — «мертвого света мира сего» — в храмах, которое противоречит символическому значению свечи в литургии. Он выступал за использование для свечей чистого воска вместо церезина, а также древесного масла вместо «гарного», что частично снимало проблему копоти, портящей фрески и иконы.

Определение Поместного собора о епархиальном управлении (14, 20 и 22 февраля 1918 г.) 13-м пунктом постановляет в обязательном

[56] Деяния Священного Собора Православной Российской церкви 1917—1918 гг. Т. 5: Деяния LII—LXV. С. 39—56.

порядке, что «в каждой епархии действуют на основании особых уставов епархиальные церковно-археологические, церковно-исторические... общества и существуют епархиальные древлехранилища» [57]. Сами общества открывались епархиальным собранием с согласия епархиального архиерея и содержались из епархиальных источников. Ремонт древних храмов и поновление икон и иконостасов, ценных в археологическом отношении, производится только с разрешения епархиального архиерея [58]. Однако порядок получения такого разрешения не был указан, как не была упомянута необходимость согласования этих проектов с Археологической комиссией или археологическими обществами. Воспользовавшись системным кризисом российской государственности, Собор, как и Синод в 1915—1916 гг., поспешил избавиться от «внешней» опеки, целиком положившись на «ведомственные» общества и комитеты.

В этой связи уместно вспомнить о долгом российском споре, касающемся Комиссии по охране памятников и соответствующего законопроекта. Законодательную основу для такого надзорного органа пыталась создать «Комиссия для обсуждения мер к охранению памятников древности», более известная как «комиссия Лобанова-Ростовского», товарища министра народного просвещения, созданная 26 мая 1876 г., которая к апрелю 1877 г. подготовила «Проект правил о сохранении исторических памятников».

В 1903 г. при Техническо-Строительном Комитете Министерства внутренних дел была образована особая Комиссия для рассмотрения проекта нового Строительного Устава, куда предполагалось включить отдельную главу, посвященную правилам по «сохранению и исправлению древних зданий и общественных памятников», причем ведущая роль в контроле над «сохранением и исправлением» должна была принадлежать Императорской Археологической комиссии.

В декабре 1904 г., вновь по предложению Государственно Совета, вызванному на сей раз безграмотной реставрацией храма в Муроме, была создана Особая комиссия при МВД по пересмотру действующих постановлений об охранении древних памятников и задний, которую возглавил член Совета МВД С. П. Суходольский. Предполагалось создать «центральный охранительный орган» и сеть местных учреждений, которые обладали бы наблюдательными и исполнительными функциями. Сами памятники предполагалось разделить на две категории: наиболее замечательные в художественном и историческом от-

[57] Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской церкви 1917—1918 гг. С. 18, пагинация I.

[58] Там же. С. 32, пагинация I.

ношении должны были подлежать ведению центральной власти, остальные — попечению ведомств и губерний.

Комиссия, чьи занятия были прерваны в июне 1905 г. болезнью С. П. Суходольского и общественной нестабильностью в России, возобновила свою работу только 11 мая 1908 г. Председателем комиссии был назначен Н. В. Султанов, его заместителем — член Совета МВД И. Я. Гурлянд. В 1909 г. «комиссия Султанова» была преобразована в Межведомственную комиссию, уже под председательством самого Гурлянда, возглавившего эту структуру после кончины Султанова.

Главными предметами обсуждения межведомственной Комиссии стали «вопросы материального права охраны» и порядок «организации охраняющих учреждений». Для постановки памятников на государственную охрану Комиссия посчитала необходимой повсеместную регистрацию, которая бы подразумевала «изучение их на месте, классифицирование и занесение в особые реестры в точном порядке, имеющем значение юридического акта».

Результат деятельности комиссии в виде проекта «Положения об охране древностей» был 29 октября 1911 г. внесен в Государственную Думу. Статья 2 предусматривала особый порядок охраны предметов религиозного почитания, непосредственная охрана которых относилась к обязанностям Церкви. Статья 21 относила местные церковные древности к ведению церковно-археологических обществ. Статья 27 предписывала проводить регистрацию церковных памятников по согласованию с епархиальным начальством, а спорные вопросы выносить на обсуждение Синода.

В 1911—1912 гг. проект подвергся серьезной критике и так и не был принят, в том числе и из-за желания его разработчиков передать охрану церковных древностей в ведомство православного исповедания. Против него выступили Всероссийский съезд художников, комиссия Академии художеств, Общество защиты и сохранения в России памятников искусств и старины, думская комиссия Евграфа Ковалевского, а также МАО. В возражениях последнего было отмечено, что особый статус церковных памятников не означает обязательности передачи их охраны в руки лиц, «наименее в этом заинтересованных». В том же духе еще в 1908 г. высказался XIV Археологический съезд в Чернигове, который отметил, что за разрушение памятников духовенство должно отвечать наравне с другими российскими сословиями, и перед законом, а не перед своим синодальным начальством.

Защищая «честь рясы», со своими возражениями на подобную критику выступил А. И. Соболевский, председатель Комиссии по описа-

нию Синодального архива [59]. Только этими целями можно объяснить, что авторитетный ученый отрицал факты пренебрежения церковной стариной со стороны духовенства, признаваемые не только его коллегами, в частности Н. Покровским и В. Васнецовым, но и синодальным руководством. Выступая против замалчивания заслуг Церкви в деле сбережения собственной культуры, он полагал, что она смогла бы сберечь больше, если бы государство не отняло у нее в XVIII в. монастыри и архивы. Думский законопроект, с его точки зрения, еще больше сокращал права ведомства, а также смущал церковные власти натиском на них «ученых и неученых археологов». По его мнению, ситуация лишь усугубится, когда «специалисты» почувствуют себя господами положения и начнут хозяйствовать по-своему в храмах и ризницах. При этом он не считал нужным оговорить, что упомянутые «специалисты» в большинстве своем являются членами этой Церкви с соответствующими церковными правами.

В 1913 г. следующий вариант законопроекта по охране памятников был внесен на рассмотрение Думы, однако начавшаяся через год Мировая война остановила его обсуждение. Обстоятельства военного времени значительно ухудшили состояние дела охраны отечественных древностей в России. В печати неоднократно появлялись сообщения о непрекращающейся продаже частным лицам старинных икон.

13 сентября 1916 г. министр внутренних дел А.А. Хвостов в своем докладе Николаю II сообщил о необходимости образования Особого совещания для пересмотра законопроекта об охране памятников древности во главе с председателем ИАК А. А. Бобринской. 15 сентября в Ставке император наложил резолюцию: «Согласен».

В том же 1916 г. при Министерстве юстиции образовалось Особое совещание для выработки законоположения об охране памятников древнерусской иконописи. Возглавил работу совещания товарищ министра А. Н. Веревкин. Поводом к созыву этого совещания послужил факт судебного разбирательства о «растрате икон» одной сельской церкви в Тверской губернии, где священник церкви и староста тайно продали московскому иконописцу-реставратору 15 икон, заменив их копиями. Самая ценная из икон «Лицевое Евангелие» оказалась приобретена Русским музеем. При этом было непонятно, как следовало распорядиться ее дальнейшей судьбой: вернуть в церковную собственность или оставить в музее.

Одной из основных тем, обсуждаемых на совещании, были правила об охране предметов церковной старины, зафиксированные в уставе духовных консисторий. С точки зрения сегодняшней ситуации инте-

[59] Церковные ведомости. 1912. Прибавление к № 23. С. 943—947.

ресно отметить, что уже тогда обсуждался вопрос особого законодательного постановления о «неотчуждаемости всех попавших в музей тем или иным путем памятников древнего искусства»[60]. В течение весны и осени 1916 г. состоялось несколько заседаний нового Особого совещания, которое признало меры по охране памятников церковной старины не вполне достаточными и требующими дальнейшего развития. При этом наиболее целесообразным было признано усиление контроля за выполнением административных распоряжений Святейшего Синода с разъяснением епархиальным архиереям «значения для отечественного искусства старинных икон и прочих предметов церковной старины и с увещанием о вящем наблюдении за их сохранностью во вверенных им епархиях и принятии для сего соответственных мер». Совещание предложило также «установить в административном порядке воспрещение отчуждения без разрешения высшей духовной власти всех без исключения предметов церковной древности». Одновременно была разработан проект императорского указа, согласно которому предметы, имевшие научно-историческую или художественную ценность и приобретенные музеями, оставались бы в их собственности, даже если впоследствии судом было бы установлен факт их похищения у прежнего собственника [61].

Оценивая степень уважения клира и мирян в России к древности накануне октябрьского переворота, нам важно понять, какова действительная роль епископата и церковно-археологического движения в деле сохранения памятников культуры. Для того чтобы увидеть особенности отношения русского архиерея к церковной старине, стоит вспомнить историю с описанием древних храмов, затеянную Императорской Академией художеств [62]. 17 февраля 1886 г. Т. В. Кибальчич обратился к президенту Академии Великому князю Владимиру Александровичу, указав на отсутствие в России цельной программы для учета и изучения русского церковного зодчества. С печалью писал он об «искажении и разрушении старины под видом усугубления благолепия храмов Божьих». Его предложение заключалось в проведении своеобразной переписи памятников как основы для будущего свода русского искусства. Для этой переписи он предложил свой образец опросного листа — «Метрики для получения верных сведений о древне-православных храмах Божьих, зданиях и художественных предметах». По сути, впервые в стране была сделана попытка создания «единого государственного реестра».

---

[60] РО НА ИИМК РАН, ф. 68, д. 60, л. 6.
[61] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1916 г., д. 175, л. 8.
[62] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп.1, 1886 г., д. 180.

Запросы епархиальным преосвященным за подписью августейшего президента были разосланы уже 14 октября 1886 г. В письме содержалась просьба содействовать Академии в получении сведений о храмах и священных предметах до начала XVIII в. и предоставить их не позднее марта 1887 г. Самое интересное в письме — критерий предполагаемого отбора. Описанию подлежали те предметы, которые епископ «соизволит признать заслуживающими внимания как по оригинальности, так и по художественному качеству и историческим воспоминаниям». Вплоть до начала января 1887 г. архиереи, которые не могли отказать члену императорского дома в его «прихоти», присылали в Академию запросы с указанием потребного для епархии количества метрик в соответствии с количеством памятников, заслуживающих преосвященного внимания. Последней метрики запросила Олонецкая епархия — 40 штук, Тверская епархия — 1000, Рязанская — 250, Москва — 1300, Курская епархия — 1070, Архангельская — 300, а «бедный» историческими памятниками Смоленский архиерей запросил лишь 20 экз. Всего было разослано 9832 экземпляра, а получено в два раза меньше — 4563. В этой истории поражает не только отсутствие в Русской Церкви конца XIX в. четких критериев для выявления памятников культуры. Поражает осознанный волюнтаризм, отдающий эту старину на откуп не просто церковной бюрократии, а элементарной образованности и культурности каждого конкретного чиновника или архиерея. Произвол и субъективность в подходе к православной старине, преобладание личного фактора и персональной вкусовщины вместо объективных оснований, соборного мнения или элементарной коллегиальности были и остаются главной бедой церковной культуры внутри самой Церкви.

Вместе с тем, значение древности и ее музеефикации для демонстрации статуса епархии осознавалось высшей иерархией в полной мере и происходило при одобрении и поддержке православного народа. Никто не усматривал «кощунства» в перемещении церковных святынь в музей, которое, к тому же, зачастую совершалось путем выкупа. Запрещая в 1864 г. неизвестному архиерею продавать церковные сосуды и выжигать старинные облачения для добычи драгметаллов, Синод писал, что древность имеет ценность не по качеству и количеству материала, но как памятники состояния мастерства в ту эпоху, к которой относится их изготовление. Вещи, собранные в течение столетий, должны быть видимым памятником древности архиерейской кафедры и свидетельством того почитания, которым пользовались возглавлявшие ее иерархи. В качестве видимого украшения архиерейского дома, эти

предметы должны быть поставлены в залах на приличном и безопасном месте [63].

В 1864 г. известный знаток церковных древностей Феодор Буслаев передал в дар Румянцевскому музею в Москве антиминс 1662 г. [64] С момента основания Русского музея имени Александра III в Петербурге в 1898 г. в составе его художественного отдела существовало Отделение христианских древностей, основу которого составили произведения, переданные из Христианского музея Академии художеств, образованного в 1856 г. по инициативе князя Г. Гагарина [65]. Христианский музей Академии во многом формировался с помощью архитектора А. Горностаева и В. Прохорова. В 1860—1861 гг. А. Горностаев, первый хранитель музея, привез много реликвий из новгородских монастырей и древлехранилищ, в частности деревянные резные надгробные изображения святых и амвон 1533 г., которые были сложены на полатях Софийского собора [66].

В 1861 г. заведующим музеем стал В. Прохоров, при котором сюда поступили коллекции церковной утвари из Мироваренной палаты и синодальной ризницы Московского Кремля [67]. Всего Русским музеем было получено из Академии 1616 древних икон и около 3500 различных предметов церковного обихода [68]. С 1913 г. император Николай II ежегодно жертвовал на развитие Отделения христианских древностей 30 000 рублей из своих средств. Была создана отдельная «Иконная палата» по проекту академика А. Щусева, открытие ее состоялось 18 марта 1914 г. 23 марта 1914 г. Отделение получило название «Древлехранилище памятников русской иконописи и старины имени императора Николая II». В 1910—1912 гг., в результате экспедиций П. Нерадовского, в музей поступили на основе выкупа памятники церковной старины из ризницы Иосифо-Волоколамского монастыря. В 1913 г. В. Ге-

---

[63] *Гаврилов А.* Постановления и распоряжения Святейшего Синода о сохранении и изучении памятников древности (1855—1880). С. 56.

[64] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музея за 1864 г. СПб., 1865. С. 32.

[65] *Сычев Н. П.* Древлехранилище памятников русской иконописи и церковной старины // Избранные труды. М., 1976. С. 141—143; *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой иконописи. XIX век. М., 1986. С. 116—119, Обозрение Отделения Христианских древностей в музее императора Александра III. СПб., 1902.

[66] РГИА, ф. 789, оп. 3, 1860 г., д. 35, л. 32—45.

[67] РГИА, ф. 789, оп. 6, 1869 г., д. 111; ф. 789, оп. 151, 1870 г., д. 702; ф. 797, оп. 40, отд. I, д. 49; ф. 528, оп. 1, д. 60.

[68] *Лихачева Л. Д.* Коллекция древнерусского прикладного искусства // Из истории Русского музея. СПб., 1995. С. 91.

оргиевский, сопровождавший Николая II при посещении Покровского Суздальского монастыря, обратил внимание Государя на древние иконы, вышедшие из богослужебного употребления и хранящиеся в ризничной палате. В 1914 г., после переговоров, иконы были доставлены в музей. В 1912 г. из Благовещенского собора в Муроме также был вывезен ряд церковных древностей [69].

Тогда же В. Суслов (1857—1921) передал в музей резной кивот в форме церкви из храма в Романове-Борисоглебске. В 1883—1886 гг. он провел ряд экспедиций в Архангельской и Олонецкой епархиях, где собрал значительное количество памятников церковной старины. В результате этого в 1886 г. возникли не только Архангельский епархиальный церковно-археологический комитет и древлехранилище [70]. После соответствующей переписки 1886—1889 гг. иконы и литургическая утварь XVI—XVII вв., по личной просьбе великого князя Владимира Александровича, были пожертвованы Академии епископом Нафанаилом (Софийским) через канцелярию обер-прокурора Синода [71].

В этой связи стоит обратиться к анализу конфликтной ситуации, возникшей между Синодом и МАО в преддверии VIII Археологического съезда в Москве. В намерении организовать к открытию съезда в январе 1890 г. выставку, на которой был бы представлен обширный отдел церковных древностей, графиня Уварова обратилась в Синод с просьбой разрешить епархиальным преосвященным выдать предметы православной старины «во временное хранение». Ответ Синода от 16 марта—31 мая 1889 г. был достаточно жестким. Последовал отказ, мотивированный тем, что хотя большинство предметов и не используются литургически, но освящены богослужебным употреблением, поэтому их «перенесение из ризничных хранилищ на выставку для обозрения любознательными лицами, хотя бы и в научных целях, не соответствовало бы тем благоговейным чувствам, с коими православные относятся к сим священным предметам». В связи с этим Синод не признает возможным помещение на предполагаемой выставке священных предметов, тогда как возможность отправки в Москву других вещей оставляется на усмотрение преосвященных.

Однако выставка состоялась, не в последнюю очередь благодаря местным епископам, в частности Ростовскому Ионафану (Рудневу). Еще

---

[69] *Нерадовский П. И.* Из жизни художника. Л., 1965. С. 142—144.

[70] *Федосеева М. В.* Памятники древнерусского прикладного искусства, вывезенные академиком В. В. Сусловым из Архангельской губернии // Санкт-Петербургский фонд культуры. Программа «Храм»: Сб. материалов (ноябрь 1993—июнь 1994). СПб., 1994. С. 98.

[71] РГИА, ф. 789, оп. 10, 1878 г., д. 142, л. 188.

в 1886 г., по ходатайству графини Уваровой, он передает пелену с образом прп. Авраамия Ростовского из Авраамиева монастыря в древлехранилище [72]. Теперь, получив, отношение МАО от 9 июля 1889 г., он, своей резолюцией от 12 июля № 2210, не только благословляет отправку церквами и монастырями в Москву испрашиваемых предметов, но и просит настоятелей «о скорейшем исполнении желания археологического общества». Он принял выставочное дело под свое покровительство и распорядился опубликовать отношение и резолюцию в Ярославских епархиальных ведомостях [73]. Выступая на открытии Областного археологического съезда в Ярославле в 1901 г., он благожелательно отнесся к развитию в Поволжье археологических исследований, в том числе и связанных с изучением погребений и раскопками курганов. Возмущенная синодальным отказом, графиня уже после окончания съезда, 28 апреля 1890 г., пишет обер-прокурору К. Победоносцеву о том, что духовенству необходимо разъяснять, сколь важно сохранять церковные древности. В письме она перечисляет случаи уничтожения, продажи и безграмотного поновления древних предметов и предлагает, чтобы неиспользуемые за богослужением церковные предметы были выкуплены Российским историческим музеем.

20 декабря 1890 г. К. Победоносцев отвечает графине, что не видит необходимости в новых мерах по сохранению церковной старины. При этом он ссылается на практику церковно-археологических обществ и древлехранилищ, куда, в случае необходимости, и могут быть переданы вышедшие из употребления литургические предметы, но никак не в Исторический музей. Он как будто старается не замечать выявленных МАО случаев небрежения к памятникам литургической старины, которым якобы ничего не угрожает, «особенно ввиду глубокого уважения православного народа к предметам древности». Заметим, что это письмо появилось лишь после Определения Синода 10 октября—16 ноября 1890 г., где, очевидно не без влияния собранной МАО информации, духовенству было еще раз строжайше запрещено продавать древности своих ризниц.

В любом случае, последнее слово должно было оставаться за графиней. В ответном письме в декабре 1890 г. она не без ехидства замечает, что Императорский Российский исторический музей предоставляет более надежные гарантии сохранности старины, чем древлехранилища, зависящие от воли преосвященных, а уважение «православного народа» не мешает ему продавать и сжигать собственные древности. О

---

[72] РО НА ИИМК РАН, ф. 4, д. 110, л. 242.

[73] Ярославские епархиальные ведомости. 1889. № 30. Часть официальная. С. 234—235.

неоднозначности Определения Синода 1889 г. свидетельствует и синодальный указ 31 октября—26 ноября 1903 г., разрешающий Русскому музею императора Александра III, по просьбе его «августейшего управляющего» великого князя Георгия Александровича, осматривать предметы древности в различных епархиях с целью дальнейшего доклада Совету музея и пополнения коллекций. Точно так же, 27 мая—7 июня 1911 г. Синод, по отношению великого князя Константина Константиновича, разрешил передать целый ряд предметов из храмов в распоряжение Комиссии по устройству выставки «Ломоносов и Елисаветинское время». Очевидно, отказ 1889 г. являл собой пример чисто ведомственных «разборок» и был связан со сложными отношениями между Синодом и МАО вообще. Синод знал, кому, когда и в чем можно было отказывать.

Церковно-археологическое движение в России было следствием той атмосферы общественной свободы, которая возникла в эпоху либеральных реформ императора Александра II. Однако гораздо важнее было происходившее в это время осознание церковным народом собственных прав и ответственности, в том числе и в вопросе понимания и сохранения старины. Нам неизвестны примеры, когда бы епархиальные церковно-археологические общества, подчиненные правящему архиерею, выступали против наиболее вопиющих проектов переустройства памятников церковной старины. Однако уже самим фактом своего существования и просветительской деятельности они, как представляется, смогли сократить их количество, по крайней мере, на епархиальном уровне.

Характерно, что именно прихожане и миряне в большинстве случаев выступали поборниками старины, препятствуя попыткам духовенства и старост переделывать храмы в соответствии со своими вкусами. Известно, что одной из причин Новгородского бунта в 1650 г. была попытка митрополита Никона, будущего патриарха, переделать иконостас в Софийском соборе. Разгневанные новгородцы явились к своему архиерею, говоря, что и до него тут многие власти были, а «старины не рушили».

Эта традиция сохранилась и позднее. В посаде Дубочки под Саратовом в Успенском храме архитектуры коринфского ордена (1796) находился барочный иконостас [74]. Местный клир и гласные городской думы подготовили проект строительства новой алтарной преграды. Прихожане выступали за сохранение старого иконостаса и его реставрацию. Только вмешательство губернатора М. Н. Галкина-Враского, лично посетившего храм, и его письмо к епископу Тихону (Покров-

[74] Саратовские губернские ведомости. 8.02.1878. № 161.

скому) от 2 декабря 1877 г. решили исход дела в пользу общины. Замечательно письмо прихожан (1908) Никольского храма, построенного в 1740 г. в Козельске Калужской губернии, просивших ИАК помочь им сохранить и не допустить «обезобразить» древний архитектурный и величественный вид храма закладкою окон, которую начал их староста [75].

Противостояние «любителей новизны» в лице пришлого духовенства и «ревнителей старины» в лице прихожан «с корнями» находило свое выражение не только в конфликтах между клиром и общиной. Против духовного произвола восставали целые города. В 1912 г. городское правление Селижарова в Тверской губернии обратилось в МАО с просьбой не допустить слома стены Троицкого монастыря и устройства на ее месте торговых лавок. Местный игумен Вассиан как раз намеревался пробить в ограде окна и двери для организации здесь рыночных мест и сдачи их внаем [76]. Такое разрешение он получил от духовной консистории еще в феврале. Стена с контрфорсами действительно угрожала падением, и 15 апреля игумен запрашивает у консистории разрешение не реставрировать ее, а сломать. 7 июня консистория запросила мнение МАО. Но уже 14 июня Городское правление сообщило в общество, что игумен начал уничтожать городские липы возле монастыря. Дело кончилось тем, что тверской губернатор 31 августа запретил монашеские новшества.

Зачастую забота некоторых представителей духовенства о памятниках, особенно недвижимых, была продиктована вполне меркантильными соображениями и борьбой с экономическими конкурентами. В 1901 г. священник церкви вмч. Георгия в Старой Ладоге Георгий Добровольский обратился в ИАК с просьбой запретить разгрузку баржей с лесом у стен крепости XII—XVI вв., поскольку это разрушает древнюю кладку. Это и было сделано после обращения Комиссии к губернской земской управе в 1902 г. За единственным исключением. Выгрузка леса сохранилась на участке берега, принадлежавшем непосредственно георгиевскому причту, а 19 июня 1912 г. иерей Добровольский вообще сдал приходской берег под склад фирме Пониковского за 80 рублей [77]. Эта история стала известна благодаря вмешательству староладожских прихожан.

---

[75] Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 44. СПб., 1912. С. 42—43.

[76] Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества. Т. 6. М., 1915. С. 23, 56, 60, 85.

[77] Журнал Русского военно-исторического общества. 1913. Кн. 9/10. С. 417—418.

О рождении церковно-археологической инициативы снизу свидетельствуют заявления епархиальных съездов духовенства в Архангельске в 1902 г. и в Вятке в сентябре 1909 г., каждый из которых выступил с собственной программой охраны памятников церковной старины. В качестве характерной черты подъема охранительного движения «снизу» надо отметить деятельность братств по организации церковно-археологических кабинетов и древлехранилищ. Инициатива их создания принадлежала братству св. вмч. Димитрия Солунского в Тобольске (1902), Крестовоздвиженскому братству в Луцке, Богородицкому братству в Холме (1882), Свято-Владимирскому братству во Владимире-Волынском (1887), братству св. князя Александра Невского во Владимире (1886), братству при «Назариевском доме» в Петрозаводске (1900).

Естественно, епископат пытался освоить эти инициативы к своей выгоде. Архиепископ Арсений (Стадницкий) один из первых осознал потенциальные возможности церковно-археологических обществ и «карманных мирян» в борьбе за независимость от государственных органов охраны памятников и независимых специалистов. 17 октября 1916 г. граф А. Бобринской, ознакомившись с отчетом Новгородского церковно-археологического общества за 1915 г., был вынужден писать новгородскому архиерею о недопустимости выдачи разрешений на производство росписей в старинных храмах от имени этого Общества [78]. Однако подобного рода злоупотребления не должны подвергать сомнению значение самого церковно-археологического движения как попытки налаживания многостороннего диалога между клиром, епископатам, мирянами и обществом.

Одна из страниц драматического непонимания между клиром и мирянами — учреждение и деятельность Комитета попечительства о русской иконописи 1901—1921 гг., состоявшего изначально из представителей МВД, Синода, Министерства Императорского двора, Министерства народного просвещения, Министерства финансов и Института гражданских инженеров. До сих пор среди иерархии можно услышать мнение, что деятельность этого Комитета не увенчалась успехом, поскольку он был организован вне Церкви и не встретил со стороны духовенства должного понимания [79]. Однако это, несомненно, церковное мероприятие, находящееся под попечением Государя, было инициативой мирян в Церкви (в частности графа Сергея Шереметьева и Нико-

[78] Научный архив ИИМК РАН, ф. 1, 1903 г., д. 50, л. 359—360.

[79] *Прокопий* (*Титов*), *епископ*. Об общих проблемах иконописания в России. Священный собор Православной Российской церкви — из материалов отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. 1998. № 35.

дима Кондакова), оказавшейся вне определенного контроля бюрократических церковных структур, что и вызвало недовольство Синода, «науськивающего» духовенство на новообразованный комитет, по образному выражению самого Н. Кондакова. Вряд ли Синод простил Н. Кондакову и резкую оценку подрядчика из Палеха Николая Сафонова († 1923), близкого к этому ведомству, как «археологического изверга или Герострата», покрывшего «гнусной иконописью» стены Софийского собора [80]. В истории «иконописного комитета» прослеживается не только конфликт иерархии и мирян внутри Православной Церкви, но и конфликт двух культур в российском обществе: взыскующей культуры высокой церковной эстетики, настоящей наследницы «красоты церковной» эпохи Крещения Руси, и нетребовательной потребительской культуры приходского требоисправления, приспосабливающей «церковную красоту» к собственным вкусам, чувственному комфорту и бытовому удобству.

О существовании подобных конфликтов свидетельствует история отечественной реставрации и охраны памятников культуры. В 1910—1913 гг. происходила реставрация икон в храме Спаса на Бору в Московском Кремле, отчетливо выявившая определенную разницу подходов к реставрации [81]. 2 марта 1913 г. на Комиссии возник спор о восстановлении первоначальных золотых надписей над клеймами чудес при образе нерукотворного Спаса.

Петр Покрышкин, представлявший Императорскую Археологическую комиссию, ссылаясь на нормы музейной реставрации, призывал пощадить и не записывать сохранившиеся подлинные фрагменты. Он, в частности, говорил о том, что нужно избегать реставрации там, где в этом нет крайней необходимости. Однако он встретил сопротивление с самой неожиданной стороны. С. Милорадович, академик живописи и представитель МАО, настаивал на том, что надписание есть совершенно необходимый элемент иконы, раскрывающий ее догматическую сущность. Эта традиция должна быть священна, и «археологический взгляд» должен быть принесен ей в жертву. Его поддержал архитектор Московского Дворцового управления А. Иванов, жестко заявивший, что нельзя превращать церковь в музей. Свое «особое мнение» о реставрации письменно изложил протоиерей И. Извеков. Согласно пись-

---

[80] *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2004. С. 86.

[81] Материалы комиссии по реставрации иконостаса придворного собора Спаса на Бору в Москве, под председательством П. П. Покрышкина (протоколы подлинные, акты, сметы, отчеты и переписка). — Научный архив ИИМК РАН, ф. 21, оп. 1, д. 26 (1910—1913 гг.), л. 84 об.—85, 98—99 об., 125—128.

му, в задачи реставрации входит восстановление чистоты картины на время ее написания, снятие наростов последнего времени и «обнажение примитива», который вышел из под руки первоначального художника. С точки зрения протоиерея, «музейная реставрация» может закрыть или ослабить содержащийся в иконе источник святого воодушевления, благочестивые мысли и святые чувства верующих: «Какое впечатление могут произвести на богомольцев иконы, на которых реставраторы, в угоду археологии, будут оставлять без исправления повреждения и разные пятна?» Все это вызвало удивление П. Покрышкина: религиозное чувство ничуть не оскорбляется при виде фрагментов подлинных надписей на иконах. К тому же прецедент уже существовал, когда без поновления были оставлены надписи на фресках Троицкого собора Ипатьевского монастыря.

Подобные споры возникали и позднее в отношении реставрации стенописи Успенского собора в Кремле в 1910—1918 гг. Несмотря на то, что в целом победила точка зрения сторонников «благолепия», во время дискуссии высказывались мнения о допустимости разных подходов к восполнению утрат фресок, расположенных в разных частях храма. Участники реставрации полагали, что если росписи наоса должны быть «приспособлены» к особенностям восприятия «богомольцев-простецов», то иконопись алтарных пространств вполне может быть оставлена без тонировок, поскольку созерцается лишь людьми богословски образованными, с развитым религиозно-эстетическим чувством [82].

Похожий конфликт вышел у П. Покрышкина с профессором Киевской Духовной академии и заведующим ее Церковно-археологическим музеем Николаем Петровым (1840—1921). В своих воспоминаниях Н. Петров выделяет в области охраны памятников церковной старины две тенденции, сложившиеся в начале XX в.: централистическую, идущую от ИАК и стремящуюся сохранить в неприкосновенности всякий остаток церковной древности, «поставив его под стеклянный колпак», и местную, связанную с епархиальными архиереями, приходскими и монастырскими настоятелями [83]. Девизом первого направления было изречение «percat mundus, fiat archeologia». По смыслу закона археологической охране подлежали только памятники досинодаль-

[82] *Качалова И. Я.* Проблема завершения реставрации стенописи Успенского собора в 1910—1918 гг. // Материальная база сферы культуры. Отечественный и зарубежный опыт решения управленческих и научно-технических проблем: Информационный сборник. Вып. 4. М., 1998. С. 36—44.

[83] *Петров М. І.* Воспоминания старого археолога // Просемінарій. Медіевістика. Історія церкви, науки і культури. Вип. І. Київ, 1997. С. 108—112.

ной эпохи, «но гг. Покрышкины стараются охранять и более поздние памятники» [84]. Он вспоминает эпизод, связанный с попыткой строительства в Михайловском Златоверхом монастыре в Киеве новой трапезной церкви, вместо обветшавшей прежней, созданной в 1760-е гг. В этот поздний храм оказался встроен портал боковой двери, оставшийся от древнего храма. Несмотря на заверения монастырской комиссии, что дверь может быть сохранена и при строительстве, П. Покрышкин, произнеся свой вердикт о нежелательности каких-либо перестроек, абсолютно утратил интерес к работе комиссии. На недоуменные вопросы собственников, что же им делать после запрещения вести переделки древних церковных зданий, П. Покрышкин, по свидетельству Н. Петрова, якобы отвечал: «Это не мое дело, я имею в виду только археологические интересы». Второе течение в области охраны памятников пыталось, хотя и не во всем успешно, сочетать задачу охраны церковной старины с повседневными литургическими и хозяйственными нуждами. Впрочем, Н. Петров сам признает, что зачастую эти «нужды» диктовались вкусами или пристрастиями архиерея или настоятеля. В обиход вошло создание «домашних» экспертных комиссий, принимавших выгодные преосвященному заказчику решения или же просто констатировавших факт перестроек.

Еще одна история, связанная с позицией ИАК и оппозицией ведомства православного исповедания произошла в 1910 г. и касалась Никольского храма в Московском Новоспасском монастыре (1652) [85]. Для целей «церковно-просветительской деятельности» монастыря было решено приспособить Никольский храм, который требовал капитального ремонта. Московская синодальная контора решила, что храм не имеет археологического интереса, и ремонт превратился в расширение церкви. Все это вызвало вполне предсказуемую реакцию МАО в письмах от 12 и 17 июня 1910 г. в синодальную контору, где требовалось «принять меры против варварского своеволия монахов».

В ответ настоятель ставропигиального монастыря архимандрит Макарий (Гневушев), только что назначенный на эту должность в 1909 г., сформулировал особую идеологию отношения к древности. Несвоевременное удовлетворение нужд приходов ведет к гибельным последствиям. Между тем среди археологов — «решительных специалистов», не имеющих никаких других занятий, ревность к «археологическим подробностям» нередко доходит до идолопоклонства перед каждым древним кирпичом. У церкви нет денег и места, чтобы стро-

[84] *Петров М. І.* Указ.соч. С. 108.

[85] Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 41: Вопросы реставрации. Вып. 8. СПБ., 1911. С. 24—28.

ить новые храмы. Остается лишь одно — оставить храм разрушаться и пренебречь современными пастырскими обязанностями. Такие случаи ясно говорят, что вопрос о взаимных отношениях между археологией и насущными нуждами современности должен подвергнуться всестороннему обсуждению и должны быть положены пределы «запрещениям», исходящим от археологии в деле первостепенной важности для Церкви. Границы допустимого должны быть обусловлены не одним только мертвым служением старине, но и высшими побуждениями религиозно-нравственной жизни, постоянно развивающейся. Церковная власть должна понять, что любовь к старине у «варваров монахов» более целесообразна и глубока, чем у археологов. На заседании ИАК 23 февраля 1911 г. эта теория вызвала законное недоумение. Сохранение древних храмов в чистоте их исторических форм есть одна из важных форм православного служения, как и хранение канонов и традиций вообще. Для дела веры лучше отнюдь не то, что удобнее, просторнее, практичнее и блестит новизною. Религиозное настроение не достигается золотом. Собравшиеся отметили, что впервые столкнулись со столь решительной отповедью со стороны духовенства в адрес охраны памятников старины. В результате к Никольскому храму был пристроен обширный зал.

Двусмысленность и неординарность ситуации, связанной с конфликтом в Новоспасском монастыре, проистекает из личности его настоятеля, в миру Михаила Васильевича Гневушева (1858—1918). Начиная с 1906 г. он был активным членом монархического движения, в 1915 г. стал членом Совета монархических съездов, а некоторые из его выступлений были оценены современниками как антисемитские. Его настоятельская деятельность в монастыре неоднократно становилась предметом жалоб в Синод в связи с растратами монастырских денег и финансовыми махинациям, однако инициировать серьезное разбирательство так и не удалось. В 1914 г. архимандрит Макарий был рукоположен во архиерея, в январе 1917 г. стал епископом Орловским и Севским, однако уже 26 мая был отправлен на покой — по причине ангажированной политической позиции и в силу неоднозначности репутации в обществе и Церкви. В дальнейшем он проживал в монастырях Смоленска и Вязьмы, однако 22 августа 1918 г. был арестован и 4 сентября расстрелян. Суть предъявленных ему обвинений достаточно смутна, очевидно, они были как то связаны с его прошлой монархической деятельностью.

Несмотря на неоднозначную оценку его личности, епископ Макарий был канонизирован Архиерейским собором 2000 г. в чине новомучеников. Интересно, что целый ряд конфликтов начала XX в., порожденных охраной церковной старины, так или иначе связан с вы-

дающимися церковными деятелями, впоследствии канонизированными. Очевидно, что факт признания святости современной Церковью не гарантирует высокой личной культуры и христианского отношения к древности со стороны самих новомучеников: «несть человек, иже жив будет и не согрешит».

Оценивая приведенные выше «церковно-археологические examplae», следует помнить, что элементарные нормы христианской антропологии подсказывают: христианин не может безусловно доверяться собственным чувствам и представлениям. Для описания плененности человеческой личности собственными чувствами в православной аскетике существует емкий термин — «прелесть». Если вид древности «оскорбляет» чьи-то «религиозные чувства», то человеку стоит задуматься, насколько развито его религиозное чувство. Археология и вера не могут находиться в противоречии, потому что вера не есть процесс «удовлетворения религиозных потребностей». Если ради создания «благолепия» древность уничтожается, значит, это благолепие антицерковно. Скорее, как явствует из манифеста архимандрита Макария (Гневушева), в оппозиции находятся археология и монастырские деньги. Парадокс заключается в том, что Петр Покрышкин и Археологическая комиссия оказались в своих требованиях более церковны, чем их церковные оппоненты, результаты деятельности которых, разрушающие образ старины, оказываются близки к плодам византийского иконоборчества и советского богоборчества. К тому же осуществление двойных стандартов в церковной культуре — для «грамотеев» и «простецов» нельзя признать соответствующим христианской порядочности.

Каким бы странным это ни показалось, но в истории церковной археологии в России, по нашему мнению, настоящим показателем меняющегося отношения православного клира и мира к древности стал все возрастающий интерес приходского духовенства к археологическим раскопкам. Твердо усвоив максиму апостола Павла о том, что благочестие не служит для прибытка, епископат и высшее духовенство с пренебрежением относились ко всему, что прибытку не служит. Конечно, нельзя исключить и страсть духовенства к кладоискательству, замаскированную в форму получения официального разрешения на раскопки. Археологическая комиссия, с 1859 г. имевшая обязанность производить раскопки древностей, относящихся к отечественной истории, в 1889 г. получает вместе с реставрационным надзором исключительное право выдачи Открытых листов на раскопки на землях казенных и общественных. Однако повсеместность явления опровергает это предположение. Естественно, методологические основы подобных предприятий были невысоки, а научный результат невелик. Но «рас-

копочный бум» начала XX в. среди священства и церковной общественности, вряд ли способствовавший обогащению, должен быть расценен как важный ментальный прорыв. При этом духовенство интересовалось преимущественно памятниками первобытной древности, а отнюдь не церковной археологией.

Так, священник Н. Предтеченский раскопал курганы древнерусского времени в Корчевском уезде в 1900 г. [86]. В 1897 г. разрешение на раскопки запрашивает у ИАК священник В. Герасимов, исследовавший Липецкое городище в Березовском округе [87], в 1898 г. — священник Л. Павский с. Ульяны Гродненской губернии, а также представители приходского училища в Костроме, задумавшие раскопать Белый город близ Юрьевца [88]. В 1900 г. их примеру следуют священник Александр Инфантьев с. Редутина Оренбургской губернии и священник Николай Полянский с. Михайловское Кубанской области [89]. С 1900 г. в святом Эчмиадзине постоянные раскопки ведет «верховный архимандрит» Хачик (Дедян). В 1901 г. в области Войска Донского проводит раскопки священник станицы Кущевская Е. Авилов, в Семипалатинской области — священник с. Глубокое Борис Герасимов [90], в 1903 г. раскопки начинает диакон с. Васильевка Нижегородской губернии Н. Царевский [91]. Открытый лист на раскопки был выдан Орловскому церковно-археологическому обществу в 1906 г. — на работы в Трубчевском уезде у д. Святое [92], в 1907 г. — на исследование городищ по р. Оке. В 1907 г. Минский церковно-археологический кабинет запрашивает лист на раскопки в Турове, в результате которых был найден знаменитый Туровский саркофаг. В 1908 г. к археологическим исследованиям скифских курганов приступает священник Острогожского уезда Воронежской губернии Стефан Зверев [93].

11 мая 1915 г. один из первых священномучеников епископ Пермский Андроник (Никольский) присылает в Археологическую комиссию телеграмму: «Пермский комитет церковно-археологического общества и архивная комиссия просят моего ходатайства выдаче им листа производить работы поскорее Соликамского уезда места бывшего

[86] Отчет Императорской Археологической комиссии за 1900 г. СПб., 1903. С. 93.
[87] Отчет ИАК за 1897 г. СПб., 1900. С. 95.
[88] Отчет ИАК за 1898 г. СПб., 1901. С. 93, 94.
[89] Отчет ИАК за 1900 г. СПб., 1903. С. 129.
[90] Отчет ИАК за 1901 г. СПб., 1903. С. 150, 152.
[91] Отчет ИАК за 1903 г. СПб., 1906. С. 179.
[92] Отчет ИАК за 1906 г. СПб., 1910. С. 127.
[93] Отчет ИАК за 1908 г. СПб., 1912. С. 188.

монастыря, где открыт подземный ход. Работы будут производить члены археологического института Павел Степанович Богословский и архивной комиссии Иван Яковлевич Кривощеков. Посем прошу комиссию возможно незамедлительно ходатайство названных учреждений удовлетворить. Проект работ следует почтой». Открытый лист на работы в Пыскорском монастыре был выдан уже 20 мая [94].

Вообще взаимоотношения археологии и ведомства православного исповедания хорошо видны из истории исследования Херсонеса. Его археологическое изучение как церковными, так и светскими силами складывалось практически одновременно. В начале 1850-х гг., когда уже лейтенант Шемякин только начал «раскопку» базилики (1851—1853), впоследствии получившей название «Уваровская», председатель Одесского общества истории и древностей Николай Мурзакевич убедил архиепископа Иннокентия (Борисова) в неизбежности археологических раскопок. В 1852 г. на территории Херсонеса возникает киновия, в 1862 г. — монастырь, с 1861 г. начинается подготовка к строительству Свято-Владимирского храма на месте предполагаемого крещения св. князя Владимира. Еще в июле 1852 г. иеромонах Василий (Юдин) вскрыл фундаменты крестообразной церкви на месте будущего строительства. Впоследствии, будучи уже игуменом, по благословению архиепископа Иннокентия, он копал городище параллельно с графом Алексеем Уваровым и Одесским обществом. Христианские древности хранились в монастыре, а языческие, по «неудобности» их содержания в православной обители, отправлялись в Одессу.

В 1861 г. Херсонесский монастырь св. Владимира был возведен в первоклассный. 23 августа император Александр II и члены августейшей фамилии приняли участие в торжественной закладке фундамента херсонесского собора. В этом же году новый настоятель монастыря игумен Евгений (Отмарштейн) производил дополнительные раскопки на месте строительства собора, где среди прочих сооружений были открыта базилика и несколько храмов, о чем он сообщил в ИАК, надеясь на поддержу своих начинаний, однако сотрудничество монастыря и комиссии так не состоялось [95].

В 1875 г. бывший министр народного просвещения обер-прокурор Святейшего Синода граф Д. А. Толстой посетил Херсонесский монастырь и, заметив на строительной площадке храма св. князя Владимира многочисленные обломки древних архитектурных деталей, предложил Одесскому Обществу возглавить охрану и исследование древностей Херсонеса. В 1876 г. раскопки возобновились под надзором

[94] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1915 г., д. 69, л. 1.
[95] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1860 г., д. 33, л. 1—6.

игумена Анфима (Казимирова) и инженера К. Геммельмана во взаимодействии с одесским музеем, 10 октября 1878 г. настоятель был назначен «начальником экспедиции». При этом вплоть до 1881 г. Синод выплачивал по 1000 рублей в год на эту «прихоть». Впоследствии, когда выявились случаи хищения древностей, суммы были урезаны, двоевластие ликвидировано, и с 1884 г. исследования были подчинены монастырю.

Надо сказать, что такое единоначалие не сказалось положительно на судьбе памятников. 21 апреля 1887 г. председатель Московского архитектурного общества Н. В. Никитин, со ссылкой на действительного члена Общества М. Ф. Беттихера, написал в МАО о бедственном положении древностей на территории Херсонесского Свято-Владимирского монастыря. В частности, со ссылкой на одного из братии, сообщалось, что колонны вдоль дороги предполагается распилить и использовать для пола в новых храмах. Сами же колонны из мест их обнаружения стаскивались к дороге, из чего следовало, что раскопки и сама охрана древних памятников находятся в руках людей, не понимающих их значения [96]. Это послужило поводом к письму Прасковьи Уваровой государю от 2 июня 1887 г. за № 3562 [97]. Суть его сводилась к следующему: Херсонес — святыня, она должна быть известна и охраняема.

Письмо заканчивалось патетическим призывом: «Повели, Государь, и древний Херсонес станет Русскою Помпеею, заинтересует всю благомыслящую Россию, привлечет к изучению своих древностей не только русских ученых, но и путешественников из Западной Европы». Задачу археологического изучения Херсонеса графиня не без тайного расчета предлагала возложить на «одно из ученых обществ». При этом предполагалось упразднить монастырь, а новых хозяев обязать содержать священнослужителя для местной церкви. Обеспечение раскопок предполагалось осуществить за счет передачи этому обществу монастырских земель вокруг Херсонеса.

Реакция государя последовала практически мгновенно, однако она была совсем не такой, какой ее желала видеть графиня. Уже 14 июня 1887 г. И. Делянов, министр народного просвещения, написал П. Уваровой о высочайшем повелении, в котором говорится, что производство самовольных раскопок монахами на местности древнего Херсонеса строго воспрещается, а ежегодные раскопки следует возложить на ИАК и Одесское общество. Для находок организуется музей под руководством опытного специалиста, для чего назначаются ежегодные

[96] РО НА ИИМК РАН, ф. 4, д. 110, л. 439—439 об.
[97] Там же, л. 440—444.

суммы не более 3—5 тысяч рублей в год. ИАК предлагалось сделать заключение о мерах к охране базилики, открытой графом Уваровым [98]. Переписка по этому вопросу продолжалась до конца года. 29 ноября 1887 г. И. Делянов вновь сообщает графине об отзыве прокурора Синода: воля государя доведена до монашествующих, в настоящее время нет никаких слухов о продаже предметов древностей настоятелем монастыря [99].

Конфликт монастыря с Императорской Археологической комиссией возник почти сразу после начала систематических работ, и дело было отнюдь не в инославии заведующего раскопками Карла Косцюшко-Валюжинича (1847—1907). Монастырь привык чувствовать себя полновластным хозяином в Херсонесе, хотя эту власть ему приходилось делить с военными. В 1891 г. ИАК отмечала с прискорбием факт того, что громадное пространство городища без настоятельной надобности застраивается различными монастырскими службами [100]. В 1893 г. Комиссия предложила монастырю и флоту провести раскопки в тех местах, которые могут быть застроены в ближайшем будущем [101], однако в 1895 г. монастырь безо всякого согласования провел земляные работы для устройства виноградника [102].

Похоже, конфликт с самого начала имел и экономическую подоплеку. 17 января 1889 г. А. А. Бобринскому было переправлено отношение Обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева министру народного просвещения. Речь шла о жалобе настоятеля, в которой сообщалось, что в процессе раскопок добывается и обычный камень, употребляемый для местных построек, который К. К. Косцюшко-Валюжинич продает для экспедиционных нужд: раньше монастырь был монополистом в продаже строительных материалов с городища.

В последующие годы монастырь не оставил своих попытки вмешаться в ход археологических исследований. Пик конфликта монастырской братии с ИАК пришелся на 1896—1897 гг., когда в Синод посыпались доносы на «католичество» главного археолога и его якобы равнодушие к погребениям похороненных в Херсонесе «православных христиан».

Противостояние не утихло даже тогда, когда в 1897 г. был открыт «храм с ковчегом», южная часть которого была уничтожена еще в 1860-е гг. при строительстве монастырской гостиницы. На месте пре-

[98] РО НА ИИМК РАН, ф. 4, д. 110, л. 446—447.
[99] Там же, л. 455—455 об.
[100] Отчет ИАК за 1891 г. СПб., 1893. С. 3.
[101] Отчет ИАК за 1893 г. СПб., 1895. С. 53.
[102] Отчет ИАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 2—3, 87—88.

стола в серебряном ковчежце константинопольской работы были обнаружены завернутые в истлевшую ткань частицы мощей. Приглашенный К. К. Косцюшко-Валюжиничем на место раскопок архимандрит Александр открыл ковчег в присутствии духовенства и рабочих и торжественно перенес его в новый храм [103].

12 августа 1899 г. В. Саблер, исполнявший тогда обязанности обер-прокурора Святейшего Синода сообщил в Министерство императорского Двора о ходатайстве епископа Таврического Николая (Зиорова) об учреждении при монастыре церковно-археологического древлехранилища[104]. Он извещал министра, что Синод на своем заседании 16—30 июля признал осуществление этой идеи желательным, однако просил Комиссию сделать соответствующее распоряжение, дабы священные предметы, находимые при раскопках, не были пересылаемы за пределы епархии, а оставались для хранения в учреждаемом в монастыре древлехранилище.

Этому предшествовало письмо в Синод, написанное самим епископом Николаем еще 26 июня. Извещая, что в процессе раскопок на городище было найдено 37 храмов и многочисленные христианские древности, он отмечал, что многие святыни по личному «усмотрению» Косцюшко-Валюжинича отправляются то в Императорский Эрмитаж, то в Москву, то в другие места. Епископ писал, что «подобное отношение к делу не может быть названо вполне научным». Он предлагал — в целях охранения — создать особое хранилище для откапываемых святынь и таковые ни под каким видом не отдавать в музеи. При этом он предполагал «обойти» ИАК, приглашая в Херсонес специалистов по церковной археологии, в частности Н. Покровского, не предполагая, что тот с 1892 г. был сверхштатным членом Комиссии.

Прежде чем, ответить министру, А. А. Бобринской запросил мнение самого К. К. Косцюшко-Валюжинича. В своем письме тот, оставляя в стороне выдвигаемые против него обвинения, в целом приветствовал идею организации церковного музея в нижнем этаже храм св. Владимира и даже предложил проект положения о нем из 11 пунктов. При этом он выступал за научные правила экспонирования, а не случайное нагромождение отдельных вещей. Отбор вещей должен был производиться непосредственно ИАК, причем настоятель мог ходатайствовать о передачи ему тех или иных предметов. Все вещи, находимые монастырем при производстве хозяйственных работ должны передаваться начальнику склада древностей [105].

---

[103] Отчет ИАК за 1897 г. СПб., 1900. С. 103—105.
[104] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1899 г., д. 197, л. 2—3.
[105] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1899 г., д. 197, л. 5—6 об.

Последняя жалоба епископа, касающаяся недолжного обращения с костными останками, находимыми при исследованиях, по выражению К. К. Косцюшко-Валюжинича, поразила его, «как удар грома в тихий ясный день», поскольку погребения, найденные при раскопках некрополя, свозились на новое место и перезахоранивались.

2 ноября 1899 г. председатель ИАК направил письмо в канцелярию Министерства. В тексте указывалось на сознательные неточности, допущенные епископом в послании в Синод, дабы произвести нужный эффект. Так, не без причины утверждалось, будто бы раскопки в Херсонесе производятся членами некоего Археологического общества: по сути дела, здесь имела место попытка игнорирования Высочайшей воли 12 июня 1887 г. о поручении раскопок в Херсонесе ИАК, т.е. правительственному учреждению. А. А. Бобринской отмечал, что в том же повелении содержалось и распоряжение о том, чтобы добываемые в процессе раскопок древности были бы максимально доступны для обозрения публикой, что возможно лишь в центральных музеях. С этой точки зрения монастырское древлехранилище представляет очевидное неудобство. При этом монастырь не располагает специально подготовленными научными силами. Все это неминуемо приведет к еще более сильному распылению коллекции и войдет в противоречие со смыслом Высочайшее соизволения. ИАК была согласна на создание склада христианских древностей в качестве отделения при общем складе, которые бы находились под единым руководством [106].

Только в 1902 г., когда Херсонес посетили два Николая, Зиоров и Романов, новый епископ Таврический и император, конфликт пошел на убыль. Император высоко оценил найденные археологами древности. В 1903 г. Археологическая комиссия представила в Министерство императорского Двора проект ведения раскопок в Херсонесе на землях, занятых монастырем. Согласно этому документу, доставленному в канцелярию Синода 12 мая, монастырю вменялось в обязанность заблаговременно извещать заведующего раскопами о любых земляных и строительных работах на городище. Представителю Археологической комиссии должна была быть предоставлена возможность вести раскопки на неисследованных участках внутри ограды — при условии, что монастырским постройкам не будет причинено вреда. Все древности, находимые внутри монастырской ограды, должны были передаваться заведующему, монастырю категорически запрещалась их продажа. Предметы, оставшиеся от прежних раскопок и хранящиеся в монастырском складе древностей, должны были быть переданы по описи для хранения в музее комиссии. Кроме этого, монастырю запрещалось

[106] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1894 г., д. 250, л. 19—22.

устраивать на городище пастбища для скота и свалки мусора и вменялось в обязанность вести надзор за нищими, приходящими за трапезой и ночлегом, с запретом для них раскапывать городище.

На этот документ последовала незамедлительная реакция. В отзыве К. П. Победоносцева от 16 октября, составленном на основе мнения Таврического епископа, указывалось, что в проекте учитывались только интересы заведующего раскопками, лица не православного и «даже не русской национальности». Для устранения имевшихся разногласий предлагалось учредить специальную комиссию из епархиального архиерея, настоятеля монастыря, заведующего раскопками, уполномоченного от Археологической комиссии и члена Симферопольской архивной комиссии. К 15 марта 1904 г. ИАК представила новое положение о раскопках, так никогда обоюдно и не утвержденное [107].

Вместе с тем отношения между заведующим раскопками и монастырем не исключали определенного сотрудничества. Находки раскопок первых лет хранились в монастырской гостинице в специально выделенном для этого помещении. Настоятель монастыря архимандрит Иннокентий консультировался с Косцюшко-Валюжиничем относительно мер предосторожности, которые необходимо было соблюдать во время проведения земляных работ при строительстве храма во избежание нарушений предписаний Археологической комиссии [108].

После кончины К. К. Косцюшко-Валюжинича, последовавшей 27 декабря 1907 г., перед Императорской Археологической комиссией встал вопрос о назначении в Херсонес нового заведующего раскопками. В этот момент Обер-прокурора Синода П. Извольский (1863—1928), которого Таврический епископ Алексий (Молчанов) уже проинформировал о грядущих переменах, направляет председателю ИАК А. А. Бобринскому письмо.

Внешним образом оно преследовало цель избежать возможных в будущем конфликтов между ИАК и монастырем, причину которых прокурор и епископ видели следующим образом: покойный Косцюшко-Валюжинич, будучи поляком и католиком, «нередко игнорировал в своих действиях справедливые заявления администрации... монастыря и вообще относился к этой обители без достаточного внимания и уважения», из-за чего и возникали частые недоразумения.

При этом П. Извольский указывал, что «личность заведующего раскопками имеет большое значения для монастыря», ибо «раскопки

---

[107] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1902 г., д. 2а, л. 95—95 об., 97—99 об., 100—100 об., 103—104 об.

[108] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1890 г., д. 26, л. 8.

производятся не только в научных целях, но и в целях возвышения той обители, которая располагается на городище: для этого был нужен «не просто ученый археолог, но и православный верующий человек» [109].

В результате летом 1908 г. в Херсонес был назначен Р. Х. Лепер «реформатского исповедания», бывший в то время ученым секретарем Русского археологического института в Константинополе. Однако в целом его руководство раскопками не было ознаменовано какими-либо громкими конфликтами: монастырь и Археологическая комиссия выработали к этому времени определенный образ сосуществования в условиях проведения на монастырской территории активных полевых исследований.

Итак, несмотря на попытку использовать церковно-археологическое движение в ведомственных интересах, его структуры — общества, комитеты, древлехранилища — были вполне адекватным ответом на вызов времени. Ответ несколько запоздал, что было связано как с консервативными особенностями церковного сознания, так и с неповоротливостью самой церковной организации. Несомненно, в оппозиции церковной археологии находились некоторые специфичные черты церковного менталитета. Однако это происходило в той же мере, в какой настоящее богословие находится в конфликте с самодовольным обыденным сознанием, не желающим подвергать сомнению сложившиеся установки религиозного быта. В определенной степени эти черты были связаны с прагматизмом, присущим части духовенства и епископата, которые заботой о благе Церкви и «удовлетворении духовных потребностей» прихожан прикрывали приспособление православной старины к современным сметам и вкусам.

Несомненно, части церковного люда, привыкшего потребительски относиться к святыне во время богослужения, была чужда идея помещения ветхой древности под музейное стекло. Однако представляется безусловным, что в случае естественного хода развития церковной жизни в XX в., нормы цивилизованного отношения к старине, включая музеефикацию и сохранение ее остатков при реставрации, в полной мере стали бы присущи церковной практике. На это позволяло надеяться активное развитие церковно-археологического движения и то медленное, но верное влияние, которое оно оказывало на христиан России.

[109] РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1908 г., д. 36, л.18—18 об., 19—20 об.

* * *

Как бы ни были противоречивы итоги развития церковной археологии в России в начале XX в., весь накопленный ею положительный потенциал, как и сама наука, был уничтожен новой системой общественных отношений. С церковной культурой после октябрьского переворота произошло то же, что и с церковной собственностью. Будучи экспроприированной, она либо эксплуатировалась вне своего целевого назначения, либо продавалась на Запад, где как раз по достоинству ценилось художественное значение русской иконы, либо разрушалась во имя светлого будущего. Главной обидой, нанесенной режимом церковному сознанию, была даже не конфискация христианской культуры государством, а ее использование в антирелигиозных целях. И музей, и реставрационная мастерская начали восприниматься частью православных как антицерковные структуры, отмывающие «краденое», а их сотрудники — как сознательные агенты режима. Это наблюдение не может оправдать современного агрессивно-негативного отношения значительной части клира и мирян к музейно-реставрационной субкультуре, но оно способно показать одну из исторических составляющих этого многослойного явления. Восстановление исторической справедливости в 1990—2000-е гг. в церковном сознании требовало не только освобождения храмовых икон из «музейного плена», но и демонстративного отказа от тех норм, которые выработались в области обращения с культурным наследием за 70 лет «вавилонского пленения», своего рода «компенсирующей дискриминации» учреждений культуры и сотрудников.

Свою роль в формировании такого отношения сыграла и сложившаяся в советское время специфика музейного дела в России. Традиционная закрытость и инертность музейных структур, их недоступность контролю со стороны гражданского общества, ориентация музейной системы на задачи консервации, а не коммуникации, собирания, а не показа, преобладание корпоративных интересов над общественными потребностями всегда приводили к доминированию объема фондов над масштабами экспозиции и сложению системы внутренних противоречий. К тому же противоречивость советского музейного опыта была сродни неоднозначности отношения коммунистической идеологии к христианской культуре. Обилие постановлений, касающихся охраны памятников культуры, в том числе и культовых, отражает те же нежелание и неспособность сберечь и защитить их, что и многократно повторяемые распоряжения Синода.

В 1918 г. был создан Государственный музейный фонд как спецраспределитель конфискованных или спасенных от уничтожения культурных ценностей. Именно через него происходило формирование основных музейных коллекций, представленных церковными памятниками. Нам уже известно, что они начали создаваться на свободной основе еще в условиях церковно-государственной симфонии на рубеже XIX и XX вв. Однако характер поступлений церковных памятников в эти собрания резко меняется после 1917 г.: стихийно, без всякого плана, в музеи свозятся памятники из закрывающихся монастырей и церквей. Уникальные коллекции, в течение столетий собиравшиеся в ризницах и представлявшие неподдельное единство историко-культурной жизни региона и в силу этого — исключительный научный интерес, в одночасье оказались расформированы. В 1919 г. в Русский музей поступили иконы и утварь из отдела охраны памятников искусства и старины, в 1922 и 1925 гг. — из Зимнего дворца и Александро-Невской лавры. Ценности стали стекаться сюда особенно активно после закрытия северных монастырей в 1923 г. и позднее (Соловки, Кирилло-Белозерский монастырь, Александро-Свирский монастырь). В конце 1920-х—начале 1930-х гг. в музей поступила коллекция Н. Покровского из Церковно-археологического музея Петербургской Духовной академии, пройдя перед этим целый ряд мытарств. В 1924 г. было создано Бюро по учету и реализации государственных фондов произведений искусства и культуры для продажи внутри страны и за рубежом, деятельность его распространялась и на уже существующие музейные коллекции, в том числе из Эрмитажа и других ведущих музеев страны. Одновременно с продажей продолжалось разрушение. Согласно самой общей статистике, из церковных зданий, которых в 1917 г. было около 70 000, оказалась разрушена половина, среди них уникальные памятники архитектуры XI—XVII вв. Все это вызывало справедливое недоверие церковного сообщества к сложившейся в советское время государственно-общественной системе охраны памятников.

Однако вместе с разрушением церковной культуры в обществе формировалась и другая позиция, вернее, оппозиция интеллигенции властям. Ее правильно вычислил Лев Троцкий, написавший в своем письме от 22 марта 1922 г., адресованном в Комиссию по изъятию церковных ценностей: «Среди археологов... имеется немало лиц... связанных с церковными кругами и стремящихся сорвать работу по изъятию».

Еще в 1918 г. Народным Комиссариатом по просвещению был составлен список из 30 предметов художественного значения из Великого Новгорода, подлежащих эвакуации в Москву, в том числе вся Софийская ризница. В этих условиях П. Покрышкин был вынужден 14 августа, в самый разгар реорганизации Российской Государствен-

ной Археологической Комиссии, обратиться к ее главе Н. Я. Марру с тем, что эвакуация памятников искусства и древностей из Новгорода в Москву не допустима. Опыт войны показал, по его мнению, что эвакуация не достигает своей главной цели: безопасного хранения. Об этом свидетельствовали драма патриаршей ризницы, опасность, которой подверглись вещи из Эрмитажа при расстреле Московского Кремля, знамена из Артиллерийского музея, которые подверглись бомбардировке в Ярославле. П. Покрышкин писал, что вывоз памятников древности недопустим как с точки зрения музейного строительства, так и с точки зрения народного просвещения; подобные действия справедливо называются «обескровлением» провинции. Он приводил исторические параллели, напоминая, как во времена Иоанна Грозного Новгород был ограблен едва ли не подчистую, обезличенный для возвышения центра. А ныне Москва пытается довершить это преступное деяние! Он призывал не забывать, что при перемещении в значительной мере обезличиваются и сами памятники: если сейчас к ним совершаются паломничества, после переселения многие из них будут забыты. К тому же он указывал, что большинство икон, намеченных к эвакуации, пребывают в таком состоянии, что перевозить их невозможно без весьма длительных работ по укреплению. Больше того: вывоз иконы Знамения Божией Матери опасен и в смысле возможности народного возмущения [110].

Еще в феврале 1919 г. член Археологической комиссии Константин Романов, выступавший в императорское время за объявление памятников церковной старины государственной собственностью, предложил создать музей церковного быта как способ охраны и изучения православной культуры [111].

20 апреля 1920 г. был издан декрет Совнаркома «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троицко-Сергиевской Лавры». В 1920 г. возникает музей в Ново-Иерусалимском монастыре, в 1921 г. — в обителях прп. Саввы Сторожевского и прп. Иосифа Волоцкого, в 1922 г. — в Новодевичьем монастыре в Москве, еще ранее, в 1919 г., — в Иверском монастыре на Валдае и в Оптиной пустыни, в 1924 г. — в монастыре прп. Кирилла Белозерского. Всего таких комплексов насчитывалось по стране не менее 60, а не позднее 1925 г. при

[110] РО НА ИИМК РАН, ф. 2, 1919 г., д. 39, 4—4 об., 19—20 об.

[111] *Медведева М. В.* Деятельность архитектора К. К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания Научного архива ИИМК РАН // Археологические вести. № 12. СПб., 1905. С. 291—316.

Наркомпросе было создано Управление музеями-усадьбами, музеями-храмами и музеями-монастырями [112].

Однако страну ожидала смена курса. Союз воинствующих безбожников требовал закрытия таких музеев как «очагов религиозных настроений». В 1927 г. Управление было закрыто, а сами уникальные комплексы расформированы и превращены в очаги антирелигиозной пропаганды [113].

В музейном строительстве был широко востребован опыт церковно-археологических учреждений и их сотрудников. В описи и сохранении лаврских древностей приняли участие священник П. Флоренский и граф Ю.А. Олсуфьев[114]. В Петрозаводске церковным древлехранилищем, переданным в ведение Наркомпроса, продолжает заведовать протоиерей Дмитрий Островский [115], в Киеве академиком становится заведующий церковно-археологическим кабинетом Духовной академии Николай Петров. Специалисты по церковной археологии и литургике профессора Петербургской академии Николай Малицкий и Иван Карабинов нашли пристанище в Российской Академии истории материальной культуры [116]. В 1920—1928 гг. в музее Троице-Сергиевой лавры в качестве сотрудника Главархива работал монастырский насельник и эконом Алексей (Серафинович), трудами которого была осуществлена передача архива Духовного собора лавры в Российский государственный архив древних актов. На путях создания музеев-храмов и музеев-монастырей должен был сформироваться не только единственно возможный способ сбережения церковной культуры в атеистической стране. Здесь складывался основанный на сохранении целостной культурно-исторической среды грамотный и цивилизованный подход к памятникам православной старины вообще, который неизбежно в течение XX в. был бы выработан внутренними императивами церковной

---

[112] *Каулен М. Е.* Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие советской власти. М., 2001.

[113] Антирелигиозная пропаганда в исторических и краеведческих музеях // Труды научно-исследовательского института музееведения / Под ред. А. В. Ушакова и М. А. Казариной. Вып. VIII. 1962; Музей в атеистической пропаганде. Л., 1977; *Притыкин Я. М.* Наука и религия: Методическое пособие по организации экспозиций в краеведческих музеях и музеях атеизма. Л., 1964.

[114] Олсуфьев Ю.А. Икона в музейном фонде: исследования и реставрация. Антология. Сост. А.Н. Стрижев. М, 2006.

[115] *Семенов В. Б.* Об одном забытом музее и его создателе // Учащимся о религии и атеизме. Петрозаводск, 1989.

[116] *Пивоварова Н. В.* Забытые имена в русской церковной археологии: И. А. Карабинов и Н. В. Малицкий // Искусство восточно-христианского мира: Сб. ст. Вып. 8. М., 2004. С. 426—437.

жизни. Этот подход был связан с сознательным ограничением ежедневного богослужебного использования святыни как способа «удовлетворения религиозных потребностей» ради ее сохранения для почитания будущими поколениями.

Одновременно, в результате работ Комиссии по раскрытию памятников древнерусской живописи (1918—1924) формировалась идеология и практика отечественной реставрации. Впоследствии Комиссия И. Грабаря была преобразована в Центральные государственные реставрационные мастерские, просуществовавшие до 1934 г.

С самого начала деятельность Комиссии получила поддержку св. патриарха Московского Тихона (Беллавина), который передал ее членам свою благословенную грамоту следующего содержания: «Комиссия по реставрации памятников искусства и старины в лице председателя И. Э. Грабаря и членов В. Т. Георгиевского и А. И. Анисимова приступила ныне к изучению древних памятников русского иконописания великих мастеров Андрея Рублева и Дионисия. С этой целью члены Комиссии предпринимают путешествие по древнейшим святыням нашего Отечества. Желаю успеха этому полезному для Святой Церкви начинанию, призываю благословение Божие на тружеников науки» [117]. Грамота не имеет даты, но очевидно, что она получена в конце июля-августе 1918 г., по некоторым предположениям, после ряда недоразумений, случившихся между членами Комиссии и братией Боголюбского монастыря во Владимире [118]. Деятельности Комиссии способствовал и священномученик епископ Кирилловский Варсонофий (Лебедев, † 1918).

Впрочем, уже тогда методы работы «Комиссии Грабаря» вызывали споры [119]. Уже упоминавшийся нами член ИАК П. Покрышкин был в 1918—1919 гг. председателем «Новгородской комиссии» Археологического отдела Народного Комиссариата по просвещению, которая выполняла роль «иконописно-реставрационной секции» этого отдела. 23 августа 1919 г. им был подан рапорт о деятельности «комиссии Грабаря» в Новгороде. В конце декабря 1918 г. тот прибыл сюда в сопровождении 4-х членов Московского отдела по делам музеев и 6 иконописцев.

---

[117] Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 68, д. 257.

[118] *Стерлигова И. А.* Боголюбская икона Богоматери в XII—XIII вв. // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. Посвящается 100-летию со дня рождения Виктора Никитича Лазарева (1897—1976). СПб., 2002. С. 187—206.

[119] РО НА ИИМК РАН, ф. 2, 1919 г., д. 39, л. 8—9.

Инструкция по реставрации была разработана К. К. Романовым, и в январе Петроградский археологический отдел признал работы И. Грабаря опасными для икон, так как имели место отступления от инструкции: иконы с отставанием левкаса, доставленные в мастерскую, не закреплялись, происходило уничтожение слоев поздних записей безо всякой попытки их фиксации и т. д. Желание изменить положение к лучшему постоянно натыкалось на сопротивление, прежде всего со стороны сотрудника И. Э. Грабаря А. И. Анисимова.

П. П. Покрышкин был поражен количеством икон, которые находились в результате действий московской комиссии в угрожающем состоянии. В рассматриваемом случае имели место не одни только ведомственные склоки, но столкновение разных концепций, принципиально различных подходов к памятникам. И. Э. Грабарь и А. И. Анисимов были искусствоведами нового поколения, стремившимися извлечь древнерусскую живопись из-под позднейших записей. Но, как бывает всегда на первых порах, открытие не обходилось без крупных потерь и издержек. «Традиционалисты» из ИАК, к числу которых принадлежали П. П. Покрышкин и К. К. Романов, часто были правы, предостерегая от слишком поспешного смывания поздних слоев живописи — в погоне за древнейшими.

В академической среде не принято публично обсуждать исторические противоречия советской реставрационной школы. Помимо очевидного стремления вписать ее деятельность в рамки внешнеэкономической активности с целью придать культурному наследию товарный вид для «Торгсина» и «Интуриста», здесь ощущалось влияние методического эксперимента и субъективного элемента. Реставрационная деятельность государства на памятниках церковной старины стала возможна лишь с момента объявления этой старины государственной собственностью. Обязательность реставрации, приходящей «извне», стала своеобразным средством депривации клира и мирян в условиях атеистических гонений. Со стороны некоторых специалистов такая возможность подсознательно расценивалась как определенный реванш за годы «закрытости» церковных памятников для их исследовательского таланта. Здесь вновь столкнулись мир и клир, творческая церковная интеллигенция и ревниво относящееся к своим хранительским правам духовенство.

Однако этим противоречия не исчерпывались. Стремление придать памятнику «первоначальный» вид в соответствии с собственными гипотезами сочеталось с консервацией и раскрытием как мерами, направ-

ленными на сохранение исторического облика памятника [120]. Однако концепция реставрации, сложившаяся после Второй Мировой войны, предусматривала реставрацию имперского величия, в том числе и за счет восстановления памятников древности. Консервацию заменила «реставрация с приспособлением», по сути — новое строительство в историзирующем стиле, отвечающее идеологическим представлениям о самобытности древнерусской культуры. Самые печальные последствия «плановых» приспособлений и раскрытий наблюдались там, где они не были вызваны жизненной необходимостью, а стали следствием псевдонаучного вмешательства в памятник.

Сегодня специалисты признают, что ухудшение температурно-влажностного режима в древних храмах связано с последовавшим в советское время удалением позднейших наслоений. Разборка в 1958 г. застекленной лоджии-тамбура Архангельского собора Московского Кремля, специально созданной в XIX в. после проведения отопления в собор, привела к прогрессирующему разрушению белокаменной резьбы портала. В упреках В. Васнецова и А. Соболевского в адрес «нецерковной» реставрации церковных памятников много справедливого. Однако обвинять реставраторов в последствиях этих экспериментов — значит уподобиться организаторам «чисток» и фальсификаторам уголовных дел 1930-х гг., которые ставили в вину специалистам применение непроверенных способов размывки фресок каустической содой и уксусной кислотой. Известно, что причины гонения состояли в другом. «Уполномоченный 4 отделения СПО ОГПУ Штукатуров» в своем обвинительном заключении писал, что реставраторы поставили «советское учреждение... на службу религии, содействуя церковному благолепию» [121].

---

[120] Поиск научных принципов реставрации древнерусской живописи в первые годы советской власти (1918—1926) // ВНИИР. Консервация и реставрация музейных художественных ценностей. Российская Государственная библиотека. Экспресс-информация. М., 1992. Вып. 3—4. С. 11—36; *Лелеков Л. А.* Теоретические проблемы реставрационной науки // Художественное наследие. М. 1989. С. 5—43; *Подъяпольский А.* О нормативно-правовом регулировании в области реставрации памятников материальной культуры // Материальная база сферы культуры. Чтения памяти Л. А. Лелекова, 1998 г. Научно-информационный сборник. Вып. 4. М., 1998. С. 4—24; Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002; Памятники архитектуры в Советском Союзе. Очерки истории архитектурной реставрации / Под ред. А. С. Щенкова. М., 2004.

[121] *Кызласова И. Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и древней Руси. 1920—1930 годы. По материалам архивов. М., 2000. С. 352—365.

Вместе с реставрационной практикой формировалась теория современного искусствоведения [122], построенная на историко-стилистическом методе и объективации личных эстетических переживаний. Направление, которое в 1910-е гг. лишь намечало себе дорогу, наблюдая за тем, как «линии текут и перетекают», было построено на ревизии иконографического метода Никодима Кондакова. Его упрекали в пренебрежении художественной формой иконы и возможностями реставрационного раскрытия образа для его понимания [123]. Советское искусствоведение обретало себя в осознанном противостоянии церковной археологии Николая Покровского и его представлениям об иконографии как воплощенном Священном Предании. В соответствии с новым пониманием искусства создавалась и новая музейная практика экспонирования иконы: по стилистическим особенностям, по региональным-хронологическим школам, «по пятну» на стене. Даже в академической среде отмечалось, что такое построение экспозиции, в которой образ оказывается изолированным от всего литургического ансамбля, не учитывает те функции иконы, которые она выполняла, находясь в церковном интерьере [124]. Церковная интеллигенция ходила в Третьяковку и Русский музей молиться перед хранящимися там образами, церковная масса с ужасом отвергала мысль о посещении этого «кладбища икон». Все это воспринималось как покушение на основы христианской жизни и вызывало ответную реакцию в виде массового увлечения «иконологией» и «богословием иконы» Леонида Успенского, догматическая ценность которых весьма сомнительна [125].

Эксперименты в реставрации вместо консервации и поновлений, сдерживаемых рамками утрат, субъективистский эстетизм в искусствоведении вместо объективной строгости иконографического метода, использование государством того и другого в качестве репрессивного средства, направленного против Церкви и религии, — все это способно до некоторой степени объяснить сегодняшнее противостояние «церковников» и «музейщиков». Но основания культурного конфликта находятся гораздо глубже. Многие современные установки музейного и

---

[122] *Подобедова О. А*. Изучение русской средневековой монументальной живописи // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI—XVII вв. М., 1980.

[123] *Лазарев В. Н.* Никодим Павлович Кондаков. М., 1925; Ср.: *Щекотов Н. М*. Иконопись как искусство // Русская икона. Сб. 2. СПб., 1914.

[124] *Бобров Ю. Г*. История реставрации древнерусской живописи. С. 159.

[125] *Мусин А. Е.* Богословие образа и эволюция стиля. К вопросу о догматической и канонической оценке церковного искусства XVIII—XIX вв. // Искусствознание. М., 2002. №2. С. 279—302.

реставрационного дела были заимствованы из дореволюционной практики, основные традиции которой нам уже известны.

В результате Музей и Реставрационные мастерские оказались ориентированы на сохранение реликвии, тогда как церковная практика, характеризуемая безудержной эксплуатацией святыни ради удовлетворения религиозных чувств и корпоративных амбиций, зачастую способствует ее физическому разрушению. Этим принципам, окончательно оформившимся в светском обществе, в гораздо большей степени присуще благочестивое уважение к «материальному телу» святыни, чем приходскому обиходу, постоянно приспосабливающему старину к «злобам» сегодняшнего дня. К тому же одним из главных достижений реставрации стала ее совещательность и коллегиальность в принятии окончательных решений. Эта процедура, одновременно демократическая и соборная, рассчитанная на «многую мудрость» и «совет мног», действительно способна обеспечить сохранение святыни в отличие от авторитарного стиля епископского-настоятельского руководства, господствующего в современном православном сообществе. Традиции отношения к церковной старине, которые мы наблюдали в трудах Императорской Археологической комиссии и археологических обществ, сегодня вновь вступают в противоречие с прагматизмом церковной жизни...

Еще в конце 1980—начале 1990-х гг. вопросы, связанные с проблемой церковной собственности и последствиями ее реституции, с глубинным отношением православного сознания к музейному делу и реставрации, с видением иерархией роли памятников христианской культуры в деле решения текущих задач церковной жизни и проповеди казались несущественными. За прошедшие лета эти вопросы отяготились политическими коллизиями, экономическими интересами, властными амбициями и ментальными особенностями, о существовании которых общество и не подозревало. У историка есть одно преимущество перед современником — он знает, чем все закончится. Тогда, на рубеже 1980-х и 1990-х гг. мы не догадывались и не загадывали...

Глава III

РАДУЖНЫЕ НАДЕЖДЫ И ПЕРВЫЕ РАЗОЧАРОВАНИЯ: 1990—1992

На волне либеральных преобразований в бывшем СССР общество выдвинуло броский призыв — восстановить историческую справедливость в отношении религиозных организаций. Именно тогда складывается игра слов, ставшая, наравне с заклинанием «Вся – власть Советам!», одним из политических лозунгов страны: «церкви — Церкви!». Его выполнение понималось как шаг к свободе, в Европу, который должен послужить лучшему сбережению и осмыслению культурного наследия России. Возвращения храмов общинам и икон храмам ожидала не только общественность, полагавшая, что возрождение духовности приведет к возрождению страны. Молча ждало этого события руководство Русской Православной Церкви, с тревогой наблюдавшее за крушением привычной стабильности. Предчувствие экономических перемен заставляло партийную номенклатуру и ее капитал обратить внимание на будущий передел бывшей церковной собственности.

С самого начала выдвинутое требование было для общества средством борьбы с коммунистическим режимом. Чем шире был фронт давления на власть, тем больше уступок она была вынуждена делать. Церковь, пострадавшая от безбожной власти, рассматривалась как естественный союзник в этой борьбе. Ей причиталась своя доля в грядущем политическом трофее. Сформировавшийся у части общества комплекс вины перед Церковью препятствовал объективному взгляду на происходящее и требовал безусловного возвращения религиозным организациям собственности и памятников. Мнение о недостаточном культурном и образовательном уровне духовенства, о не всегда адекватной психологии современных верующих, построенной на обрядовом благочестии и личной сублимации, расценивалось как антирели-

гиозная пропаганда. В ответ назывались имена деятелей религиозно-философского возрождения начала XX в., иерея Павла Флоренского, протоиерея Александра Меня, Сергея Аверинцева... Людям казалось, что для общего блага нужно лишь вернуться на «круги своя», отдать церкви Церкви, не задумываясь, что эта Церковь состоит из людей, чья идеология может вступить в конфликт с ценностями современного общества. Но эти круги в проточной воде истории давно уже разошлись, и вступить в них дважды еще никому не удавалось. «Круги своя» для памятников церковной культуры стали «кругом первым». Изначально и, возможно, из самых лучших намерений старина была превращена в средство.

Свою роль в привлечении общественного внимания к церковной старине сыграло празднование 1000-летия крещения Руси. Впрочем, уже в начале 1980-х гг. коммунистическая власть предчувствовала неизбежность собственного краха и пыталась заручиться новыми союзниками. В преддверии празднования юбилея патриархии был передан ряд монастырских комплексов. Одним из первых, в 1983 г., церкви был возвращен Данилов монастырь в Москве. Впрочем, арендная плата за его использование была отменена только через 9 лет постановлением правительства Москвы от 10 декабря 1991 г. [1] Обитель, в качестве административного центра, было необходимо восстановить за 5 лет. В 1984 г. игумен Зинон (Теодор) со своей артелью из Псково-Печерского монастыря написал для Покровского храма, выполненного в стиле классицизма, иконостас в традициях XV—XVI вв. Уже в этих работах наметился культурный излом, отражающий массовые православные представления о наследии Церкви: стилистическое единство памятника как цельного организма было нарушено. Это предвещало дальнейшее развитие церковной реставрации на основе персональной вкусовщины. Однако самым грубым вторжением в ансамбль монастыря явилось построенное к 1988 г. по проекту архитектора Ю. Рабаева здание Синода и патриаршей резиденции, получившее у патриархийных острословцев прозвище «Три гроба» из-за его п-образного плана и формы крыши.

Непосредственно в связи с юбилеем были предприняты меры по возвращению Курско-Коренной пустыни, Толгского монастыря под Ярославлем, Волоколамского монастыря под Москвой. Митрополит Волоколамский Питирим (Нечаев), тогда народный депутат, вспоми-

[1] Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. Кн. 2. М., 1995. С. 331.

нал, как в 1989 г. он напрямую обратился к генсеку компартии Михаилу Горбачеву, и тот, минуя все бюрократические процедуры, передал монастырь непосредственно владыке [2]. Однако инициатива возвращения Иосифо-Волоцкого монастыря была совместной: ее активно поддерживали руководство и коллектив Ново-Иерусалимского музея, где этот ансамбль тогда числился филиалом.

Однако не все возвращения конца 1980-х гг. происходили столь мирно. Это была эпоха общественного подъема, веры в то, что человек может противостоять несправедливости государства. Инициатива снизу, исходящая от общин, была главным нервом церковной жизни этого времени. Самая громкая история, потрясшая общество, произошла с возвращением «Красной церкви» — Введенского храма в Иваново-Вознесенске, построенном в 1901—1907 гг. В 1938 г. церковь была закрыта, и в ней расположился областной архив. 23 ноября 1988 г. новая приходская община была зарегистрирована в Совете по делам религий при Совмине СССР. Однако городские власти категорически отказывались передавать приходу «архивный» храм. Бюрократическая волокита и нежелание местных чиновников принимать ответственные решения вынудили православных на крайние меры. Однако, в отличие от событий в Кадашах в августе 2004 г., когда верующие заблокировали реставрационные мастерские и их сотрудников, эти меры были обращены не на других, а на себя. На 17 марта 1989 г. был назначен митинг перед храмом, так и не разрешенный властями. А 21 марта Лариса Холина, Валерия Савченко, Маргарита Пиленкова и Галина Ящуковская, расположившись у кинотеатра «Современник», объявили голодовку, вывесив лозунг: «Мы не едим и не пьем до открытия Красного храма и готовы умереть на родине первых Советов». 22 марта с помощью милиции голодающих перевезли за ограду Введенского храма. 1 апреля, на 12-й день голодовки, ночью, женщины были насильно посажены в «Скорую помощь» и доставлены в областную больницу. 5 апреля их посетил секретарь облисполкома Л. Дубов, убеждая прекратить протест и обещая, что в течение месяца вопрос о передаче Введенского храма будет рассмотрен.

Беспрецедентная в то время христианская акция была прекращена, но прошел не месяц, а год, прежде чем общине, в Страстной Четверг 1990 г., власть вручила ключи от храма. В Пасхальную ночь на паперти священник совершил для исповедниц нового времени первую литургию. Этим священником был архимандрит Амвросий (Юрасов).

---

[2] *Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В.* Русь уходящая. Рассказы митрополита. М., 2004. С. 229.

Если бы не это имя, то подвиг ивановских женщин навсегда бы остался для нас образцом соборной ответственности мирян за судьбы Церкви. Однако тень духовника общества «Радонеж» с его фундаменталистскими идеями заставляет увидеть в этой истории элементы серьезной режиссуры. В марте 1992 г. архимандрит становится не просто духовником, а настоятелем сложившейся вокруг Красного храма женской монашеской общины. Подобная акция не могла начаться без благословения этого человека. Оказавшись в Ивановской епархии в 1983 г., архимандрит достаточно быстро приобрел себе духовных чад в различных слоях общества, чья верность «батюшке» основывалась на контроле над всеми проявлениями личной жизни. Это позволяло ему осуществлять акции, немыслимые в то время для остальной страны. В сентябре 1985 г., используя свои связи, он организовал перенесение мощей блаженного Алексия, который подвизался на р. Елнати в 1920—1930-х гг. Тогда же из Красноярского края были привезены останки исповедника епископа Кинешемского Василия (Преображенского). Позднее, 31 июля 1993 г. во Введенский монастырь были перенесены мощи еще не канонизированных Василия и Алексия, заранее приготовленные предусмотрительным архимандритом, что обеспечило дополнительную привлекательность этого места для паломников.

Если оставить в стороне внутрицерковные особенности происшедшего, в ивановских событиях просматривается одна из главных внешних причин общественных конфликтов из-за возвращения храмов в богослужебное пользование. Она заключается в противоречиях, существующих между государством и обществом, в несогласованности интересов различных ветвей и уровней власти, в отсутствии перспективной политики в отношении передачи церкви недвижимости и памятников культуры. С момента принятия политического решения о передаче храма до конкретных действий, связанных с предоставлением бывшему пользователю равноценного помещения, проходили годы и десятилетия. К тому же регистрация общины и передача ей требуемого храма совершались различными инстанциями. Эфемерный сиюминутный результат регистрации и пустых обещаний, приносивший местным и федеральным чиновникам политические дивиденды, оборачивался затяжным общественным конфликтом.

Власть самоустранялась от его разрешения, сталкивая тем самым общину с представителями организации, продолжавшей занимать храм на законном основании.

Характерно, что наиболее острые конфликты разворачивались преимущественно между общинами, с одной стороны, и архивами, музеями и реставрационными объединениями — с другой. Дело не только в том, что именно эти структуры получали в советскую эпоху пре-

имущественный приют под крышами церковных зданий и тем самым оказывались главным «препятствием» на пути развития приходской и монастырской жизни. И даже не только в том, что епархиальная власть хорошо понимала, с кем можно вступать в спор. Драматичность ситуации объяснялась еще и тем, что власти сознательно шли на передачу зданий, используемых самыми «бесполезными» с их точки зрения организациями — организациями культуры, подталкивая тем самым будущее развитие событий в определенном направлении.

До принятия закона 1990 г. «О свободе вероисповеданий» регистрация религиозных общин совершалась органами местной исполнительной власти. Рассказ о событиях, происшедших на родине первых Советов, заставляет вспомнить, что кроме лозунга «церкви — Церкви» эпоха выдвинула другой призыв, также направленный против 6-й статьи Конституции СССР и закрепленной в ней «руководящей и направляющей» роли компартии в жизни советского общества, — «Вся власть Советам!» Получив в свои руки всю власть в регионах страны и лишившись сдерживающего начала в виде партийных обкомов, облсоветы и облисполкомы начали бесконтрольно распоряжаться этой властью, игнорируя мнение специалистов и профессионалов. Передача памятников культуры религиозным организациям зачастую совершалась с нарушением действовавшего законодательства, а регистрация общин, претендующих на церковное здание, занимаемое учреждением культуры, происходила без учета реальной ситуации на местах. Одним из наиболее действенных политических факторов, повлиявших на раздачу государственной собственности в виде памятников культуры в руки религиозных организаций, стал «парад суверенитетов» России в составе Союза, и республик, краев и областей в составе России. Культура и право распоряжаться ею стали способом самоутверждения региональных элит. Этой эйфории способствовал и до сих пор до конца не решенный вопрос о разграничении прав собственности России и ее субъектов на памятники культуры. После общесоюзного закона от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между СССР и субъектами Федерации» 24 декабря того же года был принят закон РСФСР № 443-1 «О собственности в РСФСР». Правовой вакуум позволял местным советам без серьезного обсуждения вопроса с Министерством культуры вершить храмовые передачи. Лишь 27 декабря 1991 г. было принято постановление Верховного Совета № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации». Здесь объекты историко-культурного наследия и художественные ценности учреждений культуры общероссийского значения были отнесены исключительно к федеральной собственности независимо от того, на чьем балансе они находятся. Однако до принятия этого закона многие

памятники, в том числе и «общесоюзного» значения, были переданы церкви распоряжениями местных советов. Легитимность этих раздач до сих пор не подвергалась сомнению, хотя именно это и было весьма сомнительно. Отсутствовала и законодательно утвержденная процедура передачи религиозным организациям памятников культуры.

События конца 1980-х—начала 1990-х гг. создали опасные прецеденты в области церковного права. Вопросы обоснования правопреемства новых общин по отношению к действительным историческим собственникам или пользователям храмов не ставились. В СССР существовала лишь одна форма гражданского объединения, за которой закреплялось право пользования церковным зданием, — пресловутая «двадцатка». Любой амбициозный человек, организовавший общину и заручившийся поддержкой епархиального архиерея, мог претендовать на любой храм, вне зависимости от той формы собственности, в которой храм находился до октябрьского переворота: частной, ведомственной, общинной и т. д. Так были зарегистрированы общины храма Покрова Богородицы в Филях, собора свв. апп. Петра и Павла в Петропавловской крепости в Петербурге, Ипатьевского монастыря в Костроме, усадебного храма в Кусково и многие другие. Зачастую юридический адрес новых общин совпадал с адресом музеев, которые располагались теперь в этих зданиях. Согласие музейного руководства на предоставление своего адреса практически никогда не запрашивалось. Одновременно возникла практика передачи церковных зданий не конкретным общинам, а епархиальным управлениям, что еще больше запутывало вопросы правопреемства.

В значительной степени все это было связано не только с правовой, но и с канонической безграмотностью, порожденной искажениями церковного сознания. Приходы Русской Православной Церкви Московского Патриархата автоматически рассматривались как «дочерние предприятия» патриархии, что и наделяло их, по аналогии с централизованной организацией, признаками правопреемства. Уже 30 мая—1 июня 1990 г. в Москве состоялась конференция представителей патриархии и деятелей православной культуры под названием «Церковь. Музей. Культура». В ее резолюции единственным законным правопреемником церковных святынь признавалась Русская Церковь в лице Московского Патриархата, который мыслился как юридическое лицо [3]. Стоит сопоставить подобную практику «перераспределения» бывшего церковного имущества с Определением Поместного собора «Об охране церковных святынь» от 12 сентября 1918 г. Здесь соборные отцы указывали, что «храмы и предметы, взятые мирской властью

[3] Святыни и культура. М., 1992.

в обладание, могут быть принимаемы на хранение не случайными соединениями лиц, именующих себя православными, а лишь действительными православными на общих церковно-канонических основаниях». Дележ бывшей церковной собственности удивительно похож по формам и последствиям на «дикую приватизацию» начала 1990-х гг., тогда как в конфликтах конца 1990-х—начала 2000-х гг. патриархия и ее структуры действовали в соответствии с практикой «черных рейдерских поглощений» и «гринмейлерского» шантажа. С середины 2000-х гг. получение патриархией церковной собственности и памятников культуры можно рассматривать как запоздалый вариант «олигархической приватизации», когда государство передает солидную и приносящую доход собственность в руки надежных партнеров, рассчитывая в ответ на всестороннюю политическую лояльность. В то же время строительство новых храмов в сложившихся городских районах справедливо уподобляется горожанами «уплотнительной застройке».

Заместитель председателя Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ Андрей Себенцов вспоминал, что во время жарких баталий при обсуждении закона СССР о свободе совести весной 1990 г. друзья подарили ему флакон валерьянки с надписью «Средство от юридического лица»[4]. Чиновник отстаивал тогда вполне правовую позицию, что «юридическое лицо» — термин гражданского права, связанный с обособлением имущества, поэтому говорить о юридическом лице Церкви в целом недопустимо: юридическое лицо может быть у московской патриархии как канцелярии патриарха, а не у Московского Патриархата как объединения общин — юридических лиц. Его главные оппоненты митрополиты Ленинградский Алексий (Ридигер) и Смоленский Кирилл (Гундяев), поддержанные председателем Верховного совета СССР Анатолием Лукьяновым, настаивали на обратном. Победили право и здравый смысл, однако со временем патриархия ввела в уставы своих приходов положение, ограничивающее принадлежащие им права пользования и распоряжения церковным имуществом, изобрела «централизованную религиозную организацию» и к 2009 г. фактически лишила приходы прав юридического лица в области распоряжения собственностью.

Очевидные нарушения закона при передаче объектов культурного наследия разрушали главную составляющую этого процесса — стремление к справедливости. Кризис коснулся и стержня христианской жизни — нравственной сферы. Вместо персональной и соборной ответственности за происходящие перемены и судьбы церковной стари-

[4] *Поздняев М.* «Вертикаль Божья». Церковь оказалась на пороге административной реформы // Новые известия. 2005. 5 июля.

ны возникала коллективная безответственность, равнодушная или неприязненная по отношению к людям, волею судеб оказавшихся в церковных зданиях. На фоне этой агрессивности, ставящей во главу угла исторический реваншизм и «удовлетворение религиозных потребностей», благодушные рассуждения о том, что «верующих можно понять», лишь подливали масла в огонь. Претензии религиозных организаций начали восприниматься болезненно. Реакция общественности на них становилась жестче, сопровождаясь зачастую резкими антицерковными выпадами. Такие выпады использовалась патриархией как доказательство невменяемости своих оппонентов и необоснованности отказа в передаче бывшей церковной собственности, вызванного неприязненным отношением к религии.

Нарастающий вал требований религиозных общин породил первые робкие сомнения в правильности тех «большевистских методов», которыми восстанавливались попранные большевиками права Церкви. 28 марта 1990 г. в «Литературной газете» появляется открытое письмо деятелей науки и культуры «О будущем наших храмов», одним из инициаторов которого стал реставратор памятников древнерусского искусства Савва Ямщиков. В нем говорилось о необходимости «оказать государственное содействие в повсеместном возвращении Церкви всех выдающихся памятников религиозной культуры и придать им на законодательной основе статус церковных музеев». Требование безусловного отказа от революционных возвратов, разрушающих сложившиеся музейные и реставрационные структуры, о перспективном подходе, сочетающем интересы Церкви, общества и культуры, оказалось не услышанным [5]. Тогда же отреагировали на вышеупомянутое обращение ведущие российские искусствоведы Алексий Комеч, Геннадий Попов и Энгелина Смирнова. В их письме были впервые сформулированы основные причины обеспокоенности интеллигенции процессом безответственной передачи памятников церковной старины религиозным организациям. Формулировки становятся впоследствии хрестоматийными и начинают «кочевать» из одного протеста в другой. Вне музейного опыта и особых условий будет сложно сохранить памятник, а при ежедневной богослужебной эксплуатации станет невозможно достойно его представить. Передача храмов и святынь в непосредственное пользование верующим возможна лишь при гарантиях нормальных условий хранения. В качестве первоочередной меры авторы письма предполагали передачу тех храмов, которые не используются в культурных целях. Иконостасы этих храмов могли формироваться за счет некото-

[5] Позднее на ту же тему: *Кончин Е.* Тучи над Святогорьем // Культура. № 22. 1992. 15 авг.

рых категорий икон из музейных запасников, а также за счет создания копий. Создание церковно-археологических музеев, которые должны, по мысли их инициаторов, создаваться на основе уже существующих коллекций, рассматривалось как шаг назад. В письме был приведен и список первых утрат и угроз: Успенский собор во Владимире, Успенский собор на Городке в Звенигороде, врата Троицкого собора Александровской слободы и некоторые другие памятники. Чуть позже в Ферапонтовом монастыре при попытке захвата церковных помещений пострадали фрески Дионисия (XV в.).

Процесс возвращения храмов, в котором основную роль играли требования «с мест», грозил стать неконтролируемым, а паства — неуправляемой. Инициативу снизу нужно было заменить регулируемым епископатом процессом, предполагающим проявление «волеизъявления прихожан» в нужном месте и в нужное время. Именно на это время и пришлось избрание на московскую кафедру ленинградского митрополита Алексия (Ридигера), с именем которого будет связана последующая культурная политика патриархии вплоть до его кончины 5 декабря 2008 г. Инициатива в это вопросе в начале 1990-х гг. окончательно перешла от мирян к архиереям.

30 августа 1990 г. патриарх — народный депутат СССР направляет письмо председателю Совета Министров РСФСР Ивану Силаеву [6]. Письмо за исходящим номером 1721 было посвящено централизации вопроса передачи церковной недвижимости. К нему прилагался список храмов, монастырей и предметов культа, о возвращении которых, как явствовало из заголовка, «ходатайствуют епархиальные преосвященные». Список содержал 544 позиции на всей территории России, из которых значительное число принадлежало 54 музеям. При знакомстве с ним удивляет произвольность в его формировании. Если в Ижевской епархии упоминалось 72 храма, на возвращение которых претендовала епархия, то по всей Москве — только 32. По Кировской епархии таких церквей числилось 51, тогда как православному Новгороду нужно было всего 4 объекта. При этом список в большинстве случаев не содержал указания на то, кем эти храмы и монастыри используются в настоящее время. Часто в общем перечне списка присутствовали «церковная утварь, иконы, царские врата, богослужебные книги и богословская литература, хранящаяся в областном художественном и краеведческом музеях». Епархия в Вологде претендовала на Софийский собор и Кремль, а также Спасо-Прилуцкий монастырь. В Ипатьевском монастыре в Костроме архиерею были нужны лишь Троицкий

[6] Государственный исторический архив Новгородской области, ф. Р-3686, оп. 10, д. 1882, В-2, т. 3, л. 244—275.

собор, колокольня и церковь свв. Хрисанфа и Дарьи. В Петербурге это были Александро-Невская лавра, Исаакиевский собор, Казанский собор, храм Спаса на крови, а так же безадресные «церковные дома и здания социального назначения, ранее национализированные». В ряде случаев в списке содержались заведомо недостоверные сведения. Так, сообщалось, что в Хутынском монастыре под Новгородом располагалась «валютная гостиница», хотя всем было известно, что обитель находится в руинированном состоянии.

В любом случае, список не был по всем позициям согласован с епархиальными архиереями и тут же оказался пополнен их амбициями. Один из первых конфликтов на этой почве разразился в Петербурге уже в сентябре 1990 г. Новый митрополит Иоанн (Снычев) потребовал вернуть церкви Рождественский собор Смольного монастыря, который не входил в патриарший список и в котором до сих пор располагается концертный зал. Обращение вызвало полемику в прессе и недовольство патриарха. Его интерес к церковному Петербургу в ущерб местному епископу, традиционно назначаемому из числа «благодарных провинциалов» с кругозором сельского священника, был очевиден. В январе 1991 г. патриарх практически согласился с предложением мэра города Анатолия Собчака организовать ставропигию Казанского и Исаакиевского соборов и храма Спаса на крови в виде «особого патриаршего попечения» над ними. Интересно, что тогда патриарх еще считал возможным сосуществование в Казанском соборе действующего храма и Музея русской воинской славы 1812 г., а храм Спаса на крови предложил приписать к Казанскому собору и сделать его музеем русской мозаики [7].

Текст сопроводительного письма патриарха от 30 августа премьеру представляет самостоятельный интерес. Мы присутствуем при продолжении неоконченного диалога. Текст начинается словами «в качестве первого этапа — препровождаю Вам список храмов, которые необходимо вернуть в собственность церкви». При этом предлагалось «долевое участие государства и общественных организаций и фондов» в финансировании восстановительных работ, а также выделение «на все передаваемые объекты через систему материально-технического снабжения РСФСР достаточного количества строительных материалов». В официальных биографиях И. Силаева, с июня 1990 г. по сентябрь 1991 г. занимавшего пост председателя Совета Министров РСФСР, постоянно говорится: «Одним из первых шагов правительства Силаева была ини-

[7] *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси*. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения 1990—1998. М., 1999. С. 698—699.

циатива передачи 500 церквей и храмов Русской Православной церкви, которая была поддержана его святейшеством Патриархом Московским и всея Руси Алексием II». Так кому же принадлежала инициатива — председателю или патриарху? Очевидно, у каждой из сторон здесь были свои интересы. Возрождение церковной жизни в сознании большинства россиян связывалось исключительно с открытием храмов. Правительство «шло навстречу пожеланиям народа», одновременно рассчитывая передать «на баланс» церкви многочисленные храмовые здания. К тому же предстояло противостояние российской и союзной бюрократии, и поддержка со стороны «патриарха всего СССР» была важна для исхода этой борьбы. 18 сентября И. Силаев накладывает на письмо резолюцию, обращенную к совминам автономных республик, край- и облисполкомам, Московскому и Ленинградскому горисполкомам: «Прошу рассмотреть и сообщить, в какие сроки можно освободить». После этого премьер задумался и о культуре: «т. Соломину Ю. М. Прошу переговорить». Характерна реакция местных властей на поручение премьера, выразившаяся в практически повсеместном отказе исполнить «московскую волю». Однако в стране назревали более важные для церковной жизни события, чем келейные договоренности между государственной и церковной властью о разделе собственности. Закон СССР «О свободе совести и о религиозных организациях» № 1689-1 был принят 1 октября 1990 г., а 25 октября 1990 г. Верховный Совет России принимает Закон «О свободе вероисповеданий». Они предусматривали возвращение религиозным организациям не только прав юридического лица, но и имущества религиозного назначения на основе договора с государством.

Чуть позже, 25 декабря 1990 г., Верховный Совет принял постановление № 447-1 «О неотложных мерах по сохранению культурного и природного наследия народов РСФСР», подписанное Борисом Ельциным. Местным советам предлагалось (пункт 5) предусмотреть приоритетное право использования культовых зданий по их первоначальному назначению с одновременным отводом земель и строений, необходимых для выполнения религиозными организациями их функций. Порядок передачи государством зданий и культовых предметов религиозным объединениям определяется законодательством РСФСР. Естественным развитием этого постановления становилось совершенствование законодательства, посвященного передаче памятников культуры религиозным организациям и усилению ответственности за порчу и разрушение этих памятников. Однако Россия так и не приняла подобного акта в отличие от СССР. Закон № 2284-I (Д) «Об уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры», подписан-

ный Михаилом Горбачевым 2 июля 1991 г., фактически сразу же утратил силу и не обрел правоприменительной практики на территории России.

Одновременно патриарх обращается в Моссовет с предложением вернуть патриархии 175 церквей и 8 часовен, в которых размещаются 68 культурно-просветительских учреждений, в том числе 28 музеев. Если комиссия Моссовета изначально настаивала на дифференцированном подходе к памятникам, то более радикальный Ленсовет намеревался пойти по пути всеобщей передачи [8]. К июлю 1991 г. из 4578 памятников культового зодчества в РСФСР 900 было передано патриархии, 635 были заняты музеями и учреждениями культуры, 1236 вообще не использовались, а в остальных располагаются мастерские, склады, организации, жилые дома.

Восстановление справедливости по отношению к одним сопровождалось попранием ее по отношению к другим. 4 декабря 1990 г. подписывается постановление Мосгорисполкома «О передаче Московской патриархии памятника архитектуры XV в. „Новоспасский монастырь“», при этом ВНИИ реставрации предписывалось «освободить занимаемые площади после предоставления помещений». К концу 1991 г. ситуация здесь приобрела резко конфликтные черты. Патриархия увеличила арендную плату с 2 до 248 рублей за квадратный метр, а город выделил несравненно малую площадь для переезда — всего 900 кв. м. Со стороны монашеской общины поступали угрозы привлечь ОМОН для разрешения конфликта и сбить институтские замки. Глава общины архимандрит Алексий (Фролов), нынешний епископ Орехово-Зуевский, заявил тогда: «Я искать выход не буду, пусть его ищет институт». При этом прозвучало и обвинение в адрес реставраторов в доведении Преображенского собора до аварийного состояния [9]. Вселение в Сретенскую церковь в Москве «интеллигентной» общины священника Георгия Кочеткова также не обошлось без конфликта с отделом скульптуры Всероссийского реставрационного центра [10].

В 1991 г. общественность страны попыталась противопоставить келейным церковно-государственным договоренностям собственную открытую концепцию возвращения памятников церковной старины религиозным общинам. В начале года в Советском Фонде культуры состоялось совещание по вопросу передачи Русской Православной церкви храмов и монастырей, в нем приняли участие представители всех за-

---

[8] *Семенюк М.* Страсти по очищению // Советская Россия. 1991. 6 июня.

[9] *Исканцева Т.* Святые отцы грозят ОМОНом // Куранты. 1992. 31 марта.

[10] *Ямщиков С.* Реставраторам указали на дверь // Известия. 1991. 30 сент.; *Брюсова В. Г.* Не сделать ошибки // Литературная Россия. 1991. № 34.

интересованных сторон [11]. Итогом работы стало общее письмо-обращение к патриарху Алексию (Ридигеру) и Президенту Борису Ельцину. Авторы письма настаивали на дифференцированном подходе к процессу возвращения Церкви памятников культуры. Все памятники подразделяются здесь на четыре категории. Храмы первой группы, не имеющие выдающегося историко-художественного значения, могут быть переданы патриархии безо всяких условий. Вторая, немногочисленная группа объединяет обладающие художественной ценностью и имеющие музейное значение памятники, которые, однако, возможно передать Церкви. При совершении в них богослужений необходимо соблюдать температурно-влажностный режим, а также гарантировать возможность их экскурсионного посещения, всестороннего изучения и соблюдения научно обоснованных норм при ремонтно-реставрационных работах. Такие храмы могут быть церковными музеями, в которых возможно проведение праздничных и воскресных служб. К этой группе относятся уже переданные Церкви Успенский собор во Владимире и Успенский собор в Звенигороде с фресками прп. Андрея Рублева. В ряде случаев предполагалось ограничить богослужебное использование таких храмов по отношению к status quo, сложившемуся к тому моменту.

Третью группу составляют храмы, которые остаются музеями, но при этом в них могут совершать праздничные богослужения с ограниченным количеством присутствующих. В письме перечисляются 16 храмов — собор Андроникова монастыря в Москве, Успенский собор Московского Кремля, Смоленский собор Новодевичьего монастыря, церковь Святой Троицы в Останкино, храмы Пафнутьево-Боровского монастыря (Калужская область) и Марфо-Мариинской обители (Москва), собор Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде, Казанский собор в Санкт-Петербурге, Успенский собор в Рязани, церкви апостолов Петра и Павла и архангела Михаила в Смоленске, церковь Святого Духа во Фленово, Успенский собор в Ростове и Крестовоздвиженский собор в Тутаеве (Ярославская область).

В четвертую группу входят единственные в своем роде памятники, которые в силу их художественной ценности и хрупкости не могут использоваться для богослужений и должны продолжать сохранять музейный статус. К таким шедеврам отнесены: церковь Покрова Богородицы в Филях (Москва), Рождественский собор в Суздале, Софийский собор в Вологде, Преображенская церковь в селе Большие Вяземы Одинцовского района Московской области, Троицкий собор Ипатьев-

[11] Память Отечества // Голос Родины. 1991. № 6. С. 4.

ского монастыря в Костроме, собор Мирожского монастыря во Пскове, церковь Ильи-пророка в Ярославле и София Новгородская. Дополнительно подчеркивалось, что вывод музея из культового здания возможен лишь при условии предоставления помещения, соответствующего требованиям хранения и экспонирования музейных фондов. При этом авторы письма ссылаются на пункт 7 постановления Совета Министров СССР от 2 июня 1965 г. «О музейном фонде СССР», где говорилось: «Перевод музеев в здания (помещения), не отвечающие условиям хранения музейных экспонатов... запрещается». В письме предлагалось также создание строгого и единообразного порядка передачи памятников Русской Православной Церкви, подчиненного задаче сохранения культурных ценностей. Одним из действенных шагов в этом направлении могла стать деятельность региональных экспертных комитетов, специальное заключение которых являлось бы основанием для передачи. В рамках этого заключения должны быть выработаны рекомендации обязательного характера, касающиеся не только использования памятника, но и способов и методов его реставрации. В экспертные советы, деятельность которых должна носить согласительный и публичный характер, помимо специалистов должны входить представители Церкви.

В рамках дискуссии был высказан ряд интересных предложений: активнее подключать Русскую Православную Церковь к реставрации культовых памятников, находящихся в собственности государства, восстановить «де-юре» право собственности Церкви на музейные предметы, что позволит защитить святыни от опошления и сохранить целостность церковной культуры. В качестве первого шага предполагалась передача религиозным организациям алтарных частей музейных храмов, восстановление их первозданного вида, освобождение от экспонатов, не соответствующих духу храмового пространства [12]. С самого начала возникла идея церковно-музейной конференции с обсуждением возникших проблем, которая сменилась впоследствии разговорами о соглашении между патриархией и Минкультом [13]. Одновременно происходило и обсуждение проекта Закона Российской Федерации о собственности религиозных объединений, пункт 5 которого гласил: «Решение по вопросу об уникальности указанных памятников и передаче их в пользу религиозных объединений принимается Президиумом ВС РСФСР после заключения соответствующих комитетов ВС РСФСР.

[12] *Байдин В.* «Дом мой домом молитвы наречется». Верующие России просят вернуть им храмы. А как быть, если в храме музей? // Новое время. 1991. № 27.

[13] *Семенюк М.* Страсти по очищению // Советская Россия. 1991. 6 июня.

Порядок пользования указанным имуществом определяется Советом Министров РСФСР с участием заинтересованных сторон» [14].

Естественным развитием и своеобразным итогом такого подхода стало «инструктивное письмо» министра культуры СССР Николая Губенко от 25 июня 1991 г. за № 1238-04-4/10-47 [15]. В прилагаемой декларации говорилось о необходимости возвращения церковных зданий Церкви, причем подчеркивалось, что 95 % могут быть возвращены немедленно. Процесс реабилитации духовных и художественных ценностей признавался необходимым и содержательным, но требующим обеспечения их сохранности. Основой декларации, с одной стороны, был отказ от противопоставления религии и культуры, с другой — нормальная жизнь Церкви в существующей социальной и правовой среде, а не жесткое подчинение этой среды церковному началу. И обществу и Церкви стоило признать свершившуюся секуляризацию культуры и изменившееся отношение к культовому и культурному наследию. Музеефикация и реставрация рассматривались как общественная потребность в восприятии исторических предметов как произведений искусства и религиозных святынь, и Церковь должна была считаться с этой позицией. Однако патриархия абсолютизирует молитвенную предназначенность церковных памятников как единственный источник духовной жизни общества.

В целом, согласно декларации, процесс передачи может состояться лишь в правовом поле, гарантирующем существование государственных музеев как части системы охраны памятников. Особой заботой государства должна стать судьба организаций культуры, выводимых из храмовых зданий. Однако уже сейчас используемые церковью здания становятся объектом варварских пристроек и поновлений, не согласованных со специалистами и органами надзора. Предлагалось, что еще до начала массовых передач в структуре самой патриархии должны появиться соответствующие органы по охране старины, сотрудничающие с государственной инспекцией.

В декларации отмечалось, что в области культуры в СССР уже начались насильственные действия. Вместо решающего мнения компетентных комиссий в нарушение союзных и российских законов все совершается постановлениями местных советов, их комитетов и комиссий. Уже выработалась порочная схема принятия решений: наверху договариваются церковные и государственные руководители, решение спускается вниз как обязательное, и начинается борьба специалистов с

---

[14] *Брюсова В. Г.* Не сделать ошибки // Литературная Россия. 1991. № 34.

[15] Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 8, оп. 2, 1991 г., д. 6, л. 5—12.

невежественным произволом местной власти. Письмо появилось накануне того дня, когда президиум Новгородского облсовета принял решение о передаче местной епархии Софийского собора и иконы Знамения Божией Матери.

Беспокойство интеллигенции вызвало неоднозначную реакцию и в Церкви, и в обществе, и за рубежом. Информационный бюллетень «Service orthodoxe de presse» из своего «прекрасного парижского далека» расценил эту тревогу как ревизию процесса передачи Церкви памятников ее культуры под видом «защиты наследия» [16]. Определенными силами в обществе начал формироваться искаженный образ музейщика и искусствоведа, антицерковно настроенного, материально озабоченного и стремящегося сохранить монополию на использование памятников церковной старины.

«Августовский путч» и «Преображенская революция» изменили не только политическую физиономию страны, но и ее культурное лицо. События развивались стремительно, их участники не утруждали себя следованием надежной колеей законов и подчинением светофорам инструкций. О порядке в деле передачи патриархии храмов и святынь, как, впрочем, и о порядочности в этой сфере, можно было забыть.

Осенью 1991 г. Минкульт РСФСР подготовил проект указов Президента о пользовании соборами и храмами в Кремле и в центре Москвы [17]. Первая литургия в Успенском соборе состоялась еще 23 сентября 1990 г. Проект, предложенный патриархией, был более радикален [18]. Патриарх Алексий (Ридигер) упомянул, что Министерство культуры вряд ли может быть правопреемником Министерства Императорского двора, в ведении которого находились кремлевские соборы.

Единственное законное решение вопроса, по патриаршему мнению, — понятие общецерковной собственности необходимо предусмотреть законодательством. Сохранение государственных дотаций на содержание храма будет обусловлено как общенациональным статусом этой святыни, так и отказом от совершения здесь индивидуальных треб. Музейные работники и экскурсанты должны будут соблюдать нормы канонического поведения в храме. Сами экскурсии должны быть подвержены церковной цензуре. Кадровая политика патриархии, основываемая на принципе компетентности и образованности клири-

---

[16] Service orthodoxe de presse. 1991. № 157.

[17] Судьба соборов. Московский Кремль: Церковь и музей выясняют отношения // Московские новости. 1991. № 41.

[18] *Родимцева И.* Путь духовности: музей и церковь. Вместе или врозь? «Последних святых — на улицу?» // Московская правда. 1991. 22 окт.

ков, будет проводиться по согласованию с музеем. В результате у посетителя возникнет ощущение цельного образа культурного комплекса, тогда как здание, поочередно превращаемое то в храм, то в музей, способно породить лишь фрагментарное и разрозненное восприятие. Директор музеев Московского Кремля Ирина Родимцева, со своей стороны, заявила, что соборы Кремля — это олицетворение государственности, и их передача может быть расценена обществом как молчаливое признание главенства православной религии над другими. В условиях этнонациональных конфликтов в стране непродуманные манипуляции культурным наследием могут быть чреваты новыми обострениями. К тому же сотрудники музеев, несмотря на высокую квалификацию, могут потерять доступ к изучаемым памятникам, если они неверующие или придерживаются другой религии. Это угрожает стране «запретом на профессии».

19 октября 1991 г. газета «Культура» привела данные социологического опроса, подготовленного службой «Мнение». На вопрос «Церкви на территории Кремля надо передать Московской Патриархии или оставить музеям?» «за» высказались 40,5 %, «против» — 48,1 %, затруднились с ответом — 3,3 %. Более подробная статистика выглядит следующим образом:

	За	Против
Женщины	38	51
Мужчины	43	45
18—24 года	56	45
35 и старше	34	54
коренные москвичи	40	49
москвичи по прописке	42	47
окончившие ПТУ	48	41
Студенты	48	44
высшее образование	34	54
с ученой степенью	36	54
за границей не бывали	40	48
с заграницей знакомы	38	53
в общежитиях	45	35
в коммуналках	45	47
в отдельных квартирах	40	49
в кооперативных квартирах	38	51
Верующие	48	40
не очень верующие	41	47
Неверующие	30	59

18 ноября 1991 г. был подписан Указ Президента РСФСР № 220 «Об использовании Московской патриархией отдельных храмов Мос-

ковского Кремля», в котором упоминались храмы: Успенский, Благовещенский, Архангельский соборы, храм 12 апостолов, церковь Иоанна Лествичника с колокольней Ивана Великого, церковь Ризоположения и собор Покрова на рву. Порядок использования должен быть определен на основе долгосрочного соглашения между Министерством культуры и Московской патриархией. Пожалуй, первый настоящий договор о сотрудничестве между Церковью и культурой был подписан в Вологде в декабре 1991 г. по инициативе архиепископа Михаила (Мудьюгина), человека действительно высокой культуры. Пока столица демонстрировала политические амбиции, провинция проявила особую мудрость: создавалась согласительная комиссия, уполномоченная передавать культовые предметы во вновь открываемые храмы [19].

Несмотря на то, что соборы оставались государственной собственностью, в прессе Указ оценивался как «дарственная» патриархии [20]. Союзное министерство вообще не было в курсе принятия подобного указа [21]. Жизни СССР оставалось чуть более месяца. Ельцинский указ, отнимавший у союзного руководства права на основной символ советской империи — Кремль, стоит рассматривать как гвоздь в крышку гроба, стремительно захлопывающуюся над режимом Михаила Горбачева.

Под конец 1991 г., 5 декабря, Борис Ельцин обратился к главам конфессий и верующим России с программным обращением, которое стоило бы назвать «храмы в обмен на мир», вернее, на политическое миротворчество или даже социальную психотерапию. Обращение было приурочено к 60-летию уничтожения храма Христа Спасителя в Москве. Осудив сталинский вандализм, Президент подтвердил стремление российского руководства передать святыни и храмы тем, кому они по праву должны принадлежать. Но сначала он призвал верующих и духовенство к врачеванию душ во время болезненных реформ. Начиналась новая эпоха использования Церкви государством. Конец 1991—начало 1992 г. знаменовался новым витком полемики в прессе и откровенно хамскими выпадами в адрес Церкви, рассчитанными на дискредитацию религиозного сознания в глазах российского общества [22]. Михаил Чулаки написал сразу и обо всем: о «жрецах в золоченых одеждах», о богослужениях как необходимом приложении к этнографиче-

---

[19] Власть и Церковь: спрос на взаимность // Известия. 1991. 23 дек.

[20] *Никулин М., Пеструхина Е.* Умом Россию не понять. Два хозяина в Кремле // Мегаполис-Экспресс. 1992. № 12.

[21] *Митрофанов С.* Кесарь — кесарю: Богу Богово // Коммерсантъ. 1991. 25.11—2.12.

[22] *Чулаки М.* Возгласим: «Слава РПЦ!»? // Мегаполис-Экспресс. 1991. № 48.

ской экспозиции, о духовной цензуре и об отсутствии у Церкви до революции своей собственности [23]. Небрежение к сохранению икон со стороны православных он объяснил равнодушием религиозного чувства к художественному качеству произведения и приоритетным вниманием к «святости содержания». В других публикациях причиной конфликта называлась неинтеллигентность обеих сторон. Попытка отдать церкви бесхозные и наиболее разрушенные памятники вызывала протест определенных кругов [24]. Развивается теория «тюремно-кладбищенского» отношения православной общественности к музеям, которые рассматривались одновременно как тюрьма и кладбище для икон[25]. Небогослужебное использование храмов и помещение икон в музей называется «повседневным кощунством» [26]. Делались сравнения, сознательно рассчитанные на физический шок: музеи, претендующие на сохранение древнерусской культуры, отличаются от действующих храмов, как мумифицированный труп отличается от живого человека [27]. Нравственное и культурное просвещение общества через демонстрацию в музеях церковного искусства признавалось рядом изданий невозможным, поскольку формирование музейных коллекций осуществлялось на основе «безнравственного и бескультурного» способа — путем закрытия храмов и изъятия церковных ценностей. В подлеправославной прессе отмечалось, что духовная слепота искусствоведов, не позволяющая видеть в памятниках святыни, вызывает встречную неприязнь верующих [28]. Церковная иерархия не только не препятствовала этой истерии своей проповедью уважения к труду, но и активно ее подогревала.

Редкие статьи искусствоведов и музейных работников не могли ни переломить формировавшегося настроения, ни заменить деятельность, направленную на пропаганду собственных взглядов, ни идейно подготовить неизбежную реформу музейного дела в России [29].

---

[23] *Чулаки М.* Исторические исследования или неприкосновенная тайна // «Музеи России». 1991. № 2.

[24] *Кротов Я.* Культура и культ // Куранты. 1991. 24 окт.

[25] Московские новости. 1991. 21 июня.

[26] Московский церковный вестник. 1991. № 25.

[27] *Рыбин В.* Музейный плен // Православный Санкт-Петербург. 1993. № 17.

[28] *Бондаренко Ю.* Чужое впрок не идет // Московский церковный вестник. 1992. № 20/21.

[29] *Лифшиц Л., Попов Г.* Как увидеть «Троицу» Рублева? Музей и Церковь: война? Продолжение дискуссии, начатой НГ // Независимая газета. 1992. 31 янв.; *Красилин М.* Побойтесь Бога, господа! Против кого и чего мы воюем // Независимая газета. 1992. 18 апреля; *Рубанцева М.* Савелий Ямщиков: Потому и не те-

В процессе полемики указывалось, что в ряде случаев музей мог предоставить верующему бóльшие возможности для общения со святыней, чем храм, поскольку только в экспозиции человек может так непосредственно соприкоснуться с созданием человеческого гения, вдохновленного Премудростью Божией. Отмечалось, что проблемы во взаимоотношениях между реставраторами, музейщиками и прихожанами создаются как отсутствием художественного вкуса у новых и старых православных, так и «ревностью не по разуму», свойственной неофитам из числа комсомольских активистов. В целях разрешения конфликтов предлагалось, чтобы в ученые советы музеев, хранящих в своих фондах произведения религиозного искусства, вводились представители соответствующих конфессий, а фондовым комиссиям предлагалось по согласованию с Министерством культуры заранее составить списки вещей, которые могут быть переданы Церкви.

Дело не ограничивалось одними публикациями. 14 марта 1992 г. группа общественности обратилась с письмом к председателю Верховного Совета РФ Руслану Хасбулатову [30]. В письме выражалась озабоченность требованиями патриархии и предлагалось прекратить практику разбазаривания государственных музейных собраний, а также были обозначены новые объекты претензий, в том числе Владимирская икона Божией Матери, образ Троицы, ризница Троице-Сергиевой лавры. Весной того же года началась подготовка к соглашению между Министерством культуры и патриархией [31]. Однако одновременно в кулуарах Верховного Совета готовилось положение о «Комиссии по рассмотрению предложений местных советов об использовании памятников истории и культуры в культовых целях» и предлагался ее персональный состав. Кто был непосредственным автором идеи, из сохранившихся документов не вполне ясно. Комиссию должен был возглавить Р. Смирнов, заместитель председателя Комитета Совета национальностей РСФСР по развитию культуры и сохранению наследия. Здесь предполагалось участие таких специалистов, как Герольд Вздорнов, Иван Пуришев, Игорь Столетов, Алексей Владимиров и Вячеслав Клыков, от Верховного Совета в нее должны были войти протоиерей Алексей Злобин, Вера Бойко и Михаил Сеславинский, от Минкульта — Александр Шкурко, Борис Любимов, Виктор Булочников и Галина Бражникова, от пат-

---

ряю надежды (Российская газета) // Бюро коммуникаций ОВЦС МП. Подборка по прессе. 1992. № 41.

[30] Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 8, оп. 2, д. 4, 1992 г., л. 1—7.

[31] Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 8, оп. 2, д. 15, л. 1—7.

риархии — епископ Подольский Виктор (Пьянков) и архимандрит Иннокентий (Просвирнин), от Моссовета — Сергей Колбанов и Михаил Филимонов. Комиссия должна была вырабатывать предложения по усовершенствованию хранения, экспонирования и изучения памятников церковной истории.

Предполагалось перевести коллекции церковного искусства в отдельное хранение с учреждением попечительских советов разных уровней. Члены Комиссии имели право доступа к фондам и залам в любое время. Для церковных экспозиций предусматривалось создание отдельных входа, выхода и специального обслуживания. Если музей не мог предоставить подобных условий, то Комиссия имела право запретить экспонирование церковных предметов. Предполагалась деидеологизация выставок в церковных комплексах, а алтари не могли более служить подсобными помещениями. Попечительские советы должны были в полном объеме осуществлять надзор за памятниками церковного искусства и церковного зодчества, находящимися во владении Русской Православной Церкви, и возбуждать вопрос об изъятии этих памятников у общин перед «Высшим попечительским советом хранилищ церковного искусства» в случае их ненадлежащего использования. Бюджет Высшего совета должен был финансироваться Верховным Советом, а деятельность местных советов — из муниципальных бюджетов. Этому замыслу не было суждено реализоваться.

Патриархия соответственно реагировала на происходящее в обществе. В докладе на архиерейском соборе 31 марта 1992 г. патриарх говорил, что происходит недостойное обыгрывание имущественного вопроса, а справедливое стремление Церкви к возвращению отобранных у нее в послереволюционный период храмов объявляется «неоправданной претензией». Уже тогда он отмечал, что музеи всячески тормозят возвращение святынь Церкви, несмотря на постоянные предложения патриархии о последующем сотрудничестве в области сохранения и использования этих памятников [32]. Выступления патриарха всегда были рассчитаны на целевую аудиторию. На епархиальных собраниях в Москве основные претензии за существующие конфликты уже предъявлялись столичному духовенству. 11 декабря 1992 г. он отмечал, что со стороны управления по охране памятников поступают постоянные претензии на действия некоторых приходских общин, не желающих согласовывать проектные работы, а также допускающие самовольную перепланировку исторических памятников и уничтожение сохранив-

[32] Слово на открытии Архиерейского собора РПЦ 31 марта 1992 г. // *Алексий II*, *Патриарх Московский и всея Руси*. Церковь и духовное возрождение России. С. 46.

шейся живописи. При этом патриарх отметил требования представителей клира, имеющих специальное искусствоведческое образование, положить конец безграмотной реставрации живописи, иконописи и храмовой архитектуры, осуществляемой некоторыми собратьями по сану.

Патриарх неоднократно говорил о необходимости создания церковного отдела по архитектуре и церковному наследию при Московской патриархии, где верующие архитекторы и искусствоведы могли бы стать не только руководящими работниками, но и посредниками при возникновении конфликтных ситуаций. Далее патриарх потребовал от духовенства «показать», что патриархия способна реставрировать и содержать храмы и другие ценности на должном уровне, но показать так, чтобы не усилить возникающего противостояния между Церковью и работниками культуры, чтобы не спровоцировать издание нового закона, который поставит Церковь в еще более трудное положение. Почти в тех же выражениях эти рекомендации были повторены и через год, 20 декабря 1993 г. [33] В своих письмах государственным деятелям патриарх писал, что Церковь не требует от музейных храмов прекратить выполнение своих культурных функций и не намеревается «выбросить на улицу» музейных работников. Патриархия лишь желает, чтобы для всех была ясна перспектива и цель движения по возвращению Церкви ее нормального статуса и имущества [34].

Однако существовали обращения не только собора, но и к собору. 30 марта 1992 г. Ассоциация реставраторов направила в его адрес письмо с призывом проявить здравый смысл в решении вопроса о выселении художников из московских церквей, в частности из Новоспасского монастыря, Сретенской церкви и Марфо-Марьинской обители. Канонизация великой княгини Елизаветы была расценена частью общества как попытка создать дополнительные основания для приватизации последнего из упомянутых комплексов [35]. К лету 1992 г. обостряются вопросы, связанные с Валаамским монастырем и Троице-Сергиевой лаврой. Для Валаамского архипелага был установлен указом Президента новый статус «единой и целостной особо ценной исторической и при-

---

[33] Из выступления на Епархиальном собрании Москвы 11 декабря 1992 г. // *Алексий II*, *Патриарх Московский и всея Руси*. Церковь и духовное возрождение России. С. 346; Из выступления на Епархиальном собрании Москвы 20 декабря 1993 г. // *Алексий II*, *Патриарх Московский и всея Руси*. Церковь и духовное возрождение России. С. 358.

[34] *Алексий II*, *Патриарх Московский и всея Руси*. Церковь и духовное возрождение России. С. 702.

[35] *Харитонский Е.* Московская Патриархия: канонизация как средство приватизации // Коммерсантъ. 1992. № 14.

родной территории Российской Федерации и Республики Карелия», а правительству Карелии с участием Русской Православной Церкви было поручено срочно подготовить предложения о порядке передачи земель и лесов архипелага в «бессрочное и безвозмездное пользование Церкви». Указ вызвал протесты в парламенте Карелии, где посчитали, что Президент не имеет права распоряжаться памятниками и собственностью на карельской земле.

Тогда же патриарх обратился к Президенту с просьбой о полной передаче патриархии Троице-Сергиевой лавры и лаврской ризницы. В юбилейный год 600-летия со дня преставления прп. Сергия Радонежского необходимо было восстановить историческую справедливость [36]. 23 июня 1992 г. действительно последовало распоряжение Президента о подготовке правительственного постановления по вопросу передачи Сергиево-Посадского музея-заповедника Русской Церкви [37]. 20 июля 1992 г. Музейный совет Российского международного фонда культуры и Российский комитет ИКОМ направили письмо протеста Борису Ельцину. Осуждая произвол по отношению к Церкви в советское время, авторы письма заявляли, что только в музейный период предметы лаврской коллекции стали доступны широкой публике. На основе Лавры предлагалось развивать опыт двустороннего сотрудничества религиозных организаций с музеями. В письме звучали угрозы сотрудников закрыть музей и подать на Президента в Конституционный суд [38]. В связи с этим в околоцерковной прессе писалось, что Церковь настаивает на прекращении не фактического, а юридического положения вещей, главной причиной сопротивления музейщиков назывался их непрофессионализм и боязнь остаться без работы [39].

Одновременно разворачивались конфликты в Святогорском монастыре Псковской области, где настоятель препятствовал доступу экскурсантов и паломников к могиле Пушкина, намекая на его масонские заблуждения, и в Александровской слободе (Владимирская область), где рядом с музеем с 1991 г. существовал монастырь. Обитель протестовала против киносъемок на территории слободы, а директор музея Алла Петрухно обвиняла верховную светскую и церковную власть в

---

[36] *Ванеева Н.* Будет ли в России музей Православной культуры. Монахи могут реставрировать иконы // Независимая газета. 1992. 30 апр.; *Ямщиков С.* Судьба музея с точки зрения ученых // Известия. 1992. 25 авг.

[37] Ничего не жаль // Московский комсомолец. 1992. 21 июля.

[38] *Юшкин С.* Музейщики — Ельцину: мы вам не монахи // Коммерсантъ. 1992. № 30.

[39] *Кураев А., диакон.* Судьба лавры с точки зрения монахов // Известия. 1992. № 184.

провоцировании местных конфликтов [40]. В сентябре Геннадий Вдовин опубликовал в «Независимой газете» официальную идеологию сопротивления церковным претензиям. Дело не в угрозе сохранности передаваемых Церкви памятников культуры, а в опасности клерикализации культуры [41]. За этими ожесточенными спорами незаметно и подошел юбилей смиренного Сергия. Накануне праздника, 29 сентября 1992 г., в «Известиях» было опубликовано обращение к руководству России, подписанное постоянными членами Синода, архиереями, клириками и мирянами, деятелями науки, литературы и искусства. Цель все та же: вернуть Лавру Церкви. Музей-заповедник в его нынешнем виде однозначно воспринимался авторами обращения как порождение эпохи воинствующего атеизма. Уже после праздника, 15 октября 1992 г. было подписано распоряжение Президента «О Троице-Сергиевой лавре», где поэтапное возвращение зданий предусматривало окончательный вывод музея до 2001 г. [42]

Определенная типология конфликтов из-за приходских храмов к этому времени успела сложиться в Москве. 25 июня 1992 г. распоряжением премьера правительства Москвы № 1557-р было отменено давнее решение Мосгорисполкома № 344/45 от 4 сентября 1956 г. о передаче храма Преображения на Песках (Арбат) на баланс киностудии «Союзмультфильм». Одновременно был отменен заключенный за полгода до этого договор со студией на аренду помещения вплоть до 21 декабря 2091 г. Зарегистрированный приход дал свое согласие на пребывание студии в храме лишь до мая 1993 г. [43] 21 декабря 1992 г. в храме был отслужен первый молебен. Прихожане жаловались, что сотрудники студии всячески препятствовали проведению служб, а во время молебна выставили в окне плакат «Религия — опиум для народа». Верующим пришлось войти в храм под охраной казаков, после чего они отказались выйти оттуда. Студия также отказывалась переезжать в новые помещения под предлогом отсутствия средств на их ремонт. Очевидно, что причиной конфликта стали не только обоюдные странности менталитета, но и вполне конкретные действия чиновников, предоставивших этим странным людям самостоятельно решать вопросы, решить которые они были не в состоянии. Конкретные недоработки правительство Москвы попыталось учесть к лету 1993 г. Впредь в поста-

[40] *Краминова Н.* Око за око // Московские новости. 1992. № 35.

[41] *Кротов Я.* Атеизм атеизму рознь... // Независимая газета. 1992. 29 окт.

[42] *Николаева О.* «Пир духа» с запасниками // НГ-религии. 1998. № 3; *Кончин Е.* Одно колесо — нам, другое — вам // Культура. 1992. № 22; *Кончин Е.* Архимандрит ждать не желает // Культура. 1993. № 34.

[43] *Голубев В.*, *Лаврентьев М.* Кощунство // Независимая газета. 1993. 20 янв.

новлениях должны указываться реальные сроки выезда арендаторов и конкретные адреса предоставляемых им помещений [44]. В это время список правительства включал в себя 25 храмов, арендаторы которых подлежали первоочередному перемещению, прежде всего с территории Китай-города и Марфо-Мариинской обители. Однако уже в 1995 г. мэрия и патриархия в ультимативном порядке потребовали от ВХНРЦ покинуть помещения обители, хотя новые площади так и не были предоставлены [45].

Набирал силы и конфликт вокруг Казанского собора — Музея истории религии в Петербурге, который переехал в новое здание лишь в 2000 г. Его директор Станислав Кучинский рассчитывал на европейский опыт, где использование здания как храма и как музея было привычным [46]. В сентябре 1990 г. дирекция музея и митрополит Иоанн (Снычев) договорились о совместном использование храма при условии освобождения алтарей и обновления экспозиции. Однако 13 сентября 1991 г. президиум Ленсовета передал собор епархии в безвозмездное пользование с сохранением государственного финансирования реставрационных работ [47]. Это спровоцировало новое требование общины и епархии немедленно освободить собор и опечатать фонды. Одновременно митрополит направил в Ленсовет требование, где говорилось о необходимости «сформировать компетентную комиссию для изучения состава, учета и хранения фондов и предметов экспозиции музея с целью передачи культового имущества музея и литературы в ближайшее время соответствующим конфессиям».

20 августа 1992 г. Совет Нижегородской области одним из первых в стране принял решение «О порядке передачи религиозным организациям культовых зданий, сооружений и архитектурных комплексов, являющихся объектами историко-культурного наследия». Однако в сентябре 1992 г., в условиях, когда стоило усилить контроль над охраной и реставрацией памятников культуры, меняющих своего пользователя, министерство культуры и туризма ждала очередная реконструкция, а Федеральная служба по сохранению культурных ценностей, созданная лишь накануне — в июле, была упразднена. Полноценный Федеральный научно-методический совет по охране и сохранению культурного наследия взамен Высшей комиссии по охране культурного и природ-

[44] Мэр Москвы требует ускорить процесс освобождения культовых зданий // Независимая газета. 1993. 12 авг.

[45] *Кончин Е.* Неужели нужно доказывать азбучные истины // Культура. 1995. 18—24 июня.

[46] *Струженцов Д.* Церковь против музея религии // Труд. 1991. 16 мая.

[47] *Ломакина И.* Под куполом Казанского собора // Российская газета. 1992. 30 янв.

ного наследия был создан при Министерстве культуры лишь 25 августа 1998 г., а 27 января 2005 г. последовал новый приказ о его реструктуризации. Система государственных органов охраны памятников на местах в 1990-е гг. деградировала, статус этих учреждений был понижен, в некоторых областях вместо полноценных комитетов были созданы производственные группы, зачастую переводимые на хозрасчет. В условиях складывающегося союза региональных элит с епархиальным руководством государственный контроль над деятельностью религиозных организаций по использованию и приспособлению переданных им памятников культуры был фактически утрачен. Утрата ГИОПами авторитета, сокращение финансирования и отток специалистов усугубляли ситуацию бесконтрольности. В ряде случаев местные органы охраны памятников не только не препятствовали нарушениям закона со стороны приходов и монастырей, но и активно помогали им обходить существующее законодательство. Правовые отношениия заменялись просто «добрыми отношениями», которые на юридическом языке должны быть названы коррупцией. Наступали годы великого перелома...

15 ноября 1992 г. после литургии в Успенском соборе Московского Кремля в Белом зале Моссовета министр культуры Евгений Сидоров и патриарх Алексий (Ридигер) подписали долгосрочное соглашение об использовании храмов Московского Кремля и храма Покрова на Рву на Красной площади. Подписание акта было приурочено к годовщине президентского Указа об использовании московской патриархией храмов Кремля. Пользование храмами со всем движимым имуществом было постоянным и безвозмездным при соблюдении законов и нормативных актов Министерства культуры. В соглашении особенно оговаривалось, что храмы не могут быть предоставлены другим религиозным объединениям, а Успенский собор рассматривался в качестве Патриаршего кафедрального собора. Музей осуществлял госконтроль за сохранностью памятников вообще, а патриархия обеспечивала эту сохранность во время богослужений совместно с МВД и комендатурой Кремля. За счет госбюджета продолжалось финансирование текущего содержания соборов и оплата коммунальных расходов, тогда как церковные средства частично компенсировали труд уборщиц, специалистов по освещению и сигнализации и смотрителей. Был установлен запрет на проведение в соборах нецерковных мероприятий, представлений и концертов. Мероприятия на территориях, прилегающих к храмам, должны проводиться по согласованию с патриархией. Обеими сторонами согласовывалось максимальное число участников богослужений. Патриархия имела право не только совершать в соборах все канонические службы и требы, но и проводить экскурсии для своих

гостей своими силами. Продажа церковной утвари осуществлялась по согласованию с комендатурой. Особо оговаривалось качество лампадного масла и свечей, используемых за богослужениями. Соглашение предусматривало обязательное составление актов состояния храмов до начала службы и после ее окончания. Богослужебная утварь патриархии могла храниться в музейных помещениях, однако ключевое хозяйство продолжало оставаться в руках музея. Проведение реставрации и научных исследований в соборах могло осуществляться с ведома патриархии. Для надзора за исполнением соглашения должен быть создан Попечительский совет с консультативными полномочиями. Интересно, что принятое правительством РФ впоследствии (6 июля 1994 г.) «Положение о государственном историко-культурном музее заповеднике „Московский Кремль“» ни словом не упоминало о правах патриархии на кремлевские соборы.

Накануне подписания газета «Известия» (1992 г., № 247) опубликовала программное интервью патриарха Алексия (Ридигера). Общество готовили к грядущему соглашению, создавая имидж патриархии как ответственной структуры, заинтересованной в партнерских отношениях с культурой. Патриарх говорил о «добросовестной и заинтересованной совместной работе», выражал благодарность подвижникам музеев, сохранивших культуру от варварского уничтожения. Он выразил сожаление, что часть духовенства и мирян, в силу атеистического прошлого, разделявшего Церковь и общество, не понимают значение и необходимость сотрудничества с представителями науки в деле охраны и реставрации церковной старины. В интервью он подчеркнул нормальность ситуации, когда икона находится в музее, объявив о праве патриархии создать свои собственные музеи. «Оскорблением чувств верующих» было лишь помещение в музей чтимых икон.

В отношении музейных организаций, которые оказываются на улице в результате передачи храмов Церкви, соответствующую заботу, по мнению патриарха, должно проявлять государство. Однако сами учреждения не хотят менять привычную обстановку, нередко оставляя храмы в удручающем состоянии. Реальные восстановительные работы начинаются лишь после передачи зданий патриархии, как это было в Новоспасском и Донском монастыре в Москве, хотя раньше ими пользовались именно реставраторы. Он заявил также, что при Синоде создается научный совет по культурному наследию Русской Православной церкви, который объединит духовенство и специалистов, который так и никогда и не был создан. Ему предстояло выработать рекомендации по реставрации и режиму охраны памятников церковной старины, которые будут обязательны для исполнения. Патриарх заявил категорическое несогласие со стремлением некоторых искусствоведов и му-

зейных работников не допустить возвращения памятников или «всячески ограничивать их нормальное использование» установлением предела количества молящихся, запретом на возжжение свечей и украшение икон живыми цветами, а также другими требованиями, нарушающими сакраментальную сторону пользования храмом.

В заявлении в полной мере сказалась склонность покойного патриарха к двойным стандартам и неразличимое на первый взгляд желание возложить вину за происходящие конфликты на противоположную сторону. Заявив, что конфликт между церковью и государственными учреждениями культуры искусственно раздут, он тут же нашел этому причину: «...стремление иных чиновников, поставленных в свое время на музейное дело, сохранить свою монополию на народные святыни, хозяевами которых они привыкли себя чувствовать». Отводя замечание о том, что передача памятников патриархии остановит научную работу по их изучению, он переадресовал упрек Российской Государственной библиотеке, не способной обеспечить доступ к рукописным собраниям крупнейших русских монастырей как по причинам длительных ремонтов, так и из-за отсутствия микрофильмов. При этом интервьюируемый упомянул и пожар в библиотеке Академии наук в Петербурге. Он тут же предложил «совместно решать вопросы размещения церковных рукописных собраний», очевидно, путем их перемещения на площади, контролируемые патриархией.

Напоследок было выражено отношение к музеям, которое и определяло стратегическую цель тактического маневра по сотрудничеству с музейной общественностью: культурное достояние должно жить не в гробах (Лк. 8:27), а там, откуда оно родом, — в Доме Божием. Напомним, что в евангельских строках, на которые ссылался патриарх, речь идет о «гадаринском бесноватом», который жил в пещере-гробе. Изгнанный из него легион бесов был послан в свиное стадо, которое утонуло в озере. Сравнив учреждения культуры, давшие приют церковным святыням, с жилищем одержимых, первосвятитель обозначил конечную цель своей деятельности.

Если приведенная интерпретация покажется кому-то натянутой, то стоит привести эпизод, рассказанный директором Владимирского музея-заповедника Алисой Аксеновой. Во время посещения патриархом Суздаля у нее завязался разговор с не названным по имени лицом из ближайшего патриаршего окружения. В результате функционер заявил: нет никакой разницы в том, что находится в бывшей церкви — хлев или музей [48].

---

[48] *Аксенова А. И.* История. Судьба. Музей. Владимир, 2001. С. 230.

Стоит назвать вещи своими именами. В благодарности музейщикам за спасение церковных реликвий, постоянно декларируемой патриархом, нет никакого другого смысла, кроме самой благодарности. Светская сторона всегда стремилась видеть в этом расположенность патриархии к равноправному сотрудничеству. Музейщики слышали в этих декларациях то, что хотели услышать, пытаясь читать между строк. Однако эти благодарности однозначно понимались теми, кто их произносил: спасибо, ваша миссия окончена, будьте любезны вернуть украденное и освободить помещение. Именно этому, по нашему мнению, и было посвящено патриаршее интервью накануне подписания одного из самых важных соглашений о сотрудничестве с Министерством культуры. То, что, по соображениям общественной дипломатии, патриарх не имел прав внятно выразить, за него сделали другие идеологи церковно-музейного конфликта [49].

[49] *Дунаев М. М.* Основные проблемы современной церковной живописи // Проблемы современной церковной живописи, ее изучения и преподавания в Русской Православной церкви. М., 1996. С. 45—55.

Глава IV

ГОДЫ ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА: 1993—1995

Новый виток споров о культурных ценностях Церкви был связан с новым уровнем политического противостояния в российском обществе. 20 апреля, накануне референдума о доверии Президенту, запланированного на 25 апреля 1993 г., Борис Ельцин встретился с главами и представителями религиозных конфессий в России. Проблема передачи культовых зданий была обозначена здесь как одна из самых сложных. На встрече говорилось о необходимости государственной программы для ее решения, рассчитанной на 5—10 лет, а может быть и на более длительную перспективу, и обеспеченной бюджетным финансированием [1]. Итогом встречи явилось распоряжение Президента № 281-р от 23 апреля 1993 г. «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества», где говорилось о поэтапной передаче имущества религиозного назначения, находящегося в федеральном ведении, в собственность или пользование. В двухмесячный срок, совместно с советской властью, нужно было подготовить перечень имущества, передаваемого в первоочередном порядке, а также определить сроки, порядок и условия их передачи. Шедевром законотворчества был следующий пункт: «При передаче культовых зданий и иного имущества учитывать по возможности интересы культуры и науки, имея в виду обеспечение сохранности памятников культуры, доступа к ним туристов, экскурсантов, всех граждан». Специалисты в области права расценивают принятие подобного распоряжения как «неправомочное действие», поскольку передача культурных ценностей в чье-либо пользование являлась совместной прерогативой законодательной и исполнительной власти [2].

---

[1] *Кураев А., диакон*. Богородица не велит молиться // Российская газета. 1993. 23 сент.

[2] *Михайлова Н. В.* Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX века. М., 2001. С. 162.

Тем временем общество пыталось выработать свою модель взаимоотношений с патриархией. В начале 1993 г. С. Ямщиков от имени Ассоциации реставраторов России выступил с инициативой создания фонда «Сохранение», в задачи которого входило приобретение икон и их реставрация с целью дальнейшей передачи в храмы. Первые 20 икон были переданы в церковь Большого Вознесения у Никитских ворот в Москве [3]. В 1994 г. фонд передал Казанскому храму на Красной площади еще 25 икон XVIII—XX вв. Позднее подобный вклад был сделан в Пафнутиево-Боровский монастырь [4]. Другая часть общества в лице «кандидата исторических наук Владимира Сидорова» призывала государство отказаться от «заигрывания с казенной церковью в вопросах передачи памятников культуры» [5].

Летом 1993 г. продолжал разрабатываться вопрос, связанный с подготовкой закона о реституции имущественных прав Церкви. Лидер Российского христианско-демократического движения Виктор Аксючиц предложил несколько вариантов постановления правительства, определяющего конкретную процедуру передачи имущества с учетом ситуации на местах [6]. Накануне посещения Президентом Валаама 28 июня 1993 г. был подписан Указ № 964 «О создании Международного фонда возрождения Валаамского архипелага и Спасо-Преображенского Валаамского монастыря». Государственный взнос фонда составил 1 миллиард рублей. Продолжался и конфликт вокруг Лавры и Сергиево-Посадского музея. Основные трения монастыря и музея, вплоть до применения обеими сторонами физической силы, начались после распоряжения Президента, которое было истолковано монастырем в свою пользу. Режим пребывания экскурсантов и паломников на территории монастыря устанавливался совместно с музеем-заповедником, однако в январе 1993 г. Лавра выпустила правила, одобренные патриархом Алексием (Ридигером), где говорилось об исключительном праве паломнического центра на проведение экскурсий по территории Лавры [7]. К лету 1993 г. так и не было составлено требуемого договора о совместной

---

[3] *Никольская О.* Возвращение икон // Вечерняя Москва. 1993. 11 февр.

[4] *Е. К.* Благое дело // Культура. 1994. № 6; В дар монастырю // Культура. 1994. № 23.

[5] *Сидоров В.* Не надо заигрывать с казенной церковью // Московские новости. 1993. № 3; *Сидоров В.* Не подобает государству заигрывать с религией // Известия. 1993. 6 февр.

[6] Церковь и государство: состоится ли возврат награбленного? Исполнительная власть молчит (интервью Д. Попова с народным депутатом РФ сопредседателем Думы РХДД В. Аксючицем) // Домострой. 1993. 6 июля.

[7] *Купрач А.* Музей пожрал храм. Нужна ли русским Троице-Сергиева лавра? // День. 1993. 17—23 сент.

деятельности. Установление платы за вход на территорию монастыря вызвало негативную реакцию Московского облсовета [8].

Одновременно общественное мнение подготавливалось к возвращению Церкви таких святынь, как иконы «Пресвятая Троица» прп. Андрея Рублева и образов Богоматери «Владимирская» и «Донская». С такой просьбой в Верховный Совет РФ обратилась группа православной общественности и политических деятелей в августе 1993 г. [9]

Именно Владимирская икона становится символом трагических событий 21 сентября—4 октября 1993 г. 2 октября, в субботу, к 14.00 замминистра культуры К. Щербаков вызвал заведующую древнерусским отделом Третьяковской галереи Н. Розанову. В отсутствие хранителя Надежды Бекеневой замминистра распорядился под его личную ответственность передать образ для молебна в Елоховском Богоявленском соборе. Одновременно Лидия Иовлева, заведовавшая в то время галереей, была приглашена к патриарху в Данилов монастырь для обсуждения этого вопроса.

В результате Министерством был издан приказ № 614 о доставлении иконы на богослужение, упоминавший соответствующую просьбу патриархии, поддержанную правительством. 3 октября икона отсутствовала в музее 7 часов, с 9.30 до 15.30. Температурные перепады привели к изменению сохранности образа, что было зафиксировано 5 октября протоколом реставрационного осмотра: на ликах Богородицы и Младенца кракелюр авторского грунта стал еще более рельефным, на хитоне Младенца в верхней части отстал красочный слой, были замечены выходы реставрационного клея и отставание грунта под мафорием Богородицы и ее рукой, держащей Младенца.

Одновременно появились слухи о готовящемся в 5-дневный срок Указе Президента о передаче Владимирской иконы и рублевской Троицы [10]. 6 октября 1993 г. в адрес Бориса Ельцина поступил проект указа как реакция на обращение московских епископа и мэра [11]. 7 октября проект указа поступил к главе президентской администрации Сергею Филатову с сопроводительной запиской: «В принципе предложение можно было бы и поддержать. Проработайте правовую сторону вопроса и внесите предложения. Срок — 5 дней».

---

[8] Сегодня. 1993. 10 авг.

[9] Русь православная. Вып. № 4 // Советская Россия. 1993. 12 авг.

[10] Московские новости. 1993. 24 окт.

[11] *Политковская А.* Пойдут ли святые иконы Владимирской Божией Матери и Пресвятой Троицы с молотка или погибнут // Megapolis-Express. 1993. 10 ноября.

В те же дни общественность узнала, что такое расконсервация и ниточное вздутие красочного слоя [12]. 14 октября собрался реставрационный совет Третьяковской галереи, а 18 октября состоялся расширенный совет, обратившийся к Президенту и премьеру. В обращении говорилось о невозможности возвращения в повседневный церковный быт «хронически больного памятника». Здесь же содержалось предложение приостановить передачу музейных экспонатов патриархии до начала деятельности межведомственной комиссии при правительстве, которая должна быть создана на основании апрельского распоряжения № 281. Этот совет породил множество откликов в околоцерковной прессе, утверждающих, что профессиональная лексика реставраторов («икона-хроник», например) оскорбляет чувства верующих [13].

Впервые публично в СМИ были подвергнуты сомнению методические основы искусствоведения и реставрации. Акты экспертизы, сделанные в Третьяковской галерее, признавались смехотворными, поскольку носили ведомственный характер. Появились заявления, что под видом подлинных памятников древнерусской культуры обществу подают кабинетные реконструкции и реставрационные опыты. В результате перед зрителем оказывается икона, состоящая из вставок XIII—XIX вв. Каждая вставка живет своей жизнью, и для сохранения этой мешанины икона неоднократно получала дополнительные порции клея, что привело образ к перенасыщению этим составом. Теперь невозможно вынести ее из Третьяковки — клей сразу станет пухнуть, разрывая краску. Икону сделали «наркоманкой» — ее насильно посадили «на иглу», по своему усмотрению, переделав так, чтобы в храме она погибла [14].

Министр культуры Евгений Сидоров обратился к общественности с открытым письмом в «Известиях» (26 октября 1993 г.), пытаясь спасти свои добрые отношения и с музеями, и с патриархией. Он публично признал, что к этому времени церкви было передано более 10 000 икон и литургических предметов и что этот здоровый процесс не должны прервать ни политическая конъюнктура, ни популистские обещания. Однако во время освящения Казанского собора на Красной площади 4 ноября 1993 г. Президент сообщил о принятии решения по вопросу передачи Церкви из Третьяковки Владимирской иконы Божи-

[12] *Земнов К.* Церковные ценности указано возвратить. Вопрос в том, хотят ли этого сами церковные ценности // Независимая газета. 1993. 20 окт.; Икона заболела // Московская правда. 1993. 23 окт.; Вера без дел мертва? // Век. 1993. 22—28 окт.

[13] *Бессарабова И.* «Изменение авторского грунта на спинке Младенца» // Православная Москва. 1993. № 5; *Мумриков А.* Божья Матерь Владимирская: красный угол или красный уголок? // Дайджест-Куранты. 1993. № 49.

[14] *Кротов Я.* Икона — образ веры, а не вера в образ // Куранты. 1993. 3 ноября.

ей Матери и Троицы прп. Андрея Рублева, которые будут храниться в Успенском соборе Московского Кремля в герметических кивотах [15].

5 ноября 1993 г. по горячим следам Галерея публикует собственный пресс-релиз, излагающий историю вопроса и видение ситуации изнутри. На фоне политической суеты вокруг иконы отмечалось молчание патриарха, который ни в какие переговоры с Музеем не вступал. Справедливо указывалось, что интересы верующих не требуют сокращения срока жизни гениальных произведений. Здесь впервые публично было сформулировано предложение поместить икону в домовую церковь свт. Николая в Толмачах, существующую при Галерее. Уже 6 ноября в «Известиях» было опубликовано интервью патриарха Алексия (Ридигера) и протоиерея Владимира Дивакова о предстоящем изготовлении специальных кивотов для икон с автоматическим поддержанием необходимого микроклимата для перенесения святынь в Успенский собор. Эти проекты вызывали недоумение музейных хранителей непредсказуемостью новых экспериментов над невосполнимыми шедеврами [16].

9 ноября сотрудники Третьяковки вновь обратились к обществу с заявлением, в котором выражали протест против действия властей, вступающих в противоречие с Указом Президента № 1483 от 30 ноября 1992 г. о государственных гарантиях целостности и неотчуждаемости музейных коллекций. Одновременно авторы письма пытались играть на существующих политических противоречиях между законодательной и исполнительной властями, указывая на необходимость участия парламента в принятии подобных решений. На фоне этой полемики совершенно потерялось из виду, что Церковь и Музей тем временем сами пытались выработать альтернативные меры по сохранению православных святынь. Газета «Вечерняя Москва» от 28 октября 1993 г. опубликовала интервью с протоиереем Николаем Соколовым, настоятелем храма свт. Николая в Толмачах. В здании было предусмотрено специальное техническое оснащение, соответствующее музейным требованиям и церковным канонам. В целях поддержания микроклимата проход в храм станет осуществляться через внутреннюю галерею. В то же время, обществу совершенно не было известно о существовании такого храма при Третьяковской галерее [17].

По поводу ситуации с Владимирской иконой высказались Георгий Вагнер и Борис Рыбаков. Г. Вагнер справедливо говорил, что икона

---

[15] Известия. 1993. 6 ноября; Вечерняя Москва. 1993. 5 ноября.

[16] *Анистратова И.* Быть «Троице» в храме? // Независимая газета. 1993. 27 ноября; Где быть Троице ? // Труд. 1993. 20 ноября; Сегодня. 1993. 25 ноября.

[17] Русская мысль. 1993. № 4003.

открыта молитве, где бы она ни находилась. Радостное созерцание иконы в музее является не следствием атеизма, а развитием собственно религиозной культуры. Б. Рыбаков писал о том, что русская культура не перенесет нового передела, и отмечал виртуальность церковных музеев, в частности церковно-археологического кабинета в Московской академии. В связи с происходящим высказался декан факультета церковных художеств Свято-Тихоновского института и председатель «Общества ревнителей православной культуры» протоиерей Александр Салтыков. Он, в частности, утверждал, что сведения об изменении состояния иконы недостоверны: «Никаких доказательств, что имело место вздутие, нет». Одновременно он признал, что христианские древности, переданные в храмы патриархии, не содержатся в должном состоянии, и заявил, что не является сторонником поспешной передачи всех православных реликвий, призвав к сотрудничеству между государством, Церковью и научной общественностью.

22 ноября 1993 г. было принято соответствующее распоряжение Президента РФ № 745-р об использовании в богослужебных целях икон Пресвятой Троицы и Владимирской Божией Матери. Здесь предлагалось «согласиться с предложением» московской патриархии и правительства Москвы с учетом того, что эта федеральная собственность будет оставаться неотъемлемой частью фондовой коллекции Третьяковской галереи. Правительству РФ совместно с патриархией было поручено определить правовые, финансовые и материальные условия передачи икон, их сохранности и использования за богослужением. Правительство Москвы по согласованию с патриархией и Минкультом должно обеспечить изготовление специальных средств защиты реликвий [18]. Академик Валентин Янин вспоминает, что в ответ на персональное обращение к Президенту о необходимости принятия взвешенного решения по Владимирской иконе тот ответил: «Не волнуйтесь, эту проблему мы решим трезво». Однако пройдет еще достаточно времени, прежде чем в декабре 1999 г. будет исполнено такое трезвое решение о перенесении образа в храм свт. Николая в Толмачах. Последовавшее же в начале 1994 г. назначение в Галерею нового директора Валентина Родионова было однозначно воспринято околоцерковной общественностью как очередная мера, направленная против передачи реликвии патриархии.

[18] Комсомольская правда. 1993. 24 ноября; Вечерняя Москва. 1993. 24 ноября; Культура. 1993. 27 ноября; Российские вести. 1993. 27 ноября; *Никольская О.* Как поделить неделимое? Интервью с директором ГТГ Л. Иовлевой // Вечерняя Москва. 1994. 19 янв.

Одновременно достоянием гласности становятся проблемы с Мирожским монастырем во Пскове. Письмо замминистра культуры РФ Т. Никитиной было опубликовано в газете «Новости Пскова» от 7 декабря 1993 г. Здесь отмечалось, что уникальность росписи XII в. в Преображенском соборе и состояние ее сохранности требует поддержания строгих условий температурно-влажностного режима, что исключает совместное использование храма. Решение было оценено псковской общественностью и духовенством как поспешное и неудовлетворительное по отношению не только к церковным, но и к культурным интересам России, поскольку здесь предполагалось организовать иконописный Центр под руководством архимандрита Зинона (Теодора)[19]. Открытие такого Центра все-таки состоялось в 1994 г.[20], что не помешало образованному архимандриту через несколько лет без соответствующих разрешений соорудить на охраняемой территории монастыря русскую баню, врезавшись в культурный слой археологического памятника.

2 марта 1994 г. патриарх Алексий (Ридигер) и министр культуры Е. Сидоров подписали долгосрочное соглашение о сотрудничестве. На следующий день, 3 марта, Министерство отправило этот текст для руководства органам культуры исполнительной власти субъектов федерации (письмо № 01-41/16-11). При исполнении соглашения должны были приниматься во внимание канонические правила и гражданские уставы религиозных объединений, предполагавшие, что эти объединения могут иметь памятники культуры как в собственности, так и в пользовании. Кроме совместного участия в проведении торжественных мероприятий, предполагались создание гарантированной системы охраны и безопасности памятников культового характера (1.2) и организация совместных контрольных служб, осуществляющих надзор за качеством проектных и реставрационных работ на памятниках православной культуры (1.3). Передача движимых и недвижимых памятников в пользование или совместное использование должна была совершаться по согласованию обеих сторон (1.4). В соглашении было прописано, что вывод учреждений культуры из культовых зданий при их передаче патриархии может производиться лишь после предоставления этим организациям равноценных помещений. В центре и на местах предполагалось создание согласительных комиссий и экспертных советов с участием представителей епархий для совместного утверждения документов передачи (1.5). В совместном режиме должна бы-

[19] Материалы из псковских газет // Подборка по прессе. ОВЦС МП. 1994. № 130.

[20] *Кончин Е.* Культура... «по возможности» // Культура. 1994. № 18.

ла проводиться работа в библиотеках по выявлению в их фондах бывших церковных книжных собраний, очевидно для последующей передачи патриархии. Минкульт, со своей стороны, должен был обеспечить сохранность наиболее ценных памятников, участвовать в финансировании реставрационных работ и оказывать представителям патриархии содействие в копировании икон, а также научную и методическую помощь в вопросах учета и хранения памятников. В обязательном порядке должна была состояться передача мощей и реликвариев, чудотворных икон и икон с мощами, антиминсов и синодиков, хранящихся в музейных собраниях. Учреждения культуры сохраняли за собой функции балансодержателей памятников православной культуры при их совместном использовании (2.8).

Патриархия со своей стороны обязалась оказывать методическую и консультативную помощь учреждениям культуры, создать единую систему учета и хранения древностей (3.3) и обеспечить доступ специалистов для осмотра памятников церковного искусства при соблюдении канонических норм (3.5). Читатель вправе сам решить, что из принятых договоренностей было исполнено, а что осталось лишь на бумаге. К тому же к этому времени среди епископата сложился и иной взгляд на сотрудничество с Минкультом и его структурами, не предполагавший равноправных отношений. «Архиерейское наставление о поновлении и реставрации святых икон в православных храмах Нижегородской епархии», подписанное покойным митрополитом Николаем (Кутеповым) от 26 июля 1993 г. (№ 457) гласило: «Указываем и напоминаем... что смыслом и целью реставрации святых икон должно быть выявление не абстрактной художественно-исторической, а литургической, моленной сути образа. Русская Православная Церковь не может больше выступать в роли наблюдателя за реставрацией святынь: роль Церкви — определяющая характер реставрационных работ и указующая формы их ведения».

К 1994 г. возник конфликт вокруг храма Вознесения в Коломенском (1532). Община, претендовавшая на часть территории заповедника, была зарегистрирована без ведома администрации музея [21]. Прихожане жаловались, что музей и его директор Людмила Колесникова довели храм до ужасающего состояния и превратили его в салон для платных концертов [22]. В Твери епархия потребовала вернуть и приспо-

[21] *Симонова Р.* В Москве станет одним музеем меньше // Независимая газета. 1993. 2 дек.

[22] Церковь или музей // Вечерняя Москва. 1994. 31 дек.; *Смыслов М.* Кто в Коломенском живет? Или как и от кого охраняется то, что до октябрьского переворота принадлежало Русской Православной церкви // Вера и мужество. 1994. № 2.

собить под свою канцелярию здание конца XVIII в., некогда бывшее архиерейской резиденцией. В этом здании размещался музей декоративно-прикладного искусства, получивший его в 1992 г. в аренду на 50 лет. Само здание было когда-то губернаторским домом, а 25 декабря 1898 г. председатель Госсовета великий князь Михаил подписал указ об «уступке» его «ведомству православного исповедания» [23]. В результате дом все-таки был передан, и в процессе «приспособления» здания к нему была сделана пристройка из силикатного кирпича.

На этом фоне церковная и светская интеллигенция попыталась серьезно задуматься о происходящем с церковной культурой и собственностью, подвести своеобразный итог 5-летнему промежутку истории. Полемика со страниц периодики переместилась в научные издания. Ю. Малков, Л. Воронцова, О. Шведов и другие по-своему решали эти вопросы [24].

В том же году, по благословению патриархии, группа специалистов, искусствоведов и реставраторов, в частности Константин Маслов, Андрей Жолондзь, Ирина Качалова и другие приступили к разработке инструкции по использованию памятников церковной старины, передаваемых православным приходам и монастырям — «Наставление для ризничих по приему, учету и хранению имущества храмов Русской Православной церкви».

Инструкция, о подготовке которой патриархийные функционеры любили публично упоминать, так и не была принята в повседневную церковную жизнь, а сам факт ее составления был расценен частью московского духовенства как следствие «заговора» темных сил с целью поставить Церковь под контроль чуждому ей элементу.

В ноябре–декабре 1994 г. в Москве состоялся очередной архиерейский собор, уделивший много внимания вопросам собственности и

---

[23] *Карякина Т.* Не по-божески это. Отнимать дом, в котором никогда не было церкви // Российская газета. 1994. 22 сент.

[24] *Воронцова Л. М.* Разрушать ли музеи ради церковного возрождения? // Религия и демократия. На пути к свободе совести. II / Ред. С. Б. Филатов, Д. Е. Фурман. М., 1993. С. 69—82; *Шведов О.* Возвращение религиозным объединениям конфискованных земель (в свете советского и российского законодательства о свободе совести и вероисповедания) // Вопросы экономики. 1994. № 4; *Малков Ю. Г.* К проблеме разрешения музейно-церковных споров // Научно-технические достижения и передовой опыт в области материально-технического оснащения учреждений культуры // Церковь. Музей. Культура. Проблемы охраны, реставрации и использования памятников церковного искусства и архитектуры: Информационный сб. Вып. 2. М., 1993; Ср.: *Чулаки М.* Дорога к храму? // Культура. 1994. № 4.

культуры [25]. Было принято Определение «О взаимоотношении Церкви с государством и светским обществом на канонической территории Московского Патриархата в настоящее время». Здесь говорилось о необходимости разработать и принять закон и подзаконные акты, обеспечивающие верующим возможность богослужебного использования святынь и реликвий, являющихся памятниками культуры, без ущерба для их сохранности. В явном диссонансе с этим благим пожеланием оказалась жалоба патриарха на то, что новые тексты охранных договоров, которые регламентируют использование переданных храмов, похожи на документы «времени антицерковного законодательства» и существенно ограничивают возможности реконструкции и реставрации памятников православной старины. Было заявлено, что эти договора нуждаются в пересмотре в срочном порядке.

Сравнение охранных договоров с «антицерковным законодательством» выглядело несколько странно. Существовавшая в это время типовая форма была принята еще до перестройки и не разделяла памятники на культовые и светские. Так, пункт 5 охранного обязательства говорил о недопущении использования территории памятника под новое строительство и хозяйственные нужды, запрещал пристройки и переделки как снаружи, так и внутри, а также земляные работы. Пункт 6 не допускал побелку и покраску стен, несущих на себе художественные элементы. Пункт 15 требовал, чтобы все искажения памятника немедленно ликвидировались за счет самого пользователя. Нарушение договора предполагало выплату финансовых неустоек. В случае угрозы памятнику со стороны пользователя он, согласно пункту 18, мог быть изъят со взысканием ущерба в размере стоимости работ. Пункт 17 предполагал, что если использование памятника создает угрозу для сохранности находящихся здесь произведений монументальной живописи и других произведений искусства, то надзорный орган вправе предложить пользователю изменить характер использования памятника, а пользователь обязан выполнить это предписание.

Подобная претензия объяснима лишь тем, что в это время религиозные организации активно принялись приспосабливать храмы к собственным нуждам и вкусам, воспользовавшись для этого финансовыми возможностями и попустительством власти. Это вступило в противоречие с общественными интересами, заключавшимися в сохранении подлинного облика отечественной культуры, и подписанными самими архиереями охранными договорами. Требование соблюдать закон и ува-

[25] Из доклада на Архиерейском соборе РПЦ 29 ноября 1994 г. // *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси*. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения 1990—1998. М., 1999. С. 52.

жать общество, в котором Церковь осуществляет свою миссию, было объявлено очередным «гонением на Церковь».

В 1995 г. конфликтные ситуации, связанные с передачей памятников культуры патриархии, практически не возникали. Это было связано с появлением Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ и особенностями регламента ее неторопливой работы. Еще 6 мая 1994 г., со ссылкой на распоряжение Президента № 281, Правительство издало постановление № 466 «О порядке передачи религиозным объединениям культовых зданий и иного имущества религиозного назначения, относящихся к федеральной собственности». Согласно документу, полномочия по решению проблем передачи были вручены новому коллегиальному органу. 9 июля 1994 г. было утверждено положение о Комиссии, которую возглавил заместитель Председателя Правительства Юрий Яров. Стоит отметить, что, согласно постановлению, имущество религиозного назначения, обладающее правовым статусом памятника культуры, не передавалось религиозным организациям в собственность. Однако целый ряд культовых памятников, находившихся в региональной собственности, уже были обращены в частную собственность еще в период действия первоначальной редакции Указа Президента от 26 ноября 1994 г. № 2121 «О приватизации в Российской Федерации недвижимых памятников истории и культуры местного назначения». Минкульт выступил тогда против приватизации религиозных объектов, предвидя конфликт с патриархией, и добился 20 января 1997 г. внесения в текст Указа соответствующих изменений. Однако еще 20 февраля 1995 г. Указ Президента № 176 утвердил перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения. Это породило новые споры между федеральным центром и регионами по вопросу распоряжения объектами культурного наследия, отразившиеся впоследствии и на взаимоотношениях епархиальных структур и учреждений культуры.

Коллегиальное решение вопроса о передаче церковной собственности религиозным организациям показалось некоторым обременительным и неэффективным. Процедура, предполагавшая предоставление исторических справок и соответствующих рекомендаций Минкульта и Минимущества, была признана громоздкой. Ее отмене способствовали и трудности ведомственного учета передаваемых храмов. Новое постановление Правительства № 248 от 14 марта 1995 г. предполагало, что передача будут осуществляться на основе соответствующих приказов Министерства культуры и распоряжений Министерства имущества. На комиссию выносились лишь спорные вопросы. 21 июня 1995 г. был издан приказ Минкульта № 442 о процедуре передачи религиозным организациям памятников культуры в безвозмездное пользование.

Однако подобная практика требовала общероссийской правовой базы, где были бы прописаны права и обязанности религиозных объединений. К этому времени нормы принятых законодательных актов находились в противоречии с действующим в России законом об охране памятников культуры 1978 г. В декабре 1995 г. в Государственную думу был внесен проект нового акта, разработанный Министерством культуры. Однако эффективное рассмотрение закона было блокировано появлением амбициозных альтернативных проектов, подготовленных комитетом по культуре Госдумы и ВООПИК.

К этому времени складывался и новый, вполне меркантильный аспект возвращения патриархии церковных памятников и их реставрации, в котором могли быть заинтересованы некоторые чиновники. 17 июня 1995 г. было разослано циркулярное письмо Министерства культуры № 01-145/16-14 «Об опыте организации службы заказчика в религиозных организациях» за подписью замминистра В. Демина. Во исполнение решения правительственной комиссии по вопросам религиозных объединений от 7 июня 1995 г. Министерство обобщило существующий опыт и рекомендовало его к повсеместному использованию. В основе положения о едином заказчике лежало постановление Госстроя СССР от 2 февраля 1988 г. К его функциям относились заключение договоров-подрядов, планирование подрядных работ, контроль за ходом работ и их приемка.

Такая единая служба заказчика при ремонтно-строительном управлении патриархии существовала до 1 января 1992 г., пока практика отчислений от епархиальных управлений в Москву с последующим централизованным распределением средств не была упразднена. Новая структура была создана к 2000 г. Служба единого заказчика московской патриархии в то время оказалась представлена ООО «Стройтехнопром XXI». Именно оно устраивало торги и определяло подрядчиков для производства ремонтно-реставрационных работ на федеральных памятниках, находящихся в пользовании у патриархии. Так, в 2003 г. общая сумма заказываемых работ на 82 объектах за счет федерального бюджета согласно целевой программе «Культура России 2001—2005 гг.» составила 62 110 000 рублей [26]. Основным критерием при выборе победителя была объявлена «минимальная стоимость работ, подтвержденная сметным расчетом».

При таком подходе к реставрации можно было не ожидать бережного отношения к историческому облику памятников церковной старины, а также использования реставрационных методик и аутентич-

[26] http://gostorgi.ru/123-526.htm

ных материалов. Подобный прагматизм не был сочтен оскорблением чувств верующих и препятствием к удовлетворению религиозных потребностей.

Однако существование единой службы заказчика в патриархии, предположительно, породило и проблемы иного рода. В июне 2005 г. министр культуры Александр Соколов в эфире ТВЦ фактически обвинил главу ФАККа (Федеральное агенство по культуре и кинематографии, упраздненное в 2008 г.) Михаила Швыдкого и его подчиненных в коррупции. Было заявлено, что в Министерстве «процветало взяточничество на всех этажах», а нынешнее агентство по кинематографии «коррумпировано и погрязло в откатах». В результате в суд было подано два иска о защите чести и достоинства — от самого агентства и от его руководителя. В сентябре, после соответствующих рекомендаций из Кремля, оба чиновника отказались от взаимных претензий. Однако, по сообщению ряда информаторов, факт существования «отката» в размерах от 10 до 17 % от финансирования реставрации храмов из федерального бюджета подтверждался некоторыми архиереями, епархиальным духовенством, проектировщиками и исполнителями работ и чиновниками на местах, связанными с такой целевой реставрацией.

Можно предположить, что централизация существующего заказа на подобные работы, идея которой возникла еще в 1995 г., была непосредственно связана с финансовыми интересами определенных чиновных кругов. Одной из форм удовлетворения таких интересов, судя по всему, становится осуществление искусственных проектов. Так, в 2006 г. в Новгородской епархии появился амбициозный план воссоздания колокольни Георгиевского собора в Старой Руссе. Несмотря на наличие необходимых согласований и намерение епархии провести весь цикл предварительных исследований, проект, существенно меняющий городскую среду и закрывающий вид на собор, не был вынесен на общественные слушания. Непосредственную заинтересованность в его реализации проявили единая служба заказчика патриархии, объединение «Межрегионреставрация» и руководство территориального управления Росохранкультуры в Северо-Западном округе, которое непосредственно выезжало на место предполагаемого строительства. Именно эти структуры порекомендовали епархиальному управлению дорогостоящее «воссоздание» утраченного ансамбля вместо необходимой приходу простой деревянной звонницы...

В это время «Единую службу заказчика Московской Патриархии», преобразованную с самостоятельное «некоммерческое партнерство», возглавлял Е. А. Пархаев, бессменный и всесильный руководитель художественно-производственного объединения патриархии «Софрино», наводнившего православные храмы безобразными штамповками.

Активную роль здесь также играл В. И. Петришин, фамильно близкий к старорусскому настоятелю протоиерею Амвросию Джигану. Служба удачно вписалась в новый виток Федеральной целевой программы «Культура России» на 2006—2011 гг.

Приказ тогдашнего руководителя Федерального агентства по культуре и кинематографии М. Е. Швыдкого от 21 сентября 2006 г. за № 466 «О внесении изменений в состав конкурсной комиссии, утвержденный приказом Роскультуры от 23 июня 2006 г. № 278» был принят «в целях повышения эффективности работы конкурсной комиссии по размещению государственных заказов на выполнение научно-проектных и производственных работ в 2006 г., направленных на сохранение памятников истории и культуры религиозного назначения»; в результате в состав этой комиссии был включен и В. И. Петришин. До этого в марте 2006 г. вместе с заместителем начальника отдела по реставрации Министерства культуры Г. А. Сидельниковым, бывшим главой органа охраны памятников в Новгороде, о котором речь еще впереди, а также с генподрядчиком ЖСК объектов Псковской епархии Д. А. Ждановым он посещал Псковскую епархию, договариваясь о предстоящих реставрационных работах — на таких памятниках, как Снетогорский и Спасо-Елеазаровский монастыри, Свято-Благовещенская Никандрова пустынь, храм Воскресения со Стадища и др.

Во второй половине 2006 г. Счетная палата РФ провела проверку использования средств федерального бюджета по организации и проведению ФАККом конкурсов на право заключения государственных контрактов по Программе реставрации памятников истории и культуры — объектов религиозного назначения. В программе была задействована сумма в 1 миллиард 35 миллионов рублей, в ней участвовали 362 объекта культурного населедия, которыми пользовалась РПЦ. Непосредственный отбор заявок для Комитета Государственной Думы РФ по культуре проводила как раз Единая служба заказчика патриархии. В конкурсе победило ФГУ «Дирекция по строительству, реконструкции и реставрации», подведомственное Роскультуре. Однако 11 октября 2006 г. Служба заказчика отказалась от осуществления функций технического надзора за реставрацией, что противоречило ее прямым обязанностям.

В результате проверки Счетная палата установила, что реставрация проводилась в условиях отсутствия необходимых правовых документов — подзаконных актов, которые Министерство культуры должно было подготовить сразу после принятия Федерального закона об объектах культурного наследия в 2002 г., а также отметила, что рынок подрядчиков по выполнению реставрационных работ не сформирован

в достаточной степени. Отсутствовали и нормативные расценки на реставрационные работы, и правила самой реставрации.

18 января 2007 г. под председательством Иосифа Кобзона в Госдуме состоялось расширенное заседание Комитета по культуре, на котором были отмечены нарушения, выявленные Счетной палатой. Особое внимание обсуждавших привлек тот факт, что Роскультура, заключая государственные контракты, не учитывала предусмотренные законодательством обязательства собственников и пользователей объектов РПЦ по их содержанию. Иными словами, работы финансировало только государство, тогда как религиозные организации, несмотря на существующие законы и соглашения, не принимали в реставрации финансового участия. Всего было заключено 25 государственных контрактов на выполнение работ на объектах, находящихся в пользовании РПЦ, — при условии проведения части реставрационных работ за счет пользователей, что так и не было выполнено. Расходы федерального бюджета по этим контрактам составили более 70 миллионов рублей. Присутствовавший на заседании протоиерей Александр Абрамов, исполняющий обязанности директора «Единой службы заказчика» патриархии, признал, что недостатки «имели место», в связи с чем патриарх Алексий (Ридигер) «предпринял ряд мер», в частности, с 1 января 2007 г. директор службы был уволен, а с ним был вынужден уйти целый ряд ближайших сотрудников. Новый руководитель выразил надежду, что в будущем проблем с проведением конкурсов со стороны патриархии не будет.

После проведения новым патриархом Кириллом (Гундяевым) реформы аппарата патриархии Служба единого заказчика была включена в Финансово-хозяйственное управление.

Однако в 2009 г. В. И. Петришин снова занимался тем же самым, лишь поменяв должность: теперь он является начальником управления по объектам религиозного назначения ФГУП «ГИВЦ Роскультуры» и продолжает быть членом все той же «Единой комиссии по размещению государственных заказов» в рамках все той же Федеральной целевой программы «Культура России» на 2006—2011 гг.

Последний год великого перелома — год 1995 — был временем своеобразного подведения итогов, отраженных в двух программных интервью — с академиком Валентином Яниным и патриархом Алексием (Ридигером)[27]. Если первый опасался грядущего разлома исторически единой российской культуры на мирскую и клерикальную, то

[27] Может случиться непоправимое — утрата Россией национального культурного достояния // Культура. 1995. № 19; Отечество. Верю в будущее России // Культура. 1995. № 45.

второй требовал от государства возвратить собственным гражданам возможность молиться в некогда отобранных храмах. Перелом действительно произошел. В результате правительственных постановлений 1994—1995 гг. была выработана пусть не всегда учитывающая общественные и культурные интересы, но все-таки процедура передачи. К тому же к этому времени «рынок религиозных потребностей» оказался в значительной степени насыщен — приходам и монастырям было передано основное количество храмов, необходимых для нормальной церковной жизни.

Однако главное, что оформилось к этому моменту, — это отказ от коллегиальности, совещательности и соборности в вопросе передачи памятников церковной старины Русской церкви и их охраны. На государственном уровне функции возвращения церковной собственности были переданы от правительственной комиссии — Министерству культуры и Министерству имущества. Ни одна из общественных инициатив, предлагающих сначала обсуждать, и лишь затем передавать, так и не была реализована. Так и не возникли региональные экспертные комитеты, создание которых было предложено на совещании в Фонде культуры в январе 1991 г. Попечительские советы либо не были созданы, хотя это было предусмотрено, в частности, в отношении храмов Московского Кремля соглашением 1992 г., либо достаточно быстро прекратили свое существование, как это случилось с Научно-консультативным советом Новгородского Софийского собора, «почившим» к 1996 г.

Обещания патриарха Алексия (Ридигера) организовать Научный совет по культурному наследию Русской Православной церкви (ноябрь 1992 г.) оказались несостоятельными.

Не были созданы ни межведомственные экспертные советы, ни согласительные комиссии, ни совместные контрольные службы министерства и патриархии, предусмотренные соглашением 1994 г., так же как и в самой Русской церкви не появилась единая система учета и хранения памятников православной старины.

Искусствоведческая и архитектурная комиссия при патриархе, некогда возглавлявшаяся протоиереем Владимиром Силовьевым, и Епархиальная комиссия по архитектурно-художественным вопросам в Санкт-Петербурге во главе с игуменом Александром (Федоровым), выполнявшие декоративные функции, так и не стали серьезным надзорным и контролирующим органом. Более того, в церковной печати совершенно прекратились публикации, посвященные реставрации храмов и компетентному обращению с реликвиями и святынями, ха-

рактерные для 1991—1992 гг. [28] Тема соблюдения реставрационных норм в обращении с памятниками православной культуры ушла вместе с интеллигентным председателем Издательского отдела митрополитом Волоколамским Питиримом (Нечаевым). Передача памятников вообще вышла из сферы законодательной власти и общественного мнения. Это отражало стремление чиновников разных ведомств решать вопросы кулуарно. К тому же зависимость от специалистов расценивалась епископатом как сознательное унижение архиерейского достоинства. Церковные и светские чиновники натешились игрой в соборность и демократию...

[28] *Василевский Ю.*, *Михелева С.* Удастся ли спасти заброшенные храмы? (Проблемы сохранения и восстановления храмовых построек; послесловие редакции) // Журнал Московской патриархии. 1991. № 6; *Волховский Г.* Консервационные работы при возвращении храма общине: Советы старосте // Журнал Московской патриархии. 1991. № 3; *Он же.* Консервация икон // Журнал Московской патриархии. 1992. № 6; *Он же*. Общие сведения о масляной живописи // Журнал Московской патриархии. 1992. № 2, 4; *Он же*. Технологические особенности фрески // Журнал Московской патриархии. 1991. № 11; *Донской Г.* Как ухаживать за иконой // Церковь. 1992. №1.

Глава V

ЭПОХА «НОВОГО ЗАСТОЯ»: 1996—1999

Наступивший застой не смогло преодолеть даже заключение Парламентской ассамблеи Совета Европы № 193, принятое в начале 1996 г. Вступление России в «советскую Европу» сопровождалось целым списком рекомендаций, в частности, «в кратчайшие сроки возвратить собственность религиозных организаций», независимо от того, у кого на данный момент находилось имущество. Рекомендации ПАСЕ № 1556, принятые весной 2002 г., вновь предлагали странам-участницам гарантировать религиозным организациям реституцию ранее национализированного имущества или выплату справедливой компенсации в определенные сроки.

26 мая 1996 г. Президент подписал федеральный Закон № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». В понятие «культурные ценности» были включены «предметы религиозного и светского характера», что в законодательстве о культуре было отмечено впервые. Очевидно, это было сделано в качестве определенной уступки церковному сообществу, настаивавшему на возможности передачи предметов культа из музейных коллекций в ведение религиозных организаций. Признавая специфику памятников религиозной культуры, Закон провозгласил статьей 15 неотчуждаемость предметов и коллекций, включенных в состав государственной части музейного фонда, а сами музейные коллекции признал неделимыми. Мера, направленная на сохранение музейного дела и культурных ценностей в России, не была безукоризненной. Понятие неделимости коллекции оказывалось неисторичным. Закон защищал сложившийся status quo, который возник, в частности, в результате расформирования уникальных собраний в церковных и монастырских ризницах и епархиальных древлехранилищах, которые отражали естественный ход сложения русской культуры. Возможность воссоздания таких уникальных комплексов духом Закона не исключалась, но требовала принятия

экстраординарных мер. Такие попытки, произошедшие позднее и связанные с Троице-Сергиевой лаврой и Ипатьевским монастырем, сопровождались драматическими ситуациями, разрушением музейных структур и общественной нестабильностью.

6—8 июня 1996 г. в Москве состоялась конференция «Проблемы современной церковной живописи», которая, помимо всего прочего, вновь предложила патриархии создать отдел по вопросам православной культуры с научно-методическим советом в его составе. Новый орган должен был осуществлять надзор за церковным искусством, наблюдение за реставрацией и хранением культурного наследия Церкви и разработку программ преподавания и исследования церковной археологии. Одновременно было принято обращение к Президенту и Госдуме по поводу нового закона о музеях. Это было сделано по инициативе участвовавшего в обсуждении законопроекта протоиерея Александра Салтыкова. Было заявлено, что его текст игнорирует религиозное значение художественных ценностей, что является оскорблением святыни и противоречит закону о свободе совести. Обращение предлагало учитывать насильственный характер формирования фондов после 1918 г. при определении дальнейшей судьбы музейных коллекций. При этом государство должно декларировать право собственности Русской Церкви на все хранящиеся в музеях реликвии. Обращение предлагало дополнить статью 3 нового Закона понятием «религиозные святыни», которые могут быть отчуждены из музейных фондов. Статью 15 также предлагалось существенно изменить: религиозные святыни, изъятые у Церкви, возвращаются в ее собственность, а наиболее ценные из них находятся под наблюдением и охраной государства, которое оказывает Церкви необходимую финансовую поддержку [1].

Впрочем, закон был уже принят. Сложнее обстояло дело с законом об охране культурного наследия. До 2002 г. в стране оставался в силе Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и документы Совмина СССР «Положение об охране и использовании памятников истории и культуры», утвержденное постановлением от 16 сентября 1982 г., и «Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры» от 13 мая 1986 г. Новый закон с апреля 1996 г. готовился рабочей комиссией Госдумы под руководством Тамары Гудима и Алексея Комеча. Однако к октябрю вновь дала себя знать практика блокировки закона с помощью альтернативного варианта, предложенного на сей раз петербург-

[1] Проблемы современной церковной живописи, ее изучения и преподавания в Русской Православной церкви. М., 1996. С. 183—188.

скими депутатами. Закон был снова снят с рассмотрения, а в декабре 1996 г. была создан новый коллектив для составления консолидированного проекта.

26 декабря 1997 г. проект федерального Закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» был принят Думой в первом чтении. На представлении закона Т. Гудима отмечала, что депутатам известны крайне тревожные факты о варварской «реставрации» переданных патриархии памятников. На вопрос депутата фракции «Наш дом — Россия» Г. Волкова, не ужесточит ли закон возможность передачи храмов церкви, она отметила, что ограничения в этой области должны существовать, особенно в связи со зданиями, где располагаются учреждения культуры. Дума рекомендовала не стимулировать искусственно уже начавшийся процесс. Ее поддержал и депутат от КПРФ бывший министр культуры СССР Н. Губенко, сославшийся на заверения патриарха Алексия (Ридигера) о том, что у церкви недостаточно средств для возвращения всех полуразрушенных культовых объектов.

Второе чтение состоялось 20 мая 1999 г. [2] Т. Гудима отметила активность представителей патриархии в рабочей группе, при этом в проект было включено до 80 % предложенных ими поправок. Этот вариант предполагал активное участие религиозных организаций в составлении федеральных целевых программ, а также содержал положение о передаче культовых объектов в пользование или собственность только религиозным организациям. Было подробно прописано участие религиозных организаций в охране духовного наследия. Однако законопроект был по требованию правительства снят из-за проблем процедурного характера и возвращен в стадию первого чтения в сентябре 1999 г. Принятие закона в 2002 г. было заслугой уже третьей Думы.

Тем временем архиерейский собор 1997 г., вопреки обыкновению, уделил значительно меньше внимания проблеме возвращения культурных ценностей, сделав акцент на их охране и учете. Это предполагалось осуществить за счет тесных контактов с МВД, Управлением вневедомственной охраны и Главным управлением уголовного розыска, которые никак не могли получить от патриархии опись всех церковных ценностей на случай похищения [3]. Тема отсутствия среди духовенства подлинной церковной культуры, меры и вкуса в вопросах

---

[2] Из выступления депутата Т. М. Гудима на заседании Государственной думы 20 мая 1999 г. // Наследие народов Российской Федерации. 2002. № 1. С. 16.

[3] Из доклада на Архиерейском соборе РПЦ 18 февраля 1997 г. // *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси*. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения 1990—1998. М., 1999. С. 79.

реставрации, что оказывает негативное влияние на внутренний духовный мир верующих и вызывает нарекания специалистов, прозвучала из уст патриарха Алексия (Ридигера) на епархиальном собрании в 1996 г. [4] Впоследствии он к этой теме не возвращался. Очевидно, она считалась исчерпанной.

15 апреля 1997 г. министр культуры Е. Сидоров издал приказ № 253 «Об утверждении и введении в действие типовых форм документов, обеспечивающих сохранность памятников религиозного назначения». Сами формы были разработаны в соответствии с решением правительственной Комиссии по вопросам религиозных объединений 24 апреля 1996 г. и соответствовали пожеланиям архиерейского собора Русской церкви 1994 г. Нормы, содержащие требования к охране памятников, существенно не изменились, однако тексты договоров были приведены в соответствие с существующим разнообразием форм использования культовых памятников. Появились договор и обязательство о сохранности и использовании недвижимого памятника истории и культуры религиозного назначения, а также соглашение о совместном использовании памятника истории и культуры религиозного назначения. К документам прилагались акт технического состояния и перечень ремонтно-реставрационных работ, согласованный обеими сторонами. Пользователь был обязан содержать памятник в надлежащем состоянии и нести соответствующие расходы, не допускать пристроек и не возводить зданий на его территории без согласования с госорганом, не производить переделок здания, его конструктивных и декоративных элементов как в экстерьере, так и в интерьере, допускать в здание памятника и на его территорию, при соблюдении конфессиональных правил, представителей госоргана для проверки и исследований. Госорган был обязан осуществлять финансовую поддержку по реставрации памятника, принимать на себя функции государственного заказчика на выполнение ремонтно-реставрационных работ, выдавать задание на проектирование и техническую документацию. Специально отмечалось, что религиозное объединение не несет ответственности за ущерб, причиненный памятнику в процессе ремонтно-реставрационных работ при соблюдении с его стороны условий договора. Если договор заключался общиной, являвшейся пользователем памятника, то обязательство предназначалось для собственника храмового здания. При идентичности прочих условий, в данном случае госорган не выступал в роли го-

[4] Из выступления на Епархиальном собрании Москвы 12 декабря 1996 г. // *Алексий II*, *Патриарх Московский и всея Руси*. Церковь и духовное возрождение России. С. 406.

сударственного заказчика при производстве работ. Совместное использование предусматривало распределение обязанностей по содержанию памятника, а двустороннее соглашение рассматривалось как необходимое приложение к договору. Как договор, так и обязательство содержали предписание, заключающееся в необходимости восстановления прежнего вида памятника в случае причинения ему вреда.

Несмотря на установившееся в целом затишье в области возвращения памятников православной культуры религиозным организациям, в этот период произошло несколько достаточно острых конфликтов. На VII Рождественских образовательных чтениях 1999 г. вновь обсуждалась проблема возвращения Церкви культурных ценностей. В рамках этого мероприятия 27 января проходила конференция «Христианство и культура». Священник Борис Михайлов говорил о хранящихся в запасниках музеев 60 000 икон, среди которых есть и чудотворные образа. В условиях нехватки икон во вновь открывающихся храмах такая ситуация представлялась ему недопустимой, тем более что передаваемые Церкви иконы оказываются у нее в пользовании, а не в собственности. Досталось и бывшим коллегам по цеху: «Непонимание значения иконы как святыни есть культурная поврежденность деятелей культуры». Чуть позже, выступая 1 апреля 1999 г. на «Радио Свобода», директор Эрмитажа Михаил Пиотровский говорил о том, что церковные ценности, находящиеся в фондах музея, принадлежат государству на 99 %, поскольку искусство есть достояние народа, а не конфессии. Касаясь, в частности, вопроса передачи петербургской епархии серебряной раки св. князя Александра Невского, изготовленной в XVIII в., он говорил о возможности изготовления за государственный счет соответствующей копии и установки ее в Троицком соборе.

Новые проблемы возникли во Владимире. Требования Церкви, по мнению директора музея Алисы Аксеновой, поставили под угрозу целостность заповедника. Музей уже демонтировал в храмах экспозиции, не имеющие отношения к церковной культуре, в частности, Музей хрусталя в Троицкой церкви. Всего заповедник передал приходам 16 храмовых зданий. Была передана и часть фондов, в том числе 300 икон для богослужебных целей. Для музея ситуация осложнялась тем, что во Владимирской области, кроме патриархии, действовала Российская Православная автономная церковь. С каждой из двух ветвей Российского Православия нужно было найти свою линию взаимоотношений. Однако общины, по мнению директора, пока не пришли к пониманию того, что памятники надо уметь хранить. Так, имела место попытка несанкционированно возвести алтарную преграду в храме Покрова на Нерли (XII в.). В Покровский монастырь был передан иконостас

XVII в., и, несмотря на просьбы музея позволить продолжить наблюдение за его состоянием, монахини не допускали профессионалов к осмотру [5].

Особое внимание привлек вопрос о реструктуризации Сергиево-Посадского музея-заповедника и вывода его с территории Троицкой лавры. События, ожидаемые со времени президентского распоряжения в октябре 1992 г., стали активно развиваться с лета 1997 г. Основным решением проблемы стала идея создания Музея православной культуры на основе части коллекций заповедника. В феврале 1998 г. президиум Российского комитета Международного совета музеев обратился к Президенту с протестом против планов расчленения российской культуры на светскую и церковную [6]. 23 августа 1998 г., выступая на праздновании 600-летия Саввино-Сторожевского монастыря, патриарх Алексий (Ридигер) утверждал, что в России «нет двух культур, у нас единая культура неразделимая — духовная и светская» [7]. Именно в это время, в качестве акции, рассчитанной на общественный резонанс, были внесены изменения в структуру епархиального совета Москвы. В июне 1998 г. здесь была создана Искусствоведческая и архитектурная комиссия во главе с протоиереем Владимиром Силовьевым. В ее задачи входили контроль над привлечением к реставрации и строительству храмов квалифицированных работников, знакомых с канонами церковной живописи, рецензия предлагаемых иконографических программ, а также выработка предложений относительно мест строительства новых храмов [8].

После активных переговоров летом 1998 г. о судьбе лаврской ризницы в прессе появилась информация о том, что вице-премьер Валентина Матвиенко поручила Минкультуры подготовить проект передачи 27 000 единиц хранения Сергиево-Посадского музея в фонды нового государственного Музея православной культуры [9]. В «Известиях» со статьей, получившей редакционное название «Музей принадлежит народу, а не патриархии», выступили Герольд Вздорнов и Валентин Янин [10]. Первый и являлся автором текста. Основной претензией к проекту была планируемая передача патриархии в бессрочное и безвозмездное пользование наиболее ценной части коллекции государственного музея. Предложение передать ризницу в ведение церкви расценивалось

[5] Культура. 1998. № 9.

[6] *Никитин И.* Опасность цепной реакции // Культура. 1998. № 8.

[7] Благовест-инфо. Бюллетень религиозной информации. 1998. № 33 (150). С. 13.

[8] Вечерняя Москва. 1998. 9 июня.

[9] Начало нового конфликта // Культура. 1999. № 4.

[10] *Вздорнов Г.*, *Янин В.* Музей принадлежит народу, а не патриархии // Известия. 1999. № 10.

как «разбазаривание» золотого запаса страны в пользу общественной неподконтрольной государству организации. К тому же предстоящий акт рассматривался как стремление заполнить идеологический вакуум и средство клерикализации общества, которое тянут «в православие», в то время как «в цивилизованных странах вера и религия теряют свою прежнюю привлекательность». Проблему предлагалось решить, объединив усилия государственных музеев и церковных организаций в восстановлении целостности русской культуры. В этих условиях экспозиция государственного музея стала бы осмысленной составляющей православного монастыря. Письмо заканчивалось призывом к синоду и патриарху не разрушать сложившиеся музейные структуры, предпочесть общенациональные потребности конфессиональным интересам и создать Музей православной культуры при храме Христа-Спасителя. Одновременно в прессе прозвучала критическая оценка опыта домового храма Третьяковской галереи [11]. По мнению автора статьи, искусственность этого новообразования, стремящегося оградить музей от притязаний клерикалов, не избавила общество от потенциальных конфликтов, поскольку стремление патриархии заполучить образ в безраздельное пользование сохраняется, а посетителю музея навязывается клерикальное восприятие церковного искусства.

В результате подготовленные документы для создания государственного учреждения культуры Музей «Троице-Сергиева лавра», директором которого действительно должен был стать лаврский наместник [12], так и не были утверждены. В 2000 г. ввиду правовой и организационной невозможности создания подобного церковно-государственного музея, был найден новый компромисс, выделивший лаврскую ризницу и коллекцию древнерусской иконописи в самостоятельный отдел — филиал государственного музея-заповедника во главе с наместником. Прочие экспозиции и помещения музея оттуда были выведены.

Параллельно разворачивался и нарастал конфликт между некоторыми представителями московского духовенства и Центральным музеем древнерусской культуры прп. Андрея Рублева, где часть церковной интеллигенции планировала создать свой альтернативный Музей православной культуры [13]. Очередной виток противостояния был связан с возвращения коллекции икон Сергею Григорьянцу, который был осужден в советское время как диссидент. В результате у него был

---

[11] *Ю. А.* Храм-музей в столице. Посетитель Третьяковки отныне не только экскурсант, но и прихожанин // Культура. 1998. № 38.

[12] Страсти вокруг ризницы: проблема практически исчерпана // Радонеж. 1999. № 4.

[13] *Васильев Е.* После аплодисментов // Культура. 1997. № 47.

конфискован ряд храмовых икон, переданных в 1977 г. в музей. 25 февраля 1997 г. Бабушкинский межмуниципальный суд Москвы вынес решение вернуть иконы их бывшему владельцу. Директор музея исполнил решение суда, что вызвало возмущение околоцерковной общественности, обратившейся в прокуратуру [14].

Именно в это время в свет вышло уникальное издание «Сохранение памятников церковной старины в России XVIII—начала XX в.» Сборник документов был подготовлен в ГосНИИ реставрации коллективом, в который входили В. Дедюхина, С. Масленицина, Л. Шестопалова, Л. Лифшиц и Н. Потапова. Книга предоставляла читателю возможность ознакомиться с 218 документами 1720—1918 гг. Собранный материал был призван убедить православные общины бережно, в соответствии с предшествующей традицией, относиться к памятникам старины, оказавшимся у них в литургическом обиходе, и дать в руки реставраторам и искусствоведам аргументы для церковно-общественного диалога. Авторы сопроводительной статьи писали, что сегодня обществу и Церкви надлежит вновь начать трудный путь, который однажды уже был пройден в России, и постараться избежать на нем новых потерь.

В августе 1999 г., перед совместной поездкой с патриархом Алексием (Ридигером) на Валаам, новый министр культуры Владимир Егоров в одном из интервью назвал себя сторонником деликатного подхода к проблемам церковно-музейных отношений [15]. Он отметил особенность нынешнего противостояния: стороны обязательно хотят выиграть, но это поле культуры, а не футбольное поле. В. Егоров подчеркнул неоднородность культурного поля патриархии: если в Москве есть понимание того, что ежедневная эксплуатация храмов Московского Кремля ведет к их разрушению, то во Владимире настаивают на каждодневном богослужении в полном объеме. К сожалению, говорил он, даже образованное духовенство считает, что обрядовые предметы могут использоваться только для богослужения и музеефикации не подлежат. Он положительно оценил инициативу Вологодского музея по созданию иконных копий и передаче их церкви, поскольку после освящения «новоделов» их литургическая ценность равнозначна подлинникам. Министр пообещал, что, насколько хватит сил, он будет поддерживать взаимоприемлемые решения, учитывающие права и интересы каждой из сторон. Вскоре он был смещен. Другие знали, чьи интересы и права должны учитываться в первую очередь... В феврале 2000 г. и. о. Президента РФ Владимир Путин назначил министром культуры председателя ВГТРК Михаила Швыдкого.

---

[14] *Ефремов И.* «Суди меня, судия неправедный» // Радонеж. 1998. № 18.

[15] Я решительный сторонник деликатных подходов к проблемам // Культура. 1999. 5 авг.

Глава VI

В ПОИСКАХ НОВОГО КУРСА: 2000—2010

Смена власти предвещала смену курса. В последние годы правления Бориса Ельцина наметилось сокращение количества храмов, передаваемых патриархии, а сама передача стала осуществляться более дифференцированно [1]. Одновременно иерархией были сформированы новые требования к государству, связанные с передачей памятников церковной культуры не в пользование, а в собственность Церкви, а также с установлением контроля патриархии над общественно-значимыми музейными коллекциями и храмовыми ансамблями. Кандидату в президенты нужно было расширить фронт собственной поддержки и по возможности дистанцироваться от прежнего курса. К тому же наметился дефицит как государственного бюджета, так и национальной идеологии. Обе недостачи государство намеревалось преодолеть за счет очередного этапа олигархической приватизации. И бремя формирования идеологии, и бремя содержания культуры было решено переложить с государственных плеч на церковную выю. Госаппарат стремился стать «эффективным собственником» и избавиться от «непрофильных активов», передавая их близкому по профилю предприятию: храмы возвращались РПЦ.

Уже 28 марта 2000 г. Владимир Путин подписал правительственное распоряжение № 464-р о передаче в безвозмездное пользование патриархии церкви Покрова Богородицы в Филях. Деяние было оценено в диапазоне от «первый подарок Путина Православной церкви» до победы общины в многолетней борьбе. Распоряжение явилось полной неожиданностью как для музея прп. Андрея Рублева, так и для Министерства культуры [2]. Возможность возобновления богослужений

---

[1] *Колупаева А. С.* Музеи и Церковь // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. 2001. № 4. С. 26—33.

[2] Коммерсантъ. 2000. 5 апр.; Сегодня. 2000. 31 марта.

в Филях спровоцировала новую волну критики в адрес Музея древнерусского искусства. История музея представлялась православной общественностью так, будто бы уже в конце 1980-х гг. он был назначен «сверху» в экспериментальные площадки по отработке взаимодействия с патриархией и зародышем будущего Центра православной культуры. Со стороны очевидно, что как Свято-Тихоновский институт, созданный в 1992 г. белым московским духовенством, стал альтернативой Московской Духовной академии и лаврскому монашеству, так и новый музей в Андрониковом монастыре должен был превратиться в оппозицию ультрамонтанскому «загорскому» церковно-археологическому кабинету и лаврской ризнице, которую возглавил архимандрит Феогност (Гузиков). Православный менталитет допускал, что икона может находиться в музее, но это должен быть «свой музей». Уход в мир иной прежнего директора Софии Вашлаевой в 1994 г. и приход Геннадия Попова обозначал резкую смену курса и переход сторонников создания Центра в оппозицию. Директора обвиняли в кадровой политике, связанной с увольнением «православных кадров» и в нецелевом расходовании средств, выявленном в ходе проверок. Сообщалось, что к началу 2000 г. в Таганском суде Москвы слушались 11 дел уволенных и сотрудников Музея и что 23 декабря 1999 г. на общем собрании музейного коллектива директору было выказано недоверие. Руководство обвинялось и в отказе от выработки новых принципов экспонирования церковных памятников. Этот конфликт привел к многочисленным проверкам музея Счетной палатой РФ в 1995—1997 г. и министерством культуры в 2003 и 2007 г. Так, в приказе министерства от 11 марта 2003 г. за подписью заместителя министра А. А. Голутвы «О результатах проверки финансово-хозяйственной деятельности Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева» говорилось о фактах финансово-хозяйственных и дисциплинарных нарушений.

Приказ о новой проверке был подписан М. Е. Швыдким 29 октября 2007 г. Околоцерковная общественность интенсивно обсуждала проблемы музея, пытаясь доказать его ненужность…

В то же время достоянием гласности стали разрушения церковной старины в Дмитрове [3]. В 1993 г. в Борисоглебском монастыре с собором свв. Бориса и Глеба первой половины XVI в. и другими постройками XVII в. возобновилась монашеская жизнь во главе с архимандри-

[3] Независимая газета. 2000. 25 февр.; 2000. 18 марта; *Минакин А.* Музей — 1 звонок, церковь — 2 звонка, или время действительно собирать камни // Московская правда. 1998. 10 марта.

том Романом (Гавриловым). Уже тогда он попытался разобрать Святые врата для проезда личного автотранспорта. Следующим деянием был слом и золочение деревянного креста надвратной Никольской церкви. Книги, оставленные городской библиотекой в настоятельском доме, были сожжены братией во главе с иеромонахом Филаретом на большом костре. Была разобрана Северо-западная башня XVII в., на стене которой сохранился темперный рисунок того же столетия, изображавший монастырь. Часть монастырского кладбища была отправлена на свалку. Туда же были свезены остатки фундаментов «дмитровлагского дома», частично сложенного из могильных плит, и первоначальные белокаменные пороги, часть сводов погребов и цоколя собора XVI в. Были полностью переделаны настоятельские кельи XVII в., отреставрированные на 70 % в 1988 г. В публикации утверждалось, что реставрационные работы на культовых памятниках Подмосковья за счет средств патриархии повсеместно проводились с грубейшими нарушениями закона об охране памятников. При этом Управление охраны памятников области в лице начальника С. Анохиной обвинялось в заинтересованности «сбагрить» с рук аварийную «развалюху» и не отвечать за ее состояние.

Одновременно обострилась ситуация в Тобольске в связи с передачей Тобольско-Тюменской епархии части зданий архитектурного музея-заповедника на территории кремля для организации там архиерейской резиденции и семинарии [4]. Софийский собор был передан церкви еще в 1991 г.

12 октября 2000 г. появилось обращение сотрудников музея, направленное министру культуры, представителю Президента по Уральскому округу, патриарху и местным губернаторам, в этом обращении епархия обвинялась в «уничтожении культурных памятников». Письмо свидетельствовало о рассеивании иллюзий местной интеллигенции по поводу роли Русской Церкви в ее нынешнем виде в возрождении культурной и духовной жизни. 17 ноября в прямом эфире Тобольского телевидения мэр города В. Воробьев распорядился создать комиссию по проверке изложенных в письме фактов и обратился в городскую прокуратуру. Протоиерей Алексий Сидоренко выступил на защиту епархии, сразу же перейдя в нападение на музейщиков. Музей обвинялся в том, что превратил Софийский двор в бомжатник. Епархия, имея лицензию на реставрационную деятельность, напротив, привела в порядок собор, территорию вокруг здания бывшей консистории, монашеского корпуса и Красной гостиницы. Спорным оставался лишь

[4] *Антипенко А.* Крест на прошлом Тобольска // Сибирская панорама. 2000. № 45, 46; 2000. 9 ноября.

архиерейский дом. Осложнилась ситуация вокруг другого Софийского собора. Вологодская епархия выразила протест против раскопок у церковных стен, поскольку в этой части соборной площади в 1883 г. был похоронен протоиерей Василий Нордов, и археологические работы были интерпретированы епископом Максимилианом (Лазаренко) как глумление над могилой.

Впрочем, Тобольской епархии в это время было что защищать и от чего защищаться. Еще в декабре 1999 г. в Калининском районном суде Тюмени под председательством судьи Галины Черкасовой и с участием прокурора Грачева началось повторное рассмотрение уголовного дела по обвинению наместника Свято-Троицкого монастыря игумена Тихона (Бобова; р. 1954) по ст. 243, ч. 2 Уголовного кодекса РФ: «Уничтожение памятника истории и культуры общероссийского значения». Первый суд состоялся 4 октября. Наместник обвинялся в сносе деревянного здания на территории монастыря и его «восстановлении в кирпичном исполнении», однако был оправдан «за недоказанностью вины». Прокуратура подала кассационный протест, поскольку судебное решение было принято под давлением общественности. Подлеправославная пресса действительно обвинила местную инспекцию по охране памятников и ее руководителя А. Панфилова в том, что, обладая функциями заказчика, эти органы своевременно не разработали проектно-сметную документацию.

Двумя годами позже, 13 августа 2003 г., губернатор Тюменской области Сергей Собянин давал пресс-конференцию. На вопрос ГТРК «Регион-Тюмень», сможет ли церковь достойно содержать памятники культуры, вызванный только что состоявшейся передачей епархии Петропавловской церкви Свято-Троицкого монастыря, губернатор обвинил музеи в доведении церквей до безобразного состояния. Он также заявил, что все изъятое у церкви должно быть ей возвращено и что выставлять в церквах мамонтов, медведей и «прочие наглядные пособия» является кощунством. К тому же он подчеркнул, что после подобных передач государственный бюджет перестает содержать церковные здания, в чем видится несомненная государственная выгода. В 2006 г. он стал главой президентской администрации.

Новая Дума вновь вернулась к закону, призванному охранять культуру. 26 апреля 2000 г. консолидированный проект был предпочтен «петербургскому варианту» и принят к рассмотрению в первом чтении. При его обсуждении депутат из «Регионов России» Анатолий Грешневиков не просто поставил вопрос, поддерживается ли данный законопроект церковной иерархией, но и предложил, чтобы в законопроекте был четко определен «хозяин» церковных памятников, который бы

единолично определял уровень их сохранности [5]. Представлявшая закон Елена Драпеко отвечала, что «определение уровня сохранности» должно быть возложено не на хозяина, а на государственную экспертизу, а хозяин, будь это и религиозная организация, обязан нести бремя содержания.

В то же время 5 августа 2000 г. новый налоговый кодекс (часть 2, раздел 8, глава 21, статья 149) к числу операций, не подлежащих налогообложению, отнес ремонтно-реставрационные работы, выполняемые на культовых зданиях, находящихся в пользовании религиозных организаций, за исключением археологических работ, а также строительные работы по воссозданию утраченных культовых сооружений. Подобный процесс облегчения церкви финансового бремени при обращении с культурным наследием происходил и на региональном уровне. 28 января 2000 г. Дума Великого Новгорода освободила от налога на недвижимость памятники культуры культового назначения, находящиеся в собственности, владении, пользовании или распоряжении у религиозных организаций.

Однако событием года в области отношения патриархии к культурному наследию и имущественному вопросу стал архиерейский собор 13—19 августа 2000 г. В принятых здесь «Основах социальной концепции» раздел о культуре (XIV.2) понимает этот феномен исключительно в его актуальном значении. Из контекста совершенно очевидно, что под «наследием прошлых веков» и «культурными традициями» имелась в виду лишь та система ценностей, которую определяет и формирует синодальная бюрократия. Этот «новодел» и предлагался обществу в качестве собственной истории. Вопросы охраны, восстановления и развития исторического и культурного наследия, включая заботу об охране памятников истории и культуры, были отнесены концепцией к области соработничества Церкви и государства (III.8д). Вопрос соотношения законодательных норм и сиюминутных приходских потребностей в деле реставрации и приспособлении памятников церковной старины в документе не ставился.

Напряженный уровень взаимных ожиданий отразило обращение собора к Президенту. Здесь, в частности, говорилось: «Государство беззаконно изъяло у Церкви собственность, посвященную Богу... заведомо не подлежащую никакому отчуждению». В пример России ставились страны Центральной и Восточной Европы, осуществившие реституцию: «В России этот процесс не только не завершен, но по-настоящему и не начат». Тогда же первый и единственный раз В. Путину

[5] Страсти в первом чтении. Фрагменты стенограммы // Наследие народов Российской Федерации. 2002. № 1. С. 27.

поставили в пример его предшественника, много сделавшего для возвращения церкви ее имущества: сегодняшнее государство не предпринимает для этого почти никаких усилий. Прозвучало требование передавать культовое имущество не в пользование, а в собственность. Собор предложил Президенту начать переговоры о полной или частичной компенсации утраченного. Проблемы нынешних пользователей были собором проигнорированы — они не считались препятствием к возврату церковной собственности.

Общество было поражено жесткостью заявлений. Заместитель начальника Главного управления внутренней политики Президента С. Абрамов назвал письмо «излишне категоричным» и «не совсем корректным». Однако в социальной концепции упоминалась возможность акций гражданского неповиновения. Это заставляло серьезно отнестись к требованиям патриархии и заняться разработкой собственной концепции церковно-государственных отношений. В результате промежуточный ответ на вызов архиерейского собора сформулировал замначальника отдела по взаимодействию с религиозными организациями администрации Президента Александр Кудрявцев на семинаре «Религия и СМИ» в Нижнем Новгороде в марте 2001 г. Подчеркнув светский характер российского государства, он заявил, что вопрос о реституции имущества, в том числе и церковного, в дореволюционное состояние должен быть снят с повестки дня.

7 декабря 2000 г. мэр Москвы подписал новое распоряжение «Об упорядочении передачи объектов недвижимости религиозным организациям Русской Православной церкви и других конфессий», усложнившее существующую процедуру. Заявление общины, которое должно быть рассмотрено в двухмесячный срок, сопровождалось пакетом архивных справок и документов, подтверждающих как факт религиозного назначения здания, так и его конфессиональную принадлежность. Очевидно, на столице обкатывалась будущая общероссийская практика. Именно с 2001 г. в общественной жизни наметилась тенденция к инициативе государства в деле передачи памятников, которая в 2004 г. обрела конкретные очертания. Вообще в это время именно имущественный аспект церковно-государственных отношений выходит на первый план [6].

7 июня 2001 г. закон об охране культуры был принят Госдумой во втором чтении. Тема «религиозных» поправок привлекла всеобщее внимание. Представлявший фракцию «Единство» и интересы патриархии

[6] *Орлова С. В.* Имущественный аспект государственно-конфессиональных отношений в Московской области // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2001. № 1 (25). С. 3—21.

Александр Чуев предложил поставить на отдельное голосование поправки 134 (к статье 49.2: возможность нахождения памятников и ансамблей религиозного назначения, входящих в число особо ценных объектов культурного наследия, в собственности религиозных организаций), 143 (памятники религиозного назначения, в том числе входящие в состав историко-культурных заповедников, могут передаваться в собственность только религиозным организациям), 153 (к статье 52: религиозные организации осуществляют право пользования передаваемыми объектами культурного наследия религиозного назначения в соответствии со своими внутренними установлениями) и 179 (к статье 59.2: в случае, если объект культурного наследия религиозного назначения входит в состав историко-культурного заповедника и находится в собственности, пользовании или на ином законном основании у религиозных организаций, режим использования этих объектов устанавливается с учетом внутренних установлений религиозных организаций.

Во время полемики депутат утверждал, что запрет на передачу патриархии в собственность особо ценных объектов блокирует возврат церковной собственности вообще и препятствует сохранению этих памятников, поскольку религиозные организации справляются с этой задачей значительно лучше государственных учреждений. Е. Драпеко парировала эти замечания существующей статистикой: из 5000 объектов, которые могут быть переданы церкви, планируется временно изъять только 250, причем лишь 168 из них — это особо ценные памятники. Нонсенсом было признано и то, что местной общине — «двадцатке» передавались бы памятники всемирного значения. В ее выступлении отмечалось, что патриархия не готова принять особо ценные памятники как по уровню своего отношения к культуре, так и в связи с отсутствием научно-реставрационной базы. По поводу «внутренних установлений» было справедливо отмечено, что это внутреннее дело конфессии, и они признаются государством в той мере, в которой не противоречат законодательству. Это делает излишним их упоминание в законе. А. Чуев пытался возразить, что особо ценные памятники могут быть переданы централизованным религиозным организациям и что упоминание внутренних установлений есть всего лишь следствие уважения государства к конфессии, но в результате поправки были провалены большинством голосов.

Пресловутые «внутренние установления» религиозной организации, которые в жизни Русской Церкви зачастую сводятся к известной формуле «аще настоятель изволит, такожде и творим» или «архиерей всегда прав», впервые появились в федеральном Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» 9 сентября 1997 г. Статья 15 гарантировала, что религиозные организации действуют в соответствии

со своими внутренними установлениями, если они не противоречат законодательству Российской Федерации. Внутренние установления упоминаются в Трудовом кодексе Российской Федерации (декабрь 2001 г.), в частности в главе 5 «Особенности регулирования труда работников религиозных организаций». Так, их соблюдение предполагалось при заключении трудового договора (статья 343), установлении режима рабочего времени (статья 345) и определении материальной ответственности работника (статья 346), но лишь в том случае, если они не противоречат Конституции, настоящему кодексу и иным федеральным законам. Вообще же «внутренние установления» в жизни церкви оказываются настолько расплывчатым и неопределенным явлением, что само их четкое и однозначное определение в рамках существующего канонического права оказывается не всегда возможным.

5 июля проект федерального Закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 99109360-229 был принят в третьем чтении, однако уже 20 июля Совет Федерации наложил на него свое вето. Лидеры столичных субъектов посчитали, что отсутствие в Законе четкого разграничения собственности на памятники между субъектами и федерацией существенно нарушает их права. В результате демаршей региональной элиты была создана депутатская согласительная комиссии для преодоления разногласий по указанному Закону. Закон будет принят летом 2002 г.

Уже 6 июля в Думе прошли парламентские слушания на тему «Проблема законодательного обеспечения государственно-церковных отношений в свете социальной концепции Русской Православной церкви». Правительству было рекомендовано совершенствовать порядок передачи религиозных памятников культуры патриархии. Однако правительство, судя по всему, исполнило рекомендацию ранее, чем она появилась на свет. 30 июня 2001 г. Председатель Правительства Михаил Касьянов подписал постановление № 490 «О порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения». Оно касалось не только религиозных зданий, но и недвижимого имущества, исторически связанного с культовыми организациями, окружающих их земельных участков, а также находящихся в музеях икон и реликвий. Впоследствии постановление неоднократно редактировалось: 3 октября 2002 г. (№ 731), 8 августа 2003 г. (№ 475), 1 февраля 2005 г. (№ 49). Основной формой передачи было бессрочное и безвозмездное пользование. Бессрочность не предполагала вечности, а была рассчитана на добрую волю собственника-государства.

Согласно постановлению, передача имущества в собственность могла осуществляться при условии обеспечения его сохранности и использования в уставных целях. Передача памятников культуры осуществлялась Минимуществом по согласованию с Минкультуры. Основанием для рассмотрения вопроса было письменное обращение религиозной организации, дополненное копией устава и свидетельства о госрегистрации, согласием третьих лиц в случае наличия ограничений, документами о конфессиональной принадлежности имущества и справкой госоргана охраны памятников. В случае принадлежности имущества к объектам культурного наследия список расширялся за счет заключения госоргана охраны памятников о возможности передачи, копии паспорта памятника или исторической справки, акта о техническом состоянии памятника и проекта охранного договора или обязательства. Музейные предметы и коллекции могли передаваться религиозным организациям в пользование или совместное использование на основании договора, условия которого определялись по согласованию с патриархией или епархией, а сам договор утверждался в Минкульте. Указанные предметы могли быть переданы религиозной организации в безвозмездное пользование на определенный срок или на период существования самой организации. В этом случае предоставлялись дополнительные документы: справка органа внутренних дел о состоянии охраны объекта, пожарной и охранной сигнализации и письмо учреждений культуры, за которыми было закреплено указанное имущество, с упоминанием характера его использования и согласием (несогласием) с передачей его церкви. Минимущества должно было принять решение о передаче или отказать в ней в двухмесячный срок. Впоследствии такое решение принималось распоряжением Правительства, подготавливаемым федеральным агентством. 9 ноября 2001 г. распоряжением № 3236-р Минимущества делегировало своим территориальным органам полномочия по передаче религиозным организациям имущества, находящегося в федеральной собственности. Тогда же были утверждены методические рекомендации, определяющие порядок рассмотрения этими органами текущих дел.

Противники идеи передачи патриархии памятников культуры усмотрели в этом распоряжении реванш «церковников» за принятие в новом чтении закона об объектах культурного наследия, в который не были включены патриархийные поправки. По их мнению, документ не только покушался на целостность музейных собраний, гарантированную законом 1996 г., но и неоправданно расширял перечень имущества религиозного назначения, включая сюда не только здания, предназначенные для богослужений, но и «иные культовые комплексы», построенные для обеспечения религиозных обрядов и церемоний.

Издание распоряжения № 490 подстегнуло местные амбиции. 5 октября 2001 г. староста Казанского собора в Санкт-Петербурге протодиакон Василий Марков обратился с письмом № 905 к директору Русского музея Владимиру Гусеву, где содержалось предложение вернуть находящиеся в музейном собрании иконы и религиозные картины, исторически принадлежавшие собору. В своем письме № 1970/1 от 17 октября директор напомнил соборянам, что еще в 1998 г. им была направлена справка с перечнем хранящихся в музее икон из Казанского собора: кроме указанных, других не было. В письме сообщалось, что музей категорически возражает против изъятия из музейного собрания художественных ценностей, что нарушило бы закон о музейном фонде 1996 г., тогда как пресловутое постановление № 490 лишь определяет механизм передачи, но не обязывает ее осуществлять. Наиболее приемлемым решением вопроса признавалось изготовление копий. На основе соглашения между Духовной академией и Академией художеств на безвозмездных началах для собора уже были изготовлены копии 12 картин из соборного иконостаса кисти В. Боровиковского, В. Сазонова, Г. Угрюмова, С. Щукина и М. Воинова. Копирование проводилось в период 1996—2001 гг. в помещениях Русского музея. В 1990—1991 гг. художниками-реставраторами Музея были воспроизведены еще четыре картины, а в настоящее время изготавливаются иконы для Царских врат. Еще 5 картин с 1994 г. находятся на временном хранении в соборе (акты выдачи № 4044 от 2 июня 1994 г. и № 4049 от 5 июля 1994 г., последний акт сверки экспонатов № 30 от 6 июня 2001 г.).

Настоятеля Казанского собора протоиерея Павла Красноцветова такой ответ не удовлетворил. Уже 11 ноября в новом послании он утверждал, что в «религиозном смысле разница между подлинными иконами и современными копиями огромна», поскольку «иконы содержат память о молитвах бесчисленного количества верующих, которые в течение более чем ста лет молитвенно обращались перед ними к Богу». Он предложил, чтобы копии, по мере их изготовления, заменяли иконы в музейной экспозиции, что позволило бы вернуть их на свое законное место без ущерба для музея. Осмотрительность Русского музея была продиктована не только корпоративным интересом. К этому времени в Казанском соборе уже произошли существенные искажения первоначального облика святыни, продиктованные исключительно утилитарными интересами митрополии. Вопреки своему первоначальному историческому месту соборный иконостас в 1999 г. был выдвинут к солее. Это требование патриарх Алексий (Ридигер) и митрополит Владимир (Котляров) пытались обосновать тем, что для проведения помпезных архиерейских служб с участием многочисленного духовенства алтарное пространство должно быть максимально расширено. Из этих

же соображений широкие мраморные подъемы, ведущие из соборного подпола в алтарь, были закрыты железными крашеными щитами и вместо них были устроены узкие металлические лестницы. В жертву епископскому тщеславию была принесена церковная память и красота.

В то же время появился ряд законопроектов, подготавливающих идею реституции в умах законодателей. Осенью 2001 г. Сергей Глазьев опубликовал проект закона «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций». Такое взаимодействие должно было осуществляться на основе договоров (статья 5), в том числе и в области совместного использования, охраны и восстановления культовых объектов, являющихся памятниками истории и культуры (статья 10). Статья 7 вводила понятие религиозного правопреемства, на основе которого должны были быть признаны имущественные права религиозных организаций на отчужденное имущество. Предполагалось, что государство принимает необходимые меры для передачи традиционным религиозным организациям отторгнутых у них культовых комплексов за рубежом (статья 24).

Закон не обсуждался и не был принят. Однако активное участие российского МИД и консульства в Ницце (Франция) осенью 2005—зимой 2006 г. в возвращении православного собора свт. Николая, построенного здесь в 1912 г., принадлежавшего царской семье и находящегося в юрисдикции Вселенского Патриархата, в ведение Российской Федерации идеально соответствовало нормам, прописанным в этом документе. 20 января 2010 г. суд высшей инстанции г. Ницца признал право собственности на этот храм за Российской Федерацией, посчитав ее таким образом «наследницей династии Романовых».

Состоявшееся решение вызвало удовлетворение министра культуры Александра Авдеева, который до этого был послом РФ во Франции. Во Франции же подобное решение было расценено как очередная попытка Кремля использовать Церковь и церковную старину в политических целях, теперь уже — в области международных отношений. После совершившегося в 2007 г. воссоединения Русской Православной Церкви за границей с московской патриархией Архиепископия Русских церквей во Франции осталась крупнейшим религиозным объединением в Европе, исторически связанным с русской культурой, но пребывающим вне сферы влияния московской патриархии. Попытка утверждения контроля над этим объединением хорошо вписывается в концепцию создания идейно-политического блока за рубежом, получившего название «Русский мир». И это не единственный случай: в 2009 г. в российскую собственность вернулось храмовое подворье в г. Бари, Италия, а также комплекс зданий Русской Духовной миссии в Иерусалиме. Настоятель собора в Ницце протоиерей Жан Гейт в этой

связи заметил, что «эта традиция, когда политические лидеры используют символы русской славы для укрепления поддержки режима, уходит корнями во времена Ивана Грозного». Впрочем, судебное решение, вызвавшее шок во французском обществе, будет опротестовано Русской православной культовой ассоциацией, которая, в соответствии с французским законодательством, в 1909 г. заключила с царской семьей договор аренды на 99 лет и теперь может рассматриваться как законный правопреемник расстрелянного императора.

Почти сразу же за этим событием 27 января 2010 г. появилась информация, что администрации Президента РФ, в соответствии с решением правительства, будет участвовать в торгах, объявленных Французской республикой, по приобретению участка земли на набережной Бранли в Париже. В официальном сообщении не скрывалось, что участок приобретается с целью строительства здесь православного храма московской патриархии и русского религиозно-культурного центра — с видом на Эйфелеву башню. Разговор о возможности приобретения или выделения в Париже земли для строительства храма РПЦ поднимался еще в октябре 2007 г. во время визита во Францию патриарха Алексия (Ридигера). Стоимость участка составляет более 60 миллионов евро, которые весьма пригодились бы в России, в том числе и будучи выделенными на грамотную реставрацию церковной старины. Участие в торгах именно в это время далеко не случайно: 2010 г. объявлен годом России во Франции. Это создало благоприятную общественную конъюнктуру для покупателей из России, и уже 8 февраля РФ была объявлена победителем. Совпадение? Везение? Неофициальная сделка с властями? Внешнеполитическая цель такого строительства — вытеснение русской православной эмиграции из общественной жизни во Франции — очевидна. Таким образом, (ре-)конструкция православной культуры оказывается тесно связана с далеко не религиозными задачами…

Этим же целям служила и передача церковной старины в самой России. В начале 2000-х гг. законопроект С. Глазьева, готовивший общество к расставанию с памятниками культуры, не был единственным[7]. К 2004 г. появились новые идеи подобного свойства, а также появилась информация о намерении Госдумы включить их в планы ближайшего рассмотрения. Предположительно, это был вброс информации, рассчитанный на проверку общественного мнения. Речь шла о реституции в обмен на исполнение Русской Православной Церковью ряда общественных функций. Новые проекты были связаны с именем депутата А. Чуева. Закон именовался «О восстановлении прав религи-

[7] Культура. 2003. № 8; www.glazev.ru

озных организаций на имущество религиозного назначения и иное принадлежащее им имущество, национализированное или муниципализированное до 1991 года и находящееся в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований» и был подготовлен еще 18 ноября 2003 г. В реституции могло быть отказано только в том случае, если имущество не принадлежало религиозной организации или же если это имущество, прежде всего особо ценные объекты культурного наследия, в соответствии с действующим законодательством находилось исключительно в государственной собственности. В этом случае религиозной организации должна быть предложена иная форма его использования. В случае с объектами культурного наследия срок возвращения мог быть установлен в соответствии с созданием религиозной организацией необходимых условий для хранения памятников старины, но не мог превышать трех лет. Музейные предметы религиозного значения должны были быть переведены в негосударственную часть музейного фонда России. Решение о реституции принималось соответствующими органами власти на основе заявления религиозной организации. В то время еще трудно было предположить, что эти проекты были лишь прелюдией к подобному документу, подготовленному Министерством экономического развития Германа Грефа в сентябре 2004 г.

24 мая 2002 г. в редакции, предложенной согласительной комиссией, был, наконец, принят Закон № 73ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». 14 июня Закон был одобрен Совфедом и 25 июня подписан Президентом. На этом этапе принятия Закона поправки, выгодные руководству патриархии, но отвергнутые Думой, лоббировались уже сенаторами. Появился, в частности, пункт об обязательном согласовании с религиозными организациями всех вопросов, касающихся использования памятников «религиозного назначения» и о расширении понятия «памятники религиозного назначения». Однако все поправки клерикального характера были отклонены. В результате Закон определил памятник как особый вид имущества (статья 1.2). Специфика памятников религиозной культуры была ограничена их богослужебным использованием, однако существовало и понятие ансамбля религиозного назначения, более сложного по составу. Статья 8 предусматривала, что религиозные объединения наравне с общественными организациями вправе оказывать содействие органам охраны памятников в сохранении, использовании и популяризации культурного наследия, однако Закон признавал приоритет государства в области научно-методического обеспечения такого сохранения и использования. Статья 47.2

предполагала, что воссоздание утраченного объекта культурного наследия религиозного характера принимается правительством с учетом общественного мнения и мнения религиозных организаций. Однако отсутствие положений о государственном реестре памятников и историко-культурной экспертизе, принятие которых откладывалось до 31 декабря 2010 г. открывало возможности для безнаказанного искажения и разрушения памятников культуры, в том числе и религиозными организациями.

24 сентября 2002 г. в Издательском Совете патриархии состоялся круглый стол «Сохранение и пропаганда культурного наследия: взаимодействие государства и Православной церкви», созванный совместно с аппаратом уполномоченного по правам человека и фондом Конрада Аденауэра. Выступавший здесь священник Борис Михайлов посчитал принятый закон антицерковным, поскольку в момент его принятия были «вероломно» исключены поправки, перечеркнувшие участие патриархии в его разработке. Было отмечено, что сохранение памятника культуры всегда связано с ограничением его функционального использования, тогда как нещадная богослужебная эксплуатация храмов приводит к настоящему вандализму в отношении святынь. Одной из конкретных проблем сохранения была названа лишь неготовность к диалогу конкретных священников и чиновников, поскольку, по словам протоиерея Бориса Даниленко, на место Павла Флоренского к престолу встали вчерашние трактористы и маляры. В этой связи прозвучало пожелание связанного с патриархией Сергея Белякова не замыкаться на личностях, а создать общественный орган, способствующий разрешению конфликтов.

В 2002 г. приоритеты в определении норм взаимоотношений церкви и культуры начали определенно переходить от законодательной власти и Минкульта к Минимущества. Именно им был предложен новый типовой договор между музеем и религиозной организацией по совместному пользованию имуществом культового назначения. Документ оперировал понятием «внутренних установлений», которое было отвергнуто законодателями. Нормы контроля были ограничены исполнением этих установлений. Осмотр объекта мог производиться в любое время в течение рабочего дня с соблюдением установленного режима богослужений. В случае, если интерьер не относился к предмету охраны, обеспечение доступа лиц во внутренние помещения не должно было вменяться в обязанность религиозной организации. Остальные положения наследовали пунктам документов 1997 г. Запрещалось производить работы, изменяющие предмет охраны объекта, в том числе побелку и покраску стен, покрытых живописью, а также работы по

восстановлению, подновлению и ремонту живописи, лепнины и предметов внутреннего убранства, без письменного разрешения госоргана охраны памятников и соблюдения других требований. Воспрещалось заселять помещения объекта и другие расположенные на его территории здания жильцами для проживания как временного, так и постоянного характера, за исключением помещений, специально предназначенных для проживания монашествующих и церковного причта.

Кроме Минимущества в качестве стороны, заинтересованной в церковной реституции, проявили себя полпред Президента в Центральном округе Георгий Полтавченко и его аппарат. 25 января 2002 г. в Москве состоялась научно-практическая конференция «Государство и традиционные религиозные объединения. Концептуальные основы взаимоотношений на примере субъектов Российской Федерации Центрального федерального округа». Ее рекомендации предлагали правительству усовершенствовать порядок передачи памятников культуры религиозным организациям. Церковно-общественный форум «Духовно-нравственные основы демографического развития России» 18—19 октября 2004 г. в Москве также проходил при активном участии полпредства. Обращаясь к руководителям органов государственной власти, форум в своей резолюции предложил им «разработать действенный механизм передачи памятников культуры и архитектуры религиозным организациям в целях их дальнейшего использования как в богослужебной практике, так и для социального служения». Рекомендации расширенного заседания Совета руководителей Центрального федерального округа «Духовно-нравственное возрождение регионов: опыт взаимодействия с Русской Православной церковью» (21 июля 2004 г., г. Курск) содержали установку о социальном партнерстве церкви и государства. В перечень поручений по итогам заседания, утвержденный Г. Полтавченко 20 августа 2004 г., были включены такие положения, как: Министерству культуры — изучить возможность более широкого участия религиозных организаций в федеральной целевой программе «Культура России», распространить опыт Троице-Сергиевой лавры в практике управления государственным музеем на другие музеи Центрального федерального округа, расположенные на территориях монастырей, разработать действенный механизм передачи памятников культуры религиозным организациям в целях их дальнейшего использования как в богослужебной практике, так и в качестве объектов духовного и культурного наследия.

Именно в это время общество в различных его проявлениях задумалось о культурных потерях. Было отмечено катастрофическое сокращение государственного финансирования на реставрацию памятников старины — с 2,5 миллиарда рублей в современных ценах в 1979 г. до

661 миллиона рублей в 2000 г. Издание «Век» привело удручающую статистику, собранную Константином Михайловым: за последние десять лет в России погибло более 2500 памятников истории и культуры со скоростью 151 памятник в год. В этом списке памятники культуры, находящиеся в распоряжении у Русской Церкви, составили заметную часть. 10 августа 1997 г. после праздничной службы сгорел храмовый ансамбль (1753—1757) в селе Верхняя Мудьюга Архангельской области. В 1990-е гг. в Ломоносовском районе Ленинградской области сгорела часовня свт. Николая Чудотворца, в 1994 г. в с. Мелихово Чеховского района Московской области пожар уничтожил деревянную церковь Рождества Христова (1757), в сентябре 2000 г. — церковь Богоявления Господня (1673) в с. Семеновское Мытищинского района той же области, в 1995—2000 гг. в Новгороде вместо реставрации епархия снесла дом Передольского, в Твери была разрушена часовня Христорождественского монастыря (начало XX в.). По инициативе настоятеля в 1993 г. были уничтожены настенные росписи XIX в. в церкви свв. мчч. Флора и Лавра на Зацепе в Москве. Список оставался открытым.

В условиях, когда Русская Церковь не только не возвышала голос в защиту культурного наследия, но и сама оказалась в авангарде его приспособления, искажения, а иногда и разрушения, в роли защитников культуры выступили националистические и неоязыческие организации. Так, 1 марта 2004 г. был зарегистрирован региональный общественный фонд содействия возрождению русских традиций «Верность и Жизнь» во главе с Семеном Токмаковым, более известным как руководитель группировки «Русская цель» и лидер Народной национальной партии. За изменением имиджа скрывалось стремление к легализации собственной националистической деятельности через патриотизм. Одной из целей движения являлось содействие в восстановлении храмов, а современное разрушение культурного наследия объяснялось «западным мышлением» и строительством капитализма в России.

Свои права отстаивали и язычники. Содружество Природной Веры «Славия» [8] проповедовало народное поклонение природным объектам и памятникам старины и обвиняло Русскую Церковь в безразличии к народным святыням — селищам, городищам, курганам, источникам, ручьям, камням, почитаемым деревьям, священным рощам и другим объектам, которым в условиях принятия нового земельного кодекса грозило уничтожение. Содружество предложило свой «План действий в защиту святынь народов России», предусматривающий сбор соответствующей информации и четкую систему взаимодействия с науч-

[8] http://slavya.ru

ными учреждениями, государственными чиновниками и общественными организациями.

Проблемы сохранения церковных памятников, переданных патриархии в 2003—2004 гг., постепенно стали преобладать над вопросами, связанными с передачей их религиозным организациям. Однако эти проблемы не были исключительно церковными — в православной среде они лишь обретали свою специфичность. Разрушение и приспособление памятников приходами и монастырями в значительной мере были следствием общественного равнодушия и прагматизма в отношении собственной истории и культуры. Аналитический доклад Счетной палаты в 2003 г. охарактеризовал состояние объектов культурного наследия, принадлежавших государству, как неудовлетворительное. Значительная часть памятников нуждается в принятии срочных мер по спасению их от разрушения, повреждения и даже уничтожения. Нормативные правовые акты для урегулирования правовых отношений в области сохранения, владения, пользования, распоряжения и государственной охраны памятников истории и культуры оставались неразработанными, а существующие инструкции не соблюдались. Официальные документы 34 особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, в том числе по Троице-Сергиевой лавре, не были утверждены в установленном порядке.

В 2005 г. Счетная палата предъявила отчет о результатах проверки исполнения законодательства при использовании объектов исторического и культурного наследия федерального значения и распоряжении ими в период 1992—2002 гг. в Москве и Санкт-Петербурге. В качестве одного из основных чиновных нарушений были отмечены снос и изменение памятников, в том числе и в виде их «воссоздания» из современных материалов. Не были приняты меры по созданию нормативно-правовой базы государственной охраны объектов культурного наследия и формированию единой структуры органов государственной власти и подведомственных организаций, осуществляющих мероприятия по государственной охране объектов культурного наследия федерального значения. К тому же созданное Минимуществом и Минкультуры агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры не являлось государственным органом исполнительной власти и не было уполномочено принимать решения в области государственной охраны объектов культурного наследия.

Однако факт существования серьезных проблем, связанных с охраной и реставрацией используемых патриархией памятников, получил официальное признание, по крайней мере, в Москве. 17 апреля 2003 г. здесь была создана межведомственная комиссии по объектам культового назначения, подлежащим ремонту и реставрации. Этому предше-

ствовал скандал, вызванный уничтожением четырех колонн нижнего яруса Монетного двора в охранной зоне Кремля при строительстве церковной лавки Казанского собора, которые помощник старосты прихода Иван Шинкарев посчитал «новоделами 1994 г.». Решение о строительстве-«воссоздании» церковной лавки в виде нового двухэтажного магазинчика вместо прежнего маленького киоска общей площадью 235 кв. м. в формах XIX в. было принято еще в декабре 2001 г., хотя весь ансамбль проекта собора претендовал на XVII в. Впрочем, 27 ноября 2003 г. патриарх Алексий (Ридигер), отвечая на вопросы преподавателей и студентов Российской академии государственной службы, утверждал, что все ремонтные или восстановительные работы патриархия проводит только при согласовании с управлением по охране памятников и с Министерством культуры. Что было отчасти справедливо – многие разрушения и искажения церковных памятников были согласованы именно этими органами.

Тогда же было заявлено, что в России найден компромиссный вариант решения конфликтной ситуации между музеями и церковью. Речь шла об открытии в храме Христа-Спасителя в Москве выставки 94 предметов Патриаршей коллекции, представлявшей древнейшие памятники христианского искусства IV—XIX вв. [9] Однако ее предыстория была окутана тайнами. 12 миллионов долларов для ее приобретения выделил премьер-министр Виктор Черномырдин еще в 1998 г., а в 2000 г., несмотря на обещания патриархии, она так и не была продемонстрирована общественности [10]. Своеобразным эхом этого сообщения прозвучали известия о серии очередных церковно-музейных конфликтов. В феврале 2003 г. вновь появились слухи о возможном закрытии музея Андрея Рублева в связи с проектом оптимизации сети учреждений министерства культуры. Из документа следовало, что коллекция музея могла быть передана Третьяковской галерее, а сам Спасо-Андроников монастырь — в ведение патриархии. В августе появилась информация, что Димитриевский собор во Владимире, после археологических и реставрационных работ, вероятно, не будет возвращен патриархии, как об этом сообщалось ранее. В ноябре 2003 г. стало известно о конфликте между Ставропольской епархией и музеем-заповедником в Карачаево-Черкесии из-за древних храмов в районе поселка Нижний Архыз.

Однако самый вопиющий случай произошел в Мартириево-Зеленецком монастыре в Ленинградской области (настоятель игумен Пахомий (Трегулов), правящий архиерей — митрополит Владимир (Котляров)).

[9] Музеи и Церковь — перелом ситуации // Правда.RU. 2003. 7 февр.

[10] Московские новости. 1998. № 33; *Андриасова Т.* За семью печатями // Московские Новости. 2000. № 9.

15 сентября 2003 г. монастырский эконом монах Гавриил обрезком металлической трубы сломал руку археологу Алексею Липатову, осуществлявшему надзор за строительными работами по поручению НИИ «Спецпроектреставрация»[11]. До этого эконом всячески препятствовал производству археологических работ и изымал обнаруженные при исследовании находки, подлежащие фиксации и сдаче в государственный музейный фонд РФ. Органы внутренних дел Волховского района отказались регистрировать инцидент, монах не был наказан церковным руководством, и сам конфликт, в результате переговоров монастырского руководства с дирекцией института, был предан забвению. Уголовное дело не возбуждалось, пострадавшему же монастырские власти неофициально предлагали денежную компенсацию, от которой тот отказался.

К началу 2004 г. подзаконные акты в области охраны объектов культурного наследия так и не были разработаны, чему способствовала и административная реформа. Одновременно с новым Министерством культуры и массовых коммуникаций в 2004 г. были созданы Федеральное агентство по культуре и кинематографии и Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия. Поскольку функции охраны принадлежали каждой из трех структур, единый орган, соблюдающий культурную память страны, так и не был создан. Не было создано и единой системы органов охраны объектов культурного наследия в центре и на местах. Становление территориальных управлений Росохранкультуры привело к тому, что местные органы охраны оказались в ряде случаев поставлены перед фактом сделанных «наверху» согласований и утратили ранее существовавшие рычаги воздействия на пользователя. Сложившаяся система «двоевластия» негативно сказалась на положении дел с охраной памятников культуры, переданных в ведение религиозных организаций.

9 марта 2004 г. в своей рабочей резиденции в Чистом переулке патриарх Алексий (Ридигер) принял новоназначенного министра культуры Александра Соколова. После некоторого периода охлаждения двусторонних отношений было найдено полное взаимопонимание в деле «сохранения национальной культуры». Обращаясь к министру, патриарх отметил, что «здесь необходимо взаимодействие, которое, я надеюсь, с Вашим приходом... мы будем осуществлять». К числу первоочередных проблем были отнесены передача общине Покровского храма в Филях и подготовка нового договора между Министерством и

[11] *Астафьева Н.* Залатаю золотыми я заплатами // Город. 2003. № 46(81).

патриархией. Одновременно наблюдатели отмечали, что сближение позиций происходит у патриархии не с федеральной властью в целом, а — преимущественно — с ее антилиберально настроенным крылом [12].

2004 г., год появления в России нового министра культуры, запомнился обществу захватом общиной храма Воскресения в Кадашах (Москва) помещений, где еще размещались реставрационные мастерские центра имени Игоря Грабаря; драмой областного Костромского музея, который совместными усилиями местной епархии и Росимущества был выжит из ансамбля Ипатьевского монастыря, а его коллекция была расчленена государством по принципу «религиозного» и «краеведческого» назначения, и началом претензий Рязанской епархии на городской кремль, в котором располагался музей-заповедник. События в Кадашах заставили московскую интеллигенцию вспомнить и о Донском монастыре, чьи памятники и надгробия стали недоступны для осмотра. Еще осенью 2001 г. Музей архитектуры, выдавленный в свое время патриархией из монастыря, провел у себя выставку «Святыни, мерзости и редкости в Донском монастыре» и издал сборник статей, поднимавших существующие проблемы. Архимандритом Агафодором (Маркевичем) были закрыты для посещения монастырский сад, Малый собор, нижний храм Большого собора и усыпальница Голицыных. Практически отсутствует доступ в покои Патриарха Тихона, где открыт Музей патриарха. Исторический облик святыни разрушают как боевые машины танковой колонны им. Дмитрия Донского, так и новоделы храма св. патриарха Тихона и часовни над колодцем. И совершенно не ясно, как изменится ситуация с назначением сюда 25 декабря 2009 г. нового наместника, епископа Павлово-Посадского Кирилла (Покровского).

В апреле 2004 г. Министерство культуры Свердловской области заявило протест против строительства Екатеринбургской епархией гостиницы на территории двух памятников историко-культурного наследия («Дом жилой» и «Станция вольных почт»), которое началось еще в сентябре 2003 г. Проект не был согласован с органами охраны памятников, и возникла угроза обрушения исторических зданий, так как вырытый котлован вплотную подходил к их фундаментам. Одной из новых болевых точек во взаимоотношениях церкви и культуры стал Псков. Еще 2 ноября 2003 г. в Пскове археологами был обнаружен нижний ярус трапезной палаты XVI в., принадлежавший подворью Снетогорского монастыря, он тут же был пробит трубой строящегося магистрального водопровода. Депутат Госдумы Сергей Митрохин еще

[12] *Верховский А.* Власть и религия в современной России // Свободная мысль. 2004. XXI, № 4.

тогда же потребовал от генерального прокурора Владимира Устинова возбудить уголовное дело по факту разрушения памятника. 30 марта 2004 г. в Москве в конференц-зале ВООПИК состоялся круглый стол «Древний Псков сегодня. Проблемы экологии, сохранения историко-культурного наследия и современной застройки» [13]. Выездное заседание президиума Общества, состоявшееся в Пскове 19 мая, отметило факты грубого нарушения Закона «Об объектах культурного наследия» со стороны государственных и религиозных организаций и частных лиц. Предмет особой тревоги вызвало состояние иконостаса Троицкого собора. Проект теплофикации храма не рецензировался на федеральном уровне, рекомендации Е. Скрынниковой, ведущего специалиста ЦНРПМ, не были учтены, в результате резко — с 75 до 35 % — снизилась влажность в помещении, что привело к разрушению икон и угрожало сохранности интерьера собора. Согласно сделанным рекомендациям, иконостас XVII—XVIII вв. должен был быть демонтирован, отреставрирован еще до включения отопления и возвращен на место лишь при установлении в храме оптимальной температуры. К тому же, исторический хорос собора, соответствующий интерьеру, был заменен похожим на «консервную банку» софринским современным изделием, которое закрыло иконостас. В результате епархии было рекомендовано провести неотложные работы по сохранению интерьера Троицкого собора, а органам охраны осуществлять постоянный мониторинг состояния икон. По сообщению некоторых участников совещания, шелушение и опадание красок, вызванное изменением температуры, было видно невооруженным глазом.

На этом фоне особого внимания заслуживали отзывы некоторых представителей местного духовенства о судьбе и использовании икон. Протоиерей Владимир Попов, настоятель церкви свт. Николая в Любятове, говорил, что сам он по возможности старался воздерживаться от требования забрать иконы из музеев, потому что Церковь не всегда имеет возможность их сохранять, и нельзя огульно обвинять музеи в том, что они являются «местами заключения» икон. Иерей Андрей Давыдов, настоятель церкви Рождества Иоанна Предтечи, признавал, что священнослужители не всегда могут понять ценность того, чем владеют. Новооткрытую экспозицию икон в Новгородском музее он назвал лучшей в мире: «Если надо объяснить кому-то, что такое православие, я бы в первую очередь посоветовал посетить музейную экспозицию икон, постоять перед каждой иконой, посмотреть, вдуматься».

---

[13] Судьба архитектурных памятников Пскова под угрозой // Церковный вестник. 2004. № 7.

В декабре 2004 г. Алексей Комеч в интервью изданию «НГ-Религии» заметил: «В целом с большими искажениями по России восстановлено около 10 000 храмов. Мы знаем о большинстве этих случаев, об искажениях, нарушениях и т. д. Сожалеем, что у нас такая Церковь, но если бы этого не было, памятники бы вообще погибли... Я сейчас согласен на любые искажения, лишь бы сохранить то, что осталось. Поэтому мы не должны стоять на пути общин, готовых взять на себя ответственность за храм, монастырь или часовню». Однако эти факты никак не повлияли на процесс передачи памятников Церкви и качество их последующей реставрации в 2000-х гг.

После возвращения в 2004 г. Толгской и Тихвинской икон в их обители достаточно широко распространилась практика выдачи святынь из музейных собраний на храмовые праздники. Так, в Кирове 21 октября 2005 г., в день памяти прп. Трифона Вятского, в Успенский собор был доставлен келейный крест святого, который хранился в Кировском областном художественном музее имени В. М. и А. М. Васнецовых. 3 июня 2005 г., в день празднования Владимирской иконе Божией Матери, Нижегородский краеведческий музей выдал на один день в восстанавливаемый Оранский Богородицкий мужской монастырь для праздничного богослужения чудотворный Оранский список Владимирской иконы Божией Матери.

Одновременно проявились попытки контроля патриархии за туристическим потоком к культовым местам. Еще весной 2003 г. Межрелигиозный совет России решил, что паломничество не относится к туристической деятельности, и внес соответствующее предложение о законодательном разграничении этих понятий в Госдуму. В октябре-ноябре 2004 г. представители ОВЦС митрополит Смоленский Кирилл (Гундяев) и его заместитель епископ Егорьевский Марк (Головков) вновь вернулись к этой идее. 12 октября 2005 г. Межрелигиозный совет принял решение внести в Госдуму поправки к Закону «Об основах туристической деятельности в РФ». При этом предполагалось, что паломнические центры, как некоммерческие структуры, должны быть освобождены от налогов. Характерно, что в 2004—2005 гг. крупнейшие монастырские островные комплексы — Валаам и Соловки — либо подписали документы о координации своей деятельности в сфере приема паломников и туристов с соответствующими музеями, либо обратились к властям с призывом административно ограничить поток «диких» туристов цифрами, примерно соответствующими числу посещающих остров по линии паломнических служб.

На этом фоне события 2005 г. в Ярославле и Рязани, связанные с требованием предоставить в пользование местным епархиям храма св. Ильи-пророка и Рязанского кремля как «духовно-административ-

ного центра», вызвали неожиданный всплеск общественной напряженности. После того как Комиссия Минкульта сочла ярославскую инициативу нецелесообразной, губернатор Анатолий Лисицын заявил, что подготовил обращение к Президенту с просьбой оказать содействие в передаче Ильинского храма, и почти одновременно выступил с предложением провести общероссийскую акцию по передаче патриархии икон и церковной утвари, хранящейся в музеях. Инициатива, поддержанная патриархией, вновь обвинившей музейщиков в «укрывательстве краденого», вызвала ряд резких откликов в прессе. Вениамин Архангельский, директор Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, сообщил, что в 1991—1992 гг. из музея в храмы было передано около 1500 икон, и теперь епархия не всегда может ответить, где они находятся. В качестве положительного примера он привел факт передачи образа прп. Макария Желтоводского, написанного в 1661 г. Симоном Ушаковым. Передача состоялась, только когда епархия выполнила все необходимые условия, и в Макарьевском монастыре фактически был создан небольшой музей одной иконы. Кроме руководителя Третьяковской галереи Валентина Родионова в адрес инициативы критически отозвалась гендиректор Владимиро-Суздальского музея-заповедника Алиса Аксенова. Она сообщила, что в 1990-е гг. Музей передал в церкви и монастыри 726 предметов церковного обихода XVI—XX вв., в том числе 183 иконы. Спустя несколько лет выяснить судьбу большинства икон и утвари оказалось невозможным, так как в епархии нет установленного порядка учета икон.

Подобные конфликты оказались связаны со сменой поколений епископата и с восшествием на кафедры новых амбициозных архиереев, действия которых разрушали не только сложившийся порядок вещей. Кроме Ярославля и Рязани, сходные оказались характерны для Брянска, Саратова, Перми и Ставрополя. Еще в ноябре 2003 г. стало известно о конфликте между епархией и музеем-заповедником в Карачаево-Черкесии из-за древних аланских храмов середины X в. в районе поселка Нижний Архыз. Только что назначенный сюда епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан (Ашурков) предложил передать их епархии. В одном из храмов местный приход уже совершал литургию с согласия дирекции музея. Однако возможность тотального контроля над заповедником со стороны епархии вызвала беспокойство общественности, которая начала собирать подписи под обращением к главе республики с требованием не передавать храмы патриархии.

Подобным образом изменилась ситуация и в Калининградской епархии в 2009 г., после того как ее глава стал патриархом Московским и всея Руси, оставив непосредственно за собой управление бывшей вотчиной. Уже в мае того же года он лично обратился к премьер-

министру Владимиру Путину с просьбой передать РПЦ местный «кафедральный собор» — ныне музей, некогда протестантскую кирху, а еще ранее — католический костел. В сентябре список расширился: сюда попали не только несколько разбросанных по области кирх, но и здания кукольного театра и симфонического оркестра, также относящиеся к бывшей «протестантской недвижимости», а еще — ряд средневековых замков крестоносцев, в частности Георгенбург, «недвижимость католическая».

В 2005—2006 гг. по стране прокатилась серия «садово-парковых» конфликтов, связанных с претензиями епархий и монастырей на принадлежавшие им исторически территории, на которых сегодня располагаются места общественного отдыха. Конфликт отразил новую сторону культурных претензий патриархии и был связан с проблемой возвращения прихрамовых территорий. В ноябре 2005 г. возник конфликт между Саратовским отделением ВООПИК и епископом Саратовским и Вольским Лонгином (Корчагиным), только что ставшим членом общественной палаты при Президенте. Епархиальное управление и Троицкий собор обвинялись в «захвате сквера», вырубке деревьев и начале несанкционированного строительства на Музейной площади в Саратове. В своем открытом письме местной общественности епископ отвечал, что территория, прилегающая к храму, была передана ему в бессрочное пользование постановлением мэрии № 790-405 от 30 октября 2001 г. Тогда же было выдано разрешение на проектирование церковно-административного здания и благоустройство территории. Епископ писал о недостатке служебных помещений при храме и о необходимости их строительства в виде «малоэтажного здания, в котором могли бы разместиться культурно-просветительский и социальный центр». Он упомянул, что два здания, находящиеся на Старособорной, ныне Музейной, площади, занимаемые сегодня Музеем краеведения и классической гимназией, до октябрьского переворота принадлежали Церкви. Одновременно епархия выразила обеспокоенность строительством на Музейной площади торгово-развлекательного центра и возможным искажением ее облика, обвинив власть и общество в разрушении находившегося здесь памятника истории и культуры «Дом Акимова». К тому же геологические особенности местности, в частности «рост» Соколовой горы и наличие карстовых пустот, в процессе строительства могут негативно сказаться на состоянии собора.

В начале июля 2009 г. епископ Лонгин предложил передать епархии территорию, на которой расположен единственный действующий в центре Саратова стадион «Динамо». Претензии на эту территорию оказались связаны с тем, что у епархии имелся амбициозный проект строительства собственного «храма Христа Спасителя» — восстанов-

ление кафедрального собора св. блгв. кн. Александра Невского, построенного в 1815—1826 гг. Точная дата его разрушения нигде не приводится: сообщается лишь, что после окончания Второй Мировой войны «было принято решение» о строительстве на его месте стадиона. Вопрос о восстановлении собора и переносе стадиона уже поднимался в 1996 г. бывшим мэром города Александром Маликовым, но с его уходом про это забыли. В декабре 2009 г. в Саратове наметилась еще одна точка противостоянии епархии с на этот раз солидным противником: глава ГУВД Сергей Аренин предложил перенести все разбросанные по городу структуры его ведомства в комплекс зданий расформированного в 2008 г. Военного института биологической и химической защиты, расположенного в городском районе «Стрелка». Известно однако, что на этом месте находился Спасо-Преображенский мужской монастырь, о необходимости восстановления которого на историческом месте неоднократно говорили представители местного монашества…

Подобного рода скандал разразился и в Брянске. В 1968 г. в этом городе на набережной Десны был взорван кафедральный собор [14]. Новый проект нового епископа получил благословение патриарха. Для строительства Архитектурный совет решил выделить необходимую территорию, а попечительский совет возглавил губернатор Николай Денин. Однако областная дума 29 сентября 2005 г. посчитала решение горсовета о выделении гектара земли неправомерным, поскольку пятно застройки частично попадает на памятник природы «Верхний Судок», характеризующийся к тому же неустойчивостью и подвижностью грунтов. Председатель комитета по экологии Людмила Колмогорцева утверждала, что вместо профессиональной экспертизы епархией были предоставлены «какие-то сомнительные бумажки», которые думцев совершенно не убедили, как не смог их убедить и председатель правления фонда «Брянский кафедральный собор» глава «Эргобанка» Валерий Мешалкин, угрожавший привлечь паству к процедуре отзыва депутатов. В итоге епархии припомнили историю со стелой и парком.

Практически одновременно Брянской епархии была передана церковь Рождества Богородицы, расположенная ныне на территории парка-музея имени Алексея Толстого. 21 сентября, после одной из первых служб в храме, епископ Брянский и Севский Феофилакт (Моисеев), незадолго до этого назначенный на кафедру, потребовал убрать из парка 30 деревянных скульптур и уникальный фонтан «Чертова мельница», созданные по мотивам сказок Александра Пушкина. Именно

[14] *Федосов А.* Свято место пока пусто. Почему брянские депутаты препятствуют возведению кафедрального собора // Труд. 2005. 7 ноября.

они позволили парку получить статус музея, и именно их имел в виду архиерей, говоря, что «православные святыни должны окружать те изображения и ваяния, которые соответствуют православному мировоззрению, — крестные ходы и языческие идолы: водяные, лешие, русалки — несовместимы». О культурном уровне архиерея говорит и то, что он перепутал двух Толстых, заявив, что не потерпит рядом с церковью парк, носящий имя человека, отлученного от Церкви. Против сноса скульптур выступили местная общественность и губернатор области, заявивший, что область и город не пойдут на поводу у епархии на снос скульптур, ставших их визитной карточкой [15]. А в октябре в Интернете появился сайт защитников парка, «на котором можно (и нужно) внести свое имя в список протестующих против закрытия» (http://bryanskpark.org.ru). На следующий день, 22 сентября, епархиальное руководство снесло один из городских символов — стелу «1000-летие Брянска», установленную на въезде в город, и поставило вместо нее поклонный крест. Срезанная стела осталась валяться рядом, что стало полным сюрпризом для городской власти, которая, однако, не предприняла никаких правовых мер.

Только в 2010 г. архиерею удалось добиться своего. 16 февраля новый мэр Брянска заявил, что деревянная скульптурная группа и фонтан «Чертова мельница», разобранные на реставрацию, в парке восстанавливаться не будут. Впрочем, пытаясь соблюсти приличия, он объяснил свое решение не только позицией епархии, но и дороговизной реставрационных работ. При этом, по его словам, «заготовленные на реконструкцию 40 кубометров дуба даром не пропадут», поскольку, в соответствии с пожеланием РПЦ, вместо героев сказок светских в парке должен появиться герой церковной легенды — монах Александр Пересвет, один из предполагаемых участников Куликовской битвы.

Конфликт аналогичного характера случился в Екатеринбурге [16]. Женский Ново-Тихвинский монастырь, возрожденный в 1993 г., оказался расположен в центре города на территории зоны отдыха «Зелёная Роща». В ноябре 2005 г. патриарх Алексий (Ридигер) обратился к представителю Президента в Уральском округе Петру Латышеву с просьбой о передаче этих земель обители, что вызвало негативную реакцию горожан и серию публикаций в СМИ на тему: «Православная церковь хочет лишить горожан любимого парка», «Свежий воздух только для монахинь?», «Женщин — на кухню, кино — на помойку». Околоправославные круги сразу же обвинили город и журналистов в отстаивании интересов коммерческих структур.

[15] Интерфакс. 2005. 7 окт.

[16] Русский дом. 2006. 17 июля.

В марте 2002 г. епископом Перми стал Иринарх (Грезин), бывший благочинный одного из московских округов. Это назначение серьезно обострило ситуацию с памятниками православной культуры и церковным имуществом в области. Он сразу же заявил, что в решении проблемы возвращения церковного имущества Пермь лет на десять отстала от других регионов [17]. О культурном и церковно-историческом уровне нового архиерея свидетельствовало интервью с ним. На вопрос «Почему на Западе священники выбриты и подстрижены, а у нас все с бородами?» он отвечал: «Дело в том, что Иисус Христос носил бороду и длинные волосы. Этот образ Христа сохранен в православном священстве», очевидно, забыв совершенно слова апостола Павла, отражавшие практику древней Церкви: «Если муж растит волосы, то это бесчестье для него». Однако епархия тут же, в ноябре 2005 г., выступила с инициативой проведения конференция «Роль церковных искусств в возрождении духовно-нравственной жизни и культуры народа» при поддержке нефтяной компании «Лукойл-Пермь». Тогда же к Министерству обороны был подан иск о возвращении здания бывшей семинарии. Сразу обострились вопросы, связанные с выведением краеведческих музеев из бывших кафедральных соборов Перми и Соликамска. Если в Перми было найдено взаимоприемлемое решение, заключавшееся в переезде Краеведческого музея в новое здание и приспособлении его помещений, то соликамские власти отказались выводить музей из Богоявленской церкви.

В октябре 2007 г. администрация Пермского края приняла решение о перемещении коллекции Пермского областного краеведческого музея из Спасо-Преображенского кафедрального собора в здание Дома Мешкова. 28 декабря 2007 г. состоялось подписание акта о передаче епархии бывшего здания архиерейского дома, где также до этого располагался краеведческий музей. В бюджет 2008 г. была заложена и реставрация собора, проект которой уже подготовлен. Однако медлительность в этом процессе продолжает раздражать местного иерарха…

Еще ранее раздались требования вернуть епархии из Пермского краеведческого музея посох свт. Стефана Пермского [18]. В результате переговоров резчику из Великого Новгорода Матвею Гребенникову была заказана копия посоха, которая будет преподнесена в дар патриарху Алексию (Ридигеру). Обострились и споры относительно сохранности икон в пермских церквах. В июле 2005 г. директор Пермской художественной галереи Надежда Беляева заявила, что некоторые из образов, возвращённых епархии в сносном виде, «доведены до ужас-

[17] Звезда. 2003. № 13.

[18] *Черенова Т.* Святой посох спасает Россию // Жизнь. 2006. 10 марта.

ного состояния». Так, икона XVII в. «Похвала Пресвятой Богородице» из храма поселка Орел была испорчена пожилой прихожанкой, которая оттирала ее кирпичным порошком. Этот факт был признан епархиальным руководством, однако само признание произошло на фоне конфликта архиерея с местным настоятелем протоиереем Владимиром Лобановым. Против его отставки выступили сами прихожане и газета «Пермский обозреватель». Стало известно, что в начале 2005 г. из орловской церкви по распоряжению епископа Иринарха (Грезина) под предлогом реставрации была вывезена в Пермь местночтимая Иверская икона Божией Матери середины XIX в., которая так и не вернулась обратно. Прихожан возмутило, что образ был вывезен путем обмана. По мнению заслуженного работника культуры России Людмилы Коржавкиной, такое «силовое перемещение иконы, вопреки воле настоятеля церкви и прихожан, выглядело очень даже неэтично». Вывезенная икона была помещена в храм св. Иоанна Предтечи в Березниках «до решения вопроса с реставрацией». Однако в епархии циркулируют слухи, что образ планируется передать в домовую часовню во имя Иверской иконы Божией Матери на Центральном рынке Перми или даже в московский храм иконы Божией Матери «Отрада и Утешение» на Ходынском поле, где пермский архиерей является «почетным настоятелем».

Активности некоторых архиереев в возрождении своих обителей могли способствовать и внешнеполитические причины, которые, как мы видели выше, определяли и отношение российских властей к построенным за границей еще до октябрьского переворота православным храмам. Приход на Курскую кафедру архиепископа Германа (Моралина) предшествовал активизации переговоров об объединении Русской Православной церкви и Русской Православной церкви за границей. На территории это епархии находится Курская Коренная Рождество-Богородицкая пустынь, главная святыня которой, икона Знамения Божией Матери, обретенная на этом месте в 1295 г., ныне является главной святыней зарубежной церкви и пребывает в Нью-Йорке. Она была вывезена архиепископом Курским Феофаном из России в Сербию в 1919 г., в 1920 г. по просьбе генерала Врангеля находилась в Крыму, потом снова, до 1944 г., пребывала на Балканах, а в 1957 г. через Женеву прибыла в США. Еще 7 августа 1989 г. исполком Курского областного Совдепа принял решение о передаче епархиальному управлению Коренной пустыни, восстановление которой с тех пор совершалось весьма неспешно. Однако 1 апреля 2003 г. патриарх Алексий (Ридигер) обратился к православным русским в рассеянии с призывом собраться под омофором Московской патриархии, а в октябре 2003 г. Президент лично пригласил главу РПЦЗ митрополита Лавра (Шкурло)

посетить Россию, куда тот и прибыл в мае-июне 2004 г. В июле 2004—марте 2005 гг. состоялась серия консультативных встреч двух церквей, посвященных поиску путей восстановления канонического единства. В этих условиях нужно было продемонстрировать православной эмиграции не только действительное обновление церковной жизни в России, но и деятельную заботу об общих святынях. Естественным образом выбор пал на Курско-Коренную икону и ее пустынь. В том же 2004 г. был создан попечительский совет и Фонд по комплексному возрождению Коренного монастыря. Его возглавил полпред Президента в Центральном округе Г. Полтавченко. Специально к этому событию на осеннем Синоде 2004 г. архиепископ Герман освободил архимандрита Иоанна (Рудакова) от обязанностей наместника пустыни и назначил на это место «своего» иеромонаха Вениамина (Королева). Не отставал и внешнеполитический фронт. Уже 12 декабря 2004 г. в Свято-Николаевский Патриарший собор Нью-Йорка, принадлежащий патриархии, с согласия митрополита Лавра была временно принесена Курская икона Божией Матери. В сентябре-октябре 2005 г. в местной и региональной прессе активно пропагандировалась идея всероссийской помощи Коренной пустыни. В апреле 2006 г. губернатор Курской области Александр Михайлов утвердил план мероприятий по возрождению Коренной пустыни, предусматривающий выделение на эти цели 48 миллионов рублей. На 2006 г. общее финансирование работ из средств Фонда должно было составить 65 миллионов рублей. К этому времени московский предприниматель Николай Маслов, построивший на территории монастыря небольшой завод по розливу минеральной «коренной» воды, предложил часть акций предприятия передать в управление монастырю и Фонду (10 и 15 %, соответственно).

Вся эта суета могла быть объяснена лишь одним: в мае 2006 г. в Сан-Франциско должен был состояться Всезарубежный Православный собор, призванный одобрить будущее воссоединение и утвердить акт о каноническом общении. Буквально накануне Собора в Курске произошло неожиданное. В ночь с 30 апреля на 1 мая из Знаменского кафедрального собора был украден список с чудотворного образа. В похищении подозревался работник храма. 10 июня икона была найдена правоохранительными органами. 21 июня министр внутренних дел РФ Рашид Нургалиев передал патриарху Алексию (Ридигеру) возвращенную икону. Одним из результатов подписания межцерковного акта в Москве в 2007 г. стал привоз Курской иконы в Россию новым предстоятелем заграничной Церкви Иларионом (Капралом) 14 сентября 2009 г. Большую часть времени икона провела в Москве, в храме Христа-Спасителя, но 23—25 сентября была отвезена в Курск — в Коренную пустынь, где прошли основные торжества.

Внешняя политика готова повлиять и на судьбу других святынь Российского Православия. В преддверии перенесения праха императрицы Марии Федоровны (1847—1928) 26—28 сентября 2006 г. в Петербург министр культуры Александр Соколов упомянул о возможном изменении статуса Петропавловского собора, который может стать одновременно и музеем и храмом. Еще в 2005 г. эфемерный соборный приход обратился к Президенту с просьбой вернуть храм епархии. В обращении говорилось, что усыпальница императоров «незаконно эксплуатируется администрацией Санкт-Петербурга, хотя является федеральной собственностью», а поток экскурсий, приходящих посмотреть на останки династии Романовых, рассматривался как «мировой позор».

Если «спецсвятыни», предназначенные для спецопераций, находились в зоне особой заботы, то на остальные церковь и общество традиционно не обращали внимания. В январе 2006 г. разразился скандал, связанный с Успенским собором в Туле (правящий архиерей — архиепископ Алексий (Кутепов)). Этот холодный храм был предназначен только для летних служб. Проведение богослужений в условиях необычно жестоких морозов привело к многочисленным трещинам штукатурки и разрушению фресок…

* * *

Отношение к подобным явлением тех, кто должен был непосредственно следить за сохранностью памятников церковной старины, нельзя охарактеризовать иначе как противоречивое. Система госорганов охраны памятников, созданная в 2004 г., претерпела с того момента существенные изменения, однако в целом ситуация не изменилась. В рамках проведения административной реформы, согласно президентскому указу 12 марта 2007 г. № 320 «О Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия» Росохранкультура и Россвязьнадзор, подчинявшийся Ранее Мининформсвязи, были объединены. Новая служба напрямую подчиняется правительству РФ. Если Россвязьохранкультуру возглавил бывший «культурист» Борис Боярсков — из питерских «чекистов», то в остальном победили «связисты». Реформа показала, что охрана памятников в России не относится к числу государственных приоритетов, гораздо важнее оказался вопрос лицензирования СМИ.

Уже результате очередной реформы после выборов президента Дмитрия Медведева премьер-министр РФ Владимир Путин вновь из-

менил схему руководства культурой. ФАКК Михаила Швыдкого, традиционно обвиняемое в коррупции, было упразднено, а охранные функции были вновь сосредоточены в Росохранкультуре, созданной 12 мая 2008 г. и подчиненной непосредственно Министерству культуры, во главе которого встал бывший посол РФ во Франции Александр Авдеев. Федеральную службу возглавил музейщик и униформист Александр Кибовский. Естественно, многочисленные перекройки системы охраны памятников не способствовали их сохранности. Так, новый Экспертный совет по охране культурного наследия в составе трех секций — археологического наследия, достопримечательных мест и градостроительства и памятников истории и культуры — был создан лишь 12 февраля 2009 г.

Характеризуя методы хозяйствования РПЦ на объектах культурного наследия, новая структура всячески подчеркивала свое удовлетворение тем, что у памятников появляется «эффективный пользователь». Однако территориальные управления Росохранкультуры не могли не реагировать на многочисленные факты небрежения новых пользователей в отношении переданным им святынь. Северо-западное управление дважды (в 2006 и 2007 гг.) обращалось в прокуратуру по факту разрушения ледника и уничтожения росписи XVIII в. при реставрации Иверского монастыря в Новгородской епархии. Управление по Приволжскому федеральному округу в 2006 г. оштрафовало в Нижнем Новгороде приход церкви Жен Мироносиц и Благовещенский мужской монастырь на 30 000 рублей. В ноябре–декабре 2006 г. Рязанская Духовная семинария, размещающаяся в «Архиерейской гостинице» в Рязанском кремле, провела работы по замене стропил и кровли без разрешения федерального органа охраны культурного наследия — в противоречии статье 7. 14 Кодекса об административных правонарушениях РФ, в связи с чем управление по Центральному округу 2 февраля 2007 г. наложило на религиозную организацию административный штраф. Тогда же были высказаны претензии и к использованию Спасо-Преображенского и Богоявленского храмов Рязанского кремля. В 2008 г. предписание было направлено настоятелю Свято-Успенского мужского монастыря в Сарове.

11 апреля 2007 г., выступая на правительственном часе в Госдуме, М. Швыдкой говорил, что РПЦ достается непропорционально много средств, выделяемых на восстановление архитектурных памятников: из 25 000 федеральных памятников 6402 используются РПЦ, т. е. четверть, тогда как из 2 миллиардов 191 миллионов рублей, отпущенных на их реставрацию, эта четверть поглощает две трети сумм. Он говорил тогда и о содержательных проблемах такой реставрации. Ситуация не изменилась и после реформы 2008 г.

В этом году Росохранкультура провела 155 проверок состояния памятников и хода реставрационных работ, выдала 27 предписаний о приостановлении работ, рассмотрела 49 дел об административных правонарушениях и направила 6 обращений в прокуратуру. Естественно, не только в связи с церковными объектами.

4 марта 2009 г. А. Кибовский отметил, что из бюджета на памятники религиозного назначения денег выделяется в четыре раза больше, чем на светские, и выразил озабоченность тем, что качество проводимых работ не всегда удовлетворяет его ведомство, посетовав: «То, что охрана культуры является делом универсальным, понимают не все служители Церкви». Также он указал на непонимание важности контроля над процессом церковной реставрации со стороны правоохранительных органов: стоит предъявить претензии «в отношении священнослужителей, правоохранительные органы тут же отворачиваются, а батюшки пишут через архиереев гневные письма о том, что опять начинаются гонения на Церковь». В итоге «охранным органам становится неловко» говорить о нарушениях закона православными священниками, часть которых руководитель федеральной службы назвал «непросвещенным духовенством».

Однако виновато не одно лишь «непросвещенное духовенство». В марте 2009 г. Генпрокуратура РФ выявила нарушения законодательства об охране и использовании объектов культурного наследия и внесла соответствующее представление руководству Росохранкультуры. По подсчетам прокуроров, в России из-за противоправных действий граждан и организаций ежегодно утрачивается около 200 памятников, а Росохранкультура не в полной мере реализует свои функции, в частности в области надзора за работой органов госвласти субъектов РФ. Это приводит к тому, что переданные еще 1 января 2008 г. полномочия в области охраны и использования памятников фактически не исполняются в 40 субъектах РФ, а в большинстве регионов даже не определен орган государственной власти, на который возложены данные полномочия. Памятники используются без надлежащей реставрации и соблюдения требований безопасности, многие объекты культурного наследия не имеют паспортов, а утвержденные зоны охраны имеют только 8515 памятников истории и культуры федерального значения из 61395. По результатам проверок было решено привлечь к дисциплинарной ответственности виновных должностных лиц, однако сведения о принятых мерах в общество не просочились.

Очевидно под впечатлением прокурорской проверки на «правительственном часе» в Госдуме министр культуры заявил, что некоторые памятники фактически сносились под покровом ночи, а существующие меры наказания выглядят совершенно неадекватно содеянно-

му. Он уточнил, что современное законодательство не способствует привлечению виновных к ответственности. Впрочем, это вина и тех, кто формирует это законодательство, в том числе и самого министерства. Из 12 подзаконных актов, подготовленных этим ведомством к федеральному закону № 73 2002 г. об охране памятников, было приняты только четыре!

Тогда же министр уточнил, что по состоянию на 1 января 2009 г. в России на госучете состояло более 80 000 объектов культурного наследия, из них 25 757 — федерального значения, 62 384 — регионального. В октябре 2009 г. А. В. Кибовский, глава Росохранкультуры, выступая на VIII Всероссийском съезде органов охраны памятников в Екатеринбурге, фактически признал, что эти цифры ничем не подтверждены. По его мнению, на составление «паспортов» всех российских памятников культуры потребуется не менее 10 лет. А пока что не подготавливается даже предусмотренный законом ежегодный национальный доклад о состоянии охраны памятников.

18 сентября 2009 г. президент Дмитрий Медведев на заседании президиумов Госсовета и Совета при президенте по культуре поручил правительству РФ создать единый электронный каталог культурных ценностей, доступных каждому. Пожелания президента могут остаться лишь благими пожеланиями, особенно в свете последующих заявлений главы Росохранкультуры. В России не существует не только предусмотренных законном паспортов на объекты культурного наследия, но и Положения о едином государственном реестре памятников истории и культуры, который должен быть создан до 31 января 2010 г. Согласно решению совещания органов охраны памятников РФ, прошедшему 11—13 декабря 2007 г., важность составления положения о реестре была поставлена на последнее место.

* * *

Нарастание этих проблем, возникших отнюдь не вчера, никак не повлияло на набиравший обороты процесс получения патриархией имущества и объектов культурного наследия в 2007—2009 гг. Последний год министра Александра Соколова ознаменовался борьбой Рязанского музея-заповедника за свои права и его поражением, слухами о передаче РПЦ всего комплекса Соловецкого монастыря, попыткой выселить Угличский музей из Спасо-Преображенского собора, а Музей истории духовной культуры народов Западной Сибири — из бывшего Архиерейского дома в Тобольском кремле. В тоже время органы управления культурой стали более активно применять новые принци-

пы кадровой политики, которая бы позволила им избежать вовлеченности в церковно-общественные скандалы. Несмотря на то, что Рязанский музей-заповедник согласился передать епархии часть требуемых зданий в Рязанском кремле, М. Швыдкой решил упростить властям последующую приватизацию памятника местным владыкой. Своим распоряжением в декабре 2007 г. он уволил директора музея — в справедливой надежде, что новый будет более сговорчивым. Вновь, как и ранее, всю ответственность за принятие конкретных решений федеральные чиновники перелагали на местный уровень. Подобная ситуация имела место и в событиях, развернувшихся вокруг музея в Тобольске, с той лишь разницей, что тамошний музей подчинялся областным властям.

Той же осенью 2007 г. управляющий делами патриархии митрополит Климент (Капалин), выступая на объединенном заседании комиссии Общественной палаты по сохранению культурного и духовного наследия и президиума Союза музеев России, в очередной раз сообщил, что РПЦ собирается создать систему собственных музеев, по поводу чего ведет переговоры с Министерством культуры.

Возрождая традицию дореволюционных древлехранилищ, патриархия рассчитывала вовлечь в свои планы музейных сотрудников и использовать их опыт, что позволило бы в дальнейшем облегчить процесс передачи РПЦ памятников древнерусского искусства, а равно избежать новых конфликтов с музейными сотрудниками. Правда, митрополит не уточнил, что должно составить коллекции новых хранилищ, и это породило подозрения в возможной реквизиции уже существующего государственного музейного фонда. Стоит ли говорить, что ничего из сказанного не было сделано, и до сих пор в РПЦ не существует ни одного жизне- и конкурентоспособного собственного музея…

И тем не менее конец года был ознаменован «набегом» федеральных властей на федеральные музеи. 19 ноября 2007 г., на торжествах по случаю 90-летия восстановления патриаршества в России, Президент передал патриарху Алексию (Ридигеру) ковчег с Ризой Господней из собрания Музеев Московского Кремля. И музей и общество были попросту поставлены перед фактом передачи. Позднее (на епархиальном собрании Москвы 24 декабря) патриарх сообщил, что «подписан указ президента Российской Федерации о том, что все мощевики и святыни, находившиеся до сего времени в запасниках музеев Московского Кремля, будут переданы РПЦ».

Ковчег с Ризой ныне находится в храме Христа Спасителя. Приложиться к нему можно, посмотреть — нет…

Начатое в ноябре новый Президент РФ Дмитрий Медведев завершил 30 июня 2008 г., передав патриарху во время проведения очеред-

ного Архиерейского собора целый ряд ковчегов-мощевиков из Московского Кремля — в присутствии почетного караула Президентского полка. Всего было передано 9 реликвий: риза Божией Матери в уникальном ковчеге работы иранских мастеров XVIII в., гвоздь от Креста Господня, частицы мощей св. Иоанна Крестителя, св. равноап. кн. Владимира, свтт. Григория Богослова и Василия Великого, вмч. Феодора Стратилата и др. Вещи были переданы без отчуждения из музейного фонда, что должно гарантировать возможность контроля за их состоянием, однако никаких практических механизмов для осуществления подобного контроля на «территории Церкви», экстерриториальной по отношению к государству, не существует. О том, что эти реликвии так и не обрели достойного места в интерьере Успенского и Благовещенского соборов, где бы они стали доступны и почитанию и осмотру, можно только сожалеть: единый культурный комплекс, способствующий правильному пониманию российской истории, оказался разрушен. Равно достойно сожаления то, что святыни, идейно связанные с местопребыванием верховной российской власти, попали в аляповатый интерьер храма Христа Спасителя. Специалисты не раз вспоминали по этому поводу, что собрание реликвий императоров Священной Римской империи до сих пор пребывает в венской Штаатскамер…

Однако не все передачи проходили столь мирно. 19 декабря 2007 г. во время визита патриарха Алексия (Ридигера) в Николо-Угрешский монастырь директор Московского государственного объединенного музея-заповедника «Коломенское» Людмила Колесникова передала в дар обители икону-мощевик и складень середины XIX в, которые ранее достоверно принадлежали старообрядческой общине. Это вызвало возмущение некоторых руководящих органов «ревнителей старой веры» и требование «возврата церковных святынь их законным владельцам».

После громкого скандала подобные передачи стали совершаться с оглядкой. 6 ноября 2008 г. Федеральная таможенная служба РФ передала главе Русской Православной старообрядческой Церкви митрополиту Корнилию (Титову) 108 икон XVIII—XX вв., конфискованных в Шереметьево. Правда, еще до этого 82 иконы из этой «партии» были переданы РПЦ.

Определенное изменение ситуации, связанное с насыщенностью церковной жизни возвращенными предметами, еще в конце февраля 2007 г. отметил новый директор Санкт-Петербургского государственного музея истории религии Борис Аракчеев, который в одном и своих интервью сказал, что «такой агрессивной позиции: "Отдайте все!", как в начале 1990-х», у РПЦ уже нет. Впрочем, через незначительное время музей был вынужден заключить договора о передаче богослужеб-

ных предметов в «безвозмездное пользование» на 3—5 лет Казанскому собору в Санкт-Петербурге (88 предметов) и Вознесенскому собору в Царском селе (75 предметов). Заключение договоров являлось лишь формальным документированием сложившейся ситуации: эти предметы в свое время были отданы в храмы на временное хранение, но так в музей и не вернулись.

Однако не все довольствовались уже имеющимся. 10 декабря 2007 г. секретарь Ярославской епархии направил руководству Угличского государственного историко-архитектурного и художественного музея письмо с требованием в месячный срок освободить здание Спасо-Преображенского собора и передать существующую там коллекцию икон на «ответственное хранение» церкви, одновременно подав на музей в суд. Действительно, еще 29 октября Росимущество заключило с епархией договор об использовании здания, однако музею, естественно, ничего взамен предоставлено не было. Более того, директор музея Валерий Денисов не получал от «федералов» никаких официальных бумаг по этому поводу. Больше того: службы в соборе велись уже начиная с 2004 г., а благотворительные пожертвования делились между собором и музеем поровну. Очевидно, эта равночестность не пришлась протоиерею Александру Шантаеву по душе, и он решил установить в данном деле единоначалие.

Летом 2008 г. по заявлению епархии прокуратура провела проверку и сочла требование о выселении незаконным. По словам председателя комитета историко-архитектурного наследия Ярославской области Юрия Аврутова, вопрос о передаче РПЦ Спасо-Преображенского собора в Угличе находится в стадии обсуждения, поскольку здесь необходимо учитывать интересы музея, которому должны быть предоставлены равноценные площади. Всего же, по его подсчетам, с 2002 г. в Ярославской области патриархии были переданы 277 храмов и 21 монастырь.

Весной 2007 г. продолжился конфликт вокруг Архиерейского дома в Тобольском кремле, где располагался Музей истории духовной культуры народов Западной Сибири. На него претендовал местный архиерей Дмитрий (Капалин), брат тогдашнего управделами патриархии. 30 марта директор Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Е. Акулич подписал приказ о демонтаже экспозиции и закрытии музея для посещений, что нужно было сделать до 28 апреля. Выполнить приказ было невозможно технически, к тому же это было небезопасно для коллекции. Дело дошло до угроз: в книге отзывов музея неизвестным была оставлена запись «Вам стоит переехать в другое здание, а то мы взорвем вас!». 13 апреля УВД Тобольска было возбуждено уголовное дело по факту угрозы взрыва. Со-

трудники музея обратились к общественности, и 18 апреля была принята резолюция, протестующая против закрытия музея. Тогда же возник общественный Комитет спасения Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и был начат сбор подписей за сохранение музея в кремле. Правда, за это время власти успели поменять местного директора — им стала экс-заместитель главы Нижнетавдинского района Светлана Сидорова. 9 июля она успела повторить приказ о закрытии музея, однако 13 июля, после ряда общественных акций, Тюменский областной комитет по культуре отменил его. Впрочем, миссия нового директора — передать музей епархии любой ценой, для многих была очевидна…

Подобный спор в г. Старица Тверской области может разрешиться более-менее благополучно. Здесь с 1975 г. Введенский храм Успенского мужского монастыря занимал краеведческий музей. 28 августа 2007 г. состоялась церемония закладки нового здания музея, на строительство которого федеральный бюджет выделил 320 миллионов рублей. Предполагается, что к 2009 г. музей обретет новое пристанище, а в 2010 г. в Введенском храме возобновятся богослужения.

Как и в предшествующую эпоху, «забота» власти о памятниках церковной культуры оказывалась тесно связана с сиюминутными политическими интересами, в частности — с выборами в Государственную Думу, прошедшими 2 декабря 2007 г.

15 ноября 2006 г. председатель Государственной Думы РФ и одновременно председатель Высшего совета Всероссийской политической партии «Единая Россия» Борис Грызлов на встрече с митрополитом Петербургским Владимиром (Котляровым) объявил о том, что новая «партия власти» берет на себя заботу о восстановлении храма Феодоровской иконы Божией Матери близ Московского вокзала в Санкт-Петербурге. По итогам встречи был создан эффективно действующий Попечительский совет — с тем же Б. Грызловым во главе. В результате «лоббирования» интересов храма «Единой Россией» в бюджете на 2008—2010 гг. было запланировано 660 миллионов рублей на его восстановление, и уже в 2009 г. были восстановлены золоченые храмовые купола. Стоит добавить, что благодаря позиции общины и настоятеля восстановление Федоровского собора — одно их немногих реставрационных мероприятий в России, которое не вызывает претензий у общественности и специалистов.

Храм был построен в 1913 г. в честь 300-летия дома Романовых и с тех пор был своеобразным «уголком московской архитектуры» в Северной столице. В 1932 г. приход был закрыт, а помещения храма — переданы молокозаводу. Есть некоторая историческая логика в участии современной «партии власти» в реставрации здания: одна «пар-

тия власти» его построила, другая — разрушала, а третья — восстанавливает. К тому же одной из существенных проблем, которые община решить не могла, поскольку не имела ни финансового, ни тем более административного ресурса, была частная собственность на пристройки к храму.

Однако другая петербургская история, связанная с партией «Справедливая Россия», возглавляемой спикером Совета Федерации РФ Сергеем Мироновым, и созданным ею «попечительским советом», обернулась чистым фарсом. 26 декабря 2006 г. митрополит Владимир на епархиальном собрании посетовал, что епархии никак не удается добиться возобновления регулярных богослужений в соборе свв. апп. Петра и Павла в Петропавловской крепости, который, по его мнению, должен быть «кладбищем, а не музеем». Эфемерная община собора была зарегистрирована вопреки существующему законодательству еще в начале 1990-х гг. Политтехнологи подсуетились, и уже 31 января 2007 г. митрополит письменно пригласил С. Миронова принять участие в судьбе собора. 14 февраля состоялась встреча митрополита и спикера, на которой было объявлено о создании… «попечительского совета Императорского Петропавловского собора Санкт-Петербурга», который возглавил не кто иной, как С. Миронов. Главной задачей было, естественно, объявлено содействие подписанию «в ближайшее время» договора между епархией и Государственным музеем истории Санкт-Петербурга о совместном использовании Петропавловского собора и об организации в храме регулярных богослужений. В дальнейшем предполагалось создать «условия» для полноценной социально значимой приходской деятельности.

Подобная «приватизация» приходской общиной открытого для всего общества музея не может быть расценена иначе как явление антикультурное. В этом смысле политическое «обезьянничание» (а «справоросский» попечительский совет был явно скопирован с «единоросского»!) оказалось вдвойне обесцененным. В конце 2007 г. «справороссы» на думских выборах с трудом взяли 7% барьер, необходимый для проникновения в высший орган законодательной власти. На этом интерес С. Миронова к Петропавловскому собору себя исчерпал, а попечительствующий совет благополучно «почил в бозе» — до следующего политического обострения…

В целом Санкт-Петербург показал себя в это время особым городом, где вопрос о сохранении церковной старины и строительстве церковной новизны многих горожан задел за живое и явил обществу специфику отношения священноначалия РПЦ к этим проблемам. Основным местом противостояния стала Петроградская сторона.

В 2006 г. община Князь-Владимирского собора предложила построить в расположенном рядом с храмом Успенском сквере (площадью 2375 кв. м.) административный комплекс и воскресную школу. Здания высотой 10—20 м должны были занять, согласно проекту, площадь 1 196 кв. м. Против постройки выступили жители окрестных домов и некоторые общественные движения. В октябре 2006 г. движение «Зеленая волна», возглавляемое Михаилом Новицким, устроило в сквере праздник «Зеленая веточка», во время которого приглашенные знаменитости, в том числе Михаил Веллер и Борис Гребенщиков, должны были посадить несколько деревьев, что привело к столкновению общественников с духовенством и прихожанами. 26 ноября того же года губернатор Валентина Матвиенко, присутствовавшая на освящении часовни св. Александра Невского рядом с Владмирским собором, осмотрела спорный сквер и однозначно отказалась от возведения здесь каких-либо построек, пообещав собору помощь в приискании другого места для воскресной школы. Однако уже в марте 2009 г. настоятелю Владимирского собора протоиерею Владимиру Сорокину самому пришлось защищать свой храм от угрожающего строительства: проект создания многофункционального комплекса «Набережная Европы» между Тучковым и Биржевым мостами полностью закрывал вид на собор со стороны Васильевского острова и центра города, позволяя созерцать его лишь сквозь узкий «видовой коридор». Впрочем, настоятель считает протесты бесперспективными, поскольку за проектом стоят «большие деньги».

В сентябре 2008 г. Петроградка (так называют Петроградскую сторону — исторический район Санкт-Петербурга) выступила с протестом против строительства храма в честь св. блаж. Ксении Петербургской, который предполагалось возвести на месте единственного в округе сквера — на пересечении Малого проспекта и Лахтинской улицы. Было также выражено опасение, что в ходе строительства могут пострадать соседние ветхие здания. Между тем храма здесь прежде не было, просто разработчики проекта (в частности архитектор Геннадий Фомичев) полагали, что в конце XVIII в. блаженная Ксения проживала где-то поблизости.

Другой конфликт развернулся неподалеку. Еще в 2001 г. петербургский Комитет охраны и использования памятников поставил на охрану фундаменты храма св. апостола Матфея на Большой Пушкарской улице, построенного в 1790 г. и перестроенного в 1889—1890 гг. Матфеевская церковь была разрушена в 1932 г. — на ее месте был разбит сквер. В 2008 г. фонд «Православие» во главе с Сергеем Аракеловым получил в Комитете по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры разрешение на археоло-

гическое исследование фундаментов (естественно, с целью последующего восстановления храма). Это вызвало протест местных жителей, озабоченных сохранением зеленой зоны в центре города, которые не были согласны ни с проведением раскопок, ни с будущим строительством. Летом того же года горожане отправили соответствующее письмо в администрацию Санкт-Петербурга, собрав более 100 подписей под ним. Радетели строительства обвиняли своих противников, выгуливавших на месте бывшего храма собак и детей, в кощунстве. Однако после того, как выяснилось, что фонд «Православие» не имеет разрешения-благословения от епархии на организацию в планируемом храме приходской жизни и что С. Аракелов не рассчитался с археологами за проведенные исследования, дело о Матфеевском храме само собою заглохло.

Подобные протесты горожан против «церковного строительства» в свободных зонах хорошо вписываются в местную гражданскую активность против «уплотнительной застройки» вообще. Известен единственный протест горожан с околорелигиозной мотивировкой против нецерковного строительства, отчасти поддержанный епархией. 2 июля 2008 г. рядом со станцией метро «Ломоносовская» состоялся митинг против строительства здесь торгово-развлекательного центра «Микромир». Поводом для протеста послужила информация, что непосредственно здесь и поблизости располагались православное кладбище, Преображенский собор и церковь Святого Духа, что были снесены в тридцатые годы прошлого века.

Нужно упомянуть еще одно событие. Осенью 2008 г. игуменья Новодевичьего монастыря в Петербурге София (Силина) обратилась в правительство Петербурга и его Законодательное собрание с протестом против строительства компанией «ЛЭК» высотного комплекса «Империал» в районе Киевской и Черниговской улиц. По мнению игуменьи и сестер, строительство в охранной зоне монастыря зданий высотой 74 метра портит вид на храмовый комплекс, являющийся памятником федерального значения. По ее мнению, новые постройки вокруг монастыря разрушают храмовую доминанту купола главного монастырского собора. Из письма настоятельницы следовало, что проектно-сметная документация не прошла необходимых согласований, строительные работы велись без разрешения, была нарушена санитарная охранная зона Новодевичьего кладбища, проект не обсуждался на общественных слушаниях, отсутствовала виза федеральных органов охраны памятников. Согласно проекту «Правил землепользования и застройки», высота зданий в данном районе не может превышать 35 м. Однако разрешение на строительство было дано Комитетом по градостроительству и архитектуре еще 27 февраля 2006 г.! Эта история по-

казательна для отношения городской администрации к своему городу, но тема охраны памятников в Петербурге эпохи Валентины Матвиенко несомненно заслуживает отдельного разговора…

Ревность игуменьи Софии о сохранении монастыря в качестве пространственной доминанты была бы похвальна, если бы не была столь избирательна и эгоистична. Если бы не непосредственная «угроза» собственной обители, строительство вряд ли бы вызвало монашеские протесты. Пример тому — гробовое молчание и духовенства, и митрополита, и патриарха по поводу строительства пресловутого «Охта-центра» в Петербурге. Здесь как нигде пригодилась бы фраза из игуменского письма: «высотность жилых зданий 74 м при высотности Казанского храма до 20 м, Воскресенского собора 43 м, проектируемой колокольни 57 м нарушает традиционные принципы городского зодчества Санкт-Петербурга». Между тем высота газовой высотки (403 метра!) в 5 с половиной раз превосходит высоту «Империала», вызвавшего недовольство новодевичьих сестер.

Молчание Петербургской епархии по поводу предполагаемого строительства башни Газпрома — один из наиболее характерных примеров демонстрируемого московской патриархией равнодушия к судьбам культуры, а равно и нежелания вступать в конфликт с властными структурами. Редкие исключения лишь подтверждают правила. В сентябре 2007 г. приглашенный на заседание Градостроительного совета председатель Епархиальной комиссии по архитектурно-художественным вопросам игумен Александр (Федоров), ссылаясь на достоверный факт существования на месте будущего строительства храмов и кладбищ, высказался (правда, в частном порядке) следующим образом: «в цивилизованном обществе полагается учитывать мнение и Церкви и народа о том, имеет ли смысл вообще строить на месте церквей и захоронений». По поводу самого проекта он заметил, что «любое вторжение в невскую панораму губительно».

Предлагаемый «газоскреб», который стремится вознестись «главою непокорной» много выше знаменитого Александрийского столпа, нарушает не только существующий высотный регламент. Подавляя купола Смольного собора, он нарушает устоявшуюся традицию, ограничивающую высоту зданий в центре города не столько крышей дворца царя земного, сколько главой храма Царя Небесного. Впрочем, было бы странно, если бы в светском государстве строительство регламентировалось соображениями подобного рода: ведь еще Устав строительный, принятый в Российской Империи, 198-ой статьей своей соотносил высоту зданий не с вертикалями храмов, но с шириной улиц. И тем не менее православный голос в защиту местных традиций мог бы занять достойное место в петербургском хоре несогласия.

Молчание можно было бы объяснить привычным сервилизмом епископата, для которого Газпром и госвласть есть основные источники материальной и политической выгод. Однако к проблеме стоит подойти и с культурологической стороны. Пользуясь архетипами церковной истории, я не могу рассматривать проект строительства небоскреба на невских берегах иначе, чем акт иконоборчества, направленный на уничтожение образа града святого Петра. Иконоборчество всегда было императорской ересью, в которой охотно принимало участие провинциальное духовенство. Однако в каждую эпоху иконоборчество имело свои конкретно-исторические причины, и в данном случае они видятся нам в глубинной и подсознательной неприязни к городу и его культуре со стороны его руководителей.

Одно из главных действующих лиц этой истории, представляя проект, высказалось в том духе, что «горожане должны быть счастливы», когда к ним приходит такая компания, как Газпром. Сказанное — проговор по Фрейду. Подобная позиция противопоставляет руководителей города всему остальному городскому сообществу. Из-под спуда культурных наслоений подчас выглядывает мелкий провинциал, которому чужд культурный облик имперской столицы. Подобное можно объяснить проблемами индивидуального характера, в духе знаменитого лермонтовского:

И что за диво?.. Издалека...
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы… —

и так далее. Только дело, увы, не в отдельных персонах, но в резком общем изменении культурного фона города, а также в провинциализации его руководства (в том числе и церковного). Глубинное противостояние старого города и новых горожан — закономерный итог миграционных процессов, зорко подмеченный выдающимся исследователем русской культуры Александром Михайловичем Панченко, процитировавшим известные строки: «Питер меня вытер, а я ему отомстил — в лаптях по Невскому походил». Сегодня лапти приобретают форму дерзких небоскребов…

Изменение культурной среды Петербурга хорошо почувствовала Елена Шварц, истинно петербургский поэт, которая написала в поэме «Черная пасха»:

Я думала — не я одна, —
Что Петербург, нам родина, — особая страна,

Он запад, вброшенный в восток,
И окружен, и одинок...
Но рухнула духовная стена —
Россия хлынула — дурна, темна, пьяна.
Где ж родина? И поняла я вдруг:
Давно Россиею затоплен Петербург...
Где ж картинка голландская, переводная?
Ах, до тьмы стая мух засидела, родная,
И заспала тебя детоубийца —
Порфироносная вдова,
В тебе тамбовский ветер матерится
И окает, и цокает Нева…

Сегодня разрушение Петербурга продолжается, и митрополия культурной столицы России немало способствует тому — своим отношением к происходящему. Впрочем, не только митрополия, но и патриархия. Так совпало, что на время одного из последних визитов патриарха Кирилла (Гундяева) в Санкт-Петербург, а именно 10 октября 2009 г., пришлось не только самое крупное выступление горожан против строительства «Охта-центра», но и начало прокурорского расследования по поводу него, начатое по запросу министра культуры А. Авдеева. Его Святейшество был в курсе. И жил он близ Охты, и служил в тот день на Охтинском кладбище панихиду по своим родителям — протоиерею Михаилу и Раисе. И люди шептались: «Он же умный, он же питерский, ну не может он не высказаться, такой день, одно к одному сходится». Но патриарх не высказался — ни кулуарно, ни в прессе. Зато о ту же самую пору председатель правления ОАО «Газпром» Алексей Миллер был приглашен на 200-летний юбилей Духовной Академии.

Молчание патриарха объясняется не только тем, что все «питерские», переезжающие в Москву, перестают быть «питерскими» и становятся «московскими», коих судьба петербургской культуры уже не занимает. В этой истории патриарх ясно продемонстрировал свои общественные приоритеты: вопросы сохранения Петербурга и его культуры днесь подчинены «добрым отношениям» с властями предержащими и крупным бизнесом, поскольку именно от них зависит материальное благополучие властей церковных. Впрочем, как известно, подобной болезни подвержено не только священноначалие РПЦ, но и другие замкнутые профессиональные объединения. За строительство «Охта-центра» публично высказались некоторые культработники Петербурга, в частности, М. Боярский и В. Гергиев. А группа ведущих россий-

ских археологов не только признала «недостаточно обоснованным с научной точки зрения и практически неосуществимым с точки зрения методов консервации и сохранения объектов наследия предложение по сохранению фортификационных сооружений» Ландскроны и Ниеншанца ««in situ» на значительной площади в рамках археологического музея-заповедника», допустив лишь «возможность музеефикации отдельных элементов построек и фрагментов фортификационных сооружений на участке строительства» [19], но и выразила готовность раскопать средневековые укрепления «на снос», что уничтожает выявленные объекты культурного наследия и расчищает дорогу будущему строительству.

Все это происходило на фоне празднования 150-летнего юбилея Императорской Археологической комиссии, наследницей которой является вся современная отечественная археология. В свое время председатель Комиссии А. А. Бобринской не боялся выступить против строительства «доходных и безобразных небоскребов» в исторических городах России. Впрочем, 17 января 2010 г. группа ученых, среди которых археологи академик А. Н. Деревянко и профессор А. Н. Кирпичников, обратилась к министру культуры РФ А. А. Авдееву с просьбой принять меры к сохранению объектов археологического наследия на месте предполагаемого строительства «Охта-центра», ссылаясь на историко-культурную экспертизу значимости открытых памятников и реальной возможности их сохранения, ранее проведенную Институтом истории материальной культуры РАН.

* * *

В целом 2008 г. прошел неожиданно спокойно. И не только из-за насыщенности рынка духовных потребностей церковной стариной. Этому существовало политическое объяснение: новые премьер и президент формировали основы своей дальнейшей деятельности, а общество к этому внимательно присматривалось. К тому же основные силы патриархии были брошены на организацию искусственного юбилея 1020-летия Крещения Руси. Юбилей был задуман в Киеве как средство консолидации украинского Православия, однако в Москве решили сделать все, чтобы представить патриархию главным действующим

[19] Протокол № 2 заседания секции археологического наследия Экспертного совета по охране культурного наследия при Федеральной службе по соблюдению законодательства в области охраны культурного наследия от 13 ноября 2009 г. под председательством директора Института археологии РАН, члена-корреспондента РАН Н. А. Макарова.

лицом данного события. Лишь защитники Рязанского кремля были постоянно теснимы властями и местным епископом в рамках того процесса, что был запущен с увольнением директора музея Л. Максимовой в конце 2007 г.

Впрочем, передача президентом РФ Дмитрием Медведевым ковчегов с мощами — из Московского Кремля в храм Христа Спасителя — во многом задала вектор будущего развития. Передача состоялась 30 июня 2008 г., а уже осенью в нашей истории произошло несколько важных событий. Еще в июне Нижегородская епархия обратилась в Министерство культуры с просьбой передать икону «Богоматери Владимирской Оранской» в Оранский мужской монастырь. Икона, список с Владимирской Богоматери из Успенского сбора Московского Кремля, была создана в 1634 г. и стала духовной основой созданной в местности Орано поле пустыни (с 1866 г. — общежительного мужского монастыря). В 1920 г. монастырь был закрыт, и в последнее время икона хранилась в фондах Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Однако в 1993 г. обитель была возрождена, и к 2008 г. здесь завершился первый этап восстановления церковных зданий.

В соответствии с распоряжением нового министра культуры РФ А. Авдеева за № 1543-01-57/07 от 21 августа 2008 года Владимирская Оранская икона Божией Матери передавалась Нижегородской епархии. О подробностях события рассказали на совместной пресс-конференции архиепископ Нижегородский Георгий (Данилов) и руководитель Росохранкультуры по Приволжскому федеральному округу Дмитрий Мусин. Икона передавалась епархии на три года — при условии контроля над ее состоянием со стороны музейных работников. В случае надлежащего с иконой обращения срок передачи мог быть продлен. При этом было отмечено, что епархия выполнила все требования, касающиеся безопасности и температурного режима хранения. Подобный опыт у епархии имелся: в 2005 г. Макарьевскому Желтоводскому монастырю была передана икона основателя данного монастыря — прп. Макария; состояние ее за истекшие три года не вызвало нареканий специалистов. 5 сентября икона Божией Матери была перенесена в Спасский кафедральный собор Нижнего Новгорода, а 8 сентября — в монастырь в селе Оранки, где была помещена в зимний храм Рождества Пресвятой Богородицы. А. Авдеев был назначен на должность министра 12 мая, и это был его первый самостоятельный ход в отношениях с РПЦ, ввиду чего он решил присутствовать на передаче лично. При всем при том и общество и сам чиновник прекрасно понимали, какой «месседж» формулировала власть, назначая министром культуры профессионального дипломата.

10 сентября 2008 года, сразу после поездки министра в Нижний, состоялась его первая встреча с патриархом Алексием (Ридигером). Кроме разговоров о возможности передачи иконы Ветхозаветной Троицы, приписываемой руке прп. Андрея Рублева, из Третьяковской галереи в Троице-Сергиеву лавру, обсуждался вопрос и о важности правильной реставрации переданных патриархии храмов.

Последняя проблема не переставала быть одной из драматичных. Заместитель министра культуры Андрей Бусыгин, выступая 30 октября на научно-практической конференции Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, предложил РПЦ самой готовить в своих учебных заведениях специалистов по реставрации и охране памятников старины, что в будущем должно облегчить создание в храмах музеев и древлехранилищ.

В тот же день патриарх направил официальное письмо в Государственную Третьяковскую галерею с просьбой передать икону Троицы в Троице-Сергиеву Лавру — на время престольного праздника. Общее мнение расширенного реставрационного совещания, основывавшееся на физическом состоянии иконы, было практически единогласным — икону нельзя перемещать за стены хранилища. Общим было и мнение, что «если бы мы были цивилизованной страной, министр, осмелившийся озвучить это предложение, на следующий день подал бы в отставку». Музейные чиновники не рискнули войти в конфликт с ведущими экспертами в области иконописи и реставрации. Патриарху вежливо отказали. 5 декабря патриарх скончался… Совершившийся отказ словно подвел итог его культурной политики.

С избранием в 2009 г. нового патриарха Кирилла (Гундяева) на церковно-музейном фронте воцарилось некоторое затишье, подобное тому, что случилось в 2008 г. при смене государственной власти. Пожалуй, только в Пскове ситуация накалилась в связи с неопределенностью судьбы Спасо-Мирожского монастыря — с уникальным Преображенским храмом и фресками XII в. Два события начала года практически совпали: 17 февраля в Псков прибыл новый и. о. губернатора Андрей Турчак, а 19 февраля заместитель министра культуры А. Бусыгин направил в администрацию Псковской области письмо № 1001-01-55\5-АБ, в котором говорилось, что «органы исполнительной власти Псковской области неправомерно распорядились федеральной собственностью, закрепив объекты монастыря на праве оперативного управления» за местным музеем. Ведь еще 1 декабря 2007 г. появилось распоряжение территориального управления Росимущества о передаче заповедника в казну РФ. Здесь же сообщалось, что Псковская епархия обратилась в министерство с просьбой передать ей монастырский комплекс, «исключив» из него только Спасо-Преображенский собор.

Министерство «полагало целесообразным рекомендовать администрации Псковской области провести согласительное совещание с участием представителей всех заинтересованных сторон для выработки консолидированного решения по указанному вопросу». «Передача в казну», по аналогии с событиями в Костромском музее-заповеднике, рассматривалась в Пскове как однозначный предлог для передачи всего комплекса зданий РПЦ. Государственный комитет Псковской области по культуре (в лице его тогдашнего председателя Натальи Сергеевой) возражал по поводу передачи архитектурного ансамбля Мирожского монастыря в пользование епархии.

Возможность такой передачи вызвала недовольство местной общественности, которая скептически относилась к способностям митрополита Евсевия (Савина) распоряжаться памятниками культуры. Это мнение разделяли и московские реставраторы, в частности Владимир Сарабьянов, давший обширное интервью газете «Псковская губерния», и Савва Ямщиков. Незадолго до кончины, заставшей его в Пскове 19 июля 2009 г., он с болью говорил о «безразличии представителей церкви к градостроительной политике отдельных начальников и чиновников, позволяющих возводить жилые дома, театры, магазины рядом с редкими по красоте церквями». По его мнению, священноначалие Псковской епархии словно не замечает трагедии гибнущего древнего города, но только подливает масла в огонь своими неадекватными поступками. Говорил он и о церкви Богоявления в Запсковье XV в., подвергшейся евроремонту (!).

Не менее категоричен был и губернатор, возглавивший весной 2009 г. попечительский совет по восстановлению Мирожского монастыря, который заявил, что Псковская епархия не способна «правильно, грамотно и профессионально не то чтобы восстанавливать фрески Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря, а просто содержать собор в должных условиях температурного режима и режима влажности». Поэтому реставрацией будет заниматься музей, а епархия, как и ранее, «раз в год будет проводить там службы, не более того». Впрочем, это произошло после того как из федерального бюджета Псковской области было выделено 45 миллионов рублей на реставрацию памятников культуры. Новый глава областного комитета по культуре Зинаида Иванова заявила, что хранителем собора останется Псковский музей-заповедник, а остальные объекты монастыря (Стефановская церковь, дом настоятеля, братский корпус) останутся в безвозмездном пользовании монашеской общины. Однако «безвозмездное пользование» протекало далеко не безоблачно. В 2008 г. монастырский настоятель иеромонах Николай (Биличенко) вознамерился орга-

низовать «православное кафе» в охранной зоне Мирожи рядом со Стефаниевской церковью.

Это были не единственные проблемы Псковской епархии. За год до того комиссия управления Россвязьохранкультуры по Северо-Западному федеральному округу, приехавшая в Псков 6 декабря 2007 г., подтвердила существенные «нарушения» в епархиальной реставрации храма св. ап. Иоанна Богослова XVI в. в Савво-Крыпецком монастыре, основанном в 1485 г. и закрытом в 1923 г. Собственно, еще 28 сентября 2007 г. председатель псковского отделения ВООПИК Ирина Голубева, ее заместитель Антонина Тарасова, археолог Борис Харлашов, архитектор-реставратор Галина Гофман и начальник отдела охраны объектов культурного наследия комитета Псковской области по культуре и туризму Людмила Солдатенко посетили монастырь и увидели, что в ходе проводимой «реконструкции» памятник церковной старины XVI в. оказался фактически уничтоженным. Реставрация велась безо всякого проекта; монастырский архитектор Александр Кузнецов прямо заявил, что «главный архитектор» здесь отец наместник — архимандрит Дамаскин (Сахнюк, 1946—2007) из постриженников Псково-Печерского монастыря. В результате его «архитектуры» была разрушена старинная галерея, соединявшая собор и колокольню — на ее месте возник новодел; трапезный храм был надстроен современным кирпичом, а древняя кирпичная кладка была обмазана цементом, который ее погубит. В Святом озере били фонтаны, соответствующие провинциальному вкусу настоятеля… Монастырь собирался согласовать новоделы задним числом.

Никто не понимал сути претензий, полагая, что если разрушается старый храм, надо просто построить новый, поскольку монастырь «должен развиваться». 27 октября 2007 г. информационная служба Псковской епархии ответила агрессивной отповедью на сформулированные претензии «общественных проверяющих». Она заявила, что работа шабашников обходится раз в двадцать дешевле, чем реставрационные услуги псковских организаций. Говорилось также, что неверующий человек, который относится к монастырю как к памятнику, «не понимает сути Православной веры и не принимает законов нашей Церкви, не может заниматься реставрационными работами такого уровня». Из всего сказанного в епархии поняли, что главная суть претензий — в том, что работы были проведены без разрешения, а не в том, что уничтожается церковная старина. Так думают не только во Пскове, за этим скрывается официальная позиция священноначалия РПЦ. Дальнейшее развитие драмы было перервано свыше. 29 ноября архимандрит погиб в ДТП буквально в нескольких километрах от монастыря…

На этом фоне появилось сообщение о возможности скорой передачи РПЦ собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря — с сохранившимися фрагментами уникальных фресок начала XIV в. Еще в январе 2007 г. председатель Государственного комитета Псковской области по культуре Виктор Остренко провел рабочее совещание по данной проблеме. Было предложено разработать проект использования храма; только после этого можно было бы вести разговор о передаче собора монастырю.

Еще в 1996 г. было подписано соглашение с монастырем о возможности проведения в храме единственной службы в году (на престольный праздник). Во время посещения монастыря комиссией Россвязьохранкультуры в декабре 2007 г. епархия выразила просьбу о восстановлении высокого иконостаса, а также о возобновлении в соборе регулярных богослужений. Тогдашний глава Северо-западного управления В. Калинин считал, что главное в решении вопроса — «правильно составленные охранные договора», а не их исполнение. Однако органы охраны ничего не сказали по поводу строительства в монастыре огромного четырехэтажного корпуса, закрывавшего вид на Рождественский собор: меж тем по проекту корпус был двухэтажный. Впрочем, к началу 2010 г. никаких изменений в статусе храме не произошло.

Недоумение вызывало не только отношение псковского духовенства к собственной исторической памяти, но и к современному церковному искусству. Так, печальная судьба ожидала иконостас работы известного иконописца архимандрита Зинона (Теодора), созданный в 1988 г. для придела прп. Серафима Саровского в Свято-Троицком соборе Пскова. В 2008 г. стало ясно, что иконостас разрушается, в том числе и из-за проведенной в собор в 2003 г. системы отопления. Поскольку епархия не предпринимала никаких мер для спасения иконы, 5 ноября в малом зале Псковского областного Собрания депутатов прошел круглый стол, на котором обсуждался вопрос о постановке на государственную охрану икон работы архимандрита. Удивляла не только позиция епархии, но и то, что «реставрация» икон была поручена Александру Кетросану, местному иконописцу, в чьей компетентности приходилось сомневаться. Состояние и судьба этих икон остаются неизвестными…

* * *

Мнимое затишье 2008—первой половины 2009 г. в области передачи памятников церковной старины для нужд РПЦ и патриархии обернулось очередной бурей в конце того же года, чтобы продолжить-

ся и в следующем. Похоже, процесс поиска нового курса, вынесенный в заглавие этой главы, завершился. Курс был найден.

Однако для создания цельной картины происходящего стоит несколько переместиться во времени. Взирая на повседневные споры о культуре и принимая в расчет экономические сложности нового времени, власть убедилась в необходимости закрепить решение указанных проблем на законодательном уровне, как если бы передача имущества религиозным организациям *не в пользование, но в собственность* снимала с государства ответственность за охрану памятников культуры и существенно облегчала финансовое бремя их реставрации.

В череде событий, сопутствующих процессу передачи патриархии памятников старины в «эпоху Путина», знаковой стала встреча Президента с членами Архиерейского собора 6 октября 2004 г. Характерно, что право задать ключевой вопрос было предоставлено архиепископу Тобольскому и Тюменскому Дмитрию (Капалину), родному брату тогдашнего управделами патриархии митрополита Климента. Епископ попросил принять «специальный закон о возвращении в собственность церковного имущества». Он подчеркнул, что речь не идет о полной реституции, но нужно определить рамки будущего процесса возвращения церковной собственности. Он указал на первостепенную важность возвращения икон и святынь из музейных собраний, а также передачи вместе с храмами имущественной «инфраструктуры», обеспечивающей социальную деятельность церкви. Возможные исключения и особый подход касались объектов, внесенных в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В ответном слове Президент предложил восстанавливать историческую справедливость исходя из реалий современности: «Вопрос в том, как это сделать аккуратно, чтобы не навредить ткани отношений, которые сложились на сегодняшний день в обществе, не навредить самим объектам». Если сегодня вернуть все, то церковь будет просто не в состоянии это «все» восстановить и содержать. Но готовить такое решение, безусловно, нужно. Президент пообещал «эту тему потихонечку двигать дальше» вместе с патриархом.

Знали ли участники диалога, что в сентябре 2004 г. в Министерстве экономического развития уже были готовы концепция и проект подобного закона, получившего название «О передаче находящихся в государственной или муниципальной собственности зданий и сооружений религиозного назначения, а также земельных участков, на которых расположены указанные здания и сооружения»? Законопроект был направлен на формирование открытых процедур предоставления имущества, предназначенного для использования в функциональных целях только религиозными организациями. Он предусматривал, что передача в собственность объектов недвижимости, являющихся объектами

культурного наследия, должна осуществляться с соблюдением порядка, предусмотренного статьей 29 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества». Этой статьей предписывалось, что объекты культурного наследия могут приватизироваться при условии их обременения обязательствами по содержанию, сохранению и использованию. Охранное обязательство оформляется одновременно с заключением сделки приватизации (в случае с религиозной организацией — одновременно с принятием решения о передаче имущества в собственность). Оно должно включать в себя требования к содержанию объекта культурного наследия, условия доступа граждан, порядок и сроки проведения реставрационных работ. Однако сами «требования» до сих пор продолжают оставаться неопределенными. Предусматривалось, что переход прав на имущество религиозного назначения, обремененное охранным обязательством, не влечет за собой прекращение этого обязательства, а ограничения прав собственника, предусмотренные им, простираются вплоть до их отмены. Характерно, что именно в этих условиях со стороны правительства устами А. Себенцева был поставлен вопрос об установлении «пределов полномочий контролеров и прав самой религиозной организации при проведении контрольных мероприятий»[20].

Вопросы о практике передачи имущества религиозным организациям в контексте новых законодательных инициатив рассматривались уже на заседании Комиссии по вопросам религиозных объединений при правительстве РФ 18 февраля 2005 г. Эпоха председательства в Комиссии министра культуры Александра Соколова полностью преобразила культуру ее взаимоотношений с обществом — деятельность Комиссии осуществлялась гласно и прозрачно. К заседанию была подготовлена Справка к вопросу о существующем порядке передачи. Здесь отмечалось, что статья 63 Федерального закона № 73-ФЗ, вводя мораторий на приватизацию объектов культурного наследия, не имеет в виду запрета на передачу их в собственность религиозных организаций. Вместе с тем указанный мораторий запрещает регистрацию прав собственности на объекты культурного наследия. Поэтому, исходя из требований Закона от 23 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», передача любого объекта культурного наследия в собственность или пользование противоречит законодательству.

---

[20] Преодолевая государственно-конфессиональные отношения: Сб. статей / Под общ. ред. С. Н. Градировского. Нижний Новгород, 2003. С. 97.

Подготовленная справка позволила сделать общественнозначимое заключение, что в современных условиях законодательная инициатива «О передаче в собственность религиозных организаций находящихся в государственной или муниципальной собственности культовых зданий и сооружений» представляется излишней, а текст законопроекта не содержит новых правовых норм, хотя имеет несомненное стимулирующее значение. Оценивая существующую практику передач, Росимущество указывало, что процедура требует подачи в общем пакете документов именно проекта охранного договора, а не уже подписанного документа. Приводилась некоторая статистика за 2001—2004 гг.: в территориальные управления Росимущества поступило 415 обращений от религиозных организаций о передаче объектов культурного наследия религиозного назначения, по 133 обращениям заключены договоры безвозмездного пользования, по 5 были даны мотивированные отказы, по 30 обращениям даны промежуточные ответы из территориальных управлений, без рассмотрения осталось 100 обращений.

Однако за полгода ситуация изменилась, возможно из-за давления сверху. На заседании Комиссии 24 июня 2005 г. вновь шла речь о проблемах передачи имущества религиозным организациям. Минэкономразвития России совместно с Минюстом России и Росрегистрацией было предложено при участии заинтересованных сторон проработать предложения о внесении изменений в существующее Положение о передаче. Основные претензии были высказаны Роскультуре, в частности, в области соблюдения сроков рассмотрения проектов решений правительства, направляемых в этот орган на согласование, а также о необходимости обязательного участия его представителей в заседаниях Комиссии. Было рекомендовано, очевидно, по горячим следам событий вокруг Ипатьевского монастыря в Костроме, подготовить предложения о порядке рассмотрения обращений религиозных организаций, претендующих на имущество, в котором размещаются музеи субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Несмотря на то, что еще в феврале принятие нового закона было признано нецелесообразным, Минэкономразвития было предложено разработать и представить на рассмотрение Комиссии в сентябре-октябре 2005 г. проект концепции федерального закона, регулирующего вопросы передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения. Также было сообщено и о разработке Минкультуры России проекта федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия» в части ответственности владельцев указанных объектов за нарушение положений охранных обязательств.

К этому заседанию Комиссии была предложена очередная справка Росимущества к вопросу о проблемах передачи и предложениях по со-

вершенствованию нормативно-правовой базы, регулирующей эту передачу. Были отмечены проблемы, связанные с передачей патриархии объектов технического назначения, построенных на территории культовых зданий в советский период. Предполагалось, что в законодательстве необходимо предусмотреть возможность передачи религиозным организациям зданий с пристройками и надстройками как «неотделимыми улучшениями» в виде единых имущественных комплексов. Предлагалось уточнить перечень объектов, подлежащих передаче, в том числе упоминаемое в распоряжении № 490 понятие «иные культовые комплексы». Это предложение было вызвано тем, что Роскультура не согласовывала передачу указанных объектов, обосновывая свой отказ тем, что они используются в религиозных целях.

Было отмечено, что согласование вопросов передачи с Роскультурой занимает по времени от 1,5 до 6 месяцев, значительно тормозя весь процесс. К тому же этот орган не согласовывает передачу религиозного имущества, когда в объектах находятся музеи субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, и требует предоставления федеральных площадей для перевода областных и республиканских музеев. В своем ответе на претензии (№ 02-11-818пр от 20 сентября 2005 г.) в аппарат правительства заместитель руководителя Роскультуры А. Голутва признал, что срок рассмотрения проектов решений правительства о передаче религиозных памятников не должен превышать 30 дней. Однако вопрос освобождения культовых памятников связан с судьбой расположенных в них учреждений культуры, вывод которых требует времени и больших финансовых затрат. Поэтому, в качестве промежуточной стадии, религиозным организациям традиционно предлагается вариант совместного использования здания на основе соответствующего договора.

Одной из проблем было признано и то, что в большинстве случаев подразделения Росрегистрации отказываются регистрировать право безвозмездного пользования, поскольку Гражданским кодексом не установлены требования об обязательной государственной регистрации договора пользования как сделки. Сторонники регистрации указывали, что в силу статьи 131 Гражданского кодекса и статьи 4 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» право, возникающее на основании договора безвозмездного пользования, является ограничением права собственности и подлежит государственной регистрации в Едином государственном реестре прав. Такая регистрация может производиться по инициативе лица, не являющегося правообладателем, в том числе и по заявлению религиозной организации.

Непосредственно после заседания управделами патриархии митрополит Климент (Капалин) прокомментировал существующие проблемы. Среди них он отметил сложность получения религиозного имущества в собственность. Дальнейшая судьба передаваемых объектов, по его словам, зависела от разделения государственной собственности на федеральную и муниципальную, что до сих пор законодательно не закреплено, тем более что муниципалы охотнее передают культовые здания в собственность церкви. Митрополит упрекнул Федеральный закон «Об объектах культурного наследия» в том, что он тормозит и без того громоздкую процедуру передачи, и отметил, что нынешнее законодательство не предусматривает специальной формы передачи изъятого в свое время имущества религиозных организаций. Из этого выступления стало очевидно, что предложение разработать специальный закон, который регулировал бы вопросы возвращения имущества религиозного назначения, исходило непосредственно от патриархии.

Новый законопроект и концепция вновь рассматривались на заседания Комиссии 25 октября 2005 г. Проект Закона «О передаче находящихся в государственной или муниципальной собственности зданий и сооружений религиозного назначения, а также земельных участков, на которых расположены указанные здания и сооружения» включал в себя всего 4 статьи. Первая утверждала, что религиозные организации имеют право безвозмездно приобрести в собственность для использования в функциональных целях здания, построенные для совершения богослужений и религиозного образования. Ограничения вводились для объектов, которые закреплены за учреждениями или предприятиями на праве оперативного управления или хозяйственного ведения. Таким образом, в проекте речь шла не о восстановлении прав собственности, а об их приобретении вновь. В том случае, если эти объекты уже переданы в безвозмездное пользование, право возникает автоматически с момента вступления в силу федерального закона. Передача в собственность предусматривала обращение религиозной организации в уполномоченный орган. Ограничения были предусмотрены в соответствии с Законом № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», в частности статьями 31 и 29, касающимися возможного обременения и самой процедуры. Для принятия решения отводился двухмесячный срок при наличии оснований для передачи, под которыми понимались функциональное назначение, конфессиональная принадлежность и отсутствие пользователей. Передача объектов культурного наследия сопровождалась обременением по сохранению, содержанию и использованию в соответствии с «требованиями», которые так и не были сформулированы законодательно.

Концепция проекта свидетельствовала о необходимости установления единообразного порядка передачи культовых зданий и сооружений религиозным организациям на праве собственности или безвозмездного пользования. Несмотря на то, что в феврале признавалось, что к настоящему времени сложилась детально проработанная процедура передачи имущества религиозным организациям, новая концепция отмечала, что в стране не были законодательно установлены многие важные моменты, связанные с такой передачей. К подобным моментам были отнесены критерии признания религиозного имущества таковым; критерии выбора способа передачи имущества в собственность или в пользование, основания для прекращения договора о безвозмездном пользовании; порядок инициирования передачи; исчерпывающие требования к документам, подтверждающим права религиозных организаций; порядок и критерии передачи имущества, не имеющего религиозного назначения, но необходимого религиозным организациям для осуществления своих функций и связанного с объектом религиозного назначения по территориальному, архитектурному или иному признаку; порядок рассмотрения ходатайств о передаче имущества; основания отказа в их удовлетворении; особенности порядка передачи имущества религиозным организациям, если оно уже используется государственными или муниципальными органами; согласительные процедуры урегулирования отношений с фактическими пользователями имущества, являющегося объектом передачи, и др. По мнению разработчиков, процедура не должна была нарушать принцип безвозмездности передачи, однако не могла и препятствовать религиозным или общественным организациям оказывать содействие фактическим пользователям имущества в поиске иного места размещения.

Закон и концепция были приняты за основу. Законопроект было рекомендовано включить в план деятельности правительства на 2006 г. Эта тема была продолжена на Комиссии 21 декабря 2005 г. Здесь обсуждались очередные предложения по внесению изменений и дополнений в положение о порядке передачи, а также вопросы распределения и использования финансовых средств, предусмотренных в бюджете для поддержки реставрационных работ по сохранению памятников истории и культуры, переданных в пользование религиозным организациям. Было указано, что финансирование таких работ может быть осуществлено только при наличии у религиозных организаций согласованной проектно-сметной документации. Минкультуры и Роскультуре было поручено провести совместную проверку своевременности финансирования таких работ.

Не секрет, что появление нового законопроекта было частью общей политики правительства, которое в июне 2004 г. выдвинуло законодательную инициативу по передаче федеральных памятников истории, культуры и архитектуры в частную собственность. Это было подано как единственно возможная мера по сохранению культурного наследия [21]. Правительство Санкт-Петербурга, одним из первых выдвинувшее идею приватизации памятников, 11 мая 2005 г. утвердило постановление о передаче в собственность религиозным организациям их имущества, находящегося в государственной собственности и являющегося имуществом казны Санкт-Петербурга. По статистике на балансе города тогда находились 94 культовых здания и 29 зданий религиозного назначения, 19 из которых состояли в федеральной собственности и под действие Закона не подпадали.

В сентябре законопроект был принят в первом чтении петербургским парламентом. 8 февраля 2006 г. закон был принят окончательно. Под его действие подпадали объекты недвижимого имущества, построенные для совершения и обеспечения богослужений, а также профессионального религиозного образования, и движимое имущество. Статья 2.3 предполагала, что передача имущества, относящегося к объектам культурного наследия, осуществляется при условии обременения данного имущества в установленном порядке в соответствии с требованиями, предъявляемыми к сохранению таких объектов.

Одновременно в 2006 г. появились комментарии чиновников к подготавливаемому закону. Основные комментарии давала начальник отдела политики управления государственным имуществом департамента имущественных и земельных отношений Минэкономразвития Ольга Соколова. Было очевидно, что Министерство, как и в случае с приватизацией памятников, стремилось избавить государство от платы за то, чем оно не пользуется. Новые «прибыльщики» рассматривали снятие памятников православной культуры с государственного баланса при их передаче в собственность Церкви как избавление от балласта и соответствующего бремени содержания. Новая прибыль была налицо. Однако в соответствии с новым законом, религиозные организации не смогут претендовать на объекты всемирного наследия, а в случае подачи заявок на передачу в собственность «непрофильных», не собственно культовых объектов приходы и монастыри должны будут обосновать их будущее использование. Во время обсуждения все стороны отмечали, что в случае принятия законопроекта патриархия станет крупнейшим негосударственным собственником недвижимости.

---

[21] *Арсюхин Е.* Молчание о Родине. Закон о приватизации памятников старины готовится нарочито келейно // Российская газета. 2005. 16 марта.

Возможно, общественный резонанс, вызванный обсуждением, повлиял на формирование повестки дня очередного заседания Комиссии по вопросам религиозных объединений 21 февраля 2006 г. Вопрос о законопроекте был заменен вопросом о сохранности памятников культуры, передаваемых религиозным организациям. Росохранкультура подготовила соответствующую справку. Было отмечено, что в ряде случаев пользователь не справляется с задачами сохранения и восстановления объектов культурного наследия. Массовое осуществление работ по приспособлению храмов к современным приходским и монастырским нуждам производится с нарушением законодательства, а отсутствие согласованной в установленном порядке научно-проектной и разрешительной документации приводит к утрате этими зданиями их историко-культурной ценности. Вместо реставрационных работ на памятниках проводятся «поновления» в целях придания храмам «благолепия». К числу наиболее распространенных нарушений было отнесено применение цементного раствора вместо известково-цементного, что приводило к отслоению и обрушению штукатурного слоя, намоканию и разрушению стен и кирпичной кладки, отслоению живописи; использование недопустимых в реставрации материалов, в том числе «неаутентичных»; нарушение гидроизоляции и естественного температурно-влажностного режима; замена деревянных оконных переплетов стеклопакетами и др. Были названы самые неблагоприятные по отношению верующих к собственной исторической культуре регионы страны: Республики Бурятия, Карелия и Татарстан, Архангельская, Брянская, Владимирская, Кировская, Костромская, Рязанская Тверская, Тюменская, Читинская, Ярославская области, Хабаровский край, «другие регионы Российской Федерации».

В результате выявленных фактов нарушения существующего порядка передачи культового имущества религиозным организациям, отсутствия согласований при проведении реставрации, неквалифицированной реставрации и откровенного разрушения памятников, в том числе и нерелигиозного характера, самой патриархии и другим «централизованным организациям» было рекомендовано провести внутреннюю координацию своей деятельности по сбережению и реставрации памятников культуры. Органам охраны памятников предлагалось разослать религиозным организациям «методические рекомендации» относительно соблюдения законодательства и принципов реставрации. Кроме подписания соглашений о «взаимодействии» между учреждениями культуры и патриархией было решено расставить приоритеты и для федерального бюджета и составить список наиболее ценных объектов культурного наследия, требующих неотложных работ. Этому предшествовал целый ряд публикаций обещающего характера, затра-

гивающих те же проблемы [22]. Вместе с тем, курс на передачу памятников оставался прежним: «Одним из важных факторов сохранения памятников истории и культуры является их использование по первоначальному назначению», несмотря на то что такое использование ведет к утрате культурно-исторической ценности храмов, икон и зданий. Одновременно отмечались не менее острые проблемы с сохранением заброшенных храмов и монастырей — памятников религиозного назначения, не имеющих пользователей, что в первую очередь и приводит к разрушениям и утратам. Росохранкультуре было поручено к заседанию правительственной Комиссии в ноябре 2006 г. представить исчерпывающую информацию о соблюдении законодательства об охране объектов культурного наследия религиозными организациями.

Это было весьма неоднозначно воспринято в самой патриархии, посчитавшей его очередным «гонением на Церковь». 8 февраля 2006 г. в Москве состоялось первое заседание комиссии Общественной палаты по вопросам сохранения культурного и духовного наследия, председателем которой стал управляющий делами патриархии митрополит Калужский Климент (Капалин). К вопросам деятельности комиссии были отнесены, в частности, музеи и музейное дело, а также проблемы государственной охраны и сохранения объектов культурного наследия. Сразу же было объявлено о необходимости принятия поправок в закон об объектах культурного наследия и в Основы законодательства Российской Федерации о культуре. Кстати, митрополит присутствовал и на заседании правительственной Комиссии 21 февраля. Уже 22 марта митрополит Климент на заседании «своей» комиссии выступил в поддержку приватизации памятников культуры. Это заявление было увязано с очередной жалобой на то, что государство передает церковные объекты только в пользование, а не в полную собственность церкви, что уравнивало реституционные интересы патриархии с приватизационными притязаниями олигархов. Митрополит, по сути, предложил решать эти вопросы во взаимосвязи.

Однако почти сразу после этого в Комиссии произошла смена власти. 12 апреля 2006 г. Михаил Фрадков утвердил в должности ее пред-

---

[22] *Колупаева А. С.* Музеи и Церковь // Государство, религия и церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень. 2001. № 4. С. 26—33; *Тинина О. Ю.* По ком звонит колокол? // Наследие народов Российской Федерации. 2005. № 4. С. 16—22.; *Виноградова Е. Ф.* Светская и церковная культура: движение навстречу // Наследие народов Российской Федерации. 2003. № 3. С. 18—22; Стандарт АВОК. Храмы православные. Отопление, вентиляция, кондиционирование воздуха. М., 2004; *Сизов Б. Т.* Памятники архитектуры и ноосфера. Реставрация и сохранение // Наследие народов Российской Федерации. 2005. № 4. С. 58—66.

седателя вице-премьера Дмитрия Медведева. Напомним вкратце историю этой комиссии. Еще 6 мая 1994 г. во главе Комиссии встал Юрий Яров, в июле 1994 г. его сменил Сергей Шахрай, во время председательства которого функции возвращения имущества были у Комиссии изъяты и переданы Минкультуры и Минимущества. В феврале 1996 г. председателем стал Виталий Игнатенко, в апреле 1997 г. его сменил Олег Сысуев, а с ноября 1998 г. по апрель 2004 г. во главе органа стояла Валентина Матвиенко. Все перечисленные деятели были вице-премьерами, за исключением министра культуры Александра Соколова, председательствовавшего в Комиссии в 2004—2006 гг.

В прессе появились суждения, что назначение Д. Медведева преследует цель представить религиозной элите России «преемника», поскольку значение должности председателя Комиссии вышло за рамки политической компетенции министра культуры. Вместе с тем назначение Дмитрия Медведева сделало деятельность Комиссии более закрытой для общества и прессы. Информация о первом заседании 23 июня с новым главой была ограничена скупым перечислением вопросов повестки дня, касающихся предстоящего церковного официоза — саммита религиозных лидеров в Москве 3—5 июля. С приходом нового председателя Комиссию ожидала реформа — ее ответственный секретарь Андрей Себенцов докладывал о проекте нового положения о Комиссии, суть которого не разглашалась. Одновременно руководитель Росимущества Валерий Назаров вновь должен был отчитаться по концепции проекта федерального Закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения».

Последнее выступление определило направление деятельности этого органа. 6 марта 2007 г. на заседании Комиссии был заслушан доклад заместителя Минэкономразвития и торговли РФ В. Г. Савельева о ходе разработки концепции федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначении, находящегося в государственной или муниципальной собственности».

В тот день Комиссия окончательно утвердила концепцию передачи соответствующего имущества в собственность религиозным организациям, поручив Минэкономразвития подготовить законопроект к апрелю. Одновременно предполагалось принять поправки в закон о свободе вероисповедания, ограничивающие возможности коммерческого злоупотребления таким имуществом. Для получения имущества в собственность религиозная организация обязана будет подать в Росимущество заявку и пакет документов, утверждаемый правительством, среди которых — кадастровый план земель и экспертиза историко-культурной ценности объектов движимого и недвижимого имущества, а также обосновать целесообразность передачи объектов, не свя-

занных непосредственно с отправлением культа. Экспертизу объектов Росимущество проводит совместно с Роскультурой и Росохранкультурой. Около 20 особо ценных объектов культурного наследия приватизации не подлежат.

Всеми признаваемой особенностью нового проекта явилась стимулирующая норма об обязательности передачи имущества религиозного назначения религиозной организации, обратившейся с соответствующей просьбой при отсутствии строго определенных оснований для отказа. При этом предполагалась публичность передачи с опубликованием всех документов в СМИ, а также непрерывность деятельности тех организаций, которые должны были освободить свои помещения для церковных общин.

Целый ряд положений касался памятников старины. Так, снятие с объекта культурного наследия статуса памятника истории и культуры в период рассмотрения ходатайства запрещалось. Проект концепции своим 11-м пунктом рассматривал особенности передачи объектов культурного наследия. К числу таких особенностей были отнесены условия охраны культурных объектов и доступа к ним граждан, порядку и срокам проведения работ по их сохранению, которые должны были быть определены не позднее принятия решения о передаче и указаны в этом решении. При этом отмечалось, что действие всех норм законодательства об охране памятников в полной мере распространяется на религиозные организации, получившие в собственность или пользование объекты культурного наследия.

Говорилось и об обязательности проведения государственной историко-культурной экспертизы объектов религиозного назначения, обладающих признаками объектов культурного наследия и не включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации, что было необходимо сделать еще до принятия решения об их передаче — для своевременного установления предусмотренных законодательством Российской Федерации об охране объектов культурного наследия обременений.

Разработчики законопроекта писали, что он должен облегчить религиозным организациям (для осуществления их функций) доступ к имуществу религиозного назначения, способствовать реализации конституционного права граждан на свободу вероисповедания — при условии соблюдения интересов прочих «публично-правовых образований», а также устранить правовую неопределенность в отношении имущества религиозного назначения, не востребованного религиозными организациями.

Несмотря на то, что авторы явно рассчитывали на облегчение финансового бремени государства по обслуживанию памятников культу-

ры религиозного характера, они все же признавали, что реализация закона может привести к росту расходов бюджетов всех уровней в случае необходимости перевода государственных и муниципальных учреждений в другие помещения и к недополучению доходов от использования недвижимого имущества в результате его безвозмездного отчуждения.

Характерно, что в проекте ни словом не говорилось о возможном отсутствии согласия учреждения-пользователя имущества религиозного назначения на его передачу. В этом случае, согласно ст. 296 Гражданского кодекса Российской Федерации, его изъятие в указанных целях признается возможным лишь в случае, если оно является излишним и неиспользуемым, либо используемым не по назначению. Таким образом, несогласие унитарного предприятия, в том числе и учреждения культуры, на передачу религиозным организациям закрепленного за ним имущества может служить основанием для отказа в просьбе о передаче.

В течение 2007—2008 гг. дальнейшая разработка законопроекта застопорилась — в силу ряда причин внутриполитического характера. Это было связано не только с озабоченностью власти вопросами избрания «единоросской» думы и надежного преемника, но и тем, что практика церковно-государственных отношений при патриархе Алексии (Ридигере) зашла в тупик. Признание церковной независимости Южной Осетии и Абхазии, по аналогии с их политической независимостью, так и не состоялось, несмотря на щедрые подарки, сделанные патриархии накануне. Передача драгоценных ковчегов с мощами из Московского Кремля сменилась полной пассивностью власти в истории с рублевской Троицей. Однако сразу после избрания новым патриархом Кирилла (Гундяева) в середине февраля 2009 г. прошло очередное заседание правительственной комиссии, возглавляемой в это время уже вице-премьером А. Д. Жуковым, посвященное подготовке законопроекта о «реституционной приватизации». Очевидно, интенсификация подготовки закона стала результатом потаенных договоренностей интронизационных встреч лидеров государства и нового патриарха.

В новых условиях проект закона и его концепция вызвали критику церковных кругов. Здесь полагали, что в концепции следует также предусмотреть возможность передачи в собственность религиозных организаций имущества, закрепленного за государственными и муниципальными музеями. Особую неприязнь вызывали ограничения, направленные на сохранение памятников культуры. Отмечались противоречия проекта с ныне действующим законодательством. Так, проект предусматривал неправомерные основания досрочного расторжения

договора безвозмездного использования по инициативе государственных органов в случае, если пользователь (религиозная организация) препятствует доступу проверяющих организаций к памятнику истории и культуры, или же если сохранность исторических особенностей, подлежащих охране, не может быть гарантирована при использовании памятника. По мнению критиков, это вступало в противоречие с п. 1 ст. 698 Гражданского кодекса Российской Федерации, где подобные основания не рассматривались. В проекте договора говорилось о необходимости проверок раз в полгода, тогда как ст. 39 ФЗ «Об объектах культурного наследия» устанавливала иную периодичность — один раз в пять лет.

Дискуссия продолжалась и на других общественных площадках. На круглом столе в информационном агентстве «Росбалт» 21 февраля 2009 г., организованном в Санкт-Петербурге, директор Государственного музея истории религии Борис Аракчеев посчитал, что законопроект написан в «большевистском духе»: «когда-то рьяно и агрессивно преследовали церковь и изымали церковное имущество, а теперь столь же агрессивно все хотят отнять и передать церкви». По разным подсчетам при осуществлении «реституции» музеи утратили бы до 80% своих коллекций. В качестве негативных последствий были отмечены возможность повторения и умножения уже имевших место фактов физической пропажи и утраты святынь, переданных РПЦ, а также неминуемые сложности с доступом к ним лиц, не принадлежащих к религиозным общинам. В круглом столе принимал участие и член комиссии Санкт-Петербургской епархии по архитектурно-художественным вопросам иерей Александр Берташ, который отметил, что экспозиционные площади позволяют экспонировать до 3% музейных собраний, т. е. весьма незначительное количество культурных памятников. Однако он признал, что православным общинам еще необходимо проработать вопросы сохранности исторического наследия, дабы обеспечить необходимые условия хранения и использования памятников.

7 апреля в Петербурге прошло заседания президиума Союза музеев России, лейтмотивом которого стали слова Алисы Аксеновой, директора Владимиро-Суздальского музея-заповедника: «Не дай Бог, за этот закон проголосуют». Сам проект был назван «необдуманным и своекорыстным». Собравшиеся отмечали, что закон был разработан финансовым блоком правительства, а замминистра культуры Андрей Бусыгин по этому поводу заметил, что «когда общаешься с некоторыми из наших финансистов, возникает ощущение, что в детстве их слишком часто водили в музеи. И с тех пор они их возненавидели». В этой связи Союз музеев решил создать специальную рабочую груп-

пу, которая будет заниматься взаимодействием с РПЦ и властями по вопросу «приватизации» памятников церковной культуры.

Прорабатывались и другие аспекты новой законодательной инициативы. 18 марта 2009 г. вице-премьер правительства РФ Александр Жуков поднял вопрос о принятии законопроекта о бюджетном финансировании объектов культурного наследия, которые находятся в собственности религиозных организаций. Это могло обойтись российским налогоплательщикам в 3 млрд. рублей в год! В дискуссии отмечалось, что нововведение настроит общество против Церкви, а сама реставрация вообще оказывается одной из самых коррумпированных отраслей экономической деятельности. Впрочем, законодатели, в частности зампредседателя комитета по культуре Александр Тягунов и председатель комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Сергей Попов, уже высказали свое лояльное отношение к законопроекту, который предполагали вынести на обсуждение в ноябре 2009 г.

2 июля еще один круглый стол на эту тему прошел в Госдуме. По понятным причинам, особую озабоченность здесь вызвали не вопросы культуры, но передача религиозным организациям «непрофильной» недвижимости, не связанной напрямую с отправлением культа. Отмечалось, что религиозные организации смогут получить памятники культуры в собственность лишь по согласованию с государственными органами охраны памятников. Вновь был поднят вопрос о законодательном разрешении бюджетного финансирования памятников, переданных в собственность религиозным организациям, что, с точки зрения разработчиков закона, лишало новый документ изначально заложенного в него смысла; само государство, по мнению главы думского комитета по собственности Виктора Плескачевского, неспособно на подобные траты. По мнению же представителей патриархии, передача ей недвижимости в собственность позволила бы сдавать часть площадей в аренду, а полученный доход направлять на реставрацию храмов…

Однако главная новость ожидала общество 5 января 2010 г. В этот день состоялась встреча председателя правительства РФ В. В. Путина и патриарха Кирилла (Гундяева), на которой присутствовали министр культуры А. А. Авдеев и руководитель Росимущества Ю. А. Петров. Премьер специально подчеркнул, что встреча будет посвящена преимущественно взаимодействию Церкви и государства в области передачи бывшей церковной собственности, в том числе обладающей «огромной культурной ценностью». Премьер утверждал, что в России существует 12 000 объектов культурного наследия религиозного назначения, большая часть которых уже используется религиозными ор-

ганизациями, однако оставшаяся часть находится еще «в плачевном состоянии и не передается». Подчеркнув заслуги деятелей культуры в сохранении православных святынь, В. В. Путин предложил найти такие решения, «которые не будут разрушать ничего, что создано в предыдущие годы, но позволят возвращать религиозным организациям все, что им принадлежит по праву, в должном виде и с должным финансовым сопровождением». Эти решения были связаны с двумя законопроектами — уже известным нам проектом закона о передаче религиозным организациям в собственность бывшего религиозного имущества и новым, вопрос о котором впервые был поднят в марте 2009 г., о государственном финансировании реставрации памятников культуры, переданных религиозным организациям (в том числе и в собственность).

Патриарх ритуально повторил слова благодарности хранителям и реставраторам за спасение церковной культуры, однако пожелал, чтобы храмы были храмами, а монастыри — монастырями, и отметил, что, несмотря на желательность соблюдения интересов учреждений культуры, здесь должна быть построена система, которая исключает не только поспешность и торопливость, но и «слишком долгое ожидание». Здесь в разговор вступил министр, порадев об интересах музеев. Он хотел бы, чтобы музейные переезды не оборачивались закрытием учреждений культуры, пусть даже и временным.

Было объявлено и о необходимости внесения поправок в ФЗ № 94 «О размещении заказов на поставки товаров, проведении работ, оказании услуг для государственных и муниципальных нужд», что предусматривало обязательное проведение тендера или конкурса (в том числе и на реставрацию памятников архитектуры), основным условием которого традиционно является дешевизна предлагаемого проекта. Министр культуры сетовал, что конкурс «выигрывает фирма, которая дает меньше всего денег за ремонт (очевидно, предлагает провести ремонт за меньшие деньги, деньги все-таки дает государство. — *А.М.*), а потом эта же фирма-однодневка перепродает право ремонта, но уже за меньшие деньги, чтобы себе еще оставить прибыль…». Премьер, похоже, не без ехидства, заметил: «Всегда возникает вопрос: а почему же хорошая организация не предлагает нужных, конкурентоспособных цен, если потом она готова взять у какой-то маломощной организации подряд по более низкой цене? Но это отдельная тема, мы потом поговорим». Тема весьма знакомая для России, и сам премьер в курсе — это коррупция. Во время встречи было также объявлено о давно готовившейся передаче РПЦ Новодевичьего монастыря в Москве, которая должна состояться в 2010 г., и о необходимости выселения Литературного музея из Высоко-Петровского монастыря.

Уже 12 января состоялось внеплановое совещание членов рабочей группы правительственной комиссии по вопросам религиозных объединений, которая рассмотрела новую редакцию закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения» и нового закона о выделении государственных средств на реставрацию памятников культуры, находящихся в церковной собственности. Было решено к февралю устранить все «шероховатости». К их числу была отнесена возможность религиозных организаций претендовать на предметы из государственного музейного фонда. Из закона выпали пункты о запрете «изменения назначения возвращенного имущества и передачи его третьим лицам в течение десяти лет», т. е. были сняты ограничения на сдачу нового имущества в аренду и его продажу. Сам процесс передачи был регламентирован обращением конкретной религиозной организации в уполномоченный правительством РФ орган с заявкой, доказывающей ее право «на получение имущества». В качестве такого органа намечалось Росимущество. Об участии органов управления культурой и специалистов в области охраны памятников и музейного дела речь не шла вовсе: для чиновников передаваемые святыни и памятники — прежде всего имущество. Культура потом…

В тексте законопроекта «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» вопросы передачи памятников были вынесены «за скобки». Их регламентация возлагалась на уже существующее законодательство, которое лишь с определенной долей условности может быть названо «действующим»: как уже отмечалось, отсутствие важнейших подзаконных актов, в частности к закону об охране памятников культуры, так и не принятых до 31 января 2010 г., приводит к тому, что сам закон зачастую остается бездейственным.

Поэтому в проекте нового закона статья 1 определяет, что «особенности безвозмездной передачи государственного или муниципального имущества религиозного назначения, относящегося к музейным предметам и коллекциям, входящим в состав Музейного фонда Российской Федерации, и (или) архивным документам, входящим в состав Архивного фонда Российской Федерации, и (или) Национального библиотечного фонда определяются соответственно законодательством Российской Федерации о Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации, законодательством Российской Федерации об архивном деле в Российской Федерации, а также законодательством о библиотечном деле». Ее дублирует п. 6 статьи 3: «Передача объектов культурного наследия религиозного назначения осуществляется в порядке, установленном настоящим Федеральным законом с учетом особенностей, установленных законодательством об объектах

культурного наследия». При этом статья 2 относит к объектам культурного наследия народов Российской Федерации только «здания, строения, сооружения», тогда как «движимое имущество религиозного назначения (предметы внутреннего убранства культовых зданий и сооружений или предметы, предназначенные для богослужебных и иных религиозных целей)» упоминается отдельно. Однако вряд ли стоит отнести эту формальную недоработку закона к попыткам защитить музейные коллекции. Пункт 7 статьи 3 определенно утверждает, что передача религиозным организациям зданий осуществляется только после предоставления расположенным в них предприятиям и учреждениям других помещений, обеспечивающих их функциональную деятельность (правда, лишь в случае отсутствия или недостаточности прочих площадей для таковой). Заявки религиозных организаций должны рассматриваться в двухнедельный срок, а осуществление передачи может занимать от 3 месяцев до 6 лет. Согласно статье 10.2, лица, чьи права могут быть нарушены грядущей передачей, могут обращаться «в уполномоченный орган», доказывая возможность нарушения собственных прав.

При этом статья 6.2 обязывает тот орган, в который поступило заявление, передать означенное в нем имущество «при отсутствии оснований для отказа в передаче, установленных статьей 7». Статья же 7 практически сводит на нет возможность такого отказа: здесь не фигурируют ни возможные возражения против передачи со стороны государственной историко-культурной экспертизы, ни государственные или же общественные интересы. Сам же орган, который еще окончательно не определен, вряд ли сможет вместить должное количество специалистов, способных всесторонне обсудить последствия планируемой передачи. Главным в деятельности «раздатчиков имущества» будет именно пункт 2 шестой статьи. Сама же госэкспертиза, о которой говорилось на стадии разработки законопроекта, в итоговом тексте вообще не упомянута.

Для многих граждан России содержание встречи премьера и патриарха и ее последствия стали неожиданностью, однако обращение к событиям второй половины—конца 2009 г. показывает, что активизация подготовки закона о целевой приватизации религиозного имущества на Рождество 2010 г. не была спонтанным порывом, продиктованным праздничным настроением первых лиц государства. Ситуация подготавливалась заранее, как заранее формировалась и новая политика.

19 июля 2009 г. в должность генерального директора Третьяковской галереи вступила Ирина Лебедева, которая первым делом заявила о необходимости развития диалога с РПЦ и о том, что в ГТГ не будут выставляться произведения, затрагивающие «чувства верующих».

Уход с поста Валентина Родионова в этой ситуации не был добровольным. Еще в марте министр А. А. Авдеев предлагал ему освободить директорское кресло. Очевидно, прежнему директору так и не смогли простить, что он не сумел переломить отрицательное мнение специалистов о передаче иконы «Троица» в Лавру в конце 2008 г.

В ноябре наместник Соловецкого монастыря архимандрит Порфирий (Шутов) приказом министра культуры была назначен директором Соловецкого музея-заповедника — федерального государственного учреждения культуры. В роли наместника он оказался только 10 октября 2009 г., будучи до этого казначеем Троице-Сергиевой лавры. Очевидно, лаврская модель, в которой монастырский наместник архиепископ Феогност (Гузиков) еще в 1999 г. был назначен заместителем директора государственного музея и заведующим музейным отделом (лаврской ризницей), оказалась в данном случае примером.

7 декабря 2009 г. в Александро-Невской лавре в Петербурге состоялась конференция «Александр Невский — имя России». Во время конференции лаврский наместник епископ Назарий (Лавриненко) публично заявил о своем намерении вернуть лавре ее храмы, занятые музеем городской скульптуры, а также серебряную раку от мощей святого князя, хранящуюся в Эрмитаже, посольку наступающий год ознаменован 770-летием Невской битвы и 300-летием самой лавры. Неожиданностью стало то, что епископ решил привлечь к делу добывания собственности «православно ориентированные общественные организации» и оказать им «консультативную помощь», однако самостоятельно инициативу не проявлять. Первое обращение группы «православных граждан» к властям РФ с просьбой вернуть храмы и раку появилось 12 января. Один из инициаторов обращения заявил тогда: «Надгробие нашего национального символа находится в Эрмитаже, и мы платим деньги для того, чтобы на него посмотреть, <…> мы позорим сами себя как нация». 1 февраля появилось новое обращение, где говорилось, что «позорна и кощунственна ситуация, когда для входа в Дом Божий и для поклонения праху защитника Отечества А. В. Суворова требуется платить деньг». При этом авторы обращения стыдливо умолчали, что за вход в Лавру церковное начальство и само берет деньги с иностранных посетителей. Стоит отметить, что рака от мощей — завершенное в 1753 г. монументальное сооружение высотой около 5 метров, состоящее из саркофага, большой пятиярусной пирамиды, двух пьедесталов с трофеями и двух подсвечников, на которое ушло почти 1470 кг серебра 82 пробы и 80 244 рубля 62 копейки денег, — гораздо более похожа на памятник русской государственности, нежели на религиозную святыню, выполненную к тому же в столь нелюбимом «ревнителями православия» художественном стиле XVIII в.

Однако наиболее скандальным событием была передача иконы Божией Матери Торопецкой XIV в. из ГРМ в частную церковь. 24 ноября к министру культуры РФ Александру Авдееву с письмом за № 7841 обратился патриарх Кирилл (Гундяев) с просьбой выдать икону в новопостроенный храм св. Александра Невского в подмосковном поселке Княжее озеро на 24 км Новорижского шоссе, где на территории в 160 га расположены коттеджи стоимостью от 820 тыс. до 5,5 млн. долларов. В письме говорилось, что икона испрашивается на временное пребывание. Дополнительно сообщалось, что «для того чтобы православная реликвия была сохранена как историческая ценность, община храма обязуется изготовить для хранения иконы специальный стационарный витринный комплекс, отвечающий всем современным требованиям хранения музейных экспонатов. Кроме того, приход готов заключить договор с Русским музеем и оплачивать работу специалистов, которые будут наблюдать за состоянием иконы». Уже 25 ноября 2009 г. чиновник Минкульта Рамзан Колоев направил в ГРМ письмо № 2251-05-23, где говорилось, что министерство «считает возможным передачу иконы» сроком на один год. Фраза «считать возможным» стала для руководства музея юридическим основанием для последующих действий. Хранители отдела древнерусского искусства обратились с открытым письмом к президенту РФ Дмитрию Медведеву с просьбой вмешаться в ситуацию: храм был только что отстроен, стены были покрыты еще влажной штукатуркой. Несмотря на заявления директора ГРМ Владимира Гусева («сложная ситуация, которая нас не радует и не вдохновляет») и замдиректора Евгении Петровой («в музее сочли нецелесообразным выдачу этой иконы из-за ее состояния и уникальности», но подчинились министерству), под открытым письмом Президенту с протестом против происходящего их подписи так и не появились.

30 ноября на заседании реставрационной комиссии ГРМ при участии главного специалиста отдела музеев министерства культуры И. В. Мельчаковой, курирующей раздачу государственного музейного фонда РПЦ, и под председательством замдиректора музея И. И. Карлова было признано (5 голосов против 2) возможным временное экспонирование иконы при обеспечении технических условий хранения. Необходимые условия якобы достигались в особом кивоте, в котором поддерживался особый режим. Однако предоставленные данные вызвали подозрения у музейных климатологов, в частности у заведующей отделом Е. А. Колмаковой. Характерно, что представителей реставрационного сообщества Петербурга на заседание не пригласили, мотивировав это соображениями «местечкового патриотизма»: дескать, сами справимся. Очевидно, здесь сказалось желание избежать

фиаско, постигшего Минкульт и руководство Третьяковской галереи при попытке отдать рублевскую «Троицу» в Лавру в 2008 г., хотя само министерство и не возражало против расширенного заседания.

Руководство ГРМ намекало на давление со стороны министра и патриарха, однако ничего не рассказало о собственном «давлении» на хранителей иконы. На заседании 30 ноября, как свидетельствует стенограмма, именно представители музейного руководства «продавливали» нужное решение, а сам И. И. Карлов в резкой манере обрывал несогласных с начальственной позицией. Позиция же была в том, что решение принято, и от ГРМ ждут только технических параметров выдачи иконы. Основой для принятия решения во многом стало мнение начальника службы безопасности ГРМ И. Г. Кузнецовой, 27 ноября побывавшей в поселке и познакомившейся с системы охраны. Давление на участников встречи оказывала и И. В. Мельчакова: «Принято решение Министерством культуры — значит, надо его исполнять».

Характерно, что комментарий Департамента культурного наследия и изобразительного искусства Министерства культуры о том, что икона будет выдана, появился 29 ноября — еще до принятия решения в ГРМ. Пресс-служба музея заявляла, что окончательное решение будет принято 3—4 декабря. Однако в ночь со 2 на 3 декабря в обстановке секретности икону спешно положили в технически навороченный ящик и отправили на временное хранение в Подмосковье, где она должна была оказаться к определенной дате — кануну празднования дня памяти св. кн. Александра Невского, когда должно было состояться великое освящение храма. О последствиях такого решения ГРМ не задумывался: их интересовало соблюдение технических, но не общественных параметров.

Министерство культуры заявило, что выдача реликвий на временное хранение является обычной музейной практикой. И, по обычаю, слукавило. До сих пор такая выдача совершалась под лозунгом восстановления «исторической справедливости»: Донскую икону Богородицы отвозили в Донской монастырь, Толгскую икону передали в Толгский монастырь, а рублевскую Троицу требовали в Троицкой лавре. И впервые (!) российская святыня отправилась в новорусский «симулякр».

Инициатором передачи выступил бизнесмен Сергей Шмаков (1968 г. рождения). Он возглавляет строительную компанию «Сапсан», построившую поселок Княжее озеро, в 1990-е гг. был «замначальника Чукотки», участвовал в ралли Париж-Дакар. Именно ему принадлежал вертолет "Bell—407", на котором 10 мая 2009 г. разбился губернатор иркутской области Игорь Есиповский, а недавно он приобрел другую винтокрылую машину AW119 Ke с салоном от Versace.

В 2006-м г. позолотил купола Корсунско-Богородицкого собора в Торопце. В новопостроенном храме основан придел в честь Корсунской иконы, украсить который и должна икона из ГРМ. И гонки, и вертолеты, и знаменитая икона — все это свидетельствует о стремлении украсить свою жизнь «эксклюзивом», в том числе и духовным. Однако эта спецоперация преследовала и другие цели.

История с Торопецкой иконой была пробным шаром. В ней был заинтересован лично патриарх, поскольку от ее успеха зависели дальнейшие возможности получать в новые храмы древние иконы. Руководители министерства и музея стремились подчеркнуть беспрецедентность обращения патриарха к министру, готовому отдать икону в храм на условиях временного хранения с соблюдением необходимого температурно-влажностного режима. Впрочем, уникальность случая связана лишь с вмешательством патриарха, поскольку передача икон на временное хранение при соблюдении ряда технических условий осуществлялась неоднократно. С. А. Шмаков, присутствовавший на заседании 30 ноября, практически шантажировал участников: «Я прошу вас понять, что Святейший Патриарх лично обратился к министру культуры, министр культуры взял паузу двухнедельную, исследовал ситуацию и дал согласие. Если вы сейчас скажете: "Нет", — представьте себе, что получится». Стоит обратить внимание и на то, что на встрече было заявлено, что «появилась возможность (если мы примем решение) осуществить транспортировку в самых комфортных условиях — на самолете Патриарха, который предоставляет свой самолет как самый безопасный вид транспорта, исключающий различные эксцессы». Характерно, что участников сделки постоянно раздражало, что дело получило огласку и широкий общественный резонанс. Присутствующих просили сохранить молчание по поводу самолета. Самолета, впрочем, и не было…

Следует знать, что в апреле 2009 г. состоялось малое освящение этого храма, куда был специально привезен духовник Оптиной пустыни схиигумен Илий (Ноздрин). Однако он лишь по инерции именуется духовником пустыни. Бывший соученик патриарха Кирилла (Гундяева) по Ленинградской Духовной Академии, ныне Илий является патриаршим духовником и живет в патриаршей резиденции в Переделкино. Так что «бизнес-проект» Шмакова с самого начала имел первоклассного лоббиста и был, что называется, обречен на успех.

Впрочем, перевоз иконы в поселок «нуворишей», а с учетом его местоположения — «новорижей», может оказаться также и «операцией прикрытия». Торопецкое духовенство чересчур поспешно, чем поставило своих благодетелей в неловкое положение, объявило, что уже подписывает документы с Минкультом на получение иконы в «посто-

янное безвозмездное хранение» после ее «временной выставки» на Новорижском шоссе...

8 декабря в своем интервью РИА «Новости» министр А. А. Авдеев заявил, что министерство в вопросе передачи икон занимает следующую позицию: «иконы передавать можно, когда о них просит патриарх, и передавать лишь в том случае, когда условия временного хранения иконы в храме не хуже, чем в музее». Впрочем, он тут же заявил, что вопрос о том «куда передавать икону — это внутренне дело московской патриархии», дезавуировав тем самым собственную позицию. 5 января 2010 г. министр культуры на встрече с патриархом затронул вопрос и об иконе Торопецкой Богоматери. Здесь он заявил, что икона была отдана «с полного согласия Русского музея». И поскольку нельзя было обойти вопрос о негативном общественном резонансе, который вызвало это событие, он счел нужным назвать «виновных»: «Я бы сказал, что передача икон не вызывает столько проблем, сколько это кажется, читая прессу». Стенограмма фиксирует констатирующую ремарку патриарха: «Совершенно верно». Таким образом, виноватым в происшедшем оказалось общественное мнение.

В январе 2010 г. М. Б. Пиотровский подвел итог дискуссии: «История с иконой Торопецкой Богоматери… отношения к религии не имеет. <…> Если по прихоти богатого верующего можно изъять из могущественного музея древнюю и хрупкую икону, значит, можно все».

Пытаясь сгладить негативное впечатление, оставленное в обществе этой историей, руководство ГРМ предприняло в начале 2010 г. некоторые меры, должные, с одной стороны, исключить подобные «набеги» на собственные коллекции в будущем, а с другой — подтвердить правильность «выбранного курса». 2 марта замдиректора музея Евгения Петрова объявила, что планируется завершить реставрацию церкви св. Михаила-Архангела в Михайловском замке, после чего в ней будут проходить регулярные службы. Было объявлено, что музей рассматривает возможность помещения в это литургическое пространство древнерусских икон из своей коллекции, в том числе и Торопецкой Богоматери, которая должна вернуться в музей 22 сентября. Помощь в реставрации храма обещал оказать все тот же Сергей Шмаков.

По сути дела, руководство музея согласилось с разумностью «третьяковского» варианта, опробованного ГТГ еще в 1993 г. Однако когда в 1998 г. Санкт-Петербургская Духовная академия — в рамках празднования 150-летнего юбилея Н. В. Покровского — предложила именно такой вариант дальнейшей судьбы Михаило-Архангельского храма и даже передала в дар ГРМ бывший антиминс этой церкви из собрания Церковно-археологического музея, это не встретило понимания у музейного руководства. Более того, официальные документы,

связанные с этой передачей, из музейной канцелярии попали в руки иерея Олега Скобли, настоятеля зарегистрированной при ГРМ эфемерной православной общины, который с их помощью дезинформировал патриарха Алексия (Ридигера) в отношении происшедшего. Когда же руководство Академии обратилось к дирекции музея с просьбой прокомментировать для патриарха ситуацию и планы по взаимному сотрудничеству, Владимир Гусев не посчитал нужным «оправдываться» перед «святейшим», чем поставил академическое руководство в неловкое положение. Эта история вообще показательна для отношения покойного патриарха к взаимодействию с российскими музеями. Он обвинил Академию в «расточении» церковных древностей, в то время как Церковь под его началом стремится их «собрать» их, освобождая от музейного пленения…

Похоже, что новой ситуацией для решения вопроса о судьбе храмов, находящихся на территории музеев, готовы воспользоваться самые разные общественные силы. Так, в прессу попало письмо 200 «православных сотрудников Эрмитажа» патриарху Кириллу (Гундяеву). Основу подписантов составила община, зарегистрированная еще в 1991 г. при храме Спаса Нерукотворного Образа в Зимнем дворце, во главе с Михаилом Аникиным. Указывая на то, что в церкви, имеющей «всероссийское значение», в результате определенной позиции дирекции музея до сих пор не возобновлены богослужения, община попросила Кирилла «принять храм в прямое управление Святейшего патриарха Московского и всея Руси».

В условиях развивающейся дискуссии о передаче РПЦ религиозного имущества, это письмо было однозначно расценено как призыв отторгнуть храм от Эрмитажа, где о письме узнали из Интернета. Выяснилось также, что часть подписей под письмом относится совсем к иному обращению, которое, хоть и касалось возобновления богослужений в храме, но было адресовано Президенту Борису Ельцину еще в 1992 г. Дирекция музея сообщила, что считает возможным восстановить иконостас и обсудить вопрос, нужно ли восстанавливать храмовый интерьер или выставить там часть старинных икон из собрания Эрмитажа; в отношении совершения богослужений было заявлено, что здесь целесообразно проводить только особые службы по особым случаям. Характерно, что лишь в критической ситуации два главных музея страны задумались о судьбе находящихся в их ведении храмов.

Вывоз Торопецкого образа Матери Божией из Русского музея в пос. Княжее озеро не был в 2009 г. единственной попыткой изъятия икон из музейных собраний. В то же время министерство культуры объявило о намерении передать икону XIV в. «Спас Елеазаровский» из собрания Псковского музея-заповедника в храм Трех святителей Спа-

со-Елеазаровского монастыря, о чем еще 25 июня 2009 г. была достигнута договоренность между министром А. Авдеевым и губернатором А. Турчаком Известно, что в данном случае инициатива исходила от губернатора, а не от министра. Администрация области профинансировала изготовление стационарного бронированного комплекса с системой поддержания температурно-влажностного режима для хранения иконы. К июлю 2010 г. епархия должна завершить работы по монтажу охранно-пожарной сигнализации и системы видеонаблюдения в храме, а монастырь — заключить соответствующий договор на оплату работы реставраторов, обеспечивающих сохранность иконы. Это вызвало дискуссию, более характерную для Пскова, чем для остальной России, которая осталась равнодушной к этой проблеме. Говоря о возможных проблемах с перемещением иконы из-под постоянного надзора под монашеское призрение, старший научный сотрудник Псковского музея-заповедника Ирина Родникова вспомнила, что из Троицкого собора исчезли серебряные литургические предметы (среди которых — уникальное кадило 1754 г.), переданные туда из музея в 1992 г., а где находится уникальная икона «Благоразумный разбойник» из храма д. Теребени, также находившаяся в распоряжении епархии, до сих пор не известно [23].

История продолжилась и в 2010 г. 29 января, на встрече с региональной прессой, А. Турчак обвинил специалистов, возражающих против перемещения иконы в монастырь, в непрофессионализме. При этом никакого официального решения федеральных властей о передаче иконы так и не было представлено, что позволяет возложить всю ответственность на руководство местного музея. В определенной степени позиция губернатора основывалась на рассуждениях проректора по научной работе Санкт-Петербургской академии художеств Юрия Боброва, который «внес свой вклад» в дело реставрации псковских икон, обучая на них своих студентов, что было категорически запрещено еще Инструкцией по учету и хранению музейных ценностей 1985 г. В частности, в результате обучения был утрачен красочный слой на иконе XVII в. «Богоявление». Происшедшее было зафиксировано проверкой Росохранкультуры в октябре–ноябре 2006 г., и имя Ю. Г. Боброва там фигурировало. Это привело к серьезному конфликту между «академиком» и псковскими реставраторами, в частности Натальей Ткачевой. Сегодня мнение о том, что перед передачей иконы в монастырь нужна лишь «профилактическая работа» и что этим «нет надобности заниматься годами», оказалось востребовано, чтобы с помощью административного ресурса подвергнуть сомнению заклю-

[23] Городская среда. № 28. 28.10—3.11 за 2009 г.

чение реставрационной комиссии Псковского музея о необходимости проведения комплексного исследования, которое позволит разработать общую стратегию консервационных мероприятий, а также оценить объем и уровень сложности реставрационных работ. В том же заключении говорилось, что само исследование не может быть проведено в сжатые сроки — до июля 2010 г., предположительного времени торжественной передачи иконы…

Проблема сохранности икон, переданных в храм, пусть и в особых капсулах и при многословных гарантиях настоятелей и их спонсоров, стоит в России достаточно остро. Складывается впечатление, что все меры и гарантии — лишь средство получить требуемую святыню, а далее руководство церковных организаций считает себя свободным от исполнения взятых обязательств по принципу: «какие у Церкви могут быть обязательства перед неверующими!». Подобного рода идеология дополняется обычной халатностью и непониманием важности подержания изначально заданного режима хранения.

В конце 2009 г. общественное внимание привлекло состояние Боголюбской иконы Матери Божией во Владимире, причем пресс-секретарь патриарха протоиерей Владимир Вигилянский заявил, что в таких случаях «не работает музейный аппарат». Ранее, в связи с попыткой заполучить «Троицу» Андрея Рублева в Лавру, он утверждал, что хрупкое состояние старинных икон не есть действительная проблема, но лишь результат определенного качества работы реставраторов, которые не могут укрепить икону «как следует». В ответ на это генеральный директор Владимиро-Суздальского музея-заповедника Алиса Аксенова посчитала нужным познакомить общество со сложной судьбой иконы. Образ конца XIII в., поступивший во Владимирский музей в 1930-е гг., был отреставрирован в Москве в 1958—1976 гг. Уже тогда в реставрационном заключении было сказано, что «состояние грунта и красочного слоя необратимы, памятник нуждается в постоянном наблюдении высококвалифицированного реставратора»; «икона должна находиться в состоянии покоя, живопись иконы не перенесет резких колебаний температурно-влажностного режима».

31 марта 1993 г. икона была передана музеем, который изготовил для этого уникальную герметичную витрину в комплексе со специальными приборами, обеспечивающими оптимальный режим сохранности образа, в Успенский собор возрождаемого Княгинина монастыря в Боголюбово. Передача была осуществлена на три года во временное хранение с постоянным возобновлением соглашения. Однако в 1998 г. из-за нарушений правил использования монашеской общиной специального кивота произошел сбой оборудования, и состояние иконы начало ухудшаться. 31 июля икона была помещена в новоизготовленную

климатическую витрину. В монастыре продолжались нарушения условий хранения иконы и вольное обращение с самим храмом: в 2002 г. был поднят уровень пола в храме, что нарушило режим проветривания, а входящие в комплект витрины специальные обогреватели были отключены и даже частично распроданы. Икона находилась рядом с крестильней: постоянные «потоки водные» повышали окружающую влажность и способствовали появлению грибка. В феврале–марте 2009 г. на иконе были зафиксированы белесые пятна плесени и шелушение краски. 4 июня в связи с ухудшением состояния образа было принято решение о возвращении иконы в музей на полгода — для реставрации и укрепления. По мнению Ученого совета музея, икона сможет в начале 2010 г. вернуться в храм, однако для этого епархия должна сделать серьезные выводы и пересмотреть свое отношение к церковной старине и методам ее охранения. При этом отмечалось неприемлемое содержание Успенского собора рубежа XV—XVI вв., что несло угрозу состоянию фресок XVII в. кисти Марка Матвеева и храмовой иконе XVII в. «Успение Богородицы», которая, так же как и Боголюбская икона, еще в 1993 г. была передана монашеской общине. Однако произведенный в феврале 2010 г. осмотр иконы реставрационной комиссией показал, что итогом регулярных отключений сложной системы защиты, в том числе и в целях экономии, стало разбухание иконы: она настолько пропиталась влагой, что вывозить ее в Москву на реставрацию теперь небезопасно. Наоборот, специалистам придется приезжать во Владимир, и реставрационные мероприятия могут занять гораздо больше времени, чем предполагалось ранее. При этом трудно предсказать, как перенесут реставрационное вмешательство древние лики. Данная история должна заставить задуматься, насколько православные общины всерьез воспринимают необходимость соблюдения особых правил в обращении со святыней и насколько надежны широко разрекламированные и напичканные техникой специальные кивоты в руках столь ненадежного «человеческого фактора». На этом фоне заявление главы синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерея Всеволода Чаплина телеканалу «Культура» о том, что икона «была испорчена при реставрации в музее, а не в Церкви» выглядят безответственной попыткой оправдать истинных виновников разрушения церковной святыни.

Все эти сигналы не были вовремя замечены обществом, однако события января 2010 г. вызвали вполне предсказуемую реакцию. В прессе высказались директора крупнейших российских музеев. Директор Эрмитажа Михаил Пиотровский подразделил ритуальное искусство на то, в котором преобладает сакральное, и место которому в храме, и то, в котором важнейшим элементом является общечеловеческая доступ-

ность, что достигается помещением его в музей. Отметив негативную роль некоторых чиновников, «замаливающих грехи» возвращением Церкви памятников культуры, он предположил, что музеям и Церкви надо договариваться напрямую, без посредников, путем создания согласительной комиссии. По его словам, музейный фонд — почти единственная часть национального достояния, которая не подверглась еще приватизации и тотальному разграблению. Сегодня РПЦ идет по следам бывших противников России в мировых войнах, требующих вернуть награбленные «трофеи»; Церковь используется для новой атаки на общественное культурное достояние, для вывода его из общего пользования. Все это способно нанести урон самой Церкви. При этом РПЦ не обращает внимания на громадные частные коллекции, происходящие из храмов и вывозимые за границу [24].

Директор ГТГ Ирина Лебедева также высказалась за то, чтобы музейное хранение оставалось музейным хранением, которое отвечает интересам всех сторон, составляющих светское общество, тогда как перемещение икон в храмы соответствует интересам одной лишь его части — верующей. Церковь, по ее словам, активно приглашается к взаимодействию с музеями, чтобы достойно сохранить и показать их коллекции, в том числе и путем создания копий чтимых икон. Любые переделы собственности приведут лишь к пропаже и гибели памятников: совершенное в истории зло обернется новым злом. Директор ГРМ Владимир Гусев посчитал, что в истории с передачей Торопецкой иконы Матери Божией Русский музей, который «поверил патриарху», продемонстрировал свою готовность к сотрудничеству, «но дальше должна быть широкая дискуссия», которая должна идти «не между администраторами или директорами, а в обществе». Вместе с тем он полагает, что «иконы должны находиться там, где оказались волей судьбы», хотя окончательное решение этой проблемы должно остаться за государством. 25 февраля высказалась на эту тему и генеральный директор музеев Московского Кремля Елена Гагарина. Предполагая, что новый проект не несет для музеев «ничего хорошего», она указала на физическую утрату многих древностей и святынь, переданных РПЦ в 1990-е годы. В пример России была поставлена Европа, где государственная собственность на церковные памятники является вполне нормальным явлением, против чего не выступают и сами верующие.

18 января в РИА «Новости» прошел круглый стол на тему «Эксперты о процессе возвращения церковного имущества», в котором приняли участие ведущие специалисты в области реставрации и рус-

[24] Санкт-Петербургские ведомости. № 14. 28.01.2010.

ского церковного искусства. Его лейтмотивом стали слова А. М. Лидова: «Любой ответственной Церкви понятно, что древние памятники должны находиться в музеях». Свою позицию эксперты постарались представить не как защиту корпоративных интересов, но как защиту интересов всего российского общества. Вновь звучали призывы к широкому диалогу и детальному изучению конкретных случаев передачи той или иной святыни в действующий храм. Говорилось также о необходимости привлечения музейного сообщества к участию в разработке законопроекта о возвращении церковного имущества. Речь шла о создании совета из представителей государства, Церкви и экспертов, в ведении которого может быть передано решение о передаче религиозным организациям конкретных памятников. Основой для этого должны служить два принципа: сохранность и доступность для широких слоев общества, не принадлежащих к Церкви. Это позволило бы, не вступая в конфронтацию, придать самому процессу, который в целом рассматривался как позитивный, наиболее грамотную правовую форму — в соответствии с международными стандартами. Но позитивность процесса не отменяет того факта, что безвозмездный отказ государства от собственности российского народа не найдет понимания в кругах рационально мыслящей общественности и законопослушного налогоплательщика.

Были отмечены и определенные противоречия между современными требованиями Церкви и традиционной православной духовностью и каноническим правом, которым не соответствует, в частности, понятие «намоленности» образа. Не существует и канонических запретов на нахождение иконы вне храма: находясь в пространстве музея, памятники религиозной культуры исполняют важнейшую духовную миссию, являются своего рода посланниками Церкви в миру, оказывая благое действие на души людей. Эстетический подход к иконе, присущий большинству наших современников, не следует рассматривать как «бессмысленное эстетическое любование, праздное любопытство и гедонистическое услаждение чувств»; он должен вызывать в Церкви такое же уважение и понимание, какие религиозная вера должна вызывать в обществе.

Свое мнение, хотя противоречивое, высказала Общественная палата при Президенте РФ. Еще 19 декабря 2009 г. ее секретарь академик Евгений Велихов предложил Государственной Думе принять закон, позволяющий религиозным организациям беспрепятственно изымать иконы из музейных коллекций. Однако позже тональность заявлений изменилась. 11 февраля российский комитет Международного совета музеев принял участие в заседании комиссии Общественной палаты по сохранению и развитию отечественной культуры. Выступавшие

здесь директор музея древнерусского искусства им. прп. Андрея Рублева Геннадий Попов и исполнительный директор ИКОМ России Галина Андреева выразили озабоченность разворачивающимся процессом передачи религиозным организациям культурных ценностей, который совершается при участи одних только чиновников — без привлечения специалистов. В результате удалось убедить «общественников», что смена пользователей во многих случаях затрагивает не только сложившуюся эффективную систему управления музейными объектами, которая обеспечивается либо самими музеями, либо сотрудничеством музеев и Церкви, но также и принятые Россией международные обязательства в области сохранения культурного наследия. В результате резко сокращается доступность этих памятников для людей различных убеждений, верований и национальной принадлежности, что особенно важно для уникальных объектов, составляющих неотъемлемую часть всемирного наследия. И потому новый законопроект должен быть обязательно подвергнут общественным слушаниям и профессиональной экспертизе.

29 января 2010 г. другая Общественная палата — в Санкт-Петербурге, под председательством Игоря Риммера — выступила с инициативой придания особого статуса религиозным музейным ценностям, для чего следовало или принять поправки в ФЗ-54 «О музейном фонде и музеях Российской Федерации» от 24 апреля 1994 г. или остановить процесс приватизации церковного имущества.

Активной была и церковная среда — на XVIII Международных Рождественских образовательных чтениях. 28 января в музее древнерусского искусства им. прп. Андрея Рублева состоялась секция «Музей. Церковь. Общество — формы диалога», где сотрудники музея, ставшего своеобразным медицинским центром по спасению икон, доказывали свою полезность Церкви и обществу в качестве площадки для «соработничества». В резолюции подчеркивался опыт Рублевского музея, заслуживающий самого внимательного отношения, и необходимость создания синодального Отдела по вопросам православной культуры и церковного искусства. Однако главные события происходили 27 января на московском подворье Троице-Сергиевой лавры, где состоялся круглый стол, который проявил как накал проблемы возвращения РПЦ православных святынь, так и взаимное непонимание сторон в том, что касается передачи патриархии музейных ценностей. Руководил столом архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий (Данилов), который скорее озвучил жесткие требования к обществу и государству, нежели выказал расположенность к диалогу. Здесь шла речь не только о государственном финансировании церковной реставрации и содержания памятников церковной культуры, но и о

компенсации Церкви затрат на оформление имущества в собственность. Епископ Выборгский Назарий (Лавриненко) прямо заявил, что музейщики и Минкультуры в настоящее время играют «прямо атеистическую роль», так как не понимают, что имеют дело со святынями и устраивают скандалы в связи с их возвращением, а первый замминистра юстиции РФ Александр Федоров призвал Церковь не стесняться и решать вопросы о передаче святынь в судебном порядке. Вновь поднимался и вопрос о церковных музеях, о чем говорили наместник Ново-Иерусалимского монастыря игумен Феофилакт (Безукладников) и замминистра культуры Андрей Бусыгин. Последний, правда, в качестве положительного примера привел музей Рязанской епархии в палатах местного кремля, директором которого является архиепископ Павел (Пономарев), забыв при этом сказать, что музей создается на костях Рязанского музея-заповедника.

Разумные предложения вряд ли были услышаны. Замминистра экономического развития РФ Игорь Манылов утверждал, что патриархии надо менять систему управления имуществом и создавать перечни и кадастры, а Александр Кибовский, глава Росохранкультуры, посчитал, что нельзя запускать механизм передачи собственности Церкви, пока не будет разработан механизм финансирования поддержки памятников государством. Он отметил, что случаи уничтожения древних фресок и «самостроя» на церковных памятниках «множатся в геометрической прогрессии». В дореволюционной России, по его словам, было принято 4 определения Синода, которые предусматривали суровое наказание духовенства за уничтожение старины. Патриархии и сегодня надо пристально следить за недопустимостью такого рода случаев.

В патриархии восприняли этот призыв по-своему, поскольку вообще не отреагировать на ситуацию, да еще в преддверии принятия закона о передаче церковной собственности, было невозможно. На епархиальном собрании в Москве 23 декабря 2009 г. патриарх Кирилл (Гундяев) коснулся вопросов церковной реставрации, но лишь в рамках «эстетики современной церковной архитектуры». Здесь он отметил ответственность настоятелей за «чистоту и убранство» храмов. За «благообразие возводимых строений» отвечала искусствоведческая комиссия при епархиальном совете. Патриарх сообщил, что в отчете комиссии за прошедший год «прозвучала тревога по поводу того, что при производстве ремонтных работ в храмах нередко меняется внутренняя и внешняя окраска здания», и что «при этом все делается "по вкусу" настоятеля». Он призвал духовенство согласовывать свои действия при воссоздании интерьеров порушенных церквей с настоящей комиссией. Забота о памятниках выглядит достаточно специфичной:

ни слова о древности и старине и важности их сохранения в церковной жизни, во главу угла поставлено лишь благолепие и чистота храмов...

На праздновании годовщины собственной интронизации, к которой было приурочено архиерейское совещание 2 февраля 2010 г., патриарх расставил приоритеты окончательно. Упомянув о готовящихся законах, регламентирующих возвращение церковного имущества, он заявил, что воссозданное им финансово-хозяйственное управление патриархии «обеспечивает координацию со стороны Церкви финансирования работ по восстановлению и реставрации памятников истории и архитектуры федерального значения в рамках Федеральной целевой программы "Культура России (2006—2011 гг.)"». В текущем году объем этого финансирования существенно сократился. В результате недофинансирование составит 44,4% (1,2 вместо 2,159 млрд. рублей), что в денежном выражении равно почти 1 млрд. рублей (959 млн. рублей). Из 221 объекта, восстанавливаемых в 2009 г., в 2010 г. может остаться только 166. «Прошу с пониманием отнестись к тому, что произошло в сфере государственной поддержки реставрационных работ на церковных объектах, являющихся памятниками истории и архитектуры федерального значения, ибо изменения в инвестировании средств обусловлены общим сокращением бюджетных расходов в условиях финансово-экономического кризиса». В постановлении совещания говорилось лишь об усилении взаимодействия РПЦ с органами государственной власти — в целях скорейшей передачи Церкви «несправедливо отнятого у нее имущества», а также о необходимости проведения в каждой епархии празднования Дня славянской письменности и культуры в память свв. равноапостольных Мефодия и Кирилла. О православной старине и бережном к ней отношении, о прещениях за ее разрушение — вновь умолчание.

После расставленных патриархом приоритетов проповедь епископа Назария (Лавриненко) на праздник Торжества Православия 21 февраля 2010 г. в Троицком соборе Александро-Невской лавры удивления уже не вызвала, но лишь подтвердила, что слова благодарности музейщикам за сохранение православной культуры оказываются неискренними в устах священноначалия РПЦ. Задавшись вопросом «почему сегодня музеи держатся именно за чудотворные иконы?», он нашел следующий ответ: «Да потому, что до сих пор, к сожалению, работники музеев, осознавая или не осознавая, часто по инерции являются поборниками атеизма и иконоборческой ереси». Он утверждал, что «сегодня иконоборчество тоже существует, но под тем благовидным предлогом, что, не дай Бог, икона, оказавшись в храме, не будет храниться при надлежащей температуре, что, не дай Бог, за ней в храме не будут ухаживать». Эти требования были названы человеком, окон-

чившим Духовную академию (!), «изысками в области охраны памятников культуры». Такие слова свидетельствуют о неготовности иерархии взять на себя ответственность за судьбу общенациональных реликвий, внушают обоснованные опасения за будущее чтимых икон, переданных подобным «иконопочитателям», и полностью перечеркивают последующее утверждение архиерея о том, что церковные люди тоже «переживают» за состояние святынь. Епископ Назарий заявил, что «придет то время, когда из музеев будут возвращены практически все иконы, особенно чудотворные и почитаемые», и тогда святыни снова обретут своих молитвенников, а иконы вновь станут окном в Царство Небесное. Грамотный текст, написанный профессиональными спичрайтерами и утверждающий, что «чудотворные иконы и святыни — это одно из государствообразующих начал, ибо через них осуществляется то единство прошедших и нынешних поколений, без которого не может быть сильного государства», в тот же день появился в интернете, дабы произвести соответствующее впечатление.

Большинство сделанных с амвона заявлений прямо противоречат опыту Церкви, доказывающему, что святыня, соблюдаемая в общенациональном древлехранилище, не перестает быть палладиумом нации. К тому же, согласно православному учению, икона не столько щёлка, позволяющая нам заглянуть в вечность, сколько окно, сквозь которое Бог смотрит на нас, и мы меняемся от этого взгляда. Утверждения, что только в храме святыня может найти молитвенников, что главное в иконе — ее «намоленность», свидетельствуют о духовной слепоте и богословском примитивизме исповедующих подобные взгляды. Все это является манифестом «общества духовного потребления», в котором икона служит средством «удовлетворения религиозных потребностей» или «консолидации нации». Ни о каком христианском самоограничении, сбережении святынь для будущих поколений, уважении к внецерковному обществу, имеющему определенные права на национальные реликвии, речи в этом манифесте не идет. Настоящим иконоборчеством являются многочисленные факты разрушения церковной старины некоторыми представителями РПЦ, мартирологом чего стала эта книга. Манифест епископа Назария (Лавриненко), как и манифест его предшественника архимандрита Макария (Гневушева), прозвучавший 100 лет назад — накануне общероссийской катастрофы, не обещает ни обществу, ни Церкви ничего доброго…

Последующие события показали, что общество и без подобных провокаций оказалось расколотым, и расколотым — серьезно. Уже 3 марта директора нескольких московских музеев, а также группа ведущих искусствоведов, историков и археологов подписали беспрецедентное обращение непосредственно к патриарху Кириллу (Гундяеву).

Основу письма составили положения, выработанные на круглом столе 18 января: очевидно, текст писал кто-то из его участников. Приветствуя передачу РПЦ храмов и монастырей, находящихся в запустении, основную свою обеспокоенность авторы сконцентрировали на древностях, являющихся «общенациональным и мировым достоянием», которые «на общем фоне» планируемых к передаче памятников составляют доли процента, однако сберечь их возможно «только в режиме музейного хранения». Письмо предостерегало патриарха от рассеивания музейных коллекций «по тысячам храмов». Авторы письма предложили Кириллу обратиться к Президенту РФ «с просьбой приостановить уже запущенный процесс подготовки закона» и привлечь к созданию нового проекта, исключающего противоречия действующему законодательству, а равно угрозу памятникам церковного искусства и музейным коллекциям.

Однако в тот же день появилось и контрписьмо, подписанное деятелями менее известными, а иногда и скандально известными, где грядущее государственное решение о передаче РПЦ ее собственности называлось «долгожданным». Также обращенное к Президенту, оно было изрядно насыщено элементами социальной демагогии. Так, утверждалось, что поступать вопреки воле создателей церковного искусства, предназначавшей оное для храмов, «значит предавать память наших прадедов», а препятствовать возвращению Церкви ее бывшего имущества — «значит встать на сторону тех, кто участвовал в ограблении и разорении храмов и пролитии крови невинных людей». При этом храмы противопоставлялись «безликим и формальным "очагам культуры"». Вопреки известным фактам, в письме утверждалось, что «число случаев порчи древних икон, имевших место при их церковном хранении, не идет ни в какое сравнение с размерами их утрат и безвозвратных потерь в музейных фондах», поскольку «икона в храме защищена благоговейным отношением». В конце письма говорилось, что сотрудникам музеев пора отказаться от устаревших воззрений.

Последний манифест был раздерган чиновниками патриархии на цитаты. В день появления писем протоиерей Всеволод Чаплин заявил, согласно сообщению Газеты.Ru, что деятели культуры хотят «сорвать реализацию закона, вокруг которого сложился высокий уровень консенсуса». «Кто-то сознательно вводит в заблуждение общественность, — утверждал он. — Нам даже известно, что это за человек, и мы скоро назовем его имя».

Однако уже на другой день глава пресс-службы Патриарха протоиерей Владимир Вигилянский увидел в первом письме «почву для дальнейшего обсуждения "злободневной" темы». Впрочем, обсуждению предстоит быть достаточно странным. Председатель синодально-

го Информационного отдела Владимир Легойда заявил о недопустимости «обострения дискуссии» по поводу передачи Церкви памятников культуры, хотя днем ранее он говорил, что «данная тема должна быть обсуждаема, причем обсуждаема в формате широкой общественной дискуссии». В связи с этим уже упоминавшийся Чаплин в эфире радиопрограммы «О главном» увидел возможность диалога лишь между Церковью и государством, которым стоит «вместе заняться охраной исторических памятников, которые сегодня есть и в Церкви и в музее». Общество, равно как и учреждения культуры, из этого диалога практически исключались. Протоиерей посчитал, что позиция руководителей ряда музеев России против передачи Церкви имущества религиозного назначения может иметь корыстную подоплеку, и постарался столкнуть музейный «генералитет» и рядовых музейных сотрудников, заявив, что первые хорошо зарабатывают на организации «пирушек» и сдаче помещений в аренду — при нищенской зарплате вторых. При этом и он сам и В. Легойда вводили общество в заблуждение, утверждая, что вызывающий озабоченность многих деятелей культуры и искусства проект закона не касается возможной передачи РПЦ музейных и архивных фондов.

О том, что диалог с обществом не состоится, четко дал понять и патриарх Кирилл (Гундяев). «Сегодня многие пытаются вбить клин в отношения между культурой, искусством и Церковью вокруг темы возвращения святынь. Но мы сделаем все, чтобы не удалось вбить этот клин», — сказал он. И уже на следующий день, 5 марта, на заседании Священного Синода в Санкт-Петербурге, предложил создать Патриарший совет по культуре, «в компетенцию которого включить вопросы диалога и взаимодействия с государственными учреждениями культуры, творческими союзами, общественными объединениями граждан, работающих в сфере культуры, а также со спортивными и иными подобными организациями». Положение о совете, как и его состав, дóлжно подготовить к следующему заседанию Синода.

О будущей роли совета говорят как статус, так и отнесенные к его ведению вопросы. Статус патриаршего совета формально ниже статуса синодального отдела, однако в условиях функционирования «вертикали церковной власти» иного выбора просто не существует. Патриарх сам будет решать, как и с кем Церкви вести диалог и «взаимодействовать». Примечательна причудливая смесь функций будущего совета: от культуры до спорта. Эта смесь свидетельствует о непонимании руководством РПЦ сложности и самостоятельной важности дела сохранения церковной старины, о чем в синодальном решении не было сказано ни слова. В результате в патриархии так и не был сформи-

рован орган, ответственный за сохранение культурного и исторического наследия России.

Показательным моментом явилось назначение ответственным секретарем совета наместника московского Сретенского монастыря архимандрита Тихона (Шевкунова), известного своими крайне консервативными взглядами. Трудно найти в РПЦ кандидатуру, менее подходящую для ведения диалога с обществом! Архимандрит известен своим особым отношением к истории и культуре, в частности им был снят фильм о судьбе Византийской империи, где ее история была насильственно модернизирована под современное противостояние властных российских элит. Очевидно, что совету предстоит чисто декоративная роль, а грядущий «диалог» сведется к требованию подчинить интересы общества и культуры — интересам патриархии; взаимодействовать РПЦ намерена исключительно с государственными структурами и специалистами, для которых «благословение патриарха» значит больше, чем профессиональная и гражданская ответственность.

В этих условиях принятие и реализация нового закона будут поистине «революционным событием», радикально ломающим сложившуюся систему охраны и учета памятников старины. Общеизвестно, что не было в истории человечества ни одной революции, после которой людям жилось бы лучше, чем раньше. От революций страдают прежде всего те, на благо которых, казалось бы, эти революции направлены. Так и в нынешней ситуации: главной жертвой «новой революции», осуществляемой в «заботе» о культурном наследии, могут стать как раз памятники истории и культуры России, составляющие Государственный музейный фонд Российской Федерации. Народ, безмолвствуя, замер в ожидании развязки…

Мы закончили обзор и анализ основных событий и тенденций на начало 2010 г., связанных с требованиями московской патриархии вернуть ей памятники и святыни православной культуры. Общероссийский «макроисторический уровень» должен быть дополнен серией аналитических очерков, посвященных «микроистории» особых памятников или отдельных епархий. Это позволит понять, что ждет православную старину после грядущей тотальной передачи церковных памятников религиозным организациям — в условиях отсутствия государственного и общественного контроля. Этот анализ целесообразно начать с рассказа о положении дел в Новгородской епархии — древнейшей поместной Церкви на территории России...

Глава VII

НОВГОРОДСКИЕ ВОЛЬНОСТИ

Возрождение церковной жизни в Великом Новгороде, восстановление, подчас противоречивое и драматическое, его святынь и церковных памятников ассоциируется с именем епископа Льва (Церпицкого; р. 1946). Однако предвозрождение началось еще раньше, до его прихода в эту епархию после 20 июля 1990 г. Как и везде, оно было связано не столько с предшественником по кафедре, сколько с активным церковно-общественным движением «снизу».

Митрополит Новгородский и Ленинградский Алексий (Ридигер) любил бывать в Новгороде, но вольный дух свободолюбивого города всегда противостоял надменности остзейских помещиков. Реальная власть принадлежала здесь епархиальному секретарю и узнику ГУЛАГа протоиерею Михаилу Елагину. Ему и принадлежит честь первых «перестроечных» открытий церквей в Новгороде. Вместо предлагавшейся властями церкви свв. апп. Петра и Павла XII в. на Силничьей горе, находившейся на загородном кладбище, удалось не только открыть Покровский собор XIV—XIX вв., но и добиться возвращения Николо-Вяжищского монастыря. Обитель, основанная, скорее всего, во второй половине XIV в., знаменита своим выходцем — архиепископом Евфимием II, здесь и погребенным, и двумя храмами, украшенными изразцами, — Никольским (1685) и Иоанно-Богословским (1698). 5 июня 1989 г. новгородский облисполком принял постановление № 173 о передаче в пользование епархиальному управлению памятника архитектуры — Никольского собора Вяжищского монастыря и Покровского собора как «его городского подворья». Однако собор сразу же зажил собственной жизнью, презрев монастырские интересы.

Первая литургия в возрождаемой обители состоялась 11 октября 1989 г., но уже 15 декабря и. о. начальника производственной группы по охране памятников Т. А. Хохлова составляет акт о существенных нарушениях при реставрации Вяжищ и направляет его митрополиту

Алексию (Ридигеру). Как тонкий профессиональный юмор могла звучать фраза о том, что вместо цемяночного раствора в храме применяют «алексеевскую известь», запрещенную к использованию на памятниках. Не был заключен договор об охране, не было и профессионального контроля над восстановлением храма. Под видом укрепления столбчатых фундаментов производились бетонные накладки, а покрытие бочек на кровле собора делалось оцинкованной сталью вместо лемехов. Вместо необходимого подреза почвы была сделана гравийная подсыпка, нарушившая гидрорежим.

Реакция священноначалия осталась нам неизвестна. Став патриархом, Алексий 30 июня 1990 г. возвел монахиню Антонию (Корнееву), экономку собственной резиденции в Новгороде, в игуменский сан. Естественно, после этого игуменья предпочитала чаще согласовывать свои действия с Москвой, чем с Новгородом. К тому же в монашеской общине, которая пополнилась инокинями из Пюхтицкого монастыря в Эстонии, назрел конфликт. Когда группа монахинь во главе с Алексией (Симдякиной) ушла из монастыря, епископ Лев водворил их в давно ожидавший возрождения Хутынский монастырь. В результате противостояния 7 октября 1995 г. Вяжищский монастырь «получил статус ставропигиального», то есть был изъят из Новгородской епархии непосредственно в патриаршее заведование. Реставрационные работы в обители продолжались, и 21 мая 2000 г. был освящен главный монастырский храм в честь свт. Николая. Летом 2006 г. в Научно-реставрационные производственные мастерские в Москве поступило письмо игуменьи с просьбой разработать проект и документацию на строительство в монастыре патриаршей резиденции. На симпатичном эскизе небольшого домика уже стояла патриаршая резолюция: «Благословляется». После этого ни самой заказчице, ни проектировщикам деваться было некуда. Однако гармоничный монастырский ансамбль, сохранивший атмосферу Средневековья и незримое присутствие святителя Евфимия, никак не предполагал каких-либо дополнительных построек. Да и сам патриарх за последние 15 лет лишь раз посетил свою обитель в августе 1999 г.

Но настоящий переворот в духовной жизни Новгорода был связан с возвращением богослужения в Софийский собор. В конце 1980-х гг. в Новгороде жило много неравнодушных людей, среди которых был и Василий Юрцевич, приехавший на берега Волхова из Белоруссии и возглавляющий ныне реставрационную фирму — ООО «Десна». В 1985—1986 гг. он был старостой единственной в городе Филипповской церкви, но предпочитал тратить приходские деньги на ремонт храма, а не на Фонд мира. После празднования 1000-летия Крещения

Руси, получив благословение митрополита Алексия (Ридигера), он начал готовить общественное мнение и собирать архивные документы для возвращения Церкви Софийского собора. Опыт подсказывал — для успеха нужна организация. Осенью 1989 г. в Новгороде сложилось культурно-философское общество «София», Устав которого был официально зарегистрирован 9 февраля 1990 г. Пункт 4.2 этого Устава провозглашал «активную борьбу за функциональное возрождение и охрану памятников архитектуры и культуры».

29 августа 1990 г. в «Новгородской правде» (№ 20073) была опубликована статья самого Василия Юрцевича, преподавателя Новгородского политехнического института Марии Андрушихиной, внучки последнего настоятеля Софийского собора Павла Беляева, и других общинников под названием «София — наша покровительница». Общество заявило о своих намерениях и активной общественной позиции. Здесь впервые публично говорилось о необходимости возобновления служб в Софийском соборе и придании ему статуса кафедрального. Общество предполагало, что в Софии будут происходить лишь праздничные богослужения, тогда как ежедневная служба может вестись в храме св. Феодора Стратилата, который городские власти намеревались передать «софьянам» для реставрации.

Еще весной и летом общество сумело собрать более 6000 подписей за возвращение богослужения в Софийский собор. Среди них — 34 имени представителей новгородского духовенства, за исключением уважаемых, но осторожных протоиереев Михаила Елагина и Анатолия Малинина. Однако к этому времени в Новгороде сменился архиерей, в Церкви — патриарх, а в стране — политическая атмосфера. Здесь в историю с Софийским собором вмешалась московская власть. В Новгород пришла резолюция премьер-министра И. Силаева от 18 сентября 1990 г., появившаяся в ответ на уже известное нам письмо патриарха и вопрошавшая, когда можно «освободить» Софию, Хутынь и Юрьево. Однако она не вызвала энтузиазма у местных властей. 10 октября исполком Новгородского облсовета принимает решение № 412 «О рассмотрении поручения председателя Совета Министров» [1]. Здесь говорилось: в передаче Софийского собора отказать, учитывая его уникальность, требующую особых условий хранения и музейного показа, но разрешить, учитывая просьбу патриарха, проведение в нем «основных календарных богослужений» по договору с музеем. В передаче Хутынского и Юрьевского монастырей — отказать, учитывая необхо-

[1] Государственный исторический архив Новгородской области, ф. 3686, оп. 10, д. 1857, л. 51—52.

димость использования ансамблей для просветительских целей, но признать возможным частичное использование их епархией на условиях договора. В передаче Знаменской иконы — отказать, учитывая особые требования режима хранения, вступающие в противоречие с проведением культовых обрядов, и факт исторической принадлежности иконы Знаменскому собору, но считать возможным передачу епархии одной из копий, хранящихся в музее. 15 октября председатель исполкома Николай Гражданкин подписывает письмо № 66-2 в Москву, где перечисляет премьеру причины отказа [2].

Знало ли общество об этом решении, неизвестно. Но уже к следующей сессии областного Совета (21 декабря 1990 г.) была проведена соответствующая работа. Сюда поступил поддержанный депутатами Г. Кондрашовым и А. Цветковым запрос культурно-философского общества «София» об отмене предыдущего решения № 412. На этой сессии была зачитана докладная записка директора музея Михаила Лопаткина [3]. Защищая музей от несправедливых обвинений в корыстолюбии, он указал, что расходы на содержание собора, немыслимые для епархиального управления, составляют 111 500 рублей в год. В записке сообщалось, что на направленные в епархию музейные предложения от 30 ноября по сотрудничеству и совместному использованию памятников, никакой реакции не последовало. На будущее запомним, что в записке предлагалось учредить в доме Передольского краеведческий музей и предоставить в нем место для деятельности общества свт. Игнатия Брянчинова. В рамках ожидаемого сотрудничества 9 декабря епархии были переданы мощи новгородских святых: князя Владимира Ярославича, князя Мстислава, княгини Анны, архиепископа Иоанна и князя Феодора Ярославича.

Запрос вызвал среди депутатов серьезные споры. А. Костюков, председатель постоянной комиссии облсовета по культуре, говорил: «Те, кто встречался в июне или июле (1990 г. — *А. М.*) с патриархом, помнят, что он заявил нам, когда М. Семенов (председатель Новгородского областного совета. — *А. М.*) сказал ему, что раздаются голоса Софию отдать. Он ответил: „Да что вы, у нас священников на новые храмы не хватает, у нас нет средств реставрировать“». Был отмечен застой в реставрации Вяжищского монастыря. Недоумение у многих вызвало и то, что решение сложнейшего вопроса по неизвестным причинам передано «общественной организации». В результате 75 депутатов проголосовали против передачи и за неизменность предыдущего

[2] Государственный исторический архив Новгородской области, ф. Р-3686, оп. 10, д. 1882, В-2, т. 3, л. 273—275.

[3] Там же, ф. 3686, оп. 11, д. 30, л. 170—172.

решения, и лишь 25 — за возвращение Софии [4]. Итоговое постановление почти дословно повторяло текст отказа, направленного И. Силаеву.

Судя по всему, именно инициатива «общественной организации» и вызвала определенное «торможение» этого вопроса в высших сферах. Так, депутат В. Иванов, выступая, сказал: «Сегодня (21 декабря 1990 г. — *А. М.*) горисполком по аналогичному вопросу встречался с руководителями нашей епархии и просил наше решение не отменять». Из стенограммы непонятно, исходило ли это пожелание от руководства города или епархии или было их общей просьбой. Впрочем, непосредственные участники событий отмечали необъяснимую пассивность епископа осенью 1990—весной 1991 г. в деле возвращения Софии. Не исключено, что новое Общество свт. Игнатия Брячининова должно было составить определенную альтернативу «Софии». Отметим и то, что, несмотря на возможность организации праздничных богослужений в Софийском соборе, предусмотренную решением исполкома от 10 октября, епархия так и не предприняла конкретных шагов для их проведения. К тому же у нас имеется информация, что, докладывая патриарху Алексию (Ридигеру) летом 1991 г. о принятом решении по передаче собора, епископ Лев выслушал жесткие претензии от московского епископа. Их суть сводилось к тому, что практически вся работа по возвращению Софии была проделана без его участия. Весной 1992 г., смещая В. Юрцевича с поста коменданта собора, владыка выскажет ему свои обиды в том, что Общество «перебежало» архиерею дорогу в деле возвращения храма. Еще зимой 1991 г. епископ Лев велел тому передать все имеющиеся документы союзному депутату Валерию Трофимову для лоббирования вопроса на более высоком уровне. Однако сам В. Юрцевич помнил, что депутат в свое время отказался подписываться под воззванием за возвращение Софии. Не доверяя ему, он оставил инициативу за собой и Обществом. Это ему тоже припомнили в 1992 г. Похожие недоразумения возникли и между епископом и настоятелем Георгиевского храма в Старой Руссе архимандритом Агафангелом (Догадиным), которому в мае 1991 г. удалось самостоятельно добиться возвращения старорусского Воскресенского собора.

Несмотря на отрицательное решение декабрьской сессии, 14 января 1991 г. на президиуме облисполкома вновь поднимается вопрос о передаче Софии верующим уже по индивидуальному запросу гендиректора ПО «Квант» Александра Цветкова, поддержанному другими городскими и областными депутатами [5]. Слушали — постановили: отказать. 24 января в официальном ответе председателя совета Н. Граж-

[4] Государственный исторический архив Новгородской области, ф. Р-1824, оп. 10, д. 1827, т. 1, л. 92—93; т. 2, л. 265—267.

[5] Там же, ф. 3686, оп. 10, д. 1924, л. 3—4.

данкина вопрошавшему депутату слышатся новые ноты [6]. Несмотря на то, что президиум не вправе отменять решение совета, данный вопрос прорабатывается комиссией по культуре, управлением культуры и руководством музея совместно с епархией, и при необходимости он будет вынесен на очередную сессию.

К тому же зимой 1991 г. выявились новые проблемы с сохранностью иконостаса собора. Акт его состояния обсуждался 27 февраля на реставрационном совете музея. Были отмечены перенасыщенность красочного слоя икон клеевым составом после реставрации 1984 г., отслоение и шелушение краски, выявлены очаги плесени, а также факт сокращения досок и увеличения трещин. Перепады температурно-влажностного режима в храме были связаны с неудовлетворительной работой калориферной системы. Среди причин ухудшения состояния образов реставратор И. Карева назвала съемки фильма «Гроза над Русью» и передачу мощей из собора епархиальному управлению 9 декабря, в процессе которых двери храма, несмотря на мороз, были открыты в течение нескольких часов. Но потом случилось нечто, подстегнувшее всех к решительным действиям. 2 мая 1991 г. рухнул участок стены Новгородского кремля. И музею и городу была нужна успешная акция для того, чтобы создать собственный положительный образ и отвлечь внимание общества от происшедшей беды. Таким общественно значимым ходом и могла стать предстоящая передача Софии.

В начале мая В. Юрцевич направил письма в Совет министров и Верховный Совет РСФСР, приложив все собранные подписи и официальные документы. В них говорилось о целесообразности возобновления служб в Софии и совместного использования собора епархией и музеем, что позволило бы сохранить эту святыню на века «как живой памятник». Ответом стало письмо из Верховного Совета от 14 мая за № 78 (225) за подписью председателя Комитета по свободе совести, вероисповеданию, милосердию и благотворительности протоиерея Вячеслава Полосина [7]. Оно было адресовано председателю облисполкома Н. Гражданкину, а копия направлялась В. Юрцевичу. В ответ на письмо общества и священнослужителей (имеются в виду подписи приходского духовенства под обращением о возвращении Софии) комитет рекомендовал облсовету вернуться к вопросу о передаче собора и монастырей «в собственность» епархии с сохранением возможности экскурсионного показа. При этом в список дополнительно было реко-

[6] Государственный исторический архив Новгородской области, ф. 3886, оп. 10, д. 1990, В-4, т. 1, л. 50.

[7] Там же, ф. 3686, оп. 10, д. 1988, л. 99—100.

мендовано включить Знаменский собор, куда и предстояло перенести чтимую икону. О принятых мерах следовало доложить в комитет и в общество «София» до 1 июня 1991 г. Епископ и его роль в возвращении собора снова не упоминались.

Но еще раньше, чем письмо было получено в Новгороде, 17 мая, сюда приезжают сами «отцы-депутаты» протоиереи Вячеслав Полосин и Алексей Злобин. Блиц-визит, в ходе которого состоялись встречи с владыкой и Н. Гражданкиным, убедил все стороны в правильности избранного пути. Заинтересованность в этом деле российских законодателей повлияла на решение многих областных депутатов. 17 июня епископ Лев направляет председателю облисполкома Н. Гражданкину и начальнику управления культуры исполкома Юрию Шубину письмо № 258 — это единственный документ, свидетельствующий об участии епископа в возвращении собора [8]. Ссылаясь на пункт 5 постановления Верховного Совета о неотложных мерах по сохранению наследия 1990 г., он впервые обратился с просьбой о передаче епархии Софийского собора, иконы Знамения Божией Матери, Юрьева монастыря с Перынским скитом и Хутынского монастыря.

Имя Юрия Шубина впервые всплывает в корпусе новгородских документов. Однако некоторые информанты именно ему приписывают не последнюю роль в формировании идеи возвращения Софийского собора «сверху». Ю. Шубину принадлежит в истории памятников церковной культуры двусмысленная роль, связанная со стремлением любой ценой передать епархии нужную и ненужную архиерею недвижимость. Став в 2004 г. директором департамента культуры Минкульта РФ, этот чиновник продолжает свою деятельность уже во всероссийских масштабах. Именно ему было поручено в 2006 г. найти приемлемый для патриархии выход из ситуации вокруг Рязанского кремля.

26 июня исполком принимает решение № 257, проект которого готовил директор музея М. Лопаткин [9]. Все объекты передавались епархии в постоянное безвозмездное пользование по первоначальному назначению и для экскурсионного показа. Для передачи назначалась специальная комиссия под председательством Ю. Шубина. Работа комиссии по собору должна была быть закончена к 15 августа (очевидно уже тогда официальное освящение собора и его передача были намечены на 16 августа — день памяти прп. Антония Римлянина), а по Юрьеву — к 1 октября. Хутынь и Перынь должны были быть переданы в течение 1991 г. Отдельная комиссия создавалась для передачи иконы

[8] Государственный исторический архив Новгородской области, ф. 3686, оп. 10, д. 1988, л. 101.

[9] Там же, ф. 3686, оп. 10, д. 1959, л. 17—21.

Знамения. Ей предстояло разработать программы мероприятий по сохранению образа в условиях действующего храма. Производственной группе охраны памятников поручалось заключить договоры охраны с епархиальным управлением.

В связи с решением облисполкома Министерство культуры СССР отправило в Новгород комиссию, с членами которой Н. Гражданкин просто отказался общаться как с представителями ставшего уже лишним «нерушимого союза». Основываясь на рекомендациях комиссии, согласившейся с передачей Хутыни и Юрьева, но воспротивившейся передаче Софии и Знамения, министр Николай Губенко направил резкий протест председателю Новгородского облсовета, министру культуры России Юрию Соломину и председателю комиссии по культуре Верховного Совета Федору Поленову. Он категорически возражал против передачи Софийского собора, так как «уровень ценности и мировая значимость памятника требуют государственного уровня ответственности за их сохранность и музейного режима использования, совмещаемого с проведением в соборе торжественных праздничных богослужений». Министр справедливо указал, что решение должно было быть принято на республиканском и союзном уровне, а не областным советом.

Несмотря на то, что это решение еще предстояло утвердить на сессии, работы по приспособлению Софии к первому богослужению тут же начались, как началась и организация визита патриарха в сопровождении первых лиц государства 15—16 августа. Основная интрига заключалась в том, что 5-я сессия 21-го созыва должна была собраться 14 августа — за день до патриаршего визита. А что если депутаты, на 90 % состоявшие из членов КПСС, откажутся подтвердить решение исполкома? О своих волнениях и о мерах, предпринятых против неожиданностей, активные участники событий, в частности нынешний директор Новгородского музея Николай Гринев, до сих пор вспоминают с внутренним трепетом. К слову, именно им была предложена идея поименного голосования, что предполагало обязательное использование электронной системы подсчета голосов. Предложение должна была внести депутат Надежда Лисицына.

14 августа сессия облсовета утвердила решение исполкома и признала утратившим силу свое постановление от 21 декабря 1990 г. [10] В стенографическом отчете есть лишь сухие слова Н. Гражданкина: «Будут ли вопросы у депутатов? Нет. Просьба зарегистрироваться. Присутствуют 112 депутатов. Кто за то, чтобы утвердить решение ис-

[10] Государственный исторический архив Новгородской области, ф. 3686, оп. 10, д. 1919, л. 23.

полкома облсовета, прошу голосовать. Кто за? 112. Кто против? 0. Кто воздержался? Единогласно. Решение принято» [11].

Единогласный результат ошеломил всех, особенно тех, кто считал, что проголосовал против. Однако эффект был подавляющим. Сразу после голосования выступил епископ Лев, поблагодаривший депутатов за единогласие и пообещавший, что София в руках у епархии станет символом консолидации общества [12]. Говорят, в перерыве секретарь обкома КПСС В. Никулин недоуменно бросил своей фракции: ну что же вы так? В тот день это было единственное голосование при помощи компьютерной системы. По всем остальным вопросам, где волеизъявление избранников обходилось без нее, единогласие не достигалось никогда. Здесь же количество зарегистрировавшихся депутатов удивительным образом совпало с числом проголосовавших «за». Такой результат мог быть либо чудом, либо следствием того, что компьютер не был вовремя переключен из режима регистрации в режим голосования.

Но еще до всякого голосования 13 августа начальником управления культуры исполкома Ю. Шубиным был подписан приказ № 199 [13], предписывавший в срок до 15 августа передать на баланс епархиального управления Софийский собор и находящиеся в нем художественные ценности. Приказ был согласован как с епископом Львом, так и с действительными «моторами» всего процесса передачи — членами Верховного Совета РСФСР протоиереем Алексеем Злобиным, Б. Федотовым и специалистом депутатской комиссии по свободе совести А. Залесским. 5 августа заседала областная комиссия по передаче Софийского собора. Она предложила епархии заключить охранный договор в срок до 8 августа и доработать положение о совместном использовании с учетом замечаний Министерства культуры, которые были присланы Ю. Соломиным в его письме от 1 августа. Тогда же был составлен акт технического состояния собора, отметивший древние деформации в западной галерее и трещины у северной лопатки.

Столь же продумана была и программа мероприятий по передаче Знаменской иконы. С самого начала она была исключена из учетной музейной документации. С особым мнением выступила Анна Трифонова, считавшая, что икона не может быть перемещена без ущерба для ее сохранности.

---

[11] Государственный исторический архив Новгородской области, ф. 3686, оп. 10, д. 1919, л. 145—147.

[12] Там же, ф. 3686, оп. 10, д. 1919, л. 146—147.

[13] Архив Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, ф. 1, оп. 12, № 163, л. 1—2.

Лишь к ноябрю могла быть сделана витрина, поддерживающая необходимый режим, и установлена сигнализация. Однако тогда посчитали целесообразным перенести икону в собор именно 15 августа. В результате икону установили в соборе так, что ее оборотная сторона с образами свв. Петра и Анастасии не была видна ни молящимся, ни посетителям. Первый конфликт в соборе случился уже 7 августа. Без согласования с реставрационным советом было принято решение закрыть археологический резерват в центральной апсиде для проведения здесь патриаршего богослужения. В результате работ и отсутствия охранных мероприятий все было покрыто толстым слоем пыли.

15 августа между Н. Гражданкиным и епископом Львом было подписано «Положение об использовании Софийского собора», утвержденное Ю. Соломиным. 16 августа состоялось освящение собора. Известно, что существовал еще один вариант положения, предложенный директором музея М. Лопаткиным. Проект включал в себя более развернутые пункты об ответственности и обязанностях епархии в отношении содержания собора. Он предполагал, что доходы от экскурсий будут поступать на тот же счет, куда поступают бюджетные ассигнования, а не непосредственно в епархиальную кассу. При этом собор должен был находиться в оперативном управлении у музея.

Подписанное положение предполагало, что памятник республиканского значения передается епархии в постоянное безвозмездное пользование. Епархиальное управление должно было создать централизованную службу учета, хранения, использования и реставрации движимых и недвижимых памятников истории и культуры. Движимые памятники снимались с учета в Новгородском музее и заносились в инвентарные книги епархии, скрепляемые двумя печатями, — по образцу подобной документации государственных музеев. Для обеспечения деятельности и реставрации собора и находящихся в нем памятников необходимо было создать попечительский консультативный совет, положение о котором еще только предстояло выработать. Также надлежало выработать специальный регламент использования Софийского собора, предусматривающий сохранность, равный доступ, возможность научных исследований и экскурсионного показа, режим и виды уборки, уровень электрического освещения и порядок использования свечей из воска. Доходы распределялись на паритетных началах, а расходы по содержанию так и не были оговорены.

22 августа епископ своим указом назначает В. Юрцевича и. о. коменданта Софийского собора с полной материальной ответственностью. Здесь еще нет никакой приходской общины, она была зарегистрирована только 7 октября 1992 г. И уже 24 августа владыка Лев издает указ о ежедневных богослужениях в соборе. При этом службы долж-

ны были проходить с 10 до 12 часов и с 18 до 21 часа, а время музейного показа сокращалось до промежутка между 14.00—17.30. За Музеем временно оставлялись западная, южная и северная галереи, придел св. Иоанна Богослова и «холодная ризница». В это же время была принята временная инструкция по охранному режиму и условиям использования храма, предусматривавшая ежедневный прием-передачу историко-художественных ценностей от епархиального хранителя хранителям музейным и составление дефектных актов. Время прекращения этой практики в документах не отражено.

Архиерей оказался настоятелем собора, и сложившееся вокруг коменданта общество (община) тяготило его. Весной 1992 г. владыка, созвав новое приходское собрание, сменил В. Юрцевича на подконтрольного ему старосту — Галину Кузину († 2005). Помимо ряда претензий финансового характера, главному действующему лицу возвращения Софийского собора было брошено обвинение в том, что он подменил православную общину культурно-философским обществом. Покойный писатель Дмитрий Балашов († 2000), критиковавший архиерея за пассивность еще во время борьбы за передачу собора, столь же принципиально выступил против разгона приходского собрания.

Кадровая замена была проведена как нельзя вовремя. 30 марта 1992 г. между директором музея Н. Гриневым и епископом Львом был подписан договор, согласно которому епархия поручала музею организацию «экскурсионного показа памятников архитектуры и архитектурных ансамблей, находящихся в ведении епархии». Право организации экскурсий было эксклюзивным. Согласно договору, методические материалы к экскурсиям должны были проходить стадию согласования в епархии. Половину сумм, полученных от входной платы при использовании «объектов показа», музей перечисляет епархии ежемесячно. Таким образом, деньги за право осмотра государственных памятников, находящихся у церкви лишь в пользовании, получало епархиальное управление, а не приходская община Софийского собора. Музей исправно перечислял договорные деньги за три «объекта показа» — Софийский собор в Кремле, Георгиевский собор Юрьева монастыря и Иверский монастырь на Валдае. До 2005 г. сумма росла практически стабильно: 2000 г. — 275 659 рублей, 2001 г. — 544 131 рубль, 2002 г. — 858 808 рублей, 2003 г. — 816 340 рублей, 2004 г. — 1 587 060 рублей, 2005 г. — 1 412 485 рублей. Всего в период с 1998 г. по 2006 г. Музей перечислил епархии 204 448 909 рублей.

В течение 1992—1993 гг. при епархии были созданы реставрационный отдел во главе с Валентиной Карагодиной (в обязанности входили ремонт и восстановление храмов на всей территории епархии) и хранительская служба во главе с искусствоведом Татьяной Царевской,

ответственной за состояние Софийского собора. 8 декабря 1993 г. впервые на свое заседание собрался Научно-консультативный совет по обеспечению сохранности собора, созданный как совещательный орган при епископе [14]. В число его членов входили люди, так никогда и не собиравшиеся вместе: Сергей Аверинцев, Ольга Подобедова, Гелиан Прохоров, Сергей Подъяпольский, Владимир Сарабьянов, Галина Бахтель, Галина Клокова, Олег Иоаннисян и др. На первом заседании совета, кроме банальностей по поводу необходимости «взаимного заинтересованного сотрудничества», был высказан ряд положений, определивших впоследствии культурную политику епархии. Опыт действующего Софийского собора, по мнению архиерея, показал, что за два с половиной года постоянное богослужение и физическое сохранение памятника вполне совместимы. Были сформулированы претензии к общественности и органам охраны: «Если в бытность собора музеем все сложности и неурядицы... воспринимались как обычное явление и устранялись с присущим... спокойствием, то сейчас атмосфера резко накалилась, и Церкви ставится в вину любое нарушение предполагаемых правил, вольное или невольное, полученное в наследство или же случившееся по недосмотру технических служб». Именно на этом заседании, с подачи некоторых реставраторов — членов совета, получила окончательное оформление нелюбовь епископа к археологии. Имея в виду зондажи и 9 раскопов в соборе, епископ произнес заранее написанный кем-то их них текст: «Глубину и широту их (археологов. — *А. М.*) интересов можно назвать безмерной... Последствия такого археологического набега, смею опасаться, скажутся еще со временем, ибо ничто не проходит без следа».

Консультативный совет эпизодически собирался несколько раз не в полном составе с декабря 1993 по 1995 г. Впоследствии, вопреки положению о передаче собора, он прекратил свое существование. Его деятельность была подменена встречами рабочей группы, включающей самого архиерея, старосту, коменданта, хранителя, реставратора, иногда — представителей местного комитета культуры и органов охраны памятников. Стратегический орган, призванный согласовывать церковные и общественные интересы под сводами Софийского собора, превратился в ведомственную комиссию, нацеленную на решение текущих тактических задач. Впрочем, в том виде, в котором совет был создан, он и не мог долго существовать. В его поименном составе слишком явственно читаются как личные симпатии архиерея, так и элемент случайного выбора. К тому же князьям церкви всегда претила

[14] *Лев* (*Церпицкий*), *епископ*. «В слове и образе» // Литературная Россия. 1994. № 1—2.

мысль, что они должны с кем-то «советоваться» и перед кем-то отчитываться. 25 февраля 1995 г. владыка Лев был уже возведен в сан архиепископа, что до странности почти совпало по времени с присвоением патриарху Алексию (Ридигеру) звания «Почетный гражданин Великого Новгорода» 18 января того же года.

В результате начало происходить то, что начало происходить. Даже по мнению прихожан, храм пришел «в полный упадок» [15]. Староста, ориентируясь на свой вкус, не всегда контролируемый настоятелем, требовал засыпать Мартириеву паперть, дописать остатки средневековых фресок, расставить у икон живые цветы в вазах, а хранительской службе поручить уход за этими цветами. Хранители, предпочитавшие не спорить с епархиальным начальством, посещали собор лишь эпизодически, что привело к отсутствию постоянного и квалифицированного надзора за действиями смотрительниц и уборщиц. Еще в марте 2001 г. комиссия Федерального научно-методического совета была вынуждена обсуждать надуманный вопрос о «несовместимости раскопа и богослужений». К 2003 г. завершился первый этап «приспособления» Мартириевой паперти, проект которого так и не получил квалифицированного обсуждения. Пол паперти устлали крупной плиткой грубо обработанного «пикалевского» камня со следами циркулярной пилы. Под плитку был упрятан уникальный ладьевидный саркофаг, бывший некогда местом упокоения одного из новгородских архиепископов XIV—XV вв. По краям паперти была установлена безвкусная решетка, вглубь вела не менее грубая лестница. 20 февраля 2003 г. научно-методический совет обсуждал вопрос о разборке кирпичной гробницы в паперти, где верхние ряды плинфы частично закрывали фреску 1144 г. 7 августа 2003 г. вновь на секции научметодсовета обсуждалась необходимость настоящих реставрационных работ в Мартириевой паперти. Было отмечено, что у древнейшего русского собора не было своего архитектора. В 2001 г. была предложена кандидатура Владимира Дружинина, однако она не была принята архиереем, и лишь в июне 2005 г. в хранительской службе собора в должности архитектора начала трудиться Ольга Коваленко. В результате новый проект, предусматривающий исправление уже сделанного, в начале 2005 г. был заказан мастерской Бориса Сизова. В целом работы в паперти, как и внешняя покраска собора и золочение куполов, были закончены в 2009 г. — к 1150-летию первого упоминания Новгорода в русском летописании.

Именно с археологическими находками в Мартириевой паперти связан еще один неприятный инцидент в истории Софийского собора. В 1999—2000 гг. здесь проводились новые исследования под руковод-

[15] http://user.transit.ru/~maria/rel_3_2.htm

ством Владимира Седова. В результате было найдено несколько новых погребений, древние печати, а также культурный слой конца X в. Ткани, обнаруженные в этих погребениях, были уникальны — среди них княжеская туника с изображением вознесения Александра Македонского и погребальная шапочка с вензелем архиепископа Евфимия I Брадатого. Ткани были отреставрированы за счет епархиального управления, однако, в нарушение существующего законодательства, на протяжении 6 лет так и не были переданы в государственную часть музейного фонда Российской Федерации. Напомним, что пункт 9 статьи 45 ФЗ № 73 «Об объектах культурного наследия» предписывает совершать такую передачу в течение 3 лет со времени окончания работ. Ведомственная инструкция о производстве археологических раскопок от 23 февраля 2001 г., разработанная на основе Положения об охране и использовании памятников истории и культуры № 865 от 16 сентября 1982 г., предписывала передачу материалов в государственный музей по завершении их камеральной обработки, что должно быть скреплено соответствующим документом. Архиерей и его помощники мотивируют удержание находок тем, что в настоящее время они оформляют официальные документы на открытие церковно-археологического музея при Софийском соборе, однако нарушение законодательной нормы представляется очевидным. К тому же разговоры об открытии епархией своего музея на основе коллекции, собранной митрополитом Ленинградским Антонием (Мельниковым; 1978—1986) и хранящейся в новгородской архиерейской резиденции, идут уже более 10 лет. В результате ни эти вещи, ни уникальные ткани не известны ни широкой общественности, ни узкому кругу специалистов. Есть и другой пример. Моленное архиерейское место XVI в. так и стоит разобранным на хорах собора, дожидаясь своей реставрации. Архиепископ отказывается оплачивать ее до тех пор, пока на передачу этой святыни епархии не будут подписаны дополнительные документы, хотя приказ от 13 августа 1991 г. передал собор церкви со всеми недвижимыми памятниками.

Необъяснимо и неизменно неприязненное отношение архиерея к археологии. Он ни разу не посетил раскопки, открывающие новгородцам богатство их церковной истории. Во время исследований 1995 г. на Троицком раскопе были обнаружены остатки кладбища XVI—XVIII вв. Руководство археологической экспедиции обратилось к епископу с просьбой оказать содействие в перезахоронении найденных останков на подворье одной из действующих церквей и совершении заупокойного богослужения. Дальше устных обещаний со стороны архиерея дело не сдвинулось. В конце концов экспедиция в 1996 г. сама перезахоронила кости у Троицкой церкви. 2 ноября 1998 г. архиепископ Лев

должен был выступить с докладом на церковно-археологической конференции в Санкт-Петербургской Духовной академии и рассказать о состоянии Софийского собора. На конференцию он не приехал, о своем отсутствии не предупредил и извиняться не стал. 13 июля 2000 г. на Троицком раскопе была найдена сенсационная находка — древнейшая русская деревянно-вощеная книга (*цера*) — с текстами псалмов, относящаяся к 1020—1030 гг. Руководство экспедиции неоднократно приглашало епархиальное руководство осмотреть эту находку. Архиерей так и не проявил никакого интереса к древнейшей русской молитве, ожидая, очевидно, что ее принесут к нему в резиденцию.

А тем временем в мае 2002 г. комиссия ФНМС вновь выразила беспокойство состоянием западной стены Софии, где трещины, отмеченные в 1991 г. лишь на северной лопатке, появились уже и на центральной лопатке, а растрескивание стало проявляться на хорах. Об инициировании епархией каких-либо действенных мер по исправлению ситуации не известно, зато 27 августа 2003 г. в Софии состоялось освящение нового престола, изготовленного в Выборге из испанского бело-зеленого мрамора. Настоятель Преображенского собора в этом городе — брат владыки протоиерей Лев Церпицкий. Одновременно готовится проект восполнения утраченных фрагментов фресок Николая Сафонова, а также существуют амбициозные планы по понижению пола в Софийском соборе и окружающего храм культурного слоя до уровня XI в.

Возникли и проблемы с посещением собора туристами и паломниками. Неприветливость соборных трудниц, назойливые просьбы «пожертвовать на храм здесь и сейчас», постоянные одергивания ими экскурсантов и экскурсоводов, нежелание власти вмешиваться в нездоровую ситуацию — все это привело к сокращению групп, посещающих главную Новгородскую святыню. К тому же лестница и хоры оказались закрыты для посещения. Это диктовалось, по мнению епархии, необходимостью оградить соборную администрацию — старосту, регента и бухгалтера — от назойливых посетителей. Храмовый полумрак, создающий нездоровый мистический настрой и мешающий подлинному созерцанию «церковной красоты», объяснялся экономией электроэнергии. В результате в России выросло поколение, которое никогда не видело Софийские святыни при нормальном свете, никогда не поднималось по соборной лестнице, читая оставленные средневековыми предками надписи-граффити, никогда не поражалось величественным видом священного пространства, открывающегося с галерей соборных хоров.

Тема беспомощности музея и новгородских органов охраны памятников в отстаивании прав граждан на свободный и квалифицированный осмотр Софийского собора уже поднималась в прессе в марте (Елена Анженкова. «Новгородские ведомости». № 9) и в ноябре (Андрей Куликов. «Невское время») 2002 г. В 2005 г. уже в центральных СМИ было отмечено, что в предусмотренном «владении Софийским собором напополам музеем и священниками музея не шибко видно» [16]. Все предложения Музея «доплачивать за свет» лишь ради того, чтобы люди смогли увидеть святость иконы лицом к лицу, были отвергнуты, хотя известно, что существуют соборные задолженности по коммунальным платежам. Остается открытым и вопрос о сохранности фресок и икон собора в условиях суточной и суетной богослужебной череды, напоминающей эксплуатацию святыни ради удовлетворения «религиозных потребностей» и не только их. Похоже, стенопись и иконопись спасает лишь огромный объем собора. Впрочем, за время, прошедшее со дня передачи Софийского собора, здесь так и не побывало ни одной комплексной комиссии, которая могла бы квалифицированно ответить на этот и другие вопросы: храмовая среда стала недоступна объективной оценке.

Основания для беспокойства есть и достаточно серьезные. Они связаны, скорее, с позицией околоцерковной интеллигенции. Отрицая саму возможность негативного влияния богослужебной эксплуатации святыни на ее состояние, эти люди утверждают, что иконы и фрески должны сохраняться «Божиим Промыслом» и «ежедневной молитвой». Существует и другое мнение. Лев Лифшиц ответственно пишет, что фрески Софийского собора в Новгороде являются памятником, «далеким от благополучия», и что «ежедневные службы в древнем Софийском соборе неизбежно приводят к загрязнению раскрытой древней живописи» и наносят «ущерб уникальным фрескам» [17]. О реальной угрозе состоянию святынь и его «угрожающей динамике» говорят Алексей Комеч и другие специалисты. В то же время близкие к архиерею хранитель собора Татьяна Царевская и реставратор Татьяна Ромашкевич утверждают, что заявление об угрозе состоянию живописи собора «вызывает у специалистов удивление». Именно из этой среды так и не раздались голоса в защиту других памятников, разрушенных при участии епархии. Именно отсюда звучали предложения, призывающие за-

[16] *Арсюхин Е.* Молчание о Родине. Закон о приватизации памятников старины готовится нарочито келейно // Российская газета. 2005. № 167.

[17] *Лифшиц Л. И.* Плакали фрески... Если не решать проблемы охраны и реставрации памятников монументальной живописи // Наследие народов Российской Федерации. 2003. № 3. С. 52.

сыпать Мартириеву паперть, поскольку открытые археологией святыни и древности якобы «несовместимы с православным богослужением» [18]. Любая информация о том, что епископ мог поступить непорядочно, воспринимается этими людьми как провокация и «заговор темных сил». Прошло 100 лет, и ничего не изменилось в «околоцерковной археологии». Те же «свои» специалисты и «карманные комиссии», призванные защищать «честь рясы» и ведомственные интересы...

Софийский собор — не единственная боль православного Новгорода. 22 сентября 2000 г. начальник областного управления по охране памятников Сергей Гурьев был вынужден направить архиепископу Льву предписание по поводу немедленного прекращения работ в Юрьевом монастыре. Здесь отмечалось грубое нарушение требований закона, поскольку работы по покраске фасадов Георгиевского собора были начаты без надлежащих согласований. Были нарушены и методические требования, касающиеся применения фасадных красок в реставрации: на памятнике XII в. применялись акриловые краски, разрешенные только для поздних зданий. Естественно, работы велись исполнителями без лицензии и без соответствующего надзора специалистов.

Впрочем, с точки зрения председателя Комитета по культуре Ю. Шубина, епископ мог делать с собором то, что считал нужным. Шедевром новгородского правотворчества является его приказ № 333 от 19 декабря 1991 г. Во исполнение закона РСФСР «О собственности» и на основании решения исполкома от 26 июня 1991 г. он передал епархиальному управлению комплекс Юрьева монастыря и Перынский скит с находящимися в них историко-художественными ценностями «в собственность», хотя в решении говорилось лишь о «постоянном безвозмездном пользовании». Несмотря на недействительность этого акта с момента подписания, он до сих пор официально не отменен, а его автор управляет российской культурой.

Более драматично складывалась история возрождения Хутынского монастыря. Обитель на «Хутыни» была основана в конце XII в. В 1925 г. монастырь был закрыт. Сильно пострадав во время войны из-за огня артиллеристов-красноармейцев, полностью разрушившего колокольню, он служил прибежищем для душевнобольных, а в 1980-е гг. превратился в турбазу. Уже известное нам постановление областного совета предполагало вернуть этот «бесхоз» Церкви. Спасти монастырь помогли прп. Варлаам Хутынский и Гаврила Романович Державин (1743—1816). Последний, похороненный со своей женой Дарьей в Иоанно-Богословском приделе Преображенского храма, был в 1959 г., накануне 1100-летия Новгорода, перезахоронен на территории Кремля: уж очень

[18] *Савинова И.* Не спокойно над вечным покоем // Новгород. 1993. № 50.

неприглядно выглядела его могила в разрушающемся храме. Новый юбилей помог остановить это разрушение — в 1992 г. вышло постановление правительства о праздновании 250-летия Г. Р. Державина, поддержанное ЮНЕСКО. В связи с этим Министерство культуры настоятельно требовало от Новгородского музея внести свои предложения по праздничным мероприятиям и подготовке к ним. Были составлены проект и смета. Проект включал в себя новое перезахоронение юбиляра в Хутыни, для чего властям предлагалось выделить деньги на реставрацию Спасо-Преображенского собора. Реставрация шла круглосуточно. Останки Гавриила Державина в июне 1992 г. были перенесены к месту своего первоначального упокоения. В июле 1993 г. Преображенский храм был освящен, но иноческая жизнь так пока и не состоялась. Женская монашеская община была зарегистрирована здесь лишь 28 марта 1994 г., чему предшествовали уже известные нам события, связанные с расколом в Вяжищской обители. Распоряжением Новгородского КУГИ от 1 апреля 1999 г. монастырь был передан епархии в полное хозяйственное ведение, а акт передачи, подписанный 1 мая 1999 г., говорил о постоянном безвозмездном пользовании.

Кроме собора, остальные монастырские постройки стояли в руинах. Автором проекта реставрации монастыря была Галина Никольская, член Консультативного совета по Софийскому собору. Это позволяло надеяться, что к ее голосу сестры и епархия будут прислушиваться. Надежды не оправдались. С самого начала работы велись не просто вразрез с проектом и реставрационными методиками, но в ряде случаев предполагали уничтожение сохранившихся частей древних зданий. Как всегда, они выполнялись без согласования, без проекта, без рабочей документации и без авторского надзора, который подменяли собой консультации представителя фирмы «Инжстрой» Александра Галкина, не обладающего необходимой квалификацией. Так, епархия отказалась выводить своды в братском корпусе, для чего под крышу завели железные балки. В качестве рабочей силы использовался неквалифицированный труд гастарбайтеров. Кроме колокольни и собора в монастыре возникла еще одна «архитектурная доминанта» — водонапорная башня, хорошо видная с ряда смотровых точек, хотя существовали и альтернативные проекты водоснабжения монастыря. Г. Никольская робко пыталась отстоять память о преподобном и его преемниках, но столкнулась не просто с непониманием, но и с угрозами. В свое, достаточно голодное для творческой интеллигенции, время игуменья выделила ей маленький огородик на территории монастыря, который постоянно грозилась отобрать. Начальник епархиальной службы реставрации В. Карагодина тоже сулила архитектору неприятности в случае, если протесты будут продолжаться.

Монастырь уникален еще и тем, что на его территории находится сопка — погребальный памятник славянской знати Новгородской земли IX—X вв., аналогов сопки в окрестностях города более не сохранилось. Церковная легенда превратила ее в горушку, насыпанную самим преподобным своей скуфьей. На сопке впоследствии была поставлена каменная часовня. Охранные обязательства на курган в Хутыни были подписаны монахиней Алексией (Симдякиной) и В. Карагодиной 22 июня 1994 г. Уже после этого епархия решила восстановить на сопке некогда существовавшую там часовню. Проект ее внешнего вида был согласован в управлении охраны памятников 29 августа 2000 г. Однако согласование эскиза — еще не разрешение на строительство. В епархии этого не хотели знать, и работы, возмутившие новгородское общество, начались. 5 октября 2000 г. письмом за № 609 начальник управления С. Гурьев был вынужден потребовать от архиерея прекратить земляные работы на памятнике археологии и представить документы на согласование. 9 октября 2000 г. владыка просит такие работы согласовать (письмо 613/3). Удивляет некомпетентность автора, составлявшего этот текст, или сознательное отрицание им археологического содержания сопки как погребальной насыпи — работы предполагалось проводить на «историческом месте-холме, являющемся памятником археологии».

В октябре 2000 г. Ю. Шубин отправляет в Министерство просьбу о согласовании строительства на сопке часовни, однако Александр Работкевич 19 октября затребовал дополнительные данные для решения этого вопроса. Одновременно Новгородское общество любителей древности направило тревожное письмо замминистра Наталье Дементьевой. 16 октября в Администрацию области и прокуратуру была направлена депеша из Министерства с просьбой принять меры в части административного и прокурорского надзора по сохранению памятника археологии и привлечению виновных лиц к ответственности за нанесенные ему повреждения. Вместо этого 7 февраля 2001 г. А. Работкевичу за подписью С. Гурьева и архиепископа Льва была отправлена «дополнительная информация», суть которой сводилась к следующему: «Возвращение храмовой святыни на свое обычное место будет способствовать сохранению археологического памятника и нормальной жизни монастыря». Чуть раньше, 23 января, Ю. Шубин сам просит Н. Дементьеву согласовать строительство часовни размером 3 × 3 м с заглублением в памятник не более чем на 80 см. Во входящих документах и в книге согласований указание на такое разрешение отсутствует. Однако в августе 2001 г. часовня была возведена самовольно. Это был не единичный случай. В 1998 г. часовня была построена на еще одной сопке у деревни Береговые Морины близ Новгорода. С. Гурьев утверждал,

что «возведение часовни ни в коей мере не может повлиять на состояние сопки» и что «хуже, чем есть, состояние сопки не станет» [19].

В Новгороде сложился еще один способ взаимодействия с епархией и избавления государства от необходимости содержать храмы-памятники. Принималось принципиальное решение о передаче церковного здания епархии, после чего комитет по культуре выступал заказчиком его «реставрации с приспособлением». Такой алгоритм, отвечая принципам восстановления исторической справедливости, оказывался наиболее благоприятным для восстановления храма в той мере, насколько позволял профессионализм выполнения самих работ, организуемых и направляемых заказчиком, при условии, что потенциальный пользователь не вмешивался в этот процесс сверх должного. Так, 18 апреля 2000 г. С. Гурьев написал архиепископу, что в связи с решением о передаче епархии церкви св. Феодора Стратилата на Щеркове улице, принятым КУГИ еще 10 сентября 1992 г. (№ 477), он просит рассмотреть «проект приспособления». На реставрацию церкви только в 2002 г. затрачено 1,5 миллиона рублей из федерального бюджета. Торжественная передача и освящение храма состоялись 19 декабря 2002 г., однако официально акт передачи был подписан 17 марта 2003 г. [20] Такая же судьба ждет храм вмч. Никиты на Большой Московской улице. Ситуация осложняется лишь тем, что ФНМС отказался признать достоверность его реконструкции под XVI в., настояв на воссоздании эклектичных объемов XIX в.

4 ноября 2000 г. Ю. Шубин направил министру Михаилу Швыдкому письмо с просьбой согласовать проект церкви в пятиглавых формах XVI в., поскольку для этого существуют необходимые основания. В качестве дополнительных аргументов приводились мнение архиепископа Льва и требования общественности, а также тот факт, что стоимость нового проекта не превышает сумм, выделенных на восстановление храма «под XIX в.». Подобная проблема возникла и при реставрации Троицкого собора Михаило-Клопского монастыря в 2005 г. Проект его шипцового завершения «под XVI в.», разработанный Нинель Кузьминой, не нашел понимания у членов научно-методического совета, предложивших восстановить храм с четырехскатной кровлей и пятиглавием XIX в. Однако на проекте шипцовой крыши уже красовалась архиерейская резолюция: «Благословляется». Будет ли архиерей так же истово отстаивать свое благословение против ученого мнения, неизвестно.

---

[19] Новгородские ведомости. 1998. № 17 (1356).

[20] *Кузьмина Н.*, *Филиппова Л.* Церковь Феодора Стратилата на Щеркове улице в Великом Новгороде. Великий Новгород, 2005.

Отдельного рассказа заслуживает реставрация и попытка передачи епархии Никольского собора на Ярославом дворище (1116). В 1992 г. собор, находившийся в управлении у музея, был в аварийном состоянии. В это время Новый Ганзейский союз объявил конкурс реставрационных проектов. На заседании комитета в Бергене 89 голосов из 101 получил проект реставрации «Николы на Дворище», представленный директором музея Николаем Гриневым и мэром города Виктором Ивановым. Протокол и договор между Ганзейским союзом и Новгородом был подписан 20 июня 1994 г. 1 360 000 немецких марок переводились в Славянский банк в Новгороде. Город принимал на себя ответственность за реставрацию и административные расходы. В конце концов было решено проводить реставрацию за счет городской казны, с тем чтобы европейские деньги шли на компенсацию этих расходов.

К 1999 г. реставрация была закончена. И тогда в недрах комитета по культуре возникла идея передать собор епархии. И для директора музея, и для многих участников событий инициатива явилась полной неожиданностью, тем более что она была озвучена «в прямом эфире» «на вече». Во время празднования Дня независимости России и дня города 12 июня 1999 г. губернатор Михаил Прусак неожиданно обратился к собравшейся толпе, хочет ли она передачи Никольского собора Церкви? Толпа, обрадованная тем, что ее мнение кто-то спрашивает, и почувствовавшая себя творцом истории, одобрительно загудела. Тут же был вынут заранее приготовленный «Протокол о намерениях передачи памятника истории и культуры XII в. Никольского собора на Ярославом дворище в Великом Новгороде», подлежащий утверждению губернатором и министром культуры Владимиром Егоровым. Здесь говорилось о желании областной администрации передать в постоянное безвозмездное пользование епархии здание храма и находящиеся в нем историко-художественные ценности «в объеме балансовой стоимости с учетом затрат на реставрацию». Последнее было особенно пикантно с учетом существовавшей схемы финансирования работ. Предполагалось, что протокол тут же прилюдно будет подписан архиепископом Львом, председателем комитета по культуре Ю. Шубиным, председателем КУГИ В. Алфимовым и директором музея Н. Гриневым. Фактор публичности был использован как средство давления. Под взглядом тысячи ожидающих глаз очень трудно сохранить себя. Возмущенный таким «вечевым» способом решения деликатных проблем и беспрецедентным давлением, директор написал на протоколе «против передачи».

После этого комитет по культуре начал атаковать министерство с требованием передать собор епархии. Несмотря на сложность ситуации, министерство в начале лета 2001 г., изучив вопрос, признало воз-

можным «использовать основной объем здания храма для проведения праздничных богослужений новгородской епархией на основе соглашения о совместном использовании собора между епархией и музеем-заповедником» [21]. Однако такой вариант совершенно не устраивал архиерея, привыкшего к полновластию. 2 августа 2001 г. Ю. Шубин опять пишет М. Швыдкому, где просит вернуться к вопросу о передаче собора в пользование церкви «для поднятия культуры и духовности». Он не согласился с тем, что реставрация храма на средства Ганзейского союза проводилась для последующего музейного использования собора. Отметим, что в протоколе об этом действительно ничего не сказано. Одновременно последовал донос на музей. В письме говорилось об ухудшении внешнего вида собора, его запущенности и неухоженности, об отсутствии рационального использования. В ответном письме от 28 сентября 2001 г. (№ 173-01-56/4-29) М. Швыдкой вновь настаивает, что ганзейские деньги предназначались для музея, который за собственный счет ведет реставрацию фресок и готовит их к открытию. На всякий случай министр пообещал проверить деятельность музея. В настоящее время вопрос о передаче храма не поднимается, что соответствует позиции епископа, который готов выждать время, но получить нужные объекты на продиктованных им условиях. Очевидно, в качестве подарка к празднованию 1150-летия первого упоминания Новгорода в летописи в 2009 г... На 1999 г. в пользовании у новгородской епархии находился один памятник XI в., к XII в. относилось 2, к XV—XVII вв. — 1, к XVIII—XIX вв. — 25. Частично эти здания не использовались, а большинство находилось в неудовлетворительном состоянии [22].

Однако вся драматичность ситуации с охраной памятников старины в Новгородской епархии и противоречивость позиции правящего архиерея проявилась в истории с домом Передольского [23]. Это был дом, построенный в 1900 г. основателем новгородского краеведения и местной охраны памятников Василием Степановичем Передольским (1833—1907). Дом пережил коммунистов, выстоял против нацистов, но не выдержал православного епископа и его помощников. Распоряжением исполкома Новгородского облсовета № 459-р от 16 июня 1982 г. дом был принят на государственную охрану как «историко-мемориальный па-

[21] Новгородские ведомости. 2002. 21 июня.

[22] Памятники истории и культуры Новгородской области. Каталог. Памятники архитектуры и истории. Великий Новгород, 1999.

[23] *Трояновский С. В.* Дом Передольских — новгородская история XX в. // Исчезающая красота. Проблемы охранения ценностей культуры в современной России: Материалы науч. конф. 17—19 мая 2002 года. Великий Новгород, 2002. С. 54—76.

мятник местного значения», что было подтверждено постановлением администрации области № 21 от 23 января 1997 г. Но уже в 1984 г. его состояние было признано аварийным, а в 1987 г. — остроаварийным. Все же к началу 1990-х гг. 70 % бревен были целыми — дом еще можно было отреставрировать методом полной переборки. В 1989 г. декоративные детали его фасада, включающие элементы крыльца и мезонина, по распоряжению Управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры (УГКОИПИК) были сняты со здания и перемещены в церковь Св. архангела Михаила. Однако к 1990 г. они погибли, и никакой акт так и не был составлен.

Уже тогда новгородская общественность проявляла заботу о сохранении дома-памятника. Известно письмо членов Президиума ВООПИК на имя председателя Комитета по культуре Ю. Шубина и мэра Новгорода А. Корсунова от 4 апреля 1990 г. 28 июня 1993 г. приказом Комитета по культуре дом, ранее никогда не принадлежавший церкви, был передан Новгородской епархии — для реконструкции и приспособления под воскресную школу Филипповского храма. Уже в самой цели передачи видится проблема, поскольку здание, предназначенное для такого заведения, как школа, должно быть не ниже 2-й степени огнестойкости. Поскольку деревянный дом постройки 1901 г. даже после реконструкции не обладал бы такой степенью защиты, он не смог бы служить в качестве школы. В прессе появились заметки, призывающие городские власти не оставлять настоятеля храма Св. апостола Филиппа священника Игоря Беловенцева наедине с проблемой, а всемерно помочь в реставрации дома [24]. 10 января 1994 г. епископ Лев подписал охранные обязательства, обещая сохранить и отреставрировать дом. По епископскому обычаю поставил перед именем крестик. Это был крест на судьбе дома.

Акт технического состояния памятника был датирован не непосредственно при передаче, а лишь 15 декабря 1994 г., когда он был уже разобран в соответствии с разрешением органов охраны памятников. Такое разрешение было дано письмом за № 307 от 18 апреля 1994 г. при условии «обеспечения сохранности промаркированных элементов для последующей сборки». В дальнейшем промаркированные бревна лежали на территории подворья под открытым небом без надлежащего хранения и защиты от осадков. В письме от 19 июля 1994 г. в адрес Управления начальник епархиального отдела реставрации В. Карагодина утверждала, что бревна были накрыты рубероидом, который был украден через 3 дня, но это лишь подтверждает, что епархия не сумела

[24] *Нарышкин Г.* У терема новый хозяин // Новгород. 1993. 13 авг.

организовать их охрану. Впоследствии, 25 декабря 2001 г., отвечая на запрос суда по факту разборки дома (письмо за № 1109), С. Гурьев фактически признал, что эта разборка изначально была для памятника гибельна.

С. Гурьев 2 июня 1995 г. обратился в епархию с письмом (№ 208), в котором выражал озабоченность хранением деревянных элементов разобранного дома и предписывал произвести рассортировку древесины. После этого, в 1995 г., деревянные элементы дома были перевезены в Хутынский монастырь. Свидетели вспоминают, как впоследствии монастырские трудники распиливали помеченные белой краской стволы на дрова. 17 декабря 1995 г. архиепископ Лев в своем письме в органы охраны сообщал, что реставрация дома откладывается из-за финансовых затруднений. Однако на следующий год, в соответствии с распоряжением Администрации Новгородской области № 1006-Р от 1 апреля 1996 г., был утвержден план земельного межевания, где участок вокруг дома выделялся епархии «для реконструкции и эксплуатации памятника архитектуры — дома Передольского», а 22 мая 1996 г. епархия получила на данный участок свидетельство о праве пользования землей № Ю-51 в тех же целях. Ни после разборки дома, ни после перевозки его в Хутынский монастырь, ни в течение 1995—2000 гг. не составлялись акты технического состояния памятника, как того требуют инструкции и охранные обязательства. Только 6 июня 2000 г. в органы охраны от имени епархии было направлено письмо об обследовании состояния древесины, а 14 июня 2000 г. был составлен акт о ее фактической утрате. Как выявилось впоследствии, акт, изначально датированный нерабочим днем 12 июня, был фальсифицирован. К тому же он был составлен на основе «визуального наблюдения». Фотофиксация уже не существующих к тому времени бревен не производилась. Парадоксальность ситуации заключалась еще и в том, что 13 июня 2000 г. начальник управления охраны памятников С. Гурьев обратился к председателю КУГИ В. Алфимову с просьбой официально оформить документы на передачу дома Передольского в пользование епархиальному управлению.

Деревянные дома стареют и разрушаются. Это естественно. Однако в этой истории что-то всегда настораживало. В одном из интервью 2001 г. архиепископ Лев утверждал: с самого начала с местными властями обговаривалось, что будет построен именно новый дом, поскольку епархия не намерена каждые 5 лет менять гнилые бревна [25]. Впоследствии ни архиерей, ни областное руководство не скрывали, что еще в

[25] *Владимиров М.* Страсти по Передольскому // Новгородские ведомости. 2001. 21 авг.

мае 1998 г. они получили неофициальную поддержку со стороны тогдашнего министра культуры России Натальи Дементьевой, по имеющейся информации, пообещавшей согласовать строительство кирпичного дома взамен снесенного памятника. 5 октября 2000 г. В. Карагодина обращается к С. Гурьеву с просьбой дать разрешение на восстановление дома Передольского. В целях пожарной безопасности стены дома предполагалось выполнить из кирпича и облицевать снаружи деревом. Однако участок, на котором находился дом, стоял на мощном культурном слое, поэтому на основании решения Новгородской областной думы от 31 августа 1998 г., перед новым строительством здесь должны были быть проведены полномасштабные археологические раскопки.

В ситуации, когда ни одно из необходимых условий так и не было выполнено, С. Гурьев 25 июля 2000 г. разрешил строительство фундамента для нового каменного дома, а своим письмом № 656 от 19 октября, на основании лишь эскизного варианта проекта, согласовал восстановление дома-памятника в кирпичном варианте. Епархия уже к 3 ноября приступила к работам, которые привели к разрушению части культурного слоя, что зафиксировано актом от того же числа, подписанным специалистами управления Георгием Акимченко и Алексеем Курочкиным. 4 ноября С. Гурьев своим письмом № 690 потребовал от епархии прекратить земляные работы.

Однако в январе 2000 г. в Новгороде возродилось основанное еще Василием Передольским в 1893 г. Общество любителей древности. Одним из его инициаторов был Сергей Трояновский, руководивший в 1992 г. археологическими раскопками в Вишерском монастыре и обретением мощей прп. Саввы. Уже 6 ноября 2000 г. НОЛД обращается к владыке с просьбой восстановить дом в первоначальном виде и предлагает любую помощь и поддержку со стороны членов Общества. Подобные письма были направлены мэру Новгорода А. Корсунову, начальнику Управления архитектуры и градостроительства С. Стрюкову и председателю Комитета по культуре Ю. Шубину. На все эти письма последовали соответствующие ответы. Единственный, кто не счел нужным ответить общественности, был новгородский архиерей.

Встреча любителей древности, в основном молодежи, и архиепископа состоялась случайно в начале декабря 2000 г. в Хутынском монастыре. Молодые люди обратились к владыке с тревогой за будущее дома и культурного слоя на месте памятника. Бросив через плечо, что лучшим памятником В. Передольскому будет тот каменный дом, что он собирается построить, архиерей направился к своим покоям. Тут произошел забавный эпизод. Ожидая, что для продолжения разговора

последует приглашение зайти в дом, ребята не только пошли за владыкой, но и предварительно сняли головные уборы. Поднявшись на крыльцо, архиерей обернулся и... милостиво разрешил надеть шапки, снятые, как он посчитал, из уважения к его «высокопреосвященному достоинству». Молодые люди развернулись и ушли, посчитав, что архиерей повел себя с ними «как барин». Сам архиерей предпочитал уже тогда рассматривать общество как «группку хамов и крикунов».

Летом 2001 г. в условиях начала новых строительных работ, после их согласования Управлением 25 июля, Общество провело 15 августа 2001 г. свое чрезвычайное публичное заседание, на котором было принято обращение к представителю Президента по Северо-Западному округу В. Черкесову, губернатору области М. Прусаку и министру культуры РФ М. Швыдкому с просьбой вмешаться в ситуацию. Каменное строительство на месте дома-памятника характеризовалось как «аморальное, антиобщественное и противозаконное» действие. 16 августа активисты Общества организовали пикет на месте строительных работ. По городу поползли слухи, что архиерей на месте разрушенного дома строит себе новую резиденцию.

17 августа у мэра Новгорода А. Корсунова состоялось совещание, на котором, в частности, обсуждалась возможность строительства каменного здания на бетонной плите без предварительных археологических раскопок. Было предложено провести гидрогеологические исследования на месте закладки будущего фундамента на предмет выяснения их будущей сохранности. Для этих работ был приглашен член Федерального научно-методического совета и заместитель председателя ВООПИК Евгений Пашкин, который должен был бы защитить памятник. Трудно сказать, имеем ли мы дело с заказной экспертизой. Но в заключении Е. Пашкина от 3 сентября говорилось, что строительство на плите не вызовет негативных окислительно-восстановительных процессов, ведущих к разрушению культурного слоя. Одновременно, с вопиющим непрофессионализмом, он предложил археологам вести раскопки под плитой «заходами до 6 метров». Забегая вперед, скажем, что ценность этой экспертизы в полной мере охарактеризовал Новгородский городской суд: заключение гидролога Пашкина не может быть принято в качестве основания для возможности продолжения строительных работ, не существует доказательств проведения им раскопок или разведочно-диагностических работ, заключение не может иметь правового значения при рассмотрении вопроса о правомерности строительства на месте дома Передольского.

Для характеристики взаимоотношений Е. Пашкина, епархии и органов охраны памятников интересен следующий эпизод. Летом 2005 г.

в Михаило-Клопском монастыре сотрудниками ЗАО «Инженерная геология исторических территорий», как раз и возглавляемым Пашкиным, было сделано несколько шурфов. Археологические работы производились без необходимых разрешений. Однако в отчетных документах сообщалось, что исследование было произведено в соответствии с открытым листом № 344 по форме № 1, выданным 27 мая 2005 г. на культурный слой Великого Новгорода и принадлежащим совершенно другому лицу. Впоследствии стало известно, что инспектор Росохранкультуры Людмила Мищенко, находящаяся в дружеских отношениях с начальником епархиальной реставрации В. Карагодиной, просто «покрыла» выполненные работы чужим разрешением. 25 апреля 2006 г. руководитель Росохранкультуры Борис Боярсков во время on-line интервью Интернет-изданию Gazeta.ru пообещал разобраться в происшедшем и проинформировать читателей. Естественно, не было ни информации, ни разбирательства. А Росохранкультура продолжала изъявлять радость от того, что на памятники культуры наконец-то пришел «эффективный пользователь».

Чуть ранее «гидрологических раскопок» Пашкина на месте строительства провел разведку доктор исторических наук археолог Петр Гайдуков. В его заключении от 17 августа 2001 г. говорилось о перспективности и необходимости проведения на месте методически грамотных раскопок. Более того, в ходе работ 2—11 августа было найдено несколько уникальных предметов, в том числе берестяная грамота № 917, где читались слова «Григория калики». Как всегда, господствующая в некоторых церковных кругах «теория заговора» сыграла с епархией злую шутку: архиепископ публично заявил, что грамоту в раскоп «подбросили» сами археологи, дабы доказать необходимость исследований. Подобная версия не делает чести ее изобретателям, кем бы они ни были. Несмотря на войну экспертиз и нарушение правовых норм, епархия смогла заключить договор на археологические наблюдения при проведении строительных работ на месте дома Передольского (договор № 22 от 20 августа 2001 г.). Чуть позже состоялось решение Новгородской администрации от 26 сентября 2001 г., где епархии давалось разрешение на проектирование и новое строительство на месте разрушенного дома.

Настала очередь правовых действий. 17 сентября 2001 г. НОЛД подает в суд иск, адресованный органам охраны памятников, о признании недействительным акта согласования, выданного Управлением на строительство каменного дома. Была заказана экспертиза Федерального научно-методического совета по сохранению культурного наследия. Такое экспертное заключение, за подписью заместителей председателя совета директора Института искусствознания А. Комеча и директора

Института Российского культурного и природного наследия В. Веденина, а также кандидата юридических наук Н. Потаповой, появилось 3 декабря 2001 г. Оно однозначно отрицало возможность нового каменного строительства на месте утраченного памятника. 25 января 2002 г. федеральный судья Н. Жукова, привлекшая епархию к суду в качестве соответчика, признала действия чиновников незаконными. Решение суда по гражданскому делу № 2-54/02 гласило, что «памятник как объект реставрации утрачен, т. е. фактически снесен». Согласование объявлялось недействительным, поскольку было выдано на «восстановление», хотя в действительности имело место новое строительство. Отсутствовала необходимая проектная документация. Было нарушено и решение Новгородской городской думы от 19 декабря 1996 г. № 36 «Об утверждении правил землепользования и застройки в г. Новгороде», которое требовало проведения полномасштабных археологических раскопок. К сожалению, суд отклонил требование Общества о восстановлении дома в дереве, поскольку посчитал его преждевременным. Однако, несмотря на остановку работ, потребованную судом еще 16 октября 2001 г., епархия продолжала строительство вплоть до середины февраля, успев залить бетонную плиту и частично построить первый этаж. Только после вмешательства прокурора работы были остановлены, причем в ответном письме (18 февраля 2002 г. № 86/13) архиепископ утверждал, что строительство якобы было прекращено еще 26 января.

В дальнейшем маленькая победа гражданского общества была поглощена административным ресурсом. Весь вопрос уперся в интерпретацию судебного решения и его значение для будущего строительства. 15 марта 2002 г. НОЛД обратилось в прокуратуру с просьбой установить виновных в утрате памятника. В ответ пришла отписка с традиционной формулой: «Факты подтвердились». 1 октября любители древности опять написали прокурору с просьбой принять меры прокурорского реагирования. 20 декабря 2002 г. областная прокуратура переадресовала это письмо УГКОПИК, рекомендуя ему, как контролирующему органу, провести служебную проверку по факту утраты памятника и решить вопрос об ответственности лиц. Управление отделалось отпиской, из которой можно было понять, что дом снес себя самостоятельно. К тому времени Управление возглавил Георгий Сидельников.

Пока шла переписка, 23 июля 2002 г. состоялось заседание секции ФНМС по учету памятников и экономико-правовому обеспечению сохранения культурного наследия. Было решено сохранить дом Передольского в списке памятников регионального значения. Совет посчитал обязательным осуществление работ по воссозданию утраченного объекта на историческом месте в первоначальном материале реставраци-

онными методами. Сам факт самовольного незаконного сноса памятника должен был стать предметом судебного разбирательства. В этих условиях НОЛД 21 марта 2003 г. обратилось к новому мэру города Н. Гражданкину с предложением созвать совет общественности для обсуждения вопроса. В письме говорилось, что Общество воздерживается от подачи в суд очередного иска для определения виновного в сносе дома и установления ущерба, нанесенного обществу и государству. 19 мая 2003 г. такое совещание состоялось. На нем присутствовали мэр города Н. Гражданкин, архиепископ Лев, председатель Комитета по культуре Ю. Шубин, председатель Общества В. Конецкий, зампредседателя С. Трояновский, архитектор В. Попов, начальник Управления охраны памятников Г. Сидельников и начальник епархиального отдела реставрации В. Карагодина. НОЛД гарантировало воссоздание дома в деревянном варианте в случае передачи участка Обществу и использования его совместно с общиной храма св. апостола Филиппа, а епархия опять предлагала проект каменного новодела. Архиепископ выдвигал претензии, говорил о возрастании суммы за раскопки с 40 до 500 тысяч, повторял глупости про подкинутую берестяную грамоту, а все происходящее назвал «специально организованной антицерковной акцией». Предполагалось проведение новой встречи для продолжения обсуждения, но она так и не состоялась.

26 июня 2003 г. в газете «Новгород» был опубликован купон с требованием «За восстановление дома В. С. Передольского в первоначальном виде!». Сторонники такого решения проблемы могли вписать туда свое имя и адрес и опустить купон в почтовый ящик. В результате в редакции было собрано 2830 подписей. Однако теперь архиепископ нашел нового союзника в деле увековечения памяти В. Передольского — губернатора области Михаила Прусака (р. 1960), уроженца Ивано-Франковской области и выпускника Высшей комсомольской школы. Будучи в 1991 г. союзным депутатом по квоте ВЛКСМ и директором совхоза «Трудовик» в с. Морохово Холмского райкома, он протянул в село водопровод через курганы эпохи Древней Руси, разрушив памятники археологии. Лишь ГКЧП спас председателя от судебного преследования, уже инициированного органами охраны памятников: 24 октября 1991 г. указом Бориса Ельцина он был назначен главой Администрации Новгородской области.

Как бы то ни было, предпочтение утилитаризма культуре и нелюбовь к археологии оказались качествами, роднящими архиерея и губернатора. Для борьбы с НОЛД и для «продавливания» идеи каменного строительства была разработана грамотная программа. В ответ на активность Общества губернатор заявил, что он еще посмотрит, кто тут «культура». 8 декабря 2003 г. М. Прусак утвердил «Положение об об-

ластной комиссии по культурному наследию» и ее состав. 22 марта 2004 г. комиссия собралась на свое первое заседание и большинством голосов (13 «за» — 6 «против») разрешила архиерею строить каменный дом на месте снесенного памятника. В числе голосовавших «за» была и председатель местного отделения ВООПИК Инесса Зараковская. Результаты голосования заставили академика Валентина Янина выйти из губернаторской комиссии. 3 апреля 2004 г. он отправил М. Прусак открытое письмо, где, в частности, говорилось: «Мне, в отличие от Вас, довелось застать Новгород, разрушенный нацистами, желавшими лишить нас исторической памяти, превратив в скотов, не помнящих своих предков и их высокой культуры». Впрочем, это первое заседание комиссии было и одним из последних. Добившись проявления пусть и заказной, но альтернативной общественности, губернатор посчитал, что комиссия выполнила свою историческую миссию.

Помимо местной общественности привлекли и московскую. Комитет по культуре 17 июня 2004 г. своим письмом № 889 обратился в ВООПИК с просьбой одобрить проект епархиального новодела. 8 августа заместитель председателя Центрального Совета ВООПИК А. Жиров направил архиепископу Льву письмо за № 127-2. Экспертный совет Общества под председательством директора ЦНРПМ Татьяны Каменевой рассмотрел вопрос о воссоздании дома в новом материале и дал свое согласие. Предложенное епархией инженерно-строительное решение было признано аргументированным, особенно с учетом того, что «подлинный дом» не сохранился. Экспертное заключение от 6 августа было подписано Сергеем Демидовым, членом реставрационной секции ФНМС и федеральным архитектором Троице-Сергиевой лавры. В качестве прецедента назывался дом С. Т. Аксакова в Москве, также возведенный в кирпиче в 2003 г. Свою лепту внес уже известный Пашкин, утверждавший, что строительство на плите не разрушает остатки культурного слоя. В заключении Совета содержались недостоверные сведения о бережном отношении заказчика к достопримечательному месту, об износе древесных конструкций дома на 60—100 % и фундаментов на 70 %, а также о том, что началу строительных работ предшествовали археологические исследования. Против этого тенденциозного решения выступил только И. Шургин из научно-реставрационных проектных мастерских.

Одновременно в прессе, особенно в «Новгородских ведомостях» и программе ГТРК «Славия» «N-бюро» началась кампания по дискредитации НОЛД и шельмованию памятников культуры. Губернаторская газета рукой Елены Аженковой писала: «Но так ли велика проблема, как о ней говорят? Да, дом Передольского был признан памятником истории МЕСТНОГО (!) значения в 1982 году. И сейчас в который раз

нет смысла выяснять имена людей, по вине которых он был утрачен. Да и было ли что там сохранять, если еще в 60-е годы, по свидетельству очевидцев, дом уже представлял опасность для людей, в нем живущих... Лучше бы члены НОЛД озаботились точным установлением места захоронения Передольского. Тогда бы было понятно, что им дорога память о краеведе. Пока же все это рассматривается как фарс» [26]. Ей вторил начальник Управления архитектуры и градостроительства области Сергей Стрюков: «Дом Передольского в Великом Новгороде, о котором разгорелся такой шум... насколько он актуален? Для узкого круга людей, скажем, Общества любителей древностей, он ценен. А для всех остальных этот дом не представляет ни исторической, ни архитектурной значимости» [27]. Вопрос о могиле В. Передольского был поднят весьма кстати. Существующий сегодня рядом с церковью св. апостола Филиппа надгробный камень, перенесенный на новое место без соответствующей эксгумации, не связан с этой могилой. Перенесение состоялось в 1960—1970 гг. в связи с обустройством епархией территории вокруг храма.

Предпринимались меры и административного характера. 12 мая Ю. Шубин пишет губернатору, что епархия вновь обратилась в Комиссию по культурному наследию с просьбой принять решение о строительстве каменного дома. К этому времени вариант губернаторского решения о воссоздании дома «по проекту епархии», то есть в камне и без археологических раскопок, не только был составлен, но и согласован с 22 апреля по 9 мая всеми заинтересованными лицами. Архиепископ подписал его 28 апреля. Лишь прокурор области Анатолий Чугунов 8 июня 2004 г. прислал свои замечания (№ 7/7-2004) на проект распоряжения о строительстве дома. По его мнению, настоящая редакция не могла быть принята, поскольку она не содержала информации о порядке согласования и выдачи разрешения на проведение земляных работ, а археологические работы на этом объекте не проводились, хотя это должно было быть сделано в обязательном порядке. В результате 5 ноября 2004 г. распоряжение № 521-рг было принято в первоначальной редакции: «Воссоздать утраченный историко-мемориальный памятник местного значения... для использования в качестве воскресной школы церкви апостола Филиппа на основании проекта Новгородского епархиального управления... с соблюдением размеров бывшего дома, внешнего вида и фасадов». Прокуратурой это решение не опротестовывалось. Согласование проекта, в ответ на просьбу В. Карагодиной от 16 ноября, было произведено Г. Сидельниковым 19 ноября 2004 г. Это

[26] Новгородские ведомости. 2004. 8 апр.
[27] Новгородские ведомости. 2004. 24 апр.

его деяние было одним из последних в Новгороде. После этого он ушел «на повышение» в Роскультуру.

НОЛД так и не смогло противостоять чиновному беспределу. В стране не только изменилась общественно-политическая атмосфера, но и само Общество оказалось расколотым. Причиной послужил Кремлевский раскоп, руководителем работ на котором был С. Трояновский. Археологические исследования должны были предшествовать строительству котельной для здания Присутственных мест, где располагались фонды и экспозиция музея-заповедника. Очевидно, изначально была дана неверная оценка характера культурного слоя, работы, в ходе которых были выявлены новые обстоятельства, затянулись, были превышены сметы и сроки. В этих условиях директор музея Н. Гринев 6 июля остановил работы на раскопе, решив возводить блок-модуль котельной и отказавшись от продолжения археологических исследований. Строительство без раскопок — то, что еще вчера ставилось общественностью и учреждениями культуры в вину епархии, стало частью их собственной жизни. Апелляция к общественности на чрезвычайном собрании НОЛД 7 июля ни к чему не привела. Многие авторитетные члены Общества не стали спорить с директором музея. Раскоп был засыпан, и строительство началось. После этого выражение принципиальной позиции Общества по другим вопросам было уже нравственно невозможно. Предположительно, за этими событиями стояли намерения чиновников внести раскол в ряды НОЛД, используя зависимость некоторых его членов от административного ресурса.

В этих условиях, когда Общество оказалось расколотым, губернаторское распоряжение принято, а епархиальный проект согласован, С. Трояновскому было сделано предложение, от которого тот не смог отказаться. Он стал начальником Управления по охране памятников и заместителем председателя Комитета по культуре. Цена вопроса была очевидна. Первым порученным ему делом было строительство дома Передольского. 14 февраля 2005 г. в Управление пришло разрешение на строительство за подписью Ю. Жаболенко из Управления Росохранкультуры по Северо-Западу. Дождавшись изменения ситуации в обществе и государстве, архиепископ в декабре 2005–январе 2006 г. возобновил работы по строительству дома, законному, но противоправному. НОЛД ничего не оставалось, как обратиться к обществу с «политкорректным» открытым письмом. Здесь говорилось, что в сложившихся обстоятельствах НОЛД не видит способов эффективного продолжения борьбы с системой, способной обходить нормы законодательства, позицию профессионалов и мнение общественности.

Событие, случившееся сразу после последних судорог общественного протеста, выглядело насмешкой и словно поощряло происшед-

шее. 3 апреля 2006 г. архиепископ получил от Президента награду «за большой вклад в развитие духовных и культурных традиций» — орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Власть добилась своего — Общество прекратило свое существование как активная гражданская сила. Более того, эволюция руководителей общества в сторону коррупционного соглашательства с бизнесом и местными властями в вопросах строительства в историческом центре Новгорода превратила НОЛД в антикультурную силу. В 2008—2009 гг. С. Трояновский начал лоббировать идею возведения в Новгороде коттеджей без раскопок на мелкозаглубленном бетонном фундаменте («плите») и даже способствовал реализации такого строительства на Торговой стороне. Несмотря на общее мнение специалистов-археологов, что подобное строительство губительно для культурного слоя, — общество промолчало. Судьба общества в истории защиты культурного наследия показательна: узкопрофессиональное движение интеллигенции оказалось удобным инструментом для карьерного роста его лидера, однако одновременно стало весьма благодатной почвой для коррупции в вопросе о судьбах российской культуры.

Подобное отношение к церковной памяти в Новгороде по принципу «разрушить старое — построить новое» имеет свою традицию, одним из зачинателей которой был архимандрит Юрьева монастыря Фотий (Спасский). Капитальному переустройству монастыря в 1823—1838 гг. предшествовал трехдневный пожар в январе 1822 г., уничтоживший все монастырские строения XVIII в., мешавшие амбициозным планам настоятеля. Тот факт, что пожар был устроен преднамеренно с целью расчистить путь новоделу, допускал и сам святитель Филарет (Дроздов) [28]. В новой истории особую печаль вызывает даже не факт разрушения дома, а то, что из уст архиерея ни разу не прозвучали слова сожаления о том, что дом Передольского в руках епархии превратился в груду развалин. Это еще раз заставляет задуматься о преднамеренности всех действий по сносу памятника. К тому же постоянные жалобы епархии на отсутствие финансовых средств на реставрацию дома выглядят достаточно наивно. Отсутствие денег не должно мешать человеку быть христианином и соблюдать закон.

Впрочем, история с общественным скандалом вокруг разрушения «дома Передольского» и отказа от раскопок при новом строительстве не прошла для епархиального сознания бесследно. Когда ООО «Глория» в декабре 2007 г., получив разрешение на строительство много-

[28] *Маслов К. И.* К истории обновления Юрьево-Новгородского монастыря архимандритом Фотием // Материальная база сферы культуры. Чтения памяти Л. А. Лелекова, 1998: Научно-информационный сб. Вып. 4. М., 1998. С. 74—88.

квартирных домов в районе Десятинного монастыря, решила заняться этим без археологических исследований, «вычерпав» культурный слой ковшом под покровом ночи и вывезя его в неизвестном направлении, первый сигнал о преступлении поступил как раз от сотрудников епархии. Начальник епархиальной службы реставрации В. Н. Карагодина, проходя поздним вечером мимо места будущей стройки, заметила начавшиеся работы и тут же сообщила о них в органы охраны памятников.

Деревянные памятники вообще оказываются самыми уязвимыми, особенно в церковных руках. В 1998 г. в Москве в Черкизово сгорела Архиерейская дача — двухэтажный деревянный дом-терем в загородной резиденции московских митрополитов, построенный в 1880-е гг. по проекту архитектора Н. Карнеева. Редкий в Москве памятник деревянного зодчества в «русском стиле» был украшен изящной колонной лоджией на парадном фасаде и красивыми резными наличниками. Передача патриархии его не только не спасла, но даже приблизила кончину. После пожара руины были разобраны.

В 1992—1994 гг. православной общине была передана деревянная церковь свт. Тихона Задонского на Ширяевом поле в парке «Сокольники» в Москве, построенная в 1863 г. За десять лет вместо чуткой реставрации вполне сохранный храм был раскатан по бревну, а на его месте поставили новодел образца 2004 г.

В 2000 г. сгорела Богоявленская церковь 1730 г. из подмосковного села Семеновское, переданная Ново-Иерусалимскому монастырю; в 2002 г. пожар уничтожил церковь из села Спас-Вежи, находившуюся на территории Ипатьевского монастыря в Костроме. 1 декабря 2007 г. сгорела церковь Рождества Христова Трифоно-Печенгского монастыря, построенная в 1908—1911 гг. и переданная Мурманской епархии еще в 1990 г. Не подлежащий восстановлению храм был снят с государственной охраны.

Впрочем, гибнут не только церковные или переданные Церкви памятники, однако аргументация чиновников, оправдывающих их уничтожение, ничуть не меняется. В ночь на 3 января 2010 г. в Москве сгорела деревянная дача Сергея Муромцева 1910 г. постройки, где бывал Иван Бунин, женатый на племяннице хозяина Вере Муромцевой; в 1970-ые гг. XX в. там работал Венедикт Ерофеев. Несмотря на то, что дача считалась «культовым местом», московские органы охраны памятников отказывались ставить ее на учет, а владелец территории, музей-заповедник «Царицыно», собирался ее снести и устроить здесь стоянку для уборочной техники. Защитники памятника, в котором находился музей исторического быта, имели основания полагать, что произошел поджог. В результате Москомнаследие выдвинуло версию, что подлин-

ная дача была разобрана после Второй Мировой войны, а много позднее, уже в 1960-е гг., на ее месте был построен барак, который «любители культуры» принимали за исторический памятник. Версия была тут же подхвачена Ю. Лужковым, который дословно в прямом эфире ТВЦ 19 января 2010 г. заявил: «Этот вопрос нужно разъяснить москвичам один раз, и будет видна вся дурь, которая встревожена проблемой реального сохранения памятника».

Позиция новгородского архиерея в истории дома Передольского и московского мэра в истории дачи Муромцева невыгодно оттеняется заботой мусульманской общины Пензы о сохранении памятника собственной культуры — тоже деревянной и тоже ветхой усадьбы князей Тенишевых. В 1894 г. в одном из флигелей усадьбы разместилась соборная мечеть. Однако в июне 2005 г. пензенской мэрией было принято решение о сносе обветшавшего сооружения, что вызвало общественные протесты. Более 30 человек во главе с имамом Юсефом Куряевым создали «живой щит», помешав уничтожению памятника.

Окончательно судьба усадьбы решилась в начале августа на встрече председателя Духовного управления мусульман Пензенской области муфтия Аббаса Бибарсова с начальником отдела по связям с религиозными организациями областной администрации Валерием Горбуновым. Было решено, что здание будет воссоздано на новом месте у соборной мечети. Износ древесины здания, согласно заключению комиссии Министерства культуры, составил более 70 %, что предполагает ее реконструкцию методом частичной переборки. Техническое состояние, да и сама судьба памятника удивительно напоминают историю дома Передольского.

Известно, что другие религиозные общины, не принадлежащие к патриархии, с бóльшим почтением относятся к древности. Со вкусом и профессионализмом был отреставрирован новгородский храм св. апостола Иоанна Богослова на Витке, переданный общине Русской Православной Старообрядческой церкви в октябре 2001 г. Здесь были проведены все необходимые работы и археологические исследования, все открытые древности, в частности надписи-граффити, были укреплены и представлены на обозрение прихожан и туристов [29]. Однако попытка общины возродить храм вмч. Дмитрия Солунского в Новгороде натолкнулась, очевидно, на сопротивление епархиального руководства. Дав 9 сентября 2005 г. устное согласие, архиепископ отказался фиксировать его на бумаге. В результате из новгородского Управления Ро-

[29] Богослов на Витке. История и возрождение старообрядческого храма в Великом Новгороде. Великий Новгород, 2006.

симущества общине пришел отказ, мотивированный тем, что после реставрации эта церковь будет передана епархии для организации в ней «храма воинской славы». Отказ в передаче храма был подтвержден и во время личной встречи митрополита Корнилия (Титова) с губернатором области 10 февраля 2006 г.

Одним из последних аккордов новгородской драмы стал Иверский монастырь на Валдае, переданный епархии местным советом в августе 1991 г. как «довесок» к Софийскому собору. Монашеская община здесь была зарегистрирована лишь 1 декабря 1999 г. В 2001 г. губернатор М. Прусак напоминал Президенту, имеющему неподалеку дачу, что тот обещал деньги на реставрацию фресок в монастырском соборе. Деньги нашлись, работы были проведены. Однако 26 мая 2005 г. секция ФНМС констатировала, что из-за нарушения методики реставрации, выполненной на низком профессиональном уровне, на росписях в алтаре собора произошло выделение солей.

Неприязнь новгородского архиерея к деревянному зодчеству проявилась в печальной истории хлебного амбара и южного гостиничного корпуса — неотъемлемых частей монастырского ансамбля XIX в. Иверский монастырь Указом Президента РФ 20 февраля 1995 г. был отнесен к федеральным памятникам. До 2004 г., несмотря на робкие начатки монашеской жизни, восстановление монастырских храмов и корпусов текло достаточно вяло ввиду отсутствия средств. Средства появились, когда Президент не только утвердил на Валдае свою резиденцию, где архиепископ Лев освятил храм в честь св. равноапостольного князя Владимира, но и решил привезти сюда участников петербургского саммита G8 в июле 2006 г. Заказчиком «реставрации с приспособлением» выступило ФГУП «Дирекция по строительству и реконструкции объектов Управления делами Президента РФ», пользователем — Новгородское епархиальное управление, спонсоры пришли сами. Работы предполагали «по возможности» сохранение системы печного отопления, а церковь прав. Иакова Боровического и примыкающий к ней корпус должны были быть приспособлены к длительному пребыванию детей. Зато в трапезной церкви Богоявления Господня должны были появиться комнаты «для особо важных гостей» — епископ льстил себя надеждой, что здесь будет останавливаться «сам». В настоятельском корпусе, где планировались архиерейские покои, хотя и предполагалось «по возможности» сохранить существующую планировку и функциональное назначение помещений, но хрупкие надежды разрушались требованием вместить сюда сауну. Впоследствии пользователь отказался и от детей и от VIP-персон.

Строительная гонка началась, и ее нужно было закончить за два года. В худшие для памятника дни здесь работало до 300 человек. Подрядчиком выступила близкая к церковным кругам петербургская «БСК», уступившая впоследствии свое место АРС-Центру. Были начаты работы по реконструкции северного гостиного и странноприимного корпусов, церкви св. митрополита Филиппа, колокольни, по обследованию конструкций Успенского собора. К декабрю 2005 г. предполагалось закончить работы и освоить 600 млн. рублей. Заказчик подгонял, строители спешили, зачастую игнорируя проект, пользователь стремился не упустить момент. В западной монастырской зоне на окнах появились стеклопакеты без необходимой в таких случаях принудительной вентиляции. Об эстетике эпохи патриарха Никона пользователь предпочитал не вспоминать. В результате пренебрежения методикой в угоду срокам раствор клали, невзирая на осенние заморозки, что привело к появлению трещин на фасадах, особенно на стыке стен с карнизами и фундаментами.

Все, кто так или иначе были связаны с проектом, отмечали, что основной сложностью работы с пользователем было даже не его настойчивое желание сделать в средневековом монастыре евроремонт, а непрерывная смена заданий. В надзорные органы поступали подписанные архиереем «правильные» бумаги, а изменения вносились уже непосредственно в ходе работ, которые никто не контролировал. Проектировщиком выступила одна из лабораторий петербургского института «Спецпроектреставрация». При этом архиепископ потребовал исключить новгородских специалистов из числа участников проекта, пригрозив: будут новгородцы — будет другой проектировщик. Одним из «спецзаданий» было требование, чтобы после окончания работ в монастырь 300 лет не ступала нога археолога и реставратора. Амбициозность требований поражала: трапезная должна была вмещать 500 человек, странноприимный дом — 1000. Это было похоже на претенциозное расширение русского Пантелеймонова монастыря на Афоне в начале XX в., не связанное ни с количеством братии, ни с потоком паломников: Империя лишь утверждала себя на Балканах. В результате на странноприимном корпусе была надстроена мансарда. Еще ранее были практически уничтожены северные ворота монастыря, не рассчитанные на проезд грузовиков. А в июне 2006 г. была преднамеренно сломана южная пристройка к настоятельскому корпусу.

На фоне этих глобальных свершений даже как-то неловко упоминать о судьбе хлебного амбара, построенного в 1896 г. на ленточно-бутовом фундаменте в восточном дворе. Внутри сарая, рассчитанного на 2000 пудов зерна, сохранилась система воротов, наглядно демонстрировавшая особенности монастырского быта конца XIX в. Задание на

разработку научно-технической документации было утверждено руководителем президентской дирекции Н. Таскиным 22 июня 2004 г. и согласовано архиепископом — «за исключением раздела 16 № 29, 31». За этими номерами и скрывались амбар и гостиница, находившиеся отнюдь не в аварийном состоянии. Несмотря на то что 16 марта 2005 г. Минкультом было утверждено архитектурно-реставрационное задание на деревянный амбар, 7 апреля один из чиновников управделами Президента И. Малюшин обратился в министерство (письмо № УДИ-872) по поводу возможного сноса зданий амбара и гостиничного корпуса. 14 апреля ему ответил замминистра Леонид Надиров. Министерство полностью поддерживало предложение по разборке амбара и его последующему переносу в Музей деревянного зодчества в Витославицы под Новгородом. В связи с аварийным состоянием южных гостиничных келий монастыря их разборка допускалась при условии последующего «воссоздания» в кирпиче и восстановления деревянной обшивки — вариант дома Передольского. Существует информация, что при составлении заключения об аварийном состоянии объектов чиновники оперировали несуществующим заключением проектировщика работ.

Уже 7 июля состоялось рабочее совещание по разборке амбара, а 12 июля было скорректировано техническое задание на этот объект. Основанием для подобных действий было все то же письмо замминистра культуры. Работы были поручены ООО «Биллион-Рестофор». Окончательное разрешение на разборку было выдано представителем Северо-западного управления Росохранкультуры Ю. Жаболенко 26 июня 2005 г. В сентябре–ноябре амбар разобрали и перевезли в Витославицы, хотя акт передачи был подписан только 10 мая 2006 г. Гостиничным кельям повезло меньше. Их грамотной разборкой никто не был озабочен. Разломанные останки, по имеющимся сведениям, были перевезены в расположенное недалеко от Валдая подворье Хутынского монастыря в д. Быково.

Казалось бы, и закон соблюден и епархия ни при чем. Один чиновник просит другого, третий согласовывает. Но за этой бюрократической процедурой стоит не только требование архиерея, но и разрушение цельности ансамбля, представляющего публичную ценность и являющегося государственной собственностью. Подобные вопросы требуют не келейных договоренностей (в отношении церковной старины — в изначальном смысле этого слова!), а открытого обсуждения и общественных слушаний. Проблемы подлинности в приобщении к Преданию Церкви, воплощенному в трудах преемников патриарха Никона, вообще отходят здесь на второй план в сравнении с проблемами законности и порядочности.

Попустительство не прошло даром, а повлекло за собой прочие разрушения. На протяжении конца 2006—2007 гг. нарушения при реставрации Валдайского монастыря привлекли внимание даже лояльной к таким вещам Росохранкультуры. Дважды в прессе появлялись сообщения, что Федеральная служба готовит обращения в управление Прокуратуры РФ по Северо-Западному федеральному округу. Первый раз — в связи со сносом ледника XVIII в., являвшегося частью памятника федерального значения. Инспектор Главного управления охраны объектов культурного наследия Росохранкультуры Николай Васильев сообщал об уникальном характере этого сооружения, характеризующем древний монастырский быт. Ледник «мешал работать» и был втихую снесен с помощью троса и трактора — при молчаливом согласии епископа. Позднее на южной грани центрального столба трапезного храма была обнаружена роспись конца XVII—начала XVIII вв. Несмотря на выдачу предписания о приостановке работ, они продолжались, и значительный фрагмент росписи был уничтожен. Епископ молчал, молчала и прокуратура. Ни о каких принятых мерах в связи с обращениями Росохранкультуры в этот орган до сих пор ничего неизвестно: то ли прокуроры не увидели здесь состава преступления, то ли дело удалось замять.

История Новгородской епархии живо свидетельствует, что подобные церковные «вольности» в отношении к собственной истории возможны лишь с одобрения местных и федеральных властей. Отставка традиционного союзника архиепископа Льва в борьбе с объектами культурного наследия Михаила Прусака и назначение 7 августа 2007 г. на губернаторство в Новгород Сергея Митина — «крепкого хозяйственника», не отягощенного духовными проблемами и комплексом вины перед РПЦ, существенно повлияли на активность местной «реставрации» и частоту нарушений. Губернатор занят решением других проблем. Вся надежда на старые связи, которые сложились в области местной культуры так выгодно для архиерея: на Поместный собор в январе 2009 г. в качестве представителя от мирян Новгородской епархии была «избрана» Наталья Григорьева, председатель Комитета по культуре, кино и туризму администрации области, незадолго до этого введенная в состав общины Софийского собора... Факт осложнения отношений местного архиерея с местной властью привел к тому, что на 1150-летний юбилей первого упоминания Новгорода в русской летописи, отмечавшийся в сентябре 2009 г., епархия не получила никакого подарка в виде очередного храма или монастыря.

Впрочем, одно событие в этой сфере все же произошло. Патриарх Кирилл (Гундяев), впервые в этом качестве посетивший Новгород в дни юбилея, 21 сентября попрекнул местную власть тем, что в храме

Покрова Богородицы, что в Новгородском кремле, находится кухня ресторана «Детинец» — старейшего учреждения общепита, существующего здесь с 1968 г. Новгородская епархия никогда публично не требовала изменения использования храма: доходы от этого места шли в карман сильных мира сего, ссориться с ними было неразумно. Да и патриарх, дипломатично обошедший в своих выступлениях тему новгородской демократии (в том числе и в церковной жизни), прекрасно осведомлен, что его храмах иногда происходят вещи и похуже, чем приготовление пищи. Однако уже в конце 2009 г. по городу поползли слухи о том, что ресторан закрывают. Впрочем, если бы патриарх решил приписать это событие своим словам, он бы ошибся. Еще 14 мая 2009 г. территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом уведомило руководство ООО «Ресторан «Детинец»» о расторжении договора срочной аренды. Вся дальнейшая история, естественно, закончившаяся поражением поваров, была лишь следствием этого события, вызванного к жизни вовсе не патриаршим возмущением и не заботой о «духовности», а банальным переделом собственности с приходом новой губернской власти…

В заключение, характеризуя отношение новгородской епархии к древности, стоит привести историю из другого времени. После освобождения Новгорода от оккупации обком ВКП (б) поставил вопрос о приспособлении здания Присутственных мест под свой офис [30]. Проект приспособления 13 февраля 1945 г. был рассмотрен на заседании ученого совета Главного управления по охране и реставрации памятников архитектуры и Комитета по делам архитектуры СНК, где присутствовали П. Сухов и П. Барановский. Проект предполагал оформление фасада здания фронтоном и портиком с колоннами в стиле сталинского ампира и серьезную внутреннюю перепланировку. Совет посчитал, что речь идет о разрушении облика Кремля и невозможности дальнейшей реставрации памятника. Разгневанный первый секретарь Бумагин пишет в ЦК ВКП (б), требуя, чтобы этот орган дал соответствующие указания Комитету архитектуры. В письме утверждалось, что здание Присутственных мест никогда не состояло на государственной охране и что предлагаемый проект направлен на улучшение качества архитектурного оформления. Дальше шел политический донос: исходя из исторических и ансамблевых соображений, архитекторы противятся тому, чтобы «партийные и советские органы прочно и на долгий срок осели в Кремле». Секретарь сознательно взял в кавычки упоминание о «ревнителях старины», которые хотят охранять Кремль от совет-

[30] Государственный архив новейшей истории Новгородской области, ф. 260, оп. 1, д. 35, л. 35—40.

ских и партийных организаций. Присутственные места, по счастью, в Новгороде сохранились. К несчастью, в Новгороде сохранилось и подобное отношение к «ревнителями старины» со стороны самых разнообразных чиновников, церковных и светских...

Глава VIII

БЕРЕНДЕЕВО ЦАРСТВО

Когда в 1330 г. далекий предок Бориса Годунова мурза Чет основал Ипатьевский монастырь, он вряд ли догадывался, какие споры развернутся за его наследство. Впрочем, события 1613 г., когда именно здесь Михаил Романов был призван основать новую династию, несмотря на существование других претендентов, уже предвещали непростую судьбу святыни. Но об этом не подумал Совмин РСФСР, издавший 30 августа 1958 г. распоряжение № 5721-р о создании Костромского историко-архитектурного музея-заповедника республиканского значения на базе историко-архитектурных памятников Ипатьевского монастыря и областного Краеведческого музея.

В 1989 г. на Костромскую кафедру пришел новый епископ — Александр (Могилев; р. 1957), который в 1992 г. возглавил комиссию по изучению деятельности спецслужб в Русской Православной церкви. В том же году в решении горсовета Костромы было специально отмечено, что в обмен на передачу епархии ряда построек Богоявленского монастыря и выставочного зала на ул. Симоновского архиерей обещает не претендовать на Ипатий. Соответствующее заявление епископа Александра было опубликовано в газете «Северная правда». Однако уже 24 октября 1991 г. была зарегистрирована община будущего монастыря.

7 июля 1992 г. комиссия облсовета рекомендовала передать монастырь архиерею. 23 декабря 1992 г. патриарх Алексий (Ридигер) направил Борису Ельцину письмо (№ 3707), в котором «считал целесообразным» совместное использование Ипатьевского монастыря епархией и музеем. На основании этого письма Президент издал поручение рассмотреть данный вопрос (№ 2259-пр от 31 декабря 1992 г.). Ипатьевский монастырь посетила правительственная комиссия, которая 6 апреля 1993 г. отметила в своем заключении, что размещение монашеской братии в одном из корпусов неминуемо поставит проблему поэтапного вывода музея из комплекса монастыря. 8 мая 1993 г. патриарх и ми-

нистр культуры утвердили заключенное между администрацией области и Костромской епархией соглашение о совместном использовании комплекса зданий и сооружений Свято-Троицкого Ипатьевского мужского монастыря монашеской общиной и музеем-заповедником. В дальнейшем стороны должны были обратиться в правительство с просьбой рассмотреть вопрос о выделении средств на строительство нового здания музея с целью дальнейшего вывода его из монастыря. Согласно документу, в совместном использовании находились звонница и церковь св. прав. Лазаря, а в самом Троицком соборе (1650—1652) богослужения совершались 12 раз в году в соответствии с рекомендациями НИИ реставрации, озабоченного состоянием фресок Гурия Никитина (1685) из-за ожидаемых перепадов влажности и температуры и оседанием свечной копоти на стенах.

Уже 14 февраля 1994 г. было принято правительственное распоряжение № 172-р о передаче монастырских объектов в безвозмездное пользование. В результате у епархии оказались звонница и колокольня, где находились экспозиция колоколов и смотровая площадка, кельи над погребами XVI—XVIII вв., откуда был выведена экспозиция древнерусского искусства, и Лазаревский храм, где ранее располагалась коллекция деревянной скульптуры. Это и привело к перманентному конфликту между общиной и музеем по известному принципу «кукушонка», подкинутого в чужое гнездо.

31 декабря 1996 г. уходящий глава администрации Валерий Арбузов подписал распоряжение о передаче монастырю Нового двора, где располагался музейный отдел природы. Этот синдром «последнего дня» будет постоянно довлеть над историей Ипатия. Несмотря на недействительность сделанного распоряжения, на Рождество 1997 г. мэр Костромы Борис Коробов и новый губернатор Виктор Шершунов уже обсуждали с архиереем возможность закрепления за монастырем этого объекта [1]. 5 июля 1997 г. архиепископ Александр обратился к жителям края. Он заявлял, что никогда не подвергал сомнению необходимость размещения в монастыре большого историко-патриотического музея. Эти слова были истолкованы многими как стремление к компромиссу между областным музеем и епархией, но со временем станет ясно, о чьем конкретно музее шла речь в обращении. Тогда же он лишь настаивал на праве монашеской общины быть полноценным соработником в деле освоения духовного пространства монастыря.

В процессе общественной полемики выяснилось настоящее положение дел с недвижимостью в епархии. Оказалось, что ей были переданы здания, не являвшиеся церковной собственностью: детский сад в

[1] Северная правда. 1997. 4 июня; 20 июня; 26 июня; 28 июня; 9 июля.

доме Флорентьева, склад в Юбилейном, хозяйственный магазин на улице Симановского. Проявилось и прямое давление властей на прессу. 30 июля местная администрация сняла программу Ларисы Сбитневой «Перекресток», где речь должна была идти о проблеме передачи музейных зданий епархии. Это было сделано председателем ГТРК Кострома Н. Молоковой непосредственно по просьбе архиепископа Александра (Могилева). В это же время наместник иеромонах Павел (Фокин) распространил свое обращение, обвинив работников музея в «восстании против дома Божьего». Музейщики действительно восставали, но для этого были вполне конкретные поводы, изложенные в рапортах, направленных в епархию и Управление культуры. Здесь указывалось на грубость послушников в отношении пожилых смотрительниц, их флирт с молодыми сотрудницами, сквернословие и пьянство [2].

Постоянные взаимные претензии и лоббирование епархиальных интересов на самом высоком уровне привели к тому, что в октябре 1997 г. в монастыре побывала комиссия Министерства культуры и администрации Президента, которая выяснила неурегулированность вопросов собственности на этот федеральный памятник. 16 октября 1997 г. Министерство культуры, областная администрация и епархиальное управление подписали протокол о намерениях, связанных с новой «частичной» передачей. Речь шла о здании вотчинной конторы (богадельни) и архиерейском корпусе. Именно тогда произошла замена начальника управления культуры области Григория Скрябина на более лояльного к требованиям епархии Евгения Ермакова. В 1998 г. был подписан новый договор о совместном использовании памятника. Здесь указывалось, что количество богослужений в Троицком соборе должно скромно соответствовать количеству патриарших служб в Успенском соборе Московского Кремля (около 30 в год). Однако в реальности количество служб с 1996 г. по 2003 г. увеличилось с 12 до 72. Они совершались не на основании договора, а по утверждаемому задним числом дополнительному графику, который к 2004 г. уже просто не существовал. При этом частные молебны в расчет не принимались вовсе, а особой формой православного благочестия стали «заказные литургии» для гостей архиепископа, наместника или администрации области. До 2004 г. архимандрит Павел (Фокин) демонстративно пренебрегал обязательствами использовать в соборе лишь восковые свечи.

Несмотря на то, что в 1995 г. Президент включил Ипатьевский монастырь в перечень объектов культурного наследия федерального значения, 24 августа 2000 г. КУГИ Костромской области своим распоряжением № 784 передал монастырский комплекс в оперативное управ-

[2] *Тимофеев И.* Насельник угрожал насилием? // Костромские ведомости. 1997. № 37.

ление Краеведческому музею. Еще ранее администрацией было принято решение о внесении ансамбля монастыря в перечень собственности Костромской области. Это вызвало недовольство федеральных чиновников и ускорило ожидаемую развязку. Новый этап борьбы за Ипатий начался при новом Президенте. В начале 2001 г. в канцелярию полпреда Г. Полтавченко было отправлено 8000 подписей в поддержку передачи Ипатьевского монастыря Костромской епархии. В июле в монастыре прошел Общероссийский монархический съезд, который адресовал Президенту открытое письмо. Авторы текста обвинили общество в «пленении всероссийской святыни» и издевательстве над монахами в виде проверки паспортного режима. В августе рабочая группа из сотрудников аппарата полпредства, Минкульта и патриархии констатировала «вопиющее несоответствие» музейной экспозиции самому названию музея «Ипатьевский монастырь» и «духу времени». Она рекомендовала вывести из монастыря непрофильные экспозиции, а архиерейский корпус передать общине. На основе фондов музея следовало создать федеральный Музей-заповедник «Ипатьевский монастырь». На Ипатии опробовалась методика создания государственного музея под управлением церковной иерархии, как это планировалось и не получилось в Троице-Сергиевой лавре.

Однако патриарх Алексий (Ридигер), посетивший монастырь 30 августа 2002 г., еще призывал епархию и музей к сотрудничеству, подчеркнув необходимость совместного использования памятника. Не успел он уехать, как случилась беда. К этому времени монастырю уже была передана территория Нового города, на которой находилась старинная деревянная церковь Преображения из села Спас-Вежи 1713 г. В 1956 г. она была спасена от вод Горьковского водохранилища и перенесена на территорию обители. 4 сентября вечером церковь сгорела. Звонок на пульте пожарной охраны раздался в 18 часов 16 минут, однако спасти храм не удалось. Костер размером 13 на 15 метров, поднимавшийся на высоту 12-этажного дома, заставлял плавиться кровельное железо. Пожарные машины пришлось убрать с территории двора. К 2006 г. обгоревшие деревянные покрытия стен все ещё не были восстановлены монастырской братией.

«По факту» было возбуждено уголовное дело, которое ни к чему не привело. Но в процессе расследования выяснилось, что, получив Новый двор, братия всячески препятствовала противопожарным обходам, совершаемым сотрудниками музея, который просто лишился возможности доступа к церкви. Сразу же легкие конструкции решетчатых дверей между Старым и Новым городом были заменены глухими металлическими воротами, а предписание органов охраны памятников от 26 августа 2002 г. согласовать эту замену со специалистами не было

выполнено. Эти ворота, запертые монашествующими, и стали в первый момент пожара главным препятствием к его тушению. Братия достаточно поздно сообщила о трагедии, пытаясь ликвидировать огонь самостоятельно. Основной версией пожара стало неосторожное обращение с огнем. Пожар возник на крыльце церкви, где «по обычаю» курили монастырские трудники и находившиеся здесь на воспитании «трудные» подростки, которые уже на следующий день исчезли из монастыря. Монашеская среда, пропитанная «теориями заговора» тут же заподозрила в пожаре провокацию против Церкви и всерьез обсуждала возможность поджога извне с помощью системы зеркал и увеличительных стекл.

В 2003 г. начались страдания Тихвинской иконы Божией Матери (XVI в.), одного из первых списков чудотворного образа. С 1996 г. он находился в экспозиции в ризнице, располагавшейся в южной галерее Троицкого собора. 8 января 2003 г. комиссия музея согласилась пойти навстречу общине и передать образ в Троицкий собор при условии создания специального кивота. 5 мая губернатор подписал распоряжение № 722-р о создании комиссии по проекту договора о совместном использовании иконы и проведению необходимого комплекса работ, предшествующих ее перемещению в богослужебное пространство. По первоначальной договоренности, архиерей должен был найти спонсоров для создания этой недешевой конструкции, а музей обязался взять на себя организационные хлопоты. В результате архиепископ обвинил музейщиков в «вымогательстве», утверждая в прессе, что цена работ существенно завышена, и отказался от сотрудничества. Музею пришлось обратиться к местному депутату, профинансировавшему изготовление дубового кивота, материал для которого был специально привезен из Сочи. Кивот был герметичен, но не имел системы поддержания температурно-влажностного режима. Сам архиепископ на установку кивота и перенесение в него иконы не приехал, поручив представлять свои интересы и. о. наместника иеромонаху Ферапонту.

В соответствии с договором, все работы, так или иначе связанные с иконой, в том числе и вскрытие кивота, должны были проводиться по согласованию с музейщиками. Однако ночью накануне празднования Тихвинской иконы братия самостоятельно вскрыла кивот для нанесения позолоты на современную резьбу, окружавшую образ. Характерен следующий эпизод, имевший место на расширенной музейной комиссии, обсуждавшей происшедшее. Недоумение специалистов вызвали и сам факт нарушения соглашения, и таинственность ночных действий. Владыка раздраженно бросил: «Что вы беспокоитесь за свою икону? Да не вынимали мы ее», продемонстрировав тем самым полное непонимание смысла мероприятий по сохранению святыни. Он офи-

циально признал, что золочение производилось в присутствии лика, так и не вынутого из кивота. Зная систему отношений в Костромской епархии, трудно допустить, что правящий архиерей не был в курсе происходящего.

Характерно и отношение к иконе вообще, которое подменялось личными представлениями о благолепии и благочестии. Перед приездом патриарха Алексия (Ридигера) в 2002 г. Тихвинский образ был выставлен в соборе под наблюдением хранителя. В последней момент сквозь толпу прорвался монастырский трудник с цветочной гирляндой на шее, молотком в руках и гвоздями в зубах. Оказалось, что архимандрит Павел (Фокин) велел ему исправить свою «забывчивость» — украсить икону живыми цветами, что должно было свидетельствовать патриарху об особом почитании образа костромским людом. Со всем мужицким размахом трудник всадил гвоздь в кивот, не обращая внимания на предынфарктное состояние находящегося рядом смотрителя. В результате от удара икона пострадала, началось отслоение живописи, что было зафиксировано дефектным актом, а соответствующая жалоба пошла в Министерство культуры, где и канула.

В августе 2003 г. в адрес Президента поступил новый «глас народа», подписанный рядом патриотически настроенных деятелей культуры. Здесь утверждалось, что совместное использование Ипатьевской обители музеем и монастырем не имеет положительной динамики. Особо подчеркивалось, что в 2013 г. будет отмечаться 400-летие дома Романовых, и центром празднования должен стать Ипатьевский монастырь в Костроме. «Фонд 400-летия дома Романовых» был учрежден 25 ноября 2001 г., и его учредителями стали Коробов Борис Константинович, глава самоуправления г. Костромы, и Могилев Александр Геннадьевич, архиепископ Костромской и Галичский. Среди проектов фонда была организация музейно-выставочного комплекса на территории Нового города монастыря, где были бы представлены конференц-зал, интернет-центр, сувенир-маркет, кафе-бар и др. Кроме экспозиции «Дом Романовых и Россия» в целях самоидентификации костромичей как «счастливых подданных берендеева царства» активно раскручивался именно этот фольклорный бренд. «Дворец царя Берендея» с рестораном «Русская трапеза», диско-баром и игровыми залами, гостиница «Берендеево подворье», сауна «Берендеева мыльня», Музей русской сказки — «Терем Снегурочки» — все эти начинания смотрелись особенно либерально на фоне войны против Бабы яги и ее праздника, объявленной соседним ярославским епископом Кириллом (Наконечным) в 2005 г. Для характеристики самого Фонда и его учредителей нелишне упомянуть, что их деловым партнером являлись ФГУП «Федеральный комплекс «Кремлевский» и Центр «Русские ремесла» при управлении де-

лами Президента. А в сентябре 2005 г. в Костромском областном суде начались слушания по делу бывшего главы самоуправления Костромы Бориса Коробова, обвиняемого в превышении должностных полномочий и хищении денежных средств.

К новому, завершающему витку конфликта епархия хорошо подготовилась. Еще 20 июня 2003 г. последовало распоряжение Минимущества № 1601-р о передаче в безвозмездное пользование Костромской епархии зданий памятника истории и культуры федерального значения «Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь», закрепив сложившийся status quo. Но кроме имущественной составляющей была осуществлена и культурная инициатива. 23 сентября 2003 г. архиепископ Александр утвердил Устав Музея — «православной религиозной организации-учреждения церковного историко-археологического музея Костромской епархии Русской Православной Церкви». Именно этот Устав в новой редакции от 5 апреля 2005 г., придавший учреждению статус юридического лица, и создал наследника упраздненного Костромского музея. Согласно уставу (п. 15, 16), новый музей мог все: обучать религии и проповедовать веру, совершать обряды и собирать коллекции, заниматься наукой и коллекционировать предметы с содержанием драгоценных металлов и камней, практиковать предпринимательство и реставрировать объекты культурного наследия, осуществлять экспозиционную и экскурсионную деятельность в России и за рубежом, создавать собственные предприятия. Во главе музея стояли директор, который назначался непосредственно архиереем из числа лиц в священном сане, и научно-методический совет (п. 22).

Среди вещей, поступающих на хранение в музей, значились и памятники, выявленные в ходе археологических раскопок (п. 35), что противоречило федеральному законодательству. Богослужебные предметы составляли особое попечение директора как лица в священном сане (п. 37). Сотрудники музея были обязаны участвовать в храмовых богослужениях (п. 47). В уставе ничего не говорилось о принятии на временное хранение музейных экспонатов из государственной части музейного фонда РФ и о соблюдении инструкций и положений Министерства культуры о музейной деятельности.

В народе начался сбор подписей против ликвидации учреждения культуры. К процессу передачи монастыря в ведение костромского архиерея уже был подключен полпред Президента в Центральном округе Г. Полтавченко. 10—11 ноября 2003 г. в обители ожидалась новая комиссия с его участием, которая должна была принять окончательное решение о выселении музея. 13 ноября пресс-служба Костромской епархии распространила заявление, где говорилось, что даже в случае реализации предложений архиепископа музей будет продолжать свою

работу. В заявлении предлагалось вывести с территории лишь экспозиции краеведческого характера, не соответствующие монастырской атмосфере. Одновременно в музей пришло письмо из епархии с просьбой в течение месяца дать согласие на передачу церкви оставшейся части монастыря в соответствии с требованиями правительственного распоряжения № 490.

В конце ноября 2003 г. на ситуацию обратили внимание депутаты Костромской думы, предложившие на очередном заседании заслушать мнение обеих сторон. К этому времени (6 ноября) директор музея Ольга Рыжова разослала письмо — вопль о помощи своему заповеднику с изложением реальной ситуации. Выяснилось, что в 1993—2003 гг. церкви было передано почти 1942 кв. м помещений. И хотя взамен музеем было получено несколько больше — 1954 кв. м, их было невозможно признать равноценными. Только в 2002—2003 гг. к монастырю отошли здание богадельни — вотчинной конторы, откуда был выведен музей природы, Юго-западная башня, где располагался склад, Зеленая башня, Северо-западная башня, стены Нового города, при этом на 31 октября 2002 г. в монастыре было лишь 7 человек насельников. Одновременно осуществлялся и демонтаж «революционной экспозиции» в церкви свв. Хрисанфа и Дарьи для использования ее по первоначальному назначению, что нужно было сделать еще в самом начале конфликта.

Всего на 4 ноября 2003 г. в пользовании у музея находилось еще значительное число объектов, в частности архиерейский корпус с церковью свв. Хрисанфа и Дарьи, подклет Троицкого собора, придел св. Михаила Малеина, палаты бояр Романовых, братский корпус, Екатерининские ворота, свечной корпус, Квасная башня, Воскобойная башня, Водяная башня, Кузнечная башня и Пороховая башня. Троицкий собор был в совместном использовании. В центральной прессе комментарии ситуации прозвучали из уст директора Института искусствознания А. Комеча и начальника отдела музеев Министерства культуры Анны Колупаевой. Здесь говорилось о нарушении подписанных соглашений и бесконтрольном увеличении числа служб в Троицком соборе, тогда как уникальная живопись требует особых условий совершения литургии. Одновременно чиновники Министерства предлагали во избежание конфликтов разделить монастырь на две части [3].

Но, судя по всему, участь монастыря была уже решена — 20 декабря 2003 г. Президент издал поручение № 2316-пр, предлагающее найти положительные для патриархии варианты. В 2004 г. в связи с административной реформой и дальнейшим процессом разграничения полномочий между центром и регионами иерархия и власть принци-

[3] Российская газета. 2003. 23 дек.

пиально меняют тактику в отношении мер, обеспечивающих передачу Ипатьевского монастыря в полное распоряжение архиепископа Александра (Могилева). Эта тактика приобретает очертание стратегии и может быть связана с именем заместителя руководителя Федерального агентства по управлению федеральным имуществом Дмитрия Аратского. Ее основой становится «проведение мероприятий по восстановлению нарушенных прав Российской Федерации на памятники истории и культуры федерального значения» и передача их «в безвозмездное пользование» Русской церкви. Одновременно это было началом натиска Росимущества на Роскультуру и Росохранкультуру. Для Ипатьевского монастыря эта перемена оказалась связана с двумя новыми именами в его истории: архимандритом Иоанном (Павилихиным), новым наместником, и профессиональным переговорщиком москвичом Александром Бугаевским, которого следовало бы назвать «православным рейдером». Последний, как председатель православного общества «Скиния» и представитель патриархии по земельно-имущественным вопросам, участвовал во всех заседаниях Росимущества, посвященных передаче Ипатия епархии.

Зимой–весной в Москве происходил активный обмен письмами по поводу монастыря. Руководитель администрации Президента Дмитрий Медведев обращался 28 января к Председателю Правительства (№ А4-1341П), в Росимущество писали 7 июля зампред Совета Федерации С. Орлова (№ 2.5-25-469) и 26 июля — член Совета Федерации А. Хазин (№ 44-92/АХ). 11 мая 2004 г. арбитражный суд Костромской области признал недействительным распоряжение местной администрации о передаче ансамбля монастыря областному музею. Дальнейшая согласованность действий поражает. 13 мая патриарх обращается (№ 2736), теперь уже в Росимущество, по поводу передачи патриархии всего ансамбля монастыря. Против этого уже не возражала и Роскультура, что подтверждается ее письмами в Росимущество от 27 августа и 3 сентября (№ 01-07-1281 и № 01-07-1349). 2 сентября 2004 г. Росимущество издает распоряжение № 297-р о передаче в безвозмездное пользование епархии части строений и помещений монастырского ансамбля. В список были включены церковь Лазаря Четвородневного, монастырская звонница с набором колоколов, свечной корпус, за исключением помещений фондохранилища, здание богадельни (вотчинной конторы), стены и башни Нового города, кельи над погребами, стены и башни Старого города (за исключением Екатерининских ворот и галерей боевого хода Квасной, Воскобойной и Водяной башен, по которым проходят туристические маршруты), архиерейский сад, обруб, помещения 2-го этажа братского корпуса и колонна в память о знаменательных событиях в истории Ипатьевского монастыря.

Этому предшествовал целый ряд местных событий. В марте 2004 г. собор Рождества Богородицы в Солигаличе был возвращен епархии в рамках реализации соглашения о сотрудничестве, подписанного в марте 2001 г. Оттуда был выведен филиал Краеведческого музея, разместившегося в Ипатии. 21 июня 2004 г. глава областной администрации Виктор Шершунов и архиепископ Александр подписали новое соглашение, в соответствии с которым помещения второго этажа свечного корпуса передавались уже в совместное управление епархии и музея. Ровно через месяц, 21 июля 2004 г., в ходе строительных работ на территории архиерейского сада XVIII в., заказчиком которых выступила мэрия, предполагавшая разместить здесь торгово-туристический центр, была разрушена часть самого сада, а также нанесен ущерб открытому фортификационному сооружению XVI в. — захабу. Работы не были согласованы с Министерством, и епархия умело использовала промах властей, начав кампанию по защите памятников культуры. Ее символом стал наместник, спустившийся на дно траншеи с остатками оборонительного сооружения и предложивший строителям забетонировать яму вместе с ним.

Такой массовой и хорошо организованной кампании еще не бывало. 3 августа «Общественный комитет по правам человека» в лице председателя правления Т. Квитковской обращается к Президенту с просьбой защитить памятники Ипатия от разрушения светскими властями. 9 августа с аналогичным обращением к Президенту в связи с «актом вандализма на территории монастыря» выступает и глава Российского объединенного союза христиан веры евангельской Сергей Ряховский (№ 129/-08). Письма производили впечатление написанных под копирку в окружении костромского епископа. Председатель Комитета по охране и использованию историко-культурного наследия администрации области Сергей Конопатов пытался оправдаться тем, что «захаб» якобы не являлся объектом культурного наследия и не состоял под государственной охраной.

Эти условия во многом облегчили принятие распоряжения Госимущества № 297-р от 2 сентября, но оно уже не удовлетворяло ни архиерея, ни его сторонников. 8 сентября 2004 г. в Кострому прибыла специальная комиссия, которая должна была вынести вердикт о дальнейшей судьбе Ипатьевского монастыря. Уже 14 сентября в Росимуществе состоялось новое совещание с участием директора музея Ольги Рыжовой и ее заместителя по науке Ольги Куколевской. Разговор шел об инвентаризации объектов и фондов музея-заповедника, которую нужно было провести до 1 декабря. Тогда же была названа и сумма, в которую мог обойтись переезд музея, — 18 млн. рублей. В качестве одного из возможных вариантов назывался дом Борщова.

В октябре музей подал в московский Арбитражный суд исковое заявление с просьбой отменить это решение ввиду отсутствия материальных средств для переезда. Музейщики сознавали неравенство сил, и чувство исторической справедливости было им не чуждо. Во многих из них вера во Христа не исключала профессионального долга. Их «движение сопротивления» не было «борьбой против». Шла «борьба за» — за своевременное предоставление равноценных зданий, уже отремонтированных и готовых принять фонды и новую экспозицию, за целостность коллекции, за возможность постоянного и квалифицированного контроля за состоянием фресок и икон. Архимандрит Иоанн в своих комментариях прессе посчитал иск несправедливым, утверждая, что здания бывшей типографии и дореволюционной гауптвахты в центре города, на 144 кв. м превосходящие прежние площади, «прекрасны, великолепны, недавно отреставрированы» и идеально подходят для переезда. Одновременно архимандрит припомнил, что в 2001 г., по его словам, были осквернены могилы Годуновых, останки бояр изъяты из гробниц и отправлены в Институт антропологии, а кости монахов просто «выкопаны и вывезены в неизвестном направлении».

Областные власти потребовали от директора О. Рыжовой отозвать иск. Имеется информация, что на нее оказывали административное давление вплоть до угроз уголовного и административного преследования по результатам готовящихся проверок. 8 декабря в Росимуществе состоялось очередное совещание под председательством Д. Аратского с участием Костромской епархии, но уже без участия музея. Территориальному управлению по Костроме было поручено совместно с областной администрацией проработать вопрос о передаче музею пожарной каланчи и дома Борщова, где располагался судебный департамент, а также усадьбы Карцева, в которой еще существовал Дом народного творчества. Роскультуре было предложено решить вопрос о хранении коллекции музея на переданной монастырю территории путем заключения договора. Агентству также было велено «принять к сведению информацию о необходимости согласования передачи» в пользование епархии всего комплекса монастыря в установленные сроки. Соответствующее обращение было послано М. Швыдкому еще 3 декабря. Над всем тяготела необходимость «исполнения поручения Президента РФ о передаче Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря РПЦ».

Важно отметить, что обращение о согласовании было отправлено в Роскультуру заранее, с тем чтобы к концу года было можно принять окончательное решение. В этой процедуре организациям, ответственным за судьбу культурных ценностей, отводилась роль статиста, призванного согласовывать волю Росимущества. Очевидно, такое положение вещей возникло в результате административной реформы. По-

ложение об агентстве и его полномочиях в области федеральной собственности (постановления Правительства 8 апреля 2004 г. № 200 «Вопросы федерального агентства по управлению федеральным имуществом» и 27 ноября 2004 № 691 «О федеральном агентстве по управлению федеральным имуществом») превосходило полномочия культурохранных учреждений и вступало в противоречие с нормами законов об основах законодательства о культуре, о музейном фонде и об охране объектов культурного наследия. Объекты культурного наследия и предметы музейного фонда рассматривались как рядовое имущество, без присущей им специфики. В результате последнее согласование Роскультуры (№ 01-04-2728) было датировано 21 декабря 2004 г. Давление Росимущества на Роскультуру продолжилось и позднее. На заседании правительственной комиссии по вопросам религиозных объединений 24 июня 2005 г. руководству агентства вновь было указано на необходимость соблюдения сроков рассмотрения проектов решений правительства, направляемых сюда на согласование Росимуществом.

Однако именно на совещании 8 декабря впервые возникает новый аспект, который до времени был сокрыт за проблемами недвижимых памятников. Росимущество уже тогда предполагало расчленение музейной коллекции путем выделения из числа объектов Государственной части музейного фонда предметов краеведческого назначения с последующей передачей их для хранения и экспозиции ГУП «Костромской объединенный историко-архитектурный музей-заповедник». «Некраеведческие» предметы, связанные с церковной культурой, изначально предполагалось оставить придатком к недвижимым памятникам, передаваемым в бессрочное и безвозмездное пользование епархии. Росимущество впервые покусилось на цельность музейных коллекций, проигнорировав мнение представителей организаций ответственных за их сохранность лиц. От минкульта на совещании присутствовала Т. Курбатова, от ФАККа — А. Серпенский.

15 декабря директором музея был назначен сотрудник областного департамента культуры Павел Алексеев. Ольга Рыжова ушла в отставку, получив место в областном Управлении культуры. Уже 16 декабря с 16.00 9 из 204 сотрудников Музея начали бессрочную голодовку. Они протестовали против расчленения коллекции и требовали человеческих условий переезда. Арбитражный суд состоялся 22 декабря и, по законам «басманного правосудия», отказал музейщикам в удовлетворении их иска «в полном объеме». 23 декабря вечером голодовка закончилась. Кроме своего нравственного значения, движение душ этих людей, именуемое и в Церкви и в жизни подвигом, имело еще одно последствие. 24 декабря в Росимуществе состоялось новое совещание с участием М. Швыдкого, члена Совета Федерации А. Хазина, замгубернатора Ко-

стромской области В. Максина и прокурора области Ю. Пономарева. Обсуждался вопрос об оказании Костроме помощи в размещении изгоняемого музея. Территориальному управлению Росимущества было поручено до 1 февраля 2005 г. передать музею в безвозмездное пользование пожарную каланчу, а также ускорить передачу домов по ул. Комсомольская, 9/28 — дом Борщова, и по ул. Свердлова, д. 11 — усадьба Карцева. Договора на эти здания были подписаны 14—31 января 2005 г., но им предстоит еще долгая реставрация и подготовка к музейной деятельности.

30 декабря Росимущество подписывает окончательное распоряжение по Ипатию № 1555-р, отменяя свои действия по «частичной передаче» от 2 сентября. Имущество передавалось не только виртуальному монастырю, но и не менее эфемерному музею. Отдельный договор безвозмездного пользования заключался на музейное имущество, не входящее в состав государственного музейного фонда, но передаваемое епархии. Очевидно, речь шла о музейном оборудовании. Монастырь должен был обеспечить использование имущества в научных и культурно-просветительских целях. На него возлагалось обеспечение экспонирования и сохранности музейной коллекции. Контроль исполнения Д. Аратский оставлял за собой. Принципиальную разницу между двумя решениями федерального агентства, разделенными лишь тремя месяцами, возможно объяснить лишь беспрецедентным давлением, идущим с самых вершин власти. К тому же существует мнение, что позиция «непротивления» федералам, избранная Костромской областью, была связана с предстоящим выдвижением губернатора Виктора Шершунова на новый срок. Одним из условий «второго срока» была как раз «сдача Ипатия».

Желание принять «судьбоносное решение» в последний рабочий день года вполне понятно. Первую декаду нового года страна практически не работает и плохо соображает. Все было рассчитано на то, чтобы свести к минимуму возможность протеста. 5 января распоряжение было уже в Костромской епархии. А с 1 января епархия начала печатать свои входные билеты в монастырь, войдя, по евангельским словам, в плоды чужого труда. Однако общественный протест постепенно формировался. Еще осенью 2004 г. на одном из круглых столов, организованных «Свободной Россией» в рамках «Школы публичной политики», Игорь Яковенко предложил создать инициативную группу и экспертный совет по защите Ипатия. В результате возникла инициативная группа по сохранению целостности комплекса музея-заповедника. Одним из ее главных организаторов стала председатель областного отделения партии «Яблоко» Нина Терехова. В состав группы вошли лидеры и представители местных отделений «Совета Матерей»,

«Союза правых сил», КПРФ, Московского бюро по правам человека, экологического движения «Во имя жизни» и др. Общественные организации приняли живое участие в голодовке музейщиков, привозили голодающим минеральную воду, пытались их поддержать. Был организован сбор подписей под протестом против передачи монастыря епархии — в итоге их образовалось около 6000, что для «сонной» Костромы должно рассматриваться как «очень много».

Еще в декабре было подготовлено и отправлено обращение инициативной группы Президенту, премьеру, председателям палат Федерального собрания и патриарху. В тексте писем выражался протест против поспешных действий Росимущества и попечительского совета монастыря. Происходящие события рассматривались как попытка государства уклониться от контроля и ответственности. Выдвигалось требование предварительного предоставления музею нужных помещений и выражалась озабоченность сохранностью музейных предметов, передаваемых на временное хранение, как и самим фактом противоречащего закону раздробления коллекции. Предлагалось приостановить действие принятого постановления до проведения общественных слушаний и комплексной экспертной оценки последствий передачи. Как водится, на обращения никто не ответил. Подобные письма, содержащие просьбы сделать депутатский запрос и провести парламентские слушания, были отправлены председателю Комиссии по культуре Госдумы Иосифу Кобзону и депутатам И. Мельникову, В. Рыжкову, С. Попову и О. Шеину. Реакции не последовало.

Наконец вызрела идея общественного митинга. 12 января в мэрию Костромы было направлено уведомление о проведение пикета для привлечения внимания общественности к проблеме музея, назначенного на 22 января на площади Сусанина. 18 января уведомление было принято администрацией к сведению. Предыдущее письмо было подано еще в конце прошлого года, и 30 декабря, в день, когда Д. Аратский подписал свое распоряжение, в проведении митинга было отказано, поскольку уведомление якобы не соответствовало требованиям федерального закона. Очевидно, бюрократия сознательно оттягивала время. А тем временем архиепископ Александр (Могилев) лично звонил организаторам митинга на мобильные телефоны, угрожая им «духовным неблагополучием» за сопротивление преосвященной воле.

22 января на Сусанинской площади Костромы состоялся пикет в знак протеста против фактического уничтожения музея и кулуарного подхода к принятию решений, влияющих на жизнь региона. На митинге раздавалась листовка «Что дальше?», где перечислялись памятники культуры, переданные епархии, и указывалось на их бедственное состояние:

Церковь в Мельничном переулке	Заброшена, реставрационные работы не ведутся после передачи епархии
Церковь Лазаря Четверодневного	Ремонт не закончен, не используется после передачи епархии
Церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе	Ремонт не закончен после передачи епархии
Один из корпусов Макарьево-Унженского монастыря	Полностью уничтожен в результате пожара после реставрации на средства государства и передачи его епархии
Церковь Спаса-Преображения из села Спас-Вежи	Полностью уничтожена в результате пожара после передачи Нового двора монашеской общине
Икона Богоматери Тихвинской	Повреждена в результате небрежного обращения с ней насельниками монастыря
ИПАТИЙ	???

Другая ходившая на митинге листовка — «Не молчи — будь патриотом! Поддержи Кострому и наш музей!» также выражала протест против игнорирования общественного мнения при принятии важных для города и области решений. В заключение следовал призыв: «Мы — не стадо! Мы не согласны с разбазариванием государственного имущества! Вырази свою гражданскую позицию — скажи «НЕТ»!!!» Митинг прошел цивилизованно и спокойно, лишь рядом двое православных, смиренно опустив глаза, пытались развернуть плакат: «Светскому музею не быть в монастыре». 20 апреля в «Костромских ведомостях» свои неоднозначные оценки факта передачи музея епархии высказали главы местных религиозных общин.

Весной на имя Нины Тереховой стали приходить ответы чиновников среднего звена. 29 марта 2005 г. ей ответил Д. Аратский (№ ДА-07-258/ж). Суть письма сводилась к следующему: права Федерации на памятник, вытекающие из духа и буквы Постановления Верховного совета № 3020-1 от 27 декабря 1991 г., восстановлены, и страна вольна делать с ним, что хочет. Цинизм ситуации усугублялся тем, что раз здания ансамбля были переданы музею неправомерно, то, по мнению чиновника, обязанность предоставления учреждению культуры новых помещений лежит не на федеральной власти, отнявшей их, а на областной администрации. При этом Д. Аратский всячески подчеркивал участие своего ведомства в выделении музею новых площадей.

Гораздо более печальным оказалось письмо другого ДА — замминистра культуры Дмитрия Амунца от 8 апреля (№ 333-01-66-ДА). Он признал, что при рассмотрении вопроса о передаче музейных зданий епархии была нарушена статья 53 «Основ законодательства о культуре», согласно которой органы, осуществляющие передачу, обязаны предварительно предоставить организации культуры равноценное помещение. Даже в московском Министерстве понимали, что предлагаемые музею здания не отвечают таким условиям: их площадь была вполовину меньше той, что находилась в распоряжении музея ранее, а их состояние, местами аварийное, требовало безотлагательного ремонта.

24 февраля на заседании Областной думы рассматривался вопрос о переезде музея. В срок до 15 апреля должен был определиться состав специальной комиссии по описи и передаче части его фондов епархиальному Историко-археологическому музею. Уже 1 марта комплекс зданий, где располагался музей, стали спешно передавать монастырю. Директор предупредил сотрудников о переезде всего лишь за день. Действительно, наутро на набережной появилась вереница «Камазов» и рота ВДВ. За 2 дня, без необходимой упаковки и подготовки, музейная мебель и имущество были перевезены в «дом Борщова», некоторые вещи были сломаны. Фонды остались на территории монастыря, который впоследствии, по имеющейся информации, препятствовал как доступу сотрудников к коллекциям, так и плановому выезду некоторых собраний, в частности, собрания редкой книги.

Спешка объяснялась просто. 23 марта Президент проводил в Костроме выездное заседание президиумов Госсовета и Совета по культуре и искусству. Здесь не только была одобрена приватизация памятников и их дальнейшая передача в пользование патриархии, но и, что особенно возмутило костромичей, прозвучали из уст Президента слова о накопленном в Костроме «положительном опыте» по охране и использованию памятников и взаимоотношениям с церковью. Инициативной группе было заранее предложено не пытаться донести свою позицию до первого лица государства. В результате Президент посетил монастырь, выживший музей, но не зашел в музей, выжитый монастырем. В числе президентских поручений по итогам Госсовета было поручение № 512-пр от 3 апреля, предписывающее завершить ремонтные и реставрационные работы и перемещение музея в срок до 1 июня. Оно до сих пор ждет своего исполнения.

Чуть позже, 29 марта, с участим ФАКК и Росохранкультуры, областных думцев и Союза музеев России было проведено совещание в департаменте культуры и искусства Костромской области. Здесь было принято решение в срок до 1 мая завершить работу по выявлению в фондах предметов, исторически происходящих из Ипатия, и предоста-

вить Роскультуре документы для оформления разрешения на их передачу в безвозмездное пользование Епархиальному музею. При этом в основание сделки должно было лечь Постановление № 490 2001 г. о передаче «в бессрочное и безвозмездное пользование», а не музейный режим временного хранения. Таким образом, на государственном уровне планировался антиправовой акт, нарушающий нерасчленимость государственной части музейного фонда, поскольку состояние «бессрочного и безвозмездного» практически исключало как контроль специалистов за состоянием реликвий, так и возможность их возвращения. Именно к этому событию спешно и изготовлялась новая редакция Устава Епархиального музея от 5 апреля. Тем временем епархия заявила о разработке программы по экспонированию ценностей Ипатьевского монастыря. На его территории предполагалось организовать четыре постоянно действующие экспозиции, посвященные истории самой обители, истории Дома Романовых, чудотворной Феодоровской иконе Богородицы и российским Новомученикам. Экскурсии планировалось поручить монахам, прошедшим специальную подготовку.

Печальный инцидент произошел летом 2005 г. во время подготовки Костромским музеем выставки «От царя до императора» в Брюсселе. Туда предполагалось направить 14 принадлежавших музею-заповеднику предметов, часть из которых находились в экспозиции ризницы собора, уже переданного епархии. Вопрос об их экспонировании обсуждался на уровне губернатора и архиерея, они, как и архимандрит Иоанн, дали свое согласие. Однако в момент непосредственной упаковки реликвий, когда за ними приехали из Москвы специалисты и охранники «Росизо», наместник воспрепятствовал этому, требуя немедленного подписания акта о передаче этих вещей во временное хранение монастырю. Даже если у епархии существовали страхи, что эти предметы могут не вернуться в монастырь, все происшедшее выглядело крайне некрасиво. Впрочем, здесь стоит вспомнить слова архимандрита, произнесенные им для прессы в декабре 2004 г. На вопрос «Как вы будете делить с музеем фонды?» наместник категорически ответил: «Никто не допустит, чтобы из монастыря выносилось его древнее имущество».

Особая роль в истории Ипатьевского монастыря принадлежала Наталье Павличковой, директору Костромского художественного музея, представлявшей Кострому в общероссийском Союзе музеев. Она никогда не поддерживала музей в отстаивании его прав и не подписывала писем в его защиту. Все это время директор сохраняла «особые» отношения с Костромской епархией, возможно, в состоянии определенного ангажемента. Она и получила главный приз: с 1 ноября 2005 г. Краеведческий и Художественный музеи должны были объединиться

под одной, ее, крышей. 10 августа администрация области приняла Постановление «О реорганизации Костромского художественного музея путем присоединения к нему Историко-архитектурного музея-заповедника». В преддверии чаемого объединения директриса, организовав комиссию из собственных сотрудников, провела «кастинг» для бывших музейщиков Ипатия. Многие высококлассные специалисты, проработавшие в Музее по 20—30 лет, справедливо расценили такого рода собеседования как унижение и отказались «реорганизовываться». В результате основной урон понесли провинциальные музеи Костромской области, являвшиеся филиалами Краеведческого музея-заповедника, из музея ушли квалифицированные сотрудники, научная и фондовая работа были прерваны.

Не лучшим образом сложились и отношения между Епархиальным и Краеведческим музеями. Епархия сразу же начала эксплуатировать не ею созданные экспозиции ризницы и палат бояр Романовых, получая за это «пожертвования». Профессиональный контроль над ее деятельностью оказался невозможен. Рядовые сотрудники, прежде всего технический персонал, уверены, что в церковном музее им стало лучше в финансовом отношении: смотрители стали получать 1400 рублей, сотрудники — более 3000. Из 52 научных сотрудников в монастыре остались лишь 5, по мнению самого архимандрита, не самые лучшие. Среди них Светлана Виноградова, ставшая главным хранителем церковного музея. Архимандрит Иоанн рассчитывал прежде всего на помощь в организации музейного дела со стороны Центрального музея древнерусского искусства прп. Андрея Рублева, музеев Московского Кремля, Государственного исторического музея и Реставрационного центра имени Игоря Грабаря.

Новые сюрпризы преподнесла и дележка фондов «по-православному». 7 июля 2005 г. между Костромским объединенным историко-архитектурным музеем-заповедником и церковным Историко-археологическим музеем был подписан договор «о передаче музейных предметов религиозного назначения и исторически происходящих из Костромского Ипатьевского монастыря в безвозмездное временное пользование». Сам договор был подготовлен идеями, высказанными в письме ФАКК № 435-18.5-071 от 10 февраля 2005 г. Руководитель агентства М. Швыдкой 3 августа этот договор утвердил. Проблемы, заложенные в нем, отражены уже в самом названии. Речь идет о передаче на временное хранение, обычном деле в межмузейных отношениях, которое, однако, названо «безвозмездным пользованием». Очевидно, авторы искали некий компромисс между пожеланиями епархии получить вещи в соответствии с Постановлением № 490 и цивилизованными требованиями передавать экспонаты на временное хранение. Союз «и» между пред-

метами религиозного назначения и происходящими из Ипатьевского монастыря делал список передаваемых предметов безразмерным.

В договоре речь шла о предметах, включенных в Государственную часть музейного фонда. При этом музейные фонды превращались фактически в «шведский стол», зависящий от аппетитов архиерея. Они оказались под угрозой, исходящей от пункта 1.4: «Список музейных предметов, подлежащих передаче от музея к ЦИАМ, может быть продолжен». При этом обязанность формировать список была возложена на сам Краеведческий музей. За ним формально сохранялось право ведения учета и контроля. В случае неисполнения своих требований музей имеет право инициировать расторжение договора и может проводить изъятие экспонатов в случае грубых нарушений правил хранения и экспонирования. Однако процесс выявления такого рода нарушений вновь не был прописан. Финансирование работ по контролю над состоянием предметов оставалось за музеем, а Епархиальный музей оплачивал лишь профилактическую реставрацию. В договоре фиксировался запрет на изменение внешнего вида музейных предметов. Епархиальный музей самостоятельно определял свое участие в выставочных мероприятиях, а права и обязанности Краеведческого музея в этой сфере не оговаривались, кроме самого факта согласия. Музей также мог просить у епархии выдать предметы на свои выставки. Срочность договора была так и не определена, а грядущая реорганизация музея-заповедника была готова похоронить эту срочность под проблемами правопреемства.

Список передаваемых предметов был указан в приложениях № 1 и 2. После исхода, а вернее, «извоза» музея из Ипатия встал вопрос о судьбе икон и святынь из ризницы и иконостаса собора. Единственным возможным решением правовой коллизии была передача их как предметов государственной части музейного фонда религиозной организации на временное хранение. В результате фондово-закупочная комиссия музея составила список из 166 предметов как специальное приложение к договору. Каково, однако, было удивление сотрудников музея, когда они увидели итоговый список из 2677 предметов. Этот перечень составлялся директором П. Алексеевым и архиепископом единолично, при участии «православных» сотрудников, в том числе и С. Виноградовой, что свидетельствует о компетенции подобных людей, у которых ложно понятое благочестие подменяет профессионализм. Список предметов включал не только Романовскую коллекцию и предметы православной культуры, никогда не принадлежавшие монастырю, но и предметы христианского культа из археологических раскопок на территории Костромы. Вырванные из плоти из музейной

коллекции и из археологического контекста, они должны были стать основой нового грандиозного замысла.

Нужная подпись у руководства Роскультуры была взята архиепископом и архимандритом измором в течение одного дня. В результате ФАКК утвердило новый расширенный список «2677», пришедшийся по живой ткани. За этой акцией просматривается стратегическая претензия некоторых представителей патриархии на монополию в обладании, понимании и демонстрации памятников православной культуры. Такое бесконтрольное распоряжение объектами культурного наследия на территории Костромской области, где епархия полностью выведена из-под надзора государственных органов по охране памятников, уже дало себя знать. Берендеево царство становится оружием массового поражения для памятников православной старины. Здесь существует длинный, как нигде, список утрат и потерь.

Федоровская икона Матери Божией (XIII в.) оказалась недоступна для обозрения и изучения. От нее, для удобства, была отпилена древняя рукоять. В подклете Богоявленского собора Анастасиевского монастыря (XVI в.) в усыпальнице Салтыковых существовала роспись XVII в. кисти Гурия Никитина. Она давно требовала реставрации, однако настоятельница не соглашалась на ее проведение. Расследование журналиста Андрея Тихомирова позволило выяснить, что росписи были самостоятельно «отреставрированы», а по сути записаны монахинями и девочками из монастырского приюта и закрашены неизвестным составом в 2004 г. Доступ к этим фрескам закрыт. Во время строительных работ в монастыре уничтожен культурный слой, на фасаде Смоленской церкви заложен дверной проем, а в угловой палатке снята штукатурка с исторической росписью.

В церкви Воскресения на Дебрях фрески Гурия Никитина потемнели от ежедневных интенсивных служб, свечного нагара и лампадной копоти, а часть их оказалась дописана масляной краской, как, например, сцена со св. ап. Петром и Ананией в западной галерее. При Знаменском храме на Дебрях во время строительства колокольни был разрушен культурный слой и древнее кладбище. В самом Ипатьевском монастыре, кроме гибели Преображенской церкви, было разморожено здание вотчинной конторы, а проемы арок первого яруса колокольни оказались заложены. Арки второго яруса были застеклены, что, вкупе с устройством отопления, вызвало намокание и разрушение стен. Рядом расположенный храм св. апостола Иоанна Богослова (1681—1687) в январе 2000 г. был передан монастырской братии как приходской и претерпел «дикую реставрацию» икон. Образа XVII—XVIII вв. были перекрашены заново с назойливым преобладанием золотого сусального фона и голубого цвета.

Росписи церкви Владимирской иконы Божией Матери в Нерехте (1775) в процессе «воссоздания» оказались превращены в лубочные картинки. Рядом с храмом свт. Иоанна Златоуста в Костроме в результате строительства хозяйственного здания были разрушены культурный слой и средневековое кладбище. В Успенском Паисеевом монастыре в Галиче были срублены декоры фасадов и интерьера, из-за устройства бетонного пола в соборе монастыря увеличился подсос воды, разрушающий древний храм. Обкладка кирпичом Троицкой церкви также сопровождалась уничтожением элементов декора и археологического слоя. В уникальном шатровом храме XVI в. — Богоявленской церкви в с. Красное-на-Волге была отштукатурена колокольня и заложены арки подклета. В Троице-Сыпновском монастыре был уничтожен культурный слой. В Авраамиевом Городецком монастыре Чухломского района были сделаны бревенчатая пристройка к надвратной церкви и металлическая лестница в храм Умиления Богоматери. Цементной заливкой искажен внешний облик Успенского собора в Кологориве. В самой Костроме епархией снесен памятник «Дом Котельникова». Хотелось бы пожелать удачи новому церковному Историко-археологическому музею Ипатьевского монастыря. Тем более что реэкспозиция музеев в России всегда шла им только на пользу. Вот только методы, которыми он рождался, да отношение к церковной древности, свойственное местному священноначалию, не внушают даже осторожного христианского оптимизма.

Подводя итог костромской истории, стоит вспомнить несколько публичных выступлений ее участников. Патриарх Алексий (Ридигер) в 2005 г. сетовал, что «музейные работники считали церковное имущество своим достоянием», однако патриархии «все-таки удалось разделить» музеи в Троицкой лавре и Ипатьевском монастыре, «отделив музейные экспонаты, которые имеют краеведческое значение, от ризницы». Он утверждал, что по образцу Лавры, где наместник становится по должности заместителем директора музея, «аналогичная договоренность достигнута в отношении Ипатьевского монастыря в Костроме»[4]. Очевидно, предстоятель Русской Церкви либо не в курсе дела, либо кем-то введен в заблуждение. В официозной программе «Вести недели» 23 октября 2005 г. Сергей Брилев спрашивал Никиту Михалкова, члена попечительского совета Ипатьевского монастыря, что делать, напоминая ему о судьбе выкинутого оттуда музея. Тот ответил: плохо получилось оттого, что все делалось с «тяжким звероподобным рвением». «Мы так делаем все. Это национальная черта характера».

[4] Журнал Московской Патриархии. 2005. № 5.

Следующие конфликты между культом и культурой решались тем же образом...

5 января 2010 г. министр культуры Александр Аведеев на встрече с патриархом Кириллом (Гундяевым) признал, что выселенный из монастыря музей (вернее та его часть, что была выведена из Ипатия и влита в новообразованный Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник) продолжает оставаться закрытым, а его 700 000 экспонатов «складированы», «потому что до сих пор нет помещения». Даже по мнению министра, это — «исключительный случай». В самом же ЦИАМ, религиозной организации, которой государство доверило управлять собственным имуществом, кроме шикарно оформленного сайта, имеются лишь несколько экспозиций: в палатах бояр Романовых — выставка «Ипатьевский монастырь — колыбель Дома Романовых», в Свечном корпусе — «Вклады боярского и царского рода Годуновых в Ипатьевский монастырь», а также «Церковные древности Костромской земли: Сокровища русского прикладного искусства XVII—XIX веков» и «Древнерусская икона XV—XX вв.».

Тот, кто бывал в музее до выселения, хорошо помнит все эти экспонаты и экспозиции, которые сегодня лишь слегка изменили свой формат. Единственная новая выставка посвящена 90-летию расстрела семьи последнего императора. Она была открыта 17 июля 2008 г. и разместилась в подклете Троицкого собора. О ее значении говорит тот факт, что в журнале заседания Священного Синода РПЦ от 6 октября 2008 г., посвященного «мероприятиям к 90-летию мученического подвига Царственных Страстотерпцев», данная выставка даже не упоминается…

К сожалению, никто не рассматривает в качестве драмы тот факт, что за 6 лет государственный музей так и не смог возобновить свою работу, а судьбы людей, связавших с ним свою жизнь, оказались надломлены. Течение костромской жизни вошло в спокойное русло: в ЦИАМ пришли некоторые сотрудники некогда изгнанного из монастыря музея, что служит доказательством их подлинной любви к старине, а не к власти над ней. Экспозиции открыты, святыни сохранны, архиерейское тщеславие утешено. Только стоит ли это спокойствие свершившихся страданий?

Глава IX

МОСКОВСКИЕ ЭТЮДЫ

Море проблем в епархиях «всея Руси» не просто отражается во владениях патриарха Московского как в капле воды. Здесь эти проблемы заимствуют свой архетип. Дело не только в шальных деньгах и политических амбициях, вносящих нестроения в церковную жизнь, но и в «двойных стандартах», применяемых руководством патриархии по отношению к учреждениям культуры и культурному наследию...

Уже в 1991 г. начался конфликт между патриархией и Всероссийским художественным научно-реставрационным центром имени И. Э. Грабаря. Новоспасский монастырь, Сретенский монастырь, переданный общине с восстановленными фресками XVII в., церковь вмч. Екатерины на Всполье, также возвращенная подворью Православной церкви в Америке в отреставрированном виде в 1994—2005 гг., Марфо-Мариинская обитель, где, помимо противостояния с реставраторами, разгорелся еще и внутрицерковный конфликт из-за контроля над столичной недвижимостью, наконец, многострадальный храм Воскресения в Кадашах — все это этапы большого пути, где жесткая позиция общины не только не вызывала официального осуждения местного епископа, но и, судя по всему, получала его поддержку.

Конфликт в Кадашах в августе 2004 г. высветил новые грани спора вокруг бывшей церковной собственности. Община была зарегистрирована в 1992 г. на «живое место», еще занятое коллективом реставраторов. В 1998 г. Московское правительство передало ей территорию вокруг храма. Приход неоднократно обращался к руководству мастерских с просьбой ускорить освобождение помещений храма, особенно после 2001 г., когда истек срок договора аренды Центра с департаментом государственного и муниципального имущества Москвы. 9 октября 2002 г. патриарх Алексий (Ридигер) обратился с письмом № 5597 по поводу Кадашевской церкви в Минмущество. Уже тогда существовал

вариант с переездом реставрационных мастерских на ул. Радио, д. 17, в Лефортово.

Новый виток противостояния начался не в августе, а в мае-июне 2004 г., когда адвокат Михаил Воронин подал от имени ряда общин иски в Московский арбитражный суд о признании права собственности на храмовые здания. Это были церкви Покрова на Большой Ордынке на территории Марфо-Мариинской обители, Илии-пророка на Воронцовом поле, Воскресения Христова в Кадашах, свщмч. Климента в Климентовском переулке и Заиконоспасский монастырь на Никольской улице. 14 июля рассматривался иск общины св. пророка Божия Илии, где находились фондохранилища Государственного музея Востока [1]. Принципиальное согласие музея на переезд существовало, однако его условием было предоставление новых площадей. Рассмотрение дела по Кадашам было назначено на 3 августа, но предшествующие разбирательства показали, что исковые заявления — вещь, не гарантирующая сиюминутного успеха. В верующих умах созрел план изведения чужих «молитвой и блокпостом» [2].

В понедельник, 2 августа 2004 г. на пост вневедомственной охраны ГУВД Москвы, расположенный в здании храма, занимаемого Центром, проникли представители общины, которые опечатали двери мастерских. Директор Центра Алексей Владимиров называл их количество — 50—70 человек. Они начали молебен и чтение акафиста «на пороге и внутри церкви» в намерении служить до тех пор, пока им не отдадут храм. В официальных заявлениях Центра говорилось: «Многочисленной группой неизвестных лиц был проведен настоящий штурм учреждения культуры федерального подчинения. Сотни бесценных экспонатов, реставрировавшихся его сотрудниками, остались без защиты..., а государственная организация оказалась в положении заложника чьих-то амбиций и агрессии». Прихожане сообщали: «...были возобновлены службы в одном из изолированных притворов храма, а помещения мастерских опечатаны обеими сторонами». В это время в здании находились отдел реставрации древнерусского шитья, отдел церковной скульптуры, архив, отдел экспертизы, рентгеновская, физическая и химическая лаборатории и фотолаборатория. Здесь были вещи, находящиеся в процессе реставрации, требующие постоянного наблюдения специалистов. 3 августа специалисты вновь не смогли попасть на свои рабочие места. Характерна реакция настоятеля общины, протоиерея Александра Салтыкова, профессионального искусствоведа, на потенциальную угрозу предметам церковной старины, находящим-

[1] Церковь может отсудить треть городских земель // Известия. 2004. 15 июля.
[2] *Петухов С.* Крест и молот // Коммерсантъ-Власть. 2004. № 33.

ся в запертых мастерских. В одном из интервью он заявил, что «может там что-то и находится», но лично ему об этом неизвестно.

Уже 4 августа глава Роскультуры Михаил Швыдкой сообщил, что существуют варианты переезда Центра в новое здание. 5 августа по иску одного из представителей общины по месту его жительства в Балтийском районе Калининграда судом было вынесено решение о запрещение Центру занимать помещение храма до рассмотрения вопроса о собственности в арбитражном суде. Однако уже на следующий день это решение было отменено на том основании, что судья была введена истцом в заблуждение. 6 августа приход выступил с обращением к СМИ, призвав журналистов объективно освещать возникший вокруг храма конфликт: к этому времени патриархия уже успела выразить свое недовольство не столько поведением прихожан, сколько возникшим общественным резонансом. 7 августа приход опубликовал новое обращение к общественности, которое демонстрировало полную самостоятельность в толковании актов российского законодательства: закон 1991 г., отменивший декрет 1918 г., автоматически делал этих людей собственниками храма. В распространяемой приходом информации руководство Центра и Роскультуры обвинялось в доведении храма до аварийного состояния. 9 августа заслуженные сотрудники Центра направили патриарху открытое письмо с просьбой защитить их от шельмования и силовых действий со стороны прихода. В тот же день Михаил Швыдкой заявил, что «нельзя не возбуждать уголовного дела по факту захвата госучреждения».

10 августа А. Владимиров сообщил о существовании правительственного решения о предоставлении реставраторам здания в Лефортово. 12 августа заместитель министра культуры Леонид Надиров заявил, что новое помещение будет предоставлено Реставрационному центру в течение полугода. Политическое решение было принято в патриаршей резиденции в Переделкино 13 августа, за обедом патриарха и Президента. Эта была пятница, но в тот же день вечером Д. Аратский, замглавы Росимущества, подписал распоряжение о передаче Реставрационному центру цехов ЦАНИ имени Жуковского площадью 6 000 кв. метров, требующих серьезного ремонта.

Нам осталась недоступной информация, когда именно прихожане освободили помещение мастерских и прекратили здесь свои «службы», более похожие на психологический прессинг. 19 августа, в праздник Преображения, молебен «за возвращение невозвращенных храмов» состоялся уже «возле» церкви. В ознаменование этого праздника приход направил Президенту России обращение, в котором, несмотря на уже принятые решения, его вновь попросили вмешаться в ситуацию и передать храм «в собственность». Согласно протоколу, под-

писанному 3 сентября, Роскультура обязалась к 18 апреля 2005 г. вывести все реставрационные службы из Марфо-Мариинской обители, церкви св. Екатерины и Воскресения Христова в Кадашах. Уже 19 декабря верхний храм был официально передан приходу. Сам А. Владимиров говорил, что «в какой-то степени» реставраторы благодарны Кадашевской общине за ее решительные действия, поскольку все попытки Центра с 1991 г. получить от мэрии и правительства новые здания были безуспешны.

Характерна реакция не последних лиц патриархии и государства на происшедшее. Первые лица просто отмолчались. Патриарх как епископ, в чьем непосредственном ведении находятся приход и его настоятель, не выразил публичного порицания их действиям. Возможно, именно этот факт позволил некоторым участникам конфликта и их сторонникам заявить, что на все их действия было получено благословение священноначалия. Викарий патриарха архиепископ Истринский Арсений (Епифанов) заявил, что «одобрить такой поступок нельзя, но понять людей можно», возложив всю ответственность на чиновников, которые довели ситуацию до того, что столкнули лбами общину и реставраторов. Протоиерей Александр Салтыков признал, что доложил о случившимся в патриархию только после того, как в прессе поднялся шум. В своих интервью он заявлял, что «именно они, прихожане, вошли в храм», а не он лично, и что «здесь был элемент народной стихийности». Значит, ли это что настоятель не контролировал общинную жизнь своего прихода?

Глава Роскультуры М. Швыдкой однозначно посчитал, что патриархия сразу же осудила эту акцию. По его мнению, радикальные инициативы общины в Кадашах, исходящие от протоиерея А. Салтыкова и его прихожан, остаются на их совести и разрушают «в высшей степени плодотворные, содержательные и партнерские отношения» Роскультуры и патриархии. Известно, что замглавы Росохранкультуры Анатолий Вилков обратился к начальнику столичного ГУВД Владимиру Пронину с просьбой вмешаться в ситуацию, а сам М. Швыдкой обращался в прокуратуру. 19 августа адвокат М. Воронин заявил, что сотрудники Реставрационного центра также обратились в Замоскворецкую прокуратуру с жалобой на расхищение фондов ВХНРЦ. Со стороны правоохранительных органов никаких действий не последовало, а судебные иски в адрес общины были со временем отозваны. В этой истории поражает не столько многолетнее бездействие чиновников или противная Евангелию жестокость местной общины. Ее действия, прикрывающие собственную агрессию религиозной мотивацией, ускорили неизбежный процесс передачи ей храма, но забрызгали грязью хитон всей Церкви. Печально и другое — отсутствие реакции со

стороны «полноты церковной» и правоохранительных органов, которые тем самым словно поощряют повторение подобного.

Только 30 ноября 2006 г. завершился переезд ВХНРЦ имени И. Э. Грабаря из церкви Воскресения Христова в Кадашах в новое помещение. 4 декабря руководители реставрационного центра подписали акт о передаче патриархии всех помещений храма. Однако жизнь напомнила общине об их нехристианском поступке совсем с другой стороны. По соседству с храмом началось строительство офисно-жилого комплекса «Пять столиц», ради которого предполагалось не только разрушить исторический облик Замоскворечья, но и снести несколько исторических зданий, в частности, входящий в храмовый комплекс дом дьякона — памятник 1813 г. постройки, «почему-то» снятый Москомнаследием с охраны. Заказчик-застройщик, которым являлось ООО «Торгпродуктсервис», действовал на основании постановления правительства Москвы от 29 октября 2002 г. за № 889-ПП. Прихожанам и московской общественности в 2007—2009 г. все же удалось остановить разрушение и «продиктовать» правительству Москвы и соседям-коммерсантам условия строительства на исторической территории прихода. Стоит отметить, что это один из немногих случаев, когда из чувства корпоративной солидарности за памятники старины вступились руководители московской патриархии, в частности, председатель ОВЦС архиепископ Илларион (Алфеев), который выразил надежду, что исторические центры Москвы и других российских городов не будут «застраиваться громоздкими постройками».

Происшедший в Кадашах конфликт высветил и другие проблемы и закономерности в связке «церковь-собственность-культура». Антикультурную акцию, беспрецедентную по своей жестокости, организовал протоиерей с претензией на интеллигентность и искусствоведческим образованием. Несомненно, с целью сгладить тот негативный образ малокультурного прихода, который обнажил себя во время августовских событий, протоиерей Александр Салтыков решил в 2005 г. провести «культурную акцию» — организовать при храме музей «Кадашевская слобода». В этом смысле культурная ситуация в Кадашах и жесткость противостояния до недавнего времени были сравнимы с судьбой прихода в Филях, где настоятелем стал другой искусствовед — протоиерей Борис Михайлов.

История борьбы религиозной общины за храм Покрова Божией Матери в Филях начиналась совершенно обыденно. Церковь, построенная в 1690—1693 гг. боярином Львом Нарышкиным в своей вотчине, явилась воплощением новых православных представлений о «красоте церковной». Верхний, «холодный», храм во имя Нерукотворного Образа с редкой полнотой сохранил иконные образа и внутренние по-

золоченные украшения [3]. Эта церковь официально была домовой, и обстоятельства ее обращения в приходское ведение между 1795 и 1825 гг. не вполне ясны. Службы здесь совершались по праздничным и воскресным дням [4]. В нижнем, «теплом», собственно Покровском храме, который изначально был приходским, первоначальное богослужебное убранство не сохранилось за исключением престола начала XVII в. В 1923 г. община приняла от Моссовета храм и имущество в безвозмездное пользование. 2 июля 1941 г. исполком Киевского райсовета г. Москвы просил у вышестоящих органов разрешения закрыть храм. В 1971 г. здесь был организован филиал Музея древнерусского искусства прп. Андрея Рублева.

В ответ на просьбу граждан об открытии храма 22 августа 1990 г. руководители исполкома Киевского района посчитали регистрацию прихода «целесообразной». В заявлении указывалось, что будущая община готова отреставрировать храм и содержать его. Инициатива организации прихода принадлежала одному из музейных сотрудников — Алексею Соловьеву, организовавшему сбор подписей местных жителей. Однако в уклончивом решении советской власти ничего не говорилось ни о музее, существующем при храме, ни о его интересах. Вопрос об организации прихода, зарегистрированного 19 ноября 1991 г. в Моссовете, решился без участия всех заинтересованных лиц. 18 декабря сюда был назначен настоятелем протоиерей Алексей Павлов. Храм был намечен к передаче патриархии еще решением Моссовета № 124 от 25 июля 1991 г.[5].

В марте 1992 г. община обратилась к Ю. Лужкову с письмом, в котором музей обвинялся в ненадлежащем использовании храма, в превращении алтарных пространств в подсобные помещения и в коммерческом использовании церкви для съемок игрового кино. Уже 17 марта в дирекцию музея обратилась комиссия Моссовета по связям с религиозными объединениями с просьбой передать храм приходу. В апреле начались переговоры с директором музея Софией Вашлаевой о возможности богослужений в нижнем храме. 9 сентября 1992 г. в музее происходит совещание по вопросам богослужений в храме, на котором выступает автор реставрационного проекта И. Ильченко с предложением совместного использования храма на основе соглашения и при ограниченном числе богослужений. 4 ноября 1992 г. община вновь

---

[3] *Комашко Н. И.*, *Мерзлютина Н. А.* Церковь Покрова в Филях. М., 2003.

[4] *Михайлов Б.*, *священник.* Храм в Филях. История прихода и храма Покрова Богородицы в Филях. XVII—XX века. М., 2002.

[5] Труд. 1991. 22 янв.; Советская культура. 1991. 26 янв.; Литературная Россия. 1991. 23 авг.; Независимая газета. 1991. 7 авг.

обратилась к Ю. Лужкову с просьбой передать ей храм. Известно, что еще в октябре Ю. Лужков предлагает сделать Покровский храм патриаршим «придворным» храмом.

Однако 8 ноября 1992 г. ученый совет музея признал невозможным использование Филевского храма в качестве общинного. Вместе с тем, понимая необходимость возрождения жизни общины, музей посчитал возможным принять участие в долевом строительстве нового храма. Постепенно на сцену выходят противоречия правового характера. 12 января 1993 г. Госкомимущество напоминает Москве, что право распоряжения храмом остается за Российской Федерацией. 26 сентября 1994 г. в общину назначается новый настоятель священник Борис Михайлов. В это время меняется тактика взаимоотношений общины с музеем. В 1996—1997 гг. основное внимание уделяется возможности не столько передачи нижнего храма, сколько совершения здесь регулярных молебнов. Первый такой молебен состоялся на Рождество Христово 1997 г. Первая Божественная литургия была отслужена на Пасху 2000 г.

В то же время община выступила инициатором заключения соглашения с музеем о совместном использовании храма, текст которого был предложен А. Соловьевым. Его основные положения сводились к следующему. Канонические нормы выполняют во взаимоотношении с музеем ту же роль, что и государственные законы (пункт 1.7). Музей продолжает осуществлять в храме, переданном общине в безвозмездное пользование, свою деятельность, но она должна соответствовать Закону о свободе совести (пункт 2.3). Службы в храме совершаются по расписанию прихода, а параметры температурно-влажностного режима определяются Научно-попечительским советом. В верхнем храме алтарь содержится как святилище. Здесь проводятся отдельные богослужения по рекомендациям Совета и согласованию с музеем (пункт 2.6). Должны соблюдаться требования по ограничению количества молящихся, качеству свечей и лампадного масла. Текущее содержание памятника происходит за счет госбюджета (пункт 2.8). Прилегающая к храму территория передается приходу и переустраивается в соответствии с его нуждами (пункт 3.1). В частности, должна быть восстановлена территория кладбища. Музей передает приходу все храмовое богослужебное имущество (пункт 4.1). Уборка верхнего и нижнего храмов осуществляется приходом, берущим на себя часть расходов по оплате труда охранников, смотрителей и специалистов (пункт 5.5).

На фоне этих событий 24 июня 1997 г. было принято Постановление правительства № П16-772 о совместном использовании храма. Оно однозначно трактовалось приходом в свою пользу. В том же году музей обвиняет общину в попытке самозахвата храма. После этого вновь

возобновляются переговоры о совместном использовании нижней церкви на основе предложений прихода от 16 июля 1997 г. В ответном письме директора музея Геннадия Попова иерею Борису Михайлову от 29 сентября 1997 г. одним из главных вопросов становится не столько проблема сохранения памятника, сколько ситуация с разделом «бремени содержания».

10 марта 1998 г. патриарх Алексий (Ридигер) вновь обращается в Правительство с просьбой передать храм и предлагает свой уже готовый проект решения по данному вопросу. К этому времени противостояние прихода и музея вновь нарастает. Община 21 марта 1998 г. составляет акт о съемках в помещении храма игрового фильма для корейского телевидения с «ряженым актером» в роли священника. В июне-июле 1998 г. патриарх пытался добиться передачи храма через министра культуры Наталью Дементьеву и просил ее дать гарантии общине «в беспрепятственном совершении всей полноты храмового богослужения».

Еще в январе 1999 г. в руках общины появился козырь в противостоянии с музеем. Лаборатория музейной климатологии Государственного научно-исследовательского института реставрации провела исследования по температурно-влажностному режиму в Филевском храме. Были отмечены проблемы в содержании музеем верхнего храма, связанные с отсутствием вытяжки и плохо подогнанными деревянными рамами окон. В рекомендациях отмечалось, что в верхней церкви должны строго соблюдаться все правила эксплуатации неотапливаемых церковных зданий, предусматривающие консервацию на зимний период, проветривание по специальной методике и ограничение посещаемости. Община поспешила заявить о «неквалифицированном хранении» памятника музеем. Впрочем, кое-что касалось и общины. Отсутствие вентиляции в нижнем храме негативно сказывалось на состоянии сакрального пространства как при открытии выставок, так и при проведении молебнов.

Однако в Министерстве происходит смена руководства. 26 мая 1999 г. и 21 июня 1999 г. издаются приказы о подготовке нижнего храма к службам. 21 октября 1999 г. новый министр Владимир Егоров в письме патриарху выражает готовность к совместному использованию храма и поручает курировать проект соглашения В. Виноградову из департамента культурного наследия Министерства. Основные работы по так и не подписанному соглашению развернулись осенью 1999 г. К 30 сентября его проект вручен иерею Борису Михайлову. Однако еще 10 сентября 1999 г. прошло заседание научно-методического совета, на котором предлагалось освободить алтарь нижней церкви и продолжить изучение вопросов осуществления здесь музейной деятельности с уче-

том интересов прихода. Заключение допускало возможность строительства деревянного храма в стиле XVII в. в непосредственной близости от Покровской церкви на территории музея. В результате в 2000 г. был построен не храм, а новый приходской дом.

В конце 1999 г. патриарх Алексий (Ридигер) вновь обратился к вице-премьеру Валентине Матвиенко по вопросу передачи храма. Ответ был двояким. Минимущества 26 января 2000 г. закрепило права на оперативное управление Покровской церковью за музеем, который являлся особо ценным объектом культурного наследия народов России. Это не предполагало перепрофилирование входящих в его состав объектов и исключало возможность передачи нижнего храма в пользование общине. Решение вызвало гнев патриарха, который вновь обратился к В. Матвиенко. 22 февраля вице-премьер поручила Минкультуры и Минимущества в десятидневный срок согласовать проект распоряжения Правительства, который обсуждался на совещании 2 марта у заместителя министра имуществ Н. Гусева. В результате 28 марта 2000 г. правительство издало новое распоряжение № 464-р о совместном использовании храма. В храме начались периодические службы.

Однако такая ситуация не устраивала патриархию. 29 марта 2004 г. патриарх Алексий (Ридигер) принимал у себя в резиденции нового министра культуры А. Соколова. На пресс-конференции патриарх сообщил, что во время встречи поднимался вопрос о передаче приходу храма в Филях, а министр обещал способствовать решению этого вопроса «на следующем этапе». Но приход должен был смениться. Полной неожиданностью для общественности стали следующие слова патриарха: «В передаче этого храма также проявил заинтересованность Таможенный комитет, так как фасад комплекса зданий этого ведомства выходит на храм Покрова в Филях. И сотрудники Комитета желали бы видеть этот храм своим приходским храмом».

Заявление, рассчитанное на решение вопроса, вызвало обратный эффект и бурю негодований в прессе и обществе [6]. 2 апреля Госдума дала поручение Комитету по культуре запросить в Правительстве информацию об условиях передачи Филевского храма патриархии и мерах по ограничению эксплуатации этого памятника в культовых целях. По инициативе академика Дмитрия Сарабьянова культурная Москва обратилась к председателю правительства Михаилу Фрадкову с письмом, в котором выражалась озабоченность передачей храма таможенникам. Их «церковный» интерес предположительно объяснялся наличием 6 гектаров парка, окружающего храм. В тексте говорилось о «конфессионализации» культуры страны и авторитарном стиле руко-

[6] Храм для таможенников // Время Новостей. 2004. 30 марта.

водства нового министра. Авторы письма требовали, чтобы решения подобной важности принимались коллегиально, с соблюдением правовых норм, а не по произволу новоявленных чиновников. Исполнение достигнутых договоренностей пришлось отложить.

Однако вмешательство сторонних церкви и культуре сил лишь ускорило грамотное решение проблемы. Под впечатлением от происходящего, 26 мая 2005 г. директор музея Г. Попов и протоиерей Б. Михайлов подписали соглашение о порядке и условиях совместного использования верхнего и нижнего храма, прилегающей территории и музейного имущества. Согласно положению, в верхнем храме богослужения не совершались, но его алтарь не использовался для целей хранения. В нижнем храме по средам, воскресным и праздничным дням при условии нормального температурно-влажностного режима совершались чередные богослужения и «по мере необходимости» — приходские Таинства и требы (пункт 2.2). Производилось разграничение земельных участков на музейной территории (пункт 2.3). Отдельным протоколом согласовывались вопросы оплаты коммунальных услуг и ключевого хозяйства (пункт 2.4). Музейные предметы, составляющие убранство нижнего храма, передавались приходу во временное пользование, их охрана и реставрация совершались за счет музея (пункт 3). Планировалось разработать и обсудить предложения по созданию деревянной звонницы и храма на территории памятника.

Приход, в свою очередь, обязался выполнять рекомендации музейных специалистов и допускать их в храм. Богослужебное оборудование в нижнем храме должно быть устроено по согласованию с музеем (пункт 4.4). Приход должен был заботиться о состоянии территории вокруг храма. Важным новшеством взаимоотношений патриархии, культуры и государства был упомянутый в соглашении факт, что лишь после подписания соответствующего договора Росимущество издает распоряжение о передаче нижнего храма в пользование общине. Стоит отметить, что разрешению конфликта способствовали и кадровые перестановки. В 2003 г. в отдел пришла новая заведующая Наталья Мерзлютина, а к весне 2004 г. здесь сменился практически весь коллектив. В то же время в общине сменился староста — председатель приходского совета. Им стал Иван Дымов. Новое руководство филиала пошло навстречу разумным пожеланиям прихода, предлагая вполне понятные для церковного сознания способы защиты и сохранения святыни. Начиная с 2005 г. раз в год, 29 августа, на престольный праздник верхнего храма — Третий Спас, здесь стало возможно совершать славление — краткий молебен. Оказалось, что теперь обе стороны рассчитывают на диалог. Этому предшествовало изменение отношения общины к музею — к нему привыкли, и его заботы стали частью приходской жизни.

Возвращаясь к конфликту в Кадашах в августе 2004 г., необходимо отметить, что его основное содержание, не связанное с церковной культурой, оказалось отчетливо видно в исторической ретроспективе. Это не значит, что его не было раньше, но лишь в начале XXI в. оно оказалось всесторонне осознанным. Через год после драматических событий, летом 2005 г., в прессу был сделан вброс информации о готовящемся изменении законодательства о культах, согласно которому правом юридического лица обладали бы лишь централизованные религиозные организации — патриархия и епархии, а не отдельные приходы [7]. Новый курс связывался с именем бывшего управделами патриархии митрополита Климента (Капалина) и администрацией Президента, а его активным разоблачителем выступал уже известный адвокат храма в Кадашах Михаил Воронин. Нелишне вспомнить, что активным участником событий 2004 г. был Василий Бойко президент компании «Вашъ финансовый попечитель», упоминаемый в связи со скандалами с переделом собственности в Москве [8]. Все эти наблюдения делают понятным возмущение адвоката и других заинтересованных лиц. В случае реализации патриархийного проекта они потеряли бы все то, что и было настоящей целью спровоцированного ими приходского стояния в августе 2004 г., не имеющего ничего общего с церковной культурой, т. е. серьезную московскую недвижимость и доходы от ее эксплуатации.

Показателен с точки зрения отношения патриархии к культуре конфликт вокруг храма Живоначальной Троицы в Останкино, построенного в 1677—1683 гг. в стиле «нарышкинского барокко» на средства князей Черкасских в их вотчине [9]. К 1991 г. храм был отреставрирован и являлся частью Государственного музея-усадьбы «Останкино». К этому времени, не без участия тогдашнего сотрудника музея Бориса Михайлова, здесь сложилась претендующая на храм община. 2 апреля 1992 г. премьер Москвы Ю. Лужков подписал распоряжение № 804-рп о передаче храма в пользование религиозному обществу. При храме тут же было организовано подворье Оптиной пустыни во главе с иеромонахом Феофилактом (Безукладниковым), и о приходской жизни уже не было и речи. Однако памятник такого уровня, несомненно, являлся федеральной собственностью, что и было подтверждено президентским Указом 20 февраля 1995 г. В силу этого повторно, 14 июля

[7] *Поздняев М.* «Вертикаль Божья». Церковь оказалась на пороге административной реформы // Новые известия. 2005. 5 июля.

[8] *Рассохин Э.* Швыдкой действует как большевик // Собеседник. 2004. 29 сент.

[9] *Лебедева Е.* Центр добротолюбия без любви // Московские новости. 1995. 21 мая; *Бабасян Н.* Плитка «кабанчик» для храма. Церковь борется с музеями за их имущество // Новое время. 1998. № 20.

1997 г., распоряжением № 988-р премьер Виктор Черномырдин отдал храм в бессрочное и безвозмездное пользование Русской Церкви, в соответствии с «принятыми предложениями» правительства Москвы и Минкультуры России. Минкультуры вместе с Госимуществом было поручено в месячный срок передать здания, предусмотрев порядок и условия использования их как памятника.

Еще в 1995 г. подворье попыталось получить в свое распоряжение землю вокруг храма, на которой располагался заповедный парк музея-усадьбы, где, в частности, находились реставрационные мастерские. В нарушение интересов учреждения культуры в данном случае такое право было получено. В январе 1996 г. правительство Москвы приняло постановление о передаче под подворье гектара земли. Дирекция музея пыталась оспорить решение мэрии в арбитражном суде, однако успеха не имела. Уже 5 мая 1998 г. помещение мастерских было взломано сотрудниками игумена Феофилакта. Мастерские прекратили свое существование.

В 1997 г. настоятель подворья вторгся и в сферу культуры — ликвидировал редчайший чин философов в иконостасе из-за его якобы несоответствия православному мировоззрению [10]. Изображения на тумбах под иконами нижнего ряда представляли Орфея, Истоика, Фулидоса и Аполлона — христиан до Христа, которые, согласно представлениям XVI в. об античной истории, пророчествовали о пришествии Мессии. Подобные изображения на золоченых церковных дверях были известны в Успенском храме Московского Кремля и Троицком соборе Ипатьевского монастыря. Пол храма был устлан плиткой типа «кабанчик», обычно применяемой в общественных туалетах. Разрушение исторического облика храма нашло себе полное оправдание в устах «церковных искусствоведов». Иерей Борис Михайлов говорил о ренессансном, чуждом Православию, происхождении этих изображений, выполненных в грубой манере, да еще и в профиль: понадобилось обновленное и зоркое православное видение игумена Феофилакта, чтобы исправить ошибку предшественников. Директор музея Геннадий Вдовин назвал происшедшее примером «клерикальной цензуры» и самомнением настоятеля, полагающего, что именно ему явлена суть Православия в отличие от наших предков, косневших во мраке невежества.

Похожий конфликт развернулся и вокруг храма Всемилостивого Спаса, являющегося частью Государственного музея керамики и Музея-усадьбы «Кусково». 7 июня 1908 г. священник Спасской церкви с. Кусково Александр Смирнов, «вникая в религиозные нужды прихо-

[10] *Ситников М.* «Чин философов» и «кабанчик» // Русская мысль. 1997. № 4196; Останкинская переписка // Русская мысль. 1997. № 4202.

жан», просил графа Сергея Шереметьева как владельца села разрешить каменную пристройку к летнему храму XVIII в. и согласиться на превращение его в зимнюю церковь. Граф с этим не согласился, поскольку церковь была домовой, однако был готов ходатайствовать о постройке нового храма и даже выделить для этого землю. 30 сентября 1992 г. Управлением юстиции Москвы при этом храме была зарегистрирована новая община. Еще в 1998 г. у директора музея Елены Ерицян были добрые отношения с трагически погибшим впоследствии священником Игорем Чехариным. Однако 22 ноября 2000 г. патриарх Алексий (Ридигер) подписал указ № 6002 о назначении сюда протоиерея Бориса Токарева с поручением ему совершения богослужений в воскресные и праздничные дни и задачи нормализации отношений с музейным руководством.

5 апреля 2004 г. замминистра культуры Леонид Надиров обратился к руководству музея с просьбой разрешить общине ночную пасхальную службу для ограниченного количества прихожан — до 70 человек. Этот вопрос уже обсуждался на встрече министра и патриарха 29 марта. Однако уже 8 апреля протоиерей Б. Токарев просит директора дополнительно разрешить еще несколько служб на Страстной и Светлой седмице. Этого не произошло, и уже 16 мая община направляет письма Президенту и патриарху о передаче ей храма в безвозмездное пользование. Одновременно богослужения были превращены в способ психологического давления — всенощные бдения 27 августа и 20 сентября были проведены общиной на улице.

3 ноября патриарх подписал письмо мэру Ю. Лужкову в достаточно резких выражениях: «Конфликтная ситуация между директором и приходом вынуждает просить Вас об оказании незамедлительной помощи по передаче общине здания храма, колокольни, а также строения, необходимого для нужд причта». Елене Ерицян приписывался стиль командно-административного вмешательства в дела прихода, заключающийся в ограничении числа богослужений и количества свечей, запрете на требы и внесение в храм дополнительной литургической утвари. Поскольку ключевое хозяйство оставалось у музея, то «двери открываются и закрываются с подчеркнутым недоверием к клиру». Предстоящий ремонт вызовет прекращение богослужений на длительный срок. Патриарх предлагал решить проблему по образцу Царицыно и Останкино, где часть строений и земля были закреплены за приходами, что исключило возможность дальнейшего конфликта с музеем.

29 декабря московский мэр в ответном письме справедливо указывал московскому епископу, что домовая церковь никогда не была приходской и что не стоит разрушать целостность ансамбля. Выход из си-

туации был связан с заключением соглашения о совместном использовании храма на основе патриаршего указа 2000 г. о службах в воскресные и праздничные дни. 5 апреля 2005 г. патриарх вновь пишет мэру. Как и в прошлый раз, письмо было составлено самим Борисом Токаревым или его окружением. Здесь вопреки фактам утверждалось, что храм был приходским, а в общую храмовую площадь, доведенную до 110 кв. метров, включалось и пространство алтаря. На самом деле эта площадь составляла 53 кв. метра. К тому же патриарх сообщал, что в 2002 г. он якобы издал новый указ о совершении в храме всех чередных богослужений и треб, который, однако, остался неизвестен музею.

К этому времени, 21 января 2005 г., Управление пожарной охраны МЧС уже указало дирекции музея на грубые нарушения правил пожарной безопасности при проведении служб протоиереем Б. Токаревым и запретило богослужения в храме. 30 марта 2005 г. Е. Ерицян сообщила в Комитет по культуре Москвы о самоуправстве прихода, грубо нарушающего музейные правила: 20 марта протоиерей с сотрудниками взломал и открыл западную дверь церкви, впустив внутрь дополнительно более 100 человек. Общиной было предпринято неоправданное изменение интерьера храма — безвкусные коврики и полотенца превратили усадебную церковь в провинциальную божницу; в адрес музейных сотрудников раздавались оскорбления и угрозы. 29 апреля музейный коллектив обратился к патриарху с просьбой вмешаться в ситуацию. В письме сообщалось о недостойном поведении протоиерея Бориса Токарева, об отсутствии нормальной приходской жизни и общинного самоуправления, об использовании храма в целях личного обогащения и о дестабилизации работы музея в результате этих действий. Все обращения были оставлены патриархом Алексием (Ридигером) без ответа.

Одновременно вскрылись правовые нарушения, касающиеся регистрации общины 31 мая 1999 г. на юридический адрес музея без его согласия, а 31 августа 2001 г. Москва зарегистрировала права собственности на усадебный храм, несмотря на то, что он принадлежал Федерации. Тем временем в начале 2005 г. протоиерей Б. Токарев подал в федеральное агентство документы на передачу храма в безвозмездное пользование приходу. Замруководителя Росимущества Д. Аратский дважды, 14 февраля и 18 апреля 2005 г., писал в Роскультуру, требуя согласования передачи. ФАКК отказывалось согласовывать это деяние, так как не было целого ряда необходимых документов, в частности, согласия музея, заключения органа охраны о возможности передачи, проекта охранного договора и акта технического состоянии памятника. Отсутствие такого количества необходимых бумаг наглядно демонстрировало, как агентство относится к подготовке документов. Однако Рос-

имущество настаивало на незаконности пребывания московского музейного учреждения на федеральном памятнике. В письме были четко расписаны ролевые функции агентств: Росимущество решает вопрос принципиально и рассматривает соответствие документов требованиям законодательства, а за Роскультурой остается обязанность согласования решений, принятых Росимуществом. Повторялась история с Ипатьевским монастырем в Костроме, однако московский музей, в отличие от провинциального, было не так-то просто выкинуть из занимаемых помещений. Конфликт усадьбы Кусково с усадьбой Офросимовых, где с 1943 г. располагается патриархия, вошел в затяжную стадию. Для его решения, судя по всему, была привлечена и Счетная палата РФ, которая в апреле 2007 г. завершила проверку музея, выявив, по сообщениям в прессе, ряд финансовых нарушений со стороны директора. Елена Ерицян продолжает оставаться директором усадьбы, однако о продолжении музейно-приходского конфликта более не слышно.

Одновременно обострился конфликт вокруг церкви Троицы в Никитниках (1631—1634), где сохранились росписи Симона Ушакова. Приход был зарегистрирован 23 июня 1999 г., однако распоряжением Минимущества № 223-р от 17 июля 2000 г. сам храм был передан в оперативное управление Государственному Историческому музею. 25 февраля 2000 г. расширенное совещание по вопросам реставрации здания отметило, что оно находится в состоянии прогрессирующего разрушения, создающем угрозу для прихожан. Было решено, что после завершения реставрации храм может быть использован для музейного показа и разовых богослужений по образцу соборов Московского Кремля. Однако 20 сентября 2000 г. реставрационная комиссия отметила, что ситуация продолжает усугубляться регулярным проведением богослужений, разрешенных директором ГИМа и не санкционированных никаким соглашением, а в Никольском северном приделе сделан склад бытовых предметов. Реставрация иконостаса была признана возможной только при демонтаже икон.

17 сентября 2001 г. протоиерей Арсений Тотев подписал с музеем договор о совместном использовании храма. За ГИМом оставались контроль и меры по обеспечению сохранности памятника, а также коммунальные расходы и определение порядка реставрационных работ. Приходу в безвозмездное пользование для проведения богослужений предоставлялся основной объем храма по выходным дням и церковным праздникам. Помещение северной пристройки передавалось общине для служебных нужд с возможностью впоследствии пробить здесь дверной проем после согласования с московским Управлением по охране памятников. Однако фактически директор музея Александр Шкурко дал настоятелю устное разрешение на проведение служб, не ограниченных

графиком, на что и было указано реставрационной комиссией в 2000 г. Договор лишь фиксировал установившийся порядок вещей.

8 февраля 2002 г. рабочая группа Федерального научно-методического совета отметила, что еще в 1996 г. церковь была закрыта для посещения в связи с ее аварийным состоянием. В нарушение всех норм музей подписал договор с общиной о проведении здесь богослужений, которые и проводятся 15—20 раз в месяц при большом стечении народа. Был выявлен очаг разрушения на своде алтаря и юго-восточного придела площадью до 5 кв. метров, а также налет копоти из-за парафиновых свечей. Иконостасы шатались и создавали угрозу людям во время богослужения. Были зафиксированы сколы и повреждения в нижней части стен по всему периметру храма. Ликвидация штата смотрителей во время богослужений привела к отсутствию контроля и нарушению правил музейного хранения.

Ситуация с бедственным состоянием святыни продолжала осложняться, а община всячески препятствовала проведению здесь спасительных мероприятий. Утром 20 июня 2006 г. приход во главе с настоятелем устроил «молитвенный пикет» против разборки иконостаса с целью его реставрации. К пикету были подготовлены плакаты: «Уважаемые искусствоведы, где ваша совесть!»; «Сейчас не 1917 год»; «Разоряя храм, разоряем Россию». Между тем договор, подписанный самим протоиереем Арсением Тотевым в 2000 г., предусматривал, что музей осуществляет меры по обеспечению сохранности интерьеров, а приход обязуется не препятствовать проведению необходимой работы (пункт 2.10). Под давлением событий директор музея А. Шкурко заявил, что музей не намерен изымать иконы до официального решения вопроса о передаче храмового здания общине и о судьбе самих образов как входящих в государственную часть музейного фонда России.

Острый конфликт из-за храма Троицы в Никитниках сменился для ГИМа тревожной неизвестностью судьбы Новодевичьего монастыря, в котором располагался филиал музея. Первая информация о возможной передаче комплекса, подготовке соответствующего решения и условий его реализации появилась еще в 2007 г. Процесс затянулся на три года, и окончательное решение было принято лишь в декабре 2009 г. — в связи с передачей монастырского комплекса в казну РФ. Однако официально о нем было объявлено только на встрече премьер-министра РФ В. В. Путина и патриарха Кирилла (Гундяева) 5 января 2010 г.: в течение 2010 г. монастырь будет передан Московской епархии. По всей вероятности, окончательно были решены не все вопросы, о чем свидетельствует стенограмма встречи: «Святейший Патриарх Кирилл: Тоже были волнения по поводу судьбы иконостаса. А. А. Авдеев: Да, я на днях встречался с владыкой Ювеналием и дал ему слово,

что все будет в порядке. Новодевичий монастырь будет иметь то, что он должен иметь по праву. Как и в Старочеркасске»[11].

Очевидно, речь шла об иконостасе Смоленского собора, иконы которого имели серебряные вызолоченные басменные оклады, а образа местного ряда — драгоценные оклады с каменьями и жемчугами.

Напомним, что основанный в 1524 г. Новодевичий монастырь был закрыт в 1922 г. В нем организовали музей, который с 1934 г. стал филиалом ГИМа. Нынешний штат состоит из 45 человек, обслуживающих 12 000 единиц хранения. В 1944 г. в стенах Новодевичьего монастыря начали работать православный Богословский институт и различные учреждения патриархии, а с 1964 г. он стал резиденцией митрополитов Крутицких и Коломенских. Монашеская жизнь здесь возобновилась в 1994 г., когда игуменьей стала Серафима (Черная). В 2004 г. архитектурный ансамбль монастыря был включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Несмотря на длительный процесс подготовки решения, по словам заведующей филиалом Марины Шведовой, «решение о полной передаче Новодевичьего монастыря в ведение РПЦ прозвучало, как гром среди ясного неба». Предполагается, что существующий в монастыре реставрационный отдел ГИМ получит помещения на Измайловском острове, где располагается институт промышленного развития «Информэлектро», работающий на нанотехнологии.

Общественный резонанс, вызванный новостным «громом» и тревогой за судьбу святыни, заставил митрополита Крутицкого Ювеналия (Пояркова) 26 января 2010 г. выступить со специальным обращением. «Не скрою, что некоторые комментарии в прессе не принесли мне радости», — сказал митрополит. Он подчеркнул, что его обязанностью является «обеспечить и сохранение древней обители и поддерживать осуществление в ней просветительского служения». Тем, кто сомневается в способности Церкви хранить историческое достояние, была адресована информация о том, что за минувшие два десятилетия в Московской епархии из руин восстановлено 24 монастыря и более пяти с

[11] 8 июля 2006 г. Войсковой Воскресенский собор в бывшем Донском монастыре в Ростовской области под крики «Любо!» заняли казаки во главе с вице-губернатором области Виктором Водолацким. Старочеркасскому историко-архитектурному музею-заповеднику ничего не оставалось, как подписать соглашение о совместном использовании храма. Основанием для этого явилось решение областного управления Росимущества 27 июня 2005 г. о передаче здания собора в пользование религиозной организации, о котором органы управления культурой даже не были своевременно оповещены. Ср.: *Чиняков Э.* Старочерскасский конфликт // Наследие народов Российской Федерации. № 4. 2007. С. 50—52.

половиной сотен храмов. По мнению митрополита, это весьма «убедительное свидетельство», однако в целом ряде случаев речь шла о простом ремонте, вызвавшем к тому же нарекания органов охраны памятников и специалистов.

Митрополит подчеркнул, что монастырь — уникальный архитектурный комплекс, в стенах которого должна продолжаться научно-просветительская деятельность. Для ее осуществления владыка Ювеналий готов «с любовью воспользоваться помощью друзей», что совпало с мнением Александра Шкурко, который внес предложение, чтобы новый владелец пригласил ГИМ выполнять функции по поддержанию экспозиции, организации выставок и приему посетителей. Предполагается также, что директором монастырского музея будет настоятельница игуменья Маргарита (Феоктистова).

Глава Росохранкультуры А. Кибовский поспешил успокоить общественность: «Я с матушкой-настоятельницей… знаком, в планах у нее никогда не было его (монастырский музей. — *А. М.*) закрыть и никого больше не пускать». По словам пресс-секретаря патриарха протоиерея Владимира Вигилянского теперь в монастыре начнет действовать «принцип соработничества» с музеем. Только что же мешало этому сотрудничеству раньше?

Продолжается и конфликт патриархии и учреждений культуры по поводу Высоко-Петровского монастыря в Москве [12], где два храма частично используются художественным объединением «Росизо» и ансамблем «Березка», а Нарышкинские палаты занимает Государственный Литературный музей. В 1991 году в Настоятельском корпусе разместился Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви. С 1992 года в храмах монастыря возобновились богослужения. Распоряжение Президента РФ об их выводе из монастыря было подписано еще в 1994 г. В мае 2006 г. коллектив музея написал открытое письмо, где обозначил основные претензии к предлагаемым вариантам переезда, в частности — неприспособленность для музейной деятельности зданий, пораженных грибком. К тому же все они были заняты действующими учреждениями культуры, что предполагало новый «культурный конфликт». Противостояние приводит к трагическим событиям. 12 ноября 2004 г. на территории монастыря был избит иеромонах Паисий (Азовкин). Подлеправославная пресса обвинила в этом сотрудников «Росизо».

Для решения имущественного вопроса использовались и проблемы сохранения культурного наследия. 10 марта 2006 г. заместитель

[12] *Викторова А.* Монастырский разъезд. ГЛМ в поисках пристанища // Культура. 2006. 18 мая.

генпрокурора Николай Савченко внес представление руководителю Росохранкультуры Борису Боярскову в связи со строительством жилого дома с подземным гаражом в охранной зоне монастыря. Представление было вынесено по жалобе патриархии, столь редко проявляющей публичное беспокойство о состоянии разрушающихся памятников культуры в России.

В последнее время, после назначения 21 июля 2009 г. епископа Зарайского Меркурия (Иванова) новым председателем Отдела религиозного образованию и катехизации, активность патриархии по поводу освобождения территории монастыря усилилась. Соседство не соответствовало амбициям нового начальника, который в сентябре объявил о скором возобновлении здесь монашеской жизни. 13 ноября 2009 г. патриарх Кирилл (Гундяев) обратился с письмом к Ю. М. Лужкову, где попросил освободить территорию Высоко-Петровского монастыря. Эта тема также была затронута на встрече патриарха и премьера 5 января 2010 г., однако ее тональность позволяет надеяться, что передача зданий монастырю будет решена без спешки и с учетом заинтересованности музея в новых помещениях.

Среди современных проблем церковной Москвы, отмеченных авторами доклада «Московское архитектурное наследие: точка невозврата» — храм Ризоположения на Донской улице, построенной в 1701—1717 гг., где старые оконные рамы заменены стеклопакетами, а старинная роспись искажена и переделана в соответствии с современными вкусами; еще — церковь свт. Николы в Подкопаеве тоже XVIII в., на территории которой настоятель воздвиг монументальную постройку, а храмовые стены попытался украсить майоликой в стиле XVII в. Озабоченность вызывает и грамотность реставрации церкви свт. Климента 1750—1760 гг., начавшейся в 2008 г. Дополнительно к тому, по заключению специалистов, нынешний строительный бум лишает храмы их традиционного окружения. Так, в 2007 г. Росохранкультура выявила существенные нарушения при реставрации Марфо-Мариинской обители.

Большой общественный резонанс вызвало выселение Российского государственного гуманитарного университета из помещений Заиконоспасского монастыря на Никольской улице в апреле–августе 2008 г. и передача их патриархии.

Проблемы возникли и при реставрации храма Всех Святых на Кулишках (XVI—XIX вв.), где в 2008 г. были начаты работы по полной замене фундаментов храма (вместо их усиления), поскольку разбираемые первоначальные конструкции являются неотъемлемым элементом комплекса объекта культурного наследия. Однако летом 2009 г. здесь продолжали разбирать белокаменные полы с включенными в них сар-

кофагами XVII в., а внутри всех помещений подземного яруса вычерпывался культурный слой с деталями кладки и остатками некрополя XVI—XVII в. В результате 10 июля 2009 г. главный специалист московского отделения ВООПИиК по работе с памятниками истории и культуры В. К. Фатеев и общественные инспекторы В. И. Евграфов и Н. Э. Морозов составили акт, в котором отмечалось, что памятнику архитектуры нанесен очевидный ущерб.

По-разному складывается ситуация в монастырях Московской епархии, расположенных в памятниках культуры и музеях-заповедниках. В Ново-Иерусалимском монастыре монастырская жизнь была возобновлена синодальным решением 18 июля 1994 г. Наместником монастыря стал архимандрит Никита (Латушко). 9 октября 1995 г. было подписано распоряжение Правительства № 1380-р о поэтапной передаче зданий патриархии. Минкульту было предписано в трехмесячный срок передать ставропигиальному монастырю Воскресенский собор, Гефсиманский скит, церковь Рождества Христова и восточный братский корпус, предусмотрев порядок и условия использования храма для показа их как памятников искусства. В результате в 2006 г. музей проводил экскурсии по предварительной договоренности с монастырем в пустом и заброшенном соборе. На фоне этого запустения пощелкивание ультразвуковой охранной системы, призванной отпугивать птиц, выглядит особенно зловеще.

Основные службы совершаются немногочисленной братией в Успенском приделе собора и храме свв. Константина и Елены. Дополнительно для проведения богослужений монастырю была предоставлена Богоявленская церковь 1730 г. из подмосковного села Семеновское, которая располагалась на территории Музея деревянного зодчества. 3 сентября 2000 г. храм сгорел в результате то ли короткого замыкания, то ли неосторожного обращения с огнем. 14 июля 1996 г. были подписаны требуемые документы по передаче Воскресенского собора и акт технического состояния храма. В этих условиях было необходимо создать новую концепцию и программу его консервации и реставрации, тем более что с апреля 1996 г. со стороны Комитета по культуре и туризму Московской области было прекращено финансирование работ. Из-за отсутствия цельной концепции в соборе вместо реставрации начались эксперименты по раскраске стен и сводов по личным указаниям архимандрита, отражавшим провинциально-белорусские вкусы. В августе 1998 г. работы в Гефсиманской часовне сопровождались уничтожением фрагментов живописи местных иконописцев Строевых, созданной в 1870-е гг. 21—25 августа 1998 г. ТОО «Вертикаль» произвела разбор настила большой главы Воскресенского собора и консервационного короба над первым ярусом колокольни. В результате, поскольку не были

выполнены указания реставраторов, открылась аварийная часть свода, грозившая обрушением. После дождя 1 сентября фрагмент свода рухнул и частично повредил изразцовый иконостас XVII в.

16 декабря 1999 г. патриарх Алексий (Ридигер) совершил освящение Успенского придела. Однако после ремонтных работ сюда не были возвращены две каменные плиты «путеводителя по Святой Земле», являющиеся частью замысла патриарха Никона. Плиты с сопроводительным текстом вопреки историческому облику были раскрашены в красный цвет. Наблюдатели констатируют «бестрепетное отношение» монастырского руководства к немногим сохранившимся в соборе древним чертам его подлинного убранства. В декабре 1996 г. был разобран исторический кирпичный престол в приделе Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. Такому подходу противопоставляется позиция российского духовенства, в частности архиепископа Никона (Рождественского), который призывал «беречь сокровища церковных преданий» и писал о том, что «избранники Божии беседует с нами через оставленные нам в наследство писания и другие духовные вклады в церковную сокровищницу» [13].

Основной проблемой Нового Иерусалима является не конфликт между музеем-заповедником и монастырем, сведенный к минимуму, а бездействие патриархии в отношении переданной ей святыни. Выжидательная позиция в деле выработки новой концепции реставрации собора может быть связана не только с отсутствием конкретного видения храма после восстановления, сложностями архитектурно-реставрационного задания и баснословной дороговизной самих работ. Похоже, патриархия просто не представляет, что делать с вытребованным ею имуществом, ожидая внешних импульсов к развитию событий, возможно, в виде передачи ей всего монастырского комплекса. В этом случае его реставрация могла быть увязана с бизнес-планом по эксклюзивному использованию монастырского ансамбля и государственному финансированию его реставрации.

Ситуация изменилась именно в этом направлении после Рождественской ночи 2007 г., когда здесь побывал Президент России Владимир Путин. 23 июля 2008 г. монастырь посетили новый Президент Дмитрий Медведев и патриарх Алексий (Ридигер), после чего было принято решение о создании Попечительского совета по его восстановлению, на которое отводилось 5—7 лет. Заседание попечительского совета Благотворительного фонда по восстановлению Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, который возглавил первый вице-премьер Виктор Зубков, состоялось 20 октября 2008 г. Одновремен-

[13] *Зеленская Г. М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002.

но был сменен и наместник: в июне 2008 г. им стал игумен Феофилакт (Безукладников), уже известный нам разрушением иконостаса в Останкино. 9 марта 2009 г. президент РФ подписал Указ «О мерах по воссозданию исторического облика Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря Русской православной церкви», и уже в июле инициативной группой культурной общественности на президентское имя было направлено обращение, ставящее проблему научного контроля над реставрационно-восстановительными работами в монастыре и поднимающее вопрос воссоздания здесь архитектурно-ландшафтного комплекса «Русская Палестина». Одновременно правительство Московской области приняло постановление о разработке программы на 2009—2012 гг. по выводу областного музея с территории Воскресенского Новоиерусалимского монастыря и выделило на строительство нового здания 1,5 млрд. рублей.

На фоне этой показной заботы о культуре совершенно дикой выглядит история церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Шестаково Волоколамского района Московской области, построенной в 1819 г. и в 1995 г. объявленной памятником федерального значения. Однако на балансе совхоза «Шестаковский» она числилась как здание «нежилое, одноэтажное, общая площадь 691,70 кв. м», в качестве какового и была приватизирована под авторемонтные мастерские, хотя формально еще в 2007 г. министерство культуры Московской области передало эту же самую церковь, уже ставшую гаражом, Иосифо-Волоцкому монастырю.

Проблема частичного разрушения исторического облика угрожает и этому древнему монастырю, основанному в 1479 г. и возвращенному церкви в 1990 г. 1 декабря 2000 г. рабочая группа Научно-методического совета отметила, что в Воскресенском соборе, находящемся в совместном использовании, был нарушен температурно-влажностный режим в результате работы электронагревателей. Это привело к разрушению фресковой живописи XVIII—XIX вв. Единственная в соборе фреска работы Дионисия оказалась закрыта новым деревянным иконостасом. Совет рекомендовал совершить ее демонтаж и перенос фрески на новую основу. 2 ноября 2004 г. последовало новое заключение рабочей группы по вопросам сохранения и реставрации живописи Воскресенского собора, которое отмечало уже отставание штукатурного слоя и шелушение красок.

В гораздо более плачевном состоянии находится расположенная рядом церковь Рождества Богородицы в Возмищенском монастыре (1537). Согласно заключению Методсовета, составленному в декабре 2000 г., режим ее использования оказался «в чудовищном несоответствии с уникальной ценностью федерального памятника». Специали-

сты потребовали совместного выезда на место представителей Управления по охране памятников Комитета по культуре области, Минкультуры и Епархиального управления. Точно так же состояние Успенского собора в самом Волоколамске было признано аварийным. Здесь отсутствовала гидроизоляции, а в соборных галереях наблюдалось разрушение дренажа. Собору были срочно необходимы инженерное обследование и противоаварийные работы.

Монастырь прп. Саввы Сторожевского был основан в 1398 г., а работы по созиданию Рождественского собора были закончены в 1405 г. Если в XVII в. в монастыре размещалась резиденция царя Алексея Михайловича Романова, то в 1995 г. здесь возник ставропигиальный монастырь, настоятелем которого стал патриарх Алексий (в миру — Алексей Михайлович Ридигер). 9 февраля 1995 г. патриарх, министр культуры Е. Сидоров и губернатор Московской области А. Тяжлов подписали соглашение о совместном использовании Рождественского собора и некоторых монастырских построек. В нем указывалось, что музей и церковь будут строить свои отношения как добрый пример взаимопонимания и согласия в деле возрождения национальных святынь, для чего они и договорились о возобновлении на территории монастыря монашеской жизни. Для этого музеем были выделены Рождественский собор, малый келейный корпус и ансамбль скита. Собор предоставлялся монастырю для совместного использования с музеем. Праздничные богослужения должны были проводиться в его основном объеме, а для суточного круга богослужений выделялись царская молельня и Саввинский придел. Келейный корпус и скит передавались патриархии в бессрочное безвозмездное пользование, оставаясь при этом на балансе музея. Минкульт был обязан организовать целевое финансирование реставрационных работ и оплату коммунальных услуг. Патриархия брала на себя часть расходов по оплате труда технического и обслуживающего персонала. Предполагалось восстановление каретного сарая и приспособление его под гараж. Пункт 5.3 предполагал, что при проведении богослужений интерьеры освещаются с учетом требований к освещению музейных предметов и традиций православного богослужения. Обслуживание алтарных частей храма должно было совершаться в соответствии с требованиями патриархии, участие музейных ценностей в выставках также должно было согласовываться с этим учреждением. Интересно отметить, что синодальное распоряжение об открытие здесь обители состоялось только после подписания договора, а именно 20 февраля 1995 г.

5 июня 1998 г. Президент Борис Ельцин встречался с патриархом Алексием (Ридигером). В результате появилось поручение Президента № Пр-933 от 2 июля 1998 г., в котором Правительству было поручено

до 30 июля рассмотреть вопрос о передаче комплекса зданий и сооружений Саввино-Сторожевского монастыря в ведение Русской церкви. Исполнительные Минкультуры и Минимущества уже 3 августа 1998 г. издали совместное распоряжение № 168/809-р. Монастырю передавались в пользование ансамбль скита прп. Саввы, большой братский корпус кроме первого этажа до его освобождения от музейных фондов, малый келейный корпус, Житная башня, Троицкая церковь с трапезной XVII в., звонница, а также церковь Преображения с трапезной. В совместное пользование переходили Рождественский собор с Саввинским приделом и крепостные стены с башнями. Комитет культуры области принимал эти здания на баланс, утверждал соглашение о совместном использовании и подписывал охранный договор с монастырем.

В ноябре 1998 г. между директором музея В. Ковтуном и наместником монастыря архимандритом Феоктистом (Дорошко) было заключено новое соглашение о совместном использовании Рождественского собора, ориентированное на соглашение о соборах Московского Кремля 1992 г. Музей совместно с органами власти должен был осуществлять госконтроль за состоянием памятника культуры. Мероприятия по поддержанию температурно-влажностного режима, как и сдача собора под охрану, должны были осуществляться совместно. Порядок служб был оговорен очень нечетко: они должны были осуществляться «согласно канонам соборного служения». Отпевания, венчания и крещения в соборе не проводились, число подсвечников ограничивалось, богослужения, с целью сбережения уникального интерьера, предусматривалось в Саввинском приделе и Троицкой церкви. Учет и хранение движимых памятников осуществлялись музеем.

Тогда же С. Гужаев, председатель Комитета по культуре администрации Московской области утвердил соглашение о порядке совместного функционирования музея и монастыря. Оно предусматривало организацию пропускного режима на основе музейной инструкции, согласованной с ГУВД, схемы разграничения и обслуживания инженерных сетей и пропорциональную оплату коммунальных услуг. Совместные выставки монастырь и музей могли организовывать в братском корпусе и в звоннице. Все проблемные вопросы обе стороны должны были решать в духе согласия и доброжелательства при уважении интересов каждой из них.

Как всегда, музейное руководство узнавало о новых инициативах патриархии последним. 13 апреля 2000 г. очередное распоряжение Минкультуры и Минимущества № 370/542-р уже передавало в пользование монастырю монастырские стены и башни: Провиантскую, Красную, Надвратную, Юго-восточную, Житную и Южную, а также гостиничный комплекс и дворец царя Алексея Михайловича. Распоряжение было

исполнено противоречий: с одной стороны, дворец передавался в пользование монашеской общине, с другой — Комитету по культуре предлагалось обеспечить заключение соглашения о совместном использовании его монастырем и музеем. 15 ноября 2000 г. появилось новое распоряжение № 426/1007-р, подписанное замминистрами Н. Дементьевой и Н. Гусевым, согласно которому монастырю передавались Северо-восточная башня и монастырская гостиница. В дело вмешался федеральный статус памятника. Не изменяя формы собственности, здания с баланса Звенигородского историко-археологического и художественного музея переходили на баланс Комитета по культуре администрации Московской области. Министерству культуры предлагалось заключить с монастырем договор о безвозмездном пользовании, а Комитету — договор о сохранности и совместном использовании. На область, в соответствии со статьей 53 «Основ законодательства о культуре», возлагалось обеспечение прав музея.

Такие действия патриархии не способствовали взаимопониманию монастыря и музея, возглавляемого тогда Анатолием Некрасовым. Музейный коллектив устами заведующего реставрационной мастерской Алексея Мельниченко призывал: «Не гоните Музей, он сам уйдет из монастыря, когда будет куда уходить». Одной из проблем стало разделение паломнического и экскурсионного потоков — их организаторы демонстративно не водили «своих» к соседям. В 2001 г. административные службы музея переехали в расположенные рядом бывшие здания санатория Министерства обороны. Основные экспозиции остались в Царицыных палатах, где были воссозданы исторические интерьеры. Фонды продолжали храниться в казначейском корпусе и в Большом братском корпусе, где на нижнем этаже расположилась коллекция мебели. Собор с его иконостасом из 58 икон середины XVII в. продолжал оставаться в совместном использовании, однако серебряные оклады деисусного и праздничного рядов были сняты по просьбе монастыря, дабы не принимать их на ответственное временное хранение.

Музейный исход сопровождался недолжным отношением к святыням и памятникам со стороны монастыря [14]. В 2001 г. в боковую алтарную дверь собора с образом св. архидиакона Лаврентия прямо в живую ткань иконы был врезан замок. В западном прясле стены был растесан под водонакопительный баллон оконный проем XVII в. Монастырский гараж был устроен за храмом рядом с усыпальницей Шереметьевых. К сожалению, традиционным для современной монашеской жизни стал евроремонт в средневековых помещениях. В начале 2003 г.

[14] *Благодаров К.* Бес попутал. Монахи надругались над иконой // Комсомольская правда. 2001. 25 сент.

выяснилось, что во время ремонта Преображенского храма были сбиты фрески первой половины XIX в. Братия ссылалась не реставраторов, утверждавших, что фрески художественно-исторической ценности не представляли. Однако было установлено, что «реставрация» началась без разрешения органа охраны памятников. Не было проведено и исследований на предмет выявления живописи под побелкой. 14 марта 2003 г. состоялось заседание выездной комиссии администрации Московской области по вопросу оценки состояния Преображенского храма Саввино-Сторожевского монастыря с участием представителей Минкультуры. Протокол комиссии, выявившей нарушения законодательства об охране памятников со стороны монастыря, был отправлен патриарху Алексию (Ридигеру) — настоятелю обители.

В 2003 г. директором музея стала Галина Стоенко. Зимой 2004 г. монастырь, но не музей, посетил Президент. Музейных сотрудников на встречу не пригласили. Однако новой экспансии, несмотря на предложения патриархии отдать ей все, не произошло. Более того, осенью 2005 г. состоялись торжества по случаю 85-летия музея. Приглашенный на праздник архимандрит Феоктист не просто пришел в музей, но и заявил, что работа с музейщиками изменила его самого.

В декабре 2005 г. новым и. о. наместника был назначен игумен Савва (Фатеев), а в 2007 г. был создан попечительский совет Саввино-Сторожевского монастыря, который возглавили патриарх Алексий (Ридигер) и председатель Госдумы Борис Грызлов. 25 марта 2008 г. состоялось его первое заседание, на котором Б. Грызлов высказался за срочный перевод фондов музея из монастыря в специально построенное здание в Звенигороде, о строительстве которого докладывал заместитель председателя правительства Московской области И. О. Пархоменко, на что местная власть выделила 35 млн. рублей. Предстоящий исход окончательно разорвет связь между музеем и некогда хранимой им обителью...

Тем временем по соседству с монастырем в угрожающем состоянии оказалась Успенская церковь на Городке в Звенигороде. 24 марта 2005 г. рабочая группа Федерального научно-методического совета встречалась с настоятелем собора архимандритом Иеронимом. Был отмечен слой грязи и копоти на фресках, принадлежащих прп. Андрею Рублеву, образовавшийся в результате многолетних интенсивных богослужений. В результате подсоса влаги штукатурка начала отставать от стен. Настоятелю было указано на факт неквалифицированной покраски сводов, в результате чего на иконостасе и фресках остались подтеки. Была зафиксирована несанкционированная промывка фресок, которые требовали удаления «пушистой емчуги». Отмечалось отсутствие архитектурного надзора и необходимость усиления контроля над

состоянием фресок в условиях действующего храма. Подобные проблемы наблюдаются и в других храмах Московской епархии. Страдает роспись Троицкой церкви в Вяземах (рубеж XVI и XVII вв.), где аляповатый иконостас, претендующий на каноническую иконопись, противоречит строгим фрескам, также нуждающимся в дополнительном контроле над их состоянием. 23 августа 2005 г. рабочая группа научно-методического совета указала протоиерею Владимиру Симонову на необходимость дополнительного остекления на барабане храма. В церкви Владимирской иконы Божией Матери в Мытищах разобран алтарь XVII в., проштраблена стена памятника «нарышкинского барокко» — Знаменского храма в усадьбе Дубровицы в Подольском районе.

Лужицкому Можайскому монастырю, основанному в 1408 г. и возрожденному в 1992 г., до последнего времени везло с людьми, его окружавшими. До октября 2005 г. настоятелем здесь был игумен Борис (Петрухин). 28 мая 2003 г. рабочая группа ФНМС зафиксировала «редчайший факт бережного и осознанного отношения со стороны монастыря» к своему культурному наследию. В частности, в монастырском погребе студентами Петербургской академии художеств под руководством Александра Крылова были открыты фрагменты средневековых фресок, сбитых еще в XVIII—XIX вв. Ныне, стараниями игумена, они были разложены по латкам и хранились в подклете собора. Методсовет отметил качественные работы по покрытию кровли и утеплению здания собора, хотя фрагменты фресок в оконных проемах середины XVI в. и находились в угрожающем состоянии и требовали своей музеефикации. Необходимо отметить, что с 1991 г. по инициативе уже упоминавшегося петербургского профессора А. Крылова в Можайске проводятся Макариевские чтения. Возможно, что бережное отношение к святыне сформировалось в монастыре не без влияния этих встреч. Известно также, что в 1997 г. во время раскрытия фундаментов Ферапонтова храма было обнаружено место спуда, под которым покоились мощи прп. Ферапонта Можайского. 26 мая 1999 г. при участии специалистов археологов и грамотном проведении раскопок мощи были обретены. Однако нравственность происходящего зависит от личности человека. Совсем рядом, внутри Можайского кремля, местный благочинный иеромонах Даниил (Жирнов) в 2004 г. с помощью тяжелой землеройной техники вырыл пруд, уничтожив при этом средневековый культурный слой, и начал разборку надвратной церкви и демонтаж шпиля Старо-Никольского собора Кремля.

Совсем иная ситуация складывается в Зачатьевском женском монастыре в Москве, которым руководит игуменья Иулияния (Каледа). Один из древнейших монастырей столицы был основан в 1360 г. сестрами свт. Алексия Московского Иулиянией и Евпраксией на землях

митрополичьей кафедры. Обитель была закрыта в 1925 г., а собор Рождества Богородицы, колокольня и храм во имя иконы Божией Матери «Неопалимая Купина» были разрушены. На их месте была возведена школа. 5 мая 1995 г. последовал синодальный указ о возрождении обители, одной из главных задач которой стало воссоздание утраченного собора. Здание школы было разобрано, а на месте расположения храма в 2003—2005 гг. были предприняты полномасштабные раскопки под руководством Л.А. Беляева. В результате были выявлены не только элементы и белокаменные рельефы храма XVI в. и фундаменты церковных построек позднейшего времени, но и дана археологическая реконструкция повседневной жизни средневековой обители. Помимо надгробий XV—XVI вв. и уникальных предметов из погребений, в том числе и христианских древностей, были обнаружены остатки келий с сохранившимися в них бытовыми вещами. На основе этой коллекции, с соблюдением принятых законодательных норм, будет создан монастырский церковно-археологический музей. Для сохранившихся фундаментов древних церквей также был найден оптимальный выход: они не будут снесены, а новый железобетон станет своеобразной оправой для кирпичных развалин. Такое отношение общины к археологии связано с тем, что монахини осознают ископаемую древность как собственную историю, где находит свои истоки их сегодняшнее бытие. Если бы монастырская земля с ее уникальными находками была вывезена как строительный мусор, обитель лишилась бы части монастырской традиции. Монастырский музей поможет показать эту традицию паломникам. 25 ноября 2005 г. патриарх Алексий (Ридигер) совершил здесь освящение закладного камня будущего собора.

Обитель прп. Сергия всегда оказывалась под пристальным вниманием новой власти в силу той культурообразующей роли, которую играл ее основатель в истории России. Так было после 1917 г., так стало после 1991 г. Преподобный даже в самых невероятных политических ситуациях умел претворить злую волю в добрые последствия. 21 октября 1918 г. была создана Комиссия по охране Троице-Сергиевой лавры при отделе по делам музеев и охране памятников искусств и старины Народного комиссариата просвещения, куда вошли иерей Павел Флоренский, О. Олсуфьев, Н. Протасов и др. 17 декабря было принято решение устроить музей в митрополичьих покоях [15]. Лавра была закрыта 2—3 ноября 1919 г., а 20 апреля 1920 г. был издан декрет Совнаркома

[15] *Копылова О. Н.* Источники по истории Троице-Сергиевой лавры и Московской Духовной академии в фондах ГАРФ (XIX—XX вв.) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы II Междунар. конф. 4—6 октября 2000 г. Сергиев Посад, 2002. С. 100—130.

«Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троицко-Сергиевской Лавры». И работа комиссии, и организация музея на основе ризницы должны быть признаны деянием, образцовым для церковной археологии.

13 декабря 1990 г. патриарх Алексий (Ридигер) обратился к председателю Верховного Совета Борису Ельцину с просьбой вернуть Лавре больничные палаты с церковью прпп. Зосимы и Савватия Соловецких, где предполагалось разместить дом для престарелых. Патриарх считая, что Министерство культуры РСФСР (Ю. Соломин), Главное управление культуры Мособлисполкома (Н. Бендер) и сам музей (К. Бобков) затягивают решение вопроса [16]. 15 июня 1992 г., в связи с предстоящим юбилеем преподобного, патриарх вновь обратился к Президенту с просьбой не только вывести музей с территории Лавры, но передать часть коллекции музея в собственность патриархии.

15 октября 1992 г. Президент подписывает совместное распоряжение Президента и Председателя Верховного Совета, в котором Лавра и Музей объявляются особо ценным объектом культурного наследия, оставаясь при этом в собственности Московской области. Однако следующий пункт предполагал уже вывод музея с территории Лавры. 31 октября 1994 г. патриарх вновь напомнил Президенту о необходимости разделить фонды музея и вернуть в распоряжение Лавры принадлежавшие ей ранее культурные ценности, против чего 11 ноября возражала коллегия Минкультуры. Но уже 8 декабря 1992 г. из недр того же учреждения вышла идея создания на территории Лавры Центра православной культуры. Характерно, что, по имеющейся информации, на совещании в Минкультуры 3 февраля 1995 г. представитель Лавры нынешний епископ Саратовский и член общественной президентской палаты Лонгин (Корчагин), со ссылкой на мнение патриарха, отказался рассмотреть предложения Министерства о таком Центре. Только 3 июня 1997 г. патриарх в письме Президенту соглашается с этой идеей, но с условием, чтобы новая структура была в полном ведении самой Лавры. Идея нового музея представлялась как сокровенное желание самой патриархии. Уже 7 августа наместник Лавры архимандрит Феогност (Гузиков; р. 1961) просит вице-премьера Олега Сысуева ускорить решение вопроса о создании на территории Лавры этого музея. Летом 1997 г. в Сергиевом Посаде состоялось выездное заседание Комитета Госдумы по культуре с осмотром не только архитектурного комплекса Лав-

[16] *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси*. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. 1990—1998 гг. М., 1999. С. 695—696.

ры, но и фондов музея. Было принято решение об улучшении финансирования работ по выводу заповедника с территории монастыря.

16 февраля 1998 г. президиум Российского комитета Международного совета музеев в открытом письме Президенту выразил свое несогласие с продолжающимися попытками патриархии расчленить Сергиево-Посадский государственный музей-заповедник с целью создания на основе ценнейшей части его коллекций отдельного Музея православной культуры. Решение проблемы виделось членам президиума в дальнейшем развитии сотрудничества государственного музея и Троице-Сергиевой лавры. В феврале 1998 г. руководство музея-заповедника направило руководителям культурных и научных учреждений письма, где содержалась просьба о защите и шла речь о противоречии законодательству готовящегося распоряжения о передаче лаврского комплекса в бессрочное и безвозмездное пользование патриархии.

В марте 1998 г. появляется открытое письмо академиков РАН Д. Львова и Н. Моисеева и ее члена-корреспондента С. Курдюмова о судьбе Сергиево-Посадского музея и Лавры [17]. В нем, в частности, говорилось об оскорбительном для русского человека порядке вещей, связанном с предпринимательской деятельностью музея-заповедника и формальным характером экскурсий, не раскрывающих процесс становления православной культуры и духовного мира России. Музею противопоставлялся церковно-археологический кабинет Духовной академии, где развитие русской культуры раскрывалось как единое целое. Идее рационального использования культурного наследия соответствовало бы создание на основе заповедника Музея православной культуры, который, оставаясь государственной собственностью, был бы поручен патриархии.

Кампания приобретала массовый характер. Одновременно в прессе были сформулированы претензии православной общественности к Посадскому музею. Профиль музея за годы его существования сформировался как атеизирующий, что вступало в противоречие с его монастырским контекстом. Коллекция ризницы преподносилась посетителю «в гомеопатических дозах», поскольку большая ее часть была спрятана в запасниках якобы от несознательных экскурсантов. Одновременно заявлялось об отсутствии подлинного контроля над памятниками церковной старины, представляющими материальную ценность, с неприкрытым намеком на возможность разворовывания или подтасовок коллекций со стороны музейщиков [18].

---

[17] Труд. 1998. 7 марта.

[18] *Николаева О.* «Пир духа» с запасниками // НГ-Религии. 1998. № 3.

5 июня 1998 г. Президент встречался с патриархом и обсуждал подготовку к празднованию 2000-летия христианства. Результатом обсуждения явилось поручение Президента от 2 июля 1998 г. № 933-пр, в котором зампреду Правительства Олегу Сысуеву и замруководителя президентской администрации Юрию Ярову было поручено до 30 июля провести совещание с участием патриархии и «Троице-Сергиевой лавры» (имелся в виду музей-заповедник) для обсуждения вопроса о создании на базе лаврской ризницы Музея православной культуры и «принять решение». 8 октября 1998 г. на совещании в Минкультуры с участим представителей музейного сообщества, Госдумы и администрации Московской области было принято решение «О невозможности передачи в любой форме памятников древнерусского искусства, являющихся национальным достоянием, Русской Православной церкви». 20 октября 1998 г. патриарх вновь писал уже новому премьеру Евгению Примакову.

28 ноября 1998 г. вице-премьер Валентина Матвиенко провела в Лавре совещание и дала указание Минкультуры в двухнедельный срок подготовить документы по созданию требуемого патриархией музея. Предложения были подготовлены к концу февраля 1999 г., однако еще 29 января 1999 г. состоялось заседание Федерального научно-методического совета, на котором рассматривались основные параметры решения Правительства по созданию государственного «Музея „Троице-Сергиева лавра“», подготовленные Управлением музеев Минкультуры и его начальником В. Лебедевым. Идея в целом была поддержана, но ее организационные принципы вызвали возражения. В частности, концепция, вслед за разделением коллекции, предполагала разделение русской культуры на православную и светскую, чего не существовало в исторической реальности. В нынешней коллекции Сергиево-Посадского музея искусственно выделялась ее древнерусская часть и передавалась новообразуемому музею, тем самым нарушался заложенный Законом «О музеях и музейном фонде» 1996 г. принцип неделимости музейной коллекции. Назначение наместника Лавры директором музея считалось невозможным, поскольку эти должности подчинялись разным задачам: в одном случае предполагалась интенсивная эксплуатация предметов культа в соответствии с их первоначальным предназначением, во втором — обеспечение их максимальной сохранности. В результате государственное управление музеем оказывалось под вопросом, равно как и увольнение директора, поскольку такой шаг автоматически потребовал бы от патриарха смещения наместника. Также Научметодсовет предполагал, что для согласования деятельности Лавры и Музея будет необходима организация попечительского совета.

2 февраля 1999 г. председатель Комитета Госдумы по культуре Станислав Говорухин обратился к министру культуры Владимиру Егорову с письмом, в котором предложил направить на рассмотрение в парламентский комитет подготовленные проекты по вопросу создания государственного учреждения культуры «Музей "Троице-Сергиева лавра"». При этом он считал, что дальнейшее обсуждение данного вопроса возможно только при привлечении широкой научной и музейной общественности. В марте 1999 г. наместник Лавры дал свой комментарий происходящему [19]. Предложение патриархии о передаче ризницы Лавре в бессрочное и безвозмездное пользование, с тем чтобы на ее основе был создан музей, не было поддержано. Вариант церковно-государственного музея был отклонен аппаратом Правительства из-за отсутствия правовой базы, поскольку закрепленный в Конституции факт отделения Церкви от государства не предусматривал подобного симбиоза. В результате было принято давнее предложение Минкультуры (к нему предложила вернуться сама Лавра) создать на базе ризницы самостоятельный государственный музей, возглавляемый наместником. Были подготовлены и согласованы проекты 4 документов, оформляющих статус Лавры как музея: Постановление Правительства «Положение о порядке создания и осуществления деятельности государственного учреждения культуры Музей "Троице-Сергиева лавра"», соглашение между Правительством и патриархией «Об основных подходах к организации деятельности государственного учреждения Музей "Троице-Сергиева лавра"», Устав Музея «Троице-Сергиева лавра» и распоряжение Президента о закреплении за вновь организуемым музеем помещений Лавры для организации экспозиции — самой ризницы и казначейского корпуса. Музей должен был финансироваться из федерального бюджета, доходы от его деятельности направлялись бы на внутренние нужды музея и реставрационные работы в Лавре. Все сотрудники прежнего музея, в случае их согласия, вошли бы в штат нового музея, как войдет в него вся коллекция древнерусского искусства. Все научно-музейные структуры будут сохранены, а главный хранитель, заместитель директора-наместника, будет назначаться Министерством культуры.

Конфликт был исчерпан, хотя предложенный Министерством и описанный наместником сценарий так и не реализовался. В результате еще в конце 1999 г. при Константине Бобкове, с которым у Лавры и разворачивались основные баталии, наместник был сделан заместителем директора Сергиево-Посадского музея-заповедника, равно как не-

[19] Страсти вокруг лаврской ризницы: проблема практически исчерпана // Радонеж. 1999. № 4.

сколько иноков-реставраторов были введены в музейный штат. В сферу ответственности нового зама должны были отойти ризница, иконописное собрание музея и предметы, исторически связанные с Лаврой. Их собрание, при реструктуризации и принятии нового положения о музее в 2000 г., было выделено в самостоятельный отдел-филиал. Генеральным директором реформированного музея стал Феликс Макоев, заместителем его остался архимандрит Феогност, с 2002 г. ставший епископом Сергиевским, первым наместником Троице-Сергиевой лавры в архиерейском сане за всю ее историю.

При этом формально, ради статусности, он оказался не заведующим отделом, а именно заместителем гендиректора. Главным хранителем ризницы и заместителем заведующего (несуществующая должность) стала Людмила Воронцова. Экспозиция ризницы практически не претерпела изменений, а вот собрание икон, переведенное в менее обширные пространства, было серьезно переработано к 2004 г., что, впрочем, лишь пошло на пользу восприятию этих образов. В то же время была создана новая постоянная выставка, раскрывающая быт Лавры в XVIII—XIX вв., для чего пришлось произвести определенную перепланировку внутри здания, являющегося памятником с особым режимом охраны. Значительная часть музейных фондов осталась на хранении под помещением ризницы. При этом состав сотрудников — от хранительниц до смотрительниц — практически не изменился. Православные, не вкусившие важности музейного дела для церкви, продолжают искать себя в богослужении, а не в служении.

Впрочем, почти все признают, что нынешний вариант, когда наместник является заместителем генерального директора, а внутри Лавры продолжает существовать филиал государственного музея, пусть и возглавляемый клириком, отражает неустойчивое равновесие общественных интересов и является своеобразным компромиссом. Обе стороны конфликта с определенным нетерпением и боязнью ожидают окончательного решения вопроса. Все же жаль, если вопрос будет решен подругому. Истинная включенность людей Церкви в настоящую музейную жизнь серьезно меняет их сознание и заставляет с уважением относиться к нормам и принципам отношения к древности, исповедуемым и практикуемым музейным сообществом. Об этом свидетельствует, в частности, и то, что переданные Лавре музеем-заповедником еще в 1992 г. некоторые святыни и реликвии прп. Сергия Радонежского, в том числе его моленные иконы, вновь вернулись в музей, обретя статус «временного хранения». Наместник справедливо решил, что здесь они будут сохраннее. Вполне очевидно, что свою роль при отказе патриархии от создания собственного музея сыграло понимание всех сложностей предстоящего самостоятельного учета и хранения релик-

вий, продолжающих сохранять статус предметов, включенных в государственную часть музейного фонда.

Сам музей-заповедник получил в городе ряд зданий, которые сегодня находятся в процессе реставрации и в которых разместится новая, «неправославная» часть коллекции. Однако сами музейщики скорбят не столько о практических сложностях переезда, затормозившего нормальное развитие музея, сколько о разрушении цельного образа исторической русской культуры, который должен быть воплощен в новой экспозиции, показывающей религиозную и бытовую составляющие российской истории во взаимосвязи. Происходит разрушение того исторического контекста, в котором развивалось Российское Православие. К тому же новой опасностью при изучении и экспонировании памятников церковной культуры становится определенная идеологизация исследований, предполагающая не столько цензуру, сколько самоцензуру, оглядку на мнение патриархии и подлеправославной общественности.

Если в условиях коммунистического режима литургическая и богословская составляющая этой культуры сознательно замалчивалась или искажалась, подменяясь социально-политическими аспектами, то сегодня совершается фарс обратного процесса. Вместо действительного сочетания объясняющих факторов, в котором переплетались бы собственно церковные и общественные причины, в качестве объясняющей модели истории России или конкретного памятника предлагаются убогие псевдобогословские идейки. Они отражают не высокое святоотеческое богословие, а, скорее, представления массового церковного сознания, возникшие в результате недостатка настоящего религиозного образования. Дилетантские рассуждения о «Промысле Божием» и мифическом «богословии иконы», эсхатологические страхи, ксенофобские настроения, спекуляции на исторических заслугах Церкви в судьбе России и подвиге новомучеников подменяют здоровое церковно-историческое видение русской культуры. Попытки противостоять такой маргинализации церковного сознания объявляются очередным «гонением на Церковь». В условиях монополизации патриархией экспонирования ключевых памятников древнерусской культуры угроза формирования искаженных представлений о собственной истории в современной России представляется более чем реальной.

Если судьба лаврской ризницы, остающейся частью Государственного музея, пока не вызывает никаких опасений, то этого нельзя сказать об остальных зданиях Лавры, полностью переданных в пользование монастырю. Казначейский корпус, откуда выехала древнерусская экспозиция, ныне переименован в Наместничий — по факту проживания там самого наместника. Согласно его вкусам и представлениям об

архиерейском быте во внутреннем дворе была сделана деревянная пристройка, то ли сауна, то ли келья, заметная, впрочем, и с некоторых точек обзора на территории Лавры. Больничные палаты 1637 г. с уникальной шатровой церковью так и не стали домом престарелых. Согласно архитектурно-реставрационному заданию Министерства, в этих палатах, в силу многочисленности черт внутренних и внешних конструкций, подлежащих охране, было разрешено лишь провести систему отопления, тогда как водопровод и канализация должны были быть организованы с особой деликатностью. Естественно, все монастырские удобства были устроены так, как это было удобно, а не так, как должно. Митрополичьи покои не только стали патриаршими, но и был сбит исторический вензель митрополита Платона (Левшина), вместо которого появились понятные посвященным символы «АП». Само здание было выкрашено в любимый патриархом зеленый цвет вместо исторического брусничного, для чего была употреблена масляная краска вместо клеевой. У органов охраны памятников и федерального архитектора не возникает претензий к руководству монастыря, с которым они давно научились находить общий язык. Впрочем, как, по решению Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, лаврский комплекс был включен в Список объектов всемирного наследия, так, в связи с допущенными искажениями его исторического облика, он может быть и вычеркнут из этого Списка. Если реставрация 1960-х гг. была проведена с максимальным уважением к памяти и стилю культуры, присущему обители «смиренного Сергия», то новый ее виток, приуроченный к 2000-летию христианства, справедливо расценивается как грубое попрание настоящей церковной эстетики. Все было подчинено удовлетворению неразвитых вкусов самих насельников Лавры и их спонсоров, представляющих как российскую глубинку, так и малороссийские окраины. Агрессивные цвета и провинциально-пестрые клумбы превратили Лавру в настоящий «пряник» и «развесистую клюкву», рассчитанные на собственную утеху и потребу массовому паломнику и заезжему интуристу. Трудно согласиться с тем, что здесь чтят заветы и традиции преподобного Сергия. Впрочем, известно, что в Лавре только один преподобный — сам Сергий, все остальные — «высокопреподобные».

Известно также, что эта реставрация была связана с именем тогдашнего эконома Лавры архимандрита Георгия (Данилова), ставшего в 2001 г. епископом Нижегородским и Арзамасским. Очевидно, его отличает не только стилистика памятников церковной старины, но и стиль работы по приспособлению культурного наследия. В 2003—2004 гг. Нижегородская епархия заказала российско-итальянской компании «Колумбус» реставрацию церквей Архангела Михаила в Кремле, Успения Божией Матери на Ильинской горе, Собора Пресвятой

Богородицы (Строгановская церковь) и св. Иоанна Предтечи на Скобе. Однако в 2005 г. архиерей отказался подписывать документы приемки, выгнав представителей фирмы со стройплощадки и не заплатив 15 миллионов рублей. Общественное недоумение не разделяло духовенство епархии, которое новый епископ, сам и пригласивший «Колумбус» в Нижний Новгород, именно так и учил обращаться с подрядчиками. 5 июля 2006 г. арбитражный суд Нижегородской области под председательством Татьяны Юдановой отказал в удовлетворении требований «Колумбуса» взыскать с нижегородского архиерея 434 тысячи рублей по оплате реставрации Михайло-Архангельского собора. Тогда же началось предварительное судебное слушание по иску о взыскании задолженности за реставрацию церкви Собора Пресвятой Богородицы в размере 11,231 миллионов рублей [20].

В нашей истории опыт Третьяковской галереи и ее взаимоотношений с патриархией играет особую роль. Трудно сказать, насколько действия всех сторон были продуманы на перспективу, скорее все они решали сиюминутные задачи, связанные с поиском текущих компромиссов. Однако «Всехитрец Слово» литургических текстов обратил происшедшее в Галерее не только на злобы сегодняшнего дня. «Промыслительно», — сказали бы некоторые православные. В данном случае с ними стоит согласиться.

Еще в начале 1992 г. сотрудники музея ратовали за организацию своего прихода с широкими культурными функциями [21]. Они предлагали создать в помещениях дома семьи Третьяковых в Голутвинском переулке церковно-культурный центр и дом причта. Дирекция решила сохранить прежнюю концепцию развития этого дома как музея основателя Галереи. Официально приход храма свт. Николая в Толмачах, расположенного на территории музея, был создан 14 июля 1992 г., его гражданский Устав утверждается московским епископом 16 июля, а официальная регистрация Управлением юстиции состоялась чуть позже — 18 августа (№ 279).

Как и во всех прочих уставах, здесь было прописано, что исключительное право распоряжения священными предметами, находящимися в собственности или аренде у прихода, в том числе и созданными до 1945 г., закрепляется за Синодом (пункт 29), а пожертвованные гражданами и предприятиями предметы культа являются собственностью всей Русской Православной Церкви. 8 сентября 1992 г. состоялось освящение престола, а к 1997 г. завершилось полное восстановление

---

[20] *Кряжев Р.* Торг с «Колумбусом» // Коммерсантъ-Волгоград. 2006. 6 июля.

[21] Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 8, оп. I, д. 6, 1992—1993 гг., л. 1.

храма. Для того чтобы привести приходской Устав в соответствие с нормами, по которым жило государственное учреждение, между Галереей и патриархией 25 декабря 1992 г. было подписано отдельное соглашение, оформленное как дополнение к Уставу.

Одновременно предпринимались меры по инкорпорированию прихода в научную и культурную жизнь Галереи. Четко расставленные приоритеты совместной жизни и назначение приходским настоятелем протоиерея Николая Соколова, настоящего церковного интеллигента, позволили избежать ненужных трений и конфликтов. В начале 1993 г., приказом гендиректора было издано Положение о новом отделе «Домовая церковь святителя Николая в Толмачах — храм-музей Государственной Третьяковской галереи», одновременно утверждавшее за домовой церковью как статус храма-музея, структурного подразделения музея, так и общины, образованной сотрудниками Галереи. Согласно этому положению, настоятель храма как глава прихода, назначался патриархом, а как руководитель отдела — приказом по Галерее. Он должен был согласовывать свою деятельность с заместителем директора Галереи по науке и главным хранителем. Основная научная и музейная работа отдела должна была носить преимущественно массово-просветительский характер, что предполагало совершенствование форм сотрудничества храма и музея в рамках единого территориального и экспозиционного пространства.

Музей не вмешивался в собственно финансовые дела прихода. Свечной стол и расходование его средств целиком относились к компетенции приходского совета, однако хор и певчие поддерживались музеем. Основные иконы и утварь храма являлись частью коллекции галереи. Пожертвованные в храм новые иконы, как и богослужебные книги и облачения, должны были вноситься в специальные описи. Все это непосредственно предшествовало спорам о судьбе Владимирского образа Богородицы, разразившимся осенью 1993 г. Однако известно, что еще 3 июня 1993 г. патриарх Алексий (Ридигер) после молебна в залах Галереи высказал директору Юрию Королеву свое пожелание — передать чтимую икону в Толмачи.

Молитва перед иконой 3 октября в Елохове не остановила кровопролития, однако породила надежду на возвращение святыни патриархии. Как нам уже известно, после истовой полемики история получила продолжение в президентском распоряжении № 745-р от 22 ноября о богослужебном использовании Владимирского образа Божией Матери. Его исполнение предполагало выработку принципиального решения о выборе места, где икона смогла бы вернуться в литургическую жизнь. Возможно, в патриархии рассматривали вариант перенесения иконы в Толмачи как раз на тот случай, если более радикальные пред-

ложения, связанные с передачей иконы в «бессрочное пользование», не смогут реализоваться. Публично о разумной необходимости переместить икону в храм в Толмачах говорилось лишь в пресс-релизах Третьяковской галереи от 5 и 23 ноября, подписанных ее ученым секретарем В. Петюшенко. Последний документ приветствовал президентский выбор, сделанный в пользу правовых норм. В нем лишь выражалось удивление тем, что Галерея вообще не была упомянута в документе как заинтересованная сторона. В письме содержался здоровый заряд скептицизма: обязательно найдутся люди, которые постараются исказить смысл президентского распоряжения и будут настаивать на передаче иконы в постоянное пользование патриархии.

Такие люди нашлись довольно быстро. 16 февраля 1994 г. на совещании у мэра Москвы рассматривался вопрос о ходе выполнения распоряжения № 745 Президента. Представители Московского правительства утверждали, что Минкультуры фактически заблокировало его исполнение в части подготовки и выдачи Москве технических заданий на специальные квоты, а также в деле подготовки соглашения между федеральной властью и патриархией по определению правовых, финансовых и материальных условий передачи, сохранности и использования. От патриархии на заседании присутствовал протопресвитер Матфей Стаднюк, от Минкультуры — В. Демин и А. Орешкина. Однако еще 14 декабря 1993 г. Лидия Иовлева писала начальнику Управления музеев Министерства В. Лебедевой, что Владимирской иконе как неотъемлемой части фондовой коллекции обеспечены все необходимые условия для сохранности и богослужебного использования в церкви свт. Николая в Толмачах, храме-музее со статусом домовой церкви, чему должен предшествовать весь цикл реставрационных работ. В письме специально отмечалось, что вопрос литургического использования образа проработан с патриархией и оформлен соответствующим договором [22].

В 1994-1995 гг. переговоры между музеем и патриархией о месте нахождения образа, судя по всему, еще продолжались. 5 июля 1994 г. Валентин Родионов посылал патриарху протокол Реставрационного совета о состоянии сохранности иконы в надежде убедить его в нецелесообразности перемещения образа прочь из музейного собрания. Однако уже 15 сентября директор утвердил временную инструкцию о порядке оформления документов на временный вывоз произведений древнерусского искусства на богослужения. Для этого требовалось заранее заключенное соглашение между музеем и патриархией и гаран-

[22] Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 8, оп. II, д. 4, л. 8—9.

тийное письмо патриарха. В этом случае выдача могла состояться без составления акта временного хранения, но она должна была контролироваться протоколами Реставрационного совета. В 1995 г. патриарх вновь обсуждал с директором Галереи вопрос о перенесении образа в храм свт. Николая в Толмачах и подтвердил свое прежнее решение оставить икону в храме-музее. В праздновании 600-летия сретения Владимирской иконы уже участвовал список иконы руки архимандрита Зинона (Теодора) [23].

Этим намерениям были созвучны положениям протокола Реставрационного совета от 3 июня 1996 г. (№ 37), подтверждавшие принятое в октябре 1993 г. предыдущее решение о категорическом запрете выдавать икону на молебны вне Галереи, так как транспортировка и смена температурно-влажностного режима гибельно отражаются на состоянии святыни [24]. Одновременно складывалась и практика взаимных отношений: руководство музея каждый раз запрашивает благословения патриарха Алексия (Ридигера) на проведение мероприятий, так или иначе связанных с церковной культурой [25].

С 1997 г. сложилась практика выдачи Владимирской и Донской икон на богослужения в соответствующие праздничные дни. 15 июня, на Троицу, Богоматерь Владимирская впервые была принесена в храм в Толмачах на 3 дня в особом кивоте.

Уже 5 августа патриарх обращался к директору Галереи с просьбой выдать Донскую икону Богородицы на ее праздник — 1 сентября — в Донской монастырь. Икона побывала на празднике. Но составленный в тот же день дефектный акт засвидетельствовал увеличение трещин на стыке восковой вставки и левкаса после возвращения образа из обители.

На следующий год, 21 августа, патриарх опять писал в Галерею, где просил вновь привезти икону на праздник уже в силу «сложившейся традиции» и «ранее достигнутой договоренности», обещая при этом гарантировать сохранность.

Визитация иконой соименного ей монастыря, в котором, впрочем, она никогда ранее не находилась, стала традицией. Состояние реликвии после этих визитов значительно не ухудшалось и после возвращения в музейную среду сразу же восстанавливалось, хотя во время богослужений случались и нештатные ситуации. Так, однажды кто-то из монастырских послушников отключил сложную систему, поддер-

[23] Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 8, оп. II, 1996 г., д. 100, л. 1.

[24] Там же, ф. 8, оп. II, 1996 г., д. 100, л. 17, 18.

[25] Там же, ф. 8, оп. II, 1996 г., д. 100, л. 20—21.

живающую контроль климатических условий, просто выдернув розетку из сети.

Однако впоследствии кроме литургического использования донская братия в союзе с московским чиновничеством нашли иконе вполне практическое и доходное применение. Донской образ Божией Матери стал экспонатом, а вернее, средством привлечения посетителей и их капиталов на ежегодную январскую общецерковную выставку «Православная Русь», проходящую в Москве в Гостином дворе. 29 июля 2004 г. Юрий Егоров, начальник отдела музейно-выставочной работы Комитета по культуре Москвы сделал в музей запрос о возможности передачи иконы в монастырь в постоянное пользование. В ответе Галереи было указано, что святыня является федеральной собственностью и что, во исполнение Указа Президента от 22 ноября 1993 г., она выдается на богослужения в Донской монастырь 31 августа—1 сентября. Тем самым сотрудники музея исполняют свой гражданский долг, хотя это идет вразрез с их профессиональным долгом. Однако уже 8 января из Министерства культуры за подписью Анны Колупаевой в музей было направлено письмо № 03-21-25, предписывающее вывезти икону в Гостиный двор для экспонирования на второй общецерковной выставке с 21 по 24 января. Это было сделано с разрешения Реставрационного совета от 12 января 2004 г. Подобное письмо, приглашающее реликвию принять участие в выставке достижений церковного хозяйства с 26 января по 30 января 2005 г., вновь за подписью А. Колупаевой, пришло и на следующий год. Вообще же превращение привоза чудотворных икон в своеобразную рекламную акцию во время многочисленных «православных выставок» становится свидетельством нездоровья современного общества.

График использования специального оборудования и посещений иконами храма в Толмачах был утвержден директором Галереи еще 9 июля 1998 г. На основании распоряжения Президента, были созданы временные комплексы защиты икон во время нахождения их на богослужении. Владимирская икона приходила в храм трижды в год — 2, 3 и 4 июня, 5, 6 и 7 июля и 7, 8 и 9 сентября, Донская приезжала в монастырь на 1 и 2 сентября, а «Троица» пребывала в Толмачах 3 дня на праздник Троицы [26]. Однако эти меры сами по себе не гарантировали сохранности реликвий. 10 июня 1998 г. при реставрационном осмотре Владимирской иконы после богослужения было замечено отставание паволоки с левкасом в верхней части изображения Этимасии на обороте образа. Было отмечено, что икона находилась в обычной витрине,

[26] Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 8, оп. II, 1998 г., д. 58, л. 5—6.

где не поддерживался специальный режим, и даже не было второго стекла. В связи с этим уровень влажности поднялся до 70 % вместо 50 %, а температура — до +25 вместо положенных +18—20 градусов. Реставрационный совет 10 сентября констатировал расконсервацию иконы и высказался в пользу постоянного пребывания образа в музейной экспозиции. Протоколы были отправлены патриарху 27 октября.

18 сентября 1998 г. В. Родионов был вынужден писать министру культуры Н. Дементьевой, объясняя решение Реставрационного совета, которое не устраивало патриархию. Этому предшествовал очередной запрос из Министерства по поводу возможности передачи иконы в пользование церкви. Директор указал единственно возможный вариант — постоянное нахождение образа в храме свт. Николая в Толмачах в специальной витрине с климат-контролем, которую предстояло изготовить Московскому заводу полиматериалов (генеральный директор В. Крюков).

Витрина должна была быть завершена к декабрю 1999 г., а пока образ выносился на службы в прежнем кивоте. Протоколы осмотра постоянно фиксировали колебания режима и изменения святыни, нежелательные для ее сохранности. Наконец, 15 декабря 1999 г. В. Родионов издал приказ № 958, предписывающий поместить икону в специальный кивот. После этого икона была перенесена в храм, о чем был извещен патриарх. 25 апреля 2000 г. патриарх адресовал в Галерею письмо за № 2009, в котором выражал музейщикам благодарность за сохранение исторических договоренностей о богослужебном использовании Владимирской иконы Божией Матери. В этом письме он выступал категорически против инициативы передачи иконы в Успенский собор Кремля, так как там нет ежедневных богослужений, а всероссийская святыня должна находиться в храме, где молитвы совершаются постоянно. В настоящее время судьба иконы удовлетворяет как патриархию, так и музей. Музейщики делают ежедневный осмотр реликвии, а раз в 3 недели снимаются данные температурно-влажностного режима. Во время службы в специальном кивоте, в котором находится икона, включается особый режим. Ведется постоянный дневник наблюдения за состоянием чтимого образа. В храме располагаются и другие витрины, рассказывающие об истории и археологии прихода. Изначально они воспринимались прихожанами как нечто чуждое привычному литургическому пространству, однако со временем стали частью их общинной жизни и предметом приходской гордости. Связь времен начала восстанавливаться, как и сама община стала меняться.

Однако, несмотря на то, что в храме находится всероссийская святыня — Владимирская икона, прихожан в нем, кроме самой общины, нет. Никакого всероссийского паломничества к чудотворному образу

так и не образовалось, несмотря на то что для этого созданы все условия. Словно вокруг святыни руководством патриархии создан некий заговор молчания, который и не пускает сюда потоки паломников. Угроза существующей стабильности состоит в том, что отсутствие прихожан всегда можно объяснить тем, что народ не хочет идти в храм-музей, и этим аргументировать новые требования передать икону в безраздельное пользование патриархии. По счастью, об этом пока публично речи нет, хотя подобные настроения в среде духовенства и существуют. Неприятнее другое. Резкие требования православной общественности вернуть им чудотворную святыню сменились полным безразличием к ней, как и в случае с желанием канонизировать Царскую семью, которое после 2000 г. так и не приняло формы искреннего и массового почитания этих новомучеников. Вся кампания по возвращению иконы была лишь следствием вполне прагматических интересов, рассчитанных на бесконтрольную эксплуатацию святыни. Исторические реликвии перестали быть интересными как для церковных хозяйственников, так и для массового обывателя, ищущего в Церкви лишь способ удовлетворения своих религиозных потребностей, а не прочный фундамент традиционной церковной культуры для современного бытия.

В Третьяковской галерее возникали вопросы и по другим иконам. Еще в 1990-е гг. местный депутат с. Васильевского Владимирской области хотел вернуть своим избирателям знаменитый «Васильевский чин», некогда принадлежавший Успенскому собору во Владимире. 22 мая 1996 г. начальник Восточной водопроводной станции Московского водоканала Ю. Афанасьев и настоятель храма св. вмч. Дмитрия Солунского «отец Александр» сообщали дирекции музея, что на 8 ноября намечено освящение церкви самим патриархом Алексием (Ридигером). В связи с этим они просили преподнести в дар приходу из собрания Галереи икону с изображением великомученика, «если таковая окажется в запасниках». В ответ администрация музея предлагала общине заказать копию какой-либо известной иконы у архимандрита Зинона (Теодора) или выполнить качественную фотографию [27].

В том же 1996 г. настоятель можайского Никольского собора «отец Василий» обращался к главному хранителю Галереи Л. Ромашковой с просьбой предоставить информацию о месте нахождения резного образа свт. Николая Можайского. В 1995 г. в соборе были возобновлены службы. Настоятель просил передать ему образ и выражал готовность «оказать всяческую посильную поддержку и помощь для подготовки реликвии к общедоступному поклонению при соответствующих усло-

[27] Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 8, оп. II, 1996 г., д. 100, л. 14.

виях»[28]. 22 марта ему отвечал директор В. Родионов, что в силу целостности коллекции реликвии не могут быть выданы в Никольский собор. Он также сообщил, что резной образ, пострадавший от времени и незаслуженного обращения, был вывезен Николаем Померанцевым в 1933 г., и в 1954 г. после реставрации поступил в Галерею. Сегодня иконе необходимы профессиональное наблюдение специалистов и щадящая среда бытования. К тому же сокращение срока жизни памятника вряд ли в интересах верующих. Директор указывал на существование в истории Церкви традиции копий, которая сегодня могла бы избавить общество от лишних конфликтов[29].

Однако уже 11 апреля 1996 г. датируется очередное письмо в Галерею, подписанное главой администрации Можайского района Г. Еременко, который просит выдать икону лишь на один день, 22 мая, для проведения праздника свт. Николая и крестного хода, обещая, что все требуемые условия в отношении транспортировки и хранения будут соблюдены. Одновременно он отправляет митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию (Пояркову) аналогичное письмо, где «поддерживает» просьбу жителей и верующих о возвращении образа свт. Николая в Можайск[30]. 25 апреля митрополит Ювеналий переправляет министру культуры Е. Сидорову письмо главы Можайского района, присовокупляя к этому свои соображения о том, что пора принять принципиальное решение по данному вопросу[31]. Тогда образ так и не покинул своего убежища, как не была сделана и рекомендуемая копия.

Подобные попытки повторялись неоднократно. 20 декабря 2002 г. новый глава Можайского района В. Насонов опять просил предоставить ему «деревянную скульптуру XIV в., которую называют иконой Никола Можайский», на празднование в мае 2003 г. 700-летия вхождения Можайска в состав Москвы. На сей раз письмо от имени Галереи о невозможности выноса иконы из хранилища, содержащее предложение сделать копию, было отправлено за подписью заведующего отделом Галереи протоиерея Николая Соколова.

В 2004 г. Николой Можайским заинтересовалась Росохранкультура в лице Анатолия Вилкова, а 21 марта 2005 г. новый настоятель Никольского собора иеромонах Даниил (Жирнов), уже прославившийся уничтожением культурного слоя и надвратной церкви в кремле Можайска, обратился с просьбой о постоянном размещении резной иконы

[28] Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 8, оп. II, 1996 г., д. 100, л. 2.
[29] Там же, л. 6—7.
[30] Там же, л. 9, 12.
[31] Там же, л. 11.

на территории «паркового историко-культурного комплекса Можайский кремль».

Предметом переписки становится и Голгофский крест из Успенского собора в Дмитрове (рубеж XIII—XIV вв.), изъятый из храма экспедицией Главнауки в 1924 г. и в 1930 г. поступивший в Галерею. В 2004 г. он был передан для экспонирования и поклонения в домовую церковь музея свт. Николая в Толмачах. 20 сентября 2005 г. глава Дмитровского района В. Гаврилов обратился к министру А. Соколову с просьбой вернуть крест в собор и с предложением сделать за счет района копию креста для экспонирования в Третьяковке. Письмо было переправлено в ФАКК, и 6 октября Анна Колупаева запрашивала у В. Родионова информацию о принятом решении. Крест предпочли оставить в Толмачах.

Отдельной истории заслуживает Свенско-Печерская икона Матери Божией. 1 ноября 1998 г. наместник Свенского Успенского монастыря архимандрит Никодим и председатель правления Брянского отделения общероссийского общественного движения «Россия Православная» В. Туриков обратились к руководству Галереи с просьбой о передаче им этого образа, написанного не позднее XIII в. 10 января 1999 г. администрация музея отвечала, что федеральная собственность, каковой является икона — «древнейший образец киевского иконописания», не подлежит отчуждению. Здесь упоминалось также, что интересы верующих не требуют сокращения срока жизни святынь. 10 февраля в музей с такой же просьбой обращался уже председатель центрального совета упомянутого движения А. Буркин. Заинтересованным лицам было предложено сделать копию.

Попытки возвращения иконы предпринимались и другими лицами. Так, 22 июня 2002 г. начальник отдела музеев Министерства Анна Колупаева обратилась в Галерею (письмо № 713-15.1-25) с просьбой предоставить информацию о Свенской иконе в связи с письмом жительницы Калуги Е. Захаровой, содержащим просьбу возвратить икону на Брянскую землю. В ответе сообщалось о невозможности удовлетворить просьбу, ввиду состояния иконы, являющейся «хронически больным памятником».

В последнее время от брянского отделения «России Православной» стали поступать просьбы о временном изнесении иконы в Толмачевский храм для совершения молебнов группами паломников, прибывающих с Брянщины. В частности, как положительная реакция на такое письмо, дирекцией 12 мая 2004 г. был издан приказ о демонтаже иконы из экспозиции и перенесении ее в храм на 16 мая в специальной витрине. В тот день с Брянщины так никто и не приехал, однако 18 ап-

реля 2005 г. В. Туриков вновь обратился к руководству Галереи с подобной просьбой.

Отношения между музеем и религиозными организациями существовали не только в деле возвращения святынь. Инициатива исходила непосредственно от монастырей и приходов. Их представители рассматривали создание ларьков по продаже церковной утвари и литературы в среде ценителей древнерусской иконописи и искусства, посещающих Третьяковку, как удачный маркетинговый ход. Священник Антоний Серов, настоятель церкви св. мучеников Кизических в Москве, 10 февраля 1996 г. просил Галерею «оказать милость и содействие» и помочь ему решить финансовые проблем, связанные с реставрацией храма, путем открытия в музее постоянной торговли церковной утварью и духовной литературой. Батюшке устно было сообщено о невозможности просимого [32]. 1 апреля 1998 г. помощник эконома Оптиной пустыни иеромонах Митрофан просил дирекцию Третьяковки оказать обители благотворительную помощь в виде выделения площади под торговую точку. 26 мая последовал отказ монастырю — музей «не располагал такой возможностью» [33]. Было отказано и настоятелю Софийского храма Москвы протоиерею Владимиру Волгину, просившему о том же 19 октября 1998 г. [34]

Впрочем, восстановить «историческую справедливость» просят не только представители православных организаций и общин. В октябре 2005 г. Московская городская дума обратилась к Президенту страны с просьбой вернуть в собственность Москвы «историческую часть» коллекции Галереи [35]. 31 августа 1892 г. Павел Третьяков передал свое живописное собрание в дар городу, создавшему Попечительский совет, а 3 июня 1918 г. председатель совнаркома Владимир Ульянов подписал постановление «О национализации Третьяковской галереи». Депутаты уже обращались к Борису Ельцину с подобным предложением в декабре 1997 г. «Неисторическую часть» коллекции Дума предложила выселить с Лаврушинского переулка на Крымский вал и назвать ее «Российский государственный музей современного искусства». Эта история — наглядное пособие, демонстрирующее, где рождаются стремление к переделу культурного наследия и превращение его в политическое оружие и банальный источник дохода.

---

[32] Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 8, оп. II, 1996 г., д. 100, л. 3.

[33] Там же, ф. 8, оп. II, 1998 г., д. 58, л. 2.

[34] Там же, л. 12.

[35] *И. М.* Челобитная // Итоги. 2005. 31 окт.

Уникальность положительного опыта Третьяковской галереи несомненна. Однако тот факт, что находящаяся в храме свт. Николая в Толмачах Владимирская икона Божией Матери так и не стала центром настоящего паломничества православного люда, а также постоянные попытки патриархии разрушить сложившуюся практику свидетельствуют о серьезном кризисе христианского сознания в современной России. Святыня перестает быть посредником в молитве, она превращается в инструмент власти над обществом. Именно в этом заключается стремление любой ценой заполучить иконы всероссийского значения, пусть на время, но в собственное распоряжение, дабы заставить святыни «играть на своем поле». Дело здесь не в частных капризах, но в далеко идущих амбициях, которые возобладали над благоразумием и законом.

Именно об этом, как и о готовности руководства отечественной культуры подчиниться этим амбициям, свидетельствует последняя история с попыткой вывоза иконы «Троица», приписываемой кисти прп. Андрея Рублева, из музея в монастырь. Заручившись поддержкой министра культуры, в письме от 30 октября 2008 г. патриарх Алексий (Ридигер) просил позволить перемещение иконы в Троице-Сергиеву Лавру на время престольного праздника обители, который в 2009 г. приходился на 6—8 июня, сроком на 3 дня. В письме присутствовали ритуальные фразы: «сохранность иконы гарантируем»; «для иконы московским заводом Полиметаллов будет изготовлено специальное оборудование по техническим требованиям, согласованным со специалистами Государственной Третьяковской галереи»; «убежден, что общая церковная молитва перед этой древней святыней земли русской будет с благодарностью воспринята тысячами православных людей». Только благодаря «эмоциональной вздернутости», а именно так руководство ГТГ охарактеризовало обеспокоенность своих сотрудников судьбой иконы (и в частности Левона Нерсесяна), которые поделились с обществом этой обеспокоенностью, стало возможно проведение в Третьяковке 17 ноября 2008 г. расширенного реставрационного совещания. В итоговом документе, отправленном в патриархию, говорилось, что «стабильность состояния доски иконы, сплоченной из нескольких подвижно скрепленных друг с другом частей, в прошлом неоднократно подвергавшихся деформациям в результате изменений условий хранения, может обеспечиваться только при поддержании неизменных условий ее пребывания в музее» и что «даже при условии изготовления дорогостоящей витрины-капсулы, климат внутри которой должна обеспечивать сложная аппаратура, гарантировать безопасность памятника невозможно». Аппаратура может давать сбои, а для иконы весом в 27 кг создание подобного кивота беспрецедентно. К то-

му же он не решает вопроса, связанного с транспортировкой хрупкой иконы на дальнее расстояние. Главная задача такого кивота: защита от механических повреждений и от повышения температуры. Известно, например, что стекло кивота, в котором находится икона Владимирской Богоматери, во время торжественных богослужений нагревается на 20 градусов от многочисленных «прикладываний» — ритуальных поцелуев. Укрепление иконы перед отправкой возможно, но любое реставрационное вмешательство в древний образ крайне нежелательно. Образу необходим покой.

С этим мнением столкнулась консолидированная позиция руководства Третьяковки — директора Валентина Родионова и главного хранителя Ирины Селезневой. Временная передача иконы в Лавру выглядела в их глазах единственным спасением от нарисованной директором апокалиптической картины: «если мы хотим, чтоб сюда пришли, икону вынули из витрины, какая она есть, и унесли, вы можете ложиться на пороге, вас ОМОН положит, понимаете? Тот, который будет охранять ее выход. Вот тогда вы все это вспомните». Градус обсуждения был явно завышен. Руководство добивалось своего любой ценой. В. Родинов эмоционально восклицал: «Я готов пойти под суд! Я этого не боюсь. Опыт Донской иконы говорит о том, что мы на правильном пути. Вы плохо знаете, что происходит». И. Селезнева уточняла: «И не хотите знать, главное». Она же пыталась представить передачу полезной инициативой: «легче всего все освистать, захлопать и запретить», и утверждала, что то, что происходит на заседании — «это просто неуважение к огромной части населения России». Больше всего директор боялся голосования: «Голосовать нельзя, я вас уверяю. Давайте отложим». В последнем случае манипулировать мнением экспертов было бы значительно труднее. Происшедшее, как и в случае с передачей Русским музеем Торопецкой иконы, выявило принципиальное различие интересов музейного «генералитета» с одной стороны и профессионалов-хранителей и общества — с другой.

На этом фоне позиция рядового духовенства патриархии, втянутого в процесс обсуждения и осознавшего причины общей тревоги, выглядела гораздо более выигрышной. Присутствовавший на встрече казначей Лавры архимандрит Порфирий (Шутов) однозначно заявил: «Если будет принято решение, что икону переносить нельзя, потому что она может пострадать, — кто же этого не поймет?». По его словам, у лаврской братии «всегда присутствовало понимание важности обращения с этой иконой как с величайшим памятником, соблюдения всех требований музейного подхода». Является ли эта позиция искренней, или же речь идет лишь о мнении, которое желала бы услышать аудитория? Столь же корректен был протоиерей Николай Соколов, настоя-

тель храма свт. Николая в Толмачах и завотделом ГТГ: «Реставрационный совет и все остальные службы отвечают за сохранность иконы, и они должны вынести решение, можно ли здесь рисковать». Сославшись на состояние российских дорог, он предпочел, чтобы икона Троицы на праздничные дни появлялась в его храме, как это было уже много лет подряд. Более осторожно, чем в 1993 г., выступил и протоиерей Александр Салтыков: икона должна быть возвращена владельцу, но только при условии обеспечения постоянного научного контроля за ее состоянием, а условия хранения образа должны сочетать и возможность поклонения ей как святыне, и возможность посещения ее как всемирно известного художественного памятника, и ее физическую сохранность. Все это резко контрастировало с позицией пресс-секретаря патриарха протоиерея Вигилянского, который вновь обвинил музеи в «укрывательстве краденного», пригрозив им анафемой за хранение богослужебной утвари.

При такой позиции диалог невозможен. А именно о необходимости диалога говорили некоторые из участников заседания, ссылаясь на непонимание позиции профессионалов со стороны общества и церковной иерархии. В 2009 г. икону в Лавру не передавали — не в последнюю очередь из-за смены церковной власти. Но гарантии от повторения подобного нет. В том числе и потому, что раздававшиеся на заседании призывы «решить вопрос не в частности» — с точки зрения рисков перевозки конкретной древней иконы, а «принципиально» — с точки зрения целесообразности вынесения общенациональных святынь из общенациональных музеев, до сих пор не услышаны. Вот министр культуры А. А. Авдеев, выступая в мае 2009 г. на правительственном часе в Госдуме, похоже, нашел правильный подход к депутатам, поскольку говорил о понятных им вещах: прежде чем вывозить икону из музея, ее нужно застраховать, «как того требует законодательство»: исходя из примерной оценочной стоимости иконы в $ 600 млн. страховка обойдется в $ 4 млн. — для вывоза в Троице-Сергиеву лавру всего на три дня! Звучало убедительно…

Опыт Третьяковской галереи не только демонстрирует важность музейной инициативы в области взаимоотношений и диалога с религиозными организациями. История храма свт. Николая в Толмачах свидетельствует об истинных намерениях музейного сообщества, искренне направленных на сохранение святыни. Эти намерения, несмотря на идейную, культурную и религиозную неоднородность коллектива, являются благими по своему существу. В конце концов, создание домового храма в структуре Галереи — это инициатива мирян в Церкви. Как и в 1920-е гг., предпринятые меры, связанные с созданием сакрального, молитвенного пространства в государственном музее, пусть не сразу,

но сняли как остроту общественного конфликта, порожденного пребыванием иконы вне храма, так и действительную опасность, угрожавшую материальному телу святыни. К тому же стоит отметить, что на этой почве складывается новое поколение церковной молодежи, которое, как хочется надеяться, в скором времени будет воспринимать грамотные нормы обращения с памятниками церковной культуры как свои собственные. Речь идет о подготовке иконописцев и реставраторов в крупнейших иконных собраниях страны, к которым, прежде всего, относится и Третьяковская галерея. Еще 22 августа 1994 г. протоиерей Александр Салтыков как декан факультета церковных художеств Свято-Тихоновского института обратился к руководству Галереи с предложением организовать копирование икон и проведение соответствующих занятий в залах музея.

С этого времени складывается практика подобного сотрудничества, которая предполагает ныне заключение договора и символическую плату, покрывающую труд смотрителей и специалистов. Сегодня в залах Третьяковки трудятся копиисты из Лавры, студенты иконописной школы при Московской академии и Свято-Тихоновского университета.

Результаты своеобразных «церковно-музейных экспериментов» и в Третьяковской галерее, и в Московском Кремле и Троице-Сергиевой лавре, какими бы неустойчивыми они ни казались, подсказывают Церкви, обществу и государству единственно возможный путь решения общественных конфликтов. В деле сбережения реликвий и памятников культуры Православной Церкви в России вопросы собственности как непосредственного права обладания, пользования и распоряжения, играют второстепенную и малозначащую роль. Их общественная постановка, предполагающая физическое и юридическое возвращение святынь в церковную повседневность, связана преимущественно с социально-политическим тщеславием. В данном случае мудрое смирение перед необходимостью оставить святыни Галереи и коллекции Лавры под правовым и практическим контролем государства и музейных специалистов, вряд ли было свободным выбором. Печально, что эта практика не распространяется на другие храмы-памятники, продолжающие быть источником конфликтов.

Главное, чего добились все стороны, не заинтересованные в противостоянии, это предсказуемость ситуации с сохранностью церковных памятников и их доступностью как для христианского благочестия, так и для эстетического восприятия. И предсказуемость и доступность гарантированы отнюдь не подписанными соглашениями и устными договоренностями.

Главная гарантия — это в принципе отлаженная система музейного контроля над состоянием памятников старины, подкрепленная государственным статусом учреждений культуры.

Пресловутое «совместное использование» памятников церковной культуры оказалось недейственным потому, что в его основе была заложена недопустимая идея: идея равноправия тех принципов не отношения к святыне, а обращения с ней, которыми исповедовала каждая из сторон. Системность и контроль были уравнены в правах с произволом и безотчетностью, утвержденными не служебной инструкцией, а известным церковным правилом — «аще настоятель изволит». За этим скрывался не столько мировоззренческий, сколько административный конфликт. Лишь включение церковных структур в стройную систему общественных отношений, их подчиненность нормам музейной культуры, согласие церковного сознания с теми принципами, на которых строится современное отношение к сбережению древности, способны сохранить историческую церковную культуру и погасить социальные конфликты.

Иными словами, преодоление противостояния между Церковью и культурой в России возможно лишь через *социализацию Русской Церкви, ее общин и учреждений*. Эта система диктует не только приоритет сохранности перед эксплуатацией, но и порядочность как подотчетность духовенства общине и обществу. Отношение православных христиан к своим святыням в полной мере может соответствовать таким нормам без малейшего ущерба для существующей в Церкви литургической культуры, канонической практики и повседневного благочестия.

Глава X

КРЕМЛЕВСКИЕ ТАЙНЫ

Седьмого марта 2006 г. страна праздновала 200-летие музеев Московского Кремля. К этому событию Союз православных граждан приурочил свою инициативу — начать восстановление исторического кремлевского облика как вместилища священных реликвий российской власти. В первую очередь предлагалось восстановить разрушенные Чудов (XIV в.) и Вознесенский (XV в.) монастыри. Общество уже привыкло к тому, что Союз озвучивает то, что не может публично высказать иерархия. Не случайно именно эти монастыри как главные кремлевские утраты были названы патриархом Алексием (Ридигером) в его речи на открытии юбилейных мероприятий. Святейший пожелал, чтобы программа изучения некрополя великих княгинь, покоившихся в Вознесенском монастыре, была завершена к 2008 г., когда будет праздноваться 500-летие Архангельского собора Кремля — великокняжеской усыпальницы.

Такое внимание к Московскому Кремлю не одиноко и не случайно. Оно является приоритетным в общей политике патриархии, предполагающей возвращение «имиджевых» объектов российского наследия. Использование таких памятников, ассоциирующихся с культурным богатством России, становится самостоятельной политической технологией. Ее воздействие становится ощутимым в области определения гражданами России собственного отношения к религии. По сути, мы сталкиваемся со способом давления на общественное сознание, на свободу восприятия обществом собственной истории и культуры. Культурная политика становится средством продавливания «новой христианизации», идущей сверху. Ставка на кремли есть лишь культурная ипостась ставки на Кремль. Она является основой деятельности патриархии, предпочитающей договариваться с чиновниками вместо того, чтобы разговаривать с прихожанами.

После Московского Кремля, удовлетворительная богослужебная практика в котором сложилась в 1990—1992 гг., другим кремлем с драматической судьбой стал Рязанский кремль. Штурм этой твердыни «изгоном» или взятие ее «измором» чиновниками и бизнесменами по инициативе епископа Русской церкви, похоже, дело недалекого будущего. Однако от общественной позиции сегодня зависит, насколько компромиссным или бескомпромиссным, принципиальным или беспринципным будет принятое решение. В средневековой Рязани существовало разделение ветвей власти — княжеский кремль с Успенским собором и владычная слобода с Борисоглебским были двумя городскими центрами. Покончив с рязанской независимостью, московская власть решила применить здесь свой принцип «разделяй и властвуй», отдав кремль в 1521 г. в «бессрочное и безвозмездное пользование» рязанским архиереям. Музей в Рязани был открыт губернской архивной комиссией при активном участии преподавателя Духовной семинарии С. Яхонтова в 1890 г., а в 1914 г. появилось и епархиальное древлехранилище, располагавшееся в архиерейских покоях. В 1918 г. образовался Губернский историко-художественный музей, который обосновался в бывшем архиерейском доме, ставшем к этому времени «дворцом Олега». В 1968 г. Краеведческий музей и кремль стали Историко-архитектурным музеем-заповедником, включенным в 1995 г. в свод особо ценных объектов культурного наследия. В 1998 г. музей перешел в федеральное подчинение.

До 2003 г. взаимоотношения Рязанской церкви и культуры развивались спокойно и доброжелательно. Это было связано с личностью правящего архиерея — митрополита Симона (Новикова; 1928—2006), управлявшего кафедрой с 1972 г. К этому времени епархии был передан или находился в совместном использовании целый ряд памятников. Их состояние оценивалось по-разному. Так, в Солотчинском монастыре Свято-Духовский храм, выстроенный в стиле «нарышкинского барокко», оказался забелен, а в надвратной церкви хранилось сено. Монастырский ансамбль померк. Церкви были переданы также храм Спаса на Яру, Преображенская церковь в Старой Рязани и Гостиница знати в кремле, где расположилась семинария. В отношении последнего здания, переданного в 1995 г., также существуют серьезные претензии. Несмотря на то, что епархии был передан полный пакет документов для его реставрации, эти работы были подменены косметическим непрофессиональным ремонтом, выполненным украинскими малярами. Не был подведен фундамент под южную часть корпуса, где продолжается постоянная просадка здания. Не восстановлены окна в формах XVIII в., при покраске фасадов не использован исторический бледно-голубой цвет 1903 г. Епархия отказалась от позолоты креста и

звезд на куполе домовой церкви, заменив ее краской-бронзянкой на лаке, которая тут же потемнела.

В совместном использовании находились Христорождественский собор, Успенский собор и колокольня. Таким образом, 24,8 % общей площади музея-заповедника было полностью или частично передано епархии. 5 октября 2005 г. Научно-методический совет отмечал, что специалистам нет доступа в Христорождественский собор и его алтарь для осуществления надлежащего контроля, а соборная крыша ремонтировалась без соответствующего архитектурного надзора. Общинам были отданы Николо-Ямской храм, Ильинская церковь и Свято-Троицкий монастырь в Рязани, монастырь в с. Чернеево, где в процессе реставрации в Никольском храме была «срублена» старинная стенопись, а также Успенский Вышенский монастырь в Шацком районе и Казанская церковь в с. Красное. К сожалению, более ста храмов в области остаются бесхозными или используются для других целей. К тому же в 1990-х гг. епархии из фондов музея-заповедника были переданы предметы сакрального характера, в том числе частицы мощей и мантия епископа Мисаила († 1655), о местонахождении которых ни музею, ни рязанской общественности ныне ничего не известно. Впрочем, епархия знала и добрые примеры. Рабочая группа Научно-методического совета еще в мае 2004 г. фиксировала аварийное состояние Святых ворот Богородицкого монастыря в Рязани. 5 октября 2005 г. заключение той же рабочей группы отмечало высокий уровень проведенной реставрации и непосредственные заслуги в этом монастырского благочинного иеродиакона Дионисия (Ползунова).

26 января 2000 г. архиепископ Симон (письмо № 34) выражал удовлетворение сложившимися отношениями церкви с музеем и обществом и писал, что «за последние 10 лет Рязанской Епархии возвращено 150 церковных зданий и 8 монастырей». К 2006 г. в епархии было 312 приходов, 10 монастырей и семинария. Однако в мае 2003 г. после 31 года управления епархией, ровно по исполнении 75-лет, архиерей был отправлен на покой, хотя некоторые другие его коллеги продолжали управлять кафедрами и в более почтенном возрасте, несмотря на то что их «епархиальный менеджмент» оказался не столь впечатляющим. На его место был назначен архиепископ Павел (Пономарев; р. 1952), проведший значительную часть своей жизни на номенклатурных должностях ОВЦС, в частности в Иерусалиме (1981—1988), США (1992—1999) и Австрии (1999—2003), что предполагало тесный контакт с «аналитическими структурами». В июле 2003 г. архиерей еще свидетельствовал, что, познакомившись с музейным руководством, он увидел много хорошего и доброго в их деятельности, чрезвычайно его воодушевившего.

12 января 2004 г. письмом за № 281 архиепископ просит губернатора Георгия Шпака предоставить епархии вместо архиерейского дома — «дворца Олега» — другое презентабельное здание или выделить участок земли для строительства епархиального Духовного центра. Одновременно архиерей получает письмо от директора музея Людмилы Максимовой, где сообщается, что в 2004 г. в связи с реставрацией совершение богослужений в Успенском соборе будет невозможно. Это было завязкой сюжета.

В качестве духовного центра епархии был предложен местный Дом прессы. Конфликт со СМИ для нового архиерея был крайне нежелателен. Назревающее недоразумение с музеем из-за Успенского собора и общая атмосфера в стране, поощрявшая передел бывшей собственности, подсказывали реальное решение — кремль, обремененный музеем. 4 июня вопрос о создании здесь Духовно-административного центра рязанской церкви поднимался на епархиальном совете. Предварительно обсудив такую возможность с патриархом Алексием (Ридигером) во время визита в Москву на очередную годовщину патриаршей интронизации, 17 июня 2004 г. архиепископ подписал письмо за № 967 на имя губернатора. В письме Рязань противопоставлялась остальным областям России, где все храмы уже давно переданы Церкви. Области предлагалось построить новый краеведческий музей с необходимыми помещениями и специализированными хранилищами. Чуть позже, на память свт. Василия Рязанского, архиепископ обращается со «Словом» urbi et orbi, растиражированным местными газетами [1]. Естественно, никаких предварительных переговоров с заповедником проведено не было, и для музейщиков все претензии явились полной неожиданностью.

Послание архиепископа Рязанского не только содержало примитивный антимузейный выпад — «храмы и иконы создавались в Церкви верующими людьми не для хранения в музейных фондах, а для молитвы», но и претендовало на ревизию мировой практики обращения со святыней и древностью, что ставило под сомнение адекватность тех, кто составлял текст архиерейского обращения. Здесь методика поддержания температурного и влажностного баланса архитектурного памятника была названа «глупостью». В результате предлагалось установить систему отопления в летнем Успенском соборе (XVII в.), передать епархии архиерейский дом — «дворец Олега» и гражданские постройки XVII—XIX вв. на территории кремля. В начале августа в Управлении госимущества и земельных ресурсов области вновь рассматривался вопрос о совместном использовании епархией и музеем

[1] Золотые купола Рязани. 2004. № 8.

Успенского и Христорождественского соборов и церкви Богоявления Рязанского кремля, и Комитет в принципе дал свое согласие на установку в соборе системы отопления. По имеющейся информации, примерно в то же время архиереем и губернатором с участием московского архимандрита Тихона (Шевкунова) кулуарно обсуждался вопрос о передаче всего кремля.

6 октября 2004 г. состоялось расширенное заседание ученого совета ФГУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник». Директор Л. Максимова отмечала, что с передачей «дворца Олега» музей потеряет свои площади, что разрушит его экспозиционные планы, а главный хранитель Т. Просукова жаловалась, что из-за служб в соборе страдает посещаемость музея. Поднимались и более глобальные вопросы. Профессор Л. Чекурин выразил озабоченность состоянием кремлевского холма в случае передачи его епархии и проведения последующих работ. На заседании отмечалось, что за все время церковь не выделила ни копейки на содержание и реставрацию храмов, находящихся в совместном использовании, а реальное состояние переданных епархии памятников свидетельствует о серьезных нарушениях законодательства и методики обращения с древностью. В результате было постановлено: признать передачу части дворца Олега, где располагаются выставки и экспозиции «Две столицы княжества Рязанского», «Во славу Отечества» и «120 лет в истории России», а также предполагается создание новых — «От Руси к России» и «Раритеты Рязанского кремля», в пользование епархии нецелесообразным и незаконным.

16 декабря, уже после «падения Ипатия» и «стояния в Кадашах» архиепископ Павел (Пономарев) заявил, что епархия не будет подавать в суд на музей за отказ передать ей требуемые здания, хотя такой вариант был вполне возможен. В апреле 2005 г. спор между музеем и епархией приобрел новые формы. Еще в 2002 г. Минкультуры признало возможным воссоздание утраченного здания солодежни в кремле под фондохранилище. Был составлен проект, автором которого явилась федеральный архитектор по Рязанской области Елена Одинец. Однако на его публичном обсуждении 22 апреля 2005 г. выступил председатель историко-архивного отдела Рязанской епархии священник Сергий Трубин, обвинивший музей в «искажении исторической правды», а проект — в несоответствии ранее существовавшему зданию. 28 апреля дирекция музея на пресс-конференции отвергла претензии епархии и указала на оправданность предстоящего строительства. Одновременно ТРК «Эхо», принадлежащая близким к епархии бизнесменами, провела свое расследование и усмотрела в воссоздании нарушение статьи 47 Закона об охране объектов культурного наследия. В статье говорилось, что при воссоздании ансамблей культового значения должно

учитываться мнение религиозных организаций. Однако, поскольку кремль являлся ансамблем гражданского зодчества, работы здесь 5 апреля все-таки начались. Опрос общественного мнения, проведенный в июле 2005 г. местным Интернет-изданием «7 новостей», продемонстрировал, что большинство рязанцев расценили протест епархии против строительства солодежни как одну из составляющих кампании по усилению влияния Церкви в обществе (69 %). 14 % посчитали это местью епархии музею за неуступчивость в передаче кремлевских зданий, а 18 % — борьбой за историческую истину.

Одновременно союзные епархии СМИ начали атаку на музей, «припомнив» проводившиеся в 1978 г. реставрационные работы, на которые не были приглашены представители духовенства, а уровень и результаты которых оценивались как «ужасные и кощунственные». Музейщики обвинялись в разрушении некоторых памятников архитектуры [2]. В этих условиях музейщики посчитали неслучайным поджог в мае 2005 г. базы археологической экспедиции на Старорязанском городище, организованной Институтом археологии РАН совместно с музеем. Все это происходило на фоне обсуждения Рязанской областной думой проекта поправки в областной Закон «О государственной собственности Рязанской области», предусматривавшей передачу в безвозмездное пользование религиозным организациям недвижимых объектов нерелигиозного назначения. Поправка была принята и вступила в силу с 18 октября. Передаче подлежали здания, располагавшиеся в границах земельного участка, находившегося в собственности религиозной организации по состоянию на 26 октября 1917 г.

Летом 2005 г. министр культуры А. Соколов и глава Роскультуры М. Швыдкой неоднократно бывали в Рязани, демонстрируя, к удивлению музейщиков, невозможность решить конфликт своими силами. В один из таких приездов министру было вручено письмо архиепископа. 28 июля А. Соколов потребовал своей резолюцией разобраться с ситуацией в 10-дневный срок и ответить архиерею. Тогда же на музей обрушилась волна черного «пиара». Попытка дать ему отпор была организована на ученом совете музея 16 июня 2005 г., а 21 июня начальнику Управления культурного наследия Роскультуры Анне Колупаевой было отправлено письмо с информацией о целенаправленной дискредитации музея в СМИ. Естественно, что после этого 9 января 2006 г. охрана музея воспрепятствовала журналистам уже известной компании «Эхо» провести съемку рождественской программы перед

[2] *Данилкин С.* Церковно-историческое наследие может быть сохранено — если будет использовано по назначению // Золотые купола Рязани. 2005. № 7; Бесчинства в Рязанском Кремле // Золотые купола Рязани. 2005. № 8.

зданием братского корпуса Спасо-Преображенского монастыря, расположенного на территории заповедника.

4 августа 2005 г. более 50 сотрудников Рязанского музея обратились с открытым письмом к архиепископу Павлу (Пономареву), где высказали свое недоумение его высказываниями в адрес музейщиков. Новый архиерей был противопоставлен старому митрополиту Симону (Новикову), при котором музей плодотворно сотрудничал с рязанским духовенством. В дальнейшем архиерей решил изменить тактику и пойти по «костромскому пути», то есть соблюсти видимость превращения музея в музей, а не в церковь. Известно, что в фондах заповедника хранилось около 500 произведений древнерусской живописи, включая икону «Богоматерь Одигитрия» XIII в., образцы древнерусского лицевого шитья, 570 рукописных и старопечатных книжных памятников XV—XIX вв. Именно на них и могло претендовать воссоздаваемое епархиальное древлехранилище, решение о котором было принято епархиальным советом еще 31 октября 2005 г. Официально архиерей подписал указ о создании Церковного историко-археологического музея Рязанской епархии 15 февраля 2006 г. Старшим хранителем была назначена монахиня Мелетия, в миру Татьяна Панкова — коммунистка, секретарь партийной организации заповедника, заведующая отделом этнографии и «Заслуженный работник культуры». Она уволилась из заповедника лишь 6 декабря 2005 г. Уже зная о своем новом назначении, она ни словом не обмолвилась о предстоящем со своими теперь уже бывшими коллегами.

Только после этого 22 февраля 2006 г. патриарх Алексий (Ридигер) отправляет письмо Президенту (исх. № 869; вх. № АП-Пр-359). Текст тенденциозного письма, содержащего недостоверную информацию, несомненно, составлялся в Рязани, что, впрочем, не освобождает его адресанта от ответственности. В нем говорилось, что ансамбль строений Рязанского кремля является исключительно имуществом религиозного назначения, а большая часть его площадей используется музеем нерационально: архиерейский дом, церковь Богоявления и Спасо-Преображенский собор находятся в аварийном состоянии и сданы в аренду. Церкви отказывается в передаче этих главных святынь Рязанской земли, хотя основная цель сохранения музея в этом уникальном комплексе — получение доходов от туризма. В письме предлагалось осуществление уже опробованной в Костроме модели — создание церковного музея за счет дробления фондов государственного заповедника. Патриарх рекомендовал Президенту поручить Росимуществу подобрать иной вариант размещения «краеведческого музея», а Минкультуры России и Роскультуре согласовать передачу Рязанской епархии церковно-

го ансамбля Рязанского кремля и обеспечить освобождение его от Музея в кратчайший срок.

Беспрецедентная со времени архиерейского собора-2000 требовательность не покоробила Президента. 6 марта он адресовал премьеру Михаилу Фрадкову и министру Герману Грефу резолюцию: «Прошу рассмотреть и предложить вариант положительного решения». 20 марта письмо и резолюция стали известны в музее, 22 марта Л. Максимова отправила в Москву телеграмму, а 23 марта была организована пресс-конференция, поднявшая на ноги прессу и общественность. Было принято контробращение к Президенту, которое, по сообщению советника департамента письменных обращений граждан администрации О. Бородина, было переадресовано в Министерство культуры.

Одновременно на имя Президента было отправлено письмо членов Рязанского отделения Всемирного русского народного собора в поддержку требований передать кремль епархии. «До сих пор на территории Рязанского кремля шесть православных храмов остаются осквернёнными и поруганными», — говорилось в письме. Известно, что «собор» начинался как нерегулярные съезды националистически настроенных россиян и соотечественников за рубежом. Со временем съезды стали регулярными, а сам собор — перманентно действующим. Первое собрание, еще не носившее названия «народного», было созвано по инициативе малоизвестных общественных организаций в 1993 г. В декабре 2001 г. в VI подобном мероприятии участвовал Президент. Соборы стали частью глобальной политики по собиранию земель, людей и идей вокруг Москвы. Нынешнее обращение было принято накануне очередного, десятого по счету собора, на котором должна была произойти ревизия Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г.

Состав подписантов и членов местного отделения собора выявил «экономическую составляющую» епархиальной борьбы за кремль. Такие люди, как А. Зыков, А. Калашников, В. Калашников, А. Ковалев, И. Коськин, А. Крутов, Е. Малютин, В. Матренин, В. Рюмин, А. Солуянов, В. Торопов, В. Черницын, А. Шевырев, А. Шестаков были хорошо известны рязанцам как крупные финансисты и бизнесмены. Одновременно многие из них являлись владельцами СМИ, шельмующих музей в глазах общества и поддерживающих претензии епархии. Телерадиокомпания «Эхо» принадлежала Калашниковым, «9-й канал» — Коськину, газета «Вечерняя Рязань» — Рюмину, а владельцем и главным редактором газеты «МК в Рязани» был Ковалев.

Было также известно, что епархиальный юрист и одновременно секретарь правления Рязанского отделения собора М. Хлыстов при регистрации Спасо-Преображенского монастыря обманул Регистрационную палату, так как не получил согласия на это ни собственника, ни

балансодержателя данного комплекса, и лишь задним числом упрашивал Л. Максимову дать такое согласие.

25 марта в интервью рязанскому агентству «7 новостей» архиерей утверждал, что передача кремля, где сегодня музеем творится «страх и ужас», — дело времени, а епархия сумеет лучше позаботиться о памятниках и музейном фонде. При этом архиепископ заметил, что «вся власть — от Бога», и он готов подчиниться любому решению. Очевидно, именно эта власть и предложила епископу изменить тональность и попытаться прийти к определенным договоренностям с самим музеем, что могло бы снять остроту общественного конфликта.

29 марта письмом № 387 архиепископ Павел официально обратился к директору с просьбой дать согласие на передачу епархии в бессрочное и безвозмездное пользование федеральных памятников, находящихся на территории кремля, «для религиозных и иных целей, связанных с деятельностью епархии». В списке перечислялись Юго-восточная башня кремля, службы Спасского монастыря, церковь Богоявления, Преображенский собор, конюшня-каретный двор, колокольня, консисторский и хозяйственный корпуса, Архангельский собор, Успенский собор, дворец Олега — архиерейский дом, торговый корпус архиерейского дома, поповский дом, певческий дом, церковь Святого Духа, гостиница черни — хозяйственные службы архиерейского дома, солодежня, а также «Гостиница знати», которая уже с 1995 г. находилась в безвозмездном пользовании епархии.

История вышла на столичный и общероссийский уровень. Впрочем, несмотря на принципиальную гражданскую позицию многих изданий, в том числе и «Новых известий»[3], было бы неверно утверждать, что именно эти публикации привели к тому, что механизм «взятия кремля» дал сбой. Письмо архиепископа директору музея появилось за день до серьезных публикаций, что свидетельствует о новых веяниях на самом верху. 3 апреля губернатор Георгий Шпак, находившийся в это время в Москве, заявил о необходимости постепенного решения вопроса о кремле и о компетенции федеральных властей в его решении: «если решат вопрос положительно — передадим».

6 апреля, вслед за «Декларацией о правах и достоинстве человека», была принята и резолюция X Всемирного русского народного собора в поддержку передачи патриархии зданий в Рязанском кремле. Резолюция содержала благодарность Президенту и заверения в том, что музейное дело в епархии будет процветать, в качестве положительных примеров были названы Троице-Сергиева лавра и Ипатьевский мона-

[3] *Поздняев М.* Взятие кремля // Новые известия. 2006. 30 марта.

стырь, а в качестве отрицательного — Соловки, где еще безраздельно господствует заповедник.

10 апреля на заседании Комитета Рязанской областной думы по вопросам государственного устройства, местного самоуправления, законности, правопорядка и связям с общественными объединениями девятым пунктом повестки дня стоял вопрос о кремле. Было принято решение о невозможности единовременного перемещения музея и экспонатов в другое здание, строительство которого, как и сам процесс, потребует колоссальных затрат. В тот же день, 10 апреля, заместитель министра культуры Дмитрий Амунц подписал в адрес музея письмо, где сообщалось, что решение вопроса о передаче объектов кремлевской недвижимости епархии в рамках действующего законодательства в настоящее время не предусмотрено. Здесь отмечалось, что изменение формы собственности кремля как особо ценного объекта «в настоящее время» также не планируется. Далее говорилось о предпочтительности совместного использования указанных объектов. Обтекаемые формулы послания были восприняты музейщиками с оптимизмом.

Однако уже 14 апреля в Минкультуры состоялась встреча руководства с архиепископом Павлом (Пономаревым), разумеется, безо всякого участия представителей заповедника. На встрече было принято решение о разработке «заинтересованными сторонами» концепции решения вопроса о возможной передаче храмов Рязанского кремля в пользование епархии «в установленном порядке в рамках действующего законодательства». В музее об этом стало известно из письма из Минкультуры от 26 апреля, подписанного Ю. Шубиным, уже известным нам по «новгородским вольностям». 11 апреля Л. Максимова вновь обращается к Президенту (письмо № А61-743) с просьбой вмешаться в ситуацию и не допустить реорганизации музея. В то же время 13 апреля М. Швыдкой в ходе пресс-конференции заявил, что до 1917 г. кремль являлся имуществом церкви, поэтому сейчас следует восстановить историческую справедливость, а музею следует предоставить дополнительные площади.

В ход споров вмешалась и Государственная дума. 12 апреля депутат Александр Крутов, рязанец и член уже известного собора, предложил дать протокольное поручение Комитету по культуре. Он должен был запросить информацию о мерах, предпринимаемых Министерством в связи с подготовкой «вариантов положительного решения». Депутат утверждал, что администрация Рязанской области саботирует предоставление акта о техническом состоянии объекта, без получения которого не может быть принято решение о передаче кремля епархии. 19 апреля, уже по инициативе Е. Драпеко, Дума поручила своему Комитету по культуре запросить в Правительстве сведения в связи с

предполагаемой передачей патриархии памятников Рязанского кремля и проверить ее правомочность, поскольку ансамбль является особо ценным объектом культурного наследия.

6 мая архиепископ дал интервью, где вновь говорил о справедливости возвращения епархии кремля, где на 1917 г. не было ни одной гражданской постройки. Он обещал гарантировать в будущем равный и даже бесплатный доступ к культурным ценностям на территории кремля для всех. 10 мая стало известно письмо сотрудников музея-заповедника министру культуры Александру Соколову с выражением недоумения по поводу сепаратных переговоров Министерства с епархией за спиной музея. Сотрудники справедливо полагали, что Минкультуры России — не Священный Синод, чтобы представлять исключительно интересы патриархии. 15 мая на пресс-конференции в Москве Л. Максимова поблагодарила журналистов за поддержку музея и вновь упомянула о нежелании епархии вступать в необходимый и неизбежный диалог, отметив при этом экономическую составляющую конфликта, в котором участвовал также и крупный рязанский бизнес. А 17 мая к председателю правительства Михаилу Фрадкову обратился общественный Комитет защиты ученых, призвав его выступить против передачи ансамбля Рязанского кремля РПЦ.

В конце мая наметился новый поворот в борьбе за кремль, в которую, на стороне епархии, включилась прокуратура. Туда обратились представители православных с просьбой принять меры против резких высказываний в адрес архиерея, которые встречаются на Интернет-форуме музея, подпадая тем самым, по мнению заявителей, под статьи 129 («клевета») и 130 («оскорбление») УК РФ. Несмотря на то что сам архиепископ просил прокуратуру не заводить дела, следователь по особо важным делам Дмитрий Плоткин посчитал, что его организация может самостоятельно принять такое решение.

В июне обещания следователя сбылись. В музее прошла прокурорская проверка, организованная по статьям 144 и 145 УПК РФ — «сообщение о преступлении в прессе», основанием для которой послужила статья «Раз музейные сотрудники — значит воры?», опубликованная 18 мая в одной из рязанских газет. Проверка носила комплексный характер и затрагивала финансы и хозяйственную деятельность. К ней были привлечены органы МВД, включая подразделение «К», в задачи которого входило выявление посетителей музейного форума, допускавших резкие высказывания в адрес архиепископа. Одновременно в правоохранительные органы были вызваны несколько преподавателей общеобразовательных школ города. Им было поставлено на вид за их активность в сборе подписей в защиту музея и вовлечение их учеников в общественную деятельность.

Одновременно в СМИ, как местных, так и столичных была создана информационная блокада вокруг заповедника и его сторонников, несмотря на ряд объективных аналитических публикаций, появившихся в рязанской прессе, например, в агентстве «7 новостей», еженедельнике «Совет директоров» и газетах «ЭиЖ», «Мещерская сторона» и «Рязанские зори». Общероссийские порталы, например близкий к патриархии «Интерфакс-религия», охотно публиковали обширные интервью рязанского архиерея.

За время конфликта музей сумел поднять общественность и мобилизовать ее на свою защиту. Были изданы два выпуска материалов, отражающих позиции сторон, в частности письма и проповеди архиепископа Павла, стенограммы ученого совета, аналитические публикации, открытые письма и пресс-релизы [4]. В рамках акции в защиту музея в течение 10 дней — с 25 марта по 2 апреля — все желающие могли бесплатно посетить экспозиции заповедника. Во всероссийский день музеев также была предпринята попытка организовать акцию «Живая цепь в кремле». В ходе кампании в защиту заповедника было собрано более 18 000 подписей, при интернет-опросах 87 % высказались за сохранение в стенах кремля экспозиции и фондов заповедника и 12 % — за передачу комплекса епархии.

Рязанская история хорошо демонстрирует общее и особенное в борьбе патриархии за обладание культурным наследием. Победное решение вопроса, несомненно, приуроченное к очередному Всемирному русскому собору, сорвалось, как нам кажется, из-за ряда серьезных просчетов самой патриархии, одним из которых оказалось стремление разыграть «костромской вариант».

Громкий скандал 2005 г. с фактической передачей государственного музея во владение местной епархии и искусственным дроблением музейной коллекции вызвал негативный общественный резонанс, которого в дальнейшем власть старалась избежать. Однако костромской архиерей сумел заинтересовать своим проектом крупных чиновников президентской администрации, чего не смог сделать рязанский архиерей. В результате правительственные структуры, учитывающие интересы Минкультуры и Роскультуры, а также стоящих за ними музейщиков, в данном случае взяли верх над региональными амбициями. К тому же в костромской истории финансовое бремя решения проблемы регионального музея ложилось на область, тогда как переезд федерального музея обошелся бы бюджету страны в 2 млрд. рублей. Становится очевидным, что самый эффективный метод противостояния

[4] Судьба Рязанского кремля: музей-заповедник или административно-духовный центр епархии? Вып. 1. Рязань, 2004; Вып. 2. Рязань, 2005.

патриархийным притязаниям — использование противоречий внутри правящей элиты и между различными ветвями власти при создании широкого общественного резонанса.

Если в начале августа 2006 г. вопрос о передаче Рязанского кремля местной епархии еще оставался открытым, то «постовое искушение владыки Павла» (так назвал все происходящее один православный рязанец) все выше поднималось по ступеням святоотеческой амартологии, превращаясь со временем в настоящую страсть. В начале сентября того же года заместитель председателя правительства РФ А. Жуков напоминает министрам Г. Грефу и А. Соколову о необходимости «безусловного выполнения» резолюции Президента и предлагает уже в октябре доложить патриарху о принятых мерах. 17 ноября появляется резолюция первого вице-премьера, адресованная министру А. Соколову и руководителю Росимущества В. Назарову: «Прошу совместно с правительством Рязанской области и архиепископом Ряз. и Кас. Павлом продолжить работу по передаче объектов Рязанского кремля Рязанской епархии РПЦ в согласованные между ними сроки. О ходе работы докладывать ежеквартально, начиная с марта 2007 года».

Накануне, 15 ноября проблема обсуждалась в правительстве Рязанской области на совещании, инициированном Федеральным агентством по управлению федеральным имуществом, а 5 декабря в Москве состоялась пресс-конференция Общественного комитета в защиту музея-заповедника «Рязанский кремль». Тем временем власть решила действовать путем давления на музейное руководство, дабы добиться подписания акта о *добровольной* передаче комплекса Рязанской епархии. 18 апреля 2007 г. сотрудники музея-заповедника выступили с открытым письмом протеста, однако властные меры оказались куда более действенными. И уже 18 июля директор музея Л. Максимова приняла решение подписать распоряжение Росимущества о передаче в казну пяти памятников местного кремля, которые впоследствии будут переданы Рязанской епархии. Речь шла о гостинице знати, соборной колокольне, а также трех храмах — Христорождественском, Спасо-Преображенском и Богоявленском, и это несмотря на то, что в том же году Росохранкультура выявила серьезные нарушения в содержании епархией двух последних церквей!

В тот же день губернатор Рязанской области Г.И. Шпак провел совещание по вопросу передачи объектов Рязанского кремля епархии, на котором попросил главного федерального инспектора в Рязанской В. А. Кожемякина провести беседу с архиепископом Павлом о необходимости взвешенного подхода при публикации в СМИ материалов, посвященных этому сложному процессу.

Одновременно летом 2007 г. в рязанских судах и прокуратуре рассматривались заявления граждан, выступающих против передачи местной епархии пяти памятников кремля. В давлении на музей пытались использовать как общественное мнение, так и государственные структуры. Близкие к архиепископу Павлу СМИ распространили информацию о том, что в июне 2007 г. музей начал реализацию рассчитанного на туристов проекта «Гостевая слобода», и строительные работы повредили могилы монастырского кладбища. Территориальное управление Росимущества 1 августа завершило проверку этого заявления. В заключении говорилось: «Наличия признаков строительной техники и иных признаков подготовки к строительству гостиничной инфраструктуры, или иных объектов недвижимости на земельных участках, находящихся в пользовании ФГУК «РИАМЗ» не обнаружено». Одновременно проверку музея проводила и Счетная палата РФ, однако, по свидетельству сотрудников музея, содержание акта по итогам проверки от 30 августа 2007 г., в целом объективного, не соответствовало субъективным положениям письма от 22 ноября 2007 г. за № 01-1729/12-02, направленного руководителем палаты С. В. Степашиным председателю правительства РФ.

13 сентября Рязанский городской совет рассмотрел обращение главы администрации Рязани Федора Провоторова, где говорилось о необходимости ускорения сроков передачи Рязанского кремля РПЦ и перевода музея-заповедника в новое здание, для чего предполагалось передать в федеральную собственность ряд городских зданий. Несмотря на, казалось бы, наметившийся компромисс и стабилизацию ситуации, 10 декабря 2007 г. Михаил Швыдкой своим приказом уволил директора музея Л. Д. Максимову, кавалера ордена св. княгини Ольги III степени и заслуженного работника культуры РФ, проработавшую в музее 44 года. Причин не скрывал: «все руководители светских памятников культуры должны находить общий язык с церковными иерархами… не искать компромисса — неверный путь <…>. Задача хорошего руководителя — не доводить ситуацию до конфликта». Здесь же он озвучил собственное видение проблемы: «Все, что принадлежало Церкви, надо ей вернуть. Чужое добро никогда не приносило блага». По счастью, дни М. Швыдкого на руководящем посту были сочтены. Состоявшийся 12 декабря Ученый совет музея выразил Людмиле Максимовой благодарность, а руководству Роскультуры — недоверие.

18 декабря музейный коллектив обратился с открытым письмом к председателю правительства РФ, в котором выразил озабоченность попытками ликвидировать государственный музей-заповедник «Рязанский кремль», устроив вместо него епархиальный музей. В том же де-

кабре появились сведения о том, что архиепископ Павел (Пономарев) через министерство обороны РФ претендует на здание бывшей семинарии, где располагался музей ВДВ, что подтвердил и директор музея Степан Таненя. А на Крещение 2008 г. в храмах Рязани желающим выдавали пластиковые бутылки под святую воду в обмен на подпись под обращением за передачу кремля Рязанской епархии.

К этому времени музею удалось собрать в свою поддержку более 40 000 подписей. 19 и 25 апреля в Рязани прошли очередные пикеты в защиту заповедника. Но уже 28 апреля новым директором музея с явно «ликвидационными» целями была назначена Галина Соколова, экс-заместитель начальника управления культуры и искусства администрации Рязани. 1 сентября Росимущество изъяло у музея Успенский собор и западную часть помещений бывшей архиерейской резиденции — примерно треть «дворца Олега», где располагались основные экспозиции, а уже 4 сентября новый директор подписала акт передачи. Новых помещений музей не получил. Г. Соколова выполнила свою миссию, и 9 октября директором музея-заповедника была назначена Ольга Кречетова.

Основной формой защиты музейных интересов остались лишь общественные протесты. 13 ноября 2008 г. в Москве был проведен пикет под лозунгом «Рейдеры от РПЦ захватывают Рязанский кремль», 20 декабря на аллее перед Рязанским кремлем прошла акция «Возьмемся за руки, друзья!». В мероприятии приняли участие около 200 человек, в том числе и ученики одной из рязанских школ, в результате чего в адрес школы поступили претензии отдела по борьбе с молодежным экстремизмом.

В дальнейшем государственные и церковные власти постарались легализовать факт разрушения государственного музея в глазах общества. Как и в Костроме, на его обломках должен был возникнуть музей церковный. На основе «протокольного поручения совещания по вопросу о передаче объектов ансамбля Рязанского кремля Рязанской епархии Русской православной церкви от 4 февраля 2009 г. № 3» архиепископ Павел в ультимативной форме предложил 10 марта директору музея О. Кречетовой в течение ближайших дней освободить экспозиционный зал «Во славу Отечества» — своеобразный рязанский «пантеон славы». 14 марта нанятые епархией рабочие вынесли из зала экспонаты, а 16 марта началось строительство кирпичной стены, отгораживающей епархиальные владения от музейных.

7 апреля между епархией и музеем был подписан договор о передаче музейных предметов религиозного назначения в безвозмездное временное пользование (речь шла об иконостасе Успенского собора). А уже 19 июня 2009 г. министр культуры А. А. Авдеев подписал при-

каз № 318 «О создании комиссии по подготовке передачи движимого имущества религиозного назначения из фондов Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника Церковному историко-археологическому музею Рязанской епархии». В срок до 20 июля в министерство культуры нужно было представить список предметов музея-заповедника, поступивших сюда некогда из Рязанского епархиального древлехранилища. 19 августа был подписан акт о передаче 155 таких предметов из фондов государственного музея-заповедника местной епархии — во временное безвозмездное пользование.

16 июля 2009 г. в Москве на Чистопрудном бульваре вновь состоялся митинг в защиту Рязанского кремля, организованный Общественным комитетом, — на сей раз при участии всероссийского общественного движения «Солидарность», «Объединенного Гражданского Фронта» и Российского Коммунистического Союза Молодежи. Для рязанского владыки речь шла лишь о «нигде не зарегистрированной непонятной организации, которая состоит из 10 душевнобольных человек». Так он охарактеризовал Общественный комитет в защиту Кремля…

Со стороны отчетливо видно, что оборона — не самый лучший вид защиты корпоративных и общественных интересов. Похоже, что в деятельности музея изначально отсутствовала позитивная составляющая, связанная с «перехватом инициативы» во взаимных отношениях с епархией. Епархии так и не было сделано предложений, от которых было бы трудно отказаться. Речь могла бы идти о системном и прочном включении епархиальных структур в ежедневную музейную деятельность, как это имеет место в Сергиево-Посадском музее-заповеднике и Третьяковской галерее. Частичная реструктуризация музея, создание новой концепции с акцентом на христианские древности и возрождение идеи древлехранилища, а также ее воплощение с участием здоровых епархиальных сил могли бы вернуть церковные структуры в правовое поле и цивилизованное русло взаимоотношений. Этого не произошло, а некоторые фразы музейных документов и обращений, эмоциональность которых понятна, нельзя расценить иначе, как ошибочные. Нельзя назвать умной озвученную на ученом совете 6 октября 2004 г. позицию, где говорилось, что присутствие Церкви в кремле уже пагубно влияет на посещаемость и имидж музея…

Ростовский кремль и ярославские святыни с самого начала стали предметом политических спекуляций. Еще 1 сентября 1988 г. вопрос о передаче Успенского собора Церкви был поставлен Михаилом Селищевым, председателем Ростовского отделения ВООПИК, во время беседы с тогдашним секретарем горкома А. Руденко. 9 августа 1989 г. появилось обращение Национально-патриотического фронта «Память»

с призывом помочь в восстановлении Толгского монастыря. 11 октября 1990 г. состоялось учредительное собрание общины Успенского собора в Ростове, настоятелем которого стал игумен Сильвестр, а старостой была избрана сотрудница музея Вера Вахрина. Богослужения начались в церкви Входа Господня в Иерусалим под соборной звонницей. Уже в 1992—1993 гг., во время археологических исследований в соборе и около него, игумен пытался всячески препятствовать их проведению, вплоть до составления «заказных» экспертиз. Однако в марте 1993 г. в храм был назначен новый настоятель иерей Роман Витюк. Начался относительно спокойный период сосуществования Церкви и Музея, сопровождающийся, однако, постоянными попытками епархии внедриться в храмы на остальной территории кремля, в частности в церковь Божией Матери Одигитрии. 10 августа 1995 г., как раз на память Смоленской иконы, в кремле была ограблена новооткрытая экспозиция «Музей церковных древностей» в Белой палате, что приходом было воспринято соответствующим образом. В 1997 г. начались серьезные работы по выведению собора из аварийного состояния, не вызывавшие до некоторых пор серьезных нареканий специалистов.

15 декабря 1999 г. архиепископ Ярославский и Ростовский Михей (Хархаров; 1921—2005) утвердил положение о Совете по культуре при Успенском соборе Ростова [5]. В Совет входили лица православного исповедания, а сама организация должна была помочь епархии в решении профессиональных проблем, связанных с восстановлением собора. Возможно, при прежнем епархиальном руководстве так бы и произошло. Однако в июне 2003 г. вместе с новым архиереем в Ростов приходит новый настоятель — игумен Елевферий (Колодезный). Уже 19 августа 2004 г. комиссия под председательством ведущего архитектора С. Демидова выявила факт самовольной реставрации с элементами варварской реконструкции: был растесан входной проем в церковь Входа в Иерусалим, срублен кирпичный порог, пробит дверной проем в прилегающее к храму южное помещение, заложены пазы для тябел иконостаса. 2 ноября комиссия вторично проверила звонницу. Оказалось, что в помещениях ее первого яруса дополнительно прорублено уже пять дверных проемов, в церкви устроены хоры, удалена подлинная кованая решетчатая дверь со входа в северное помещение и установлены современные двери с частичным остеклением. В стенах церкви и смежных с ней помещениях вырублены ниши под чугунные радиаторы системы отопления. Однако уже 11 ноября игумен Елевферий был удостоен «права ношения креста с украшениями». Ростовчане правильно увидели причину таких разрушений: пастырь прихода по но-

[5] http :/zvon.yaroslavl.ru/sovet.htm

вому уставу — единовластный распорядитель приходской жизни и кассы, неподотчетный прихожанам. 14 декабря 2005 г. Входоиерусалимский храм был освящен архиерейским чином, возможно, это знаменовало новый этап борьбы за кремль. Возможно, в этой борьбе будет использовано и случившееся в апреле 2006 г. обрушение участка кремлевской стены во время ее реставрации.

В целом состояние памятников в епархии вообще не похоже на благоговейное отношение к святыне. Активно разрушаются и росписи XVI—начала XX в. в Борисоглебском монастыре на Устье, что было отмечено рабочей группой ФНМС 31 августа 2001 г. Игумену Иоанну (Титову) было рекомендовано обратиться в Министерство культуры с целью получить из федерального бюджета средства на реставрацию фресок, а также убрать полусгнившие леса. 14 июля 2005 г. рабочая группа Научно-методического совета отмечала аварийное состояние росписи XVII в. в Зачатьевской церкви Спасо-Яковлевского Дмитриевского монастыря и настаивала на необходимости соблюдения здесь температурно-влажностного режима. Было отмечено неудовлетворительное состояние храма во имя свт. Дмитрия Ростовского XIX в. в том же монастыре, что требовало вмешательства климатологов и биологов. Наиболее вопиющий случай небрежения церковной памятью и историей — слом барочного иконостаса в Иоанновской церкви Яковлевского монастыря, предпринятый его наместником игуменом Серафимом (Симоновым), также назначенным в Ростов в 2003 г. Несмотря на это, 27 сентября 2004 г. замглавы Ростовского муниципального округа А. Силютин вручил ему почетную грамоту «За значительный вклад в развитие туристической отрасли в Ростовском муниципальном округе». К сожалению, информация Константина Маслова о том, что «барокко борец» был вскоре смещен, не соответствует действительности. Это вообще вряд ли возможно - его отец, советник юстиции I-го класса Иван Никитич Симонов является советником ГУИН Министерства юстиции РФ.

Очевидно, печальному положению дел способствовал приход на кафедру нового архиерея. В ноябре 2002 г. сюда был назначен бывший тульский епископ Кирилл (Наконечный; р. 1961), вышедший в люди из келейников покойного митрополита Тульского Серапиона (Фадеева; 1933—1999). Одним из первых деяний архиерея было создание 4 июня 2003 г. некоммерческой организации «Фонд помощи Ярославской епархии „Золотые купола Ярославии“». Сопредседателями попечительского совета стал сам архиепископ, ярославский губернатор Анатолий Лисицын и мэр Виктор Волончунас. Огромный совет из 142 человек включил в себя руководителей всех мало-мальски значимых предприятий

области [6]. Целью Фонда являлось «возрождение Православия» на Ярославской земле через восстановление храмов.

Епархия начала вести разностороннюю культурную политику. В июне 2005 г. она защищала свое намерение установить в п. Борисоглебский у стен монастыря памятники прп. Иринарху Затворнику и иноку Пересвету работы Зураба Церетели. Установка этих произведений московского мэтра вызвала протест ряда общественных и политических деятелей, среди которых был и православный депутат Госдумы Анатолий Грешневиков. 25 августа депутаты собрания представителей Любимского муниципального округа обсуждали вопрос об установке в Любиме памятника Ивану Грозному, считавшемуся основателем города. Однако в окрестностях населенного пункта обосновалась оппозиционная патриархии секта «иоаннитов-опричников», почитавшая тирана как охранителя Святой Руси. Архиерей, полагая, что это вызовет очередной всплеск маргинальной активности, писал в прокуратуру, полпредство и администрацию области в надежде остановить предстоящее воздвижение.

Одним из значимых проектов епархии явилось строительство нового Успенского собора на Стрелке, существовавшего здесь в 1642—1937 гг. В 2004—2005 гг. проведенные по заказу городской администрации раскопки не выявили предшествующего храма 1510-х гг. На общественное обсуждение было вынесено 4 проекта. По общему мнению, был выбран самый неудачный, но зато связанный с близкими к патриархии проектировщиками и спонсорами.

26 октября 2005 г. состоялась закладка нового храма с участием председателя ОВЦС митрополита Смоленского Кирилла (Гундяева). Такая культурная активность имеет свое объяснение — предстоящий юбилей города. Весной 2006 г. министр экономического развития Герман Греф, являющийся главой оргкомитета по празднованию 1000-летия Ярославля, одобрил перечень объектов, прежде всего православных храмов, подлежащих реконструкции к намеченному на 2010 г. празднику. На проведение праздника будет выделено 18 миллиардов рублей.

С предстоящим юбилеем и амбициями нового архиерея связаны и новые требования епархии передать ей в безвозмездное пользование Толгскую икону Божией Матери и храм св. Ильи-пророка. Толгский монастырь, основанный, как теперь становится понятно, не в 1314 г., а в 1420—1430-е гг., когда Трифон еще не был епископом, а лишь игу-

[6] http://goldkupol.ru/popech.html

меном Белозерского монастыря [7], был закрыт в 1926 г. В 1987 г. он был возвращен Церкви. Настоятельницей монастыря стала близкая к патриарху игуменья Варвара (Третьяк), легко решавшая сложные вопросы. Одним из них был вопрос передачи в монастырь Толгского образа Божией Матери (XIV в.), находившегося в Ярославском художественном музее [8]. Ежегодно икону привозили в монастырь на ее праздник. В 1998 г. епархия уже пыталась получить икону в «бессрочное и безвозмездное».

В августе 2000 г. возникли проблемы. Икону оставили в монастыре долее оговоренного срока для удовлетворения религиозных потребностей многочисленных паломников. За это время древние краски, особенно на лике, начали шелушиться и отставать. Выяснилось, что икону выносили на крестный ход под проливным дождем, по принципу «Господь спасет». В 2001 г. о факте разрушения иконы было доложено в Министерство, и замминистра Н. Дементьева написала: «Министерство культуры не видит оснований для оформления в дальнейшем разрешений на временные выдачи иконы на богослужения в Толгский монастырь». Попытка не отпустить икону в монастырь была пресечена резолюцией губернатора: «Немедленно выдать на проведение праздника».

В 2002 г. губернатор А. Лисицын и патриарх Алексий (Ридигер) одновременно обратились к министру культуры М. Швыдкому с просьбой передать образ монастырю. 20 августа 2003 г. в Ярославле между зданием администрации и храмом Св. Ильи-пророка состоялась официальная передача иконы. Согласно подписанному договору, икона, которая должна была храниться в особых условиях под контролем музейщиков, передавалась Толгскому монастырю на один год, и затем этот срок мог быть продлен, что и было сделано новым министром культуры. 27 июля 2004 г. губернатор договорился с председателем наблюдательного совета банка «Союз» Александром Лившицем об участии банка в страховании иконы компанией «Ингосстрах». А 21 июля 2008 г. Толгскому монастырю распоряжением премьер-министра РФ Владимира Путина были переданы в собственность все 26 зданий и сооружений, расположенные на его территории, в числе которых были памятники архитектуры XVII в. — Введенский собор, церковь Николая Чудотворца со Святыми воротами, колокольня, кельи и др.

---

[7] *Турилов А. А.* Малоизвестные письменные источники о Ярославских князьях конца XV—первой половины XVI в. // Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник. Краеведческие записки. Вып. VII. Ярославль, 1991. С. 131—136.

[8] *Соловьев Е.* Борьба за образ. Знаменитая икона стала заложницей амбиций ярославских чиновников // Регионы России. 2002. 5 июля.

Передача памятников, находящихся в губернской собственности, должна была осуществляться по иной схеме. Известно, что еще 23 апреля 2002 г. администрация Ярославской области приняла постановление № 61 «О порядке передачи религиозным организациям находящегося в собственности Ярославской области недвижимого имущества религиозного назначения». Решение этой задачи возлагалось на соответствующую комиссию. 27 июня 2005 г. ярославская комиссия, сопредседателями которой являются И. Скороходова и сам епископ Кирилл (Наконечный), в присутствии Е. Анкудиновой, директора Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, и Н. Петровой, директора Ярославского художественного музея, рассматривала ходатайства о предоставлении епархии храма Рождества Христова, где располагалась экспозиция икон, и храма св. пророка Илии с его уникальными фресками (XVII в.) в безвозмездное пользование (протокол № 30). За передачу Рождественского храма проголосовало 10 человек, при одном голосе «против» и одном воздержавшемся, за передачу Ильинского храма — 11 голосов «за», 2 — «против».

Департамент культуры и Художественный музей должны были подготовить график проведения работ в митрополичьих палатах, где предполагалось разместить иконы из Рождественской церкви, а сотрудникам Е. Анкудиновой было поручено составить рекомендации по сохранению фресковой живописи в условиях действующего храма. Научно-методический совет еще в 1990-х гг. не дал своего согласия на передачу Ильинского храма епархии. С тех пор здесь совершались лишь праздничные торжественные богослужения по утвержденному графику на основе совместного использования.

В преддверии решения комиссии Министерства, 3 июля 2005 г. архиепископ Кирилл выступил с программным посланием к ярославцам в связи с 995-летием города и празднованием памяти всех святых, в земле Российской просиявших. Этот день, как и в Рязани, стал знаковым для заявления монопольных прав местной епархии на культуру Российского Православия. Основные положения послания должны были соответствующим образом подготовить общественное мнение. Архиерей утверждал, что в эпоху так называемых религиозных свобод внешнее давление на церковь не прекратилось. По его мнению, величайшие святыни Ярославской земли до сих пор находятся у людей, грубо глумящихся над чувствами верующих. Глумление заключалось в том, что архиерей не мог «свободно совершать богослужения» в храме Ильи-пророка и Спасо-Преображенском монастыре, поскольку каждому богослужению предшествовали «унизительные согласования с музейными работниками». Епископ патетически вопрошал: «Почему ино-

странные туристы посещают храм беспрепятственно, а православные архиереи стоят у закрытых дверей? Почему люди, призванные быть хранителями истории и культуры, так ненавидят Православие?» — и тут же находил ответ: «Многолетнее неблаговейное отношение к святыне отлучило их от общения церковного, и они могут находиться лишь в осквернённом храме, физиологически не вынося действия благодати Божией». Обращение вскрыло особенности психологии типового архиерея в России, самовластие которого воспринимало необходимость считаться с принятыми нормами и чужими интересами как личное унижение.

В послании упоминался и «позорный факт» продажи с аукциона зданий монастыря св. Петра царевича ордынского в Ростове. Действительно, ООО «Ростовагропромэнерго», которому принадлежал монастырский храм Похвалы Божьей Матери XIII в., в июле 2004 г. было признано банкротом, и его имущество было выставлено на аукцион. Решение общего собрания акционеров от 5 января 2004 г. о передаче храма общине было признано не имеющим юридической силы. Храм, при содействии Росимущества, конкретно Д. Аратского, и московского бизнесмена В. Тарышкина был выкуплен и снят с торгов, однако остальные здания не избежали продажи в полном соответствии с законом.

Вспомнил архиерей и вовлечение молодого поколения в поклонение водяному и Бабе яге. Известно, что летом 2005 г. в деревне Кукобой Ярославской области решили открыть музей Бабы яги и устроить фольклорный праздник по сценарию, написанному местными жителями. Епархия выступила с резким заявлением: «Искусственно создаются неоязыческие капища, в которых начинают совершаться псевдорелигиозные обряды, к участию в этих обрядах привлекаются дети. Тысячи людей вовлекаются в поклонение бесу, причиняя страшный вред своим бессмертным душам». Однако на праздник приехал сам губернатор А. Лисицын, радеющий как за восстановление русской духовности в любых ее формах, так и за увеличение потока туристов в область.

19 июля экспертная комиссия Министерства культуры под председательством А. Комеча посетила Ярославль. 25 июля ею было подписано экспертное заключение о нецелесообразности передачи храма Св. Ильи-пророка епархии и о необходимости его дальнейшего совместного использования. Оба храма находились в оперативном управлении Ярославского музея-заповедника. Договор о богослужениях в храме Ильи-пророка был заключен еще в 1991 г., а для Рождественского собора — в 1999 г. Новый договор предлагалось составить на основе соглашения о богослужениях в Московском Кремле от 15 ноября 1992 г., уточнив в нем ряд условий, обеспечивающих оптимальные параметры сотрудничества. Во время беседы «федералов» с членами областной

комиссии и представителями епархии их удалось убедить в непосильности для области и епархии бремени затрат на мониторинг состояния памятника, включающего контроль и постоянные замеры температурно-влажностного режима, до сих пор производимые музеем за счет государственных средств. Ориентировочное финансирование собора и поддержания фресковой живописи в оптимальном состоянии оценивалось как 200 миллионов рублей в течение 10 лет. К тому же в пользовании у епархии находились и другие храмы столь же высокой культурной ценности, и судьба Федоровской церкви свидетельствовала о невозможности сохранить живопись и предметы прикладного искусства в условиях каждодневной эксплуатации храма. Одновременно в 20-х числах июля центр Ярославля вошел в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Естественно, что уже 19 августа губернатор А. Лисицын сообщил, что подготовил обращение к Президенту с просьбой оказать содействие в передаче Ильинского храма. Архиепископ, совершавший праздничную литургию в стенах Спасо-Преображенского собора, также заявил: «Храмы должны являться храмами, а музей — музеем». Чуть ранее, 5 августа, губернатор предложил провести общероссийскую акцию по передаче патриархии икон и церковной утвари, хранящейся в музеях. Он посчитал, что в музейных запасниках пылится множество икон, не представляющих ценности. Любопытно, что подобная инициатива уже звучала в Ярославле в 1993 г. [9] 4 ноября 2005 г. по окончании службы архиерей и губернатор подписали соглашение о передаче епархии 26 икон из ярославских музеев. Вопрос о передаче Ильинского храма более не возникал, однако в 2007—2008 г. епархия пыталась получить в «безвозмездное пользование» Преображенский собор в Угличе, в котором и до этого регулярно проводились службы. Впрочем, безуспешно — из-за принципиальной позиции, занятой областной прокуратурой: сначала музей получает новые площади, затем происходит передача.

Еще один осажденный амбициями кремль находится на Русском Севере — это Соловки. 25 октября 1990 г. на заседании Синода было принято решение о возрождении Соловецкого монастыря. Еще в начале 1991 г. здесь случились первые недоразумения между директором музея Людмилой Лопаткиной и епископом Архангельским Пантелеймоном (Долгановым) [10]. В конце 1991 г. Малый совет Архангельской области утвердил статус Соловецкого архипелага, возглавляемого гла-

[9] *Пушилов К.* Паника в музеях Ярославля // Век. 1993. № 9.

[10] *Каркавцев В.* Соловки между «долой» и «даешь» // Комсомольская правда. 1991. 4 июня.

вой администрации. При нем формировался совет, в который должны были войти наместник монастыря, директор музея и руководитель государственной инспекции по охране памятников. Монастырю предполагалось передать «в собственность» все находившиеся к 1920 г. в его распоряжении здания и предметы культа [11]. С образованием ставропигии и приходом в 1992 г. нового наместника архимандрита Иосифа (Братищева), заведовавшего когда-то церковно-археологическим кабинетом Московской Духовной академии, ситуация изменилась, поскольку тот с пониманием отнесся к музейным нуждам.

В 1990 г. монастырю был выделен первый этаж Наместнического корпуса кремля, на втором этаже работала дискотека. На первом этаже соседнего корпуса был продовольственный магазин, там же располагалась библиотека. Постриги в монашество начались в 1992 г. В настоящее время в монастыре проживает 45 человек братии. Из 117 зданий Соловецкого комплекса 50 переданы монастырю, 8 являются храмами совместного пользования и 59 остаются за музеем, который до 2000 г. не проявлял признаков активности. Такой музей, не особо заботящийся о собственных интересах, устраивал всех. В отношениях церкви и культуры выработался status quo.

Ситуация изменилась на рубеже тысячелетий. Остро встал вопрос о сохранении исторической памяти о преступлениях коммунистического режима в «архипелаге ГУЛаге», персонифицированном в образе Соловецкого архипелага, особенно в условиях наступающего реванша советского прошлого. К этому времени и сами Соловки в результате теснейшего сотрудничества северных стран приобрели значение культурной столицы Баренц-региона. В 1999 г. Соловки посетила Екатерина Гениева, представитель института «Открытое общество», который пытался поддерживать музейных сотрудников грантовой помощью и был одним из инициаторов превращения островов в подлинную территорию культурного мира, в том числе и через реализацию проекта многоконфессионального Всемирного Центра ГУЛАГа. Новый статус потребовал от Соловецкого музея и монастыря новой активности. К сожалению, их направленность не была согласована.

В августе 2000 г. на должность директора Соловецкого музея был назначен бывший директор музея-заповедника в Кижах Михаил Лопаткин, который на Кижах в 1994—1995 гг. сумел наладить мудрые отношения с епископом Петрозаводским и Олонецким Мануилом (Павловым) и организовать музейный приход. Эта система успешно функционирует в Карелии до сих пор. Именно с его именем была связана передача Софийского собора в Новгороде в 1991 г. В начале 2001 г.

[11] Соловки наконец обретают хозяина // Известия. 1991. 7 дек.

при участии Фонда Сороса был разработан документ «Стратегический план развития Соловецкого музея-заповедника», принятый советом музея 23 апреля и одобренный коллегией Минкультуры 14 мая. Этот документ предусматривал финансирование из федерального бюджета в размере 463 миллионов рублей. В результате монастырь обвинил Музей в стремлении прибрать к рукам весь архипелаг, превратив его в товар на рынке туристических услуг.

Со временем в подлеправославной прессе появились утверждения, что музей планировал захват всех без исключения земель архипелага, в том числе находящихся под монастырем и его скитами, и уничтожение Соловецкого лесхоза. Писалось, что монастырю отказывали в возвращении церковной недвижимости, поскольку это делалось без участия Росимущества и предполагало «имитационный порядок передачи» при сохранении всех реальных прав у музея. Монастырь, будучи ограничен в своем развитии, якобы должен был играть роль этнографического экспоната для зарубежных туристов.

В августе 2001 г. патриарх Алексий (Ридигер) привез на Соловки Президента, демонстрируя свои потенциальные возможности. Однако монастырь продолжал жить своей жизнью, не обращая внимания ни на музейную активность, ни на существующие законы об охране памятников. В июле-августе 2002 г. в алтаре Преображенского собора при проводке коммуникаций и устройстве деревянного настила были уничтожены не только фрагменты древнего полихромного керамического пола, но и археологический слой, предшествующий строительству собора [12]. Эти работы предшествовали устройству нового помпезного многоярусного иконостаса, выполненного необыкновенно дешево московскими «богомазами». Помимо того, что установка аляповатого и безвкусного ремесленного изделия не была согласована со специалистами, а само изделие не соответствовало историческому составу икон, известному по многочисленным монастырским описям, в ходе работы были уничтожены следы от тябел иконостаса XVI в. и пробиты новые пазы. Все работы внутри собора проводились замещавшим архимандрита монастырским экономом иеромонахом Германом без уведомления главного архитектора, хотя у монастыря существовал грамотный проект восстановления интерьера на XVI в.

Без всякого проекта была приспособлена к богослужению Успенская церковь. Все делалось, как утверждалось, по благословению патриарха Алексия (Ридигера), но при полном равнодушии и попуститель-

[12] *Тинина О. Ю.* По ком звонит колокол? // Наследие народов Российской Федерации. 2005. № 4. С. 16—22.; *Мильчик М. И.* Вредные примеры // Наследие народов Российской Федерации. 2003. № 3. С. 22—24.

стве музейного руководства. Лишь в 2004 г. сотрудница музея Лариса Петровская, археолог Владимир Буров и архитектор Михаил Мильчик обратили внимание руководства Минкультуры на имевшее в монастыре место небрежения о древности. Впрочем, должное внимание этому так и не было уделено. При этом в течение 2001—2005 гг. преимущественно чиновниками Минкультуры обсуждалась возможность приобретения на одном из голландских аукционов иконостаса XVI в. из придела Преображенского собора, пока 11 ноября 2005 г. министр культуры Александр Соколов не назвал ситуацию вокруг иконостаса «гиперболизированной», а сам иконостас не подлинным и не заявил, что Россия не будет его приобретать, хотя о подробностях экспертизы ничего не сообщалось.

В январе 2003 г. участники XI Рождественских чтений в своем послании обратили внимание Президента «на недопустимость попрания Православных святынь на Соловецких островах». По их мнению, монастырю угрожало превращение в объект интенсивной коммерческой деятельности. 31 марта 2003 г. на заседании президиума Центрального совета ВООПИК обсуждался «Проект границ, режимы и схема развития Соловецкого заповедника». Было отмечено не только нарушение режимов содержания охраняемых зон, но и игнорирование мнения монастыря при принятии решений. В итоге было предложено создать межведомственную комиссию для выработки «Комплексной программы-задания сохранения и возрождения Соловецкого архипелага». В мае 2003 г. Международный симпозиум «Соловки: взгляд в будущее» предложил всем насельникам архипелага — муниципальному образованию, монастырю, музею-заповеднику и лесхозу — придерживаться принципа равноправного участия в выработке важных для всех решений.

К этому времени в патриархии сложилось мнение о необходимости ограничения туристического потока к православным святыням не только с целью их сбережения, но и с целью контроля за общественными настроениями. На фоне обсуждения поправок к закону о туристической деятельности, 9 июля 2004 г. между монастырем и музеем было подписано соглашение о порядке организации экскурсионного обслуживании туристов и паломников на объектах, находящихся в оперативном управлении музея, в пользовании у монастыря и в совместном пользовании у того и другого. Паломник определялся как лицо, участвующее в ежедневных богослужениях или имеющее документ, удостоверяющий, что лицо является паломником. По музейным объектам паломников водил экскурсовод музея по предварительному уведомлению паломнической службы монастыря, представители которой сами имели право пользоваться электронными ключами от музейных

помещений за исключением основной экспозиции в настоятельском корпусе. Монастырь предоставлял туристам возможность посещения Филипповской пустыни, Савватиевского скита, скита прп. Сергия на острове Большая Муксалма, Голгофско-Распятского и Троицкого скитов на острове Анзер. В совместном использовании в это время находились Спасо-Преображенский собор, Благовещенская, Филипповская, Успенская, Никольская церкви и Вознесенский храм на Секирной горе.

В августе 2004 г. на Соловках прошел молодежный семинар, организованный музеем-заповедником и Фондом Сороса. 17 августа наместник монастыря опубликовал свое обращение к участникам этого летнего университета, носившего название «Музей и проблемы локального сообщества», в котором сетовал, что представители монастыря не были приглашены на это мероприятие. Он также выступил против планов музея по привлечению дополнительных туристических потоков с помощью «смены имиджа» Соловков, современных рекламных технологий, запуска в оборот новых «брендов», что представлялось несовместимым с задачей сохранения духовной атмосферы архипелага. Однако события развивались вне пожеланий клира. 14 сентября 2004 г. в музее-заповеднике состоялась встреча статс-секретарей Баренц-региона, посвященная признанию Соловков культурной столицей Северной Европы.

К лету 2005 г. Соловки стали ареной нового витка конфликта. Музей был «назначен» врагом церкви. В прессу просочилась информация о том, что достигнута негласная договоренность между патриархией и властью о том, что Соловки отходят в ведение церкви, а музею будет отведена подчиненная роль. 6 и 25 июля 2005 г. на коллегии ФАККа решались вопросы передачи памятников монастырю и дальнейшего развития архипелага. Это было связано с предстоящим в 2007 г. 500-летним юбилеем митрополита Филиппа (Колычева). Было заявлено, что на островах не должно быть развлекательных заведений и бизнес-структур. Перечень памятников для закрепления за Соловецким монастырем и Соловецким музеем-заповедником был согласован обеими сторонами 23 сентября 2005 г.

19 августа 2005 г. на Валааме патриарх Алексий (Ридигер) отметил, что существующий на Соловецких островах музей препятствует возрождению монастыря. Он выразил сожаление в связи с такой позицией музейных сотрудников и выразил надежду, что вскоре ситуация изменится к лучшему. Очевидно, он знал, что говорил. Музей предпринял контрмеры. Михаил Лопаткин в сентябре дал интервью, в котором подчеркнул конструктивный характер сосуществования музея и монастыря и оговорил сферы ответственности каждой из сторон, «хотя, бывает — искрит: два хозяина на территории, в одном огороде копа-

ются». Без искры не обошлось: 9 сентября при участии РАО ЕЭС была запущена система художественной подсветки Соловецкого кремля.

Однако проведение Центром журналистики северных стран «Баренц-пресс» семинара «Культура — наше общее достояние» в июле 2005 г. выявило серьезные проблемы этих взаимоотношений. Музейщики утверждали, что предлагали передать монастырю еще несколько зданий, но тот отказался, представители монастыря это отрицали, возможно, имея в виду отсутствие юридически оформленной процедуры. Архимандрит отрицал и участие музея в реставрации переданных монастырю объектов, что в отношении надзорной функции было правдой. Выяснилось, что монастырь претендовал на только что отреставрированные музеем объекты, в том числе одностолпную Трапезную палату XVI в. При этом автопарк обители был самым богатым на острове. Монастырские хозяйственники, сконцентрировав всю технику, включая трактора и Nissan Patrol, во дворе обители, жаловались на тесноту, хотя под эти нужды братии была выделена большая территория скотного и каретного двора.

Принципиальные разногласия касались создания мемориального Музея жертв репрессий. Патриархия была решительно против того, чтобы Музей-мемориЙ ГУЛАГа был создан в одном из храмов или скитов, на том историческом месте, где располагались нары и камеры. Возражения касались и того факта, что в лагере содержались не только заключенные православного исповедания. Признание этого потребовало бы придания будущему музею многоконфессионального характера. Вариант патриархии предполагал не только духовную и культурную монополию на острова, их образ и историю, но и манипуляцию исторической памятью о коммунистическом терроре. В этих условиях наступление на музей продолжалось. 20 октября директор был вынужден выступить с официальным заявлением о ситуации, сложившейся вокруг предложений музея-заповедника, монастыря и администрации Соловецкого района по перспективам сохранения и развития Соловков от 27 сентября. Им же был предложен проект решения совещания при главе администрации Архангельской области по проблемам сохранения и развития Соловецкого архипелага. В сентябре это совещание не состоялось и было перенесено как раз на 20 октября. Проект предполагал параллельное активное развитие музея и монастыря, что требовало решения вопроса об охранно-правовом статусе островов и увеличении масштабов финансирования ремонтно-реставрационных работ. Разрешение конфликтной ситуации требовало перехода к единому оперативному управлению Соловецким комплексом и наделению музея-заповедника полномочиями по оперативному управлению создаваемым историко-культурным заповедником федерального значения.

Одновременно в околоцерковной прессе были сформулированы конкретные претензии к музею. У монастыря до сих пор нет братского двора — внутренней территории, а в наместническом корпусе располагается экспозиция. За вход на территорию монастыря до недавнего времени с посетителей взималась плата, на стенах кремля были установлены видеокамеры, расцененные братией как вторжение в их личную жизнь. На монастырском причале одно время стояли пивные палатки с громкой поп-музыкой, а у входа в обитель была размещена вызывающая коммерческая реклама. Музей обвинялся в раздувании штатов и неисполнении своей главной функции — охраны и восстановления природного и культурного наследия, что звучало по-особому на фоне разрушения древностей монастырской братией в Преображенском соборе. Некоторые направления деятельности музея, рассчитанные на восприятие не только православной, но и светской культурой, вызвали недовольство монастыря и православной общественности. К таким инициативам относился Центр современного искусства «АртАнгар» (2001—2004), использовавший технологии «культурной провокации». Музей обвинялся и в экспансии на Соловки языческих культов, связанных с неолитическими памятниками и «шабашами оккультистов» на Большом Заяцком острове.

Были выдвинуты требования, предполагавшие подчинение всего архипелага монастырю [13]. Предполагалось также утвердить постатейное согласование с Соловецким монастырем расходования государственных средств, направляемых на развитие островов. Передача Соловецкого заповедника под управление патриархии должна была произойти по образцу музея Свято-Троицкой Сергиевой лавры, а назначение руководства музея должно было совершаться по представлению патриарха. Светская часть музейной экспозиции, рабочие и административные помещения музея-заповедника должны были оказаться за стенами монастыря. Появилась инициатива строительства на Соловках резиденции патриарха. В ответ на это было выдвинуто предположение, что Соловецкий музей-заповедник становится очередным бизнес-проектом патриархии [14]. На это действительно указывал целый ряд предложений, выдвинутых в отношении Соловков: передать монастырю все бывшие церковные здания и наделить его правом определять их дальнейшее использование, передать монастырю функции генерального заказчика на реставрационные работы с организацией соответствующей службы с кадровой поддержкой и непосредственным фи-

[13] *Сладков Д.* Святой землей Соловков завладеет музей // http://www.religare.ru/article22397.htm. 2005. 17 окт.

[14] *Поздняев М.* Нью-Соловки // Новые известия. 2005. 18 окт.

нансированием из федерального бюджета, наделить монастырь функциями охраны всех заповедных территорий, предпринять разделение потоков туристов и паломников, создать должность государственного инспектора, не подчиненного ни Минкультуры, ни областной администрации.

В результате в конце 2005 г. М. Лопаткин был вынужден уйти с Соловков и возглавить музей-заповедник «Малые Карелы» под Архангельском, где его отношения с местной епархией складывались превосходно — 20 января 2007 г. было подписано соглашение о сотрудничестве, однако в том же году он вновь вернулся на Соловки в качестве директора. В его отсутствие новый директор музея и наместник монастыря подписали соглашение о дальнейшем разделе памятников, которое подразумевало передачу церкви ряда келейных корпусов и построек за пределами ансамбля — в поселках и скитах.

Однако уже 28 марта 2007 г. заместитель председателя правительства России А. Д. Жуков заявил, что «Соловецкий Спасо-Преображенский ставропигиальный мужской монастырь имеет возможность в установленном порядке формировать необходимый пакет документов для направления в Росимущество с целью принятия последним решения о передаче в безвозмездное пользование монастыря объектов религиозного назначения, расположенных на территории Соловецкого архипелага». В августе того же года в прессе появилась информация, озвученная митрополитом Климентом (Копалиным), что правительство готово передать РПЦ все здания религиозного назначения на Соловецком архипелаге, а министерство культуры определило перечень передаваемых объектов. При этом состояние 58 зданий, уже переданных монастырю, вызывало претензии органов охраны памятников.

В ноябре М. Швыдкой сообщил, что часть памятников Соловецкого монастыря останется в собственности государства и сформирует экспозицию создаваемого за пределами монастыря музея Русского Севера. За Росохранкультурой будет оставлена часть фортификационных сооружений монастыря.

В рисуемых проектах проблема соотношения паломников и туристов на островах явно должна была решаться за счет последних. 23 августа 2008 г. был освящен храм Распятия Господня Голгофо-Распятского скита на острове Анзер, куда, по свидетельству очевидцев, и ранее нельзя было индивидуально высадиться с моря. Одновременно монастырское руководство заявило, что обители необходим собственный церковный музей и музей новомучеников. В этом же году в письме Общественной палаты при Президенте РФ была высказана просьба присвоить Соловкам статус «духовно-исторического места» — с учетом монастырских приоритетов. В том же 2008 г. и общество и Цер-

ковь были одинаково взволнованы как планами установки на Соловецких островах 100-метровой статуи Христа работы Зураба Церетели, так и намерением МЧС России провести соревнования по многоборью на Секирной горе.

20 июня 2008 г. группа общественности обратилась к премьер-министру РФ В. Путину с протестом против самостоятельного развития музея под руководством Минкульта, которое авторы обращения посчитали «попыткой коммерциализации монастырского наследия». Реакцией на это письмо стало обращение ряда музейных и общественных деятелей от 6 августа «За сохранение культурного наследия Соловков», где содержался призыв не допустить передачи монастырю всех памятников Соловецкого ансамбля, поскольку такая передача никак «не решит проблемы сохранения Соловков как целостного природного и историко-культурного комплекса, включенного в Список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО и содержащего не только памятники монастырского периода, но и уникальные природные объекты, одно из крупнейших в мире собраний древних и средневековых археологических памятников, обширное наследие советской эпохи (в первую очередь, периода ГУЛАГа)». В ответ в патриархии предложили перенести планируемый музей жертв ГУЛАГа на материк, в город Кемь.

В июне 2009 г. руководитель аппарата правительства РФ Сергей Собянин поручил федеральным ведомствам завершить передачу РПЦ объектов монастырского комплекса и вывести из его стен Соловецкий музей-заповедник. 21 августа 2009 г. патриарх Кирилл (Гундяев) посетил Соловки и позднее предложил членам попечительского совета по возрождению Соловецкого монастыря разработать концепцию дальнейшего развития архипелага «как уникального центра духовной жизни в масштабах всей Европы».

Проблемы противостояния музея и монастыря обсуждались им и с губернатором Архангельской области Ильей Михальчуком. В одном из своих интервью губернатор заявил, что если добиться мирного сосуществования не удастся, то «придется поменять одного или другого руководителя, или же обоих». Последнее и произошло.

19 ноября 2009 г. директором музея, вместо избранного 11 октября главой местного самоуправления М. В. Лопаткина, министром культуры был назначен архимандрит Порфирий (Шутов), лишь 10 октября ставший наместником обители. Сценарий, отработанный в Троице-Сергиевой Лавре, в Костроме и Рязани, предлагавшийся для Соловков еще в 2005 г., начал осуществляться. Однако, в замкнутых островных условиях, принципиально отличных от городов российского центра, которые хоть как-то попадают в поле зрения общества и государст-

венного контроля, такое совмещение может обернуться серьезным ухудшением ситуации: обязательным превращением туристов в паломников; вытеснением с острова органов государственной власти, поскольку музей является главным местным «жизнеобразующим» предприятием; жестким подчинением жителей архипелага требованиям религиозной организации; наконец — элементарной коррупцией.

Первым шагом новой власти было проведение 11 декабря общественных слушаний в администрации поселка при участии директора-наместника. В результате было решено создать рабочую группу — Общественный наблюдательный совет по проблемам поселка и музея при главе местной администрации. На этих слушаниях были высказаны опасения, что совмещение должностей наместника и директора не позволит архимандриту уделять музею необходимое внимание, а качество обслуживания туристов на архипелаге существенно ухудшится…

Сюжет имел продолжение. 27 февраля 2010 г. состоялась встреча губернатора Архангельской области Ильи Михальчука с новым Общественным советом. По его итогам подписание протокола-соглашения о «разграничении зон влияния» между администрацией поселка, монастырем и музеем было отложено на год. Было также решено разработать параллельно программу «строительства и переселения из ветхого жилья», т. е. из монастырских помещений — в новые, за пределами обители. Одновременно было предложено учитывать и интересы профсоюза независимых экскурсоводов.

Несмотря на то, что губернатор «клятвенно пообещал», что никого из жителей выселять с Соловков не будут, архипелаг, по всей очевидности, ждет тот же, что и на Валааме, сценарий: полное вытеснение с острова всех государственных и общественных структур (а также местных жителей) и создание здесь экстерриториального по отношению к России и ее правовому полю церковно-административного анклава.

Монашеская жизнь на Валааме была возрождена синодальным Определением 6 октября 1989 г. 13 декабря 1989 г. первые четыре монаха и два послушника высадились на архипелаге, сейчас здесь более 200 насельников. С 1989 по 1995 г. Валаамской обители было передано 90 % ранее принадлежавшего ей недвижимого имущества. Кроме центральной усадьбы монастыря, монашеская жизнь возрождена во Всехсвятском, Предтеченском, Никольском, Гефсиманском, Святоостровском, Сергиевском скитах — всего в 11 из 13 существовавших в начале XX в. 25 мая 1990 г. был освящен престол нижнего соборного храма во имя прпп. Сергия и Германа, и в том же году монастырь стал ставропигиальным. Еще в 1992 г. для архипелага был установлен статус «единой и целостной особо ценной исторической и природной территории». 20 октября 1992 г. прекратил свое существование Валаам-

ский музей-заповедник. Было принято решение организовать на его основе Валаамский научно-исследовательский церковно-археологический и природный музей.

28 июня 1993 г. был подписан Указ № 964 «О создании Международного фонда возрождения Валаамского архипелага и Спасо-Преображенского Валаамского монастыря». До сих пор активно действует попечительский совет по восстановлению Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, связанный с инвестиционным банком «Траст». В марте 2002 г. постановлением правительства Карелии была утверждена Концепция генерального плана развития Валаамского архипелага. В 1993 г. игуменом становится архимандрит, теперь — епископ Троицкий Панкратий (Жердев).

Еще весной 2004 г. депутаты Законодательного Собрания Карелии приняли решение передать монастырю исторические здания на острове Валаам: Работный дом, Свечную лавку, помещения бани и прачечной Водопроводного дома, находящиеся в оперативном управлении природного парка «Валаамский архипелаг». Завершение реставрации главного монастырского храма было воспринято иерархией как повод к тому, чтобы окончательно закрепить остров в своем ведении.

В июне 2005 г. стало известно, что руководство монастыря обратилось к правительству Карелии с просьбой урегулировать число туристов на острове до 90 тысяч человек в год — до того количества, которое ежегодно проходит через паломническую службу. В виде праздничного подарка 19 августа патриарху о передаче последнего здания (Зимней гостиницы) официально сообщил глава республики Сергей Катанандов. Однако 13 сентября 2005 г. комитет по экономической политике и налогам парламента Карелии отложил обсуждение вопроса о безвозмездной передаче монастырю здания гостиницы до детального ознакомления с проблемой: здесь проживало 148 человек, отказывающихся покидать остров, в том числе многодетные семьи, ветераны, инвалиды и дети. Жители пообещали депутатам начать акции гражданского неповиновения в случае передачи их в «крепостное состояние» монастырю [15].

Тем не менее уже 25 января 2006 г. состоялось новое расширенное заседание комитета, на котором парламентарии все-таки поддержали инициативу главы республики, или глава республики «продавил» через парламент свое обещание патриарху. Комитет посчитал, что статья 64 Жилищного кодекса РФ, которая утверждает, что изменение пользователя или собственника не влечет за собой расторжение или изменение

[15] *Быкова О.* Вид на монастырь. Жители Валаама против передачи гостиницы церкви // Российская газета. 2005. № 216.

условий договора социального найма, гарантирует права проживающего на островах немонашеского населения.

Однако к этому времени у монастыря выработался богатый арсенал средств выдавливания жителей из их жилищ, вплоть до отказа принимать коммунальные платежи и арендную плату [16]. Теперь эти возможности значительно пополнились. 8 апреля 2006 г. в СМИ появилось обращение жителя Валаама, посвященное жестокой политике монастыря в отношении жителей архипелага, которых братия сознательно выживает с острова. «Показывая внешнее благочиние и прикрываясь жизнью и подвигами своих предшественников, монахи создают свою империю достатка и роскоши на островах Валаамского архипелага с законами и политикой, зачастую далекой от христианских ценностей и российского законодательства». В обращении утверждалось, что монастырю была отдана государственная организация природный парк «Валаамский архипелаг», а работавшие там люди остались без работы.

В результате Валаамская обитель обратилась в суд о защите чести, достоинства и деловой репутации. 30 мая 2007 г., кроме автора обращения Дмитрия Синицы, в качестве соответчиков были вызваны редактор московского научно-просветительского журнала «Скепсис» Сергей Соловьев, создатель сайта Sortavala.ru. Александр Луговской и карельский историк Олег Яровой. Сортавальский суд удовлетворил требования монастыря 16 ноября 2007 г., однако Верховный суд Республики Карелия его решение отменил. А в январе 2008 г. в качестве одного из соответчиков по этому затянувшемуся делу выступает уже и Московская Хельсинская группа.

Тем временем выдвинутое еще в 2005 г. предложение отдельных политтехнологов об экстерриториальности некоторых известных природных и культурных оазисов, перешедших под управление московской патриархии, похоже, становится реальностью. В 2006 г. суд города Сортавала принял решение о выселении семьи Филиппа Мускевича из помещений Воскресенского или Красного скита — на основании того, что эти площади принадлежат монастырю и являются нежилыми, а в 2008 г. подтвердил свое решение. Семья, имевшая ордер на жилье, уже обратилась в Европейский суд по правам человека.

13 декабря 2006 г. Президиум Верховного суда РФ рассматривал кассационную жалобу жителей Валаама по поводу решения суда Карелии о передаче в собственность монастырю «Зимней гостиницы», в которой живут люди, а также работают школа и магазин. Решение о

[16] *Земзаре И.* Место прописки — Валаамская трапезная // Журналистика как поступок. Сборник публикаций победителей и финалистов премии Андрея Сахарова за 2003 год. М., 2004. С. 291—296.

переселении в Сортавалу, где согласно распоряжению главы Карелии С. Катанандова для валаамцев строится новый дом, устраивает отнюдь не всех жителей. Ведь первоначально еще митрополит Ленинградский Алексий (Ридигер) обещал им строительство коттеджного поселка на самом острове, за пределами монастыря. Бывший мэр Сортавалы Валерий Варья назвал происходящее депортацией.

Известно, что монастырь учредил ООО «Паломническая служба», которое и ведет турбизнес на архипелаге, выдавливая конкурентов и превращая туризм в паломничество. Никаких налогов от такой предпринимательской деятельности в местный бюджет не платится.

Больше того: 13 декабря 2006 г. заседание Президиума Верховного Суда РФ рассматривало надзорную жалобу насельника Валаамского монастыря Игоря Корниенко, требовавшего отменить решение Верховного суда Карелии о праве граждан России, проживающих на Валааме, на самоуправление.

В июле 2009 г. новый патриарх Кирилл (Гундяев) открыл на Валааме музей имени патриарха Алексия II, а также его бронзовый бюст перед собором. 16 сентября в Москве прошел попечительский совет по возрождению монастыря, на котором было решено разработать для него особый закрытый статус, который станет образцом и для прочих монастырей РПЦ.

Попытки вывести церковную жизнь из-под государственного и общественного контроля продолжаются…

Глава XI

СВЯТЫЕ НЕМОЩИ

Политические, идеологические и экономические аспекты возвращения церковной собственности, отягощенные «человеческим фактором», не должны скрывать глубинных оснований этого процесса, связанных с собственно религиозной жизнью России. Пресловутое «удовлетворение религиозных потребностей» и «чувства верующих» оказывают серьезное влияние как на формирование современных особенностей православной субкультуры страны, так и на сам процесс культовой реституции. В большей степени это касается собственно памятников православной старины, чем церковной недвижимости, поставленной прежде всего на службу экономическим интересам. Естественно, что борьба за наиболее значимые объекты культурного наследия до определенной степени подчинена тем же интересам. Однако ее политические и идеологические дивиденды, связанные с контролем над массовым восприятием истории, представляются более актуальными и достижимыми.

Возвращение в церковную жизнь уже известных реликвий и включение в нее новых святынь подается как «возрождение традиций», связанных с преемством церковной жизни. Однако анализ этого процесса свидетельствует не столько о реконструкции исторических традиций, сколько о конструировании новых, лишь формально напоминающих непреходящие ценности евангельской веры и Российского Православия. В развитии этого феномена важную роль играют псевдореликвии, чье появление в церковной культуре является отражением уже известного нам процесса трансформации культурного наследия Церкви и его исторического облика в угоду, как кажется на первый взгляд, утилитарным интересам и персональным вкусам. Однако в результате возникает искаженный образ Предания, не соответствующий его формам, реально существовавшим в истории Церкви. «Евроремонт» православной традиции становится действенным способом транс-

формации Предания и использования его в современной идейной борьбе. В результате, под видом традиции, Церкви и обществу предлагается совершенно новая «редакция Православия», не просто имеющая мало общего с благочестием и духовной культурой рубежа XIX и XX вв. или с христианскими переживаниями Древней Руси, но находящаяся в серьезной оппозиции к вере и богословию. Естественный процесс интерпретации Предания на языке современной культуры, достоверность которого всегда можно проверить при помощи культурного наследия Церкви, превращается в подмену самой традиции.

Такая подмена, стремящаяся заместить изначальные ценности христианства их современным пониманием и подчинить им общественную жизнь, и должна быть названа фундаментализмом. Агрессивное стремление использовать в своей деятельности современные средства секулярной культуры является не столько характеристикой феномена, сколько лишь одним из способов достижения результата. В России, в силу консервативности восточно-христианского сознания, основной особенностью православного фундаментализма является использование традиционных форм христианской культуры и храмового благочестия для его утверждения в сознании верующих. Другой особенностью этого явления в России является поддержка его некоторыми группами в политическом руководстве страны и сочувствие определенной части общества. История приспособления и искажения исторического облика памятников церковной старины в процессе ее «реставрации», демонстрирующая как сам процесс, так и его особенности, отчасти нам уже известна. Однако история обретения и «трафика» мощей и икон последнего 15-летия, с их исторической недостоверностью, политической подоплекой и клерикальными амбициями, также играет особую роль в сложении фундаменталистских настроений, оторванных от фундамента Евангелия.

Одним из первых в 1989 г. состоялось обретение мощей св. князя Александра Невского († 1263), обнаруженных в фондах Государственного музея истории религии иереем Николаем Головкиным. 3 июня они были перенесены в Александро-Невскую лавру. После всенощного бдения должно было состояться освидетельствование мощей. Однако митрополит Ленинградский Алексий (Ридигер) в тот вечер не стал производить полноценного осмотра, попросив поверить ему на слово. Он сообщил, что в ларце находились несколько костных фрагментов, некогда, очевидно в связи с предстоявшей в 1916 г. эвакуацией российских ценностей из Петрограда в Вологду, запечатанных печатью «архиепископа Тверского».

4 ноября 1990 г. в запасниках того же музея были найдены мощи прп. Серафима Саровского († 1833), изъятые чекистами в 1927 г.

5 декабря состоялось их освидетельствование, главным основанием которого были обнаруженные рукавички с вышитыми надписями «Преподобне отче Серафиме» и «Моли Бога о нас». Отмечалось и совпадение найденных останков с описанием вскрытия мощей 1920 г. Официальная передача мощей состоялась 11 января 1991 г. Свое скептическое отношение к ним высказали некоторые православные круги, связанные с Русской Православной церковью за границей. В основе скепсиса лежал миф о том, что мощи были выкрадены дивеевскими монахинями и убеждение в том, что честь их обретения никак не могла достаться «красной» патриархии [1].

2 марта 1991 г. были обретены мощи епископа Белгородского Иоасафа (Горленко; † 1754), вскрытые 1 декабря 1920 г. Еще в 1924 г. в московском музее Наркомздрава их видела Анастасия Цветаева. В феврале 1991 г. дочь Аркадия Соколова, трудившегося в начале 1970-х гг. бригадиром плотников-реставраторов в Музее истории религии, сообщила митрополиту Ленинградскому Иоанну (Снычеву) о том, что ее отец, по указанию администрации музея, спрятал на чердаке мощи святителя. Настоятель собора игумен Сергий (Кузьмин), следуя описанию, действительно обнаружил сохранившиеся мощи. По распоряжению митрополита была создана комиссия по идентификации останков, которая 13 марта 1991 г. составила «Акт освидетельствования неизвестных мощей». Их состояние действительно совпадало с известным внешним видом останков Белгородского святителя. Очевидно, мощи всех трех святых были доставлены из Москвы в Ленинград между 5 ноября 1947 г. и 8 сентября 1948 г., как это явствует из переписки директора Музея истории атеизма В. Бонч-Бруевича с Советом по делам Русской Православной церкви.

Мощи прп. Саввы Сторожевского были вскрыты 17 марта, а 5 апреля 1919 г. вывезены из монастыря. Однако, согласно московскому преданию, сотрудник Государственного Исторического музея и член Комиссии по охране памятников архитектуры Московской области Михаил Успенский (1893—1984) в 1920-е гг. был вызван на Лубянку, где неизвестный чекист по неизвестным причинам передал ему завернутые в материю останки, названные им «мощами Саввы Сторожевского». После этого останки хранились на фамильной даче в Звенигороде, а 25 марта 1985 г. были переданы в Свято-Данилов монастырь. В августе 1998 г. во время празднования 600-летия Саввино-Сторожевского монастыря эти останки были перенесены в обитель. Анонимному чекисту поверили на слово.

---

[1] *Басин И.* Миф мощей преподобного Серафима Саровского // Страницы: Богословие. Культура. Образование. М., 1997. Т. 2. Вып. 3. С. 385—397; Вып. 4. С. 538—549.

Кроме возвращения мощей широкое распространение приобрело их обретение, которое, к сожалению, не всегда основывалось на строгих историко-археологических фактах. Обретение мощей святителя Тихона (Беллавина) в 1992 г. не вызвало никаких споров [2], однако работы в Троице-Сергиевой лавре в 1994 г., связанные со вскрытием захоронений московских святителей Филарета (Дроздова) и Иннокентия (Вениаминова), спровоцировали сомнения в объективности проведенной идентификации, поскольку при их проведении был проигнорирован ряд письменных источников. В 1992 г. на месте собора Савво-Вишерского монастыря под Новгородом было найдено средневековое захоронение, которое, без проведения необходимых антропологических исследований, было объявлено местным епископом мощами прп. Саввы. Тогда же в Софийском соборе были проведены работы по открытию мощей архиепископа Григория-Гавриила (XII в.).

Еще в 1988 г. состоялась канонизация прп. Амвросия Оптинского, а 10 июля 1998 г. были обретены его подлинные мощи. До тех пор считалось, что они были найдены в октябре 1988 г. московским археологом Сергеем Беляевым. Однако тогда, в результате профессиональной ошибки этого человека, доверившегося поздней схеме местного кладбища, за мощи Амвросия было принято погребение прп. Иосифа. Впрочем, существует мнение, что найденные в 1988 г. останки принадлежали Ивану Киреевскому. Столь же сокрушительный конфуз ожидал С. Беляева и в его попытке найти мощи прп. Стефана Махрищского в его обители, основанной в 1353 г. [3] Впервые мощи преподобного были обретены в 1557 г. Монастырь был передан церкви в 1996 г. Расчистку фундаментов проводили специалисты ЦНРПМ, а поиск мощей был поручен архиепископом Владимирским Евлогием (Смирновым) С. Беляеву, который вновь пренебрег серьезным изучением исторических источников. Согласно описи 1642 г., рака располагалась за южным клиросом, где место захоронения и было указано архитектором С. Демидовым, тогда как С. Беляев заложил шурфы в ином месте, руководствуясь исходящим отсюда «благоуханием».

В 1998 г. С. Беляев попытался найти могилы епископа Суздальского Варлаама (1557—1570). В ходе работ, осуществленных без открытого листа и профессиональной отчетности, были обнаружены два белокаменных саркофага XVI в. Погребения в этих саркофагах были

[2] *Комаров Е.* Обретение мощей святителя Тихона // Журнал Московской Патриархии. 1992. № 5. С. 10—11; *Беляев С.* Обретение святых мощей преподобного Максима Грека // Журнал Московской Патриархии. 1996. № 9. С. 74—77.

[3] *Демидов С. В.* Троицкий собор Стефано-Махрищского монастыря // Искусство восточно-христианского мира. Вып. 7. М., 2003. С. 327—334.

объявлены останками архиепископа Варлаама и самого Стефана, несмотря на то, что возраст погребенного не превышал 50 лет, тогда как преподобный умер в возрасте около 90 лет. В XVI в. в монастыре жил на покое епископ Иоасаф, которому и могло принадлежать погребение, найденное во втором саркофаге. В августе 1998 г. епархиальное собрание рекомендовало продолжить исследования с привлечением судебно-медицинских экспертов, однако архиепископ Евлогий уже перенес найденные останки в храм для поклонения. 8 сентября 1999 г. было официально объявлено, что обретены мощи местных святых. Непрофессионализм С. Беляева отмечался и во время его работы в правительственной комиссии по идентификации «екатеринбургских останков» в 1994—1998 гг. В особенной степени это проявилось во время раскопок некрополя Захарьевых-Юрьевых-Романовых в Новоспасском монастыре в Москве, которые были квалифицированы коллегами самого Беляева как «археологический беспредел» [4].

Происшедшие недоумения и скандалы привели к тому, что вопрос об открытии святых мощей обсуждался на заседании Синода 21 июля 1998 г., который потребовал навести порядок в этом вопросе. Местным архиереям напомнили, что к обретению можно приступать только с разрешения патриарха, Синода или Собора. Эти действия должны были совершаться комиссией и сопровождаться составлением акта освидетельствования, в котором, помимо представителей епархии, принимали бы участие и специалисты в области археологии и антропологии [5]. 26 мая 1999 в Можайском Лужецком монастыре было проведено «показательное обретение». Специально образованная епархиальная комиссия с участием археолога Татьяны Пановой провела раскопки погребения прп. Ферапонта Можайского. Одновременно в 1998 г. в Новгороде была начата сложная работа по идентификации мощей новгородских святых, потребовавшая серьезных лабораторных исследований. Мощи князя Владимира Ярославича, княгини Анны Ярославовой и архиепископа Ильи-Иоанна, которые считаются почивающими в Софийском соборе, были перепутаны после их вскрытия в 1920 г. С ними были смешаны останки других святых, возможно, мощи прп. Антония Римлянина. В таком виде святыни были возвращены епархии в декабре 1990 г. В истории Софийского собора уже был исторический казус, когда обнаруженное в 1611 г. в Юрьевом монастыре тело, судя по всему, принадлежавшее одному из «героев гражданской войны» XV в. Дмит-

[4] *Станюкович А. К.* Основные проблемы церковной археологии на современном этапе // Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей. Звенигород, 2003. С. 24.

[5] Информационный бюллетень ОВЦС МП. 1998. 12 окт.

рию Шемяке в течение 300 лет почиталось как мощи благоверного князя Феодора Ярославича, брата Александра Невского [6]. Не понятно, кому на самом деле принадлежат останки, приписываемые Анне, супруге князя Ярослава Мудрого и матери князя Владимира Новгородского: останки, согласно антропологической экспертизе, принадлежат женщине 30-35 лет, которая не могла быть ни женой Ярослава, ни матерью Владимира. К тому же ее звали Ингигерд, в крещении Ирина. Откуда в эпоху позднего средневековья было взято имя Анна – остается загадкой. Оно вряд ли могло быть монашеским: в то время традиции предсмертного пострига еще не существовало. Да и проживать княгиня должна была подле своего мужа – князя: в Киеве. Впрочем, вследствие непрофессионализма привлеченных к работе «специалистов» ее окончание вряд ли реально. Пока же верующие в Софийском соборе Великого Новгорода прикладываются к пустым ракам, поскольку большинство мощей ожидают своей судьбы в архиерейской резиденции.

В мае 2000 г. в Ярославской епархии были открыты мощи прп. Никиты Переяславского († 1186), где археологическая часть исследования внушает больше доверия, чем антропологические выводы [7]. В ряде случаев антропологическая экспертиза не вызывает существенных сомнений [8]. В 2001 г. экспедицией под руководством Дмитрия Григорьева были обретены останки прп. Антония Дымского († 1273) в Петербургской епархии, впервые открытые еще в 1370—1409 гг. [9] В 2005 г. тот же археолог нашел погребение прп. Макария Лезненского († 1550), иначе называемого Римлянином, в возрождаемом монастыре близ Петербурга. Количество обретений особенно возросло после 2000 г. — к мощам средневековых святых добавились погребения новомучеников, вопрос идентификации которых существенно упрощался.

Однако Средневековье продолжало загадывать современности новые загадки. Весьма сомнительными оказались сенсации Олега Улья-

---

[6] *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковное предание и историческая критика. М., 1988. С. 111—113.

[7] *Станюкович А. К.* Гробница преподобного Никиты Столпника Переяславского чудотворца. Церковно-археологический очерк. Звенигород, 2001.

[8] *Молин Ю. А.*, *Ковалев А. В.*, *Горнюк А. Н.* Судебно-антропологические исследования древних православных захоронений // Проблемы экспертизы в медицине. 2002. № 2.

[9] *Григорьев Д. Н.* Некрополь Троицкого собора Антониево-Дымского монастыря // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. Великий Новгород, 2004. С. 67—76.

нова [10]. Начав в январе 1993 г. вместе с С. Беляевым раскопки в алтаре Спасского собора Андроникова монастыря, он поспешил объявить погребения средневекового кладбища в дубовых колодах могилами монастырских игуменов — Андроника и Саввы [11]. Об этом он докладывал 5 мая 1993 г. на заседании сектора археологии Москвы Института археологии РАН, а 26 июня 1995 г. — на заседании совета Музея древнерусской культуры и искусства преп. Андрея Рублева. В 1994 г. он был лишен открытого листа, а профессиональный отчет об исследованиях так и не был подготовлен. В 2000—2004 гг. работы, выявившие настоящий характер раскопанного кладбища, были завершены при участии другого Беляева, Леонида, заведующего сектором Института археологии.

Однако 4 января 1994 г. инициаторами раскопок, с целью заручиться авторитетом иерархии, был организован визит в собор патриарха Алексия (Ридигера) [12]. С этого времени мнения участников акции разделились и вылились в жаркую полемику 2005—2006 гг., свидетельствующую о необъективности обеих сторон. Если Олег Ульянов и поддержавший его Геннадий Мокеев продолжали утверждать, что все погребения принадлежали местным игуменам [13], то настоятель храма священник Вячеслав Савиных и главный специалист Московского бюро судебно-медицинской экспертизы Сергей Никитин были убеждены, что найденные мощи принадлежат иконописцу прп. Андрею Рублеву и его соработнику Даниилу Черному [14].

Естественный процесс «наползания» храма на некогда кладбищенскую территорию, в результате чего погребения и оказались перекрыты храмовой апсидой, был воспринят спорящими как факт захоронения чтимых останков в алтаре, чему нет свидетельства в православной традиции. К тому же нахождению здесь могилы иконописца противоречит информация рукописного сборника Ярославского музея-заповедника, составленного «керженским постриженикомИоной», о том, что Андрей Рублев был похоронен под старою колокольнею Андроникова монастыря. Нет никаких доказательств того, что в 1939 г. в

[10] *Ульянов О. Г.* Наша национальная идея — это рублевская Троица // Русский вестник. 2005. № 16; *Савиных В.*, священник. О ненужном ажиотаже // Русский вестник. 2005. 18 окт.

[11] *Станюкович А. К.* Основные проблемы церковной археологии на современном этапе. С. 20—21.

[12] *Ульянов О. Г.* От твоих могил не отрекусь // Московский журнал. 1997. № 11.

[13] *Мокеев Г. Я.* Кому нужен ажиотаж вокруг могилы преп. Андрея Рублева // Русский вестник. 2006. 22 апр.

[14] Найдены останки Андрея Рублева? // Известия. 2006. 21 апр.

руки Петра Барановского попала копия надписи с надгробной плиты преподобного, якобы сделанной в XVIII в. в Андрониковом монастыре Герхардом Миллером, о чем сам П. Д. Барановский сообщил на объединенном заседании Сектора архитектуры и Сектора живописи свежесозданного Института истории искусств АН СССР, прошедшем точно на 517 годовщину летописной даты кончины иконописца, — 11 февраля 1947 г. И сам «юбилей» и судьба института требовали сенсации. Кроме того, дата рождения Андрея Рублева (1360 г.), как и сам его «раскрученный» феномен, появились достаточно случайно — в качестве средства спасения древнерусского церковного искусства в эпоху хрущевских гонений на Церковь. Для этого Наталья Демина, Виктор Лазарев и Илья Эренбург по принципу «сейчас или никогда» решили организовать празднование 600-летнего юбилея Рублева, который и был «назначен» на 1960 г. Все это не позволяет использовать возраст погребенных для идентификации останков. Однако С. Никитин планирует осуществить свое намерение реконструировать внешний облик одного из погребенных «методом Герасимова» и выдать его за истинное лицо русского святого.

На этом фоне гораздо больше доверия вызывает информация об обнаружении в 2007 г. во время раскопок фундаментов собора св. Екатерины в Царском селе под Санкт-Петербургом костных останков, принадлежавших священномученику Иоанну Кочурову. Протоиерей был убит 31 октября 1917 г. во время первых эксцессов после октябрьского переворота, его похоронили в крипте собора, где он совершал свое служение. 5 октября 1939 г. собор был взорван, а в 1994 г. отца Иоанна канонизировали. Найденные при раскопках, предшествовавших воссозданию собора, фрагменты черепа и кости ног были подвергнуты криминологической и антропологической экспертизам. Все было сделано настоятелем собора протоиереем Геннадием Зверевым достаточно корректно, без ненужного шума и сенсационности; останки признавались мощами лишь с «большой долей вероятности». Впрочем, не исключено, что это могло быть и погребение генерала Якова Захаржевского, захороненного здесь в 1865 г. Очевидно, предполагается, что окончательно решение будет принято в связи с празднованием 300-летия Царского села в 2010 г., а мощи станут в этом событии одной из главных достопримечательностей, привлекающей паломников и туристов.

К сожалению, такие случаи сегодня единичны. Культ мощей в современной России приобретает уродливые формы, вплоть до «благочестивого воровства», практиковавшегося в эпоху раннего Средневековья. Так, в ночь с 10 на 11 октября 2000 г. на Бугровском кладбище в

Нижнем Новгороде монахами Данилова ставропигиального монастыря были вскрыты и вывезены в Москву останки только что канонизированного архимандрита Георгия (Лаврова). Свое возмущение монашеским поступком выразил митрополит Нижегородский Николай (Кутепов) и сами нижегородцы, узнавшие о происшедшем из СМИ.

Мощи становятся средством формирования региональной идентичности и национальной самоидентификации, а также способом выяснения отношений братских славянских народов. 24 июля 2005 г. Московская патриархия передала в Киево-Печерскую лавру частицу мощей св. равноапостольного князя Владимира. В мае 2006 г. посол России на Украине Виктор Черномырдин в сопровождении украинского духовенства привез в свое родное село Черный Отрог на Оренбуржье частицы мощей Печерских святых. Однако еще в январе 2003 г. фракция Верховной Рады «Наша Украина» потребовала от правительства информации о передаче Лаврой частиц мощей 17 святых в один из строящихся храмов Ростова-на-Дону и проверки законности «разрушения погребений предков украинского народа». На этом фоне по-особому воспринимается известие, что в марте 2006 г. язычники Тувы и Алтая потребовали вернуть на место первоначального погребения мумию «княжны Кадын». Погребение было найдено новосибирскими археологами при раскопках кургана в начале 1990-х гг. и перевезено в Сибирское отделение РАН. По мнению местного населения, это стало причиной многочисленных стихийных бедствий. Более того, еще в 1997 г. депутаты Государственного собрания республики Алтай приняли в связи с этим постановление «О запрете раскопок курганов в Кош-Агачском районе», отмененное лишь в 2009 г. по случаю протеста прокуратуры. В то же время было принято решение о возвращении остатков погребения в Горно-Алтайск — после завершения реконструкции Национального Алтайского музея…

Реликвии используются во внутренней и внешней политике. 13 апреля 2006 г. мощи прп. Макария Желтоводского из местного Печерского монастыря перенесли в Нижегородскую академию МВД с тем, чтобы Академия, по словам архимандрита Тихона (Затекина), «укреплялась не только физически, но и духовно». С 7 июня по 16 июля 2006 г. в России находилась десная рука св. Иоанна Предтечи, привезенная из бывшей Югославии. Десницу с ее неспокойной судьбой постоянно переносили из мест былого величия. Во время византийской реконкисты X в. она была перенесена из Антиохии в Константинополь, а после падения Царьграда в 1453 г. — на Родос. В 1522 г. она становится собственностью мальтийского ордена, а 25 октября 1799 г. вручается новому орденскому гроссмейстеру — императору Павлу I. В 1918 г. на-

стоятель Петропавловского собора в Гатчине протоиерей Иоанн Богоявленский, отступая вместе с армией генерала Юденича, увозит десницу и парную к ней мальтийскую реликвию — Филермскую икону Божией Матери в Эстонию. В 1932 г. они передаются югославскому королевскому дому, который в 1940 г. вместе с казной прячет их от оккупантов в монастыре Острог в Черногории. Нацисты во время войны святыни не нашли, но после войны их нашли чекисты и передали в государственный фонд драгоценностей в Цетинье. Во время югославской перестройки в 1993 г. десница была передана в Рождественский монастырь, а икона — в Художественную галерею, почему икона и не смогла прибыть в Россию вместе с десницей.

В русской истории десница впервые появляется в 1147 г. как символ национальной независимости, когда князь Ростислав Мстиславич решил поставить «своего» митрополита Клима Смолятича без санкции Вселенского патриарха. Сторонники князя предлагали обойти участие Константинополя, употребив при рукоположении мощи святого Климента, ссылаясь на греческую практику: «якоже ставят греци рукою Предтечи». Десница стала символом церковного суверенитета — автокефалии. Появление у нас святыни из Черногории имело определенный мессэдж. Политический развод Сербии и Черногории уже был признан всем миром. Однако выход Черногорской митрополии из Сербской церкви пока не планируется. Такое внимание Москвы к Черногорской церкви призвано подчеркнуть для всех, особенно для украинцев, мечтающих о православной независимости от Москвы, что государственные границы не являются препятствием для сохранения вертикали церковной власти. Глава местного Православия митрополит Амфилохий (Радович; р. 1938) приложил много усилий к так и не состоявшемуся объединению Русской церкви за границей с Московской патриархией в мае 2006 г. Паломничество в Россию — явный бонус за его деликатную миссию.

Внешнеполитические эффекты на этом не кончаются. В качестве организаторов мероприятия назывался Фонд апостола Андрея Первозванного. Однако еще в сентябре 2004 г. в Москве при участии «Содружества ветеранов военной разведки» был создан Российский христианский фонд «десной руки Иоанна Предтечи». Его целью является организация сетевого проекта по объединению Россией политического и экономического потенциала православной диаспоры. Здесь десница, с учетом ее «экуменического» и католического характера, становится «раскрученным брендом», а Черногории, с учетом все возрастающего в этой средиземноморской стране количества русской недвижимости, отводится особое место международного перекрестка. К тому же пребывание реликвии в Петербурге предшествовало встрече G8 в Стрель-

не 13—15 июля. Десница, собирающая сотни тысяч паломников со всей России, была призвана продемонстрировать саммиту главенствующую роль Русской церкви и стоящего за ней государства не только в стране, но и в мировой религиозной ситуации, поскольку 3—5 июля в Москве состоялся саммит мировых религиозных лидеров. Третий Рим своими мероприятиями заявил права наследства на «вселенскую» реликвию, игравшую важную роль в интронизации патриархов Второго Рима — Константинополя, и продемонстрировал, что настало время однополярного православного мира, старт которому дает Москва, исключающая из игры греческие церкви. Их представители действительно в массовом порядке проигнорировали московскую встречу, границы которой удивительно совпали с пространством бывшей зоны советского влияния.

Приезду в Россию Предтечевой десницы предшествовал привоз мощей и их долгое «паломничество» по стране св. вмч. Георгия в августе 2005 г., прпмч. Елисаветы Феодоровны летом 2004 г., вмч. Пантелеймона в 2004 г. и св. ап. Андрея летом 2003 г. По мнению ряда наблюдателей, подобные «гастроли» стали эффективной социально-политической технологией, способной единовременно собрать значительные людские толпы для демонстрации групповых амбиций и политических возможностей. В результате подобные общероссийские шоу подменяют настоящее содержание христианской жизни и любовь к отеческим гробам ажиотажем вокруг «импортной реликвии».

Проблема «трафика» реликвий к 2005 г. стала в Русской церкви настолько серьезной, что патриарх Алексий (Ридигер) на епархиальном собрании в Москве был вынужден отметить «несанкционированное Священноначалием явление» — самовольное приобретение святых мощей и привоз для поклонения почитаемых или просто «разрекламированных» святынь. Многие из них оказываются неосвидетельствованными и сомнительными или же просто привозятся на различные промышленные выставки в коммерческих целях. В этих условиях возможны подлоги и прямые провокации со стороны недругов Церкви. Причиной печальных событий патриарх назвал тщеславие и корыстолюбие собственного клира.

При этом он вспомнил свое отношение к «екатеринбургским останкам», заявив, что «Церковь имеет ясные критерии, по которым она признает или не признает останки святыми мощами». Именно трагедия царской семьи в 1918 г., ее канонизация в 2000 г. и судьба останков страстотерпцев стала жестокой проверкой московской патриархии в ее адекватности в восприятии истории, а 1998 г. действительно стал переломным в отношении Русской Церкви к святым мощам.

В 1976—1979 гг. доктор геолого-минералогических наук А. Авдонин и режиссер Г. Рябов пытались отыскать останки импера-

торской семьи в районе Поросенкова Лога на Старой Коптяковской дороге близ Екатеринбурга. Тогда ими было обнаружено основное захоронение царской семьи и даже извлечено несколько черепов. К сожалению, это дилетантское вторжение в археологический памятник и отсутствие профессионалов-археологов, участвующих в данном предприятии, не позволили создать полноценного полевого отчета, что существенно затруднило дальнейшее расследование трагедии и саму идентификацию останков. Впрочем, в те годы создание подобного археологического документа было небезопасно. Накануне «Преображенской революции», 11—13 июля 1991 г., по заявлению А. Авдонина, прокуратура Свердловской области провела здесь раскопки и обнаружила останки 9 человек. 19 августа 1993 г. Генпрокуратура возбудила уголовное дело, вести которое было поручено следователю по особо важным делам В. Соловьеву. 23 октября 1993 г. была создана правительственная комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков императора Николая II и членов его семьи. В результате было установлено, что найденные останки принадлежат самому императору и императрице, их дочерям — Ольге, Татьяне и Анастасии, а также приближенным царской семьи, расстрелянным вместе с ними в ночь с 17 на 18 июля 1918 г. в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге (а именно — Е. С. Боткину, А. С. Демидовой, И. С. Харитонову и А. Е. Труппу).

Синод неоднократно, в частности 6 октября и 15 ноября 1995 г., а также 17 июля 1997 г. обращался к проблеме признания или непризнания «екатеринбургских останков». Налицо были противоречия между показаниями участников событий, также имелись определенные проблемы в интерпретации археологических материалов. Однако все эти противоречия не выходили за рамки чисто научных методологических проблем, связанных с сопоставлением результатов критического исследования письменных и археологических источников. Некоторые несовпадения присутствовали между информацией «записки Юровского», результатами следствия, проведенного Н. Соколовым в 1919 г. и картиной, выявленной при археологических раскопках. Все это могло быть уточнено в процессе обычной источниковедческой критики, однако и сама патриархия и стоящие за ней общественные силы были убеждены изначально: найденные останки не могут принадлежать «царю-мученику», а «наследники цареубийц» — в лице демократической российской власти — лишь сознательно запутывают следы. Существующие сомнения были сформулированы в виде «10 вопросов патриархии», на которые прокуратура достаточно удовлетворительно ответила 15 января 1998 г. К числу вопросов были отнесены следующие:

1. Оценка результатов стоматологической экспертизы.

2. Оценка результатов полного антропологического исследования костных останков.

3. Снятие расхождений результатов отечественной экспертизы и заключения профессора Мэйплза по вопросу идентификации останков № 6 с останками княжон Марии или Анастасии.

4. Анализ выводов следствия правительства Колчака о полном уничтожении всей царской семьи и сопоставление результатов следствия 1918—1924 гг. и современного расследования.

5. Графологическая и стилистическая экспертиза «записки Юровского».

6. Проведение экспертизы относительно костной мозоли на предполагаемом черепе императора.

7. Выяснение судьбы останков царевича Алексея и его сестры, которой, скорее всего, должна была быть Мария.

8. Заключение о возможности полного уничтожения двух трупов.

9. Подтверждение или опровержение ритуального характера убийства.

10. Подтверждение или опровержение свидетельства отчленения головы императора сразу после убийства.

30 января 1998 г. состоялось заключительное заседание правительственной комиссии, которая согласилась с заключением Генеральной прокуратуры и Центра судебно-медицинской экспертизы Российской Федерации: найдены останки убитой царской семьи. Митрополит Крутицкий Ювеналий (Поярков) сделал заявление в обтекаемом духе: он не мог не согласиться с выводами заключений, но вся историческая ответственность возлагалась на их авторов [15]. 26 февраля 1998 г. Синод недвусмысленно предложил поскорее похоронить как проблемы, так и сами останки в символической могиле-памятнике. 14 июля 1998 г. последовало телеобращение патриарха Алексия (Ридигера). Он говорил об общественных сомнениях в отношении выводов комиссии. Сомнения носили «болезненный, конфронтационный характер». В качестве аргумента в пользу сомневающихся он привел самый неудачный — мнимое противоречие между заключениями, к которым пришел сегодня В. Соловьев, и «выводами, сделанными по горячим следам» Н. Соколовым. Он говорил и о том, что «ход научных изысканий... малоизвестен широкому кругу ученых, не говоря уже об их общедоступности». Патриарх призвал Церковь воздержаться от поддержки той или иной точки зрения и от такого участия в церемо-

[15] Покаяние. Материалы правительственной комиссии. М., 1998; Общественные слушания по вопросу о «екатеринбургских останках» в Госдуме от 21.05.98 // Радонеж. 1998. № 9.

нии захоронения «останков», которое могли бы расценить как признание их принадлежности царской семье. 17 июля 1998 г. «екатеринбургские останки» в присутствии Президента России были захоронены в Петропавловском соборе в Петербурге. Национального покаяния и примирения не получилось.

Принятое решение носило ярко выраженный антиельцинский характер. Патриархия доступными ей средствами пыталась дистанцироваться от демократической системы, созданной первым Президентом, а также наказать его за несговорчивость в деле возвращения недвижимости. Руководство Русской Церкви пошло навстречу требованиям наиболее консервативной и одиозной общественной группировки. Для этих людей личность последнего императора и его канонизация на Соборе 2000 г. были знаменем националистического патриотизма. В этих условиях нельзя было допустить и мысли, что «ставленникам мировой закулисы» могло быть «даровано» обрести мощи «Царя-мученика». Одновременно патриарх постоянно сопротивлялся идее вынести из мавзолея останки В.И. Ульянова, заявляя о недопустимости принятия решений, которые способны расколоть общество. Июльское решение как раз раскололо общество и Церковь, оставив в выигрыше лишь наиболее агрессивную их часть…

Впоследствии, в 2001—2004 гг. руководство патриархии всячески поддерживало общественные спекуляции, связанные с трудностями научной интерпретации проведенных анализов ДНК. В ученых кругах иногда действительно раздавалась критика в адрес П. Иванова из Центра судебно-медицинской экспертизы Минздравмедпрома РФ, который занимался генетическими исследованиями «екатеринбургских останков». Л. Животовский, руководитель Центра ДНК-идентификации человека Института общей генетики РАН, писал по этому поводу, что «если бы данное дело рассматривалось в суде, то оно должно было бы быть отправлено на доследование за недостаточностью имеющихся ДНК-доказательств». Выводы П. Иванова противопоставлялись результатам анализов американца Кнайта, изучавшего останки великой княгини Елизаветы Федоровны, и японца Нагаи — с его исследованием волос брата императора Георгия Александровича, пятна крови самого Николая II на его одежде и ДНК Тихона Куликовского-Романова. Различие исследовательских методик и споры различных научных школ противниками почитания останков мощами были выданы за недостоверность самих выводов. К тому же методика исследований костных останков, достаточно долго пролежавших в земле и приобретших «археологический характер», не может быть в полной мере отождествлена с методами современной криминологической экспертизы.

Однако самым существенным препятствием к признанию останков мощами страстотерпцев оставалось отсутствие среди них двух тел, принадлежавших цесаревичу и одной из его сестер. Их поиски неоднократно предпринимались местными научными силами. В 1992—1994 гг. работы велись силами Института истории и археологии Уральского отделения РАН под руководством заведующего отделом археологии А.Ф. Шорина: сплошному обследованию территории не хватило буквально 10 метров, чтобы установить истину наверняка. В 1996—1997 гг. работу продолжила экспедиция под началом Е. А. Курлаева. Однако с 1998 г. фонд «Обретение» под руководством А. Н. Авдонина начал исследование в другом месте, в окрестностях Четырехбратнего рудника, где еще в 1919 г. следователь Н. Соколов обнаружил человеческие останки; это лишь увело поиск в ненужном направлении. Позднее в Екатеринбурге сложилась группа энтузиастов, в которую вошли краевед В. В. Шитов, член Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит» Н. Б. Неуймин, заместитель генерального директора Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области А. Е. Григорьев, которые вновь обратились к изучению архивов. В мае 2007 г. дело встало на археологическую почву, поскольку к исследователям примкнул профессиональный археолог С. Н. Погорелов из того же НПЦ, а А. Н. Авдонин передал схему земляных шурфов и зондажей в районе обнаружения первого захоронения. Это позволило установить, что возвышенная местность примерно в 70 м к юго-востоку от основного захоронения еще не подвергалась исследованию.

Работы начались 11 июня, а 29 июля 2007 г. один из участников экспедиции (Л. Г. Вохмяков) с помощью металлического щупа отыскал здесь скопление угля. Заложенный на этом месте шурф не только позволил найти человеческие кости, но еще и фрагмент керамического сосуда.

«Ваши Величества, дети нашлись!
Их обгорелые кости лежали
Неглубоко, а над ними дрожали
Стебли травы, устремленные ввысь» —

так, в стихотворной форме, выразил свои чувства один из участников событий в момент исторической находки. И уже 30 июля комплексная экспедиция под руководством С. Н. Погорелова приступила к систематическим раскопкам.

Патриархия отреагировала мгновенно. В конце августа замглавы председателя ОВЦС епископ Егорьевский Марк (Головков) заявил: «Хочется надеяться на то, что экспертиза будет проведена более тща-

тельно и кропотливо, чем экспертиза, проводившаяся в отношении так называемых "екатеринбургских останков", которые Церковь не признала останками царской семьи». Впрочем, прозвучали и более разумные голоса. Член синодальной комиссии РПЦ по канонизации святых протоиерей Георгий Митрофанов сказал, что «если удастся установить подлинность этих останков, то это будет решением одной из важнейших проблем, которые препятствовали Церкви признать подлинность первых останков».

Сами новые останки были переданы в Свердловское областное бюро судмедэкспертизы, которое 28 сентября устами своего замначальника Владимира Громова представило первые результаты их исследования: кости могут принадлежать сыну и дочери последнего российского императора, святым царственным мученикам Алексею и Марии Романовым, поскольку специалисты установили, что это останки двух разных людей — юноши и девушки в возрасте примерно 12—14 и 17—19 лет. Всего в захоронении нашли шесть зубов и 48 мелких фрагментов костей. На фрагментах костей были найдены следы от пуль, а также от рубящих предметов, что свидетельствовало о попытках расчленения трупов. На зубах, найденных на месте захоронения, были обнаружены высококачественные пломбы с использованием серебряной амальгамы, такие же, как и в первом захоронении, открытом в 1991 г. Идентичными были пули и осколки керамических сосудов из-под серной кислоты.

Все ожидали проведения генетической экспертизы и ее результатов. С просьбой инициировать новое исследование останков как из первого, так и из второго захоронения к руководству патриархии обратился петербургский профессор-судмедэксперт, заслуженный деятель науки РФ Вячеслав Попов, который участвовал в работе Государственной Комиссии и проводил анализ первого «екатеринбургского захоронения». Однако патриарх не спешил ничего инициировать. Более того, он готовил глухую оборону собственной позиции, занятой им еще в 1998 г. 3 апреля 2008 г. в своей резиденции он принял архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия (Мораря), а также непримиримых противников «екатеринбургских мощей»: проректора по науке и развитию Уральского гуманитарного института протоиерея Сергия Вогулкина, заведующего кафедрой биологии Уральской медицинской академии Олега Макеева и печально известного своими «обретениями мощей» Сергея Беляева. Собравшиеся вновь говорили об отсутствии «серьезного исторического анализа» существующих свидетельств подлинности останков и сложностях генетической экспертизы. Задавались и бессмысленно-риторические вопросы: «Куда пропали керамические сосуды с серной кислотой? Не в них ли

опустили расчлененные и частично сгоревшие тела, чтобы окончательно скрыть следы убийства?». Собравшиеся решили противиться истории…

Исследования проводились параллельно в четырех местах: в Москве, в Австрии, в идентификационной ДНК-лаборатории вооруженных сил США в Вашингтоне (под руководством Майкла Кобла) и в генетической лаборатории Массачусетского университета. Информация о результатах генетической экспертизы, признающей идентичность останков из двух различных погребений и их принадлежность семье последнего российского императора, была официально опубликована от имени Следственного комитета при Прокуратуре РФ 5 декабря 2008 г. В этот день умер патриарх Алексий (Ридигер), оставив своему преемнику задачу разбираться с общественным позором, связанным с неизбежным признанием этих останков патриархией мощами «царя-страстотерпца». Понимая, в каком щекотливом положении оказался новый патриарх Кирилл (Гундяев), ни власть, ни общество не требуют от него ускорить «неизбежное». Зато в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге доступ к гробнице оказался перекрыт дополнительным ограждением: если раньше к ней можно было подойти вплотную и даже «приложиться», то теперь, в ожидании столь же неизбежного, как и само признание, потока паломников к святым мощам, грядущее событие решили предусмотреть и подстраховаться.

Парадокс ситуации заключался в том, что, несмотря на политическую ангажированность решения патриархии 1998 г., в ней присутствовал здоровый критический пафос академического характера — отсутствие 100-процентной уверенности в результатах следствия и исследования оставляет их в ранге гипотезы, а не окончательного решения. Но именно тот факт, что на принятие окончательных решений в патриаршем окружении влияют не объективные факторы, а конъюнктурные интересы, сыграл с Русской Церковью злую шутку в том же июле 1998 г.

После долгого обсуждения патриархия отказалась признать «екатеринбургские останки» останками царской семьи, хотя, скорее всего, это действительно были мощи царственных мучеников. Но не прошло и месяца, как церковное руководство, без малейшего намека на освидетельствование, признало мощами прп. Александра Свирского († 1533) полностью сохранившееся мумифицированное тело, происхождение которого было более чем сомнительно. К тому же сохранилось их описание, сделанное в монастыре буквально накануне изъятия мощей, и тело, выдаваемое за мощи подвижника православного благочестия, никоим образом с этим описанием не согласуется. Когда монастырская братия 5 октября 1918 г. произвела освидетельствование мо-

щей святого, обретенных «в теле» в 1641 г., она констатировала, что за 300 лет останки претерпели серьезные разрушения: упали ребра грудной клетки, а пальцы ног и кости стоп рассыпались. Этот текст был переписан протоиереем Николаем Чуковым, тогдашним благочинным Олонецкой епархии, впоследствии ставшим митрополитом Ленинградским с именем Григорий, и хранился в его личном архиве.

Стоит учесть и тот факт, что на основании архивных документов было достоверно известно, что мощи этого русского святого были уничтожены ЧК в 1919 г. 15 сентября 1918 г. монастырский архимандрит Евгений (Трофимов) был арестован и в декабре месяце расстрелян. Через месяц после ареста (26 октября) в монастырь, по распоряжению Олонецких Губревизисполкома и Губчрезвычкома, прибыл отряд петрозаводской милиции. Одной из его задач была эвакуация культурных ценностей из монастыря в Петрозаводск, поскольку монастырь оказался непосредственно в зоне военных действий вблизи русско-финской границы. Мощи преподобного, вскрытые отрядом, были увезены в Лодейное Поле 19 декабря 1918 г. Остальные реквизированные вещи были переправлены в губернский центр и находились в кабинете председателя губернской ЧК Оскара Кантера.

18 января 1919 г. в монастыре побывал член-сотрудник Комиссии по охране и регистрации памятников старины и искусства Северо-Западной области А. Крутецкий, о чем он подробно написал в своем рапорте, где в частности сообщались интересные подробности судьбы мощей после их изъятия[16]. В середине декабря 1919 г. сводному отряду «местными властями было отдано приказание — реквизировать старинную раку с мощами преподобного Александра Свирского, извлечь ее из собора для отправки к уничтожению на нужды Государства. Рака была отправлена в г. Петрозаводск, где подвергнута разрушению, причем сосновый ящик сожжен, а серебряные украшения переломаны при их сдирании с ящика. Что касается мощей, то гроб с ними (узкий, обитый парчою снаружи и темно-синим бархатом внутри) был оставлен в уездной чрезвычайной Комиссии в Лодейном поле, где помещен в часовне при больнице и местными властями опечатан». Впоследствии по требованию Губернской и уездной Чрезвычайной комиссии были вызваны профессора и доктора для производства экспертизы над мощами, для чего последние «были извлечены из гроба и разобраны». Мы предлагаем читателю обратить особое внимание на последний упомянутый факт.

Далее А. Крутецкий сообщал: «Оба председателя (Губ- и Уездчрезвычкомов) прочли мне все дело об экспертизе мощей со всеми по-

[16] РО НА ИИМК РАН, ф. 67, д. 5, лл. 7—9 об.

казаниями монахов и свидетелей. Причем просили меня выяснить: "не найдет ли центр останки преподобного исторической реликвией и если найдет их таковой, то власти препроводят их во гробе в г. Петрозаводск и приобщат к предметам, находящимся в местном историческом музее, если же нет, то распорядятся ими по своему усмотрению". Этот вопрос необходимо выяснить так или иначе и дать Петрозаводскому Губчрезвычкому определенный ответ, т. к. я ответить за свой страх и риск в столь щекотливом случае отказался». В заключении А. Крутецкий просит Комиссию решить, имеют ли мощи, находящиеся в больничной часовне Лодейного поля при уездной ЧК историческое значение, а результат решения выслать председателю губернской «чрезвычайки».

20 февраля 1919 г. Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины, именуемый ранее Комиссией, обращается в Археологический отдел Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению и непосредственно к П. П. Покрышкину, излагая историю мощей преподобного после изъятия. Речь идет о том, что «ввиду того, что разрешение вопроса о дальнейшем положении мощей не входит в компетенцию Отдела... означенный вопрос передается им на разрешение Археологического отдела». 21 февраля А. П. Удаленков, заведующий этим отделом, отвечал так: признавая мощи преподобного Александра Свирского безусловной исторической реликвией, местонахождение которой должно быть в храме, и находя, что меры по охранению исторических памятников всецело лежат на обязанности Отдела по охране и учету, он просит принять эту народную историческую ценность на сохранение. Однако из письма в Российскую Государственную Археологическую Комиссию 15 марта 1919 г. выяснилось, что, обсудив 6 марта этот вопрос, Отдел решил, что «охрана мощей, как не представляющих собою предмета искусства или старины, не входит в круг деятельности Отдела», и не счел поэтому возможным дать Олонецкой чрезвычайной комиссии какие-либо указания о дальнейшем направлении мощей преподобного Александра Свирского. «О чем доводит до сведения Археологической Комиссии»[17].

Впрочем, когда это письмо только писалась, история мощей уже закончилась. 19 сентября 1919 г. в Лодейном поле побывал Б. Н. Молос, сотрудник Отдела по охране учету и регистрации памятников искусства и старины, который сообщил следующее: «Выясняя судьбу мощей преподобного Александра Свирского, я узнал, что 13 марта 1919 г. председатель губчрезвычкома Кантер попросил лодейнополь-

[17] РО НА ИИМК РАН, ф. 67, д. 5, лл.11—14 об.

ский исполком УНИЧТОЖИТЬ, Т. Е. СЖЕЧЬ И ЗАРЫТЬ В ЗЕМЛЮ (выделено мной. — *А. М.*) остатки так называемых мощей, приписываемых Александру Свирскому, дабы избежать паломничества темных крестьян к кучке полуистлевших костей, что ТОТ ЧАС И БЫЛО ИСПОЛНЕНО (выделено мной. — *А. М.*)»[18].

Весной 1998 г. исполняющим обязанности настоятеля Александро-Свирского монастыря был назначен игумен Лукиан (Куценко). Поиски привели игумена в фундаментальный музей кафедры нормальной анатомии Военно-медицинской академии, где им был найден мумифицированный труп неизвестного мужчины идеальной сохранности. Его отличал брахицефальный антропологический тип, обрезанные гениталии и срезанные подушечки пальцев рук, что было характерно для уголовно-воровской среды 1920-30-х гг. Как уже отмечалось, состояние найденного тела отличалось от состояния мощей, зафиксированного монастырским актом 1918 г., а его владелец явно не принадлежал ни к Церкви Христовой, ни к средневековым новгородцам. Однако это не смутило игумена, а привлеченная им старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН кандидат биологических наук Ю. Беневоленская 17 июля 1998 г. выдала заключение, что «исследуемый обладает антропологическим типом, свойственным вепсам», к которым якобы и принадлежал преподобный, будучи родом из Юго-Восточного Приладожья. Другой сотрудник игумена кандидат биологических наук инокиня Леонида (Сафонова) изначально скрыла обнаруженный ею документ, свидетельствующий об уничтожении мощей в 1919 г.: в официальном рапорте митрополиту он не присутствовал. Не подтверждается сохранившимися архивными документами и якобы имевший место факт отправки мощей в Петроград и передачи их в ведение Наркомздрава 31 января 1919 г., на чем настаивают почитатели и апологеты фальсификата, которые таким образом пытаются оправдать подлог, допуская, что «отправка» останков в Петроград спасла их уничтожения 13 марта 1919 г. и привела к тому, что они оказались в музее ВМА[19].

Однако все это не остановило предприимчивого игумена: было объявлено, что открытые им мощи начали «мироточить». После этого Лукиан, ссылаясь на «приближение отпускного периода», не уведомив петербургского митрополита Владимира (Котлярова), 28 июля добился от начальника ВМА Ю. Шевченко передачи тела. Акт был подпи-

[18] Научный архив ИИМК РАН, ф. 67, д. 5, л. 52; Православное богословие на пороге третьего тысячелетия. Москва, 7—9 февраля 2000 г. Материалы. М., 2000. С. 303.

[19] ЦГА СПб, ф. 2815, оп. 1, д. 27.

сан начальником кафедры полковником И. Гайворонским, майором Д. Старчиком, капитаном Г. Ничипоруком и доцентом М. Твардовской. Среди заключений экспертов, на которые ссылался акт, фигурировало имя В. Ковалева, выступавшего категорически против предлагаемой идентификации. Акт сообщал, что «анатомический препарат "мумифицированный труп мужчины"», числящийся в каталогах фундаментального музея кафедры, может быть идентифицирован как искомые мощи. Анатомический препарат попал в музей в 1930-е гг. и мог быть передан сюда правоохранительными органами.

Лишь 30 июля, получив в свое распоряжение тело, устроив ему торжественную встречу и раструбив о случившемся по всей России, Лукиан отправил соответствующий рапорт митрополиту Владимиру (Котлярову). В тот же день, не вникая в обстоятельства дела и не принимая во внимание только что принятое Определение Синода от 21 июля 1998 г. об обязательном освидетельствовании святых мощей епархиальной комиссией, митрополит подписал резолюцию: «Благословляется совершение молебнов у раки с мощами преподобного Александра Свирского». 16 августа 1998 г. в Петербурге побывал патриарх Алексий (Ридигер), которого митрополит тут же повез прикладываться к «мощам». Только после того, как предстоятель церкви поцеловал неизвестного, присутствовавший здесь митрополит Крутицкий Ювеналий (Поярков) задал вопрос, создавалась ли епархиальная комиссия. Такая комиссия была спешно создана в сентябре. Ее председателем был назначен ректор Петербургской Духовной академии епископ Константин (Горянов), медик по образованию, который, осмотрев мощи, не отметил никаких фактов мироточения, но отметил факт обрезания и впоследствии рассказывал о чувстве физической тошноты, охватившей его при виде «анатомического препарата». Уже после первого заседания, в октябре 1998 г., комиссия прекратила свое существование, поскольку ее выводы однозначно опровергали подлинность мощей. Тело было по-тихому отвезено в Александро-Свирский монастырь. Однако в январе 2001 г. митрополит Владимир (Котляров) подал патриарху рапорт об утверждении дня празднования второго обретения мощей. 29 января последовала патриаршая резолюция: «Благословляется совершать празднование второго обретения мощей прп. Александра Свирского 17/30 июля». После того как патриарха заставили поцеловать неизвестное тело, судьба тела была решена: признать, что патриарх и тысячи верующих прикладывались к лжемощам, было невозможно...

Осенью 2005 г. Россию сотряс скандал. В Саратове состоялась выставка пластинатов человеческих тел, законсервированных по методу профессора Гюнтера фон Хагенса с помощью полимерного бальзами-

рования. 10 октября епископ Саратовский Лонгин (Корчагин) выступил с заявлением, решительно осуждающим открывшуюся выставку как надругательство над религиозными чувствами. 23 октября с подобным заявлением выступил Союз православных братств. 31 октября в адрес генерального прокурора последовало заявление Общественного комитета по правам человека, тоже «православного». На фоне православной активности совершенно затерялась информация о том, что в России подобные эксперименты с мумификацией человеческих тел методом полимерного бальзамирования были связаны с именем… заведующего кафедрой нормальной анатомии Военно-медицинской академии профессора И. Гайворонского. Именно он стал одним из инициаторов выдачи из кафедрального музея «анатомического препарата "мумифицированный труп мужчины"» и поставил свою подпись под заключением, что этот препарат может быть святыми мощами. У нас нет оснований утверждать, что полученное Лукианом тело было детищем экспериментов наших современников, но оно могло быть результатом деятельности их учителей...

Естественно, казусы с мощами случались и раньше. Во второй половине XVIII в. в Успенском соборе Московского Кремля были перепутаны погребения русских митрополитов XV—XVI вв. у северной стены. Только в 1991 г. при археологических исследованиях удалось установить, что подлинное погребение св. митрополита Макария († 1563) было неверно приписано так и не похороненному здесь митрополиту Афанасию. Соответственно, захоронение митрополита Симона († 1511) было принято за могилу Макария, а могила митрополита Геронтия († 1489) — за погребение владыки Симона, Геронтий оказался «похороненным» в могиле митрополита Филиппа († 1473), а упоминание о самом Филиппе исчезло вовсе [20]. Это была явная ошибка, но в истории с лжемощами прп. Александра Свирского митрополит и патриарх, будучи обманутыми игуменом, осознано пошли на обман общества, прикрывая ложь «церковной пользой».

Массовый психоз, связанный с поисками и «почитанием» мощей приводит к казусам, которые стоило бы назвать смешными, если бы они не были столь печальны. По «образному» выражению одной публикации, «мощи ползут отовсюду». 5 февраля 2007 г. на Интернет-аукцион на сайте «Антиквар.ру» неким «посредником» Борисом Георгиевым были выставлены… «мощи святого апостола Филиппа», конкретно — его череп, якобы происходящий из Казанского собора в Петербурге. Общественность была шокирована, руководство патриар-

[20] *Панова Т. Д.* Загадка Большого Успенского собора // Мир Божий. 1998. № 1. С. 24—26.

хии — возмущено. Помимо явного нонсенса (мощей этого апостола никогда в России не было, они покоятся в Риме!), наши современники оказались не подготовлены к самому факту «торговли мощами», хорошо известному в средневековье. Патриархия потребовал вмешательства Росохранкультуры, Росохранкультура потребовала вмешательства правоохранительных органов. «Антикварный отдел» УВД Санкт-Петербурга во главе с В. Кирилловым, по договоренности с продавцами, изъял «череп преткновения» и сопровождающие его костные останки, и обратился к специалистам Института истории материальной культуры РАН. Интрига тут же рассыпалась, стоило ближе познакомиться с этими «лжемощами».

В Рунете утверждалось, что на черепе существует надпись: «святой Филипп апостол». Но продавцы забыли указать, что там читается: «Св. Филипп апост. на Нутнъ». Речь о Нутной улице в Великом Новгороде, где находилась церковь апостола Филиппа, известная с XII в. Указанный там же год «1899» говорил о времени, когда останки прихожанина этого храма, некогда погребенные на церковном кладбище, были найдены то ли при строительных работах, то ли при рытье новой могилы. Очевидно, находка была связана со строительством Никольского придела при храме, которое пришлось именно на эти годы. И место находки, и дата, и почерк надписи свидетельствовали, что этот череп некогда находился в антропологической коллекции новгородского краеведа В. С. Передольского. Как нам уже известно, основатель Новгородского общества любителей древности жил как раз напротив храма, и по иронии судьбы его дом, где и хранились эти останки, был разрушен Новгородской епархией в 1995—2001 гг. ради строительства каменного «новодела». Как порой переплетаются разные потоки церковной истории, в которой люди Церкви отказываются отнюдь не на высоте!

Вместе с черепом древнего новгородца были изъяты и другие человеческие останки археологического происхождения. На одном черепе существует хорошо читаемая надпись «Уфимская губерния» и сокращение «Арх. ком №...», что означает, что этот антропологический материал некогда проходил через Императорскую Археологическую комиссию. На челюсти другого каллиграфическим почерком выведено: «Саратовская обл. Ровенский р-н. с. Ровное. К 17. 1957. И. В. Синицын». Курганный могильник у села Ровное — известный археологам памятник I—V вв., где есть и курган № 17. Его раскапывал саратовский краевед Синицын. Он отправлял свои находки на антропологическую экспертизу в Ленинград. Очевидно, перед нами челюсть сармата-кочевника начала I тыс. нашей эры. На всех костях есть характерные шифры, свидетельствующие о том, что все они неко-

гда принадлежали некой научной коллекции, часть которой впоследствии оказалась в частных руках. Это уже дело служебной проверки в конкретном учреждении, но не уголовного преследования продавцов за «мошенничество». Известно, что антропологическая коллекция Передольского была передана в Кунсткамеру, ныне Музей антропологии и этнографии РАН. С 1985 г. по 1995 г. значительная часть его фондов (около 300 000 антропологических образцов) находилась в храме св. ап. Андрея Первозванного на Васильевском острове в Петербурге. Примечательно, но эти кости, скорее всего, попали в частные руки в связи с тем процессом, исследованию которого и посвящена эта книга: в 1995—1996 гг. музейные фонды переезжали в новое помещение, а сам собор передавался религиозной организации. Сопутствующая переездам неразбериха (вспомним, что три переезда равносильны одному пожару) и положила начало настоящей истории.

Таким образом, выставленные на продажу человеческие останки «святыми мощами» ни в коей мере не являлись. Никакого отношения к Музею истории религии, в просторечии называемому «Казанским собором», они тоже не имели. Думается, что история с собором — ловкий «маркетинговый ход». Нам уже известно, что мощи святых, переданные церкви в 1989—1991 гг. (мощи Александра Невского, Серафима Саровского и Иосафа Белгородского), были найдены в фондах как раз этого музея. «Происхождение» черепа из «Казанского собора» гарантировало подлинность объекта и поднимало его рыночную стоимость в глазах потенциальных покупателей.

Вся эта история выявила вопиющую некомпетентность руководителей Росохранкультуры, и в частности — Анатолия Вилкова, который начал публично рассуждать о мифической принадлежности черепа святому XVII в. Филиппу Ирапскому, вслед за чем в прессе появились рассуждения, что мощи могли принадлежать другому Филиппу, митрополиту Московскому в XVI в. Как всем хотелось, чтобы интрига сохранялась и чтобы это были именно мощи! Не менее забавно было наблюдать, как переданная в СМИ информация превращается в химеру: то найден череп краеведа Передольского, который жил напротив церкви апостола Филиппа, то сам Передольский нашел мощи святого Филиппа и передал их в Казанский собор, то священнослужители Филипповской церкви в 1899 г. передали их в Казанский собор, что свидетельствует о значимости мощей... Впрочем, история поражает не столько аукционом, сколько общественной реакцией на него. Представители патриархии громче всех кричали о «кощунстве» и «падении нравов», но именно политике патриархии мы обязаны тем, что мощи стали предметом наживы. Выше уже было замечено, что официальные и неофициальные привозы мощей в Россию превратились в настоящий

«реликотрафик». За каждым трафиком мощей стоят серьезные экономические интересы, как и у интернет-продавцов, которые мало чем отличаются от церковных функционеров, «возмущенных» их поведением. История «обретения мощей» игуменом Лукианом (Куценко), кончено, не «интернет-аукцион», но ее финансовая подоплека вполне вероятна. Трудно сказать, чего здесь больше — глупости или мошенничества, но поток паломников к «мощам» в Александро-Свирском монастыре, а значит и приток денег увеличился.

Навязчивое желание увидеть мощи повсюду, даже там, где их нет, есть болезнь нашего времени, которая, к несчастью, поразила и молодое поколение. После завершения реставрации Николо-Пешношского монастыря в Дмитровском районе Московской области в июне 2008 г., на одной из окрестных дорог, куда, по имеющейся информации, свозился строительный мусор, собранный вокруг собора, учащимися местной Свято-Алексеевской гимназии были обнаружены фрагменты черепов и человеческие кости. Ребята сразу же признали их «святыми мощами», о чем незамедлительно оповестили прессу. Директор гимназии Максим Лесков, шокированный находкою, зафиксировал все на камеру и обратился с соответствующим запросом в прокуратуру. По некоторым сведениям, костные останки принадлежали лицам, похороненным на кладбище близ церкви прп. Сергия Радонежского в том же монастыре, и могли быть вывезены с вместе с землей во время реставрации храма.

Только что рассказанная история не только характеризует современное массовое сознание с его стремлением везде «обонять» святые мощи, но и является еще одним эпизодом пренебрежения церковными, научными и нравственными нормами при проведении реставрации храмов, переданных религиозным организациям РПЦ.

Сегодня вера для многих стала ассоциироваться не с поиском Христа, а с поиском ложных святынь. Это сыграло с россиянами злую шутку. В России человека погребают раз и навсегда. Если его тело не разлагается, то он почему-то считается святым. На христианском Востоке, в том числе и на Афоне, хоронят «временно». Тело погребают в общей усыпальнице на 3—5 лет, потом вынимают. Если тело «нетленное», то считается, что земля не принимает этого человека, ибо он грешен. Если сохранились лишь кости, то все нормально, и их ссыпают в общую «костницу». Череп же ставят на полку в шкафу, где лежат и прочие черепа монахов этого монастыря, надписывают на нем имя и дату кончины. В тот же день священник берет череп, приходит в храм и служит панихиду по усопшему собрату. Предлагаю представить эту ситуацию в нашем храме среди православных «бабушек».

В самой же Византии, откуда мы восприняли христианство, мощи обретали, изготовляли, воровали, обменивали, расчленяли, продавали... В XIV—XVII вв. греки часто приезжали в Россию за «милостыней», привозя с собой мощи святых — подлинные или мнимые, Бог весть. Цари, митрополиты и патриархи их охотно покупали или, как тогда говорили, «обменивали». На деньги. Это не считалось грехом. В то время мощи могли находиться и в частных руках, что также не было грешно. Лишь когда Церковь выстроила «вертикаль власти», все почему-то решили, что одно только высшее духовенство имеет право распоряжаться мощами. И скандал нынешней истории не в том, что кто-то владеет святыми мощами, пусть и не настоящими, но в той истерике, которую общество устроило вокруг происходящего...

Как мы видим, подобное появление псевдореликвий не случайно и не одиноко. Оно словно повязывает общество обетом замалчивания правды. В некоторых случаях соблазна можно было бы и избежать, как это можно сделать в истории с Тихвинской иконой Богородицы, возвращенной 8 июля 2004 г. в свой монастырь, на месте которого она явилась в 1383 г. Попав в музей после закрытия обители, она была вывезена из города оккупационными немецкими войсками в ноябре 1941 г. Обстоятельства похищения иконы известны благодаря документам Оперативного штаба (Eisentzstab) рейхсляйтера Розенберга, занимавшегося перемещением культурных ценностей. Его материалы хранятся в Центральном Государственном архиве высших органов власти и управления Украины (Киев, фонд 3676). Уже весной 1942 г. в Пскове немецкие власти объявили, что икона спасена ими из «атеистического плена». Образ был передан оккупантами в «бессрочное и безвозмездное пользование» Псковской миссии, в задачи которой входила христианизация «обезбоженных» территорий. В 1943 г. икону под контролем военных властей перевезли в Ригу. После гибели митрополита Сергия (Воскресенского) православных в Латвии возглавил епископ Иоанн (Гарклавс; 1898—1982). Именно он вывез образ сначала в Германию (1944), а потом в США (1949), где она пребывала в частном владении семейства Гарклавсов. Нет сомнения, что они вернули в Россию тот образ, который вывезли из Риги. Но был ли он «той самой» Тихвинской иконой XIV в.?

Ни в годы оккупации, ни сейчас на научную экспертизу никто не решился. Вместе с тем, за более чем 600-летнюю историю иконы с нее неоднократно делались копии. В монастыре существовала икона-«наместница», в то время как реликвия хранилась в ризнице. Это была общая практика Средневековья. Нередко случалось, что основное почитание переносилось с первообраза на образ. Поэтому не исключено, что подлинная икона никогда не покидала Россию, а до сих пор хра-

нится в Софийском соборе Великого Новгорода. Заключение Столбовского мира между Москвой и Стокгольмом в 1617 г. происходило под патронажем Тихвинской Богородицы. Копия иконы, перед которой был подписан договор, была тогда же перенесена в Софию Новгородскую. То, что в Новгороде мог оказаться не список, а подлинник, предположила еще в 1984 г. искусствовед Элиса Гордиенко [21]. Тогда эта мысль была встречена спокойно.

Однако через 10 лет ситуация изменилась. Когда осенью 1993 г. эта версия была вновь озвучена в прессе, она вызвала нервозную реакцию кругов, надеявшихся на возвращение Чикагской иконы. По неофициальной информации, патриарх Алексий (Ридигер) резко выговорил епископу Новгородскому Льву (Церпицкому), посчитав его инициатором сенсации. Новгородская епархия заказала экспертизу иконы в Московском НИИ реставрации. В январе 1994 г. мнения специалистов разделились. Икона датировалась ими в пределах конца XIV—конца XV в. или XVI в. На раннюю дату указывали и грубо обработанная древняя доска, и таинственная криптограмма, и многочисленные красочные слои. Образ был написан на досках, изготовленных из комлевой части дерева. Это соответствовало древнему преданию о создании иконы из колоды, на которой явилась Богородица. Эксперты воздержались от признания подлинности этого образа без дополнительного анализа Чикагской иконы.

В том же 1994 г. Тихвинская икона из Софийского собора была отдана на «реставрацию». Старинный образ был погребен под сочным «новоделом». Теперь, глядя на современные краски, редкий человек задумается о древности иконы. Однако в Новгороде определенно находится или сама Тихвинская, или ее древнейший список. Сегодня мы не знаем и без серьезной экспертизы никогда не узнаем, что находится в Тихвине. Однако такая экспертиза оказывается не в интересах патриархии, как в ее интересах была другая экспертиза. В 2003 г. по заказу из Московской патриархии группа экспертов дезавуировала намерение Папы Римского Иоанна Павла II вернуть в Россию Казанскую икону Богородицы, объявив находящийся в Риме образ копией XVIII в.

К тому же факт остается фактом. Национальная реликвия была вывезена с территории страны в период оккупации, хотя совершили это и не чиновники из рабочей группы «Ostland», находившейся в той же Риге, а православный епископ. Следовательно, вернуться икона должна не на основе частного завещания, а по существующему международному праву в том же качестве, в котором она покидала стра-

[21] *Гордиенко Э. А.* Большой иконостас Софийского собора (по письменным источникам) // Новгородский исторический сборник. № 2 (12). Л., 1984. С. 220—222.

ну, — в качестве государственной собственности. Такое возвращение иконы решило бы вопрос о ее подлинности и сохранности. Нынешний тихвинский настоятель игумен Евфимий (Шашорин) известен особым отношением к культуре. В свою бытность в Череменецком монастыре он спилил местные тополя — часть исторического ландшафта. В Тихвине он пытался заказать непропорционально большие и обязательно «золотые» купола на Успенский собор. Это понятно — главным финансистом монастыря являлся Александр Андреев, генеральный директор ООО «Сусальное золото». В июне 2004 г. при спешной прокладке коммуникаций, приуроченной «к мероприятию», в ходе строительных работ были уничтожены средневековый культурный слой и фрагменты монастырской стены XVI в. При нем монастырские корпуса обогатились современными пристройками. Так, к южному братскому корпусу XVII в. была приделана крытая автостоянка, а к Трапезной палате Покровского храма — туалет из силикатного кирпича. Сегодня на заповедной монастырской территории планируется возвести автономную котельную.

Если с Тихвинской иконой экспертиза еще возможна, то в другой истории она нереальна. Характерной особенностью современного празднования Пасхи становится своеобразное соревнование в перечислении чудесных подробностей, связанных со «схождением благодатного огня» Великой Субботы в храме Гроба Господня в Иерусалиме. В 2005 г. официальное паломничество за огнем возглавил сам министр культуры А. Соколов, называвший его «чудом» и «откровением», способствующим «духовно-нравственному возрождению общества».

На Пасху 2007 г. на лентах информационных агентств появилось сообщение, что в Воронеже местное отделение партии «Единая Россия» раздавало пенсионером и ветеранам… лампады с «чудесным огнем», привезенным из Иерусалима. Похоже, кое-кто полагает, что огонь Великой субботы должен благотворно сказываться на внутренней и внешней политике страны: в апреле 2008 г. иерусалимский огонь впервые был отправлен в один из самых неспокойных районов России — Ингушетию.

В тот же день лампада с огнем была доставлена непосредственно на Воинское кладбище на Фильтри Теэ, куда весной 2007 г. был перенесен памятник советскому солдату из центра города с площади Тынисмяге, что спровоцировало в эстонской столице массовые беспорядки 27 апреля 2007 г., получившие неофициальное название «бронзовой ночи». Посылка «благодатного огня» сигналила: Родина помнит, Родина знает…

9 апреля 2009 г. огонь был доставлен на Северный полюс. Его отвез на станцию «Барнео» вице-спикер Государственной Думы РФ Ар-

тур Чилингаров. Очевидно, что «благодатный огонь» становится знаменем православного фундаментализма, символом солидарности православных народов и «бизнес-проектом» православных олигархов. Ежегодно в Великую субботу председатель попечительского совета Фонда апостола Андрея Первозванного и по совместительству президент ОАО «РЖД» Владимир Якунин организует поездку представительной делегации, дабы доставить пасхальный огонь в Россию. В делегацию входят не только вице-премьеры, но и директора крупнейших музеев России…

На Руси эта легенда была известна уже с XII в. — по рассказам паломников и лубочным картинкам. На протяжении всего Средневековья и Нового времени русские люди неоднократно бывали в Иерусалиме и описывали огонь Великой субботы. Но лишь с основанием Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1847) и образованием Православного Палестинского общества (1882) такая возможность стала по-настоящему массовой, а описания — общедоступными. Легенда о чудесном огне стала достоянием гласности и потребовала реакции христианского разума и совести. Появился ряд статей и брошюр как апологетического, так и аналитического характера, связанных с изданием источников, в частности архимандрита Вениамина (Аверкиева), профессора Киевской Духовной Академии А. А. Олесницкого, Ф. М. Авдуловского, А. И. Пападопуло-Керамевса и других [22]. На этом фоне разоблачением «чуда» прозвучала публикация П. А. Сырку дневниковых записей епископа Порфирия (Успенского, 1804—1885), церковного дипломата, основателя Русской Духовной миссии в Иерусалиме, человека, получавшего информацию о том, что происходит в кувуклии

[22] *Вениамин (Аверкиев)*, архимандрит. О святом огне (Агион фос), исходящем в Иерусалиме от Гроба Господня в Великую Субботу. (Из записок паломника). М., 1907; *Олесницкий А.* О святом огне Иерусалимском // Воскресное чтение, издаваемое при Киевской духовной академии. Киев, 1879. № 14. С. 153—154*; Авдуловский Ф. М.* История святого огня, исходящего от Гроба Господа нашего Иисуса Христа, или день Великой Субботы в Иерусалиме на Гробе Господнем, по сказаниям древних и новых путешественников М., 1883 (2-е изд.: 1887; 3-е изд.: 1892; 4-ое изд.: 1894); *Ювачев И. Г.* Священный огонь в Иерусалиме (из воспоминаний русского паломника) // Русский паломник: Иллюстрированный еженедельный журнал для религиозно-нравственного чтения. СПб., 1903. № 13; *Пападопуло-Керамевс А. И.* Рассказ Никиты, клирика царского. Послание к императору Константину VII Порфирородному о Святом огне, писанное в 947 году // Православный Палестинский Сборник. Том III. Вып. 2. СПб., 1894. С. 18—23; *Крачковский И. Ю.* «Благодатный огонь» по рассказу Ал-Бируни и других мусульманских писателей X—XIII вв. // Христианский восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Пг., 1915. Т. III. Вып. 3. С. 225—242.

Гроба Господня в Великую субботу, из первых рук. К сожалению, это серьезное научное издание не стало общедоступным. Но оно осталась голосом совести Русской Церкви, вопиющим в пустыни всеобщей прелести.

Здесь читатель прочтет следующее: «Иеродиакон, забравшись в часовню Гроба в то время, когда по общему верованию сходит Благодатный огонь, видел с ужасом, что огонь зажигается просто из лампады, которая не угасает. И так благодатный огонь не есть чудо», и чуть далее: «Когда знаменитый господин Сирии и Палестины Ибрагим, паша египетский, находился в Иерусалиме, оказалось, что огонь, получаемый с Гроба Господня в великую субботу, есть огонь не благодатный, а зажигаемый, как зажигается огонь всякий. Этому паше вздумалось удостовериться, действительно ли внезапно и чудесно является огонь на крышке Гроба Христова или зажигается серною спичкою. Что же он сделал? Объявил наместникам патриарха, что ему угодно сидеть в самой кувуклии во время получения огня и зорко смотреть, как он является, и присовокупил, что в случае правды будут даны им 5000 пунгов (2 500 000 пиастров), а в случае лжи пусть они отдадут ему все деньги, собранные с обманываемых поклонников, и что он напечатает во всех газетах Европы о мерзком подлоге. Наместники петроаравийский Мисаил, и назаретский митрополит Даниил, и филадельфийский епископ Дионисий (нынешний вифлеемский) сошлись посоветоваться, что делать. В минуты совещаний Мисаил признался, что он в кувуклии зажигает огонь от лампады, сокрытой за движущейся мраморной иконою Воскресения Христова, что у самого Гроба Господня [23]. После этого признания решено было смиренно просить Ибрагима, чтобы он не вмешивался в религиозные дела, и послан был к нему драгоман Святогробской обители, который и поставил ему на вид, что для его светлости нет никакой пользы открывать тайны христианского богослужения и что русский император Николай будет весьма недоволен обнаружением сих тайн. Ибрагим-паша, выслушав это, махнул рукою и замолчал. Но с этой поры святогробское духовенство уже не верит в чудесное явление огня. Рассказавши все это, митрополит домолвил, что от одного Бога ожидается прекращение (нашей) благочестивой лжи. Как Он ведает и может, так и успокоит народы, верующие теперь в огненное чудо Великой субботы. А нам и

[23] Не эта ли самая икона приведена в работе Мартина Биддла, посвященной архитектурной истории храма Воскресения Христова в Иерусалиме (*Biddle M*. The Tomb of Christ. Stroud, 1999. P. 131—132. Fig. 95, 96, 97)? Правда, на этих фотографиях изображена икона Божией Матери, а не Воскресения, которая, впрочем, также служит дверцей для потайной ниши в стене кувуклии Гроба Господня.

начать нельзя сего переворота в умах, нас растерзают у самой часовни св. Гроба. Мы, — продолжал он, — уведомили патриарха Афанасия, жившего тогда в Царьграде, о домогательстве Ибрагима-паши, но в своем послании к нему написали вместо "святый свет" — "освященный огонь". Удивленный этой переменою, блаженнейший старец спросил нас: "почему вы иначе стали называть святый огонь?" Мы открыли ему сущую правду, но прибавили, что огонь, зажигаемый на Гробе Господнем от скрытой лампады, все-таки есть огонь священный, получаемый с места священного» [24].

Это мнение было присуще и русской богословской науке. В 1914 г. востоковед И. Ю. Крачковский (1883—1951) собрал арабские известия о рукотворности огня [25]. Литургист А. А. Дмитриевский (1856—1929) на основании Устава храма Гроба Господня 1122 г. показал, как местное духовенство приготовляет к Пасхе храмовые лампады, чтобы зажечь в них новый огонь [26]. В 1949 г. его ученик, профессор Ленинградской Духовной академии Н. Д. Успенский (1900—1987), на ежегодном собрании Академии прочел актовую речь, где продемонстрировал, как исторически и литургически складывался «огненный миф»: его истоки лежат в обряде возжжения нового огня на Святую Пасху, который некогда был характерен для всех приходских храмов, но сегодня в православной традиции сохранился лишь в Иерусалиме, да и то в достаточно странном виде [27].

Прошло более 50-ти лет, однако ситуация с изучением обряда святого огня мало изменилась, да и вряд ли могла существенно измениться. Отметим, что в научный оборот было введено критическое издание иерусалимского чина по армянскому кодексу первой половины V века (438 г.) [28], целиком согласующееся с данными, собранными Н. Д. Успенским.

---

[24] *Порфирий (Успенский), епископ.* Книга бытия моего. Дневники и автобиографические заметки епископа Порфирия (Успенского). Т. III: с 1 января 1846 по 20 марта 1850 / Под ред. П. А. Сырку. СПб., 1896. С. 299—301.

[25] *Крачковский И. Ю.* «Благодатный огонь» по рассказу ал-Бируни и других мусульманских писателей X—XIII вв. // Христианский Восток. Т. 3 Вып. 3. Пг., 1915. С. 225—242.

[26] *Дмитриевский.* Богослужение страстной и пасхальной седмиц во св. Иерусалиме IX—X в. Казань, 1894. С. 171—179.

[27] *Успенский Н. Д.* К истории обряда святого огня, совершаемого в Великую Субботу в Иерусалиме. Актовая речь, произнесенная в Ленинградской Духовной академии 9 октября 1949 г. Опубликовано в книге: *Бычков С. С., Мусин А. Е.* Благодатный огонь: миф или реальность? М., 2008.

[28] *Renoux A.* Le Codex Erevan 985: une adaptation arménienne du Lectionnaire hiérosolymitain, Armeniaca. Venise, 1969. P. 45—66.

Некоторое время назад появился апологетический труд на английском языке, принадлежащий епископу Фотикийскому Авксентию [29]. Отметим и статью бенедиктинца Николая Ежандра [30], содержащую ссылки на источники и исследования, но посвященную, скорее, современному восприятию иерусалимского огня в разных христианских традициях. Интересно, что здесь приводится слова Иерусалимского патриарха Дамиана (1891—1931) о том, что огонь Великой субботы свят так же, как и другие обряды Святой Церкви, и народ должен правильно понимать смысл происходящего. Работа приводит к заключению, которое можно найти и у Н. Д. Успенского: огонь Великой субботы, хоть и не святой, но священный. В тексте статьи неоднократно подчеркивается «огнезрачность» пасхальной гимнографии, как у православных — в каноне Великой субботы, так и у католиков, что до определенной степени могло способствовать появлению существующей версии обряда. Действительно, зримое присутствие Бога, согласно библейской образности, проявляется именно через огонь, что характерно и для русской традиции.

Интересно, что в современной латинской традиции сохранился обряд возжжения свечи от нового огня накануне Пасхальной мессы, когда совершается крещальная литургия. Этот новый огонь специально разводят вне храма и затем торжественно вносят в помещение, иногда его стараются получить, не используя спички, но с помощью кресала и трута. Однако, по крайней мере на массовом уровне, даже среди духовенства отсутствуют исторические представления о первоначальном генезисе этого обряда, связанного с иудео-христианским чином благодарения за вечерний свет: многие полагают, что традиция возжигать на Пасху новый огонь была занесена в Европу ирландскими монахами-миссионерами не ранее VII—VIII вв.

О связи традиции субботнего огня с храмовым и синагогальным богослужениям в последнее время писал целый ряд авторов.[31]

Естественно, нужно сказать и о солидном исследовании английского профессора Мартина Биддла, посвященном истории и архитектуре Храма Гроба Господня в Иерусалиме и самой Кувуклии. Оно сопровождается уникальными фотографиями внутреннего убранства часовни, что способно прояснить некоторые вопросы, связанные с инте-

---

[29] *Auxentios, bishop of Photiki*. The Paschal Fire in Jerusalem: A Study of the Rite of the Holy Fire in the Church of the Holy Sepulchre. Berkeley, California, 1999.

[30] *Egender N.* La Sainte Lumière de Pâques // Irenikon. Revue des Moins de Chevetogne. Chevetogne, 2004. T. 77. № 2—3. P. 271—315.

[31] *Morgenstern J.* The Fire upon the Altar. Chicago, 1963.

ресующим нас богослужением Великой субботы. К сожалению, будучи опубликовано по-немецки и по-английски, оно пока не переведено на русский язык [32].

Впрочем, есть еще один памятник, который выпал из внимания литургистов. К настоящему времени опубликован текст, без которого невозможно понять историю возникновения обряда «огня Великой субботы». Эти сведения освящены авторитетом патриарха Фотия [33]. Текст, сохранившийся в составе знаменитых «Амфилохий» патриарха, занимавшего престол в 858—867 гг. и в 877—886 гг., ему не принадлежит, что явствует из стиля [34]. Однако он написан человеком, непосредственно бывавшим в храме Гроба Господня в Иерусалиме. Несмотря на то, что исследователи датируют эту записку с описанием интерьера самого храма и совершаемых в нем обрядов как VIII, так и IX вв., есть основания подозревать в ее авторе непосредственного корреспондента и современника патриарха. В любом случае, текст попал в архив Фотия либо во время его 10-ти летней ссылки 867—877 гг., либо в период его второго патриаршества. Трудами секретарей эта информация оказалась механически присоединена ко всему корпусу «Амфилохий». Уникальность этого текста в том, что там нет ни слова о каком-либо «огненном чуде», случающемся на Гробе Господнем. При этом никто не нашел нужным сделать к этому тексту никакого добавления, хотя бы в виде приписки на полях, что было бы естественным, если бы благая весть о «чудесном огне» была широко известна в Константинополе, и чего не произошло.

В любом случае информация, содержащаяся в памятнике, должна быть оценена двояко. Во-первых, очевидно, что в истории Церкви Христовой было время, когда ни о каком «благодатном огне», сходящем в Великую субботу на Гроб Господень, не было и речи. Во-вторых, в 860-е гг., от которых мы имеем первые свидетельства о том, что существовавший еще в Древней Церкви обряд возжжения нового огня (в храмовых лампадах в Великую субботу) начинает обрастать сверхъестественными подробностями и мифологизироваться, эти слухи и мифы, скорее всего, были не известны во Вселенском Патриархате — центре христианской ойкумены.

---

[32] *Biddle M.* The Tomb of Christ. Stroud, 1999; *Biddle M.* Das Grab Christi. Giessen; Basel, 1998.

[33] Photii Epistulae et Amphilochia / Ed. B. Laourdas, L. Westerink. Lipsae, 1986. Vol. VI.

[34] *Патриарх Фотий.* О Гробе Господнем. Перевод, предисловие и комментарии Д. Е. Афиногенова // Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники / Редактор-составитель А. М. Лидов. М., 2006. С. 264—266.

Это вновь свидетельствует о том, что история с «благодатным огнем» имеет свое начало, и это начало отнюдь не укоренено в Боге.

Сделанные наблюдения заставляют нас еще раз внимательно прочесть те свидетельства, что оставили нам араб Аль-Джахиз († 860 или 869 г.) и европеец Бернард (дата его трудов оценивается по разному: около 865 г., около 870 г., между 863—879 гг.), первые распространители мифа о «благодатном огне». Европеец сам не был очевидцем происходящего. Он пишет: «говорится, рассказывается» (dicendum est). Он говорит о литании с пением *Господи, помилуй!* «до тех пор, пока — с пришествием ангела — возжигается свет в лампадах, висящих над прежде упомянутым гробом» (veniente angelo, lumen in lampadibus accendatur). Употребленный здесь глагол не исключает того, что лампады зажигают, вопреки общепринятому мнению о том, что они «зажигаются».

Несмотря на то, что точную хронологию известий обоих авторов установить не представляется возможным, стоит признать середину IX в. отправной точкой в истории мифологизации обряда. Стоит отметить, что этот миф имел «экспортную» упаковку. Он был рассчитан, прежде всего, на арабов и латинян. В Константинополе о нем не знали. Это еще раз подтверждает наблюдения Н. Д. Успенского о психологическом характере «огненного мифа», призванного подчеркнуть торжество православия в Палестине над инославием и иноверием.

О чем же повествуют «Амфилохии» патриарха Фотия в той их части, что касается храма Воскресения в Иерусалиме? Описав местоположение храма Воскресения, он рассказывает про сам гроб — «природный камень», превращенный работой каменотеса в гробницу, имеющую вход с востока и украшенную колоннами. Далее он повествует, что камень, которым был некогда завален вход в пещеру, ныне раскололся надвое. Одна его часть поставлена для поклонения в западном помещении храма, предназначенном для женщин. Другая, оправленная в бронзу, служит престолом, на котором в Великий Пяток совершалась Евхаристия, а в иное время (автор не уточняет, имеет ли это место лишь раз в год или чаще) «камень архиерей умащает бальзамом, и откуда желающие могут взять освященного бальзама».

Очевидно, мы имеем дело с известным чином VII—XII вв. помазания святыни елеем [35], который на Руси XIV—XVII вв. прижился в свою очередь как обряд омовения мощей или освящения воды на свя-

[35] *Ruggieri V.* «Apomuridzo (muridzo) ta leipsana», ovvero la genesi d'un rito // Jarbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 1993. Bd. 43. S. 21—35.

тых мощах [36]. Однако из сопоставления этого известия с информацией арабских авторов становится понятно, откуда у них представления о таинственном самовозгорающемся составе в основе «чуда святого огня».

Напомним, что в IX в. араб Аль-Джахиз считал, что «хранители храмов не переставали устраивать для народа различные хитрости, вроде хитрости монахов со светильниками церкви Воскресения в Иерусалиме [, утверждающих], что масло в лампадах зажигается у них без огня ночью в один праздник» [37]. Только Аль-Бируни около 1000 г. считает рассказы о «святом огне» заслуживающими доверия. Однако он рассказывает, со слов Аль-Джейхани, об уже известном нам обряде возлияния масла на святые мощи, правда, существующем вне Иерусалима [38]. И уже Ибн-аль-Каланиси († 1162 г.) пытается объяснить «самовозгорание» лампад тем, что христиане натягивают между соседними лампадами железную проволоку, натирают ее бальзамовым маслом, которое, при соединении с жасминовым маслом якобы самовозгорается. Затем достаточно поднести огонь к этой нити, чтобы он перешел на другие лампады [39]. Примерно то же сообщает географ Йакут († 1229 г.), упоминая об истории, весьма похожей на ту, что рассказывает епископ Порфирий про египетского пашу Ибрагима [40]. Аль-Джаубари († 1242 г.) также приводит подобную историю и сообщает дополнительные «пиротехнические подробности»: под куполом есть железная шкатулка, в которую в субботу вечером специально обученный монах кладет серу и разводит под нею огонь, горение которого рассчитано до того времени, когда нужно организовать «схождение света». Цепь, на которой висит шкатулка, смазана бальзамовым маслом. В «час X» огонь от серы зажигает масло, которое стекает по цепи к лампаде, откуда и возникает ощущение «схождения огня» [41]. О шелковых нитях, смазанных бальзамовым маслом и натертых серой, сообщает Муджир-ад-дин (около 1496 г.) [42].

Очевидно, арабские естествоиспытатели, знатоки природы, представить себе не могли, что «возжжение лампад» запросто совершается негасимой свечой, и пытались объяснить происходящее, привлекая из-

---

[36] *Мусин А. Е.* Святые мощи в Древней Руси: литургические аспекты почитания // Восточно-христианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003. С. 363—386.

[37] *Крачковский И. Ю.* «Благодатный огонь» по рассказу Ал-Бируни и других мусульманских писателей X—XIII вв. С. 231.

[38] *Там же.* С. 230.

[39] *Там же.* С. 235.

[40] *Там же.* С. 236.

[41] *Там же.* С. 237.

[42] *Там же.* С. 239.

вестные им способы добиться «самовозгорания» материи. Упоминание «бальзамового масла» как компонента фокуса хорошо соотносится с известиями «Амфилохий» патриарха Фотия. Зная об обряде умащения гробового камня бальзамом, арабы очевидно поспешили перенести свои знания и на объяснение истории с «благодатным огнем». Лишь один Ибн-аль-Джаузи († 1256 г.) говорит о скрытой в мраморной нише негасимой лампаде в углу часовни Гроба Господня, откуда и зажигается «благодатный огонь» [43], что полностью соответствует известию епископа Порфирия (Успенского).

Еще один характерный штрих арабских описаний, согласующийся со свидетельством игумена Даниила — это присутствие монахов лавры преподобного Саввы Освященного. Уж не они ли являются авторами идеи «благодатного огня»? «Идея» обернулась трагедией для храма Воскресения: известно, что именно фальсификация с чудом «святого огня» послужила для халифа Хакима в 1008 г. поводом, а может быть и причиной к разрушению храма Гроба Господня [44].

В России благочестивый обман получил массовое распространение только в тоскливый период застоя 1970-х гг. Характерно, что иерархи воздерживаются от официальных заявлений, предпочитая насаждать сомнительный культ чужими руками. «РИА Новости» повторяет чей-то экзальтированный бред, описывающий физические характеристики огня, якобы заметные «при замедленной съемке».

Отрезвлению умов не способствовал даже скандал 2008 г., вызванный российской делегацией журналистов, специально для освещения феномена «благодатного огня» привезенной В. Якуниным в Израиль — к патриарху Иерусалимскому Феофилу (Яннопулосу), возглавившему «матерь всех церквей» в 2005 г. Во время встречи в патриаршей резиденции 12 апреля патриарх Феофил, отвечая на вопрос об обряде огня Великой субботы, как и его предшественник начала XX в. патриарх Дамиан, поставил этот ритуал в один ряд с обычными церковными службами, такими как Литургия, не стал характеризовать его как чудо и назвал происходящее церемоний — «representation» (патриарх говорил по-английски). Это вызвало не только шок и негодование слушателей: патриарх был тут же обвинен в «русофобских настроениях», поскольку вопрос об огне оказался поднят в контексте разговора об особенностях русского церковного и политического присутствия в Святой Земле. После возвращения в Россию, несмотря на

[43] *Крачковский И. Ю.* Указ. соч. С. 238.

[44] *Canard M.* Le destruction de l'église de la Résurrection par le calife Hakim et l'histoire de la descente du feu sacré // Byzantion. XXXV. Bruxelle, 1965. P. 385—394; *Крачковский И. Ю.* Указ. соч. С. 239.

строгий приказ «не выносить сор из избы», некоторые участники встречи поспешили поделиться новой информацией в своих блогах. Сказанное свидетельствовало, что огонь Великой субботы есть огонь рукотворный: откровенней выразиться о «зажигалке в кармане» как причине «чуда», патриарх не мог. Впрочем, нам уже известно, что речь должна идти не о зажигалке, но о горящей лампаде, скрытой за движущейся иконой в кувуклии Гроба Господня.

Все это вызвало праведный гнев человека, потратившего на поездку свои средства, а именно В. Якунина. Уже 21 апреля 2008 г. он не только публично заявил, что иерусалимского патриарха неправильно поняли, но и потребовал от московской патриархии наказать виновных в разглашении «церковной тайны». Слово правды о происходящем в Иерусалиме совпало с выходом из печати первого и достаточно массового издания лекции Н. Д. Успенского о «благодатном огне». Накануне следующей Пасхи 17 апреля 2009 г. патриарху Кириллу (Гундяеву) поступило открытое письмо, подписанное религиоведом Борисом Фаликовым, культурологом Александром Люсым, поэтом Борисом Колымагиным и автором этих строк, в котором патриарха — «в силу присущей ему мудрости и проницательности» — просили «дать от имени полноты Русской Православной Церкви богословскую, литургическую и историческую оценку как самому "огню Великой Субботы", возжигаемому в Иерусалиме, так и распространившейся в последнее время практике его чрезмерного почитания в дни празднования Светлого Христова Воскресения».

Естественно, письмо осталось без ответа. Точно также естественно, что новый огонь, зажженный на Пасху, да еще и в Иерусалимском храме — вещь для Православной церкви особая. Привоз иерусалимского огня в различные уголки православного мира, очень похожий на его дистрибуцию в промышленных масштабах, — добрый знак солидарности некоторых христианских народов. Но утверждение о божественном происхождении огня есть сознательный обман, граничащий с кощунством и богохульством. И огонь Великой Субботы — это не вопрос веры и неверия, а вопрос порядочности и нечестности...

Сегодня искусственно формируемые реликвии и чудеса занимают в церковном сознании место старых святынь. В ряде случаев можно констатировать сознательный обман, иногда инфантильные заблуждения. Нельзя утверждать, что фабрикация новых культов и святынь является целенаправленной и скоординированной деятельностью, результатом которой должно стать создание новой фундаменталистской традиции, находящейся в оппозиции к церковной истории и культуре. Скорее всего, это происходит спонтанно, в результате неотрефлекси-

рованных поступков отдельных представителей иерархии и клира. Их деятельность, продиктованная, по признанию патриарха Алексия (Ридигера), тщеславием и корыстолюбием, отвечает непритязательным религиозным потребностям «новых» и «старых православных», ищущих в вере психотерапевтическое средство, а также «чудеса и знамения». Однако в результате формируется новое «лжепредание», создающее основу для фундаменталистских настроений, создается «новое православие», лишь на словах связывающее себя с многовековой историей христианства.

По замечанию некоторых наблюдателей, современный православный храм становится своего рода «псевдоморфозой», когда снаружи можно видеть шедевр церковного зодчества, а внутри пошлое, безвкусное убранство, превращающееся в кич, разрушающий веру. Однако оправдание такого рода псевдоморфозам, связанным с трансформацией Предания, можно найти в писаниях некоторых современных идеологов «православной культуры». По сути дела, стихийные процессы, происходящее в современной православной общине, обретают идеологическое обоснование не только в устах «младостарцев», духовников, коверкающих человеческую душу, но и в речах тех, кто претендует на высокое звание церковной интеллигенции.

В своем неприятии современного искусства и бывших коллег по искусствоведческому цеху «новое богословие», включающее в себя и пресловутую иконологию, создает теоретическую базу для искажения Предания. Его представители не просто объявляют современные виды творчества «мерзостью запустения» и утверждают, что «Черный квадрат» Малевича — это сознательная богоборческая акция. Такой же антицерковной акцией объявляется бескорыстное чувство прекрасного, которое «затемняет главную сторону церковного творчества» и превращает его в «пресловутое всемирное достояние» [45]. Как следствие, эти силы отрицают необходимость эстетики и ее эволюции в самой Церкви, обвиняя священномученика иерея Павла Флоренского в том, что он позволял себе и другим рассматривать «храмовое действо как синтез искусств».

Именно в этой среде рождается утверждение, что представление о русской иконе как самоценной красоте было не выявлением, а умалением богословской природы образа, что привело к десакрализации иконы. Одновременно доказывается, что серебряная риза на иконе есть не дорогая прикраса, затемняющая сущность образа, но символическое

[45] *Салтыков А., протоиерей*. Икона как святыня // Проблемы современной церковной живописи, ее изучения и преподавания в Русской Православной церкви. М., 1996. С. 7—12.

выражение небесного света [46]. Следующим этапом уже становится отвержение святоотеческих принципов библейской экзегезы, прежде всего историзма. Так, на основании произвольного толкования Послания к Галатам, где говорится о «начертанности» образа Распятого перед взором верующего (Гал. 3:1), утверждается существование «предметных изображений Спасителя» в жизни и культе христианских общин уже I в. [47].

Такое стремление перетолковать культурное наследие Церкви и объявить о собственной монополии на его понимание объясняется банальным столкновением профессиональных интересов. Выразители этих взглядов откровенно признают, что «святынями нашей Церкви на сегодняшний день распоряжается культурная элита, небольшой, но влиятельный слой именитых деятелей культуры». Подобные заявления выдают сокровенное желание самостоятельно вступить в эксклюзивное распоряжение культурным наследием. При таком подходе к культуре отрицается возможность существования множественности смыслов, сокрытых в церковном искусстве, как и в искусстве вообще. Утверждение о единственно возможном понимании смысла Библии является одним из признаков религиозного фундаментализма.

В России, где фундаментализм в особенной степени распространяется на сферу культуры, это утверждение переносится и на содержание религиозного и внецерковного искусства. Его однозначное прочтение устанавливается иерархией и «оскорбленными чувствами верующих», как это показали споры вокруг выставки «Осторожно, религия!» и судебный процесс над ее организаторами в 2005 г.

Однако за спорами о содержании образа стоят более существенные проблемы. В тех же кругах формируется идея противопоставления Предания его сохранившимся формам. Курс лекций по катехизису, подготовленный Свято-Тихоновским университетом в 2000 г., указывая, что Священное Предание познается только изнутри, одновременно предупреждает: «В противном случае изучение Предания окажется подмененным исследованием памятников церковной культуры и предметом изучения станет не Предание, а то, что в той или иной мере создавалось Преданием». По сути, формы Предания и его памятники отрываются от его постижения. Тем самым они объявляются незначимыми для нормального течения церковной жизни. Это позволяет не только

---

[46] *Михайлов Б.*, *священник*. Храм в Филях. История прихода и храма Покрова Богородицы в Филях. XVII—XX века. М., 2002. С. 183.

[47] *Салтыков А.*, *протоиерей*. Достоверность свидетельства: понятие «прографо» в Послании к Галатам // Искусство восточно-христианского мира: Сб. ст. Вып. 8. М., 2004. С. 5—16.

пренебречь церковной культурой, но и пренебрежительно отнестись к ее памятникам, сохранившимся до нашего времени. Однако форма Предания не есть малозначащий эпизод в его бытии. Напротив, она неразрывно связана с его содержанием.

В житии прп. Силуана Афонского († 1939), есть эпизод, когда монах утверждает, что афонские иноки, при утрате по неведомой причине аскетических писаний Святых Отцов, легко написали бы новые. Это хорошо соответствует расхожему представлению, что если текст Евангелия почему-либо исчезнет, церковный народ сможет написать его заново: «Предание восстановит Писание пусть не дословно, пусть иным языком, но по существу своему, и это Новое писание будет выражением все той же „единожды переданной святой веры“». Этими словами, носящими полемический характер, выражается действительная вера Церкви в действенное присутствие в ней Духа Божия, обеспечивающее непрерывность Предания. Однако сегодня за ними скрывается горделивое самомнение ограниченных людей, отождествляющих свою персональную или корпоративную культуру с культурой всей Церкви. В условиях отвержения соборности и превращения церковной жизни в способ самоутверждения такое самомнение представляет угрозу Преданию. «Написание заново» становится переписыванием Евангелия. Одновременно за этим стоит отрицание ценности факта церковной истории, признание которой было стержнем духовной жизни древней Церкви: уникальность Боговоплощения делала ценным любое историческое или культурное событие «последнего времени».

Такие настроения никогда не были в истории Церкви преобладающими. Однако сегодня эти настроения активно реализуют себя в «псевдореставрации», «лжереликвиях» и возведении многочисленных симулякров-новоделов, которые лишь «симулируют» духовную жизнь, тогда как настоящие запросы такой «жизни» оказываются далекими от подлинных евангельских переживаний и созданных ими памятников. Постоянные утверждения о том, что религиозная организация восстановит храм не только «как было», но «даже лучше», оказываются лишь преломлением в сфере культуры претензии на написание «новейшего завета». Для того чтобы сохранить богословское и культурное наследие Церкви, стоит отказаться от извечных русских вопросов «Что делать?» и «Кто виноват?» и попытаться ответить на другой вопрос — «Что происходит?»...

«ЧТО ПРОИСХОДИТ?»

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Передача Русской Церкви памятников христианской культуры кажется неотделимой от общего процесса наделения Московской патриархии недвижимостью и привилегиями. Это позволяет экспертам оценивать происходящее как «очередной этап олигархической приватизации», где в число приватизируемых объектов входят не только средства производства, но и «предметы потребления»: памятники культуры. Здесь имеются в виду как выгоды избавления государства от «бремени содержания» культурного наследия, так и национальная идеология и социальная психотерапия, осуществление которых отдается государством на откуп патриархии.

Однако в сфере охраны, использования и реставрации христианских святынь как зоне специфического столкновения общественных интересов существуют дополнительные основания для социальных и идейных конфликтов. Их истоки связаны с фактом печального, но традиционного для Отечества пренебрежения «любовью к отеческим гробам» в угоду «злобе днешнего дня». Сегодняшнее «церковно-государственное взаимодействие» построено на тех же принципах. Модернизация этих подходов создает новый уровень угрозы национальной культуре и культурному развитию. Современная Россия сконструировала особый механизм использования исторического наследия как средства решения проблем политической элиты в ущерб гражданскому обществу. Наделение московской патриархии — потенциального союзника во внутренней и внешней политике — материальной базой и средствами влияния на общество перешло из сферы популистских жестов в системно осуществляемую государственную политику. Одновременно передача прав пользования памятниками культуры от интеллигенции духовенству является классическим осуществлением принципа «divida et impera», ориентированного, в конечном итоге, на депривацию российской культурной элиты, переключение ее социальной энергии на

конфликт с религиозными организациями и выработку в ее среде настроений политического сервилизма. Специфика религиозной жизни современного Российского Православия и особенности бюрократической структуры патриархии лишь усугубляют напряженную ситуацию.

Исторические события, связанные с передачей Русской церкви памятников культуры, могут получить следующую периодизацию по характеру намерений правящей российской элиты: 1988—1994 гг. — период *популистской* реституции, 1995—2000 гг. — период *контролируемой* реституции, 2001—2010 гг. — период *идеологической и экономической* реституции.

В конце 2000-х гг. здесь наметилась новая тенденция: претензии религиозных организаций все активнее стали распространяться на государственный музейных фонд. В последний из периодов, помимо мечты о новой идеологии, в основу процесса была положена особая стратегия, предусматривающая поиск финансовых потоков на реставрацию объектов культурного наследия и избавление от бремени их содержания через приватизацию памятников культуры. Обсуждение этой законодательной инициативы с 2004 г. сопровождалось проработкой вопроса о передаче профильных объектов религиозным организациям в собственность и подготовкой соответствующего законопроекта, принятие которого упростит процедуру передачи и затруднит контроль над сохранностью памятников церковной культуры. Эта инициатива была связана с позицией руководства Министерства экономического развития и Федерального агентства по управлению федеральным имуществом. При этом демонстративно подчеркивался приоритет полномочий Росимущества перед интересами учреждений культуры. В условиях, когда у общества и государства нет эффективных средств воздействия на недобросовестного пользователя исторического памятника, трудно надеяться, что они появятся, когда пользователь станет собственником.

Одновременно стране подкидывалась мысль, что памятники культуры являются рядовым источником дохода, а забота о сохранении культурного наследия присуща обществам, не достигшим постиндустриального уровня развития. В интересах будущих собственников предлагалось законодательно установить исчерпывающий перечень ограничений по функциональному использованию объектов культурного наследия. Председатель комитета по собственности Госдумы В. Плескачевский, в русле текущей политики, обвинил искусствоведов в нежелании понимать, что памятники культуры — это лишь имущественные объекты.

При активном участии Росимущества возникла новая схема, когда памятники передавались из ведения субъектов в собственность Федерации, после чего происходила их передача непосредственно структу-

рам патриархии. Из-за несогласованности законодательства принятие политических решений на федеральном уровне не сопровождалось финансовым обеспечением процесса, который решался региональными властями неудовлетворительно, из-за чего страдали прежде всего региональные музеи.

Кроме политики, совместная заинтересованность политической бюрократии и бизнес-элиты в передаче патриархии памятников культуры всемирного значения, в которых располагаются музеи-заповедники, может определяться и экономикой. Существующее законодательство о культуре и музейном фонде предусматривает запрет на приватизацию, перепрофилирование и приспособление объектов такого уровня. Их ведомственная принадлежность министерству культуры также препятствует установлению здесь оперативного управления или хозяйственного ведения иных структур. С точки зрения некоторых социальных групп, использование этих памятников учреждениями культуры относится к категории «упущенной выгоды» и является неэффективным. Обойти существующее правовое поле возможно лишь на путях социально-политической демагогии, упоминающей «восстановление исторической справедливости» и требование функционального использования памятников, что приводит к передаче их московской патриархии. При отсутствии действенного контроля за экономической и культурообразующей деятельностью религиозных организаций их союз с чиновниками и бизнес-структурами сделает возможным перевод объектов культурного наследия культового характера в «серый сектор» экономики. На этой основе возможны последующее создание объектов элитного отдыха, контроль над туристическими потоками, бесконтрольное использование музейного фонда, кроме того, открываются возможности для «отмывания денег» через «двойную» бухгалтерию религиозных организаций. Подобные предположения подтверждаются тем, что параллельно с попытками установления контроля патриархии над памятниками всемирного значения в 2004—2005 гг. началась кампания по обеспечению особых привилегий для паломнической деятельности, начатая по инициативе крупнейших монастырей и ОВЦС. Небезынтересно, что определенную роль в закреплении за патриархией федеральных памятников играли структуры, связанные с администрацией Президента, как это было в случае с Ипатьевским монастырем в Костроме и с реставрацией Иверского монастыря на Валдае.

Памятники церковной старины становились заложниками «большой» и «малой» политики не только тогда, когда поднимался вопрос об их передаче Русской Церкви. Проблемы их реставрации и сохранности использовались также как средство давления на идейных и политических противников или же как элемент PR-компании, превра-

щающий сложное дело в политическое шоу. 13 мая 2006 г. Валентина Матвиенко привезла в Александро-Невскую лавру «десант» из чиновников и бизнесменов для «реставрационного субботника». В конце субботника губернаторша попросила митрополита Владимира (Котлярова) «отпустить грехи» членам городского правительства и представителям компании ТНК-ВР, вкладывающей деньги в реставрацию обители.

Наиболее политизированным событием «борьбы за сохранение культурного наследия» явилась кампания по вытеснению из общественного пространства Российской Православной Автономной церкви (РПАЦ), известной как «суздальская иерархия». Союз церковных общин, первоначально связанный с Цареконстантиновским храмом в Суздале и с именем архимандрита Валентина (Русанцова; р. 1939), провозгласил себя в 1996 г. Российской Православной Свободной церковью, зарегистрированной в 1998 г. как РПАЦ. Еще в 1990 г., в результате конфликта с архиепископом Владимирским Валентином (Мищуком), архимандрит вместе с обширной паствой вышел из юрисдикции патриархии и был принят Русской Православной церковью за границей, где был рукоположен в епископы. К 2002 г. под омофором Валентина, к этому времени возведенного его сторонниками в сан митрополита, находилось более 60 приходов, большинство из которых сосредоточивалось в Суздале и его окрестностях.

Еще в сентябре 2002 г. мэр Суздаля А. Рыжов подал иск в арбитражный суд, потребовав отменить решение городского совета 1999 г. о передаче РПАЦ здания, в котором расположился Ризоположенский монастырь этой церкви. Но тогда в «пересмотре итогов приватизации» был заинтересован чиновник очень невысокого ранга, да и интерес его не был политически мотивированным. Однако 24 марта 2006 г. депутат Госдумы бизнесмен и совладелец нефтепровода «Россия—Латвия» Дмитрий Пожигайло направил полпреду Президента в Центральном округе Г. Полтавченко письмо «по просьбе» неизвестных жителей Суздаля. Жители были «обеспокоены судьбой объектов культурного наследия, относящихся к федеральной собственности». Сообщалось, что 17 объектов культурного наследия, переданных «суздальским» общинам, не используются по первоначальному назначению и находятся в аварийном состоянии. 24 апреля заместитель полпреда Н. Макаров доставил это письмо в Росимущество. 6 мая 2006 г. уже известный нам Д. Аратский поручил территориальному управлению агентства по Владимирской области провести проверку указанных объектов и представить наверх к 19 мая акт с фотофиксацией. Исполняющий обязанности руководителя управления Росимущества по области В. Горланов создал свою комиссию, в которую вошли представители Верхне-

Волжского управления Росохранкультуры и областного Госцентра по охране памятников. 17 мая комиссия провела проверку состояния и использования 14 «суздальских» храмов, не выявила каких-либо нарушений и констатировала необходимость федеральных дотаций для реставрации живописи XIX в.

Депутатский запрос и официальная комиссия были, скорее всего, элементами заранее спланированной акции. Еще в декабре 2005 г. сотрудники Владимирского управления ФСБ запросили в Госцентре по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры документы по церквам, находящимся в пользовании РПАЦ. Директор Центра Ирина Матушевская отметила тогда, что серьезных претензий к этим общинам в связи с использованием и реставрацией памятников не имеется. Одновременно усилилось и присутствие в Суздале Московской патриархии: в конце апреля администрацией области ей был передан в пользование Александровский монастырь XIII—XVII вв., где до этого располагался музей-заповедник.

Тем временем государственно-судебная машина пришла в движение. 22 сентября 2006 г. полномочный представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе Г. С. Полтавченко обратился в Федеральное агентство по управлению имуществом с просьбой вновь проверить храмы РПАЦ в Суздале. Комиссия управления Росимущества по Владимирской области приступила к работе 16 ноября, дабы оценить соответствие состояния находящихся в федеральной собственности храмов требованиям охранных договоров. Тем временем 2 ноября прокурор г. Суздаля Я. Н. Морковкин сообщил митрополиту Валентину (Русанцову), что РПАЦ не переоформила договоры безвозмездного пользования в соответствии с требованиями закона «Об объектах культурного наследия», и в декабре начался процесс по заключению новых соглашений.

4 июля 2007 г. передача телеканала ТВЦ попыталась создать в обществе представление, что общины РПАЦ не заботятся о реставрации переданных им храмов-памятников. В декабре 2007–феврале 2008 гг. владимирское территориальное управление Росимущества подало в арбитражный суд 15 исков к РПАЦ «об истребовании имущества из незаконного владения». Изъятию подлежали все храмы, полученные до 2000 г. Впервые в таком процессе была задействована судебная власть — известное «басманное правосудие». 4 марта 2008 г. во Владимире прошло первое предварительное заседание суда. Подобные заседания продолжались до конца года, при этом суд затребовал документы о каноническом правопреемстве РПАЦ. В течение 2008—2009 гг. верующие этих общин проводили пикеты и крестные ходы,

обращались к губернатору и президенту. Окончательное решение в отношении первой партии храмов РПАЦ было принято 5 февраля 2009 г.: надлежало расторгнуть охранные договора и изъять их в пользу государства. В августе было принято решение о возбуждении исполнительного производства Федеральной службой судебных приставов, и 11 сентября храмы были опечатаны. Процесс судебных решений по многочисленным искам растянулся на год. 16 февраля 2010 г. было принято судебное решение об удовлетворении еще трех исков департамента имущественных и земельных отношений администрации Владимирской области к общинам РПАЦ. Архиепископ Владмирский Евлогий (Смирнов), представляющий в регионе патриархию, уже знает, как распрядится выморочным имуществом: сначала храмы будут действовать как приписные, а затем будут переданы учебным заведениям.

Все эти события, не имеющие отношения к охране культурного наследия, но лишь преследующие цель подавления общин, не принадлежащих к РПЦ, происходят на фоне продолжающего разрушения памятников истории и археологии в России. В основе происходящего — нежелание и неспособность органов государственной власти всерьез осознать масштабы культурной катастрофы, которая сродни катастрофе экологической. С таким положением дел неприятно контрастирует показанная забота российского руководства о памятниках советской эпохи, оставшихся на территории бывшего СССР.

Эта позиция во многом спровоцировала серьезное общественное противостояние в Таллинне, связанное с переносом «Бронзового солдата» в апреле 2007 г. из центра города на воинский мемориал.

Подобная реакция российского руководства имела место и в связи с уничтожением мемориала воинской славы в Кутаиси 19 декабря 2009 г. Уже через три дня премьер-министр РФ Владимир Путин сообщил о возможности создания копии мемориала в Москве за счет грузинской диаспоры, несмотря на ясно выраженное несогласие автора проекта Мераба Бердзенишвили. В феврале 2010 г. мэрия Москвы выступила с инициативой проведения реставрационных работ разрушенного мемориального комплекса у «Зеленого моста» через реку Нерис в столице Литвы городе Вильнюсе. Такую «заботу» стоит сопоставить с обезображенным состоянием многочисленных братских захоронений и памятников воинской славы на территории самой России…

То, что данные случаи являются использованием культурного наследия во внешнеполитических целях, доказывается полным молчанием руководства страны по поводу переноса властями Китая в 1999 г. памятника советским воинам, павшим в боях за освобождение Даляня, или же по случаю действий узбекских властей в ноябре–декабре

2009 г., когда был демонтирован памятник советскому солдату в парке Жасорат боги в Ташкенте и снесена располагавшаяся рядом церковь св. кн. Александра Невского, выстроенная в 1898 г. по проекту А. Л. Бенуа…

Однако все это — взгляд снаружи. Проблемы памятников церковной культуры, их возвращения, охраны и реставрации должны быть рассмотрены изнутри — как проблемы самого христианского сообщества. Прежде всего, передача религиозным организациям культовой недвижимости и святынь не может быть названа реституцией, потому что в современной российской ситуации нарушены принципы правопреемства. Сегодня речь может идти лишь о возникновении прав собственности сызнова, но не об их восстановлении. В то же время сложившаяся система налоговых льгот, финансовых выплат, политических преференций и общественных привилегий, адресованных московской патриархии, является достаточной и справедливой компенсацией за право государства владеть памятниками церковной культуры.

Правопреемство, как и Священное Предание, основывается не только на базовых элементах вероучения и культа или наследовании централизованных управленческих структур. Руководство патриархии не стремится к реституции во всех сферах церковной жизни. Сознательный отказ от восстановления ее соборных начал сочетается с формированием нового типа религиозного поведения и системы ценностей, диссонирующих не только с евангельскими нормами, но и с приоритетами церковной жизни конца XIX—начала XX в. Взамен традиционной православной религиозности с исторически достоверными святынями формируются ее экзальтированные формы, ориентированные на псевдореликвии и лжечудеса.

Возрождение приходской и монастырской жизни на территории России игнорирует исторически существовавшие формы церковного владения храмами и святынями, подменяя их представлениями об «общецерковной собственности» и порождая, как и в ситуации с «общенародной собственностью», настроения коллективной безответственности. Подобные настроения процветают и в духовной жизни. Антихристианская трактовка «отсечения собственной воли» удобна для церковного руководства как в экономике, так и в пастырской практике. Это является дополнительным фактором, формирующим инфантилизм и равнодушие. В такой ситуации выгоден не прихожанин, а «захожанин», заботящийся об удовлетворении «религиозных потребностей» и комфорте для «религиозных чувств». И то и другое становится действенным средством воздействия на общество ради получения социальных, политических и экономических льгот. Икону приносят в су-

ды как средство давления на судей и на ярмарки как средство привлечения покупателей, богослужение становится способом захвата недвижимости, а специфическая трактовка художественного творчества — дубинкой в руках церковных активистов для установления нового общественного порядка. Церковь превращается из жертвенного сообщества в «общество религиозного потребления». Это свидетельствует о формировании особого типа православного фундаментализма в России.

Традиционно считается, что за фундаментализмом, противостоящим государству, обществу и иерархии, кроется стремление некоторых религиозных групп преодолеть секуляризацию через построение тоталитарной системы общественных отношений, используя для этого социальные инструменты модерна и технического прогресса. Однако, как явствует из анализа текущей ситуации в России, существующие настроения возглавляются иерархией, поддерживаются политической элитой и разделяются значительной частью общества. К особенностям российского фундаментализма относится и тот факт, что помимо социального модерна в этом явлении одна из главных ролей отведена использованию культурного наследия нации и отказу от плюрализма в понимании исторической традиции. Фундаментализм противостоит не только современному гражданскому обществу, но и традиционным ценностям Православия, что проявляется, в частности, в трансформации церковного наследия.

Разумеется, угроза современного православного фундаментализма сказывается в различных областях общественной и религиозной жизни. Однако в сфере культуры фундаментализм представляет особую опасность, поскольку представляемая им угроза подмены культурно-исторических понятий не всегда очевидна. Российский фундаментализм стал новой «редакцией Православия», выработанной практикой церковной жизни под руководством современных менеджеров московской патриархии. В результате среди прихожан формируется «потребительское отношение к святыне», связанное с требованием ее постоянной «богослужебной эксплуатации» ради удовлетворения собственных «религиозных потребностей». Ложное противопоставление духовного и материального ведет к пренебрежению «материальным телом» святыни и его сохранностью. Столь же безответственным является и исповедуемый некоторыми православными принцип «Бог сам спасет свои святыни» по отношению к культурным ценностям Церкви, а фразы о том, что сохранность святыни обеспечивается «ежедневной молитвой и служением литургии» звучит кощунственно, поскольку здесь очевидно стремление переложить на Бога те труды, которые должен понести христианин.

Несмотря на то, что с богословской и литургической точек зрения копия святыни по своей сакраментальной значимости тождественна оригиналу, сегодняшние требования патриархии касаются возвращения именно исторических реликвий нации. Эти требования выдают истинные намерения «доморощенных» фундаменталистов, связанные с установлением клерикального контроля над пониманием истории и восприятием культуры. Контроль такого рода оправдывает любое вмешательство религиозной организации в исторический памятник с целью приспособления его к современным нуждам. В этом проявляется не только бросающийся в глаза прагматизм церковных авторитетов, заключающийся в желании построить быстрее, проще и дешевле, что уже само по себе входит в противоречие с решением сложных проблем сохранения культурного наследия. Такое «приспособление» есть действительное приспособление святыни к низменным потребностям «века сего», ее опошление.

Однако модернизация облика древнего храма или монастырского комплекса в результате «псевдореставрации» и евроремонта подсознательно преследует еще одну цель — продемонстрировать неизменность современной трактовки Православия, ее соответствие церковной традиции, отсутствие исторического многообразия в церковной жизни. У прихожанина и посетителя похищается сама возможность сравнивать сегодняшний православный быт с историческим Православием. Уничтожение подлинной памяти о христианстве Древней Руси, воплощенной в иконографии, стилистике и колорите фресок, в неровной поверхности храмовых стен, говоря языком закона, в «исторических чертах, подлежащих охране», закрывает для нас возможность ощутить духовные переживания наших предков, осознать тот плюрализм, открытость и жизнелюбие, которые были присуще древнерусскому Православию как части вселенской Веры. В свое время наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Алипий (Воронов) открыл в Успенском пещерном соборе фрески XVI в., написанные, скорее всего, рукой прпмч. Корнилия и печально предрек: «Умру — забьют опять». Действительно, в 1975 г. фрески были закрыты поздними иконами. Такая ситуация сохранялась и в то время, когда наместником в монастыре был Павел (Пономарев). Сегодня он — архиерей в Рязани, требующий вернуть ему местный кремль.

Вид восстанавливаемых из руин храмов сегодня вызывает умиление даже у думающей части российской интеллигенции и порождает комплименты в адрес московской патриархии. Но такое «восстановление» памятников сродни их новому разрушению, разве что более циничному. Представьте себе, что некто взялся восстановить разрушенный вандалами памятник на могиле близкого вам человека. В конце

концов вы приходите на могилу и видите, что надгробный камень вроде похож, но на нем — либо другое лицо, либо заменено имя, либо искажена фамилия... Вместо благодарности «восстановителю» в вас просыпается возмущение. Сегодня церковный ремонт столь же мало похож на настоящее восстановление порушенных святынь, как сегодняшняя церковная жизнь — на подлинное восстановление христианских традиций. И то и другое нацелено на создание новоделасимулякра, имитирующего и симулирующего духовную жизнь и продавливающего в общество новую редакцию Русского Православия как варианта национального быта и идеологии.

РПЦ демонстративно молчалива по поводу разрушения церковной старины руками ее духовенства. Только в 2001 г. появилась церковная брошюра, где на доступном массовому прихожанину языке говорилось «о грехе небрежения и об истинном отношении к иконам» [1]. Здесь подчеркивалась оправданность музейных требований к обращению с иконами, описывались необходимые условия их хранения и писалось о вреде непрофессиональной реставрации. Положение с обучением реставрации даже в серьезных богословских учебных заведениях отражает общецерковное отношение к этой материи. При этом «церковная реставрация», пренебрегая соборным обсуждением, зачастую является воплощением индивидуальной вкусовщины, характерной для заказчика — архиерея, игумена, настоятеля, провинциальное происхождение которых определяет их культурный уровень. В результате свойственные им представления о «благолепии» навязываются и общине и обществу. Подобная «приватизация» «красоты церковной» не только служит задачам примитивного самоутверждения, но и целиком подчиняет облик памятника индивидуальному контролю, что может рассматриваться с точки зрения канонического права как восхищение богослужебных предметов для личного употребления.

«Неудача» церковной реставрации, подменяемой ремонтом или сопровождаемая уничтожением старины, сродни неудачам социальных и образовательных проектов сегодняшней РПЦ. Это связанно не только с «модернизацией» церковного сообщества в сторону фундаментализма, но, как отмечают эксперты (и в частности Б. Кнорре), с традиционным менталитетом и стереотипами поведения, присущими православной субкультуре. Отсутствие установок на интеллектуальное и культурное развитие, заниженная самооценка, «комплекс жертвы», патернализм и инфантилизм, декларативное отвержение бытового комфорта как предлог к всеобщей нетребовательности, наличие

[1] Как правильно обращаться с иконами. О грехе небрежения и об истинном благочестивом отношении к иконам. М., 2001.

двойных стандартов в подходах к внецерковному обществу — все эти глубинные черты религиозного характера, выдаваемые обыкновенно за «духовность», препятствуют формированию социально-ответственной позиции, необходимой как для сбережения религиозных святынь и культурного наследия, так и для активной социальной деятельности Церкви. Преодоление таких «субкультурных» комплексов возможно лишь в результате целенаправленной проповеди, однако ни приходское духовенство, ни иерархия не готовы начать подобную борьбу — что в силу подверженности подобным же недостаткам, что в силу боязни посягнуть на «традиционные ценности».

Характерно и «чувство хозяина», свойственное некоторым представителям церковного руководства. Бабушка, вспоминая эпизоды коллективизации в Архангельской губернии конца 1920-х гг., рассказывала щемящую душу историю. К власти пришла голытьба и пьянь, известная всему крестьянскому миру. Лошадей, объявленных общественной собственностью, с деревенских дворов согнали в общее стойло. Это не мешало «бывшим» хозяевам приходить каждый вечер в конюшню, чтобы с заботой и лаской вычесать своих любимцев, равно как не мешало новым «хозяевам», проезжая верхом мимо «бывших», демонстративно рвать узду, раздирая лошадям рот до крови. Для «комбедовцев» кони так и остались навечно чужими, а для хозяев — своими навсегда.

Что-то похожее происходит сегодня между некоторыми представителями духовенства, властвующими над памятниками церковной старины, и хранителями и реставраторами, которые оказались лишены возможности хранить и реставрировать.

Возвращенные патриархии храмы и святыни сегодня зачастую переделываются не только без рекомендаций и надзора специалистов, но и вопреки этим рекомендациям. За этим, как и за требованиями тотального возвращения памятников церковной культуры в ведение патриархии, кроются настроения реваншизма, стремление отомстить бывшим хозяевам, делая «больно» их любимым памятникам. Дух «любоначалия» и «самовластных страстей» из гимнографии Великого Поста перемещается в современную церковную жизнь.

Для выборгского архиерея музейная интеллигенция является «еретиками-иконоборцами». Для ярославского архиерея консультации и согласования со специалистами унизительны. Для рязанского архиерея соблюдение температурно-влажностного режима является вздором. Для новгородского архиерея отказ от археологических раскопок по меркантильным соображениям оборачивается «закапыванием» истории собственной епархии. В свое время митрополит Ленинградский Никодим (Ротов; 1929—1978) говаривал этому будущему князю церкви:

«Хороший ты человек, но погубит тебя твоя шляхетская спесь». Пророчество начало сбываться…

Происходящее свидетельствует, что вместо настоящего хозяина в церковные памятники приходит временщик, стремящийся выжать из святыни максимальную пользу, подминая памятник под себя. Такое отношение четко прослеживается в судьбах заброшенных сельских церквей, которые епархиальная власть отнюдь не спешит брать «в собственность». За последние 15 лет патриархия и епархии не перечислили ни копейки на их консервацию и сбережение. Эти храмы — «чужие» для церковных чиновников, так как у них нет ни прихода, ни дохода. Тема сохранения культурного наследия активно проникает в церковную лексику только, если нужно добиться передачи памятника старины в пользование патриархии. Тогда в нерациональном, корыстном или халатном обращении с памятниками обвиняются конкретные учреждения культуры, для чего используются иногда реальные, иногда выдуманные случаи ненадлежащего обращения с объектами культурного наследия. В других случаях патриархия молчит, поскольку указать на бедственное положение храмов, находящихся в собственности государства, значит поссориться со своим главным спонсором. В Великом Новгороде местная епархия ни разу не выступила в защиту разрушаемого культурного наследия даже тогда, когда бульдозеры фирмы «Деловой партнер» уничтожали древнее кладбище Свято-Духовского монастыря. Это и понятно: фирма — деловой партнер областной администрации. На защиту церковных гробов встало лишь общественность.

Вместе с тем, пренебрежение культурным наследием в Русской Церкви, обладая своей спецификой, является лишь проекцией общего для страны отношения к памятникам культуры. Нельзя не отметить, что одной из причин деградации бережного отношения к культурному наследию является демографическая политика коммунистического режима и усиление миграционных потоков в результате распада СССР, что вызвало резкое изменение «культурного фона». Новоприбывшие мигранты зачастую не ощущают местную культурную традицию и ее памятники как свои собственные и оказываются безразличны к их состоянию и разрушению. Речь идет даже не столько о «гастарбайтерах», используемых церковными организациями на своих памятниках, сколько о гражданах, вполне «православных по рождению».

Стремление увидеть в остатках прошлого «ненужную рухлядь» свойственно и современной бюрократии, и значительной части общества. Сегодня церковный ремонт использует ту порочную практику, извращающую суть реставрации и восстановления «связи времен», ко-

торая сложилась в середине 1970-х гг. Тогда, с ведома органов охраны памятников, активно начали внедряться в жизнь «разборка с восстановлением», снос с заменой сгораемых конструкций на несгораемые, сохранение фасада и т. д. Стремление придать памятнику «целостный вид» в соответствии с собственными вкусами может быть охарактеризовано как «реставрационный» тип отношения к культурному наследию, который является типом архаичного, по сути, первобытного сознания. Для него не существует истории, а ощущение древности подменяется привычной глазу свежестью красок и завершенностью формы. К сожалению, именно такое отношение к памятнику характерно для большинства наших соотечественников, которые любят не древность, а свои представления о ней. Им противостоит «консервационный» тип сознания, относящийся к любым материальным останкам древности и старины как к святыне и стремящийся их сохранить, законсервировать как возможность подлинного приобщения к истории. Необходимости именно такого отношения к древности в церкви сегодня противостоит прагматизм и себялюбие «новых православных»...

Сегодня очевидно, что под прикрытием благодушных рассуждений патриарха Алексия (Ридигера) об отсутствии конфликта между Церковью и культурой сформировалось целое поколение духовенства и церковных активистов, чьи представления о памятниках культуры разительно отличаются от присущих цивилизованному миру. Эти деятели предпочитают лично определять, что является объектом культурного наследия и составляет предмет охраны, а что может быть перестроено в угоду собственным представлениям о культуре. При этом они уверены, что их активность вписывается в рамки мер по сохранению памятников культуры, и считают, что конфликт на этой почве раздувается искусственно. Несовместимость таких культурологических подходов является практической причиной возникновения церковно-общественных конфликтов в области охраны памятников истории и культуры.

В результате анализа конкретных конфликтных ситуаций можно выявить следующие модели развития церковно-общественных отношений. Первая модель — реституционная. Она возникает в условиях требований религиозной организации, касающихся передачи ей памятников культуры под видом бывшей церковной собственности. К наиболее драматическим эпизодам относятся ситуации с ризницей и комплексом Троице-Сергиевой лавры Московской области (1992—2001), Владимирской иконой Божией Матери в Третьяковской галерее (1993—1999), Ипатьевским монастырем в Костроме (1993—2005), храмом Успения в Кадашах в Москве (2004), ярославскими храмами (2005), Рязанским кремлем (2004—2006). Характерно, что активность иерар-

хии в деле возвращения собственности возрастает по мере приближения юбилеев, под которые возможно получить существенное государственное финансирование, как это имеет место в связи с 1000-летием Ярославля, празднованием 400-летия дома Романовых в Костроме и юбилеем Астрахани.

Вторая модель — эксплуатационная. Она складывается в условиях использования религиозной организацией уже переданного ей памятника, что зачастую приводит к его утрате или искажению культурно-исторических особенностей, подлежащих государственной охране. К наиболее проблемным участкам до сих пор относились Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде (Московская область), храмы Костромской епархии и Московской области, Ростов Великий, наиболее вопиющий случай — снос дома Передольского и деревянных строений Иверского монастыря в Новгородской епархии в 1995—2005 гг.

Третья модель — инерционная. Конфликт возникает в условиях имитации церковно-государственного взаимодействия в области контроля и использования памятника культуры и надзора за проведением здесь различных работ. В этой сфере наблюдается ограничение доступа туристов в культовые комплексы по религиозному признаку, препятствование государственным служащим в исполнении их служебных обязанностей, а иногда и нанесение физических увечий работающим здесь специалистам (Мартириев-Зеленецкий монастырь, Ленинградская область, 2003 г.). В целом наблюдается отсутствие эффективного контроля над деятельностью религиозных организаций со стороны органов, уполномоченных охранять памятники, и непринятие ими действенных мер, направленных на пресечение противоправных действий или бездействия церковных пользователей и собственников. Чаще всего правоохранительные органы никак не реагируют на происходящее. Наиболее неблагоприятные участки — Соловецкий монастырь, Новоиерусалимский монастырь (Московская область), Валаамский монастырь (Карелия), Александро-Свирский монастырь, Тихвинский монастырь, Зеленецкий монастырь (Ленинградская область), Казанский собор в Санкт-Петербурге, храмы Костромской области и Пскова.

Характерно, что в столицах уже пришло некоторые насыщение и отрезвление в области требований, касающихся возвращения церковных памятников, чего нельзя сказать о провинции. Однако ситуации обостряются в связи с приходом на кафедры, в том числе и на викарные кафедры российских столиц, новых амбициозных архиереев, которые еще не успели лично поучаствовать в разделе госсобственности и приобрести всероссийскую известность путем возвращения чтимых святынь и значимых комплексов церковной недвижимости. Новые на-

значения не только противоречат основам церковной жизни, но и разрушают modus vivendi, сложившийся между Церковью и обществом, между церковным и музейным руководством. К тому же длительное совместное существование не только способствует нахождению компромиссов, но и меняет руководителей в лучшую сторону, если эти люди действительно настроены на диалог. Положение дел в целом характеризуется состоянием отложенного конфликта, когда нерешенные проблемы отходят на второй план и грозят через некоторое время обернуться серьезными потрясениями. Печальным является и тот факт, что разрешение всех конфликтных ситуаций происходит за счет развития личных отношений и лишь в незначительной степени зависит от правовых и социальных механизмов.

В этой связи следует оценить мнение некоторых экспертов, видящих причину маргинализации Русской Православной Церкви в современном гражданском обществе в том, что это общество отказало Церкви в признании и сотрудничестве, не привлекая ее в качестве конструктивной силы к строительству «новой России». Однако внимательное прочтение культурной жизни Московской патриархии в 1991—2006 гг. свидетельствует об обратном. Иерархия изначально не предполагала вести с обществом равноправный диалог, рассчитывая занять здесь доминирующие позиции «подавляющего большинства» и рассматривая общественность как «кучку хамов и крикунов». Свертыванию демократических реформ в стране предшествовало свертывание зачатков соборности в Церкви, сохранившихся в Уставе 1988 г. как анамнезис Собора 1917—1918 гг. Церковный устав, принятый Архиерейским собором 2000 г., фактически ликвидировал Поместный собор, создал пародию на церковный суд, утвердил бесконтрольность и вседозволенность епископата, закрепил бесправное положение священника и прихожанина, что привело к подмене смирения унижением и послушания принуждением. Новый приходской устав 2009 г. закрепляет полную зависимость церковного народа от епископского произвола. Внутрицерковная ситуация, законсервировавшая «властную вертикаль» и равнодушие к человеку, до определенной степени способствовала воспроизводству архетипа власти в современной России. Стимулирующая интеграция религиозных организаций в систему культурной жизни общества, в том числе и в музейно-реставрационную деятельность, не отягощенная вмешательством государства, могла бы способствовать улучшению ситуации в самой Церкви, изменению православного отношения к культурному наследию и позитивному влиянию на общественную жизнь. Это соответствовало бы призыву А. В. Карташева, который указывал, что для «возрождения святой Руси» необходимо взаимодействие Церкви не с государством, а с обще-

ством. Однако московская патриархия продолжает традиционно ориентироваться на государство, пренебрегая общественностью.

Впрочем, позиция значительной части этой общественности и профессионального сообщества может быть охарактеризована как соглашательская. Практически все случаи недобросовестного вмешательства религиозных организаций в используемые ими памятники оказываются согласованы с соответствующими органами и даже одобрены специалистами. Общество, отягощенное комплексом вины перед Церковью, оказывается в заложниках у ложной концепции, суть которой сводится к тому, что «нужно войти в положение» религиозных организаций и выполнить волю заказчика в ущерб законам и нормам. Совесть профессионалов, принадлежащих к Церкви, подменяется «пастырским благословением». Результатом становится разрушение того, что должно быть сохранено и поставлено в центр современной церковной жизни. Сфера сохранения культурного наследия оказывается одной из наиболее коррумпированных в современной России. Речь идет не только о материальной и политической выгоде профессионалов и руководства музеев и даже академических институтов. Искажается само отношение к культурному наследию и церковной старине, которые приносятся в жертву сиюминутной выгоде.

Такая ситуация оказывается очередной «бомбой замедленного действия». Сегодня общество перекладывает ответственность за культово-культурные конфликты на преступный коммунистический режим. Однако к началу 2010-х гг. в России вырастет поколение, которое не будет считать, что московской патриархии «все должны». Это поколение на законном основании обвинит сегодняшний режим в разбазаривании государственной собственности и разрушении культурного наследия. К тому же в условиях неизбежной глобализации и стирания сущностных различий структур повседневности культурное наследие начинает играть роль своеобразной «визитной карточки» нации, сохраняющей и передающей неповторимый индивидуальный колорит каждого народа, отличающий их друг от друга. Сохранение аутентичности культурного наследия страны должно стать предметом мониторинга и особой озабоченности со стороны мирового сообщества, превратившись в специфическую форму международного сотрудничества.

В этой истории наибольшую озабоченность вызывает позиция ВООПИК и связанных с ним специалистов. Руководство Общества не только не реагирует адекватно на разрушение и искажение памятников церковной культуры, но и в лице своих лидеров активно этому способствует. Достаточно вспомнить историю с домом Передольского в Великом Новгороде. Заместитель председателя правления Е. Пашкин

в 2001 г. оправдал намерение местной епархии строить каменную коробку на месте снесенного памятника без производства предписанных законом археологических раскопок. Разрушение памятника было санкционировано и правлением Общества в 2004 г., заседание которого проходило под председательством Татьяны Каменевой. Члены правления единогласно, за одним исключением, рекомендовали возвести кирпичный новодел «на костях» разрушенного дома, не позаботившись при этом об изучении и сохранении культурного слоя. Председатель Новгородского отделения ВООПИК Инесса Зараковская также голосовала за строительство «каменного урода». Это не единственный случай. В Смоленске, с которым Т. Каменева связана как федеральный архитектор, в храме Св. Михаила Архангела уже более 10 лет зияет дыра на хорах, пробитая местным настоятелем иереем Михаилом Каденковым. Дыра, согласованная задним числом, стыдливо не попала на фотографию западной стены Свирской церкви в книжке, посвященной реставрации храма [2].

Естественно, что у приходской жизни есть свои потребности и интересы. Но очевидно, что они должны быть подчинены требованиям сохранения святыни, которые определяются не только христианским отношением к древности, но и законодательством об охране объектов культурного наследия. Речь идет не о поиске компромиссов, а о глубинном осознании православной общиной необходимости сохранения культурного наследия как части собственной истории. Сегодня, как никогда, христианская аскеза, самоограничение в использовании и приспособлении памятников церковной старины, должны явиться главным свидетельством духовного роста православной общины и каждого христианина.

К сожалению, в основе существующего подхода к культурному наследию и учреждениям культуры, присущего сегодня большинству православных, лежат ложно понятые интересы Церкви. Несмотря на все проблемы, свойственные современному музейному сообществу России, в интересах современной церкви не только воспринять существующие здесь способы отношения к древности, но всячески поддержать российские музеи, не требуя расчленения сложившихся коллекций и не выдвигая претензий мировоззренческого характера.

Сегодня Русская Православная Церковь и как общественный институт и как человеческое сообщество в силу установок массового сознания, культовой практики, способов хозяйствования и методов управления оказалась не способной эффективно сохранять и исполь-

[2] *Каменева Т. Е.* Церковь Михаила Архангела в Смоленске. Основные итоги реставрации. М., 2005. С. 37.

зовать памятники культуры, а также распоряжаться ими. Эта неспособность заставляет руководство московской патриархии постоянно подчеркивать исторические заслуги Церкви перед культурой и страной. В лукавой подтасовке фактов о «православном большинстве» населения в России есть доля правды. В конце концов, Церковь и есть общество как «церковный народ», не ограниченный клиром и иерархией. Этот народ вправе потребовать соблюдения закона и сохранения здравого смысла при обращении с памятниками церковной старины. Становится очевидно, что современный спор о культурном наследии Православной Церкви в России, условиях его хранения, сбережения и реставрации — это не противостояние верующих и неверующих. Более того, это не идейный конфликт духовенства и интеллигенции за лидирующее положение в обществе, порожденный взаимной неприязнью. Существующая ситуация несводима и к профессиональному конфликту между двумя группами ремесленников за их «средства производства». Как ни парадоксально это прозвучит, но за конфликтами между структурами патриархии и учреждениями культуры скрывается внутрицерковная борьба за соборность, за сохранение истинного облика церковной традиции и правильное понимание Священного Предания, которые воплощены в культурном наследии Церкви. Это бои за историю по известному принципу: «Кому принадлежит настоящее, тому принадлежит прошлое, кому принадлежит прошлое, тому принадлежит будущее». Стремлению переписать историю сверху, приватизировав и исказив материальный образ прошлого, противостоит естественное желание снизу увидеть историю своей Церкви такой, каковой она была на самом деле. И в этой борьбе невоцерковленная интеллигенция и профессионалы оказываются на стороне церковного народа, поскольку их намерения совпадают с осуществлением неотъемлемого права общины на осознанное и ответственное обладание святыней и стариной...

Тот факт, что современные православные этого не понимают, объясняется не только особенностями и мутацией религиозного сознания в строну фундаментализма, а также проблемами, порожденными советским прошлым. Не менее существенная причина кроется внутри музейно-реставрационной корпорации. Не случайно разгромы музеев или изъятие из них знаменитых икон, осуществляемые совместно патриархией и органами государственной власти, столь редко вызывают серьезное и массовое возмущение в обществе. Современным российским музеям стоит посмотреть правде в глаза: общество относится к ним с такой же суеверной дистанцией, как и к Церкви. Отсюда и расхожее противопоставление музея и современной жизни. Прежде всего потому, что Музей, как и Церковь, оказывается совершенно закрытой

для общества структурой, существующей в себе и для себе. Призывы «ходить в музей», равно как и призывы «ходить в церковь», наталкиваются на человеческую глухоту: что там, что сям большинство наших современников ощущает себя решительно лишними. Даже стереотип поведения музейных смотрительниц по отношению к посетителям совершенно идентичен отношению православных бабушек-трудниц к людям, нечасто бывающим в храме. Попадающий в музей человек понимает, что его здесь не ждали. Он мешает дирекции и хранителям в выполнении их «высокой культурной миссии», да и в решении более приземленных проблем, подобно тому, как и зашедший в церковь чужак мешает «профессиональным верующим» удовлетворять свои «религиозные потребности». Правда, в этом смысле у приходского духовенства есть определенное преимущество перед музейщиками: оно материально заинтересовано в каждом пришедшем и готово эту заинтересованность демонстрировать.

Изменение существующего положения дел состоит не в очередной коммерческой кампании по пресловутому «привлечению посетителя», а в том, что музей должен существовать для людей и люди должны это чувствовать. Музей должен быть рад каждому зашедшему под его кровлю; человек должен находить здесь радушный прием, готовность ответить на все вопросы, обрести специально для него приготовленные бесплатные буклеты, которые он сможет взять с собой, рассказывающие о хранимых здесь вещах. Музей должен стараться распахнуть для посетителя свои фондохранилища, дабы приобщить к своим тайнам и разубедить в том, что все здесь давно «разворовано». Человеку важно увидеть не только «выставки новых поступлений», но и то старое, что всегда хранилось здесь, но никогда не выставлялось. Тогда музей для него станет своим, а за его сохранение человек будет готов выйти на площадь. Впрочем, рассказывать «ученым женам» и «мужам», каков должен быть «их» музей — дело глубоко неблагодарное. Однако для страны было бы крайне желательно, дабы их представления совпали с ожиданиями общества. Это достигается не декларациями министерского и музейного руководства, а реальным изменением ситуации внутри музейных стен, что позволит понять всем, в том числе и православным, что происходящее здесь — в их интересах. И это дело не одного дня…

Без этой существенной внутренней реформы российской культуры новый закон о передаче в собственность религиозным организациям религиозного имущества не только будет принят в его наихудшем варианте, но и его реализация произойдет по наихудшему сценарию. Закон, по сути дела, предусматривает, что любая религиозная организация, вне зависимости от ее территориального расположения и истори-

ческих корней, может претендовать на любой памятник религиозной культуры, в том числе и из музейного фонда, лишь бы совпадала пресловутая «конфессиональная принадлежность». Никаких ограничений культурного и исторического характера не предусмотрено. История с Торопецкой иконой Матери Божией хорошо иллюстрирует такую опасность.

Идея создания согласительных комиссией, непосредственных переговоров между Церковью, музеями и органами охраны памятников в деле такой передачи представляется привлекательной, но бесперспективной. Патриархия не намерена вести переговоры по каждому конкретному случаю, как вообще не намерена вести диалог с обществом: ей гораздо проще договориться в «верхах» о безусловном проведении в жизнь общих норм будущего закона.

Единственной серьезной преградой на пути обсуждения этого законопроекта может стать требование одновременного принятия всех необходимых для его реализации подзаконных актов и прежде всего — положения о государственной историко-культурной экспертизе. Обязательность этой экспертизы должна быть прописана в новом законе как необходимое условие для принятия решения о передаче религиозным организациям памятников культуры.

Столь же неизбежным условием для принятия закона видится радикальная реформа системы охраны объектов культурного наследия в России: существенное расширение полномочий органов охраны, создание института общественных инспекторов с четко прописанными весомыми полномочиями и принятие специального закона об усилении уголовной и административной ответственности за повреждение, искажение и уничтожение объектов культурного наследия, который предполагал бы пропорциональную ответственность заказчика, подрядчика, исполнителя работ и соответствующего органа государственной власти за эти противоправные действия.

В противном случае судьба переданных РПЦ памятников культуры представляется печальной. Если уж сам патриарх считает, что главная цель церковной реставрации — это чистота и благолепие храмов, а не сохранение древности и старины как знак уважения к христианской истории, то позиция подведомственного ему духовенства не может выглядеть иначе.

За 20 лет церковной свободы РПЦ так и не создала ни одного серьезного церковного музея: существующие примеры напоминают рекламные акции по улучшению собственного образа в глазах общества.

За 20 лет не создан ни общецерковный орган, ни специальная служба РПЦ, которые бы системно, эффективно и качественно следили за церковной реставрацией и заботились о сохранении христиан-

ской древности: их отсутствие превращает в фарс любые церковные заявления о «важности научного подхода» к сохранению святынь в XXI в. и лишь доказывает, что иерархия действительно не видит связанных с этим сложных организационных и технических проблем.

За 20 лет РПЦ ни разу публично не выразила озабоченности массовым разрушением культурного наследия России; никто из архиереев или духовенства, замеченный в уничтожении церковной старины, не был примерно наказан. Более того, демонстративные обвинения русской интеллигенции в «иконоборчестве», прозвучавшие со стороны епископата после решения о скором принятии нового закона о церковной реституции и на фоне отказа от целенаправленного формирования позитивного образа музейной культуры в глазах верующих, внушают серьезные опасения за судьбу русской культуры…

Все выше сказанное — отнюдь не призыв осудить самую возможность для Церкви владеть памятниками истории и культуры России и молиться перед православными святынями. Эта книга — всего лишь повод задуматься, насколько процесс передачи РПЦ национальных святынь и исторических памятников является сегодня общественно целесообразным — в связи с множеством негативных тенденций в церковной и социальной жизни. Если читатель не увидел в происходящем ничего негативного, рекомендую перечесть эту книгу еще раз.

Быть может, лучшим решением вопроса на ближайшее будущее станет заключение общественного договора о сохранении неизменного музейного статуса общенациональных святынь и реликвий — вплоть до разрешения взаимных недоумений и претензий и установления мер взаимного доверия. Церковь должна осознанно и добровольно принять мысль о том, что ряд общенациональных реликвий и менее значимых памятников православной культуры должны остаться в музеях Российского государства.

Это будет настоящим свидетельством «меры возраста Христова», в который вступила современная православная община, а равно — показателем ее доброй воли в отношениях с обществом и государством, на которую и то и другое вправе рассчитывать. Сохранение таких святынь в национальных общедоступных музеях является закономерным итогом развития христианской Европы, развития, на путь которого Россия, как хочется думать, все же возвращается.

Оставив в стороне технические вопросы, выскажемся по существу: единственным необходимым и достаточным, на наш взгляд, условием возвращения Церкви ее реликвий и святынь является *создание и функционирование в России гражданского общества, где произвол священника, чиновника и собственника поставлен под общественный контроль*; где Церковь, восстановившая свои соборные начала, выполняет

евангельскую миссию в равноправном диалоге с окружающим миром; где решения о судьбе памятников принимаются не на основе эмоций и амбиций, а на основе адекватного толкования закона, здравого смысла и общественной пользы, что навсегда исключило бы использование церковной старины в современной России для решения сиюминутных экономических и политических проблем…

г. Санкт-Петербург

CHRISTIAN ANTIQUITIES IN MODERN RUSSIA

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA AT THE TURN OF MILLENNIUM

Summary

The book is dedicated to the complex study of the multilateral relationship between Russian State, Russian society, cultural institutions, especially museums, and Russian Orthodox Church in the field of restitution, use and protection of historical monuments and sites. The investigation deals with the positive and negative trends of the process, reasons of conflicts and potential monuments' safety threats.

The preface describes the problems and indicates the sources of research, including the data obtained from State and Church archives, mass-media and Internet publications and personal interviews with State and Church officials, museum employees, restorers, clergy and parishioners. Today the process of monuments transfer to religious organizations and control over their state is undergoing system crisis. It menaces cultural heritage safety and public stability. The situation appears as a multilevel conflict which is not limited to economic, political or ideological aspect, but reflects the cultural and aesthetic priorities of Russian society representatives and groups.

Chapter 1 analyzes historical process of ecclesiastical propriety origin and development both in Byzantium and Russia as corporate material goods and its secularization after 1917 with triggered the present day conflict. My intention is to show that ecclesiastical goods, including liturgical objects, according to the canon low, could be alienated if it seems appropriate for the broadly understood aims of Christian activity. Now, the fact of sacred art objects being kept at State museums and use of cathedrals and monastery complexes for the cultural purposes should be regarded as a special kind of Church mission. The demands of Moscow patriarchy for return of the museum collections in parish life menace the safety of masterpieces and social development. The every day use and reconstruction of antiquities for modern needs leads sometimes to its destruction

and impedes free access for citizens to cultural heritage. My conclusions show that hierarchy does not posses exclusive rights for management of diocesan and parish goods without agreement of parish communities. Local parish communities are currently very weak in Russia, and the absences of civil control leads to abuses in the field of the ecclesiastical propriety on the part of clergy. At the same time the privileges and payments received by Moscow patriarchy today should be regarded as redemption paid by the State for the former ecclesiastical propriety, and mass restitution of the ecclesiastical goods is not on the agenda.

Chapter 2 describes historical attitude of Russian Orthodox Church towards the antiquities and cultural heritage. The rise of large scale Christian movement in Russia 1850—1917 known as «ecclesiastical archeology» was a normal process in the formation of open society and presented special Church measures for the protection of cultural heritage. The activity of archeological societies which by 1917 numbered up to 60, the reasons of success and problems of this movement are systematized here. The establishing of Imperial Archeological Commission (1859) was the beginning of State control over historical monuments, including Church buildings and objects of art, but The Holy Synod functioneers always tried to use the ecclesiastical archeological establishment to avoid control. The special attention is given to acts of Russian Orthodox Church Council of 1917—1918 in the field of antiquities protection. Communist rule depriving clergy and Christians and transfer of ecclesiastical objects of arts in the State collection made grounds for several Church groups to regard museum and restoring activities as a special anti-Christian measure. This phenomenon should be regarded as one of reasons of modern conflict. In fact, Russian experience of museum activity and school of restoration in XX century does not contradict Christian tradition.

Chapters 3, 4, 5 and 6 deal with the chronology and analyze the events of 1988-2010 in investigated field including their sociopolitical background. In 1988—1990, in the course of «democratic wave», it was possible to speak about «restoration of historical validity and believers» rights». But since 1990, we can see two new trends: the aspiration of Moscow patriarchy to take control over the cultural situation and the use of restitution of Church property by government in political games. Historical events could fit the following scheme: 1988—1993 — the period of the populist restitution, 1994—2000 — the period of the controlled restitution, 2001—2005 — the period of the ideological and economic restitution. During 1990—2010 we counted 237 conflict situations between Moscow patriarchy and museums in Russian Federation. The period of 2002—2005 is marked by growth of the crisis situations and their extreme and extremist forms.

In this period the new government strategy is in search of financial flows for the restoration due to the position of Ministry of economic developments

and Federal agency on management of federal property that neglects the needs of cultural life. Alongside with this apart from economic aspect, as a result of ongoing democratic reforms, the transfer of the real estate and monuments to Russian Orthodox Church has got the political significance. Authorities grant material resources and means of influence to their main ideological partner and the Orthodoxy in a new fundamentalist version begins to play a role of national ideology in the society. For this purpose, the cultural heritage and its interpretation are transformed to conformity with political needs. It is obvious, that the main threat to monuments of religious culture today is connected not with their physical destruction, but with conscious purposeful changes of theirs cultural-historical shape that needs to be protected according to the law and historical memory. This process is in keeping with aesthetic and every day life preferences of modern orthodox mentality that, unfortunately, is shared by significant part of society and bureaucracy. It is necessary to note the aspirations of several social groups, namely clergy and functionaries, to change the national legislation in the area of protection of cultural heritage.

The controversy between the Moscow patriarchy and museums on the status of former ecclesiastical propriety and the right of possession of sacred art objects could not be regarded only as the argument based on interest of owners. Museum community really worries about the status and safety of monuments and sites. The situation in this field is unfavorable today and its development was influenced by following objective factors. Among the political factors I note the contradictions between the representatives of federal and regional authorities, so-called «parade of sovereignties» in Russia, when the church buildings were transferred to the Church without previous consultation with Ministry of culture specialists.

In 2010 a new law is being drawn up on the restitution of ecclesiastical property including cultural monuments of federal importance which privatization is strictly forbidden. According to governmental representatives, the state is getting rid of its Soviet heritage in terms of confiscated church property but it is not restitution itself, only a goodwill gesture. According to experts this project may only legitimate the chaotic privatization of masterpieces of Orthodox art by religious communities without any cultural heritage protection and civil control over using of monumental architecture that could lead to its loss and inaccessibility for non-religious people.

In the same time Russian government in 2001—2010 tried to use the moral authority and propaganda opportunities of the Moscow patriarchy for the support of internal and foreign policy in exchange for property return. On social lifelevel there exists public pragmatism which gives preference to instant economic benefit over complex and expensive actions on cultural heritage objects preservation. At the same time there exists the loop of law in the sphere of protection and use of monuments and sites. Today in Russian Federation we can

see degradation of monument protection system and lack of personal responsibility of officials for such protection. Unfortunately, the museums in Russian Federation are a close and inert system; they are incapable of preventive measures dealing with religious organizations. They are equally incapable of old-fashioned expositions re-structuring and of involving the public, including Christian, in their activity.

The situation inside Russian Orthodox Church also aggravates the state of monuments and sites and threatens its safety. The Moscow patriarchy aspires to establish leader positions in the society and effectuates so-called «new Christianization» using in its activity the principal and outstanding monuments of culture. At the same time the ordinary believers show selfish and irresponsible aspiration to satisfy theirs religious needs without any responsibility monuments protection. I note that clergymen and laymen desire to assert through the return of monuments as a way of revenge to art workers for the expropriation of the Church property in XX century and the aims for the self-affirmation through refusal to follow recommendations of experts. In the Church grows the pragmatism, which opposites of the attitude towards Christian monuments as a form of Holy Tradition that belong to the historical Orthodoxy. The situation is influenced by mass fall of cultural and educational background of clergymen and laymen in Moscow patriarchy. The ideological transformation, theological mutation and changes of religious behavior as a result of neo-conservatism and acculturation also lead to the transformation of monuments and sites. The actual public and state control over religious organizations activities does not exist. I have to mention the wide spread system of corrupted relations between culture experts and heads of the religious organizations, who justify the actions of such organizations aimed at destruction or deformation of monuments. The religious minorities in present Russia as a whole try to respect the law on monuments protection; but Moscow patriarchy counting on the support of authorities dares violating existing norms. The deplorable situation with the protection of monuments and sites, used by religious organization, reflects the general state of cultural heritage protection and its use in Russian Federation, but bears some specific features.

Chapters 7, 8, 9 and 10 describe most typical situations in the area of culture monuments transfer to the religious organizations and their protection. I have chosen the main problem regions such as Novgorod, Kostroma, Ryazan, Jaroslavl, Rostov, Solovki, Valaam, Astrahan, Moscow and Saint-Petersburg. The most dramatic episodes and conflicts around the Vladimir icon (1993—1999) and Trinity icon (2008-2009) in Tretijakov gallery, Toropec icon in Russian Museum (2009), Trinity-Sergius monastery of the Moscow region (1992—2001), Ipatius monastery in Kostroma (1993—2005), Assumption church in Kadashi in Moscow (2004), Yaroslavl's temples (2005), the Ryazan Kremlin (2004—2005) are described in detail. Problems occur in New Jerusalem mon-

astery (Moscow region), Trinity cathedral and Miroza monastery in Pskov, Epiphany monastery (Kostroma), Aleksander-Svirsky and Tihvin monastery (Leningrad region) and in others places. Even the cases of physical abuse of experts working there made by monks are observed (Zeleneckij monastery, Leningrad region, 2004). One of the most scandalous cases is the demolition of several monuments of wooden architecture by local archbishopric including «house of Peredolskij» (XIX century) and dangerous and illegal situation at St. Sophia cathedral in Novgorod.

Activity of hierarchy aimed at property return increases when any anniversaries approach and when it is very probable to receive substantial state financing (1000 anniversary of Yaroslavl, celebrating of 400 anniversary of the dynasty of the Romanovs in Kostroma). The situation is characterized sometimes by «postponed conflict» when unresolved problems fade into the background and threaten to turn back as serious shocks. All these processes take place against the background of the weakness of the civil society. The professional associations set up especially for protection of monuments and sites are very unstable, an example — Novgorod society of the amateurs of Antiquity (since 1999). The All-Russia society for monuments protection (since 1965) has turned into conformist establishment. The Orthodox intellectuals commonly depend on the hierarchy position. The most consecutive fighters for protection of cultural heritages are the political organizations as they consider this action as a part of their political activity in general. A very good example is the position of regional branches of parties «Yabloko» and Union of Right Forces in the conflict around Ipatius monastery in Kostroma (2004—2005).

At the same time I revealed a number of positive tendencies. They concern those establishments of culture where the management takes up the initiative in relations with the religious organizations. In this case the church life is harmoniously enters museum activity. I can mention the Tretiakov State Gallery (Moscow), the museum of the Moscow Kremlin, Pavlovsk memorial museum-estate (Leningrad region), memorial museum-estate of Kizhi (Karelia). Here it is necessary to note the existence of an insignificant layer of the intelligent orthodox clergy who are capable of responsible behavior towards cultural heritage. Unfortunately, the sanction of conflicts depends on the personal relations and not on the social legal mechanisms.

Chapter 11 is devoted to religious aspects of the problem. The chapter characterizes today's theological thought in Moscow patriarchy, analyses social concept of Russian Orthodox church-2000 and estimates the theological innovations in the field of icon painting and church art. The reasons of such theological mutation are connected to the process of acculturation. Special attention is paid to the process of myth-making in modern Church mentality, to the occurrence pseudo-relics (Alexander Svirsky, etc.) and pseudo-miracles (Holy Fire of Great Saturday in Jerusalem, etc.). These phenomena play a great role in

the transformation and re-interpretation of cultural heritage. The idea of contradiction between traditional Christian values and modern fundamentalism values is emphasized. The basic conclusion is as follows today the religious organizations fail to maintain efficiently transferred culture monuments, despite previous historical tradition.

Present research allows us to reveal the specificity of the modern Orthodox Church fundamentalism in Russia. According to the conclusions of Chicago Fundamentalism Projects (1995) this phenomenon consists of the aspiration to overcome the secularization by means of totalitarian system construction using modern social and technical progress. This movement usually opposes the society, state and hierarchy. But in Russia fundamentalism is headed by the hierarchy, supported by political elite and is in tune with the mentality of significant part of society. The use of cultural heritage plays the predominating role in Russian Orthodox Church fundamentalism, and its characteristic mark is the rejection of pluralism in the field of interpretation of historical tradition.

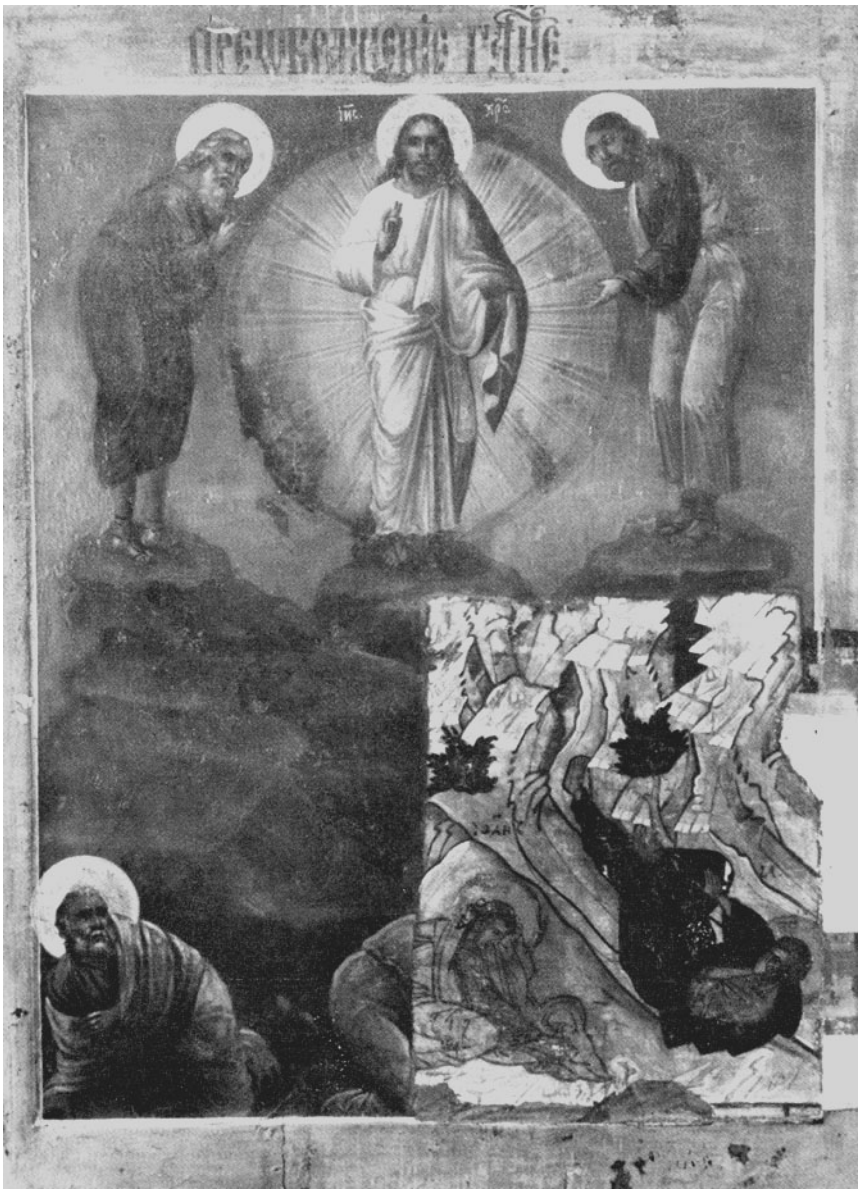
The conclusion sums up the research and forms the possible recommendations directed on the formation of civil stability and creation of effective system of protection of monuments and sites. In conditions of inevitable globalization, the cultural heritage of each nation will get special value as main marker, capable to reveal the unique spirit of a nation. The international system of monitoring of monuments and sites transferred to the religious organizations, could become positive factor of preservation of cultural heritage in Russia. This question should enter into sphere of the attention of UNESCO, ICOMOS, PACE and «International Religious Freedom Report» of State Department of the USA: the religious-motivated violence exist side by side with the religious-motivated transformation of cultural heritage and restriction of free access to monuments and sites, that menaces the religious freedom and human rights.

The individual research project «The transfer of historical monuments to the Moscow patriarchy in Russia 1990—2005. Problems of the preservation of cultural heritage in condition of orthodox fundamentalism and the prospects of their resolution in the framework of civil society» was carried out with support of John D. and Catherine T. Macarthur foundation. I highly appreciate the foundation's support of my research and thank all people who contributed to my investigation and publishing this book.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава I. Анамнезис: история болезни. 19
Глава II. Церковь и древность: два окна 41
Глава III. Радужные надежды и первые разочарования: 1990—1992 102
Глава IV. Годы великого перелома: 1993—1995 131
Глава V. Эпоха «нового застоя»: 1996—1999. 148
Глава VI. В поисках нового курса: 2000—2010 156
Глава VII. Новгородские вольности 240
Глава VIII. Берендеево царство 281
Глава IX. Московские этюды 303
Глава X. Кремлевские тайны 353
Глава XI. Святые немощи. 388
«Что происходит?» Вместо заключения 428
Summary 450
Иллюстрации 457

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Одно Преображение — две культуры — так это евангельское событие видели в XVI и XIX вв.

Трудная судьба Владимирского образа Божией Матери. XI—XX вв.

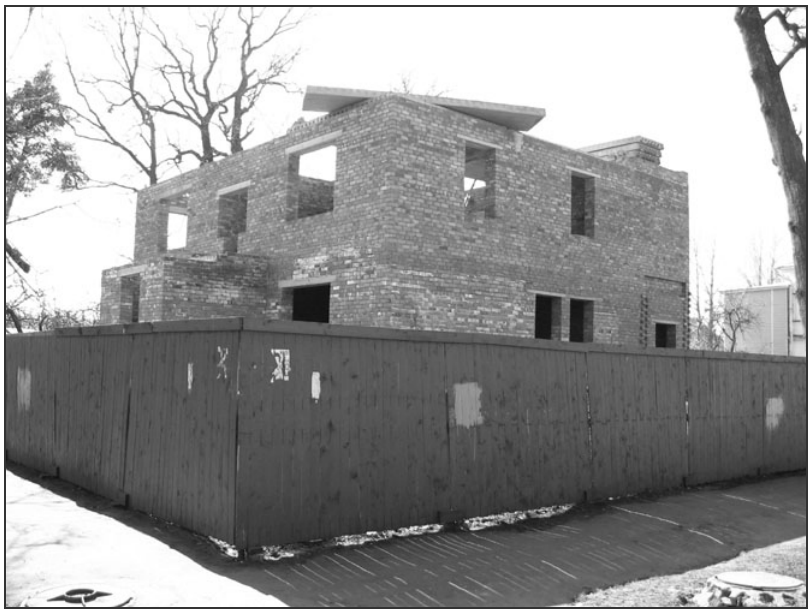
Сбережение «благородных руин» некогда было православной традицией. Крест XIX в. на месте фундамента Спасской церкви XII в. в Старой Ладоге

«Пустые споры между людьми поврежденного ума... которые думают, будто благочестие служит для прибытка» (1 Тим. 6:5). На месте разрушенного храма 1670 г. монастырская братия построила доходный дом 1907 г. Богоявленский монастырь в Москве (начало XX в.)

Дом Передольского (1900 г.) до (1980-е гг.) и после (1994 г.) передачи его Новгородской епархии

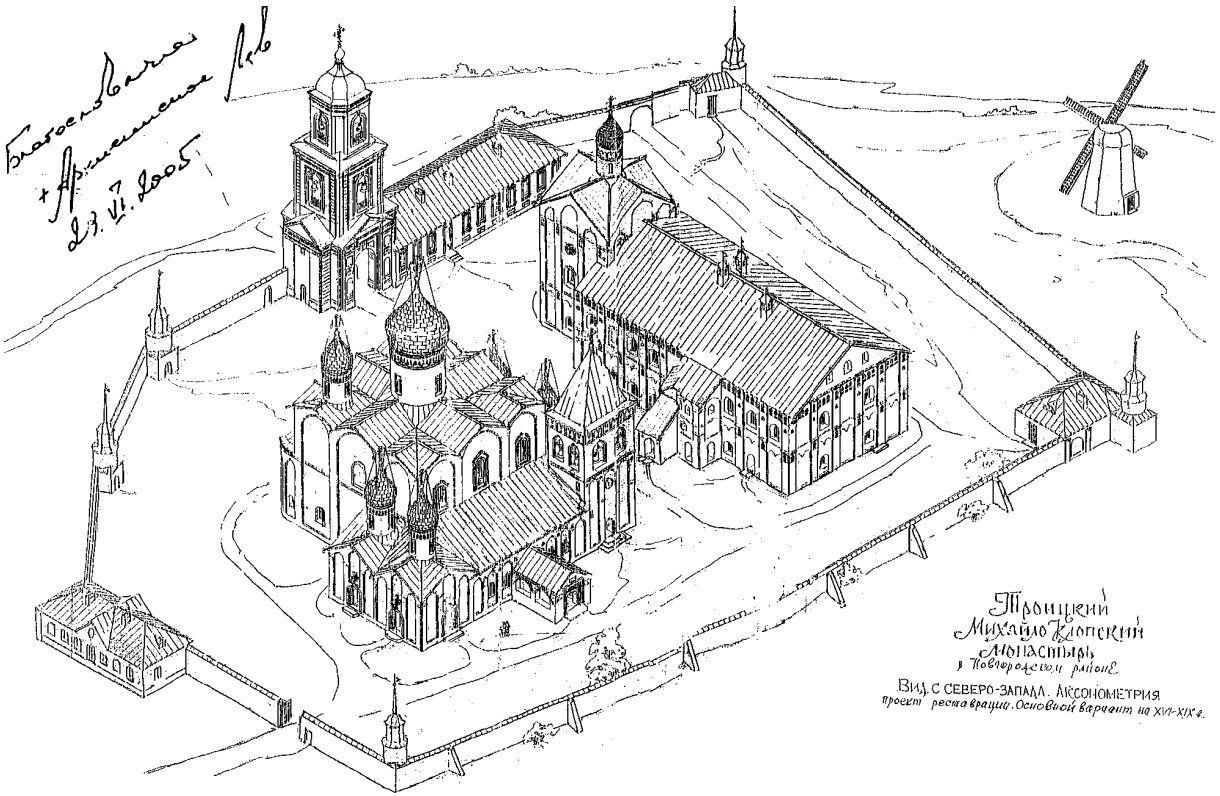
Воронка от «культурного взрыва». Пикет членов Общества любителей древности «на костях» дома Передольского. 2001 г.
Фотография Петра Гайдукова

Союзник Новгородской епархии — ООО «Инжстрой» уже «отметилось» на церковных памятниках. Церковь Св. мч. Мины в Старой Руссе (XV в.) и останки ее прихожан после «реставрации». 2005 г.

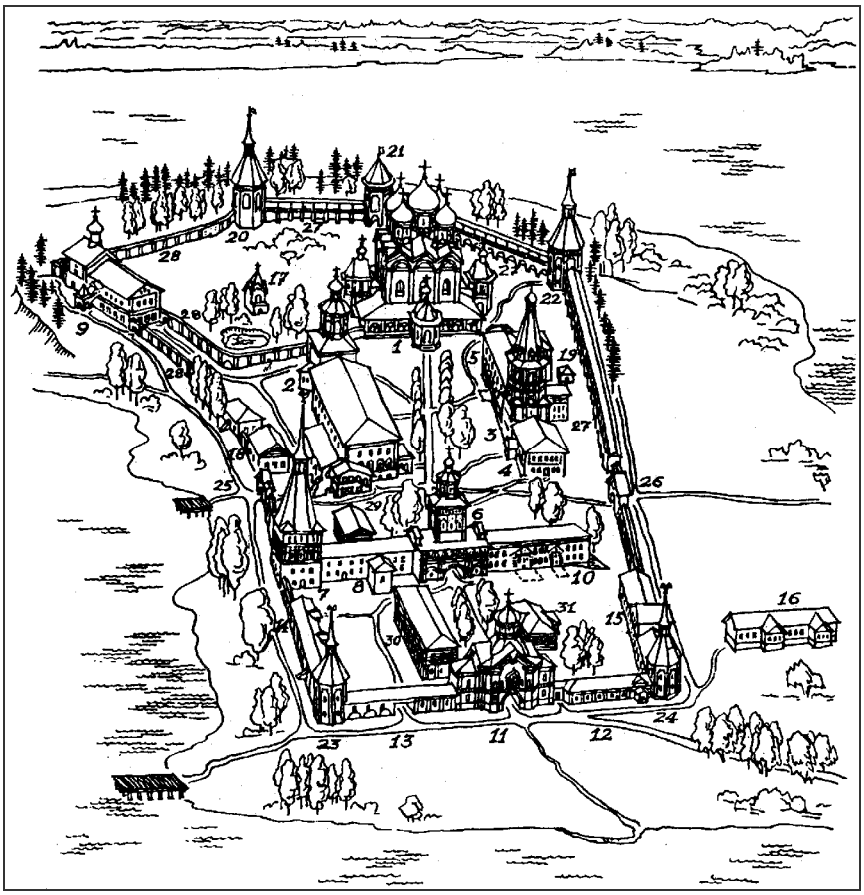


«Памятник Передольскому» в подарок новгородцам. Заказчик — епархия, подрядчик — ООО «Инжстрой». 2006 г.

Часовня на сопке — возможной могиле предков прп. Варлаама в Хутынском монастыре: и святыня, и торговая точка, и место отдыха паломников. 2006 г.

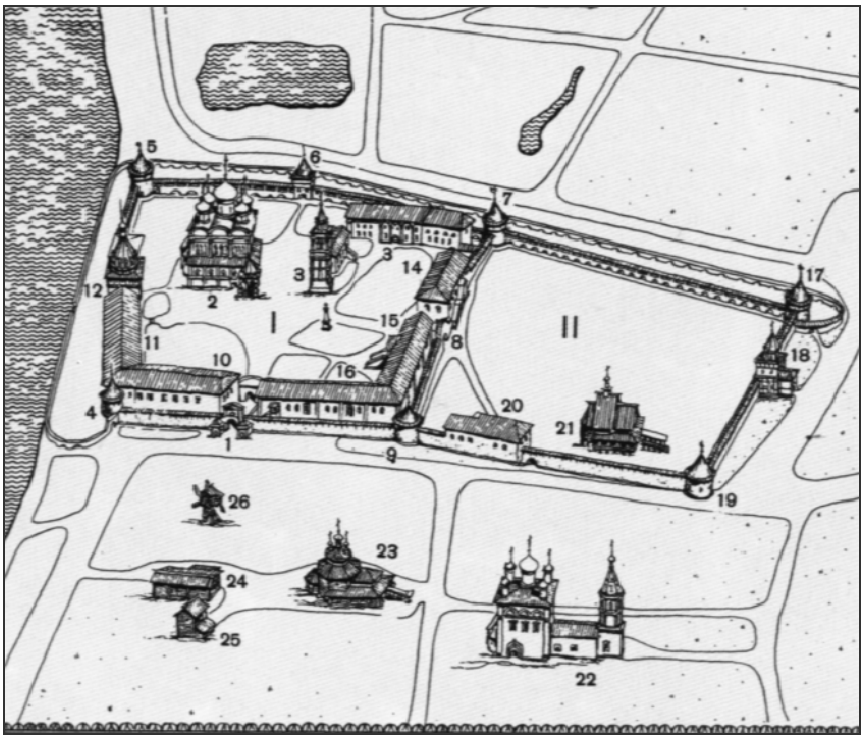


Архиерейское благословение против мнения Федерального научно-методического совета.
Кто победит? Проект реставрации Михаило-Клопского монастыря. Автор Нинель Кузьмина



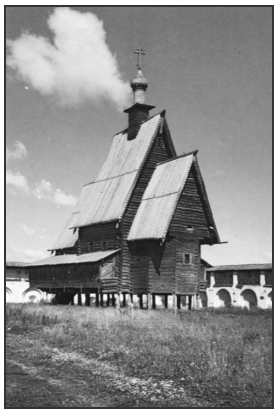
Иверский монастырь на Валдае (XVII в.): после церковно-государственной реставрации не все осталось на своих местах:

1 — Успенский собор — живопись в алтаре нуждается в новой реставрации; *2* — трапезная Богоявленской церкви; *3* — колокольня; *4* — наместничий корпус; *5* — настоятельский корпус, частично разрушен; *6* — надвратная церковь Св. Михаила Архангела; *7* — Михайловская башня; *8* — казначейский корпус; *9* — церковь Св. Иакова Боровического с трапезной и больницей; *10* — братский корпус, уже требует новой реставрации; *11* — надвратная церковь Св. митрополита Филиппа; *12* — гостиничные кельи; *13* — конюшенные кельи; *14* — конюшни с сенником; *15* — странноприимный корпус; *16* — корпус коровьего двора; *17* — часовня; *18* — баня и прачечная; *19* — ледник; *20* — Квасоваренная башня; *21* — башня на Кузнечных воротах; *22* — Юго-восточная башня; *23* — Конная башня; *24* — Странноприимная башня; *25* — Северные ворота, частично снесены; *26* — Южные ворота; *27*, *28* — ограда; *29* — хлебный амбар, снесен; *30* — северный гостиничный корпус; *31* — южный гостиничный корпус, снесен



Ипатьевский монастырь в Костроме (XVI—XVII вв.): можно легко вычислить этапы «недружественного поглощения» Музея епархией:

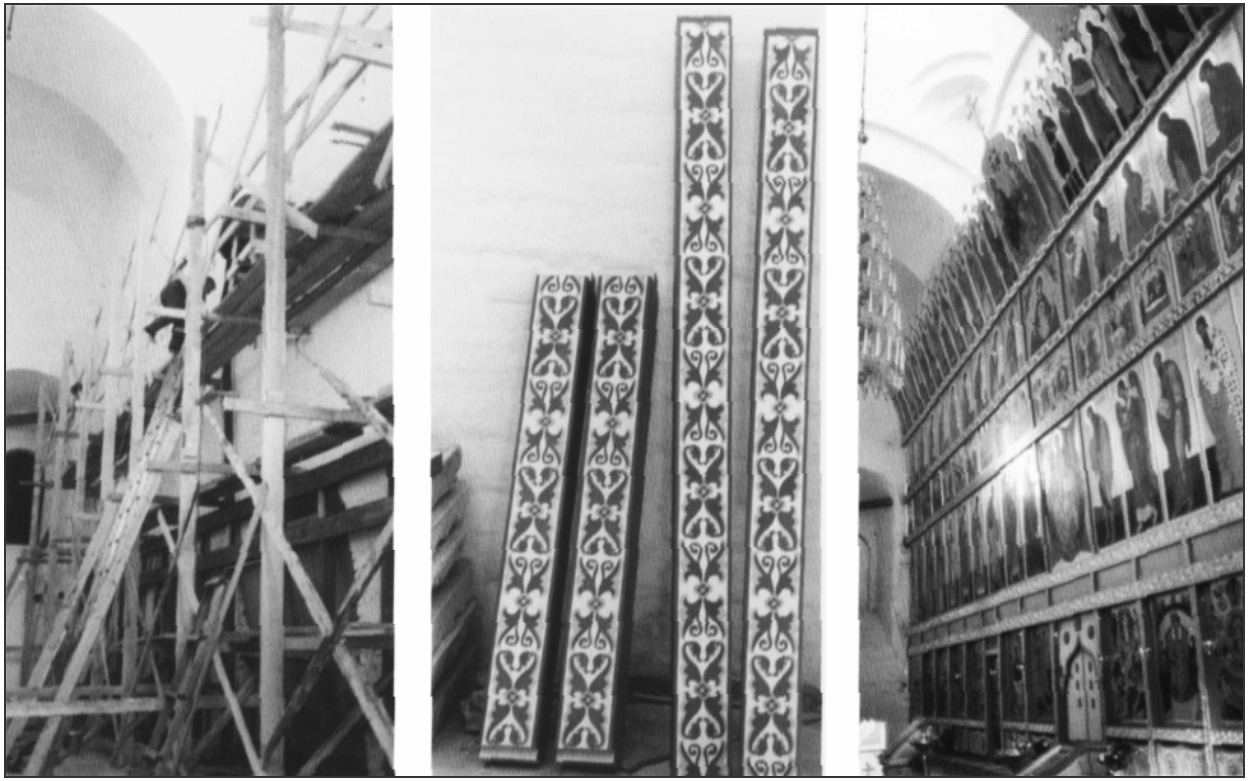
I — Старый город; II — Новый город. *1* — въездные ворота Старого города; *2* — Свято-Троицкий собор; *3* — звонница; *4* — Пороховая башня; *5* — Водяная башня; *6* — Воскобойная башня; *7* — Квасная башня; *8* — западные ворота Старого города; *9* — Кузнечная башня; *10* — настоятельский корпус; *11* — архиерейский корпус; *12* — церковь Свв. Хрисанфа и Дарьи; *13* — свечной корпус; *14* — кельи над погребами; *15* — палаты бояр Романовых; *16* — братский корпус; *17* — Юго-западная башня Нового города; *18* — Зеленая башня; *19* — Северо-западная башня; *20* — вотчинная контора; *21* — Преображенская церковь из села Спас-Вежи; *22* — церковь св. ап. Иоанна Богослова в Трудовой слободе; *23* — церковь во имя Собора Пресвятой Богородицы из села Холм Галичского района; *24* — дом Ершова из деревни Портюг Межевского района; *25* — овин из деревни Пустынь Костромского района; *26* — ветряная мельница из деревни Малое Токарево Солигаличского района



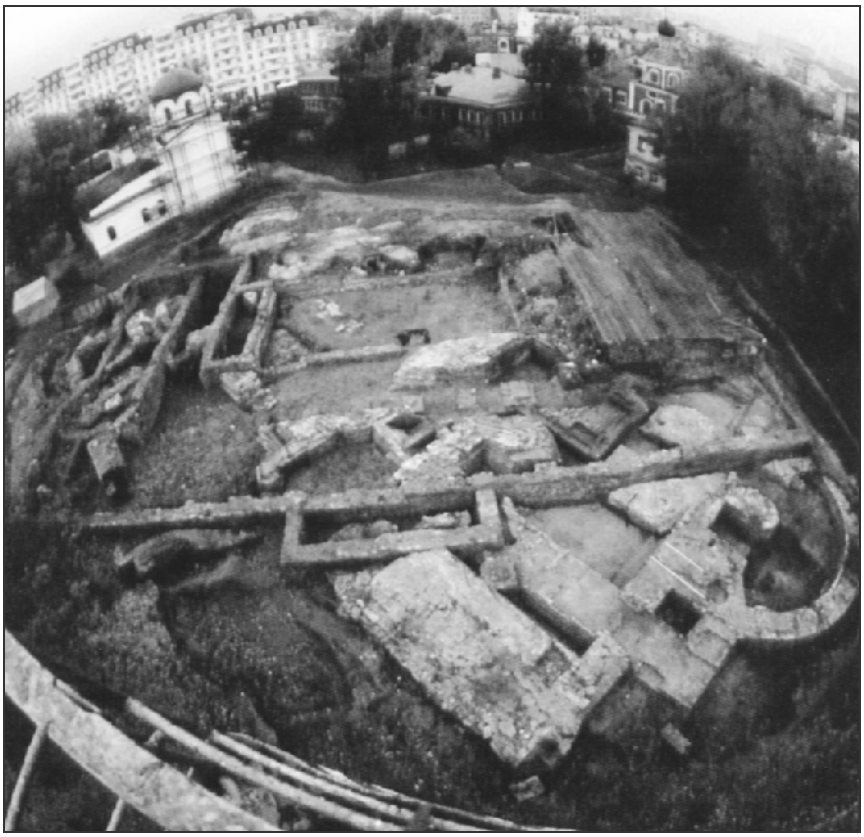
Преображенская церковь из села Спас-Вежи (1713 г.—4 сентября 2002 г.) и ее гибель. Стены Ипатьевского монастыря до сих пор хранят память о ней. 2005 г.

С этими плакатами костромичи выступили на защиту св. Ипатия. Одна из организаторов пикета Нина Терехова в местном отделении партии «Яблоко». 2005 г.

Итоги церковно-музейной реформы: Костромской музей-заповедник. 2005 г.

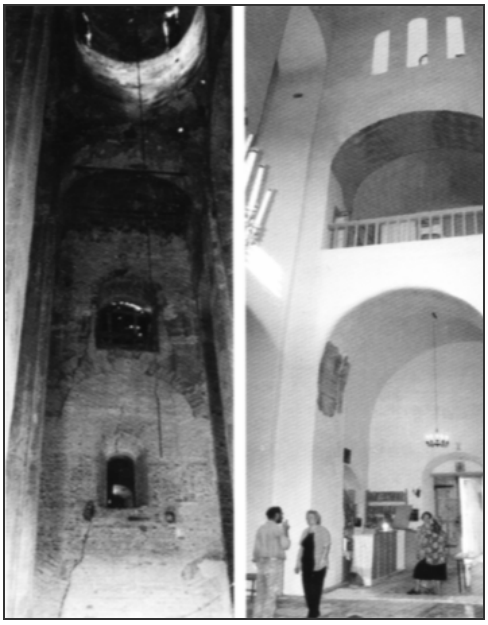


Новый Соловецкий иконостас (XXI в.) не имеет никакого отношения к древнему монастырю (XVI в.). 2002 г.
Фотография Михаила Мильчика



«Церковно-археологические» раскопки в Зачатьевском монастыре
можно считать образцовыми. Москва, 2003—2005 гг.

Существующее отношение к иконе со стороны некоторых православных беспокоит думающих церковных людей. Обложка брошюры. 2001 г.



Не все попало в кадр после реставрации храма Св. Михаила Архангела
в Смоленске (XII в.). Западная стена на официальной фотографии
и в действительности. 2005 г.

В Церкви бывает и по-другому. Мемориальная надпись царицы Кахетии Елены (XVII в.) на стене Никольской церкви в Иерусалимской патриархии до и после уничтожения ее «неустановленными лицами». По требованию грузинской общественности она была восстановлена патриархом Иринеем еще до вмешательства «археологической полиции» Израиля. 2002 г.

Не за этой ли иконой скрывается негасимая лампада,
от которой зажигают «благодатный огонь»?
Фотография М. Биддла

Кувуклия храма Гроба Господня в Иерусалиме.
Фотография М. Биддла